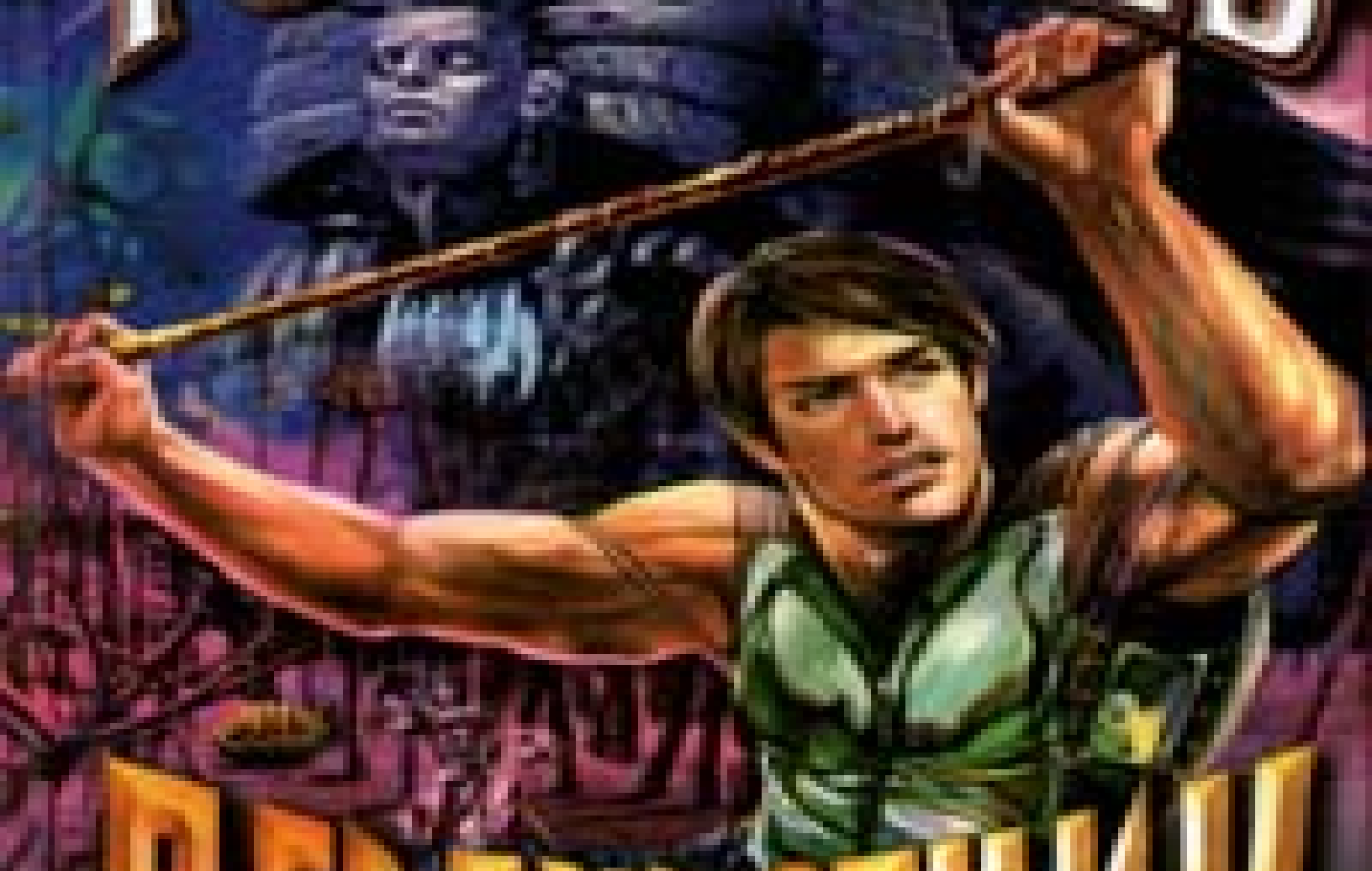

ПРОДАКШН
ГРУППА

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ПЕРЕСХВАТЧИК

ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Annotation

Матвей Соболев, офицер контрразведки, вступает в борьбу с системой криминального беспредела, захлестнувшего страну. Путь «кулака и меча», избранный им против врагов, самый эффективный: на зло он отвечает злом, на насилие ответным насилием. Но что он сможет противопоставить самому Монарху Тьмы?

- [Василий Головачев](#)
 - [«КОРОЛЬ УМЕР – ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!»](#)
 - [МЫ ЖИВЫ!](#)
 - [ОМОН-РЭКЕТ](#)
 - [«ГОСУДАРСТВО – ЭТО Я!»](#)
 - [ВЗГЛЯД В СПИНУ](#)
 - [БАТОНЫ НАРЕЗНЫЕ 45 КАЛИБРА](#)
 - [МЕЛКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ](#)
 - [НАЙТИ!](#)
 - [ПИРАМИДЫ И ЗАСАДА](#)
 - [СЮРПРИЗ](#)
 - [ФЕРМЕРЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!](#)
 - [«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»](#)
 - [CONSERVUS](#)
 - [КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ](#)
 - [«ЛЕЧЕНИЕ» КРИСТИНЫ](#)
 - [ИЩИТЕ ЗАКАЗЧИКА](#)
 - [ЗАЩИТА «РЮРИКА»](#)
 - [ВЫЗОВ КОНКЕРЕ](#)
 - [ЗАЩИТА «РЮРИКА» \(продолжение\)](#)
 - [ПЕРЕСЕЧЕНИЕ](#)
 - [ХРАНИТЕЛЬ](#)
 - [СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ](#)
 - [СОПРОТИВЛЯТЬСЯ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО](#)
 - [КОНКУРЕНТЫ](#)
 - [СОПРОВОЖДЕНИЕ ЦЕННОГО ГРУЗА](#)
 - [ДОРОГА К ХРАМУ](#)

- ЛИКВИДАЦИЯ
- ВСТРЕЧНЫЕ ПЛАНЫ
- ПОМОГИ ТЫ – И ПОМОГУТ ТЕБЕ
- «СМЕРШ» ПЛЮС
- ПРОВОДНИК УЧИТЕЛЮ НЕ ТОВАРИЩ
- «ККК» CONTRA «РКК»
- ПЕРЕДАЧА ЗАПРЕЩЕННОЙ СИЛЫ
- ИНИЦИАЦИЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
- ШТУРМ «БАРСА»
- РАЗБОРКИ НА ВЕРХНИХ ЭТАЖАХ
- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
- ПРИОБЩЕНИЕ К ТАЙНЕ
- ПЛАЧ ПО ПРОКУРОРУ
- ПОСЛЕДНИЙ СОН
- ПЕРЕКРЕСТНАЯ ПОДГОТОВКА
- СОЮЗ ДЕВЯТИ НЕИЗВЕСТНЫХ
- ОПЯТЬ «ГРОЗА»
- УЛЬЯНА МИТИНА
- ПЕНА ПЕРВОЙ «ВОЛНЫ ВЫКЛЮЧЕНИЯ»
- НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ
- «ВОЛНА ВЫКЛЮЧЕНИЯ»-ДВА
- ПОПЫТКА ЗАДЕРЖАНИЯ
- РАНДЕВУ С ХРАНИТЕЛЕМ
- ТЫ НАС НЕ БРОСИЛ!
- МИР ВОЗБУЖДЕННЫЙ
- СУДНЫЙ ДЕНЬ

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
-

Василий Головачев
Перехватчик

«КОРОЛЬ УМЕР – ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!»

Они собрались на квартире Завьялова – трое бывших комиссаров «Стопкрима»: Герман Довлатович Рыков, начальник информационного бюро Управления «И» Федеральной службы безопасности (бывшей ФСК), сам хозяин, покинувший пост референта премьера, и Владимир Эдуардович Боханов, сохранивший за собой кресло президента в Центре нетрадиционных технологий при Академии наук. Не было Графа, то есть Горшина, исчезнувшего после страшного штурма базы генерала Ельшина, и не явился Музыка Глеб Максимович, который, по сведениям Рыкова, ушел на пенсию из службы обеспечения МУРа.

Никто из них, включая Рыкова, не знал толком, что произошло на даче генерала.

Ужасные события тех дней: гибель десятков людей, руины, оставшиеся на месте комплекса зданий, таинственное исчезновение двух звеньев военных вертолетов с десантными подразделениями и полным боекомплектом – все это не вызвало никакого общественного резонанса. Никто так и не узнал об этих трагических происшествиях! А из тех, кто знал, одни были предупреждены компетентными органами об уголовной ответственности, другие изолированы, третьи просто тихо исчезли, как и вертолеты.

Почти столь же тихо, без особой помпы и обсуждений в прессе, прошел кризис власти, связанный с вышеуказанными событиями. Ушли в отставку премьер со своими заместителями, министр обороны, министр внутренних дел, несколько человек из Совета безопасности, директор Федеральной службы контрразведки, реорганизованной в службу безопасности, и тьма «ответственных лиц» рангом помельче. Но на смену им пришли такие же чиновники, воспитанные той же системой, и в жизни государства ничего не изменилось. Новый президент, выбранный из старой номенклатуры, естественно, обещал «скорое преодоление кризиса», но разве мог он решить главную проблему страны – проблему криминального беспредела, созданную коррумпированным снизу доверху аппаратом?..

Но речь об этом на совещании комиссаров не шла. Собрались они по просьбе Рыкова и теперь болтали, поглядывая на него с интересом и потягивая из стаканов и бокалов кто что любил: Боханов – пиво, Завьялов – горьковатый тоник, Рыков – кока-колу. Вечер выдался полетному теплым, но лишь на Завьялове была рубашка с короткими рукавами и джинсы, остальные явились в костюмах: Рыков – в коричневом, с желтым галстуком, Боханов – в темно-синем.

Первым не выдержал Владимир Эдуардович:

– Ну, долго будем переливать из пустого в порожнее? Что ты хотел сообщить, Герман?

– Я хотел предложить работу. – Рыков допил колу и взял горсть орехов. – Пора выходить на «тропу войны».

– Я думал, мы наигрались в солдатики, – фыркнул Боханов. – Что тебя разобрало? Не пора ли констатировать, что война с мельницами не увенчалась успехом?

– С мельницами – возможно, но борьба с преступностью – наш долг. Нельзя терпеть нынешнее положение вещей, при том что в наших силах изменить обстановку. Я и так собрал вас позже, чем следовало, не надо было ждать, пока свершится «великая криминальная революция». Вы же видите, что происходит. Ушли почти все лидеры, но ничего не изменилось! Система рождает новых преступников. Я имею в виду лидеров. Выдавила из себя, это же как зубная паста из тюбика: стоит только нажать – и готово! Новый червячок появляется на свет!..

Завьялов с любопытством глянул на всегда сдержанного и тихого Рыкова, у которого заблестели глаза и выступил румянец на щеках.

– Довлатович, ты стал красиво говорить!

– В стране царит государственно-бандитский беспредел, – закончил Рыков. – Бороться против него можно только жестокостью. Преступник должен знать, что за все он заплатит своей смертью. Причем без судебной волокиты, сразу после совершения преступления.

– Я всегда это говорил, – кивнул Боханов. – Но что мы можем втроем? Вон даже Глеб Максимович решил отмежеваться. Кроме того, раньше с нами был Граф.

– Что касается Музыки, то он порекомендовал, кем его заменить. С Графом нам, конечно, работалось легко, но и на его место можно

подыскать перспективного человека.

– Но у нас потеряна связь с исполнительной сетью.

– Не совсем. – Рыков прожевал орехи и запил тоником. – Я сохранил свою ветвь целиком, да и у Музыки кое-что осталось в резерве. Восстановим.

– А кого рекомендует Глеб Максимович? И главное: кто же все-таки заменит Графа? Я лично не знаю специалиста такого уровня.

– Стоп, коллеги, – поднял руку Завьялов. – Чтобы потом не гонять меня по буеракам, ни слова больше. Я выбываю из игры и прошу вас продолжать обсуждение без меня. Так будет лучше для всех вас. Да и для меня тоже. Любые консультации – пожалуйста, тут я к вашим услугам, но о конкретных предложениях давайте потом, когда я уйду.

Боханов крикнул, потер себе шею сильной ладонью, на взгляд Рыкова ответил пожатием плеч.

– Я в общем-то тоже не горю желанием начинать все сначала, но, если предложения будут действительно интересные, подключу свой аппарат.

Рыков погасил в глазах упрямый огонек и кивнул Завьялову.

– Что ж, у каждого свой выбор. Жаль, что вы отказываетесь, Дмитрий Васильевич, я привык видеть вас во главе.

В последних словах Рыкова чувствовалась некоторая неискренность. Вместо ответа Завьялов только развел руками. С кем бы Завьялов меньше всего хотел иметь дело, так это с бывшим комиссаром-2.

Рыков встал.

– Придется мне крепко подумать, стоит ли начинать войну ослабленным составом. А как вы думаете жить дальше, Дмитрий Васильевич? Вы ведь вообще ушли из аппарата премьера?

– Выживу, – встал и Завьялов. – Я юрист, работу будет найти нетрудно.

– Ну что же, удачи вам!

В машине Боханова Рыков, помолчав немного, сказал:

– Он оказался слабее, чем я думал. Если организация возродится, он станет опасен.

– Пусть живет как хочет, – нажал на газ Боханов. «Тойота» плавно тронулась. – Так что, сворачиваем план?

– Наоборот, раскручиваем дальше! Завьялов всегда был слишком интеллигентен для роли комиссара «Стопкрима». А уж для должности координатора он тем более не годится!

– Насколько я понимаю, лидер теперь ты?

– Нет, есть кандидатура помощней. Приезжай завтра к Музыке.

– Ты же говорил, что он вышел из игры.

– На одно из кресел в «Чистилище» претендует его зять. В девять вечера, не опаздывай. Высади меня на углу.

Боханов свернул в Староконюшенный, остановился и долго смотрел вслед Рыкову, пока комиссар-2, худой и невысокий, как подросток, не растворился в серой толпе.

Вторая встреча комиссаров разительно отличалась от первой.

Кроме Боханова и Рыкова, на ней присутствовали еще трое, все в костюмах, но друг на друга совсем непохожие. Самый старший – на вид ему исполнилось лет шестьдесят – слегка напоминал Музыку тяжелым и властным лицом, бровями, осанистой фигурой. Двое других были моложе едва ли не вдвое. Один – небольшого роста, белобрысый, уверенный в себе, подвижный и резкий, по виду – бывший, а может, и сейчас еще спортсмен. Второй – высокий, широкоплечий, темноволосый, с невыразительным, но умным и в некоторые моменты каким-то хищным лицом – напоминал охотника в засаде, готового в любую секунду применить оружие. Будучи хорошим психологом, Боханов сразу отметил эту особенность в облике незнакомца.

– Знакомьтесь, – сказал Рыков, закрывая дверь в гостиную. – Боханов Владимир Эдуардович. А это – главный консультант управляющего администрацией президента Прохор Петрович Бородкин. – Кряжистый тяжелолицый гость кивнул, мельком глянул на Боханова, продолжая изучать картину на стене. – Шевченко Валерий Егорович, вице-президент «Барса» ^[1].

Белобрысый подошел скользящим шагом и протянул Боханову руку.

– И, наконец, Дмитрий Олегович Громов, полковник, главный военный эксперт Комитета по новым военным технологиям при Министерстве обороны.

Высокий гость сверкнул глазами, коротко поклонился и снова превратился в задумчиво-добродушного здоровяка. Вряд ли кто теперь

увидел бы в нем охотника, ждущего добычу. Именно он и оказался зятем Музыки.

Присутствующие расселись возле круглого стола с шампанским и напитками, и после недолгого взаимного разглядывания Рыков начал:

– Все здесь знакомы в общих чертах с деятельностью «Чистилища», поэтому вводить в курс дела я вас не буду. Предлагаю возобновить работу нашей организации, сменив вывеску на более благозвучную.

– «ККК», если хотите. То есть «Команда контр-крим». По-моему, звучит неплохо.

– Подумаем, дело не в названии, – заметил Рыков.

– Герман Довлатович, нас здесь пять человек, – сказал Боханов, – то есть пять комиссаров. Так вот, давай-ка начнем сразу с главного – с распределения кресел, чтобы знать обязанности каждого. Я думаю, прежде чем собрать нас, ты все продумал.

– Именно с этого я и собирался начать, – тихим бесстрастным голосом ответил Рыков. – Шевченко Валерию Егоровичу отводится роль комиссара-5, начальника службы безопасности «СК» [\[2\]](#)... э-э... нашей будущей организации. Кроме того, он будет набирать исполнителей.

Вице-президент Ассоциации ветеранов спецслужб посмотрел на всех выжидательно, хотел что-то сказать, но Рыков уже представлял следующего кандидата:

– Прохору Петровичу предлагается занять пост комиссара-3, ему будет подчиняться сеть гранд-операторов [\[3\]](#) и спикеров [\[4\]](#) по работе с высшим эшелонem властных структур. Плюс кадровая политика в отношении самого корпуса спикеров. Я остаюсь комиссаром-2: разведка и сбор информации, наведение на цель. Ты, Владимир Эдуардович...

– Комиссар-4, как и прежде? То есть компьютерное обеспечение, разработка операций? Не возражаю. Таким образом, комиссар-1, то бишь координатор, – господин из Минобороны?

Глаза Громова, не то серые, не то зеленовато-голубые, снова сверкнули, но сдерживать себя он умел.

– Да, роль координатора я предлагаю отдать Дмитрию Олеговичу, – сказал Рыков. – По многим причинам. Во-первых, именно он инициатор возобновления работы «Чистилища». К тому же

в Минобороны он руководит структурой, которая... э-э... негласно финансирует проекты со степенью «четыре нуля».

– Годится! – кивнул Боханов, сразу сообразив, насколько Громов будет полезен организации. По-видимому, это поняли и остальные, потому что возражений ни у кого не нашлось.

– Что ж, молчание – знак согласия. – Рыков откупорил бутылку шампанского, разлил по бокалам, встал. – Предлагаю по традиции – за доброе начало!

Все встали.

– «Король умер, – да здравствует король!» – весело проговорил Шевченко. Выпили, расселись.

– Слово лидеру, – сказал Рыков.

– Да, хотелось бы услышать что-нибудь, – скрипучим голосом произнес Бородин. – Задачи, так сказать, приоритеты, цели...

– Минутку, – вставил слово Шевченко. – Мне известно, что в руководство «СК» входил один человек... Граф... большой специалист по воинским искусствам.

– Он... исчез, – сказал Рыков. – Вероятнее всего, погиб.

– Не «вероятнее» – он действительно погиб, – глубоким баритоном с басовыми нотками произнес новый координатор.

– Откуда вы знаете?

– Знаю! – Громов сказал это таким тоном, что все поверили: знает.

– Ну хорошо, Графа нет. Но у него был помощник, офицер военной контрразведки по фамилии Соболев. Он жив?

– А вы откуда знаете такие подробности? – удивился Боханов.

– Сорока на хвосте принесла, – засмеялся Шевченко. – Но речь не об этом: этот парень – профи очень высокого уровня, надо его найти и предложить снова работать на нас.

– Идея хорошая, но вряд ли он согласится работать после того, что произошло на полигоне Ельшина.

– И все же стоит попробовать.

– Поищем, – сказал Рыков. – Продолжайте, Дмитрий Олегович. Боханов наклонился к нему.

– Откуда этот «ветеран» знает о Графе и Соболеве?

– От Завьялова, – шепотом ответил Рыков. – Хотя ты забываешь, из какой он организации. У «Барса» великолепный банк данных.

– А ты Завьялова... не того?

– Еще нет, но Завьялов слишком много знает. Может возникнуть потребность в его исчезновении.

Владимир Эдуардович не нашелся, что ответить.

– Не стоит чересчур долго рассуждать о беспределе, который захлестнул нашу многострадальную страну, – мягко проговорил лидер-координатор. – Достаточно отметить хотя бы такой факт: отдел по «резонансным» делам ГУБО не раскрыл в последнее время ни одного громкого преступления. Так и остаются неотомщенными убийцы Меня, Талькова, Холодова, Листьева, Корнева, Ланцевича и десятков других... А ведь эти убийства – лишь самая верхушка айсберга. Вдохновителем их является небезызвестная вам структура, пришедшая на смену Куполу.

– «СС» – пробормотал Бородкин. – «Сверхсистема», как они себя величают.

– Вот против нее мы и будем работать. Но тут я позволю себе некоторые уточнения. Бандитами, рэкетирами и ворами в законе пусть занимаются правоохранительные органы, а мы должны заставить работать против мафии не за страх, а за совесть самих «законников». Предлагается следующая ориентация нашей команды: коррумпированный госаппарат, коррумпированные верхи в МВД, ФСБ и Минобороны, а также ликвидация российских киллер-центров, число которых превысило предел терпения народа.

Наступила тишина. Присутствующие смотрели на Громова в некоем замешательстве, и даже Рыков почувствовал себя не в своей тарелке.

– Не слишком ли ты широко замахнулся, Дмитрий Олегович?

– А что, мне нравится! – воскликнул Боханов, стукнув себя кулаком по колену. – Вот это размах! Интереснее всего будет работать по киллерам, эти ребята в последнее время уж очень распоясались с заказными убийствами.

– А ваше мнение, Прохор Петрович? – спросил Рыков. Бородкин покачал головой.

– Только сумасшедшие вроде нас с вами могут обсуждать такие планы, и только нам под силу хоть что-нибудь сделать. Но все же какому направлению мы отдадим предпочтение? Вы же понимаете, охватить сразу все зоны криминальной среды в стране мы не сможем. Справиться бы со столицей.

– Начнем с Минобороны, – ничуть не смутился задумчиво-флегматичный Громов. Присутствующие уже успели почувствовать внутреннюю силу этого человека. – Затем почистим депутатский корпус, перейдем к киллер-центрам. Последний шаг – выход на «СС».

«Он жаждет власти! – мелькнуло в голове у Боханова. – При чем власти абсолютной! Потому что, когда „ККК“ уничтожит „СС“, в стране останутся лишь две реальные силы: президент и „Чистилище“. А может быть, и вовсе одна, невидимая, но карающая за преступления сразу, без волокиты... Ну и черт с ним! Тем интереснее будет воевать против всех, благо, противник у нас не слабый».

– И все же вернемся на грешную землю, – гнул свое Бородкин, педант по натуре. – Вы, помнится, уже говорили, что в прошлом «Чистилище» работал некто Граф, обладающий, судя по тому, что я слышал, экстраординарными способностями. Именно благодаря ему «СК» успел сделать так много и не допустил значительных ошибок. Кто сможет заменить его в обновленной команде?

– Я! – после некоторого молчания ответил полковник Громов. – «Смерш-3».

* * *

Совещание руководителей военной контрразведки было внеплановым, поэтому на нем не присутствовали ни министр обороны, ни директор ФСБ, ни их заместители. Проводил совещание Никушин, генерал-лейтенант, шеф ВКР, или «Смерша», как продолжали называть военную контрразведку коллеги из родственных организаций. Среднего роста, неброский, молчаливый, упрямый на вид, Андрей Витальевич чем-то походил на артиста Александра Збруева. Жизнь научила его ни на кого не опираться, всегда «выплывать» самому, не ожидая дружеской помощи, но никогда не отказывать другим. Кроме того, Никушину была присуща стойкость и внутренняя твердость, которую весьма ценили его подчиненные и коллеги в Министерстве обороны. На место начальника военной контрразведки генерала Дикого, погибшего при невыясненных обстоятельствах, Никушин перешел с должности заместителя министра, и все его друзья сочли этот переход понижением. Сам Никушин думал иначе. Он начинал

свою карьеру с работы в контрразведке, знал все ее нюансы, и ему было интересно вернуться туда на более высокий уровень.

Заместителем Никушина стал полковник Холин, исполняющий обязанности начальника ВКР – молодой, но опытный контрразведчик, за восемь лет прошедший путь от рядового до полковника, начальника оперативного отдела, а до этого он успел закончить институт.

Кроме Никушина и его зама, на совещании присутствовали руководители отделов и подразделений, всего девять человек. Еще один участник, главный военный эксперт Громов, должен был подойти позже.

Андрей Витальевич оглядел обращенные к нему внимательные лица сидевших за столом – пять слева, пять справа – и негромко заговорил:

– На нас свалилось еще несколько дел, и нам предстоит определиться, справимся ли мы собственными силами или придется просить помощи у «федепасов» [\[5\]](#). Вадим Мартынович, пожалуйста, динамическую сводку.

– В пакете следствия десять внутренних и три внешних дела, – начал высокий, но тонкий в кости, хрупкий, интеллигентного вида Холин; говорил он всегда мягко и тихо, как и начальник, но жесткий взгляд карих глаз выдавал в нем человека решительного и целеустремленного. – Два внутренних и два внешних близки к завершению. Так, Петр Дмитриевич?

Начальник Первого следственного отдела Шестопалов кивнул. «Внутренними» назывались мероприятия по борьбе с криминалом в Минобороны, в армии и военно-промышленном комплексе, «внешними» – война с разведчиками других стран и выявление махинаций с военным имуществом на территории стран СНГ.

– Работа по ЗРК С-300 и танку Т-95 закончена, – пробасил Шестопалов. – Можно передавать материалы в прокуратуру и оперативникам наших братьев-славян.

Шестопалов имел в виду на шумевшие дела о продаже секретных образцов оружия с территории Беларуси: зенитно-ракетного комплекса С-300-99, способного обрабатывать одномоментно до сотни воздушных целей, и новейшего танка Т-95 с двойной артиллерийской установкой и каркасно-магнитной защитой.

– Как показывает статистика, – продолжал начальник отдела СВ-1, – торговля оружием вошла в тройку наиболее прибыльных видов легального бизнеса, но если иметь в виду нелегальные сделки, то она стоит на втором месте после сбыта наркотиков. Впечатляют не суммы продаж комплекса С-300 и танка, а суммы взяток, полученных чиновниками из высших эшелонов власти.

– «ККК» на их головы, – пробормотал начальник Второго отдела, специализировавшегося на работе против разведок «дружественных» стран. Никушин усмехнулся.

– Это уж точно. Кстати, о трех «К» разговор еще впереди.

– Кроме указанных дел, раскрыто семнадцать мелких, связанных с незаконной торговлей оружием непосредственно в войсковых соединениях. Идет непрерывный процесс оснащения разномастных мини-армий в городах России. К сожалению, этот криминальный торг остановить не удастся. Прибалтика остается главной базой контрабандного оружия, а всех каналов поступления его в Россию мы просто не знаем. И таможни им не помеха.

– Без лирики, пожалуйста, – остановил оперативника Никушин. – Что еще?

– Мы проверили заявление генерала Голышева, – продолжил начальник оперативного отдела. – Почти все подтверждается. Но... – Он замялся. – На объекты наших сыскарей не пустили. По личному распоряжению замминистра Козлова, как выяснилось.

Никушин коротко кивнул. Министр обороны Гусев уже звонил ему и сделал внушение, предлагая закрыть дело Голышева, командира сто двенадцатой военной базы. Теперь надо было решать – идти ли на конфронтацию с начальством или подумать о собственной карьере.

Генерал-майор Голышев принял вторую мотострелковую дивизию на территории Аджарии, потом дивизию преобразовали в сто двенадцатую базу российских войск в Грузии – два года назад. Рядовых не хватало, караульную службу несли офицеры, дивизия превратилась в явно небоеспособную единицу, хотя вооружением была обеспечена под завязку. Как Голышеву это удалось – неизвестно, однако меньше чем за два года он буквально преобразил свою часть, превратив ее в лучшую из российских баз. Несомненно было одно: генерал принадлежал к редкому ныне типу служивых, презирующих

политику, но истово, попадая из-за этого впросак, поклоняющихся своему воинскому долгу.

Увы, Голышев не углядел, как в недрах его подразделения свила гнездо ядовитая змея коррупции и началась тихая распродажа дивизионного имущества... Затем последовали инциденты с нападениями на склады со стороны своего же спецназа, спровоцированного службой безопасности Грузии, появились человеческие жертвы, и генерала срочно уложили в госпиталь, откуда ему чудом удалось бежать...

Никушин вздохнул. Дело Голышева было самым обычным, таких дел в ВКР насчитывалось уже десятка три, и все они заканчивались одинаково – приказом министра обороны «прекратить следствие для поддержания в армии надлежащего порядка».

– С Голышевым повременим, нужен нестандартный ход, чтобы обойти известные препятствия. Что еще?

Холин раскрыл свою коричневую папку и зачитал сводку по остальным делам «Смерша». Еще час ушел на обсуждение плана мероприятий, и наконец Никушин отпустил подчиненных, оставив только заместителя и подполковника Санеева, начальника седьмого подразделения, ответственного за соблюдение секретности расследований.

Минут пять они курили, пили чай, пока не явился Громов, который принес с собой не папку с документами и не видеокассету, а компакт-диск. Никушин вставил диск в приемный блок компьютера, и с полчаса контрразведчики изучали материал, представленный главным экспертом.

Речь шла об утечке новейших образцов оружия, разрабатываемых в военных лабораториях: гипноиндуктора многоцелевого переносного «Удав», именуемого самими разработчиками «глушаком», генератора боли, известного под названием «болевик», а также цифровых шифраторов, защищающих телефоны от прослушивания, микротелекамер в шурупах и шляпках гвоздей, замков, открываемых с помощью лазерного считывания рисунка сетчатки глаза или запахового индикатора, и прочей спецаппаратуры. Но главным, несомненно, были суггестор «Удав» и генератор нервных наводок. Это было уже второе поколение подобного рода оружия, не имеющего

аналогов в мире. Первые действующие образцы «глушаков» и «болеви́ков» были испытаны в ФСК еще при генерале Ельшине.

– Вряд ли мы получим доступ к этим делам, – с сомнением сказал Холин. – Если сам министр не заинтересован в расследовании, никто не даст нам хода в святая святых.

– Министр подпишет разрешение... в самое ближайшее время, – сказал Громов хрипловатым баритоном. – У него на хвосте висит «Чистилище», а эта организация работает не хуже старого «Стопкрима».

– Откуда вы знаете? – Холин задал вопрос вопреки желанию. Ответа он не дождался и продолжил с изрядной долей скептицизма:

– Но даже если это правда, руки у трех «К», по-моему, слишком коротки для таких масштабов.

Глаза главного военного эксперта зло сверкнули.

– Увидим. И все же недопустимо, чтобы наши технологии распродавались столь нагло и открыто. Виновных необходимо не то что судить, а публично казнить! Чтобы другим неповадно было. Но боюсь, все будет спущено на тормозах, если дело об утечке отдадут в Главную военную прокуратуру. Мне известно, что практически все военные верхи коррумпированны. Любое дело, которое кто бы то ни было начинает с самыми чистыми и честными намерениями, оборачивается при нашей бюрократии обманом, воровством и кровью. Военная контрразведка тоже не без греха... но, насколько мне известно, вы, господин генерал, не успели запятнать себя за те полгода, что сидите в этом кресле.

– Спасибо за оценку, – криво усмехнулся Никушин.

– Надеюсь, вы и дальше не уроните честь мундира. Мне, например, появление в вашей конторе грозит многими бедами, однако я пришел. Итак, ваше мнение?

– Мы начнем расследование, – сказал Никушин после длительного раздумья, прослыть нерешительным он не боялся. – По степени «четыре нуля». В конце концов, министр не имеет права говорить: «Государство – это я!» А я лично работаю не на него, а на закон.

Громов кивнул, встал.

– Оставьте материалы себе. Если понадобится, я свяжусь с вами, не надо искать меня ни по каким каналам. И по делу я могу проходить

лишь как свидетель, да и то на завершающей стадии.

– Само собой разумеется.

Главный эксперт ушел – по-спортивному подтянутый, деловитый, знающий себе цену. В кабинете некоторое время стояла тишина. Нарушил молчание секретчик:

– Не провокация ли это?

Никушин покачал головой.

– Нет, все правда. У меня есть кое-какие данные по утечке, все совпадает. Но он, конечно, знает больше. И в связи с этим возникает одна проблема, для ведения следствия нужны профессионалы высочайшего класса, охотники, перехватчики. Есть у нас такие?

Холин покосился на Санеева.

– Охотники найдутся, а ганфайтеров нет. Был один волкодав, ушел по состоянию здоровья, подстрелили его. А молодежь из роты захвата пока не дотягивает до супервысоких кондиций. Вы же знаете, на подготовку одного профессионала требуется лет пять-семь, не меньше.

– Слышал я об одном ганфайтере, – вмешался в разговор Санеев. – Класа «супер» или даже «абсолют»... Он работал на бывших начальников «Смерша» Ивакина и Дикого. Но год назад он исчез.

– Откуда такие сведения?

– Секретчик я или нет? В компьютере раскопал... случайно. Но, судя по регалиям, профессионал он великий. Надо его найти.

– Найти надо, – согласился Никушин.

– Попробуйте оба по своим каналам. Я тоже кое-что слышал о нем. Таких спецов наберется всего полсотни на всю планету, так что овчинка стоит выделки. Если удастся его найти и уговорить вернуться...

Никушин не знал, что он уже третий, кто говорит эти слова.

МЫ ЖИВЫ!

Падение было недолгим: он пробил потолок пещеры, внутри похожей на храм необычных пропорций, и упал рядом с возвышением, на котором лежала исполинских размеров книга в кожаном переплете с бронзовыми уголками. На ее обложке можно было играть в теннис, а толщина книги достигала не менее двух метров.

Матвей встал, обошел ее кругом, прикидывая вес верхней крышки, и не особенно удивился, когда с тихим стуком книга раскрылась, выпустив светящееся облако дыма. Облако поднялось вверх и приобрело очертания женской фигуры в плаще. Женщина, чье лицо мерцало, искрилось, трепетало, изредка как бы проступая отдельными чертами – губы, нос, глаза, – взмахнув широким рукавом плаща, поманила Матвея:

– Читай...

Матвей взобрался на первую страницу книги и невольно отступил назад, едва не свалившись: буквы, скорее напоминавшие символы или китайские иероглифы, ползли по странице сверху вниз, как ровные ряды жутковатых насекомых! Ни одной из них Матвей не узнал, хотя изредка то одна, то другая напоминали буквы русского или латинского алфавита.

– Читай, идущий!

– Я... не понимаю!

– Попробуй.

Матвей напрягся, пытаясь зафиксировать ползущие буквы, и на одно мгновение это ему удалось.

– Универсальная... – прочитал он слово, готовясь «остановить» второе, но страшный удар в спину сбросил его с книги. Пролетев десятка два метров по воздуху, Матвей врезался в стену пещеры-храма, привычно сгруппировался и вскочил на ноги, хотя боль в спине была ужасная. Голова затуманилась.

Сзади, над книгой, возвышалась черная фигура высотой в три человеческих роста, закутанная в туманный балахон, с мечом, то сверкавшим, как пламя, то расплывавшимся дымным хвостом.

– Монарх! – произнес внутри Матвея чей-то холодный голос.

– Экзарх! – возразил кто-то за спиной. – Иерарх контроля за информацией.

Облако света, принявшее форму женской фигуры, упало на книгу, попыталось просочиться в потолок пещеры, но рассыпалось на звезды и молнии, которые впитались в страницу. Книга с тихим шелестом закрылась, стала изменять очертания и, превратившись в птицу, улетела в глубь пещеры, где и исчезла.

– Не пытайся вернуться на эту тропу! – гулко возвестил незнакомец в балахоне. – Этот сон-напоминание – инициатива Светлены, и она за это пострадает. Но будет еще хуже, если ты вздумаешь вернуться на тропу Хранителей, преодолев запрет инфарха.

– Это буду решать я, – упрямо возразил Матвей.

Черный человек покачал головой, вытянул руку с мечом и коснулся его кончиком груди Матвея...

Он проснулся от боли. Полежал, глядя в окно, за которым росла береза: шел шестой час утра, но уже рассвело, день шестого сентября обещал быть теплым и солнечным.

Сон потряс Матвея. Не ужасами и таинственными угрозами черного меченосца, а самым фактом появления. Подобные сны Матвею не снились уже больше года, с момента боя с Ельшиным, Монархом Тьмы, на его даче. И означал сей факт одно: вернулись силы, выводящие душу и тело за пределы пяти чувств. Вероятно, закончился период восстановления прежних запасов, период успокоения, адаптации, накопления новых положительных эмоций, рождающих вкус к жизни. А еще сон говорил о появлении на горизонте подсознания «фигуры предостережения», роль которой сыграла таинственная спутница инфарха, после долгих колебаний принявшая решение напомнить об ином порядке вещей, ином знании и скрытых реальностях. Почему она пошла на это вопреки воли инфарха – можно было только гадать.

После тех страшных событий Матвей долго не мог восстановить былую физическую и психическую форму, и об отношениях Людей Внутреннего Круга думал редко, хотя книги по эзотерике читал и готовился к поиску Храмов Инсектоцивилизаций, один из которых показал ему Тарас Горшин. Однако жизнь заставляла его все свободное время отдавать помощи друзьям. Правда, Матвей не жалел о потере

свободы, потому что не мыслил себя без Кристины, Стаса и без Василия Балугева, ставшего ему близким человеком.

Они переехали в Рязань, где за Матвеем сохранялась квартира, выделенная еще по варианту «глубокой консервации» руководством военной контрразведки, и девять месяцев приходили в себя, лечились и устраивались на новом месте, постепенно адаптируясь к новым условиям жизни. Матвеем долго не давался переход на скоростной рефлекторный режим, хотя физически он восстановился быстро и почти сразу же вошел в ритм обычных своих тренировок по системе чигонг-о. Так же долго не мог он переводить организм в состояние турции, или сатори – состояние ментального просветления, позволяющее безошибочно оценивать опасность и окружающую обстановку и действовать адекватно ситуации. И вот, когда эти утраченные способности начали возвращаться, приснился сон. Достаточно странный, если не сказать больше, связанный с тайным смыслом слов экзарха: «Этот сон-напоминание – инициатива Светлены...» Значит, спутницу инфарха зовут Светленой. Что же она хотела сказать? Предупредить о новой опасности? Или помочь найти «свою тропу» во Внутренний Круг?..

Спустя два месяца после переезда в Рязань Матвей устроился в акционерное общество «Рюрик» охранником и уже к лету стал начальником охраны, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны. Но вряд ли кто-нибудь из его начальства или новых приятелей мог предположить, кем он был на самом деле.

Вася Балугев, радиофизик по образованию, сначала нашел себе работу на радиозаводе, но быстро понял, что на полмиллиона в месяц прожить сложно, и ушел тренером по рукопашному бою в местную школу безопасности для бизнесменов.

Стаса, которому исполнилось десять лет, Матвей определил в частный лицей, но мечтал в будущем поместить мальчишку, к которому привязался как к сыну, в Рязанскую академию воздушно-десантных войск. Жил Стас у родителей Кристины, но по субботам и воскресеньям часто гостил у Матвея. Малоразговорчивый и стеснительный, он тоже привязался к Соболеву, искренне полюбив его всем своим маленьким истрадавшимся сердцем.

Больше всего не повезло Кристине.

Из шокового состояния она вышла сравнительно легко и оправилась быстро, но после переезда домой оказалось, что у нее парализованы ноги. Результат не замедлил сказаться: комплекс неполноценности и психологический срыв, надолго определивший ее состояние.

Матвей обил пороги всех частных и государственных клиник, консультировался с ведущими психиатрами и нейрохирургами Рязани и Москвы, но вылечить Кристину не удалось. В последнее время она, похоже, смирилась со своим положением, и тоска сменилась грустью, но разговаривала она все реже, все чаще уходила в себя, стала худеть и таять на глазах. Чем это могло кончиться, Матвей знал. Последней надеждой для него был приезд в Рязань знаменитого невропатолога, экстрасенса и гипнотизера, мастера психосинтеза Ивана Парамонова, о котором случайно узнал Василий.

– Блажен, кто верует, – пробормотал Матвей, загадывая, удастся ли ему выйти на Парамонова. Определил время по внутреннему состоянию и глянул на будильник – пять пятьдесят две: внутренние «часы» спешили на полминуты. Нормально. Матвей вспомнил изречение Лихтенберга: «Сегодня я позволил солнцу встать раньше, чем я...» – и усмехнулся. Хорошо чувствовать себя повелителем если не солнца, то хотя бы собственного тела. Для Кристи это пока мечта. Но как бы она ни выглядела после болезни, Матвей смотрел на нее не умом, а сердцем, и видел ее прежней – здоровой, красивой, милой...

Позанимавшись со снарядами в спортивном углу комнаты и позавтракав, Матвей вывел из гаража свою неброскую «таврию», усовершенствованную еще Ильей Муромцем, и поехал за Стасом, чтобы отвезти его в лицей.

Семью Кристины он застал в полном сборе: за столом завтракали Михаил Сергеевич, отец Кристи, декан факультета конструирования радиоэлектронной аппаратуры Рязанского радиоинститута, Ольга Николаевна, мама, инженер-программист этого же института, Бася Яновна, Кристинина бабушка по матери, сама Кристина в кресле на колесах и Стас, по-мужски важно пожавший руку гостю:

– Я готов, поехали.

– Молоко допей, – попыталась задержать его Бася Яновна и, кивнув Матвею на стул, предложила:

– Присоединяйтесь, Матвей Фомич.

Соболев ответил улыбкой на взгляд Кристины, пожал руку Михаилу Сергеевичу, чмокнул в щеку Кристину и развел руками.

– Спасибо, уже сподобился. Я живу по Козьме Пруткову: петух пробуждается рано, но злодей еще раньше. Однако поужинать собирался с вами, если не возражаете. Кристя, соберись к двенадцати часам, поедem к врачу.

– Стоит ли? – повела худеньким плечиком Кристина, и печаль в ее глазах загустела.

– Стоит, – твердо сказал Матвей, хотя далеко не был уверен в этом.

Через двадцать минут он высадил Стаса возле лицея, а еще через четверть часа входил в офис фирмы, опытным глазом отметив подготовку охраны, которую инструктировал и тренировал сам.

Фирма «Рюрик» была создана всего полтора года назад, но уже сумела зарекомендовать себя на фондовом рынке, участвуя в прибыльных инвестициях в сельское хозяйство. Президент фирмы, почти ровесник Матвея, после МГУ закончил Академию бизнеса и дело поставил широко, предпочитая действовать в рамках закона. «Рюрика» быстро узнали и уважали. Все больше людей доверяли свои сбережения «Рюрик-банку».

Однако успех фирмы не мог не обратить на себя внимание конкурентов, госчиновников и мафиозных структур, никогда не упускающих возможности погреть руки на чужих успехах.

Правда, за время службы Матвея ни одна из вышеуказанных контор особого давления на руководство фирмы не оказывала, если не считать одной попытки самого обычного рэкета, но Матвей чувствовал, что тучи на горизонте сгущаются, и готовился к предполагаемому «переделу собственности» серьезно. Президент не мешал ему, поскольку давно сообразил, что лучшего начальника охраны ему не найти, и лишь изредка интересовался состоянием дел в соболевской «епархии». Зато каждодневно советовался с Матвеем, как поступить в том или ином случае, даже если речь шла о финансовых операциях. Такая идиллия не могла длиться долго, поэтому Соболев был весьма рад, что его глубокая «эзотерическая» система интуиции наконец заработала, отозвавшись сном на грядущие изменения в жизни.

Фирма занимала два этажа в новом шестнадцатизэтажном здании на проспекте Долгорукого, в центре престижного жилого массива Окский, где селились преимущественно «новые русские» и располагались деловые конторы других фирм. Матвей мог бы не обходить охраняемую территорию, потому что ориентировался в здании с закрытыми глазами, прекрасно зная расположение подсобных помещений, служб, лестниц, лифтов и запасных выходов, однако предпочитал проверять посты каждый день, и подчиненные воспринимали это не как придирчивость, а как ответственное отношение к делу.

В принципе таких постов было всего три, и охраняли фирму восемь человек посменно: шестеро на входах и двое – в дежурной комнате. Зато почти все эти люди были проверены в деле, и лишь трое из них, пришедшие еще до Матвея, не нравились ему цветом аур – биополевых оболочек, но обращаться к начальству только на основании «цветоощущений» он не хотел.

Со всеми сотрудниками фирмы у Матвея сложились нормальные приятельские отношения, а некоторые сотрудницы даже мечтали завязать с ним и более прочные связи. Но начальник охраны с девушками был вежлив и внимателен, не более того, тем самым, правда, лишь подогревая интерес к своей персоне.

– Привет, чемпион, – встретила его секретарша президента Людмила, единственная из всех, кто относился к Соболеву чисто по-дружески. – Ты сегодня рано. Зайдешь к шефу?

– А что, он искал меня? – Матвей поздоровался с охранником Сашей Пресняковым, одетым в строгую серую униформу. Саша был самым молодым в команде и самым вежливым, хотя отпор мог бы дать любому. Он занимался бодибилдингом, гимнастикой и выглядел весьма внушительно.

Людмила отвернулась от дисплея компьютера, сделала гримаску, означавшую улыбку. Матвей окинул взглядом ее хорошую фигурку и вошел в кабинет шефа.

Сергей Сергеевич Афонин был смугл, высок, энергичен, подтянут, безукоризненно выбрит и подстрижен и всегда великолепно одет: президент тратил немало средств и времени на свой внешний вид. Однако имидж интеллигентного, умного руководителя был им не

наработан, не натренирован, а, что называется, всосан с молоком матери. Работать с ним было приятно.

В кабинете уже находился вице-президент фирмы Эрик Баблумян, такой же молодой, как и глава «Рюрика», а также главный бухгалтер Шаровский, которого Матвей недолюбливал за подчеркнутое высокомерие. В команде фирмы Аркадий Самсонович был старше всех, хотя ему недавно и исполнилось всего тридцать восемь лет. Баблумян и Шаровский стояли у стола, а президент опирался на него.

– Что пригорюнились? – спросил Матвей, заметив, что настроение начальства близко к минору. – Сон плохой увидели?

– Коллективный, – улыбнулся Баблумян, которого не портили ни усы, ни огромный нос.

– Ждем налоговую инспекцию, – сказал Афонин.

– В первый раз, что ли? В чем трагедия? Поднимут документы, убедятся в идеальном порядке и отстанут.

– Это не рядовая проверка, – покачал головой Шаровский. – Кто-то из окружения мэра очень нас невзлюбил и землю роет, чтобы прищучить.

– А разве в работе фирмы появился криминал?

Шаровский скривил губы, не желая отвечать, Афонин глянул на него с интересом, обошел свой стол и сел в кресло.

– Ладно, разберемся. Слышали, послезавтра к нам приезжает Олег Янченко, будет давать концерты органной музыки?

– А рекламы в газетах не было, – сказал Баблумян. – Я бы сходил с женой.

– Концерты для местной элиты, потому и нет рекламы, – буркнул Шаровский, доставая зубочистку. Эта его манера – чистить зубы в любом месте и при любых собеседниках – чрезвычайно раздражала Матвея. – Могу посодействовать с контрамарками или достать билеты.

– Хорошо бы, Аркадий Самсонович, – кивнул президент. – Я тоже не откажусь сходить. Пойдешь? – обратился он к Матвею. – Сколько тебе билетов?

Матвей хотел отказаться, но потом подумал, что концерт, возможно, развлечет Кристину, и показал два пальца.

– Хорошо, к вечеру будут. – С этими словами Шаровский вышел.

– Сергей, – понизил голос Соболев, – может быть, попросим мэра поставить здесь официальный пост? Из муниципалов? Предчувствие у

меня нехорошее.

Афонин окинул фигуру начальника охраны ироническим взглядом.

– Я еще не депутат Госдумы, чтобы требовать защиты от государственных служб. Это у депутата пять оплачиваемых помощников плюс шофер, я тяну только на двоих, да и тем плачу из собственного кармана.

Матвей стал «во фрунт», повернулся к двери и вспомнил о просьбе:

– Мне в полдвенадцатого надо будет отвезти одну девушку к врачу, нужен «рафик» или «газель».

– Нужен – бери. Что за девушка?

– Так... хорошая знакомая, – замялся Матвей, потом посмотрел на Афонина прямо. – Моя девушка. У нее ноги парализованы, хочу показать экстрасенсу. Говорят, у нас сейчас гостит одна отечественная знаменитость – Иван Парамонов.

– Могу посодействовать. У меня отец – врач-психиатр, и они дружат, так что без проблем..

– Это было бы здорово! Я, честно говоря, думал, придется пробиваться к нему на прием с боем, – сказал Матвей, отметив с некоторым удивлением, что все в мире взаимосвязано больше, чем полагают люди.

– Зачем же с боем? – Афонин набрал номер на компьютерном комплексе, соединявшем в себе телефон, часы, магнитофон, видеоприставку для канала коммерческих новостей, собственно компьютер и лазерный сканер.

На дисплее комплекса мигнули алые глазки, означающие, что связь защищена от прослушивания, зажегся номер абонента.

– Отец, это я. Мне нужно записать на прием к Парамонову моего друга... Да, очень. Сегодня, – сказал Афонин, отвечая, видимо, на вопросы отца, прикрыл трубку ладонью. – Когда поедешь?

– Я собирался к двенадцати, для того и машину просил.

– На двенадцать. Непременно! Хорошо иметь такого отца, а? До вечера.

Сергей Сергеевич дал отбой, поднял руку ладонью вперед.

– Тебе повезло. Парамонов как раз у отца был. Благодарить будешь позже, главное, чтобы помогло. Говорят, что специалист он

действительно классный.

Настроение улучшилось, и делами Матвей занялся с энтузиазмом, хотя рассудком отнесся к вспыхнувшей надежде скептически.

Из кабинета президента он заглянул в дежурку, оборудованную монитором теле – и радиосвязи, проверил готовность постов и аппаратуры и остался доволен. Глянул на старшего смены, угрюмоватого парня, которому очень подходила фамилия Кудёма.

– Похоже, у тебя живот схватило, Паша?

– Угадал, – буркнул Кудёма и добавил три непечатных слова.

Его напарник фыркнул.

– Не обращайтесь внимания, патрон, он никак с женой квартиру не разделит, второй месяц делит.

– А что случилось? – любопытствовал Матвей.

– Развожусь, – буркнул охранник и снова закончил матом.

– Тише, тише, – успокаивающе похлопал его по плечу напарник. – Крепкое слово здесь не поможет. Хотя я где-то читал, – повернулся он к Соболеву, – что употребление нецензурных слов понижает кровяное давление и уменьшает содержание адреналина в крови.

Матвей засмеялся.

– Добавь: нормализует мышечный тонус и улучшает работу надпочечников. Это правда. Но все же не пугайте клиентов фирмы.

– Постараемся, – отвернулся Кудёма. Матвей внимательно посмотрел на него.

– Паша, что случилось? Я чую, это все не из-за развода. Ну-ка, выкладывай.

Угрюмый охранник – косая сажень в плечах, руки-лопаты, бычья сила – покосился на него, но командира уважал и поэтому нехотя поведал:

– У брата дочку похитили... четырнадцатилетнюю...

– Почему ты считаешь, что похитили?

– Уже были случаи... говорят, у нас целая банда орудует: крадут девочек и... продают... клиентам.

Второй дежурный присвистнул, с изумлением оглянувшись на Соболева. Тот посидел немного, чувствуя, как уходит хорошее настроение и откуда-то начинает дуть холодный ветер. Встал.

– После обеда расскажешь подробнее, попробую помочь.

Обойдя посты охраны на своих двух этажах, Матвей спустился во двор и отправился искать водителя «газели», на которой собирался везти Кристину к доктору.

Визит к врачу Матвея окрылил и укрепил его надежду на исцеление.

Иван Терентьевич Парамонов был неординарным человеком. Мастер психосинтеза, гипнотизер и психиатр, он закончил мединститут и стажировался по гипнозу у знаменитого Адама Бёрка в Сайта-Круссе (Калифорния). Психоэнергетика, биоэнергетика, психология и нейролингвистическое программирование были основными направлениями его исследований, но главное – он прекрасно видел болезни человека и безошибочно диагностировал его состояние.

– У нее психический паралич, – сказал он Матвею после приема, когда они остались одни. – Помните роман Ефремова «Лезвие бритвы»? Там описан практически идентичный случай. Излечить вашу девушку можно лишь с помощью сильнейшего стресса. Если не боитесь, можем попробовать вместе.

– Не боюсь. Если есть шанс, его надо использовать.

– Хорошо, случай очень интересный, я разработаю сценарий и позвоню вам. Дня через два вас устроит?

– Спасибо, доктор! Вы ставите на ноги больше меня, чем ее!

Иван Терентьевич улыбнулся.

– Понимаю. Кстати... – врач замялся, – у нее была закрыта Анахата – зеленая чакра, центр мудрости, высшей любви и человечности – я открыл ее. И еще... Есть очень сильное подозрение, что она... закодирована в темной половине.

Матвей замер, глаза его похолодели. Вспомнились слова Хасана Ибрагимова: «Мы из них сделаем зомби»... Неужели подручные Ельшина все-таки успели...

– Вы... уверены?

– И да, и нет. Есть кое-какие следы нейровмешательства... Необходима тщательная проверка. Вам придется привезти ее ко мне еще раз, я проверю свои подозрения с помощью приборов.

– Разве есть такие аппараты?

Парамонов, высокий, поджарый, сухой, с молодым энергичным лицом, на котором горели светлые – не голубые и не серые, но и не

бесцветные, с металлическим блеском – глаза, снова улыбнулся.

– Мои личные разработки в области нейролингвистики. Но необходимо ее абсолютное согласие на пси-зондаж.

– Уговорю. А что за «темная половина»? Вы сказали, что она закодирована в «темной половине».

– Термин психиатрии. Означает область «эго», отвечающую за вспышечное проявление негативных эмоций. Приходите завтра вечером, часов в семь.

Матвей пожал руку врачу и вышел в коридор поликлиники, где его ждала в коляске безучастная ко всему Кристина. Глянула на него снизу вверх, и, видимо, что-то в выражении его глаз поразило девушку.

– Ну что, плохо?

Матвей опустился рядом на колени, не обращая внимания на оглядывающихся посетителей, и поцеловал Кристине руку.

– Все будет в порядке, Кристя. Главное, что мы живы!

ОМОН-РЭКЕТ

Матвей узнал о случившемся утром от матери Кристины.

В лицее, где учился Стас, произошел страшный случай: учительницу русского языка и литературы избили четверо парней.

– За что? – спросил пораженный Матвей.

Ольга Николаевна перескажет все, что знала сама.

История началась еще с неделю назад.

В группе Стаса училась девочка Саня, у которой были очень «крутые» родители, привозившие ее в лицей на «мерседесе» и одевавшие дочку по высшему классу. И хотя в лицее учились дети из состоятельных семей, но золотые сережки и перстеньки носила далеко не каждая десятилетняя кроха.

Девочка росла надменной и капризной, часто проказничала, а все свои грехи сваливала на подружек и приятелей по группе. В лицей часто заявлялась ее бабушка, требовала одергивать детей, которые «не так относятся» к Сане, и даже выговаривала девочкам, поссорившимся с ее внучкой, угрожала наказанием и обзывала их «интриганками» и «быдлом».

Однажды один из мальчиков, вбегая в класс, нечаянно толкнул Саню, и хотя она не упала, но заревела во весь голос. Учительница успокоила ее, отчитала мальчика и посчитала инцидент исчерпанным, а на вопрос Сани: «Почему вы его не наказали?» – неосторожно заметила:

– Все-таки, Саня, насколько в классе спокойнее, когда тебя нет! (Незадолго до этого девочка болела и пропустила несколько дней.) А на следующее утро в класс ворвалась разъяренная Санина мама, пожелавшая, чтобы провинившегося мальчишку наказали прямо тут же, при ней, так сказать, показательно. Учительница (ее звали Елена Ивановна, Матвей ее знал и относился с уважением) предложила дождаться перемены и во всем разобраться, родительница настаивала на своем и в конце концов перешла на крик:

– Бездарь, где ты купила свой диплом?! Я тебя вышвырну из лицея в три часа!

Пришел завуч, увел мать Сани, и взволнованная Елена Ивановна едва смогла закончить урок. Но на следующий день в класс вошли четверо квадратных парней в кожаных безрукавках и на глазах у детей избили учительницу до потери сознания. Лишь Стас бросился на мерзавцев с кулаками, за что получил удар по шее, чуть не снесший ему голову. Сделав свое дело, четверо негодяев спокойно оправили одежду, зашли в кабинет завуча и пригрозили:

– Вякнешь хоть слово в милицию – доберемся и до тебя! И чтоб эта сучка в вашем вонючем лицее больше не работала, ясно? Не умеете детей как следует воспитывать – научим. – Затем четверо сели в красную «феррари» с открытым верхом и уехали...

– Ясно, – сказал Матвей, чувствуя, как в груди рванулось и замерло сердце, жаждущее справедливости. – А мне Стас ничего не сказал.

– Мужчина, – улыбнулась Ольга Николаевна, – боится потерять твое уважение. Шея у него до сих пор болит.

– А что же милиция? Нашли бандитов?

– Найти-то нашли – их и искать долго не надо, – но власти у тех оказалось побольше, чем у милиции. Отпустили их: у всех алиби, как говорят в таких случаях...

– Рассказала все-таки? – объявился на пороге своей комнаты взъерошенный Стас; он вытирал лицо полотенцем после умывания. Прошел мимо Матвея с независимым видом, потом вернулся и бросился к нему на шею. – Ты когда научишь меня драться? Обещал!

– Драться нет, а вот защищаться – научу. Сегодня же заедем к дяде Васе, сначала будешь брать уроки у него. А сейчас собирайся, поедem к хирургу, пора заняться твоей ногой.

Стас побледнел, глядя на Матвея огромными глазами, потом неловко ткнулся носом ему в щеку и заковылял в свою комнату. Ольга Николаевна и Матвей посмотрели ему вслед, переглянулись.

– Это правда? Есть шанс? – спросила женщина.

– Да, я консультировался с хирургом, в областном центре хирургии есть один специалист. Говорит, излечимо, хотя только с помощью операции.

– Дай-то Бог!

Пока ехали на Гагарина, где в парке располагался Рязанский областной хирургический центр, Матвей размышлял о внезапном

проявлении криминальных сил, коснувшихся непосредственно его самого. До этого момента в жизни Матвея и людей, окружавших его, особого ничего не происходило, словно им дали отдохнуть от переживаний и потрясений. Но сон означал приближение волны каких-то негативных событий, и первой ласточкой было избиение учительницы Стаса. Единственное, что надо было решить, – это как реагировать Матвею. Стоило ли вмешиваться в события, которые вполне могут завести в тупик. С другой стороны, оставлять все как есть, делать вид, что ничего не случилось, Матвей не мог.

Стас, увлеченно рассказывающий о своих делах, заметил рассеянный вид старшего товарища и замолчал. Потом сказал:

– Ты об учительнице думаешь?

Соболев не удивился прозорливости мальчишки: тот давно научился видеть настроение собеседника, пройдя хорошую школу жизни без родителей и близких.

– В общем-то да. Что с ней?

– Сотрясение мозга, рука сломана. Лежит в больнице Стасова, мы к ней классом ходили.

Больше вопросов Матвей не задавал.

Хирург Ляшенко оказался огромным, пузатым и краснолицым здоровяком с могучими руками и зычным голосом. Но разговаривал он жизнерадостно, интеллигентно, с юмором и сразу понравился и Матвею, и Стасу.

– Чудес не обещаю, но бегать будет, – сказал он после получасового осмотра. – Это самый обыкновенный случай менискового повреждения, приведший к появлению мозолистого тела и фиксации коленного сустава. Через неделю – на операцию. И не реветь! – повернулся хирург к Стасу, хотя тот реветь и не собирался, ошеломленный заявлением, что он будет бегать.

– Доктор, делайте все, что хотите, – сказал Матвей, когда они остались с ним наедине, – но вылечите парня! Он заслужил. Любое ваше условие будет выполнено.

– Никаких «условий» мне предлагать не надо, я и так сделаю операцию. А вот в послеоперационный период вам придется за ним поухаживать по особой методике. Надо будет разрабатывать и сустав, и мышцы.

– Гарантирую!

– Сын?

– Сын, – твердо ответил Матвей.

– А на вид вы гораздо моложе. Что же мать не пришла?

Матвей смущенно раздумывал, кого можно было бы назвать матерью Стаса в данной ситуации, Ольгу Николаевну или Кристину, но хирург понял его замешательство по-своему.

– Понимаю, боится врачей. Небось, обожглась когда-то на лечении. Все, через неделю пожалуйста к нам. Приемный покой на первом этаже, я запишу вас в очередь. Будьте здоровы.

– А он не обманывает? – уже в машине спросил Стас. Щеки его горели лихорадочным румянцем.

Матвей засмеялся, потрепал мальчишку по вихрам, и тот ответил слабой улыбкой.

По пути они заехали в Школу безопасности, где работал Балуев. Школа размещалась в старом двухэтажном здании на Комсомольской площади, специально отреставрированном для такого рода заведений. Весь первый этаж занимали спортзал и сауна с душем, а верхний был разбит на тренировочные комнаты по секциям и вмещал небольшой зал со снарядами для накачивания мышц. Тир и полоса препятствий располагались во дворе, за двухслойным забором из металлической сетки.

Василия они отыскивали на втором этаже, в одном из тренировочных боксов, где он занимался рукопашным боем с группой молодых крепких ребят. Оставив группу, обрадованный Балуев отвел гостей в комнату отдыха – телевизор, бар, три столика и низкие кресла, – умылся и предложил всем напитки.

– Откуда, зачем, куда?

– Из больницы, были у хирурга. – Матвей рассказал о посещении травматологического отделения. – Обещали, что отрок скоро будет бегать. Не мог бы ты пару раз в неделю заниматься с парнем? Азы боя, философия адекватного ответа, общий тренинг?

– Почему нет? Пусть приходит, когда захочет. А ты что ж?

– Я – само собой, но времени у меня меньше.

– А не ослаб ты, часом, молодец? – Василий вдруг метнул в Соболева стакан, на треть наполненный «херши», но Матвей мгновенно поймал его, не расплескав при этом ни капли, и поставил на столик.

– Не балуй, ганфайтер!

Василий хмыкнул, наставил палец на Стаса, сидевшего с округлившимися глазами.

– Хочешь научиться таким вещам? Тогда слушайся меня во всем. Ну, и этого типа тоже. – Балуев вдруг умолк, нахмурился, достал из бара початую бутылку рижского бальзама, налил в две стопки по глотку, протянул одну Матвею. – Давай-ка помянем Бориса Ивановича, год исполнился со дня его безвременной...

Матвей вспомнил Ивакина, встал и молча проглотил содержимое стопки, запил минералкой.

Помолчали. Стас ничего не спросил, понимая, что речь идет о прошлогодних событиях, когда погибло множество людей.

– Не жалеешь, что ушел из ВКР? – спросил Василий. – Все ж специалист такого класса, как ты, не должен киснуть, сидеть без дела.

Матвей с минуту размышлял, пососал ломтик колбасы, однако так ничего и не сказал. Не знал, что сказать. С одной стороны, он никогда не жил по формуле «моя хата с краю», с другой – не хотел ввязываться в постоянную битву за власть, в которой невольно принимал участие как профессионал на стороне одной из партий, пусть и в такой специфичной области «государственного устройства», как Министерство обороны и военная контрразведка. Любые благие намерения там заканчивались одинаково: борьбой за выживание, необходимостью спасти собственную жизнь и жизни друзей.

– Понятно, – кивнул Балуев, – Я тоже не горю желанием. Нельзя сказать, что Рязань – райское место, но мне здесь нравится. Тихо, спокойно, работа есть, платят сносно, да и контингент подобрался неплохой. Теперь вот из Стаса бойца сделаю... Кстати, слышал сообщение по телеку?

Матвей насторожился.

– Я телевизор смотрю очень редко. Что случилось?

– Похоже, «Чистилище» снова выбралось из подполья. Только называется теперь иначе: «ККК». «Команда контркрим». Они провели акцию по одному из депутатов Госдумы, замешанному в какой-то афере с торговлей оружием, и сообщили об этом во все газеты.

Матвей кивнул, глаза его посветлели, но молчал он так долго, что встревожился Стас.

– Так все плохо, Соболев? – серьезно спросил он.

– В принципе, ничего плохого я не вижу, – отозвался Василий, глядя на друга с понимающей усмешкой. – Мы вроде бы вне игры, никого не трогаем, но... вдруг кто-то из давних наших неприятелей вспомнит о нашем существовании? А Рязань находится слишком близко от столицы.

– Вот именно, – тихо сказал Матвей, у которого снова в предчувствии грядущих потрясений сжалось сердце: сон был в руку, приближался очередной излом судьбы. Надо было бежать от Москвы подальше, пришла трезвая мысль. Хотя и это, наверное, не дало бы полного спокойствия.

– Теперь у нас в стране три банды, – с показным весельем произнес Балуюев.

– Мафия, то есть Сверхсистема, заменив Купол, правительство и «ККК». Жить становится все интересней. Но не вешайте нос, гардемарины, как поется в одной песне. Мы никого не трогаем, и нас – не должны. Зря я, что ли, заработал эти дырки? – Василий распахнул тренировочную куртку, показал шрамы и две белых звезды на груди и под ключицей – зарубцевавшиеся раны от пуль.

– Не беспокоят? – Матвей встал, жалея, что разговор этот состоялся при Стасе.

– Никаких последствий, здоров как бык.

– Ну и отлично. Конечно же, никто нас не тронет... пока мы не вышли на «тропу войны». Но лично я выходить не собираюсь.

– Я тоже, – радостно ответил Василий, однако уверенности в его голосе не было.

На работу Матвей приехал под вечер и стал свидетелем самого натурального налета на фирму, со знанием дела проведенного местным отделением ОМОНа.

Одетые в стандартные камуфляж-комбинезоны, омо-новцы уложили лицом вниз на асфальт всех, кто был в это время возле здания, в том числе и двух охранников, и проникли вовнутрь. Оттуда уже неслись крики: «К стене! Руки за голову! На пол!»

Матвей не успел поставить машину на стоянку, как к ней подскочили двое с «чеченками» – масками-чулками – на головах и с автоматами Никонова в руках. На Матвея тупо уставились лазерные прицелы и зрачки глушителей.

– Выходи! Руки за голову!

– А что случилось? – любопытствовал Матвей, вылезая. – Я начальник охраны фирмы «Рюрик». Кто у вас главный? Разобраться бы надо.

– Сейчас разберемся. Мордой вниз, быстро!

– Вот мои документы. Отведите меня к командиру...

– Ты что, сука, не понимаешь? – Омоновец без размаха ударил Матвея автоматом в живот и... что называется, передвинул вниз «скобу терпения» Соболева. Матвею хотелось лишь разобраться, в чем дело, если надо – предложить свою помощь, но действия «государственных рэкетиров» в форме милиции особого назначения ничем не отличались от действий обычных бандитов. Это заставило его отвечать адекватно.

Ни сами омоновцы, ни их коллеги ударов не заметили. «Комбинезоны» тихо осели на бордюр возле капота машины. Матвей спокойно поднялся по ступенькам в вестибюль, не обращая внимания на остальных налетчиков, расхаживающих возле лежащих лицом вниз людей; его не тронули, не поняв, в чем дело. Так же хладнокровно Соболев поднялся на второй этаж и, обезоружив двух здоровенных лбов возле двери офиса, за которой начиналась территория фирмы «Рюрик», вошел в приемную президента.

В коридоре он увидел ту же картину, что и на улице: все, кто находился там на момент операции, лежали на полу лицами вниз с руками на затылках, в том числе и охранник Саша, лишь афонинская секретарша Людмила, всхлипывая, сидела за столом, нервно ломая пальцы. Омоновцев здесь было трое, но только у одного на форме виднелись знаки различия – три лычки.

– Что здесь происходит? – тихо и вежливо спросил Матвей, оценив силы доблестных защитников порядка.

– А ты кто такой? – воззрился на него старший.

– Я начальник охраны фирмы. – Матвей покосился на своего подчиненного, на скуле которого багровел кровоподтек. – Санкции на обыск и на применение силы у вас имеются?

– Я тебе покажу сейчас санкции!.. – Один из верзил шагнул к Соболеву – и упал лицом вниз, как бы продолжая движение.

У старшего наряда пискнула рация, видимо, те, у входа, разобрались в ситуации и поспешили предупредить командира. И все же Матвею очень не хотелось начинать потасовку. Все еще теплилась

надежда, что недоразумение быстро выяснится, милиционеры разберутся в ошибке, извинятся и уйдут.

Глаза сержанта сузились, он выслушал сообщение, махнул рукой своим.

– Взять!

В то же мгновение Матвей прыгнул к нему, чиркнул ладонью по носу, отобрал у падающего автомат и направил на двух громил, не успевших даже сдернуть оружие с плеч.

– Стоять! Не шучу! Саша, обезоружь их.

Охранник, смущенный оборотом дела и своей несостоятельностью, выполнил приказ, уложив омовцев у стены. Заметил взгляд Матвея, тронул скулу.

– Я не стал сопротивляться: ОМОН все же...

– Правильно сделал. Но они тебя, гляжу, не пожалели. Все наши в норме?

– Кудёме досталось, он начал было качать права.

– Ладно, лишь бы живой был, сейчас разберемся. Сергей Сергеевич у себя?

– Все там, плюс ихний майор и еще человек пять в камуфляже.

Матвей помог подняться двум пожилым мужчинам, подмигнул Людмиле, глядевшей на него как на привидение, и подошел к сержанту с рацией, который уже очухался и ворочал головой.

– Вызови сюда командира.

– Ах ты, с-сволота, я ж тебя!..

Матвей несильно хлопнул омовца по ушам, тот охнул, замолчал, откинулся назад.

– Вызови командира, одного. Скажи, ему принесли срочный пакет.

Сержант открыл рот, хотел ответить ругательством, но глянул в ставшие холодными, как лед, глаза Соболева и достал рацию.

– Товарищ майор, тут Маркиз вам какой-то срочный пакет приволок, говорит, лично...

Дверь в кабинет Афониной открылась, но вышел оттуда не командир отряда, а один из рядовых омовцев.

Матвей отправил его в нокдаун, отобрал автомат, задумался на мгновение и начал снимать с бойца его комбинезон.

– Саша, помоги. Держи этих «орлов» на прицеле, а если начнут шепуршиться, бей в полную силу. Пока мне не предъявят санкции

прокурора, их действия – вне закона, и мы имеем право обороняться.

Переодевшись, Матвей надвинул на лоб зеленый берет (маску-чулок с прорезями для глаз он натягивать не стал) и зашел в кабинет.

Президент «Рюрика» стоял у стены с руками на затылке, лицом к столу; за столом сидел незнакомый одутловатый малый в сером костюме и работал на компьютере; бледный как мертвец Баблумян сидел на стуле, держась за живот; главный бухгалтер стоял рядом, тоже с руками над головой; двое омоновцев рылись в шкафах, третий держал под прицелом Афонина: их командир, одетый в такой же пятнистый костюм, но с майорскими погонами, низкорослый, коренастый, с красноватым лицом, изучал на столе какие-то документы.

– Ну что там? – обернулся он на звук открываемой двери и замер, уставившись на зрачок автомата. Матвей быстро подошел, уткнул ствол автомата майору в бок и сказал с нажимом:

– Прикажи своим нукерам убратся отсюда!

– Ты кто такой, черт подери?! – прорычал майор.

– Ангел-хранитель. Быстро! – Матвей двумя пальцами слегка сдавил локоть майора, и тот, охнув, просипел:

– Козырев, Шумейко, Рыбкин – на улицу! Ждать приказа!

Верзила-омоновцы, поколебавшись, вышли. За ними вылез из-за стола одутловатый некомбатант [\[6\]](#).

– Спасибо, – поблагодарил Матвей, повернулся к Афонину, глядевшему на него с радостным недоверием. – Что произошло, Сергей Сергеевич?

– Сам ничего не понимаю. – Афонин сел за стол, пощелкал клавиатурой на пульте. – Ворвались, приказали не вякать и начали копаться в бумагах и в компе.

– А ордер на обыск предъявили?

– Нет, конечно!

– Мы имеем право... – начал майор.

– Не имеее, – остановил его Матвей. – Кто приказал провести акцию? Что вы ищете?

– Приказало начальство, а ищем мы доказательства связи с террористами, обстрелявшими вчера мэрию. Нам стало известно, что участвовали в этом ваши люди.

– Чушь собачья! – бросил Шаровский, неодобрительно глянул на Соболева. – Но и вы – герой кверху дырой! Зачем понадобилось заваривать эту кашу? Разобрались бы и без мордобоя. А теперь они возьмутся за нас по-настоящему.

– А вы что же, боитесь? Документы не в порядке?

– Не ругайтесь, – поморщился Афонин. – Это какая-то провокация. Может быть, и не стоило ссориться с ОМОНОм, они тоже люди подневольные, но манера их работы кого хочешь заставит нервничать. А вы видите, что получается, когда сердится мой начальник охраны. – Президент фирмы посмотрел на краснолицего командира ОМОНа. – Похоже, вас подставили, майор. Мои люди никогда и ни при каких обстоятельствах не могли участвовать в террористических актах, и бизнес фирмы абсолютно некриминален. Если ваше начальство хочет разобраться в делах фирмы, пусть присылает специалистов с документом, подтверждающим право на проведение проверки. Уверен, что мы снимем все спорные вопросы. А силой вы ничего не добьетесь.

– Я вас... – Лицо майора налилось кровью так, что казалось, вот-вот лопнет. – Через минуту... штурмом...

Матвей щелкнул его в лоб, майор прикусил язык и умолк, тяжело дыша.

– Убирайся, – медленно проговорил Матвей. – У тебя и так уже завтра полетят погоны, а если начнешь штурм...

Командир ОМОНа поправил берет, оглядел все в кабинете, задержал взгляд на Соболеве, вышел. Через несколько минут отряд снялся и уехал на двух фургонах.

– Ну и дела! – сказал Баблумян неопределенным тоном, посмотрел на президента. – Нажили себе врагов! А ведь тот тип искал файлы целенаправленно. Им нужны были наши счета и депозиты.

– Я так и понял. Да, Соболев, отличился ты сегодня. Но, с другой стороны, пусть все знают, что у нас здесь никому ничего не отломится, ни рэкетирам, ни ОМОНу.

– Что будем делать? – Шаровский похлопал себя по карманам, достал сигареты, закурил. – Кому выгодна эта пиратская выходка, хотел бы я знать? Кому мы перебежали дорогу?

– Мэру, – коротко ответил Афонин. – Его команда давно пытается заставить нас плясать под его дудку.

– Разрешите идти? – спросил Матвей, чувствуя внезапное душевное опустошение, он был здесь лишним.

Сергей Сергеевич посмотрел на него, вышел из-за стола, обнял за плечи.

– Не обращай внимания, ты все делал правильно. Где только научился таким приемам? Отдыхай, завтра поговорим.

Матвей попрощался со всеми кивком и вышел в приемную, где народ, набежавший со всех этажей, оживленно обсуждал происшедшее. К его удивлению, совесть молчала. Винаватым себя не считал, да и настроение не испортилось, хотя в глубине души росла уверенность, что этот случай – еще одна ласточка из грядущей стаи себе подобных.

«А, черт с ними! – пришла холодная мысль. – Хватит прятаться за спины других. Что будет, то и будет, нет смысла бояться судьбы. Надо и в школу сходить, где учительницу Стаса избили, и Кудёме помочь. Если не я, им никто не поможет. ОМОНу легче заниматься такими делами, как сегодня, чем бандитов ловить. И даже если я не прав, противник у меня хоть и сильный, но не Монарх!»

Успокоенный, Матвей пошел утешать избитого Куцему. Он еще не знал, насколько ошибается в оценке ситуации.

«ГОСУДАРСТВО – ЭТО Я!»

Дождь начался еще в середине дня, затяжной, мелкий, холодный, первый из серии осенних дождей, навевающих грусть и меланхолию. Но у хозяина роскошного кабинета, замороженно глядевшего на дождь, настроение было хорошее. Олег Каренович Лобанов занимал один из самых значительных, хотя и незаметных с виду постов в государстве, а именно – пост советника президента. И только несколько человек в Москве знали его еще и как маршала новой организации, заменившей Купол. Организация называлась коротко «СС» – Сверхсистема. Именно она объединила большинство столичных и множество региональных мафиозных и чиновничьих структур, именно она обладала реальной властью в стране, потеснив, вернее, негласно разделив полномочия с президентом и правительством.

Структура Сверхсистемы, подчинившей себе криминальных лидеров и коммерсантов, подавившей конкурентов в столице и многих городах России, была весьма сложной, ибо она впитала или скопировала жизненные принципы не только старого Купола, но и таких «крутых» контор, как Главное разведуправление и ФСБ.

Мозг структуры, ее лидер или, как его называли, маршал, управлял штабом из шести человек, именуемым Тень-кабинетом или просто Тенью; сам босс был седьмым. Именно ему подчинялся «спецназ» – «ССС», отвечающий за физическое устранение противника, «контрразведка» – «КСС», выявляющая чужих агентов в коммерческих сетях, подчиненных «СС», и «служба безопасности» – «БСС», отвечающая за охрану маршала и членов штаба.

Самому Тень-кабинету подчинялась «разведка» – «РСС», отвечающая за сбор информации в криминальных и коммерческих центрах, в органах государственной власти, в МВД и прокуратуре, за вербовку агентов-низовиков и за подготовку акций устрашения и ликвидации; служба боевого и хозяйственного обеспечения – «ХСС», курирующая содержание конспиративных квартир, добывание и хранение оружия; и Аналитический центр Сверхсистемы – «АСС», занимающийся сбором и анализом информации, поступающей из всех доступных источников, в том числе и от агентурной сети.

Низовым звеном «СС» – бригадами, собирающими дань с коммерческих киосков и крупных фирм, контактирующими с милицейскими чинами и организующими разборки с конкурентами, – руководил один из «начальников штаба» – Тень-5, Мирза Тогоев, владелец ресторана «Клондайк». Он же – вор в законе по кличке Аятолла.

Далеко не все работники Сверхсистемы знали о ее существовании. Они добросовестно охраняли офисы, склады, автостоянки, гаражи, дачи, собирали дань с киосков, проводили разборки. Бойцы «СС», называемые «эсэсовцами» или системниками, вступали в дело лишь в крайних случаях, когда требовалась особая секретность акции или масштаб ее не позволял обходиться низовиками. Кроме того, «эсэсовцы»-системники часто подстраховывали работу бригад или исправляли их ошибки.

Имели «СС» и электронные системы разведки, не уступающие тем, которыми пользовались некоторые подразделения Федеральной службы безопасности и МВД: приборы для прослушивания разговоров через стены, окна и двери, для записи чужих телефонных диалогов и кодирования своих, для простукивания помещений в поисках подслушивающих устройств и считывания информации с компьютерных систем. Были на вооружении Сверхсистемы и компактные детекторы лжи, умещавшиеся в кейсах, и аппараты перехвата радиосвязи вневедомственной охраны, патрульно-постовой службы ГАИ, МУРа и других подразделений УВД и ГУБО. Один из таких аппаратов был установлен в кабинете Лобанова и позволял ему прослушивать даже переговоры начальников ФАПСИ и службы охраны президента.

Настроение же у Олега Кареновича было хорошим по многим причинам.

Во-первых, на последнем экстренном заседании штаба ему удалось довершить становление организации, подчинив одного из конкурентов, который занимал высокий пост в Совете Федерации и был одновременно главой клана «Авиа». Теперь предстояло убрать последнее препятствие, чтобы окончательно можно было провозгласить. «Купол умер, да здравствует “СС!”»

Тезис: чиновник всегда потенциально более криминогенен, чем бизнесмен, ибо может обогащаться только бесчестным путем –

оказался верным. И не важно, где работал этот чиновник, на почте или в Государственной Думе, подход к нему был один и тот же – деньги! Или Большие Деньги! А тот факт, что со Сверхсистемой начал работать даже спикер Госдумы, говорил сам за себя.

Стоя у окна кабинета, выходящего на Арбат, Олег Каренович не обернулся, когда в кабинет вошел гость. Это мог быть только Носовой, начальник информационной службы президента, он же Тень-3 в иерархии штата «СС». Хейно Янович обладал влиянием в сфере бизнес-программ, позволяющих негласно увеличивать капитал членам Сверхсистемы – от охранника до депутата, а также в мире рекламы и эстрады, на радио и телевидении. Это было его хобби: в прошлом Носовой был популярным певцом... Кроме того, в организации он заведовал Аналитическим центром.

– Этап борьбы за Самого мы проигрываем, – сказал он, не смущаясь тем, что маршал «СС» не обернулся. – Парадом командует Юрьев, и, похоже, удалить его от президента не удастся, он не захочет ни терять, ни даже делить такой лакомый кусок власти.

Лобанов кивнул. Юрьев был советником президента по национальной безопасности и мог практически в любой момент контактировать с главой государства. Кроме того, Юрьев опирался на своих естественных союзников – советников Парипа, Сабурова и Люшина, которые имели сильные позиции на телевидении и в ряде газет.

Носовой подошел к боссу, зачарованно глядевшему на дождь.

– Но в любом случае главное для нас – не влияние на президента, а сохранение структуры госэкономики.

Лобанов снова кивнул. Хейно Янович имел в виду «вторую» экономику, неофициальную, теневую, где их капиталы действовали под видом и на правах государственных.

Постояв немного у окна, Носовой пожал плечами, вернулся к столу и налил себе минеральной воды.

– Я окончательно понял, что государство – частная собственность бюрократии.

– Поздновато понял, – пробормотал Лобанов. – В России паразитический империализм для высшего бюрократического сословия создан давно, а мы должны его зафиксировать, сохранить, тогда всегда можно будет распоряжаться доходами с «ничьей»

собственности. К сожалению, президент тоже понимает толк в таких вещах, но цель у него другая.

– Какая же?

– Сделать Россию «колонией», сырьевым придатком передовых демократических стран, недаром он начал кампанию по сокращению производств с высоким научно-техническим и интеллектуальным потенциалом. Нам это невыгодно.

– Почему?

Лобанов наконец оторвался от созерцания непогоды за стеклом, сел за стол.

– Потому что нас быстро съест мафия этих стран. Конкуренции мы не выдержим, их опыт исчисляется десятками лет. А работать на других мы не станем. Ведь так, Хейно Янович?

Носовой глубокомысленно кивнул. Ему такие глубины анализа политической ситуации были недоступны, несмотря на то, что он занимал пост советника президента.

– Акцию «Президент» надо форсировать.

Лобанов не ответил. Начальник информслужбы президента имел в виду покушение на главу государства, но спешить с этим как раз не стоило. Надо было попробовать перевернуть ориентацию президента другим способом – «шепотом», – именно такой момент и означал бы, что настоящий хозяин в стране – Тень «СС». А точнее, Тень-1, то есть он, Лобанов Олег Каренович, уже привыкший про себя произносить фразу: «государство – это я!».

– Вообще-то у меня есть идея, как нейтрализовать Самого, – сказал Носовой; фамилия ему не подходила никак – миниатюрный нос Хейно Яновича служил мишенью для бесчисленных каламбуров его сослуживцев. – Президент собирается снова сокращать ядерные арсеналы и численность армии. Надо помочь ему, и генералы, которых у нас слишком много и которые останутся не у дел, задавят его сами.

Лобанов одобрительно глянул на лысину Тени-3.

– Нестандартно мыслишь, Хейно Янович. Какие еще идеи у тебя возникли?

– Необходимо пополнить корпус исполнителей-низовиков и системников. Против нас начали работать «безопасность», «губошлепы», «смершевцы», а теперь к ним присоединится и «Чистилище».

– Вот тут ты прав, – помрачнел Лобанов. – В свое время «СК» много крови попил у Купола, пока не разрушил. Если три «К» – преемница «СК», то противник это серьезный. Я уже проконсультировался кое у кого... – Олег Каренович замолчал, потому что о том, с кем он консультировался, говорить было нельзя. Вряд ли Носовой, как и остальные боссы Сверхсистемы, знал, что генерал Ельшин, начальник бывшего Управления «Т» ФСК, ставший калекой, был другом Лобанова и передал ему в наследство кое-какие «сюрпризы».

– Но, с другой стороны, у трех «К» будет слишком много соперников: милиция, ОМОН, те же «губошлепы» и «федепасы», Минобороны, служба охраны правительства... так что наша задача упрощается, а дойти до нас вряд ли сможет рядовой... – Хейно Янович вдруг хихикнул. – Я только сейчас сообразил: ведь три «К» – это аббревиатура ку-клукс-клана! Неужели эти деятели из «СК» недокумекали? Я-то мучился, как назвать рядового «какакиста», а тут и думать не надо – «куклуксклановцы»!

– Не очень-то радуйся, нас и вовсе называют «эсэсовцами». Кстати, сами «куклуксклановцы» называют себя «чистильщиками». Сути дела название не меняет. Хейно Янович, я тебя вызвал пораньше по двум причинам. Первая: надо усилить давление на некоторых депутатов, все еще сопротивляющихся нам. Подбери кандидатуру для устрашения.

Носовой потрогал свой крошечный нос, поежился, потом снова налил минеральной воды. Сказать, что он был сильно взволнован, значило пойти против истины, однако он знал, что такое «устрашение» в устах маршала.

– Согласен, Олег Каренович. Думаю, Китаенко и Ланцевич подойдут.

– Вторая проблема – тот самый корпус исполнителей-системников. Нужно дать объявления в газеты, что для хорошо оплачиваемой работы требуются молодые люди, владеющие боевыми единоборствами и тренеры воинских искусств. Зарботки очень высокие! Из них и наберем команду. Но мне нужны двое... а точнее – даже один человек, бывший военный контрразведчик, ганфайтер, перехватчик класса «абсолют» Матвей Соболев. Надо выйти на него любыми способами. Любыми!

Носовой снова озадаченно поискал на лице нос.

– Попробую полазить по банкам данных спецслужб. Почему именно он?

– Не задавай лишних вопросов, Хейно Янович. Он крутой профи, если тебе ничего не говорит термин «абсолют». Если удастся склонить его работать на нас... но сначала надо отыскать. Год назад он исчез. А для этого моего знакомого он как бревно в глазу! Садись, сейчас соберутся остальные.

Через минуту в кабинет Лобанова, купленный и обставленный им совсем недавно и о котором не знал почти никто, стали собираться вершители Сверхсистемы, владельцы гигантской сети теневой экономики, пустившей корни во всех сферах жизни государства.

Последним пришел Тень-7, он же Шкуро Борис Натанович, он же бывший мэр в иерархии Купола.

– Неплохо тут у тебя, – сказал он снисходительным тоном, оглядывая кабинет хозяина, располагавшийся на семнадцатом этаже в здании банка «Северо-Запад».

– Да, мне нравится, – с деланным простодушием ответил Олег Каренович.

И в самом деле, по части роскоши кабинет мог бы поспорить даже с Грановитой палатой Кремля, а техническое оборудование его было гораздо лучше.

Шкуро сделал шаг к столу, за которым уже сидели пять человек, и это был последний шаг в его жизни. Олег Каренович отступил в сторону, пропуская вперед незаметного тихого человечка в черном костюме, который поднял пистолет с глушителем и дважды выстрелил в мэра. В это же самое время в приемной были без шума ликвидированы его телохранители, с которыми он, по слухам, не расставался даже на ночь.

Олег Каренович кивнул, начальник службы ликвидации спрятал пистолет и бесшумно исчез.

– Купол сделал свое дело, Купол должен уйти. – Лобанов мельком взглянул на одного из сидевших за столом. – Вас это не касается, Евдоким Матвеевич. Но этот человек пережил себя. К тому же он начал самостоятельно действовать за нашими спинами. – Хозяин кабинета сел во главе стола и нажал на клавишу селектора. – Ярослав, уберите мусор.

В кабинет, огромный, как волейбольная площадка, вошли двое молодых людей в строгих темных костюмах, без усилий подняли громоздкую тушу бывшего мэра и унесли.

— Предлагаю замену, — продолжил как ни в чем не бывало Лобанов, нажимая новую клавишу. В кабинете появился худощавый седой человек в очках. Было бы трудно определить с первого взгляда его возраст.

— Маринич Феликс Вансович, — представил вошедшего Олег Каренович. — Заведует лабораторией психических исследований в Центре нетрадиционных технологий. В нашем штабе — Тень-7. Есть вопросы?

— Чем он будет заниматься? — поинтересовался Тень-5, владелец ресторана «Клондайк». Он контролировал в столице средний бизнес и сбыт наркотиков, а также отвечал за связи с ворами в законе и за набор новых низовиков.

— Системный анализ, компьютерное обеспечение, эвристика и прогнозирование деятельности. А с обязанностями только что носившего... э-э... нашего уважаемого мэра вполне справится и Тень-4. Итак, ваше мнение?

Возражений не было.

Новый босс занял место за столом.

ВЗГЛЯД В СПИНУ

Эзотерические сны стали появляться регулярно, раз в неделю, а то и чаще, повинаясь не то какой-то внутренней программе, не зависевшей от жизненных реалий, не то внешнему воздействию.

Последний из них был весьма занимателен и хорошо запомнился Матвею, потому что таких снов, похожих скорее на телепередачу, он прежде не видел.

Под ним простиралась угрюмая ночная полупустыня с верхушками барханов, светящимися голубым светом, и частыми каменными столбами. На вершине одного из таких столбов он и стоял.

В фиолетовом небе с незнакомым рисунком созвездий висел гигантский объект, напоминающий очертаниями подводную лодку с двумя синусоидальными крыльями. Материал, из которого был сделан корпус лодки, был похож на серо-зеленый ноздреватый сыр или какую-то губку, узор каверн и отверстий подчинялся вполне различимому закону симметрии: так издали смотрятся пчелиные соты. Дырчатые крылья левиафана были полупрозрачными, с краев свисала бахрома, напоминавшая траву или водоросли – будто вся эта конструкция была растительного происхождения.

...Два всадника, мчавшиеся через пустыню, оставляли за собой хвосты светящейся пыли. Под неподвижно висящей «растительной лодкой» они остановились. Матвей напряг зрение и содрогнулся: под всадниками были не лошади, а какие-то неизвестные животные. Да и сами седоки, хотя и имели человеческие очертания, не были людьми. На миг сверкнули их горящие рубиновые глаза-щели на отсвечивающих металлом лбах. Остальное скрывали накидки, окутывающие фигуры и нижнюю часть лиц.

Один из всадников крикнул: пронзительный стеклянный вопль, всколыхнув тишину, умчался в пустыню, но ни одно движение не нарушило мертвой неподвижности гиганта над холмами. Всадники посовещались, потом один из них размахнулся и метнул вверх что-то вроде копья, которое вонзилось в днище «лодки», оставив за собой паутинку света. Что-то вспыхнуло там, в глубине пористого корпуса в полусотне метров над землей, вспыхнуло и погасло. Всадники снова

посоветовались, наклонившись друг к другу, и повернули в пустыню. Вдруг один из них заметил Матвея и не раздумывая метнул в него светящееся копьё...

Проснулся Соболев словно от удара током – горел и дергался глаз, в который попал странный копьеметатель! Но не это поразило Матвея, он вспомнил на миг свое тело, вернее – тело наблюдателя из сна, тело полульва-получеловека!..

Сон был интересен еще и тем, что вызывал ассоциации, связанные с эзотерическими концепциями Петра Дмитриевича Успенского. Висящий в воздухе колосс, например, напоминал «город» или «крепость» апоидов – древнейших разумных пчел, цивилизация которых погибла десятки миллионов лет назад по неизвестной причине. Успенский, правда, в своих трудах называл эту причину – вмешательство неких сил, контролирующих земную реальность.

Если бы Матвей мог, он «заказал» бы продолжение сна, но прямой связи со своим подсознанием у него пока не было. Та связь, которую установил когда-то Тарас Горшин, «корректируя» сознание Соболева, почему-то перестала действовать. И все же Матвей был доволен: его генетическая память начинала потихоньку «выходить из транса».

Внешняя жизнь шла своим чередом, и менять ее Соболев пока не собирался.

В четверг он отвез Стаса в хирургический центр, а в пятницу целых два часа просидел в коридоре, пока мальчишке не прооперировали колено. Операция прошла нормально при полной анестезии. Стас спал, поговорить с ним не удалось, и Матвей отправился в лицей. Он надеялся разыскать мерзавцев, избивших учительницу, хотя применять силу не хотелось.

После посещения лицея картина происшествия обросла дополнительными подробностями, но главное, что заставило Матвея действовать, – это уверенность всех, с кем ему удалось побеседовать, в том, что виновных опять не найдут. И уверенность эта была не беспочвенной. Прошло уже пять дней с момента нападения, а следствие по делу почти не развивалось. Местное милицейское начальство приказало «не форсировать розыск». На звонок директора лицея в «Вечерку» журналисты отозвались вяло: не убили же, так о чем особенно трубить?

– Безнадега, – вздохнул муж учительницы, сублильного вида бородач, преподаватель в радиоинституте. – Я ходил к родителям девочки, из-за которой весь сыр-бор разгорелся, так мне даже на порог ступить не дали, собаку пообещали спустить.

– А жена как себя чувствует? – поинтересовался Матвей.

– Да так, отошла уже. Хотя и рвота была, и слабость... Сотрясение, в общем.

– Но ведь если есть травмы, то можно возбудить уголовное дело!

– В том-то и штука, что травм нет! Сначала ее ударили в живот, потом по голове, но следов практически не осталось. Видно, профессионалы били. – Муж учительницы махнул рукой. – Похоже, на роду у нас написано смиренно дожидаться своей очереди не угодить кому-нибудь из этих... которые из грязи – да в князи. Они ведь совершенно ошалели от долларов, лимузинов и норковых шуб! Видели бы вы эту мадам, мать Сани... той самой девицы... Воспитана в лучших традициях заносчивости и пренебрежения! Говорят, она вообще пригрозила лицей взорвать, если от них не отстанут. А Лена... что ж, выздоровеет, конечно. Однако в лицей больше не вернется.

Поразмыслив над словами бородача, а особенно над тем, что он говорил о синяках и травмах, Матвей отправился к Василию на работу и рассказал ему всю историю.

– Ага, ты хочешь организовать свое частное бюро расследований, – кивнул Балугев, одетый по обыкновению в спортивный костюм. – Или что-нибудь покруче? «Мини-стопкрим», например?

Матвей молча покачал головой.

– Труба зовет? – продолжал полунасмешливо-полусерьезно Василий. Матвей кивнул. Балугев с улыбкой прищурился. – Я же говорил, что ты не выдержишь тихой пристани! Конституция не та, все равно потребует свое. А как ты собираешься добиваться справедливости?

– На следственные мероприятия времени у меня нет, поэтому действовать придется дедовским способом.

– То есть пойти к этим держимордам и учинить допрос с пристрастием? – Василий отбросил шуточный тон.

– Да. Но я хочу выйти не только на исполнителей, но и на того, кто дал приказ избить учительницу. Кстати, били ее действительно со

знанием дела: ни одного синяка не оставили, а чувствует она себя до сих пор скверно.

– Хорошо, идем. Один ты, конечно, справишься, но вдвоем мы все же стоим побольше.

– Не сейчас, вечером, я заеду на машине. Кстати, наведи «макияж»: осторожность не помешает.

– Не учи ученого, ганфайтер, я из формы еще не вышел. Между прочим, я недавно прочитал объяву в «Коммерсанте»: в Москве образуется частное агентство по защите прав граждан и охране предпринимательства. Примерно то же, что и наша контора, только помасштабней. Не хочешь предложить им свои услуги?

– Не думал. Скорее всего нет.

– А я вот подумываю. Все-таки провинциальная жизнь не для меня. Да и подруга рвется в столицу. У нее родители там окопались. Хотя я ничего еще не решил. Чаю попьешь?

– На работе не пью. – Матвей поднялся и, попрощавшись с Василием, отправился в офис.

В семь часов вечера они подъехали к новой шестнадцатизэтажке, выстроенной турецкой строительной компанией для «отцов города». Дом находился в самом центре, на площади Свободы. Квартыры в нем были шикарные и по планировке, и по отделке, поэтому ничего удивительного не было в том, что дом охранялся. Однако стоило Матвею, одетому, как и Василий, в спортивный костюм, сказать солидному вахтеру, что они по вызову к Маракуцу, как их тут же пропустили. Вероятно, такие гости появлялись здесь нередко.

На пятом этаже возле стеклоблочной стены, отгораживающей две квартиры – самого Маракуца и соседнюю, – сшивался какой-то коренастый угрюмый тип в точно таком же костюме, как и на «гостях». Он оглядел незнакомых посетителей исподлобья, но ничего не сказал, видно, поджидал кого-то.

– Нам везет, – констатировал Василий, – не надо будет ломать дверь. Эй, мужик, босс дома?

– Зачем он вам нужен? – неожиданным дискантом отозвался коренастый. В том, что гости пришли именно к его хозяину, он, похоже, не сомневался.

– А тебе-то что? Мы ему тут кое-что принесли.

– От кого принесли?

– От деда моего! Много будешь знать, скоро состаришься. Зови босса, «шестерка».

«Спортсмен» выхватил из кармана пружинный нож и потянулся за рацией, но сказать ничего не успел – Василий уложил его ударом в подбородок. Нож и рацию отправил в мусоропровод.

– Ну, что будем делать дальше?

Вместо ответа Матвей нажал кнопку звонка, трижды посигналил. В тупике за стеклянной стеной послышался звук открываемой двери, кто-то протопал по коридору и открыл запор: видимо, кроме своих, никого не ждали. Это был такой же «спортсмен», что и перед входом, разве что пониже ростом и помощнее. Василий перехватил его руку, нанес резкий удар растопыренными пальцами в лоб и потащил, оглушенного, в глубь коридора.

Вход в квартиру – металлический моноблок, две двери, суперзамки фирмы «Локхид», отделка под карельскую березу – был открыт, и они вошли.

Квартира Николая Савельевича Маракуца, Саниного папаши, оказалась пятикомнатной. Обставлена итальянской мебелью, испанские ковры, картины на стенах и разные «прибамбасы» вроде кадок с пальмами, стенных аквариумов в нишах, искусных подсветок и раздвижных панелей с инкрустацией.

В прихожей топтался еще один «спортсмен», похожий скорее на очеловеченного гризли. Он с недоумением уставился на вошедших, потянулся было под куртку, откуда выпирала рукоять пистолета, но Василий, не отпуская обмякшей туши его приятеля, легко ткнул охранника в солнечное сплетение.

На шум, произведенный упавшим «гризли», из гостиной в конце огромного коридора-foyе выглянул сам хозяин – молодой, но уже потерявший фигуру мужчина, похожий на борца сумо или на штангиста-тяжеловеса. Из комнаты слева появилась его жена.

Матвей без труда узнал ее по рассказу директора лицея. Мадам Маракуц вполне соответствовала сложившемуся образу: шикарная, полная, роскошных форм молодая «леди» в дорогом халате и с сигаретой в холеных пальцах.

– Что такое? – требовательно произнесла она грудным голосом. – Кто вы такие?

Хозяин скрылся в гостиной, и Матвей догадался зачем. Ускорил темп, в два прыжка пересек коридор и с ходу применил свой излюбленный прием: метнул в «штангиста», уже вытащившего откуда-то пистолет, круглый камешек-окатыш. Камень угодил хозяину в лоб, и тот осел, роняя оружие. «ТТ», определил Матвей. Двое гостей Маракуца так и остались сидеть в креслах, не успев даже пошевелиться. Один из них был полковник милиции Сиволапов. Тот самый, который давал приказ «пощупать» фирму, мелькнуло в голове у Матвея, а второй оказался заместителем главы местной администрации. Они, видимо, еще не поняли, в чем дело, потому что вели себя мирно.

– Кто приказал избить учительницу лицея Григорину? – негромко, но отчетливо произнес Матвей, когда хозяин очухался.

– Кто ты такой? – прохрипел Маракуц, пытаясь схватить Матвея за горло. – Какого хрена?!

Соболев повторил вопрос.

– Пожалеешь, козел, что на свет родился! – зарычал «штангист» и, потрогав лоб, на котором появился багровый бугор, скривился. – Вот сволочь! Эй, Губа, где ты там...

– Врежь ему побольней, – посоветовал Василий из коридора. – Сразу заговорит на два тона ниже.

– Повторять вопрос больше не буду. – Глаза Матвея стали холоднее колодезной воды, и Маракуц понял, что к нему пришли разбираться не простые гости. Эти парни были покруче его телохранителей, а силу Маракуц уважал. Крикнул:

– Мила, иди сюда!

В гостиную «вплыла» супруга, не потерявшая своего апломба и величавого презрения.

– Говорил тебе, не вмешивай в свои дела моих ребят. Теперь вот разбирайся сама!

Матвей перевел взгляд на хозяйку, и та, заглянув в его голубые, полные глубокого спокойствия и уверенности ледяные глаза, вздрогнула.

– Что надо? С какой стати я должна отвечать всякому...

– Поаккуратней в выражениях! Значит, это вы приказали избить учительницу лицея, в котором учится ваша дочь?

– Так это все из-за той вертихвостки? – искренне изумилась «леди» Маракуц. – Я дала ей урок, только и всего. Будет знать, как надо вести себя с приличными людьми...

Матвей незаметным движением кости метнул голыш, и графин с янтарным соком на столике разлетелся на куски, заставив вздрогнуть всю компанию. Мила Маракуц побледнела.

– Мразь! – донесся из прихожей голос Василия. – Была бы она мужиком – на всю жизнь запомнила бы... как надо вести себя с приличными людьми!

– Э-э... – озадаченно промышчал полковник Сиволапов, видимо, начиная соображать, что к чему. – Вы что себе...

– Сидеть! – Матвей наставил на него палец. – Ты свое дело сделал, прикрыл бандитов. Теперь ими займемся мы.

– Что сидишь? – повернулась к мужу подбоченившаяся хозяйка. – Их всего двое, вышвырни их. Где твои хваленые соколы? Или они только девок бить умеют? А вы что сидите, Константин Михайлович? Позвоните своим...

Сиволапов дернулся было к телефону, однако бросок Матвея разнес изящную трубку вдребезги.

– Да кто вы такие? – взвыл Маракуц.

– Три «К», – весело ответил Василий. – Слышал небось, подонок? Готовься к за그робной жизни.

Матвей усмехнулся в душе, видя, как бледнеет хозяин, а у гостей вытягиваются физиономии. Видимо, им уже было известно, что «Чистилище» заработало вновь.

– Кто избивал учительницу? Фамилии, адреса.

Маракуц сглотнул, обвел комнату невидящим взглядом и вдруг выдернул из-под подушки кресла еще одну «пушку» – автомат «гюрза». Матвей опередил его на долю секунды, вырвал автомат и двинул владельцу по уху. Маракуц понял, что говорить придется. Запинаясь, назвал три фамилии с адресами.

– Их было четверо, – напомнил Матвей.

– Четвертый в коридоре... Бабурин...

– Спасибо, дружок. Кстати, советую прикрыть свою лавочку, чем бы ты ни занимался. Сегодня мы пришли только предупредить, в следующий раз явимся по твою душу. Да и вам, господа, советуем подумать, с кем дружить и как работать дальше. Ваша очередь

наступит скоро. Теперь что касается вас. – Матвей повернулся к бледной от испуга женщине. – Жаль, что вы не мужчина – я поучил бы вас хорошим манерам! Но если и впредь будете – вести себя так же похамски, «Чистилище» позаботится о вашем... э-э... воспитании. Я понятно выражаюсь? Не слышу.

– Д-да... я постараюсь...

– Вот и хорошо.

Через несколько секунд «псевdochистилицы» исчезли, прихватив с собой одного из «спортсменов», еще не вполне очухавшегося от нокаута.

– Маракуц сейчас позвонит своим «нукерам», и мы никого не найдем, – сказал Василий, садясь в машину. – Или нам подготовят засаду.

– Вряд ли. Команда у него не военная, а полубандитская. До засады они не додумаются. Да и дома такие слоны по вечерам не сидят. Этот ублюдок должен знать, где найти остальных. – Матвей усадил парня на заднее сиденье, похлопал по щекам. – Очухался, болезный? Где мы можем отыскать твоих приятелей – Вислого, Муху и Дохляка?

«Спортсмен» дернулся было, но затих в железных тисках Василия.

– Сиди смирно, а то кости поломаю. Так где, говоришь, можно их найти?

– Я в-вас!.. С-суки... Ой!.. – Он взвыл от едва заметного тычка в болевую точку. – Они сейчас, наверное, в «Белом носороге», в баре...

– Поехали, покажешь.

Бар находился неподалеку от кинотеатра «Родина». Матвей поставил машину во дворе, и все трое прошли в бар через черный ход, где пара амбалов в кожанках проверяли каждого на предмет ношения оружия. Губу – «спортсмена» – амбалы, кажется, знали и пропустили без звука. Впрочем, как и его сопровождающих.

Троица бандитов, избивших учительницу, сидела за столиком, укрытым декоративной резной панелью, в углу небольшого уютного зала, освещенного неяркими бра. Компанию разбавляли еще два мордоворота и три девицы. Матвей подошел к столику.

– Пошли выйдем, – наклонился он к уху Дохляка, на которого указал Губа. – Поговорить надо. И дружков захвати.

Дохляк – глыба мускулов с габаритами шкафа – удивленно глянул на Соболева, затаился сигаретой и выдохнул дым ему в лицо.

– Не понял!

– Поговорить надо. – Матвей быстрым движением пропихнул всю сигарету в рот Дохляку. – Бери Муху и Вислого. Губа все объяснит! Только не здесь.

Дохляк вскочил, отплевываясь, но Матвей уже шел за Василием, который вел к выходу приплясывающего от боли Губу. Через минуту из двери вывалилась целая компания: трое «нукеров» Маракуца и те двое, что сидели с ними за столом.

– Че надо, козел? – прорычал рассвирепевший Дохляк. Матвей хлестко отвесил ему пощечину.

– Это задаток. За воспитание учительницы. Чем били?

«Нукеры» на мгновение замерли. Затем Дохляк взревел: «Ах ты, сучара!» – бросился на Матвея и тут же споткнулся, пропахав носом борозду в асфальте.

– Хорошо, что их так много, – с удовлетворением потер ладони Василий, – а то неудобно было бы: вдвоем на четверых...

Потасовка длилась недолго. Сопротивление оказал лишь один из парней – Вислый, который знал карате в объеме седана [7], – но и он продержался лишь несколько секунд, получив под конец от Василия точный дуаньда [8], сломавший ему челюсть. Остальные отделались синяками и сотрясениями мозга, сполна заплатив за то, что сделали с беззащитной учительницей...

У Василия они переоделись, приняли душ и до ночи беседовали, вспоминая детство. О «работе» не говорили, хотя чувствовали почти одно и то же.

– Я всегда любил возиться в лужах, – с улыбкой рассказывал Василий, развалившись на низкой кушетке. – Я ведь родился и до третьего класса жил в небольшом городке на Брянщине. Наш дом стоял на окраине – бревенчатый пятистенки. Свой участок, сад, хоздвор, обычная деревенская улица... и лужи после дождя. Меня просто тянуло к ним. То кораблики, то запруды и дамбы, то «морские сражения». Я вообще любил смотреть на воду...

– Я тоже, – кивнул Матвей, вспоминая, что родился в таком же городке. Мать долго не могла родить, хотя они с отцом мечтали о ребенке. А потом она попала в авиакатастрофу, уцелела чудом и...

через девять месяцев и девять дней вопреки судьбе на свет появился он, Матвей Соболев...

– Потом я уехал, закончил физфак МГУ, но по специальности практически не работал, – продолжал Василий расслабленно. – В пять лет отец отдал меня в секцию дзюдо, в девять мы переехали, я перешел в сингитай [\[9\]](#), а оттуда в Академию боевых искусств. Айкидо и кунгфу я занялся, уже когда был резервистом спортивной комиссии КГБ, в тринадцать лет, а ты?

– А я начал заниматься борьбой с трех лет, – нехотя ответил Матвей, но продолжать не стал. Василий задумчиво оглядел его тонкое, спокойное лицо, допил кофе.

– Знаешь, о чем я жалею? О том, что мы не нашли какого-нибудь нестандартного хода с этим делягой Маракуцем и его бандой. Вряд ли урок пойдет им на пользу, они привыкли жить по-наглomu. Видел их рожи? Дебилы настоящие!

– Ничего! С такими так и надо – чем проще, тем лучше. И еще желательно, чтобы больно было. Да, заставил ты их призадуматься, упомянув «Чистилище».

Василий хмыкнул.

– А что, согласишься, это была неплохая идея. Знаешь, хорошо, что мы наконец проснулись от спячки. Стоит хоть изредка бить морды подлецам, раз закон не работает. Так что не терзайся.

– Да я и не терзаюсь. – Матвей переменял тему, заговорив о Парамонове и о том, как вылечить Кристину. Сам он далеко не был уверен, что поступил правильно, выйдя на «тропу войны» с подлецами.

Василий отнесся к идее врача серьезно, пообещав подумать, как провести «операцию». Посидев еще немного, Матвей засобиравался, оставив Василия одного в его однокомнатной квартире, явно прибранной не мужскими руками. Женат Балуюев не был, но с полгода назад у него появилась подруга. Матвей ее знал – симпатичная массажистка Лариса из салона «Ваш имидж».

Последним событием бурного дня была встреча Соболева с лифтовыми рэкетирами. Что это такое, Матвей знал из газет и до сих пор сам не сталкивался с этой разновидностью бандитизма.

Обычно это происходило так.

Один из бандитов ждал жертву на первом этаже и, как только появлялся подходящий «экземпляр», подсаживался в кабину. Этаже на третьем он останавливал лифт. Тут-то к ним и присоединялся еще один «пассажир», молча показывал несчастной жертве нож или пистолет, в то время как первый отбирал вещи и деньги. На следующем этаже мошенники высаживались, запуская лифт под самую крышу. Искать их спустя четверть часа, когда жертва ограбления добиралась до своей квартиры, было, разумеется, уже бесполезно.

С Матвеем в лифт вскочил мальчишка лет шестнадцати, самого обычного вида. Соболев не обратил бы на него внимания, если бы на втором этаже не вошел огромный бугай в кожаной «броне». На предложение здорового грабителя: «Гони монету!» – Матвей ответил простодушно:

- А корень не надо?
- К-какой корень? – опешил громила.
- Квадратный. – Матвей подумал и добавил:
- Из минус единицы.
- Ты еще ш-шутить взду...

Ни «кожаный» детина (как же они все любят кожаную униформу, прямо-таки атрибут касты!), ни юный напарник не успели ничего предпринять, потеряв сознание от ударов бедной жертвы. Мальчишку Матвей пожалел, а вот громилу выключил надолго, не меньше чем на час: пусть запомнит эту встречу надолго!

А выходя из лифта на своем этаже – жил он на седьмом, – Матвей вдруг почувствовал, как кто-то неслышно возник за спиной. Мгновенно отпрянув в сторону, Соболев оглянулся, но сзади никого не было! Однако ощущение взгляда в спину – тяжелого, пристального, иронично-снисходительного – осталось. Взгляд этот мог принадлежать только одному существу на свете – Монарху Тьмы!

БАТОНЫ НАРЕЗНЫЕ 45 КАЛИБРА

Генерал Гусев был вечным заместителем. Какие бы этапы своей военной карьеры он ни проходил, его всегда назначали замом. Министром обороны он стал неожиданно для всех, но главное – для себя, ибо на столь высокое кресло просто не замахивался, хотя и был замминистра по кадрам. Однако министр Галкин лишился погон в одночасье, а через день Федор Иванович уже въезжал в его кабинет, обалдев от скорости принятия решений главнокомандующим российской армией – президентом.

Слухи о степени вины Галкина ходили разные, но дело тихо спустили на тормозах, так как вместе с министром ушли с постов многие высшие лица государства: премьер Краснорыжин, министр внутренних дел, директор ФСК.

Все эти дела почти не интересовали нового министра, середнячка по всем параметрам, но, вцепившись в штурвал одного из самых непотопляемых кораблей власти, Министерства обороны, Гусев быстро принял все правила игры на этом уровне и доказал, что может быть жестким и требовательным начальником, радеющим об успехах армии и обороне государства. Мало кто знал, что за спинами других мощных фигур этого самого государства он быстро преуспел еще в одной сфере деятельности – набивания собственного кошелька. Гусев не брезговал ничем, в том числе и связями с мафиозными структурами, подтверждая известный закон Савченко: к власти приходят в большинстве своем умственные недоноски с бычьим темпераментом и зарядом животной силы, ибо такова природа любой власти! Человек, достигший вершины при всей своей умственной ограниченности и неумении что-то делать, всегда живет лучше тех, кто много знает и умеет.

Поскольку холуйско-палаческая составляющая пресловутой «славянской души» у Гусева была выражена достаточно ярко, он быстро задавил в своем министерстве всех людей с самостоятельным мышлением, зато в Совете безопасности и перед президентом разве что на задние лапки не становился. О демократии между министром

обороны и подчиненными речь никогда не шла, в их отношениях царил абсолютизм Устава и абсолютизм звездочек на погонах.

Гусеву шел сорок третий год, но выглядел он на все шестьдесят: невысокий, квадратный, медлительный, с широким рыхлым лицом, на котором горели маленькие недобрые глазки. Но самой примечательной деталью этого лица был хищный кривой нос, живший как бы отдельно от всего остального. По его цвету подчиненные всегда безошибочно определяли, в каком настроении находится министр.

В это утро двенадцатого сентября Гусев вызвал к себе зама по режиму и главного эксперта Комитета по новым технологиям, чтобы решить с ними кое-какие важные вопросы.

Заместитель по режиму генерал Глухарь прибыл на несколько минут раньше, однако дождался главного эксперта в приемной, и они вошли в кабинет министра вместе, выражая своим видом трогательное единство противоположностей. Насколько полковник Громов был высок, худощав, гибок, пышноволок, настолько Яков Устимович был приземист, толст, неповоротлив (под стать министру) и плешив. Если от Громова всегда пахло дорогими лосьонами и одеколоном «Ван мен шоу», то от генерала Глухаря постоянно несло казармой и пивом.

– Полковник, – сказал министр, кивком поздоровавшись и кивком же предлагая обоим сесть, – поделился бы с Яковым Устимычем секретом, как можно вырастить такую шевелюру, а то он у нас на облезлую псину похож.

– Да она сама выросла, – прикинулся простачком Громов, уже привыкший к солдафонским шуткам министра.

Глухарь покосился на полковника, однако и ему манеры начальства были не в новинку. Он только буркнул в ответ:

– Волосы для мужика не главное.

– Ладно, приступим. Наш «Смерш» начал копать дело об утечке оружия из лабораторий Тулы-2 и Удмуртии. Прямому давлению Никушин не поддается, я ему звонил уже, поэтому придется действовать иначе, и займетесь этим вы. Как – подумаете. Прежде всего, конечно, надо остановить попадание информации в прессу, все остальное потом. Теперь об эксперименте «Туннель». Получилось что-нибудь?

Министр обороны имел в виду эксперименты военспецов по «темному кодированию» в метро. На стены туннелей наклеивались на

определенном расстоянии светоотражающие квадраты с закодированной информацией, которые при определенной скорости поездов метрополитена складывались в смысловые пакеты, действующие на психику тех, кто имеет обыкновение смотреть в окно поезда. Смысловым пакетом могла быть и реклама, срабатывающая в подсознании, независимо от сознания перципиента, и любая другая команда от самой безобидной, типа «почеши глаз», до приказа в моменты выборов вычеркнуть из списков того или иного претендента на место в парламенте.

– Результаты обнадеживают, – сказал Громов. – Но обработка их займет еще какое-то время, слишком велик разброс мотивации поступков у разных социальных групп. И все же вывод однозначен: «темное кодирование» возможно.

– Отвечаете за режим секретности оба! Перспективы эксперимента таковы, что и не снились нашим поборникам мира в Совете. А каковы результаты по НК?

Громов достал из папки кассету, вручил министру.

– Убедитесь сами.

– Потом. В двух словах: ваше мнение?

– «Дырокол»... э-э, то есть НК, работает! На расстоянии в сто метров образуется канал диаметром в сантиметр. Сдвиг тоже равен сантиметру. – Речь шла об эксперименте с «невидимым копьем» (шифр НК) – новейшей разработкой спецлаборатории в Петербурге, создающей особое поле, мгновенно сдвигавшее все атомы и молекулы в зоне «выстрела». Действовало поле на любые материалы от молекул возка до атомов танковой брони, и защиты от него пока не существовало. Выход НК из стадии экспериментальных проверок резко изменял соотношение сил с любой армией мира, потому что решал проблему уничтожения как живой силы противника, так и техники самым простым и действенным способом.

– А говорят, все лучшие умы сбежали за границу, – заметил министр. – Черта лысого! У нас они сидят. Извини, Яков Устимыч, я не только тебя имел в виду. Ну и последнее. Когда мы получим новые «глушаки» и «болевики»? Программа испытаний закончена еще нашими предшественниками, пора выходить на мировой рынок.

– Ельшин уже попробовал, – пробормотал генерал Глухарь. – Что из этого вышло, вы знаете. Даже странно, что журналисты до сих пор

не пронюхали об этом! К счастью, всю информацию в компьютерах как корова языком слизнула! Но если общественность узнает об испытаниях...

– Вот для того ты и поставлен замом по режиму, чтобы никто ничего не узнал. Впрочем, если кто и узнает, самое страшное, что нам грозит, – мораторий на разработки и применение психотропного оружия. – Министр достал из стола черный пистолет необычной формы, любовно погладил ствол, направил по очереди на подчиненных. – Эта штука незаменима в наше время, не правда ли, господа офицеры?

Громов и бровью не повел, поскольку носил в кобуре точно такой же «глушак», или суггестор «Удав», а генерал Глухарь беспокойно заерзал на стуле, хотя тоже видел новый образец «глушака» не впервые.

– Свободны, – махнул пистолетом министр, вдавил клавишу селектора. – Юрген появился?

– Так точно, – ответил интерком голосом адъютанта.

– Впустить.

В кабинет вошел полковник Томас Юстович Юрген, эстонец по национальности. Официально Юрген числился начальником курьерской службы Министерства обороны, неофициально – возглавлял «службу гашения конфликтов» и подчинялся непосредственно министру. Юрген был молод, поджар, смугл, невысок ростом, но весьма силен и владел всеми видами восточных единоборств, хотя специализировался в эстывия – эстонской разновидности карате. Кроме того, он был отменным охотником и следопытом. Полковником же Юргена сделал министр обороны, сразу сменив ему погоны старшего лейтенанта на погоны полковника «за отличную службу»: до прихода Гусева старлей Юрген командовал взводом охраны министерского аппарата.

– Садись, – небрежно кивнул Гусев на стул. – Память у тебя хорошая, поэтому письменного приказа не будет, запоминай. Первое: надо «погасить» того настырного журналиста из «Красной звезды», он увлекся раскапыванием наших «оружейных» дел.

– Листохладова?

– Не перебивай. Второе: убрать бы надо и Голышева, он слишком много знает о наших проблемах в Грузии.

– Может, припугнуть сначала?

– Нет, он из старой гвардии, их угрозами не остановишь. И третье: пора подумать о «гашении» Самого. Судя по информации от доверенных лиц, он со своим советником по безопасности готовит проект радикального сокращения армии и, главное, ядерных арсеналов. Чего мы, естественно, допустить не можем! В целях, так сказать, защиты отечества. Запомнил? В средствах я тебя не связываю, на твой выбор.

– Что-нибудь еще?

– Да ты хват, эстонец, я еще не все сказал! О трех «К» слышал?

– Разумеется.

– Моя разведка доносит, что «Чистилище» вот-вот возьмется за нас. Надо их упредить. А для этого необходимо создать свое «Чистилище»... вернее, «Античистилище»... Группу охотников за охотниками, этакое два «О».

– Тогда уж лучше три «О», в пику трем «К»: отряд охотников за охотниками.

– Что ж, звучит неплохо: «ООО» против «ККК». Итак, формирование трех «О» я возлагаю на тебя. Есть соображения по командире?

– Я сам могу возглавить отряд.

– Тебе и без того достанется немало работы, кроме того, нужен человек, которого никто не знает.

Полковник задумчиво сощурил и без того маленькие глазки.

– Есть у меня подходящая кандидатура... Мой дружок Паша... Пауль Артурович Кийк. Капитан, командир разведроты седьмого авиадесантного полка.

– Того, что был расквартирован в Пярну?

– Под Таллином, в поселке Харью Вяйке. Паша – спец высокой квалификации, еще в Чечне отличился... на стороне Дудаева. Потом, правда, вынужден был завербоваться в эстонскую полицию...

– Хорошо, принеси личное дело. Смотри не промахнись. Нужен человек, умеющий не только стрелять и драться, но и держать язык за зубами... А где он сейчас, этот твой герой?

– Мы на одной улице живем. – Юрген растянул в улыбке тонкие бескровные губы. – Пленных он сильно не любил... да и солдат своих учил... жестковато. Но – орел!

– Жестковато... – проворчал министр. – Впрочем, это хорошая рекомендация. Иди, завтра доложишь, что надумал.

Не отодвигая стула, Юрген поднялся гибким движением и бесшумно вышел. Гусев посмотрел ему вслед со странным чувством восхищения и опаски, ибо человек этот не знал ни преград в достижении цели, ни пределов жестокости.

Правда, министру был известен еще кое-кто, превосходивший в жестокости и равнодушии и Юргена, и многих исторических персонажей.

* * *

В тот же самый день и в то же самое время состоялась малая «планерка» у директора Федеральной службы безопасности генерал-лейтенанта Ковалья Сергея Вениаминовича. Приглашены были только начальники управлений. Место директора Коваль занял год назад после отставки генерала Панова, но его назначение не было неожиданностью ни для сотрудников ФСБ, ни для него самого.

Сергей Вениаминович начал свою деятельность еще в легендарном КГБ, где успел поработать начальником чуть ли не всех важнейших отделов: следственного – курировал дело директора ЦУМа, отдела контрразведки – разработал операцию «Сурок» против литовских шпионов, в результате которой был задержан резидент военной разведки «дружественной» державы, скупавший оборонные технологии. Кроме того, Коваль, тогда еще полковник, спланировал операцию «Ковбой-2» по делу так называемых «инициативников», потенциальных агентов, ищущих контакты с иностранными спецслужбами с целью продать технологию российского космического «челнока».

Затем была служба в столичном управлении КГБ по контрразведывательному обеспечению органов внутренних дел, которое потом было реорганизовано в отдел по борьбе с организованной преступностью. Сергей Вениаминович вел там дела подольской и кунцевской преступных группировок. Оттуда его перевели в Управление по борьбе с контрабандой и коррупцией Министерства обороны. Три года он поработал заместителем, потом

начальником академии ФСК и вернулся в федеральную службу уже начальником Управления «КК» (по борьбе с коррупцией и контрабандой) и заместителем директора. Словом, это был профессионал, деловые качества которого не подлежали сомнению. Что же касается качеств личных, то генерал Коваль был всегда спокоен, даже флегматичен, с подчиненными ровен и решительно не был подвержен человеческим слабостям: не пил, не курил, к женщинам и азартным играм тяги не испытывал, телевизор не смотрел и в компаниях не участвовал. Зато с одержимостью фанатика любил разрабатывать игровые программы для компьютеров и с компьютером общался чаще, чем с людьми.

Высокий, худой, седоватый, с длинным холеным лицом, он был похож на английского лорда, особенно в гражданском костюме. А носил он его всегда, за исключением редких торжественных мероприятий.

Начальники Управлений собирались по одному. Первым пришел генерал Бондарь, начальник Управления «К», занимающегося собственно контрразведкой. Длинный, сухой как жердь, но сутулый, был он хмур, малоразговорчив, и весь нрав его, упрямый, неприветливый и недоверчивый, свободно читался на вытянутом лошадином лице. Он был единственным из высших должностных лиц ФСБ, кто остался на прежнем месте после реорганизации, все остальные начальники Управлений пришли вместе с новым директором.

— Что, еще никого нет?

— А я? — меланхолически пошутил Коваль.

— Любит молодежь форс держать, — заметил главный контрразведчик, имея в виду, что остальные начальники гораздо моложе его. — Я начинаю укрепляться во мнении, что старики и молодые — совершенно разные типы цивилизаций на Земле, вынужденные в силу социальных обстоятельств жить рядом.

— Какой же ты старик, Владимир Алексеевич? Пятьдесят семь — это не возраст.

— Годы не всегда есть мерило возраста. Уговорил меня вчера зять сходить на выставку панк-авангарда в зал на Кузнецком. Господи, облевался! Это ж каким психом надо быть, чтобы устроить подобный вернисаж?! Художников, с позволения сказать, было пятеро, а их

картины... – Владимир Алексеевич достал платок и высморкался. – Один, значит, устроил «сад камней» – штук двадцать бетонных блоков с арматурой полил грязью, а в луже между ними сам улегся голый. Второй, тоже в чем мать родила, стоял в тазу и бормотал «гы-гы-гы-гы!» в течение восьми часов! Да еще при этом каждые пять минут измерял член линейкой! Это искусство?!

Директор ФСБ засмеялся.

– Я слышал об этой выставке. Действительно, к искусству отнести этот выпендрей нельзя. Но ведь глупость, как говорится, это не отсутствие ума, это такой ум.

В кабинет один за другим вошли начальники Управлений: «И» – информационно-аналитического, «КК» – по борьбе с коррупцией и контрабандой, «Т» – по борьбе с терроризмом и бандитизмом, «СО» – специальных операций и недавно созданного Управления стратегических исследований.

– Задерживаетесь, господа генералы, – заметил директор. – В следующий раз постарайтесь быть точнее! Итак, обрисую наши задачи, а затем каждый проанализирует мероприятия по своему Управлению. Как вам должно быть известно, Госдума вынесла на обсуждение проект переноса столицы в Рязань. Это – первая наша проблема: предстоит проработать все ее аспекты, касающиеся нашего ведомства. Но это не криминальная проблема, а социально-специальная, так сказать. Главная же наша головная боль – Сверхсистема, «СС». Монстр, возникший на месте Купола, люди которого проникли во все сферы государства: в аппарат правительства и президента, в Совет Федерации и Госдуму, в Минобороны, МВД и даже в наше ведомство, как это ни печально. Кстати, в связи с этим уровень работы по «СС» должен быть не ниже «четырех нулей». Выводы делайте сами. Поскольку Сверхсистемой придется заниматься в основном вашему департаменту, Лев Шагенович, учтите мое замечание.

Начальник Управления «КК» наклонил голову.

Коваль налил себе газированной воды, выпил.

– Вторая острая проблема – три «К», то есть пресловутое «Чистилище». Замах у него большой, крупнее даже, чем у его предшественников из «СК», и сил эта организация отнимет немало. Есть мнение, что и «ККК», и «СС», несмотря на разные подходы,

целью ставят достижение абсолютной власти в стране. Тремя «К» будете заниматься вы, Игорь Ярославович.

Начальник Управления «Т» посмотрел на соседа слева, но на его подмигивание не ответил.

– Остальные наши заботы помельче, вы все их знаете, поэтому давайте по порядку. Я прошу укладываться в пять минут.

Совещание свернуло в обычное практическое русло.

Генерал Бондарь поведал о работе Управления в Институте стратегических исследований – были выявлены организаторы саботажа на космодроме в Плесецке, из-за которого российская модифицированная ракета «СС-22» не смогла вывести в космос три коммерческих спутника, а также рассказал о совместных мероприятиях с европейскими спецслужбами по пресечению транспортировки оружия в страны СНГ.

Начальник Управления «Т» сообщил о деятельности своего подразделения по расследованию выходов новых ультраправых – «Русского национального легиона» и «Русского освободительного фронта», которые уже дважды пытались помешать визиту в столицу важных иностранных персон.

Говорилось на совещании о незаконном вывозе валюты за рубеж, об «утечке мозгов» – ученые продолжали уезжать за границу, о непрекращающихся актах терроризма в Чечне, об ошибках дипломатов МИДа, о хищениях новейших образцов оружия из специальных военных лабораторий, о контрабанде наркотиков из стран Балтии, о продолжающемся конфликте Управления безопасности президента и ФСБ и т. д.

Когда совещание закончилось, директор отпустил всех, кроме начальника Управления специальных операций.

– Федор Ильич, вашему подразделению предстоит попотеть. Нужно выйти на «Чистилище» и на «СС». Технически вы оснащены неплохо, дело только за кадрами. Есть ли у вас, в ваших «Гамме», «Дельте», «Руслане», профессионалы класса «супер» и «абсолют»?

– «Суперов» семеро, – немного помедлив, ответил молодой генерал Первухин.

– «Абсолютов» ни одного. До этого уровня добираются единицы из сотен тысяч мастеров боя и перехвата. Неужели возникла необходимость в спецах такого класса?

– Необходимость диктуется уровнем организаций, против которых нам предстоит работать. До меня дошли слухи, что у бывшего директора были в резерве такие агенты. У вас нет никаких данных по ним?

Первухин покачал головой.

– Попробую покопаться в компах кадрового спецбункера и банках данных Ассоциации ветеранов «Барс»... если дадите проводку по «четырем нулям».

– Оформлю.

– Тогда я пошел. – Первухин встал, но, дойдя до двери, оглянулся. – Знал я одного «абсолюта»... Вам фамилия Балуев ни о чем не говорит?

– Как будто нет.

– Работал в «Т» один перехватчик-«абсолют» Василий Балуев, но после известных событий на даче генерала Ельшина исчез.

– Попытайтесь разыскать его как можно быстрее.

Первухин щелкнул каблуками и вышел.

Директор ФСБ написал на чистом листе бумаги фамилию «Балуев» и в задумчивости стал рисовать над ней человечка.

МЕЛКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Нога у Стаса начала сгибаться в колене, и мальчишка не помнил себя от счастья. Он смотрел на Матвея, приходившего навестить его, такими глазами, что тому становилось не по себе. Вряд ли родные дети относятся к своим отцам лучше, чем относился к Соболеву этот десятилетний парень, рано познавший горе и боль утраты.

– Через два дня снимем гипс, и можете забирать сына, – сказал хирург, изучая повторные рентгеновские снимки колена. – С методикой восстановления я вас познакомлю.

Матвей переглянулся со Стасом, сидевшим на кровати. Мальчишка опустил глаза, улыбнулся, и по его щекам пробежали красные пятна.

– Не волнуйся... пап... все будет в порядке.

У Матвея встал ком в горле, он поцеловал Стаса в макушку и со смешанным чувством поехал к Ивану Парамонову, который ждал его, чтобы обговорить детали предстоящего «стрессового» лечения Кристины.

Парамонов предложил даже два варианта. Первый почти полностью копировал случай, описанный Иваном Ефремовым в романе «Лезвие бритвы», второй чем-то напоминал библийское исцеление Иисусом Христом парализованного мальчика. Роль «Христа» в этом случае должен был сыграть сам психотерапевт, а Матвей должен был всеми правдами и не правдами создать ему соответствующую рекламу и устойчивый образ «чудотворца» в сознании Кристины. Вначале Матвей больше склонялся к этому варианту, однако, посоветовавшись, они решили не торопиться, подумать пару дней и тогда уже сделать окончательный выбор.

Потом мастер психосинтеза попытался загипнотизировать Матвея, но это ему не удалось ни в первый, ни во второй раз, хотя Соболев и не сопротивлялся. Вернее, он думал, что не сопротивляется. В конце концов Парамонов заметил с уважением:

– Вы обладаете адаптивной психофизической защитой на уровне инстинктов, молодой человек. Далеко не каждый умеет так защищать свой мозг от вторжения извне, как это делаете вы. Не хотели бы вы

немного поработать со мной? Ради этого я мог бы задержаться в вашем городе.

Матвей покачал головой и вспомнил «темный взгляд» Конкере, Монарха Тьмы, который всякий раз определял его координаты с точностью до десятка метров. Если Соболев способен защищать свой мозг, почему же Монарху удавалось вычислять его?

– Расскажите, – посоветовал Парамонов, видя его колебания. – Я умею хранить тайны моих пациентов.

Подумав, Матвей рассказал врачу историю своих снов и отношений с Конкере и иерархами, опустив, правда, многие подробности и детали.

Парамонов никак не выразил своего отношения к рассказу, хотя слушал внимательно.

– Интересно, – сказал он задумчиво, когда Матвей закончил. – Значит, этот ваш мистический приятель мог обнаружить вас даже в многомиллионном городе?.. Весьма интересно... Я тоже знаю способ психопеленгации конкретного человека, но знание мое больше интуитивно и срабатывает лишь в меозе.

– Где, простите?

– Меоз – это состояние ментального озарения. Термин мой. Впрочем, существуют и более древние названия: сатори, турийя, йопалча, фанскана. Я тоже могу – хотя и очень редко – доводить организм до такого состояния. Но у вашего недруга «пси-нюх», похоже, абсолютный. А ну-ка, встаньте ко мне боком.

Матвей повиновался. Парамонов закрыл глаза, поводил головой из стороны в сторону.

– Теперь повернитесь спиной.

Матвей послушно повернулся. Видеть, что делает экстрасенс, он не мог, но от того явно повеяло теплым воздухом, проникающим под одежду.

– Нет, не вижу, – сожалеющим тоном сказал психотерапевт. – Я чувствую вашу силу, но никаких пси-эманаций не ощущаю. Единственное, в чем я уверен, что ваша Вишудха – голубая чакра, центр синтеза и логического анализа – заблокирована какой-то внутренней программой.

– А «разбудить» ее вы не можете? – Матвей понял, что Парамонов почувствовал «коррекцию», проделанную когда-то Тарасом

Горшиным. Однако со дня боя с Конкере способности откорректированного организма себя пока не проявляли.

– Не знаю. – Взгляд Парамонова стал рассеянным. – Мне надо посмотреть кое-какую литературу. А пока повторю свое предложение: давайте поработаем пару недель, разберемся с вашим организмом. Выиграем мы оба.

– Ну что ж, пару недель можно, – согласился Матвей. – Я думал, речь идет о месяцах.

– Договорились? Тогда жду вас завтра у себя дома, вернее, в доме моего друга, где я остановился. – Парамонов продиктовал адрес, и на этом они расстались. Оба были заинтригованы, но старались не слишком выражать свои эмоции. Что до Матвея, то в случае удачи задавленный Монархом «коррекционный мостик» мог заработать снова, а это открывало горизонты, о которых Соболев в нынешнем положении и мечтать не мог. И первым из этих горизонтов был выход на Внутренний Круг. Второй, не менее интересный, – слой Культур Инсектов, погибших в далеком прошлом и оставивших свои диковинные «храмы», один из которых показывал Соболеву и Балуюеву «отступник» Горшин.

Вечером Матвей все же уговорил Кристину отправиться в филармонию на концерт знаменитого Олега Янченко, композитора, заслуженного артиста, лауреата Госпремий и профессора.

В зал Матвей внес Кристину на руках, не обращая внимания на любопытствующие взоры окружающих: коляску девушки они оставили дома. Кристина тоже не реагировала на взгляды публики, безучастно наблюдая за предконцертной суетой, но когда прозвучали первые аккорды органа – замерла и с пылающим лицом прослушала весь концерт, растворяясь в музыке, вновь открывая для себя почти забытый мир. Она сидела как замороженная, вцепившись руками в подлокотники кресла, и смотреть на нее было больно и сладко.

Янченко играл «Органную мессу» Баха, «Магнификат» Вивальди, собственное «Музыкальное приношение», кроме него, в концерте принимали участие Нинель Камбург с Московской капеллой мальчиков, солисты ансамбля «Российский консорт», виолончелист Олег Оловников и трубач Владислав Лаврик.

Концерт закончился, и восхищенная Кристина, не стесняясь, поцеловала Матвея. Он дал себе клятву поставить ее на ноги во что бы

то ни стало. Единственной «печатью зла» был ее паралич. Вивисекторы Ельшина не успели сделать из нее зомби «замедленного действия».

Наутро позвонил Василий.

– Соболев, зайди сегодня вечером, пообщаемся напоследок.

– Решил наведаться в столицу?

– Ты догадлив, волкодав. Хочу посмотреть, что за школу там открывают, какие условия. Заодно навещу одно место, знакомое и тебе.

– Церковь Спаса?

– Ну ты даешь, ясновидящий! В общем, приходи.

– Я занят вечером.

– Тогда давай прямо сейчас.

Матвей собрался. Прислушивался к своим ощущениям, ничего особенного не услышал и усмехнулся в душе своей постоянной готовности к встрече с очевидной материализацией Конкере. С одной стороны, жить в условиях войны с Монархом тяжело, с другой – интересно.

В почтовом ящике он обнаружил письмо из Вологодской области от мужа Лиды. На ходу пробежал его глазами, и настроение упало.

Сестра находилась в Вологодском следственном изоляторе по обвинению в покушении на убийство, и потерявший голову Леонид Нестеров слезно умолял приехать и помочь по хозяйству. Не разобраться или вызволить жену, а именно «помочь по хозяйству»! Это расстроило Матвея больше всего.

Леонид не слишком вдавался в подробности происшествия, и из путаного письма его выходило следующее.

Дела у фермеров шли все хуже. Многие уехали, но Нестеровы держались. Держались до тех пор, пока не начались конфликты с колхозниками, которые, увы, так и остались люмпенами в худшем значении этого слова. Что за конфликты имели место, Леонид не писал, но последнюю точку в их череде поставил выстрел Лиды.

В этот день она стирала, уложив детей спать, а Леонид, кажется, впервые в жизни решил ей помочь. И тут в дом зашли подвыпившие мужики, двое из которых когда-то работали у Нестеровых по найму, стали требовать денег или бутылку. Лида не хотела, чтобы проснулись дети, поэтому бутылку дала. Но они пришли снова, стали угрожать,

полезли к ней, не обращая внимания на Леонида, и тогда у нее лопнуло терпение... Вырвавшись, она схватила ружье и выстрелила...

Матвей представил, что могло заставить его сверхтерпеливую сестру пойти на подобный шаг, и сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Леонид, конечно, и не пытался ее защитить, хотя в письме оправдывал себя полностью. Что ж, подумал Матвей, придется ехать и разбираться...

Полный тревог и предчувствий, Матвей остановил машину возле дома, в котором жил Василий, и вдруг обратил внимание на сцену возле обменного пункта валюты, располагавшегося в здании напротив.

Молодая и очень симпатичная девушка в зеленой курточке, чуть не плача, что-то требовала у двух молодых людей. Один одет прилично, второй – типичный кидала под метр девяносто, широкоплечий, толстый, с небритой круглой рожей, в замызганном плаще и кожаной кепке. Именно он вылез из кабины «мерседеса», хотя, на взгляд Матвея, место ему было разве что за рулем экскаватора.

Прилично одетый молодой человек с красивой волной каштановых волос что-то сказал своему напарнику, и тот толкнул девушку, грязно ругнувшись. Лишь на один миг лицо незнакомки появилось перед Матвеем, но его будто что-то толкнуло – это было лицо прекрасной спутницы инфарха из его снов. Не раздумывая, он пересек улицу и негромко спросил, обращаясь к девушке, но так, чтобы слышали и те двое.

– Что случилось, мадемуазель? Может быть, требуется помощь?

Огромные, полные слез глаза девушки распахнулись еще больше, она обреченно глянула на своих обидчиков, встрепенувшихся при появлении Соболева, и, сгорбившись, побрела прочь.

«Приняла меня за одного из них», – пришла догадка.

Матвей догнал незнакомку, зафиксировав в уме фразу небритого: «А этому мудаку чего надо?»

– Извините, девушка, я не из числа приятелей тех парней и действительно хочу вам помочь. Что произошло?

Девушка искоса глянула на него, и снова ее необычайная красота резанула сердце Матвея.

Видимо, что-то в словах незнакомого парня расположило девушку заговорить.

– Чем вы поможете? Они... – Глаза незнакомки снова наполнились слезами. – Обманули... я хотела...

– Обменять валюту?

– Да, пришла к открытию... пункт еще закрыт был... а этот в куртке... такой обходительный и одет прилично...

Матвей все понял. Девушка нарвалась на обычных валютных кидал. Один предлагает обмен «по более выгодному» курсу, вручает жертве «куклу» в рублях или в валюте, а второй в это время, прикидываясь либо охранником обменного пункта, либо сотрудником милиции, начинает требовать документы и тащит жертву в отделение «для выяснения». Эти, похоже, даже не считали нужным прятаться от обманутых людей и действовали почти в открытую, привыкнув, видимо, что никто еще не возвращался «качать права».

– Сколько они у вас взяли?

– Четыре миллиона... соседка дала, чтобы я обменяла, ей гарнитур купить надо. А они сунули... вот. – Девушка показала смятый целлофановый пакетик с «куклой», в которой оказалось две банкноты – пятидесятидолларовая и однодолларовая, прикрывающие стопку аккуратно нарезанной газетной бумаги.

– То есть они «обули» вас на пятьсот с лишним баксов. Недурно! Неужели вы не знаете, что менять валюту у частных лиц опасно?

Глаза девушки снова наполнились слезами.

– Я... торопилась... а теперь не знаю, как отдавать...

– Как вас зовут?

– Ульяна... Неверова.

– Рязанка?

– Нет, из Черnavы, село такое в Милославском районе. Учусь в медицинском на первом курсе...

– Вы их точно запомнили? Тех, которые взяли деньги?

Длинные и пышные ресницы сделали взмах, глаза распахнулись, блеснув зеленью.

– Конечно.

– Идемте. – Матвей взял Ульяну под руку и повел к обменному пункту. Кидал он застал в тот момент, когда они нашли очередного лоха, позарившегося на «выгодный» курс. Один – «прилично одетый» – считал деньги, второй – мордатый, небритый – ждал момента, когда надо выходить на сцену.

Матвей выхватил у «приличного» кидали деньги, сунул мужичку средних лет, развернул его и дал коленом под зад. И обернулся к опешившему кидале.

– Предлагаю взаимовыгодный обмен: тебе – это, – он протянул целлофановый пакетик с «куклой», – ей – ее четыре лимона. И побыстрее.

– Ты что, свихнулся? – покрутил пальцем у виска «приличный» кидала. – Я ее впервые вижу.

– Что тут происходит? – рявкнул по привычке его мордатый напарник, объявляясь рядом.

– Этот псих утверждает, что мы обманули... – «Приличный» прикусил язык, сообразив, что выдает себя.

– А ну пошел отсюда! – напористо продолжал небритый, доставая красное удостоверение с золотым тиснением: «Министерство внутренних дел Российской Федерации». – Если не хочешь схлопотать срок...

– Деньги! – медленно и спокойно повторил Матвей.

– Боб, сделай дяде больно...

Мордатый сделал выпад, целясь пудовым кулаком в живот Соболеву, и сложился пополам, сел на корточки, а потом упал. «Приличный» удивленно глянул на него, потом на Матвея и, видимо, что-то понял. Сунул руку в карман, однако нож достать не успел, вскрикнул от боли – руку до локтя парализовало.

– Деньги.

Непослушной рукой тыкаясь за отворот американской куртки, «приличный» попытался достать что-то из кармана. Матвей помог ему вытащить бумажник.

Деньги Ульяны – все четыре миллиона – так и лежали отдельно в одном из карманов бумажника. Кидалы даже не подумали перепрятать их или смешать с другими.

– Я тебя... гад... по стене... размажу, – с натугой выговорил мордатый, потихоньку приходя в себя; охранник у двери обменного пункта с интересом смотрел на них, но с места не сдвинулся, хотя, похоже, компания кидал была ему хорошо знакома. Прохожие начали было останавливаться рядом, привлеченные «тихой дракой», и Матвей поспешил прочь, увлекая Ульяну за собой. За углом отдал ей деньги.

– Не ввязывайтесь больше в сомнительные предприятия. Можно было бы обменять деньги и здесь, но не стоит мозолить глаза этим парням.

– Я теперь сама! – Восхищенные глаза девушки говорили больше, чем язык. – Спасибо вам огромное! Я никогда больше... если хотите, возьмите себе комиссионные... ой, что я говорю! – Щеки Ульяны вспыхнули. – И все же... я ваша должница и не могу вас не отблагодарить, – с отчаянной смелостью добавила она. – Вот мой телефон, я живу не в общежитии, а у тетки. Позвоните, когда захотите.

– Непременно, – улыбнулся Матвей.

Девушка просияла, помахала ему рукой и убежала.

И день тут же померк, словно Ульяна унесла с собой солнечный свет. Но перед глазами Матвея долго еще стояло ее прекрасное лицо, пока ему не стало казаться, что в нем проступают черты Кристины...

Кидал возле пункта обмена валют уже не было. Матвей перешел улицу и вошел в подъезд девятиэтажки, где жил Василий.

– Через Воркуту ехал? – встретил его хозяин, одетый в майку и шорты. – Или случилось что? Взъерошенный ты какой-то.

– Так, мелкие неприятности. – Матвей не стал рассказывать о случае с Ульяной. – Итак, ты решил пожить интересно?

– Что-то вроде того, хотя не исключено, что через пару дней вернусь. Да и Лариса ждать будет. – Василий имел в виду свою подругу. – Но на всякий случай я хочу передать тебе кое-что из своих старых запасов, вдруг пригодится? Не дай Бог, конечно.

Батуев вытянул из кладовки два узла, развязал. В одном хранились бронежилеты типа «Юг», которые можно было носить даже под летней рубашкой, в другом – армейский походный мешок МП-95.

Матвей присвистнул.

– Ну, брат, королевский подарок! Где взял?

– Где взял, где взял... Украл! Был у меня в Москве схрон, оттуда и снаряжение. В принципе, если в службе не будут проверять все фискальные хазы, этот схрон может сохраниться и до нынешних времен. Я проверю.

Матвей взвесил в руке десантный комплект: килограммов двадцать. Насколько он помнил, в комплект входило более тридцати предметов «первой необходимости»: автомат Никонова с боекомплектом, оптическим прицелом и прибором ночного видения,

маскировочный комбинезон, вещмешок, спальник, фонарь, бронежилет, три фляжки с водой, каска, десантные ботинки, нижнее белье, аптечка, маска для лица, защищающая от песка, пыли и ветра, герметически запаянный сухой паек, мазь против укусов змей и насекомых, противогаз, противохимический костюм. Ну и разного рода мелочи: панама, шейный платок, ремень, крем для рук и ног, таблетки для обеззараживания воды и так далее.

— Беру, — сказал Матвей. — Надеюсь, у тебя не один такой комплект?

— Обижаешь, начальник. Жаль, набор Н-1 у меня всего в единственном экземпляре. — Василий имел в виду комплект снаряжения ниндзюцу, которым пользуются не мифические, а вполне реальные воины-ниндзя. — Однако в схроне должна быть по крайней мере еще пара таких же.

— Ты поосторожнее там, перехватчик.

— Я всегда осторожен. Или ты имеешь в виду что-то конкретное? — Балуев пристально глянул на друга, на лице которого ничего нельзя было прочесть, кроме спокойной уравновешенности и невероятной уверенности в себе.

Матвей заколебался, делиться ли с ним своими подозрениями, но все же решил предупредить:

— Сон я видел... любопытный.

— С Монархом, что ли? — мгновенно сориентировался Василий. Балуев давно уже перечитал всю литературу по эзотерике, которую принес ему Матвей. — Его же ликвиднули эти твои приятели из Внутреннего Круга, инфарх и декарх.

— Не «ликвиднули», а только выставили из нашей реальности, которую они называют запрещенной. Так что жив господин Конкере, и вряд ли он бросит свое занятие. Просто он ищет другой способ, как тихо проникнуть к нам. И еще я недавно почувствовал чей-то взгляд, ментальное касание, так сказать. Конкере либо уже сумел реализовать здесь свое «я», либо, так сказать, заглянул из своей реальности в нашу.

Василий кивнул. Вопреки опасениям Матвея предупреждение он воспринял всерьез.

— Значит, жив, зверюга... Ладно, посмотрим! Мы с тобой тоже живы, и нас двое, и мы еще сразимся, если понадобится. К тому же в

моей группе есть пара приличных ребят, готовых пойти за мной в огонь и воду.

Они ударили ладонь в ладонь, прощаясь, и Соболев отправился домой, спрятал подарки, а в одиннадцать часов уже входил в офис «Рюрика».

НАЙТИ!

Никто никогда не подсчитывал общее количество квартир в Москве, принадлежащих спецслужбам: Федеральной службе безопасности, Агентству внешней разведки, Министерству обороны, военной контрразведке, Главному управлению по борьбе с организованной преступностью, Службе безопасности президента, Главному управлению охраны правительства, ОМОНу и Министерству внутренних дел.

Вероятно, их насчитывалось не менее тысячи. Но из них лишь десятая часть отвечала условиям секретности в «четыре нуля» и была оборудована по последнему слову техники. Многие из квартир как бы вообще не существовали – не были зарегистрированы ни в Госкомимуществе, ни в милиции, ни даже в секретных кондуитах тех служб, которым принадлежали.

Однако не только государственные организации имели такие схроны. «СС» и «ККК» тоже владели сетью спецквартир, а то и целых домов, как и их предшественники, Купол и «СК». Но только «Чистилище» обладало информацией о схронах своих «коллег», потому что одним из комиссаров трех «К» был начальник информационного бюро Управления «И» ФСБ.

Координатор «Чистилища» редко собирал совещания на одной и той же квартире больше трех раз. В данном же случае он сделал исключение, трехкомнатная квартира, имеющая три скрытых выхода и тайный «чулан» с компьютерным комплексом, располагалась в центре Москвы, на Лубянке, под боком у Федеральной службы безопасности, и не принадлежала никому, а войти в нее незаметно не составляло труда. К тому же она была оборудована всеми системами защиты: цифровыми шифраторами, предохраняющими телефонные разговоры от прослушивания, телекамерами системы контроля, встроенными в шляпки гвоздей и шурупов, замками, открывающимися по рисунку сетчатки глаза, и прочими хитроумными приспособлениями, а также устройством спутниковой связи и даже автономным источником питания – МГД-генератором последней модели.

«Полный квадрат» «ККК» – четыре комиссара плюс координатор – собирался редко, лишь для принятия важных решений или планирования масштабных акций. Каждый из комиссаров имел свой собственный план действий и мог, если это не сказывалось на результате работы «Чистилища», корректировать его в достаточно широких пределах. Однако никто из них не имел права отменять общее решение или начинать самостоятельную деятельность даже во имя самых благих целей.

Комиссар-3 Бородкин испросил аудиенцию у координатора именно ради того, чтобы предложить кое-какие изменения в принятом ранее плане мероприятий.

– Дмитрий Олегович, требуется корректировка, вернее, дополнение к плану.

Координатор «ККК» покосился на Шевченко, комиссара-5, начальника службы безопасности «Чистилища», отвечавшего, кроме всего прочего, за набор новых исполнителей. Валерий Егорович, которого никто по отчеству не звал из-за его молодости и едва не мальчишеского вида, подмигнул Громову, но, зная характер комиссара-3, пошутить не рискнул.

– Выкладываете аргументы, – кивнул Дмитрий Олегович.

– Глобальные задачи – это хорошо. – Под взглядами собеседников Бородкин поправил галстук, сдул с рукава несуществующую пылинку. – Однако не следует забывать и о вещах более прозаических.

– Конкретнее, Прохор Петрович.

– Мои информаторы сообщили несколько фактов... Мне хотелось бы включить эти дела в перечень неотложных оперативных мероприятий. Взять, например, нашумевший случай с Карасевым, с тем маньяком, который полгода держал двух похищенных девушек в ванной комнате, приковав их к трубе и насилуя чуть ли не каждый день. Одну он потом убил. Его признали невменяемым, хотя врачам просто заплатили за диагноз.

– Случай интересный. Что еще?

Бородкин протянул Громову пачку листов с напечатанным текстом.

– Здесь собраны статистические данные по нападениям на депутатов Госдумы и высших должностных лиц, а также по тому, как наказаны преступники. Доклад подготовлен в единственном

экземпляре для президента. Вы не поверите: наказан лишь каждый десятый! Не говоря уже о том, что половина случаев просто не раскрыта.

– Мы не прочь пошерстить и сам депутатский корпус, – заметил, улыбаясь, Шевченко, – а вы предлагаете их защищать.

– Это совсем разные вещи...

– Не стоит затевать дискуссию, – поднял ладонь Громов. – Такие же данные есть и у комиссара-4. Я чувствую, что вскоре мы доберемся и до этих проблем, хотя оперативных сил нам пока еще не хватает. У вас все, Прохор Петрович?

– Есть еще пара подобных случаев... – Бородкин замялся, поглаживая свою «чеховскую» бородку. – Правда, тут с какой стороны посмотреть... но я хотел бы лично просить «квадрат» о включении их в реестр «Чистилища».

– Имеете полное право.

– Первый случай произошел с семьей моего старого друга Кучкова. В ресторане на них накатил крутая компания, и в драке был убит его сын Жора. Убийцу задержали, однако по личной... не знаю, как назвать... просьбе председателя Комиссии по помилованиям дело вернули на доследование, и в конце концов убийца – сотрудник ГУО [\[10\]](#), кстати, – был выпущен.

– Вы имеете в виду дело Скорняка?

– Да. – Бородкин не удивился осведомленности координатора.

– Хорошо, подумаем, случай действительно показательный, а за этим Простатовым давно уже тянется хвост странных помилований. Хотя, с другой стороны, Прохор Петрович, «Чистилище» изменило ориентацию...

– Из каждого правила бывают исключения.

– Отличный аргумент! – хмыкнул Шевченко.

– Ну а второй «личный» случай? – спросил координатор.

– Этот и вовсе из ряда вон... На Рублевском шоссе «членовоз» – «форд» последней модели – в сопровождении гаишной «волги» пошел на обгон колонны, вылетел на встречную полосу и смял левую фару у автобуса с детьми, шедшего навстречу. Шоферу «членовоза» – ничего, а шоферу автобуса – пять лет!

Шевченко pokrутил головой, но комментировать рассказ не стал.

– А как этот случай касается вас лично? – спросил Громов.

– Водитель автобуса – племянник моей жены. Между прочим, знаете, кто ехал в «членовозе»? Ну хотя бы министр или какой-нибудь захудалый зампреьера, а то ведь рядовой депутатах Совета Федерации по Марьинскому округу Свищов! Хотя руки у него, судя по всему, длинные.

Координатор подвинул к себе электронную записную книжку, набрал какую-то фразу.

– Могу вас заверить, что этим делом мы займемся в первую очередь. Вы приготовили проект?

Бородкин достал из дипломата еще три листочка, соединенные скрепкой. Это были наброски письма правительству, призывающего «немедленно изменить состояние дел в МВД и ГУБО». Громов пробежал текст глазами, кивнул.

– Для начала вполне годится.

Бородкин встал, оправил костюм и вышел, прямой и величаво неприступный, как сейф фирмы «Байер».

– Он слишком сентиментален, – сказал Шевченко. – И, как любой чиновник, корыстен, хотя корысть его имеет что-то общее с местью. Может, он и в «Чистилище» внедрился ради устранения личных врагов? Кто его рекомендовал?

– Рыков.

– Тогда надо и Рыкова остерегаться.

Громов с интересом глянул на мальчишески подвижное и с виду не слишком уверенное лицо комиссара-5. Который раз Дмитрий Олегович убеждался, что под милой маской «неоформившегося юнца», проработавшего, кстати, семь лет в Управлении спецопераций КГБ, скрывается зрелый и умный политик, способный к тому же постоять за себя.

– Пока что Прохор Петрович незаменим, информацию из стана президента он поставляет первосортную. Но к делу, Валера. Вчера вечером в собственной квартире был убит генерал Голышев. Известно, что киллеров было трое, хотя следов, как полагается, они не оставили. Почти не оставили. Потому что убили его не обычным оружием. След на теле... м-м, очень любопытный, если не сказать больше. Я знаю только один вид оружия, способный оставлять такие следы: «дырокол».

– То есть убили его военные профи?

– Вполне резонно, хотя пока у меня нет полной информации. Подключись к мейдеру комиссара-2 и найди, кто заказчик.

– Это и так ясно – министр обороны!

– Мне нужны факты, а не домыслы. Как идут дела с пополнением рядов?

– Нашли двоих исполнителей. Мастеров по боксу и дзюдо. Есть еще один спикер. Кандидатура вполне подходящая: кадровый военный, обижен судьбой, начальством и обычным нашим беспределом.

– Не дурак?

– В какой-то степени, потому что сцепил зубы и продолжает работать там, куда его задвинули. Считает, что кто-то должен делать и грязную работу.

– Кто он? – заинтересовался Громов.

– Был капитаном, командиром роты противохимической защиты, сейчас – военный ассенизатор.

– Ладно, определимся. Недавно в газетах прошло сообщение об организации школы защиты предпринимателей. Приглядишься-ка к рекламодателям, действительно ли они работают на бизнесменов. Не исключено, что какая-то из «контор» занялась вербовкой кадров. Хотя не слишком важно, кто она на самом деле: мы вполне можем подсоединиться и к тем, и к другим.

– Понял, сделаем.

– И последнее: поедешь с командой в Рязань и найдешь там одного человека. Зовут его Матвей Соболев. Бывший контрразведчик и ганфайтер, агент класса «абсолют». Передашь ему предложение работать на «Чистилище». Точные координаты получишь перед отъездом.

– Вы знаете координаты агента класса «абсолют»? Тогда он не суперагент.

– Он «абсолют», но я – знаю. – Громов нехотя улыбнулся. – И не конфликтуй с ним, он этого не любит.

– Не проще ли привезти его сюда?

Координатор «ККК» снова усмехнулся.

– Этот парень угрохал полкоманды Ельшина год назад, так что никакого силового давления. Мягкая просьба и время на размышление. Вот если он после размышлений откажется...

– Понял, генерал. Найти и передать просьбу. И все же я изыскал бы способ уговорить его приехать сюда.

Громов не стал разубеждать своего начальника безопасности. Он и сам не очень-то верил в легенды о необычайном мастерстве бывшего ганфайтера, хотя рассказывал о нем тот, кому не верить было нельзя.

* * *

Директор Федеральной службы безопасности привык, что охрана сопровождает его до дверей квартиры, и не обращал внимания на молчаливых парней, забывая иногда прощаться или здороваться. Поэтому когда командир ОБЕДа [\[11\]](#) вежливо пожелал ему спокойного отдыха, Сергей Вениаминович смутился и ответил почти искренне:

– Спасибо, вам того же.

Этого капитана он выделил еще полгода назад во время показательных занятий боевой подготовкой в Академии ФСБ, и пока что молодой человек с густыми черными бровями свое новое назначение оправдывал. Каково же было удивление Сергея Вениаминовича, когда через полчаса капитан вернулся. Генерал успел принять душ, переоделся в халат и выпил рюмку коньяку, которую на подносе принесла тихая жена. Так, с рюмкой в одной руке и с долькой грейпфрута в другой, он и вышел в прихожую своей небольшой – по современным меркам – трехкомнатной квартиры. Жена, знавшая в лицо всех телохранителей мужа, открыла дверь.

– У меня к вам личный вопрос, – приятным голосом проговорил с порога командир ОБЕДа. Сергей Вениаминович вспомнил его фамилию – Хватов, но имени вспомнить не смог.

– Проходите в кабинет.

В поведении капитана не было ничего особенного, но Сергей Вениаминович психологом был неплохим и сразу насторожился. Сесть гостю не предложил и сам остался стоять, потрогав рукоять браунинга в кармане халата.

– Слушаю вас.

– Револьвер не понадобится, – мягко сказал капитан. Держался он все так же корректно, предупредительно, однако в каждом жесте чувствовалась не угроза, но сдержанная сила.

– В данный момент я не столько капитан Хватов, командир подразделения телохранителей, – продолжал Хватов спокойно, – сколько посредник, представитель некой... скажем так, трансцендентной силы, которую зовут Конкере.

– Что вам нужно? – сухо поинтересовался директор ФСБ, пытаюсь вспомнить, слышал ли он раньше это имя. Нет, имя Конкере ему ничего не говорило. Кто скрывался за ним? Руководитель «СС»? Трех «К»? Новой террористической организации?

– Ни то, ни другое, ни третье, – покачал головой «посредник», глаза его блеснули превосходством и иронией. – Да вы не пугайтесь, Сергей Вениаминович, я пришел как друг и хочу предложить вам помощь. Опять же – трансцендентную помощь, на уровне полевых взаимодействий и релаксации местных физических законов.

Псих, подумал генерал, успокаиваясь.

– Отнюдь, – слегка погрузтел Хватов. – У вас ведь тоже есть отдел, занимающийся изучением экстраординарных способностей человека. Я обладаю именно такими способностями. Правда, нужно уточнить: способности эти даны мне, капитану Хватову, проекцией Конкере на ваш мир, всего лишь на время контакта с вами. Я свободно могу читать ваши мысли, могу заставить вас швырнуть рюмку о стену, – Сергей Вениаминович судорожно дернул рукой, рюмка врезалась в деревянную панель и разлетелась на куски, – могу заставить вас застрелиться или поджечь квартиру. Но не бойтесь. Ничего этого делать я не буду. Конкере действительно желает помочь и вам, и вашей службе в борьбе против врагов государства. Подумайте, через пару дней я снова навещу вас.

Хватов подошел к оцепеневшему хозяину, протянул руку вперед, и осколки, прыгнув с пола прямо в ладонь, собрались в рюмку. Капитан поставил ее на журнальный столик, обвел глазами полки с книгами.

– Уютно тут у вас. Жаль, если все это сгорит. До свидания, господин генерал. – На пороге командир отделения охраны оглянулся через плечо. – Только не нужно завтра пытаться капитана Хватова. Он все равно ничего помнить не будет, а специалист он хороший. Ведь настоящих профессионалов у вас не так уж и много, верно? Кстати, в Рязани проживает один человек – ганфайтер, бывший военный контрразведчик Матвей Соболев, – вот он бы вам пригодился. Лучшего волкодава-перехватчика данная реальность Земли, пожалуй, не знает.

И последнее: если вы откажетесь от помощи, я предложу свои услуги конкурирующим фирмам.

Капитан вышел, щелкнул дверной замок.

– Чего он хотел? – возникла в кабинете жена.

– Выпить, – буркнул Сергей Вениаминович, изумленно разглядывая рюмку на столике. Потом подошел к телефону, набрал номер. – Федор Ильич, капитана Хватова от несения службы в охране временно отстранить... до выяснения обстоятельств. Нет, ничего объяснять не надо, перевести пока в техкоманду. Тебе фамилия Соболев ни о чем не говорит? Нет? Ну, не важно. Он живет в Рязани. Найти и доставить в контору. Нет, без наручников. Все.

Генерал достал другую рюмку, налил до краев коньяку и залпом выпил.

* * *

Машины вырвались из теснины леса, и горизонт отодвинулся за пологие холмы. Но через полчаса поля и перелески закончились, дорога снова нырнула в темень, долго петляла вдоль какой-то речки, пока Ельшин, сидевший сзади, не бросил:

– За теми кустами сверни направо.

Машины остановились, из первой вылез бывший начальник Управления «Т» ФСК, он же бывший генерал Ельшин. Следом за ним появился нынешний маршал «СС» Лобанов, потом Носовой, он же Тень-3, и наконец личный лобановский телохранитель Дзиро Маюмура. Шофер, комплекцией не уступавший самому Маршавину, чемпиону страны по бодибилдингу, смиренно остался в кабине. Вторая машина с телохранителями остановилась поодаль.

Теперь Ельшин совсем не был похож на прежнего щеголеватого, подтянутого, энергичного и злого генерала. Как ни старались медики, сохранить ему ногу не удалось, стопу пришлось отнять, да и левая рука едва двигалась. Ходил он сгорбившись, припадая на протез. Он поседел и выглядел совсем стариком, отпустил бородку, но в глазах по-прежнему горел жестокий и упрямый огонек.

Он огляделся и зашагал, прихрамывая, по склону холма вверх, лавируя между кустами. Остальные молча последовали за ним.

С вершины холма открывался вид на небольшую долину, окруженную со всех сторон редким лесом. Кроме деревьев, долину опоясывала двойная изгородь из колючей проволоки с единственными воротами. У ворот прохаживался вооруженный автоматом охранник, а невдалеке стояла приземистая военная палатка. Но не это приковало взгляды приезжих.

В центре, там, где когда-то возвышалась двухэтажная дача Ельшина, превращенная гением неизвестных армейских строителей в современную военную базу, располагалось странное сооружение, напоминавшее почерневшие развалины древнего замка. Застывшие фестоны, сталагмиты, наплывы, лепестки и ручки из оплавленного камня, кирпича, бетона и металла образовывали причудливые фигуры, от которых по земле расходились ожогами черные лучи-полосы, так и не поросшие за целый год травой. Ельшин, прищурясь, смотрел на развалины, будто целился в кого-то. Сопровождавшие его члены Тень-кабинета молча переглядывались.

– Ты уверен, что там хоть что-нибудь сохранилось? – прервал наконец паузу Лобанов. Он поднял воротник плаща, поскольку начал накрапывать дождь.

– Бункер должен был уцелеть, – хрипло ответил Ельшин. – В любом случае мы ничего не теряем, а найти можем очень много.

– Давай, – кивнул Маямуре маршал «СС».

Телохранитель отошел к машине и вытащил радиотелефон. Вторая машина тут же выехала на дорогу и направилась к воротам.

– Я посижу в кабине, – произнес Носовой, – не люблю дождливую погоду.

На вершине холма остались Ельшин и Лобанов.

– А все-таки что ты рассчитываешь там найти?

– Оружие, – ответил Ельшин и усмехнулся бескровными губами в ответ на удивленно вскинутые брови «наследника трона». – Абсолютное оружие.

– Раньше ты о нем не вспоминал.

– Просто я не мог в одиночку пробиться сюда. Слишком много людей охраняло этот... полигон. Терпеть больше нет сил! Очень уж хочется найти моего...

– Соболева? – Ельшин не ответил, зябко запахнул свою куртку. – Мы его найдем. Его дружок уже появился в поле зрения. Василий

Балуев. Помнишь?

Бывший генерал медленно повернул к нему голову и оскалился.

* * *

Заместитель вошел в кабинет начальника военной контрразведки темнее тучи. Вместе с ним появился подполковник Смышляев, маленький, большеротый, ушастый – командир подразделения «Сокол», специализировавшегося на задержании диверсантов, террористов и шпионов.

– Ну? – поднял голову от стола Никушин.

– Потеряли двоих, еще четверо ранены.

У Андрея Витальевича заходили на скулах желваки.

– Это уж слишком! Вы что же, атаковали группу в лоб?

– Мы попали в ловушку, – пробасил Смышляев. – Да к тому же они дрались до последнего патрона.

Речь шла о захвате группы «черных шакалов» – боевиков из Чечни, все еще пытавшихся сводить счеты с руководством Министерства обороны, хотя с тех пор прошло уже немало времени и сменились почти все командиры высшего и среднего звена.

– Не надо было загонять их в угол, – неприязненно заметил Холин. – Всем известное правило. Дай противнику шанс мирно урегулировать конфликт, возможность выбрать между жизнью и смертью, и в девяносто девяти случаях из ста он не станет драться насмерть.

– Их предупреждали... – начал было снова Смышляев, но Никушин оборвал его взглядом.

– Разберитесь, Вадим Мартынович. И ускорьте комплектацию отряда «высокой пробы». Будь у нас такие спецы, как ганфайтер Соболев...

– Ищем, Андрей Витальевич. По некоторым данным, он окопался где-то поблизости, не то во Владимире, не то в Твери, не то в Рязани.

– Лично займитесь его поиском, он нужен мне... нам. – Начальник ВКР поморщился. – Теперь я жалею, что в свое время отказался от помощи одного... человека. Поверь я ему тогда, и искать Соболева, может, не пришлось бы... Да, жалею! – с нажимом повторил генерал

больше для себя, чем для подчиненных. – Доложите о подробностях захвата, подполковник.

– Группа состояла из девяти человек, – начал Смышляев. – Командир, подрывник, снайпер, два стрелка, два мастера боя и заплочных дел, компьютерщик-взломщик и водила. Четверо убиты, остальные задержаны. Но их действительно предупре...

– Черт! – с досадой щелкнул пальцами генерал. – От жизни я отстал, что ли? Почему бы и мистику не обратить на пользу отечеству, если помощь предлагает такой... – Он не договорил, поглядев в растерянные лица подчиненных, и закончил спокойно:

– Вадим Мартынович, Соболева найти как можно быстрее!

– Найдем и привезем, товарищ генерал!

– Это если он захочет, чтобы его везли. Передайте ему только мою просьбу: мне с ним необходимо встретиться. Теперь давайте материалы по убийству Голышева...

* * *

Слева мелькнуло белое пятно, и он ударил в него с ходу, подсекая противника снизу, безошибочно отыскивая при падении в темноте его лицо. Сдавленный вскрик, удар, тишина...

Возник еще один влажный блик – отсвет уличного фонаря в глазу нападавшего: очевидно, где-то было неплотно закрыто окно.

Кийк сделал подкат, уходя от захвата сзади, и достал того, чей глаз мелькнул в четырех метрах от него. Затем угадал движение тех двоих, что остались, и тремя ударами айучи отправил бойцов на пол.

В зале вспыхнул свет, кто-то несколько раз хлопнул в ладоши, из угла выступил полковник Юрген, снимая с головы прибор ночного видения.

– Неплохо, Паша. Но ты, гляжу, не в настроении?

– Вы, двое, – показал пальцем Кийк на пытавшихся подняться парней, – обратно в часть! Остальные – на занятия.

Юрген подождал, пока уйдут бойцы в пятнистых комбинезонах, державшиеся за головы, животы и спины, повернулся к капитану, который с недовольным видом приводил в порядок свой костюм.

Пауля Артуровича Кийка, тридцати лет от роду, можно было охарактеризовать двумя словами: всегда победитель!

Кийк был высок, широкоплеч, гибок. Уверен в себе до самозабвения. Похоже, что родился командиром, вернее, человеком, который должен повелевать.

Юрген оглядел узкое, бледное, высокомерно-скучающее лицо капитана, встретил взгляд его прозрачно-голубоватых, со стальным блеском глаз и кивнул с удовлетворением: в их глубине читалось непреодолимое стремление к цели и презрение к жизни, в том числе своей собственной.

– Сколько человек ты отобрал?

– Пятерых. – Капитан выключил свет в зале тренировочной базы и отдернул тяжелые шторы. – Не из кого выбирать. Матерые профи работают в спецназах, ДЦО и всяких спецкомандах типа «Щит», «Альфа», «Витязь», «Сокол» и «Руслан», а среди любителей мастеров нужного класса найти трудно.

– К сожалению, наше объявление об организации школы защиты предпринимателей пока не срабатывает. Приходили пять или шесть человек, но экзамены не выдержали.

Оба вышли из одноэтажного здания бывшей котельной, а теперь тренировочной базы трех «О», расположившейся в лесу на окраине Старой Купавны. Территория базы была окружена высоким бетонным забором со спиралью колючей проволоки поверху и просматривалась телекамерами и фотоэлементными системами. Здесь когда-то был могильник отходов, ставший впоследствии сначала оружейным, потом угольным складом, превращенным еще позже в жилое помещение, казарму, спортивный городок, полосу препятствий, машинный парк и стрельбище. Именно здесь проходил подготовку десантно-диверсионный отряд «Алабуга», который подчинялся непосредственно министру обороны Галкину.

– Генерал требует ускорить формирование команды, – с трудом проговорил Юрген, пряча лицо от ветра в воротник меховой куртки. – Твоя три «О» должна быть готова к выходу не позже чем через неделю. Если на объявление больше никто не откликнется, мне придется добавить тебе свою обойму «зомби».

– Не нравится мне эта ваша аббревиатура – «ООО». Не могли уж назвать именем собственным? «ККК» тоже именует себя

«Чистилищем».

– Ну, назови «Ад» или «Тайфун».

– Уже было.

– Сам предложи.

– «Анальгин».

Юрген невольно рассмеялся, разглядывая серьезное лицо Кийка.

– Почему «Анальгин»?

– У тех, кого мы будем ловить, после захвата голова болеть уже не будет никогда.

– Резонно. Паша, я привез тебе первое задание. Съезди скоренько в Рязань и выясни, кто напал на моего давнего дружка Боксера, то есть Маракуца. Он говорит – это были парни из «Чистилища». Чего им там делать, ума не приложу! Разберись, найди и, если можешь, привези этих «чистильщиков» сюда. Генерал дает добро. Это будет твоей боевой проверкой. Возьми необходимых людей и вооружись «глушаком».

– Зачем? Мы и так их возьмем.

– Не гоношись, охотник, у Маракуца побывали спецы очень высокого класса, недооценивать их нельзя.

Кийк вдруг взмахнул рукой, и нож, вылетевший у него из рукава, буквально вонзился в ручку лопаты шагах в двадцати от него, висевшей на противопожарном щите.

– Пошли ко мне, дашь вводную, – бросил капитан через плечо, направляясь за ножом.

Полковник, оценив бросок, промолчал.

ПИРАМИДЫ И ЗАСАДА

Мгла рассеялась, и он оказался висящим в воздухе над колоссальной всхолмленной пустыней Древнего Египта.

– Хет-ка-Птах, – прилетел с ветром мелодичный женский голос. – Или Та Кемт. Хотя известны и более древние названия этой страны, например, Скрийт-кра.

Слева под солнцем близ Дашура, или Хай-Санофре, как называли город древние египтяне, высились вторая и третья пирамиды Снофру, воздвигнутые рабами фараона – если следовать официальной исторической версии – более двух тысяч шестисот лет до нашей эры: одна – «ломаная», составленная из двух пирамид с разными наклонами граней, вторая – правильная, классическая. Обе возносились на высоту более ста метров, лучи солнца высекали в них, высвечивая, кварцево-слюдяные искры. Первая, ступенчатая, пирамида Снофру располагалась чуть дальше, вблизи Медума, в древности – Тат-Санофре.

Севернее попирали пустыню пирамиды фараонов четвертой династии: Хеопса, или Хуфу, Хефрена и Микерина – так называемая группа Гизы, которую охранял Великий Хармакути – загадочный Сфинкс. Перед Сфинксом стояло очень странное сложное сооружение, напоминающее сделанный из снега или фарфора симметричный, геометрически точный термитник и одновременно паука.

– Памятник культуры Арахнидов, – раздался над ухом тихий женский голос, но Матвей, замороженный всем увиденным, не ответил.

От Дашура до Фаюма высились пирамиды царей двенадцатой династии, так называемого Среднего царства, фараонов Ментухатеп, Аменемхетов – первого, второго и третьего, Сенусертов; но эти сооружения были лишь копиями Великих пирамид Древнего царства. Если высота пирамиды Хеопса-Хуфу достигала ста сорока семи метров, а одна ее сторона тянулась в длину на двести тридцать, то Ментухатеп в Дейр-эль-Бахари достигала всего лишь шестидесяти метров, как и первая из древнейших – шестиступенчатая пирамида Джосера.

Промелькнула ленивая мысль: пирамида считалась «вечным горизонтом», за который «зашел» фараон...

Матвей перевел взгляд на Сфинкса и застыл, созерцая это чудо – скульптуру, статую бога Хора, – по мнению ученых-историков, олицетворяющего восходящее солнце.

– Это не так, – снова прошелестел голос невидимой собеседницы.

И оцепенение схлынуло. Матвей вдруг осознал, что видит неповрежденного [\[12\]](#) Сфинкса! Но главное – он обнаружил, на что смотрит Сфинкс – на храм, подобный тому, что показал ему когда-то Тарас Горшин. Храм Инсектов! Памятник культуры Арахнидов, то есть разумных пауков!

– Значит, прав был Успенский?

– В очень большой степени. Древние египтяне не построили пирамиды, они нашли их, полужасыпанные песком, и приспособили для своих религиозных обрядов – все эти усыпальницы, мавзолеи и гробницы. Да и окончательную, привычную для нас форму пирамиды приобрели позже – фараоны просто достраивали их. На самом деле изначально выглядели они совсем не так.

На мгновение массивные сооружения пирамид стали вдруг стеклянно прозрачными, и в их глубинах проступили очертания иных контуров, таинственных, сложных, необычных, чуждых человеческому глазу. И тут же снова стали непроницаемо плотными: вернулось ощущение монолита.

– Прапирамиды строила цивилизация, которая гораздо старше вдшилизаций Шумера, Ассирии, Вавилона, городов-государств Малой Азии: Каркемши, Урму, Хамшу, Хахха, иранских Аван, Аншан, Кимаш, древнее Урарту [\[13\]](#), натуфийской культуры в Палестине, капсийской в Тунисе, культур лупембе и читоле в Конго, смитфилд в Южной Африке, древнее индийской и даже китайской [\[14\]](#) цивилизаций.

– Кто же строил Сфинкса?

– Первые. То есть Первые Люди на Земле, конечно. Еще не совсем люди, но уже и не насекомые. Таких изваяний было воздвигнуто всего три, но два разрушены во времена Темного Вмешательства, третий, как видишь, уцелел. Сфинксов строили мои предки. – В голосе невидимой собеседницы прозвучала грусть.

– Почему у него такая форма... фигура?

– Потому что так выглядели скульпторы.

До Матвея не сразу дошел смысл сказанного, а когда дошел, он почувствовал, что падает. Мир Египта снова скрылся в дымке желтой пыли или тумана...

– Помни... – запечатлелся в памяти тихий шепот.

Проснувшись, Матвей привычно оценил свое положение и степень предполагаемой опасности, но ничего подозрительного не почувствовал и открыл глаза.

Солнце еще не встало, день обещал быть если и не солнечным, то хотя бы не дождливым.

Бросив взгляд на стопку книг на столике у кровати, среди которых красовалось роскошное издание книги «Тайны египетских пирамид», Матвей пробормотал: «Дочитался до зеленых чертиков... то бишь до шизоидных „древнеегипетских“ снов...»

Однако совершенно точно знал, что именно в снах он познает Истинное Положение Вещей в этом мире.

Полоскание, разминка, тренинг суплеса, душ, завтрак...

Обязательное «доброе утро» Кристине, помноженное на поцелуй...

Заезд в больницу к выздоравливающему Стасу...

Воспоминания деталей последнего сна... Неужели таинственный гид – скорее всего все та же спутница инфарха – нашла способ передачи знаний напрямую, минуя подсознание? Спасибо ей за все, в особенности за вести об ином порядке мира, о цивилизациях, обустроивающих Землю задолго до появления на ней человека, о первых человеческих культурах, воздвигших такие памятники старины, как Сфинкс... Спасибо!

В девять утра Матвей вошел в здание фирмы. На посту у входной двери на второй этаж его встретил Кирсан Алимбаев, здоровенный детина, про которых говорят: амбал. Этого охранника, отличавшегося строптивым нравом и высокомерным отношением к товарищам, Матвей не любил, но Алимбаев был ставленником Шаровского и его телохранителем, поэтому приходилось терпеть.

– Что случилось? – поинтересовался Матвей, заметив на скуле охранника красную припухлость – Зуб болит?

– Зуб. – Алимбаев оскалился. – Кудёма психует. Ну ничего, я с ним еще разберусь.

Матвей молча направился в дежурку, где возле телемонитора сидел нахохлившийся Кудёма и слушал напарника Сашу Преснякова.

– Ты что, «озверин» принял? – осведомился Матвей, присаживаясь рядом. – Что тут у вас произошло?

Кудёма отвернулся, а Саша с виноватым видом, страдая за товарища, коротко пояснил:

– Алимбай заходил... Мы тут об Игоре говорили, брате Паши... Ну, помните, у него дочку похитили?

– Ну?

– Вернулась... убежала от похитителей...

Кудёма вдруг встал и вышел из комнаты. Матвей и Саша переглянулись.

– Изнасиловали ее...

Матвей глубоко вздохнул и медленно выдавил воздух сквозь стиснутые зубы.

– Нашли – кто?

– Кто – известно, банда Шестопала, только милиция вся повязана, кормится у них... Ничего они не найдут.

– Ясно. За что Алимбаев схлопотал по морде?

– Пошутил насчет девочки, скотина... что, мол, она давно уже, наверное, не девочка...

– Ясно. Об инциденте начальство не знает?

– Вряд ли. Во всяком случае нам нет смысла выносить сор из избы.

– Вот тут ты прав, разберемся сами.

В кабинете шефа Матвея ждал сюрприз.

– Срочно уезжаем в Москву. – Афонин перебирал какие-то бумаги, кое-что складывал в папку. – Кого порекомендуешь взять в сопровождающие, кроме Алимбаева?

– Как раз его-то я бы и не взял.

– Аркадий Самсонович тебя не поймет, это его телохранитель.

– Он тоже едет? Тогда поеду и я, если вы ненадолго.

– Туда и обратно. – Президент «Рюрика» сложил документы в «дипломат», обнял Соболева за плечи и повел к выходу. – Не обращай на них внимания, терпи. Шаровский – классный специалист, я без него как без рук, а так – давно бы уволил.

В приемной их уже ждал главный бухгалтер с таким же «дипломатом», хмурый Алимбаев и Баблумян, шутивший с Людочкой. Он не скрывал, что равнодушен к ней.

– Не мало защитников берете? – спросил он и подмигнул Матвею. – Я бы посоветовал взять еще пару ребят.

– Хватит, мы не собираемся ни с кем воевать.

– Тогда хоть вооружитесь посерьезней, сейчас кругом стреляют. Не дал воровать – стреляют, не дал хамить – стреляют, да даже просто обогнал иномарку – опять стреляют!

Подняв бровь, Афонин в сомнении замолчал.

– Хватит пистолетов, – негромко сказал Матвей: у него, как и у всех охранников фирмы, было разрешение на ношение оружия.

– Тогда возьмите хотя бы еще «КС», – никак не мог успокоиться Баблумян, проявляя несвойственную ему заботу.

Подумав, Афонин кивнул. Матвею пришлось возвращаться в дежурку и брать из сейфа помповое ружье «КС-23», которое могло, кроме патронов калибра двадцать три миллиметра, стрелять контейнером «черемухи», а также пластиковыми пулями «стрела-3», резиновыми шариками «волна-Р» и зарядом картечи. У Алимбаева, насколько помнил Матвей, был швейцарский «ЗИГ-зауэр», сам же Соболев носил армейский «ПМ-М» под девятимиллиметровую пулю с магазином емкостью двенадцать патронов. Конечно, он мог бы достать себе личное оружие и более экзотического вида, но не считал нужным делать это, так как не собирался применять его.

Афонин сел в свой синий шестиместный «шевроле» рядом с водителем. Шаровский, Алимбаев и Матвей устроились сзади. Матвей поймал темный, рыскающий взгляд охранника, и ему сразу перестала нравиться предстоящая поездка. Что-то в ней было тревожное, поспешное, неподготовленное, суматошное. С бухты-барахты такие поездки не делаются, их надо обдумывать и готовить заранее, даже если кто-то из директоров Союза банкиров и предпринимателей и приказал президенту «Рюрика» явиться немедленно «на ковер».

Пока выезжали за город, в основном молчали, изредка перекидываясь репликами, а за Луховицами разговорился Шаровский, пересказав вычитанную в газетах историю о преступной группировке в Воронеже, шерстившей коммерсантов. Банда занималась тем, что насильно заставляла предпринимателей передавать ей недвижимое

имущество, отстегивать немалые суммы за «охрану», получать по подложным документам кредиты в банках и отдавать ей. Пытавшихся сопротивляться бандиты подвергали пыткам в «подпольных тюрьмах», накачивая наркотиками и алкоголем, пилили ножовками, дробили молотками пальцы, отрезали уши, выбивали зубы, сажали на раскаленную электрическую плитку, погружали с головой в экскременты...

– Работали не хуже гестапо, – усмехнулся Афонин. – Ты к чему это все рассказываешь, Аркадий Самсонович?

– Так, вспомнилось, – пожал плечами Шаровский.

– А чем закончилось дело? – не удержался от вопроса водитель средних лет, всегда серьезный, обстоятельный, исполнительный, ас своего рода.

– Похватали их, конечно, всех, да изъяли там всего-то сумму в несколько тысяч долларов.

– Негусто. Деньги, небось, успели перевести в банки за границу. Да, наглеют преступники. Вчера мой свояк стал свидетелем драки. Пошли они с женой в ресторан «Золотой Плес» по случаю дня рождения приятеля, а там гуляла «крутая» компания. Напились, стали приставать ко всем, милиция начала их урезонивать, так они отметили двух милиционеров да еще и погнались за ними на своих иномарках, стреляя в воздух. Ведут себя, гады сопливые, как в оккупированном городе!

– А ты что скажешь, Соболев? – спросил Шаровский.

– Остановите машину, – сказал вдруг Матвей, увидев тревожную вспышку сторожевой сигнальной системы, и понял наконец, что ему с самого начала не нравилось во всей этой истории с поездкой.

– Зачем? – оглянулся Сергей Сергеевич.

– Остановите, пересядем.

Шофер остановил «шевроле». Матвей вылез из кабины, оглядел ближайший лес, подступающий к дороге, проносившиеся по шоссе автомобили, и жестоким усилием воли – до укола сильнейшей головной боли, иначе пока не получалось, – вошел в состояние турийи, или меоза, как говорил Иван Парамонов, то есть ментального озарения.

На бесконечно долгое мгновение между двумя ударами сердца Матвей стал частью природы: деревом, травой, дорогой, зверями и

птицами, живущими в лесу, сложной системой перекрещивающихся биополей, молекулами воздуха, облаками и солнечным светом. С пронзительной ясностью проступил во всем огромном событийном пространстве мезозоя объемный рисунок пси-структур – человеческих аур и эгрегоров, природных сообществ, массивных земных платформ.

Читать мысли людей, попавших в зону мезозоя, Матвей не мог, но видел взаимодействие их полей и интеллектов, эмоций и чувств, переживаний и стремлений. Злые агрессивные связи окрашивались в багровые, фиолетовые и черные цвета, и таких зон в пределах видимости – вплоть до Москвы – было очень много. И, прежде чем выйти из турции. Матвей успел проследить багровые линии связи Алимбаева и Шаровского.

Впереди их ждала засада, и оба были связаны с ней: Алимбаев – непосредственно, Аркадий Самсонович – через кружевную сеть других связей, зависимостей и знакомств.

– Что с тобой? – спросил Афонин, успевший дойти до леса и вернуться.

– Я сяду впереди, – решил Матвей, понимая, что ему не поверят, если он начнет рассказывать о своем «прозрении». Теперь надо было ловить Алимбаева с поличным и пресечь задержание в самый неожиданный момент. К тому же засада насчитывала всего пять человек на двух машинах, «договориться» с ними можно и в одиночку.

Алимбаеву и Шаровскому было весьма кстати, что вперед садится Соболев, поэтому они промолчали. Афонин же пересел, сомневаясь, но так как доверял своему начальнику охраны, то и возражать не стал.

– А как отреагировало начальство ОМОНа? – спросил Матвей, когда машина тронулась. – На то, что мы выдворили их отделение?

– Ты нажил себе серьезных врагов, – пробурчал Шаровский. – Тот майор-омоновец таких ударов не прощает. До сих пор не пойму, как тебе это удалось.

– Коммандос, – в тон ему проворчал Алимбаев, и было непонятно – одобчительно ли, осуждающе или презрительно.

– А в общем-то все тихо, – подытожил Сергей Сергеевич. – Они не имели права на обыск, изъятие документов и задержание сотрудников без санкции прокурора.

– Значит, нас кто-то подставил?

Афонин промолчал.

«Шевроле» перестроился в левый ряд, увеличил скорость.

И тут Матвей увидел засаду – черный «паккард» с мощным мотором и «крутым» номером: М-020-ММ, российским флагом вместо буквенного обозначения района приписки. Такие номера могли позволить себе иметь разве что депутаты Думы да мэры городов, однако пользовались ими все, кто мог купить номер в ГАИ. «Паккард» тронулся с места, едва «шевроле» фирмы проехал мимо, и пристроился сзади в сотне метров.

Вторую машину засады Матвей обнаружил за поворотом к Коломне, не более чем в километре от них, стоящей на обочине носом к дороге.

– Увеличь скорость! – приказал Матвей водителю.

– Отставить! – тут же отреагировал Алимбаев. – Останавливай!

И Матвей почувствовал, как тут же ему в шею уткнулся ствол пистолета.

– Не двигаться! – Второй пистолет Алимбаев направил в бок Афониной. – Тормози, Сан Саныч. И не надо дергаться, Соболев! Я с удовольствием сделаю в тебе дырку, не поможет даже твоё хваленое карате.

– Ошибаешься, – хладнокровно проговорил Матвей. – Ты забыл снять свою «пушку» с предохранителя.

Алимбаев перевел взгляд на пистолет, отодвинув его от шеи Соболева, и этого мгновения хватило, чтобы Матвей, извернувшись самым немыслимым образом, нанес удар из арсенала приемов «импоссибл», называемом в русское «мотыгой».

Алимбаев обмяк, выпустив пистолеты. Как оказалось, один из них действительно стоял на предохранителе, именно тот, который был направлен в бок президенту «Рюрика».

– Тормозить? – Водитель взглянул на Матвея.

– Газу!

– Черт! Что происходит?! – опомнился Афонин, только теперь обретая дар речи.

– Нас поджидали, – отрывисто бросил Матвей, оглянувшись. – Одна машина идет сзади, другая – впереди, белый «сааб». Заберите у него пистолеты, Сергей Сергеевич.

– Остановите, – сдавленным голосом просил Шаровский. – Они же начнут стрелять!

– Откуда вы знаете? – Матвей в упор глянул на главного бухгалтера, но выяснять отношения не стал: это было не его дело. – Сан Саныч, разворачивай назад и – ходу!

Водитель тут же сделал лихой разворот на скорости сто километров в час, и машина помчалась обратно в Рязань.

– Кто-то вас сильно не любит, Сергей Сергеевич, – сказал Матвей, убедившись в том, что черный «паккард» отстал. – Этот парень куплен конкурентами, кто бы они ни были. Возможно, это те большие люди, которые дали заказ ОМОНу «пощупать» фирму и которым в свое время вы не стали платить дань. Но я не думаю, что Алимбаев расскажет, на кого он работает.

– А вы уверены, что это не розыгрыш? – обрел свою всегдашнюю уверенность язвительный Шаровский. – Не фантазии нашего уважаемого начальника охраны? Где его машины «засады»? Где сама «засада»? И почему здесь командует он?

– Помолчите, Аркадий Самсонович, – поморщился Афонин. Анализировать и сопоставлять факты он умел, иначе не стал бы президентом преуспевающей фирмы.

Алимбаев пришел в себя лишь тогда, когда машина припарковалась у здания «Рюрик-банка».

– Позвольте, я поговорю с ним, – сказал Матвей.

– Мы сами поговорим, – поспешно ответил Шаровский. – Но если он не виноват...

– «Верь не своим глазам, верь моей совести», – фыркнул водитель, который тоже понял маневры группы засады. – Эта тварь хотела всех нас...

– Позовите если что, я буду у себя. – Не обращая внимания на Шаровского, Матвей ушел к своим подчиненным в дежурку.

Афонин вызвал его в конце рабочего дня.

В кабинете президента фирмы никого не было.

– Садись, – кивнул Сергей Сергеевич на стул, помял усталое лицо ладонями.

– Темное это дело, Матвей.

– В нем замешан Шаровский.

– И я это понимаю, но доказать не могу. И уволить его не могу, у него пятнадцать процентов акций фирмы!

– И покровитель он сильный...

Афонин взглянул на Соболева, прищурясь.

– Не вмешивайся в мои личные дела, Соболев. Ты действительно нажил себе врагов, но не стоит из-за меня подставлять шею под топор. Кстати, как это ты умудрился достать Алимбаева?

– Да, кстати, а где он?

– Я его уволил. Доказать злой умысел с его стороны невозможно, слишком быстро ты расстроил их планы. И все же где ты научился таким приемам? Для Афгана ты вроде больно молод. Спецназ?

Матвей, помедлив, кивнул.

– Да что-то вроде этого. Вы тоже не должны забивать себе голову такими пустяками. Но от Шаровского вам надо избавляться – он спит и видит себя президентом «Рюрика». Попытавшись скомпрометировать вас, устроить налет, засаду, его друзья перейдут к более действенным мерам.

– Каким же?

– Это будет киллер.

Афонин закурил, прошелся по кабинету, снова сел. Брови его упрямо сдвинулись на переносице.

– Я буду работать, как и начинал, честно. И таких, как я, коммерсантов много, будь уверен.

– Знаю! – Матвей встал. – Но нечестных все-таки больше. К сожалению. Сергей Сергеевич, мне надо на три-четыре дня съездить в село, с сестрой плохо...

– Хоть на неделю. Деньги нужны?

– Обойдусь. На какое-то время наш враг притихнет, будет искать другие варианты, так что опасность чуть уменьшится. Но все-таки будьте осторожнее. В качестве телохрана возьмите Кудёму, парень надежный, хотя и угрюмый. А когда я вернусь, найдем способ заставить кое-кого уважать наши принципы.

Афонин молча пожал протянутую руку.

СЮРПРИЗ

Леонид Арнольдович Пашин стал министром внутренних дел, сменив на этом посту ушедшего на пенсию Жаренова Ивана Кузьмича неожиданно для многих, но только не для тех, кто знал его достаточно хорошо.

Родился он в тысяча девятьсот пятьдесят втором году в Порт-Артуре. Закончил Высшее военно-политическое училище МВД еще тогда – в СССР, потом Академию МВД. Стал кандидатом исторических наук. Занимал должности заместителя начальника кафедры Ленинградского высшего военно-политического училища МВД, председателя Комитета Верховного Совета России по вопросам обороны и безопасности, заместителя директора Агентства федеральной безопасности, начальника Управления Министерства безопасности, начальника Управления Министерства безопасности по Петербургу, заместителя министра безопасности России, затем директора службы контрразведки. Когда ФСК сменила вывеску на ФСБ и директором стал Сергей Вениаминович Коваль, Пашина вызвал к себе президент, через два дня ему присвоили звание генерал-лейтенанта, и он стал министром МВД.

Его собеседником, вернее, хозяином кабинета, куда его пригласили, был Генеральный прокурор Николай Григорьевич Плотников.

Кадровые перестановки в верхах, в результате которых Плотников из заместителя Главного прокурора Москвы передвинулся сразу в кресло Генпрокурора, были негласными, щепетильность в расчет не бралась, несмотря на громкое провозглашение высоких нравственных принципов.

Личное дело Плотникова было шито белыми нитками, хотя никто из должностных лиц, принимавших его на работу, почему-то не обращал на это внимания, не сделал ни одной документальной проверки.

Так, в личном деле было сказано, что он в тысяча девятьсот семьдесят втором году закончил МГУ, а в графе «работа» значилось: «С 1961 года по апрель 1972-го – лаборант, старший лаборант

Новосибирского государственного университета». Записи никак не состыковывались друг с другом. МГУ Николай Григорьевич никогда не заканчивал, так как учился на вечернем отделении Новосибирского университета.

Но это была не единственная «история с географией» в биографии Плотникова.

В тысяча девятьсот семьдесят восьмом он женился и сменил свою звучную фамилию, полученную в наследство от родного отца, — Жмых, на фамилию жены, Плотниковой С. Л. Конечно, сменить фамилию может каждый, но не каждый может получить на новую фамилию военный билет, датированный 1974 годом, когда Плотников еще не знал, что станет Плотниковым. Получил он билет в кубанском городке Тлеубинске, где никогда не жил и не служил, и там же стал обладателем офицерского удостоверения, датированного тысяча девятьсот семьдесят седьмым годом, хотя удостоверения с такими серий и номером выдавались только с 1985 года. Но именно офицерское удостоверение и позволило Плотникову сделать военно-юридическую карьеру и добраться до должности заместителя прокурора Москвы. Последний прыжок в высокое кресло Генпрокуратуры был сделан без особых на то усилий: к тому времени Плотников находился на вершине криминальной пирамиды теневой экономики.

Он успешно боролся с преступностью и еще более успешно создал собственную структуру власти, независимую от других властных институтов, в том числе от бывшего Купола, нынешней «СС» и государственных защитных систем. При этом он опирался и на тех, и на других, так как всех устраивал и был нужен всем.

Пашин и Плотников знали друг друга давно, однако приятельскими их отношения назвать было нельзя. Оба были прекрасно осведомлены о возможностях друг друга, и разговоры вели только на официально-деловом уровне. На сей раз Плотников снизошел до личной доверительной беседы, причину которой сообщил генералу милиции не сразу.

Начал генпрокурор с сетований на ухудшение криминальной обстановки в стране в целом и в столице, в частности, приведя с десяток примеров, которые министру МВД, конечно же, были хорошо известны.

Описан был и случай в ресторане «Рига», где трое молодых подгулявших посетителей стали приставать к охраннику, потом к какой-то компании, а потом к самому маленькому и тщедушному человечку, который вдруг вытащил откуда-то пистолет и уложил на месте всех троих... Плотников говорил и о бандитской группировке из тридцати семи человек, задержанной в районе Рязанского проспекта, которая занималась вымогательством средств у частных структур, малых предприятий и частных лиц. В результате операции ГУБО были изъяты шесть автоматов, тринадцать ружей, в том числе пять «винчестеров», двадцать девять пистолетов, гранаты, взрывчатка.

Не преминул Генеральный прокурор упомянуть и о раскрытии подпольного бомбосиндиката, занимавшегося изготовлением и сбытом взрывных устройств, имеющего филиалы в Санкт-Петербурге, Калининграде, Москве и Туле. Синдикат делал настолько совершенные мины и бомбы с дистанционным управлением, что подозрение пало на участие военных химиков из спецлабораторий Министерства обороны.

Когда же Плотников приступил к перечислению убийств предпринимателей, депутатов, милиционеров и офицеров российской армии, Пашин не выдержал:

– Мне все это хорошо известно, Николай Григорьевич. Но это мелочи. Вы прекрасно знаете, что гораздо страшнее для нас с вами – деятельность не бандитов и воров в законе, а организаций типа «СС» и «ККК». Не так ли?

Генеральный прокурор, медлительный, тяжелый, весь какой-то угловатый, будто с вырубленными, в глубоких морщинах лицом и глазами-буравчиками, потеревил отвисшие щеки, закурил сигару. Предложил и гостю. Тот достал «Данхилл».

– Курю только сигареты, и только свои, так что не обессудьте. Я не прав?

– Вы правы, Леонид Арнольдович. Хотя, скажем, раздел аэропорта разными кланами мафии – не менее важная акция для наших подразделений, но сделать мы ничего не сможем: таков сложившийся миропорядок. Но вот дела «СС» или «Чистилища», замахивающихся на святая святых...

– На номенклатуру, – приподняв бровь, продолжил министр.

Плотников, ощупав его костистое сухое лицо сверлящими глазами, засмеялся.

– И тут вы правы. – Посерьезнел. – Но это – наша власть, и мы ее должны защищать. – Спыхватился. – Как, впрочем, и правопорядок в стране, разумеется. Вы знаете, сколько преступников находится в тюрьмах и СИЗО? Более миллиона! Но еще больше гуляет на свободе. Однако самое скверное, знаете, что? Среди этой массы попадаются стражи порядка, коррумпированные чиновники вашего ведомства.

– А из вашего разве нет?

– Есть, не спору. Но я это говорю не ради порицания, просто напоминаю: всегда надо ждать удара в спину. Поэтому наша задача – объединить усилия, выявить потенциальных предателей и уничтожить их... или уволить.

Пашин еле сдержался, чтобы не пожать плечами. Однако он не любил кабинетные игры и предпочитал если и не рубить с плеча, то изъясняться прямо.

– Что вы предлагаете конкретно, Николай Григорьевич?

Генеральный прокурор понимающе кивнул.

– Скажу! Но сначала еще несколько фактов. Позавчера убит генерал Голышев. Неделей раньше – полковник Ставадзе, интендант военной базы в Саранске. Вчера – журналист Гальцев, как и Листохладов до него, раскопавший залежи коррупции в Министерстве обороны...

– Мы занимаемся этими делами...

– К сожалению, кроме вас ими занялось и «Чистилище». – Плотников взял со стола лист плотной белой бумаги с броским золотым значком, вытисненным в уголке.

Значок состоял из переплетенных букв «ККК», образующих рукоять кинжала.

Пашин прочитал текст под значком, вернул лист. «Чистилище» предупреждало Генерального прокурора о том, что, если убийцы указанных лиц не будут найдены в кратчайшие сроки, «чистильщики» отыщут их сами, но вместе с киллерами будет казнен и ряд мешающих следствию работников Министерства внутренних дел и прокуратуры, вплоть до самого Генерального прокурора.

– А может быть, это деза ФСБ? У них ведь есть спецотдел по разработке дезинформации.

– Зачем службе безопасности пугать или предупреждать Генеральную прокуратуру? Они едят из одной кормушки. Нет,

«Чистилище» заработало снова – и с большим размахом. Не хочется признаваться, но я его боюсь. Если оно вознесется над всеми нами, над законом, страна покатится к тоталитаризму...

– Плотников замолчал, видя, что министр думает о чем-то своем. – В общем, Леонид Арнольдович, давайте без обиняков. Киньте все силы, весь МУР на поиски главарей «ККК», иначе скоро и мы с вами получим «повестки в ад» с таким вот красивым золотым кинжальчиком. Вы хорошо знаете нового начальника МУРа Синельникова? На совместном совещании он не показался мне достаточно компетентным.

– Это крупный профессионал, – коротко сказал Пашин.

– Да уж, действительно крупный – два метра на два! Ну ладно, пусть работает. Никто не вправе подменять собой прокуратуру, суд и органы наказания преступников. Закон должен быть законом для всех без исключения.

Пашин усмехнулся, но промолчал. Он хорошо понимал Плотникова, но не уважал его, зная послужной список последнего. Но ему был известен также и тот факт, что честных и сильных людей практически не существует, а тем более в органах. У каждого чиновника, тянувшего лямку карьеры в коридорах власти, рыльце в пуху, потому что иначе не выживешь при том бюрократически-криминальном беспределе, который создан системой партноменклатуры в годы «строительства коммунизма» и который крепчал день ото дня, пережив своих творцов.

– А еще лучше создать в недрах МУРа спецподразделение для борьбы с «Чистилищем», – продолжал развивать свою мысль Генеральный прокурор. – Проконсультируйтесь с директором ФСБ и начальником ГУБО, думаю, они не будут возражать. Не пожалею, отдам в вашу группу лучших своих следователей.

Министр поднялся.

– Я приму меры, Николай Григорьевич.

* * *

Им не надо было собираться всем вместе по каждому поводу, чтобы обсудить вопрос, требующий коллегиального решения: система

сотовой радиотелефонной связи «криптофон» позволяла комиссарам «ККК» обсудить любую проблему, когда они находились в своих офисах, дома или в машине, а современные системы защиты с кодовым опознаванием голоса и даже запаха владельца телефона не позволяли разговаривать по этой сети другим людям и подслушивать переговоры других. Как только трубку брал в руки посторонний человек, телефон отключался.

Координатор «ККК» получил сигнал «на связь квадрата», находясь в своем кабинете в здании Министерства обороны на Берсенеvской набережной. Включил криптофон, а заодно и комплекс охранной автоматики с шумоподавлением и лазерной отсечкой, который не только не давал возможности прослушать телефонные переговоры, но и просто разговор в кабинете, даже если в его стены были внедрены специальные устройства.

Инициатива связи «квадрата» принадлежала комиссару-2 Рыкову:

– Все меня слышат?

Громов тронул кнопку автоматического ответа. Очевидно, остальные комиссары сделали то же самое, и Рыков продолжал:

– Поступили сведения, требующие общего обсуждения. Пока же сообщая информацию для размышлений: пятьдесят процентов депутатов Госдумы и треть сенаторов Совета Федерации работают на «СС». Да и остальные заняты в основном собой, строительством дач, счетами в банках, скупкой недвижимости и скорейшим решением личных проблем, а не государственными заботами. Кресла депутатов – всего лишь ширма...

– Мы знаем, Герман, – донесла сеть криптофона недовольный голос комиссара-4. – Из-за этого не стоило поднимать бучу для всего «квадрата».

– Но вы еще не знаете, что эти пятьдесят процентов протащили дополнение к Закону о борьбе с организованной преступностью, позволяющее силовым службам поступать с особо опасными преступниками по законам чрезвычайного положения. Вплоть до расстрела на месте.

– Ну и что?

– А то, что мы тоже, вернее, преимущественно входим в ранг «особо опасных». И теперь ФСБ и ГУБО заняты организацией спецкоманд для охоты за «чистильщиками».

Ответом Рыкову было продолжительное молчание. Наконец лидер «ККК» нарушил его:

– Да, следует признаться, это тревожный сюрприз. Предлагаю обдумать контрмеры и через день встретиться. Могу добавить: в недрах Минобороны уже создана подобная команда под названием «ООО» – «отряд охотников за охотниками». Сами себя они нарекли еще интереснее: «Отряд Анальгин». Догадываетесь, почему? Конец связи.

Громов отключил криптофон, задумчиво походил по кабинету, поглядывая на хмурый осенний день за окном. Сообщение Рыкова не стало неожиданностью: государственная система не могла не реагировать на посягательство на власть и защищала себя всеми средствами, вплоть до антизаконных, антиконституционных. Впрочем, чиновники всегда могут сделать эти средства конституционными, сварганив «дополнения к Закону», и в этом их великое преимущество перед другими властными структурами: они хотя бы формально опираются на «мнение народа».

Что ж, подумал координатор «Чистилища», пора и проконсультироваться с моим личным «другом-дьяволом». Что он посоветует в данной ситуации?

Дмитрий Олегович выдвинул из корпуса «вертушки», как привычно называли пульт сверхсовременного селектора, дополнительную панель всего с двумя сенсорами красного и зеленого цвета и дотронулся до зеленого квадратика. Через минуту зеленый цвет сменился на желтый, а динамик селектора тихо проговорил:

– Вызов принят. Аргументы?

– Вероятность облавы близка к единице. Необходим информконтакт.

– Ждите.

Громов сел за стол, настроил себя на тот режим напряжения, который был необходим для контакта с «другом-дьяволом», и стал ждать.

* * *

Прежде чем пойти по указанному в объявлении адресу, Василий Балугев навестил двух своих друзей. Один из них жил в Митино и работал в баре недалеко от дома, где жил; второй служил охранником в частной хлебопекарне. Охранника звали Костя Злобин, русбоем и восточными единоборствами он занимался с детства, имел разного цвета пояса от разных школ и чувствовал себя в жизни достаточно уверенно. О наборе в школу безопасности предпринимателей он ничего не слышал, а на вопрос Василия – не хотел бы он туда устроиться? – ответил:

– На кой ляд? Платить там будут если и больше, то не намного, а ответственности – выше крыши. Мне и в моей пекарне хорошо. От рэкетилов отбились, налоги платим исправно, жить можно.

Разговор происходил днем сначала у Злобина дома, потом приятели решили вспомнить былое в более уютном месте и остановились на кафе-мороженом «Фиорд» на Тверской недалеко от Белорусского вокзала. Машины у Кости не было, поехали на метро. А в кафе произошла сцена, которая произвела на Василия гнетущее впечатление.

Несмотря на хмурый осенний день, народу в кафе поднабралось прилично, даже образовалась очередь. Впереди приятелей оказалась компания из двух молодых пар интеллигентного вида, вознамерившихся, очевидно, тихо посидеть в кафе и отдохнуть. Женщины подошли к свободному столику и, поглядывая на своих кавалеров, не садились в ожидании, пока те возьмут мороженое и напитки. И в этот момент два коротко стриженных амбала, только что вошедшие в кафе, одетые в «фирму» – спортивные костюмы «Панда», кожаные жилеты, кроссовки «Найк», – бесцеремонно растолкав очередь, взяли мороженое и столь же нагло оттолкнули женщин от столика. А когда те попробовали возражать, апеллируя к своим кавалерам, один амбал, не стесняясь, бросил женщине просто:

– Пошла на... Врежу – сдохнешь!

Шокированные женщины тут же отошли в сторону, стали уговаривать своих молодых людей не трогать «крутых», но один из них все же подошел к «спортсменам», что-то сказал и тут же получил короткий удар в низ живота от даже не поднявшегося со стула амбала.

Василий не вмешивался, когда наглецы растолкали очередь и взяли мороженое, стерпел и явное пренебрежение с их стороны ко

всем «слабакам и бабам», но не выдержал, когда громила сказал двинувшемуся на него второму «интеллекту»:

– Лучше не лезь, мудака, по стенке размажу!

– Бери мне то же, что и себе, – сказал Василий Косте, подошел к столику, проговорив очень тихо, чтобы слышали только они:

– Мальчишки, поднимайтесь и уходите, пока я добрый. Не дай вам Бог увидеть меня злым!

– Гля, Лева, еще один защитник выискался! – повел крутыми плечами «спортсмен». – Какой-то сегодня день ненормальный, не дают расслабиться спокойно. Вали, бобик, я тебя пальцем сломаю.

Василий изящно перехватил руку говорившего приемом «хлыст», рывком поднял со стула, одновременно вырубая второго мордоворота выпадом большого пальца под ключицу. Повел взывшего «спортсмена» к выходу, приговаривая еле слышно.

– Не дергайся, урод, руку сломаю.

На них с опаской посматривали посетители других столиков, но не вмешивались, привыкнув к бандитскому беспределу подонков, не предвещавшему ничего хорошего от «крутой» разборки. Второго «спортсмена» пришлось выносить на улицу вдвоем с Костей. Первый, держась чуть поодаль, грозился «убить сук» всеми известными ему способами, но приятели вернулись в кафе, не обращая на него внимания, весьма равнодушно отреагировав на благодарный лепет дам компании.

Сев на освободившиеся у окна места, Костя, поглядывая на потерявшую живость физиономию Балуюева, сказал:

– Что это на тебя нашло? От этих ублюдков всего ждать можно – от ножа в спину до выстрела в грудь. А если бы у него имелась «пушка»?

– Зря я, что ли, двадцать лет занимаюсь рукоприкладством? Надоело смотреть, как жирует эта падаль, «хозяева жизни». Надо же когда-то и отпор дать.

Костя с явным интересом заглянул в ставшие угрюмыми глаза товарища.

– Всем подонкам морду не набьешь.

– Может, и не набьешь, но стремиться к этому надо.

– Ну-ну, давай, если захотел на свою задницу приключений. Оно, конечно, может, ты и прав. Недаром говорится, что висящее на стене

ружье раз в год стреляет.

– Что ты имеешь в виду?

– Твое воинское мастерство – что висящее ружье, ему требуется выход.

– Ладно, давай поговорим на другие темы, как-никак расслабиться пришли. Ты до сих пор не женат?

– А зачем? Баб и без того хватает. Как говорится, «кончил тело – гуляй смело». Я еще молодой, погожу хомут на шею вешать.

– Циником ты стал, Константин.

– Жизнь такая, Василич. Ты вон тоже не окольцованный. Или есть кто на примете?

– Да в общем-то нет. – Василий вспомнил жаркий шепот Ларисы, ее губы, грудь, сильные и нежные руки. – Хотя нет... одна кандидатура появилась. Массажистка в одном салоне здоровья. Но я не уверен.

– В ней?

– В себе.

Костя рассмеялся.

– Вот это речь мужчины! Но ты вообще-то где обитаешь? Встречались мы с тобой, если не ошибаюсь, года два назад. Тогда ты вроде служил где-то в органах?

– В Федеральной службе контрразведки.

– А теперь?

– Ушел... по собственному желанию, живу в Рязани, работаю в одной из частных тренировочных школ по «унибосу». А тут увидел недавно объявление в газете и решил вернуться в столицу. Сходишь со мной?

– Как говорил Пятачок в мультфильме: «До пятницы я совершенно свободен». Схожу с удовольствием! Кстати, помнишь Вовку Абуткина? Год назад врезался на мотоцикле в фургон, сломал позвоночник. Навестил бы ты его, он тебя помнит.

– Что с ним?

– Лежит парализованный, самостоятельно на горшок сходить не может. А ведь каким спортсменом был!

– Схожу обязательно, дай только адресок.

Посидев еще с час в кафе, приятели вышли на улицу, но «спортсменов», вопреки ожиданиям, не встретили. Вероятно, оценив соперников, те решили не рисковать своим драгоценным здоровьем.

Василий почувствовал атмосферу этого учреждения сразу, едва переступил порог комнаты, где зачисляли в школу безопасности бизнесменов. Впечатление было такое, будто на спину поставили клеймо. И хотя в дальнейшем это ощущение несколько притупилось, Василий не спешил отделаться от него, памятуя предупреждение Матвея: похоже, кто-то «положил на него глаз» и уже не выпускал из поля своего зрения.

Процедура приема на работу оказалась весьма простой.

Паспорт (у Балугева был еще ганфайтерный, липовый, для знакомств, на фамилию Синякин), рекомендации тренерского совета какой-нибудь из секций карате (здесь у Балугева была заготовлена справка о том, что он служил в спецбате внутренних войск в качестве тренера по рукопашному бою), «полигон».

«Полигоном» служил небольшой зал с ковром вместо татами, где соискателя экзаменовали на владение воинскими искусствами. Сначала предложили продемонстрировать ката, то есть комплекс обязательных стандартных передвижений, что Василий сделал без удовольствия, зато «раскачал» организм, подготовил его к переходу в состояние высоких энергозатрат. Затем экзаменатор, военно-спортивной выучки «гуру», беловолосый, но смуглый, гибкий, сильный, не то прибалт, не то немец, показал ему класс, едва не уложив серией ударов атэ-вадза [\[15\]](#) в стиле Дзёсин-мон [\[16\]](#). Василий никак не ожидал встретить тут бойца такой квалификации и потратил достаточно много времени, чтобы нейтрализовать его. Однако как только он, разозлившись на самого себя, начал отвечать на поражение, экзамен остановили.

— Годится! — бросил беловолосый, дыша бесшумно, почти спокойно, и ушел не попрощавшись.

— Приходите завтра сюда же, — сказал Василию нездорового вида одутловатый наниматель, проверявший документы. — Будет директор школы, познакомится с вами и определит круг задач.

Василий, потирая ключицу, куда пришелся локоть экзаменатора, вышел в сопровождении Кости на улицу.

— А ведь он использовал не весь свой потенциал, — проговорил Злобин, наблюдавший за боем. — У этого арийца хатидан, если не кюдан [\[17\]](#). Не нравится мне эта контора, Василеч, уж больно профессионально подходит к контакту И ему тоже не нравится,

подумал про себя Василий, прислушиваясь к собственным ощущениям. «Клеймо» продолжало гореть на спине, и означало это лишь одно: за ним установили слежку с применением спецсредств. В свою очередь последнее соображение говорило в пользу того, что его здесь ждали.

В полной мере Балугев проверил верность своих ощущений вечером, когда за ним пришли.

Остановился он у приятеля в Митино, а не у Кости Злобина, о чем впоследствии не раз пожалел. Приятель, доцент Московского авиационного института Хлебников, и не подозревал, кем на самом деле был Балугев, с которым он учился когда-то в одной группе.

Они проговорили до одиннадцати вечера, вспоминали однокашников, преподавателей, подруг и друзей, делились скромными успехами, рассказывали каждый о своей работе, хотя Василий как бы мимолетно заметил, что работает в «одном секретном ящике». Когда в дверь позвонили, его подозрения тотчас обрели реальную почву, и он сразу понял, что пришли за ним.

– Интересно, – проговорил он медленно, останавливая двинувшегося к двери приятеля Юрия. – Из каких соображений исходила муха, садясь на липкую бумагу?

– Что? – растерялся тот.

– Это я о себе. Балкон есть?

– Лоджия, вход из спальни.

– Тогда бывай, Юра, я уйду нестандартным путем, но ты об этом никому не говори. Я у тебя был и ушел еще засветло. Понял?

– П-понял, н-нет, не понял. Что случилось? Чего ты всполошился? погоди, еще поговорим, пойду открою, звонят...

– Откроешь, когда меня не будет. Потом объясню, в чем дело. Иди, потяни время у двери, будто ты ничего не понимаешь, только проснулся.

Василий вышел на балкон, несколько мгновений прислушиваясь к тишине, дом стоял в парковой зоне, вокруг громоздились новостройки с возвышающимися над ними кранами, до шоссе было далеко, но внизу ощущалось какое-то движение, скрытое от глаз темнотой. Квартира Юрия была на двенадцатом этаже шестнадцатизнажки, но это не смущало Василия. Смущало другое – отсутствие страховки у

тех, кто за ним явился. Они наверняка должны были как-то перекрыть пути его отступления через балконы.

Мелькнула мысль может, напрасно он психует и пришли вовсе не за ним? Но тут в спину Василия дохнуло вдруг таким ледяным ветром опасности, что он сиганул на нижнюю лоджию, не раздумывая ни секунды, хваля Бога, что район еще не обжит и хозяева не успели застеклить лоджии.

Так, с лоджии на лоджию – по диагонали вдоль стены дома – он опускался до третьего этажа, пока не попалась открытая дверь с лоджии в квартиру. Шмыгнул в темную комнату, где на постели спал с потухшей в пальцах сигаретой хозяин или квартирант, бесшумно нащупал входные запоры и выскользнул за дверь в коридор, готовый с ходу вступить в схватку.

Но никого. Все-таки его маневр – он вышел аж в третьем от перекрытого подъезде – если и не остался незамеченным, то застал преследователей врасплох: все подъезды блокировать они не успели или не догадались.

Василии вышел из подъезда вместе с компанией парней и девушек, возвращавшихся с вечеринки, притворясь слегка хмельным и своим парнем. Наметанным глазом определил, что за ним явился армейский спецназ – если судить по машинам с военными номерами и «гориллам» в пятнистой форме, вооруженным бесшумными автоматами «АПБ» калибра девять миллиметров и «никонами» (десантный вариант).

Молчаливые парни с профессиональным хватом автоматов обратили на него внимание, лишь когда он остался один во дворе, так как места в кабинах «тойот», «вольво», вазовских шестнадцатых моделей ему не хватило.

– Эй, малый, постой-ка! – позвал его рослый командир группы захвата.

В то же мгновение ожил мотор одиноко стоящего во дворе «джипа-чероки» с затемненными стеклами, машина прыгнула навстречу Василию с визгом шин, открылась дверца и чей-то полузабытый голос рявкнул.

– Садись, быстро!

Помедлив мгновение, ровно столько, сколько понадобилось для оценки дружелюбности предлагаемой помощи, Балув нырнул в

кабину. Промедли он еще хоть секунду – и не выручили бы его ни навыки ганфайтера, ни умение маскироваться и быстро бегать.

«Джип» снова с визгом шин рванул за угол и, попетляв немного, вырвался на улицу. Только теперь Василий обратил внимание на водителя – в кабине больше никого не было.

– Кто вы?

– Своих не узнаешь? – Водитель обернулся, и Василий изумленно воскликнул:

– Валерка, ты?

Это был Валерий Шевченко, бывший агент ФСК класса «супер», списанный вчистую из-за ранения года два назад.

– Как ты здесь оказался?

– Тебя ждал. Держись, будем отрываться, эти ребята шутить не любят.

– Кто они?

– Спецкоманда Юргена, главного телохрана министра обороны. Видать, ты им здорово насолил, раз они примчались сюда двумя отделениями.

– В том-то все и заключается, что я ничего такого не сделал!

– Ладно, потом расскажешь!

«Джип» свернул с шоссе в лес, на заасфальтированную дорогу, остановился возле затрапезного вида «москвича». Оба быстро пересели в «москвич», шофер которого занял место Валерия за рулем «джипа». И машина тут же помчалась по Можайскому шоссе к Москве.

ФЕРМЕРЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Астрал – кто бы что под этим ни подразумевал – настолько сложное и странное «болото», что видящие входят в него при строжайших ограничениях собственных побуждений. Но соблазн проникновения в его глубины и высоты столь велик, что редко кто удерживается на грани простого созерцания волшебных панорам или мерзких тварей низшего слоя, возбуждаемого самыми низменными желаниями человека. Матвей убедился в непреодолимости этого соблазна, с трудом вернувшись «в тело» из очередного путешествия, выполненного не во сне, а вполне осознанно. Вернее, почти осознанно, по воле собственного «я», свободного от оков здравого смысла. Впредь он решил действовать более осмотрительно, потому что испытал самый тривиальный ужас, заплутав в горизонтах инобытия и с громадным трудом выплыв на уровень, обеспечивающий знание всех языков, на которых разговаривало человечество. А оттуда уже было «рукой подать» до воплощенной в материальные структуры земной реальности.

Отдышавшись, Матвей подумал, что ему необходим проводник по астралу, Учитель, или в крайнем случае путеводитель с указанием безопасных маршрутов. Иначе когда-нибудь он рискует либо вернуться в чужое тело, либо вообще не вернуться из путешествия по всеобщему эйдо-эмоциональному полю, называемому «астралом». Правда, несмотря на обладание достаточной свободой в этом состоянии, Матвей понял, что высший этаж астрала – «ментал», истинная энергоинформационная матрица Вселенной, ему недоступна. Кто-то или что-то не позволяло ему проникать туда, каждый раз направляя полет воли в нижние горизонты астрала.

Но и то, чем овладела душа-воля Матвея, позволяло ему выходить в меоз усилием мысли, хотя и не без головной боли. Что, в свою очередь, раскрывало небывалые экстрафизические возможности: увеличение темпа жизни, сверхреакцию, тончайшие ощущения электромагнитных полей, точное восприятие опасности, физическую силу, уменьшение веса тела, снятие боли и тому подобное. Вернулись

все паранормальные способности, индуцированные биокоррекцией, произведенной более года назад Тарасом Горшиным, «отступником», преступившим законы людей Внутреннего Круга.

Перед отъездом в Вологду Матвей потренировал выход в меоз и с небывалым чувством свободы и внутренней силы определил пределы новой балансировки восприятия. Теперь он мог не только задерживать дыхание на пять-восемь минут, но и регулировать сердечную деятельность вплоть до остановки сердца на несколько минут, менять по желанию температуру тела, регулировать (уменьшать) вес тела чуть ли не на треть, а также свободно различать цвет ауры людей – «свечение» их тонких тел.

Так он убедился воочию, что преобладание красного цвета в верхней части ауры означает избыточную самоуверенность владельца, оранжевого – наличие доброты и гуманности, зеленого – дружелюбия и стремления к духовному росту. Голубой цвет являлся свидетельством высокого интеллекта, здоровья и бодрости, серый – болезни, фиолетовый отражал ясность мысли и воображение, грязно-коричневый – повышенную сексуальность, фальшь в поведении, зелено-желтые вспышки говорили о лживости обладателя ауры, а золотисто-желтое ровное свечение указывало на высокую духовность. Но людей с таким оттенком ауры Матвей практически не встречал, все больше попадались серые, коричневые, бурые цвета – цвета неблагополучия и нездоровья.

Утром в воскресенье, проделав комплекс обязательных упражнений и сменив ряд поз йоги от вакрасаны до сукхасаны [\[18\]](#), Матвей вывел свою бронированную «таврию» из гаража, заехал к Сумароковым, повозился со Стасом, привыкающим к своему полноценному двуногому положению, поговорил с Кристиной и отбыл в Москву.

Доехал за два часа без происшествий, однако в Вологду отправился на поезде, оставив машину на стоянке возле Ярославского вокзала. Хотелось подготовиться, отдохнуть за ночь и явиться на место свежим и полным сил.

В купе беседовали двое: пожилой толстяк с лысиной на полчерепа и неопределенного возраста мужчина, скорее всего узбек, черноволосый, смуглый, скуластый. Ему можно было дать и тридцать и пятьдесят лет, представительной фактурой природа его не наделила,

и все же Матвей почувствовал в нем определенную силу, способную остановить кого угодно, сокрушить любое препятствие.

Разговор зашел о политике.

Говорил больше толстяк, другой пассажир вставлял иногда редкое слово и слушал, поглядывая на Матвея черными, блестящими, как маслины, глазами.

– Сегодня серьезная опасность исходит не от шпаны, – горячился толстяк, расслабляя галстук, – малюющей свастику на стенах и заборах, делающей себе соответствующие татуировки, и не от утонченных околофашистских интеллигентов. Такая жалкая тусовка была и будет всегда. Политического значения вся эта маргинальная компания не имеет, политической погоды эта публика не делает. Опасно иное. Экстремисты прекрасно чувствуют, что время работает против них. Стабильность означает их исчезновение с политической сцены, поэтому им необходимы кризисы, революции, потрясения. И ради создания условий для этого они пойдут на все.

– Разве им нельзя помешать? – низким голосом спокойно спросил черноволосый.

– А кто им способен помешать? Президент? Он ищет опору, которой у него до сих пор нет, и, если понадобится, уцепится за любой спасательный круг, кто бы его ни бросил. Премьер? У него свой круг приоритетов, и он также пойдет на сговор с любым дьяволом, чтобы остаться у кормила власти. Дума? Депутаты озабочены лишь одним: сохранением своих кресел и привилегий, которые эти кресла дают.

– Невысокого вы, однако, мнения о депутатах.

Фыркнув, толстяк глянул на Матвея.

– Спросите у этого молодого человека, какого он мнения о них. Вас как зовут?

Матвей назвал себя.

– А меня Егор Феоктистович.

Черноволосый и в самом деле оказался узбеком, у него было звучное имя. Вахид Тожиевич Самандар. И, как оказалось, он был директором МИЦБИ – Международного исследовательского центра боевых искусств. Толстяк же работал экспертом-экономистом в другом международном институте – стратегических исследований.

– Депутаты! – фыркнул Егор Феоктистович. – Парламентарии, так сказать, представители народа, мать вашу. Если бы вы знали, сколько

среди них мерзавцев! Хотите общую характеристику? Извольте. Во-первых, все они, как старые кокетки, заигрывают с народом, обещая то, чего и сами через день не вспомнят. Во-вторых, обожают цапки – машины, дачи, видеотехнику, мебель. В-третьих, падки на популизм, любят лесть, комплименты, презентации и фуршеты, обожают целоваться, клясться друг другу в верности и любви, хотят нравиться всем, завидуют успеху других А, да что говорить, – Толстяк-эксперт махнул рукой. – Клейма ставить негде!

– Но, видно, мы достойны таких правителей, – мягко улыбнулся Вахид Тожиевич. – Избираем-то их по своему образу и подобию.

В дальнейшем разговоре Матвей не участвовал, хотя его забавляла горячность Егора Феоктистовича, основательно осведомленного о жизни депутатов и правительственных чиновников. Явилось ощущение, что встреча с этими людьми в поезде неслучайна. Но, поскольку непосредственной опасности они не представляли, Матвей переключил свое внимание на внутреннее созерцание, ловя изредка внимательные взгляды узбека. Этот человек был явно неординарен, нестандартен, однако не спешил выказывать свою осведомленность и оригинальность, предпочитая слушать, оценивать и взвешивать каждое свое слово.

Оба сошли в Вологде, пожелали друг другу удачи и разошлись в разные стороны: Самандар – на привокзальную площадь, Соболев – к автовокзалу. Но у него сложилось убеждение, что они еще встретятся.

В первом часу дня Матвей прибыл в бывший колхоз «Новый завет», теперь – АО «Прцветание». Погода стояла почти летняя, облачка в небе не портили его голубизны, солнце жарило вовсю, ветер приносил с полей запахи трав, и Матвей забалдел, как от хмельного напитка, снова пережив внутренний подъем и грусть по давно ушедшим дням юности.

Ряд фермерских усадеб в селе Старом на первый взгляд не претерпел изменений, но, увидев заколоченные ставни в двух домах, Матвей понял, что фермеры не выдерживают гонок на выживание с АО «Прцветание». У бывшего колхоза прав и связей в агроверхах было несравненно больше, а сила, как известно, и солому ломит.

Леонид Нестеров возился на скотном дворе, небритый, похудевший, злой, и у Соболева в душе даже шевельнулась жалость к нему, однако он помнил, что во всей истории с сестрой муж ее едва ли

не павный виновник всего случившегося. Приезду шурина Нестеров не то чтобы сильно обрадовался, но при его появлении несколько оживился.

Дети были дома, играли без обычной возни и шума, однако, не в пример отцу, встретили дядьку с восторгом, тем более что он привез племяннику приставку «кенди» к телевизору, а племяннице набор бижутерии. После общего чаепития мужчины уединились в горнице, и Леонид принялся за рассказ.

Шаг за шагом перед Матвеем разворачивался процесс травли фермеров, в том числе и семьи сестры, Нестеровых, направляемый бессменным председателем колхоза «Новый завет», а потом президентом акционерного общества «Процветание» Антоном Сергеевичем Дурбанем и его подручными, среди которых был и небезызвестный Соболеву инспектор Константин Кириллович Шавло.

Картина вырисовывалась нерадостная.

После тихой драки Матвея с местной властью дела у Нестеровых вроде бы пошли на лад. В течение полугода никто ничего у них не крал, никто не ставил палки в колеса, не зажимал кредиты, не задерживал выплаты денег за сданные сельхозсырье и продукты. Но потом, видно, не дождавшись обещанной Матвеем проверки деятельности колхозных «госарбайтеров», успешно превратив колхоз в акционерное общество открытого типа, Дурбань решил додавить несговорчивых и нашел хитрый ход: сделать это руками сельчан, недовольных заработками фермеров.

В селе Старом этих людей знали по кличкам – Шпана, Мокрый, Бегемот, Дубина, Мост, Капитан... Вечные нахлебники и алкаши, готовые за пол-литра на что угодно. Единственное, что они умели, – это крутить баранку грузовика или трактора. Зато амбиций больше, чем у любого уважающего себя мастера. Вот с такими-то людьми и пришлось работать сестре Лиде, когда потребовалось привлечь сезонных рабочих. Двух она наняла водителями своего грузовичка «Бурлак», который Нестеровы купили еще весной, а двое других колупались на скотном дворе, ежедневно требуя выпивку.

Чем их купил Дурбань, догадаться было несложно. Однако начали мужички пропадать с грузовиком и трактором по несколько дней, подрабатывая на стороне. Лида стала требовать с них плату за эксплуатацию машины, и получился первый конфликт. В колхозе ведь

как: стоит трактор – садись и зарабатывай деньги, никто не спросит, по какому праву ты это делаешь – «все кругом колхозное, все кругом мое». Какая там еще плата? Так Лиде и сказал директор АО, прекрасно понимая, что пришли новые времена и за все надо платить.

Привыкли в Старом и к другому «коммунистическому» принципу: если ты что-то заработал – поделись с соседями или ставь по крайней мере бутылку. Правда, с начала девяностых годов этот принцип работать перестал, но директор – президент АО – решил его возродить. И зачастили к Нестеровым «новые люмпены», любители дармовщинки, требуя за каждый, хоть и небольшой, успех фермерской семьи бутылку за бутылкой. Лида не давала, они злились, портили технику, отравили собаку...

С виду отношения с соседями вроде были самые нормальные, а с некоторыми даже дружеские, казалось бы – зачем вредить? Но нет, эти отношения развивались и углублялись, направляемые подручными Дурбаня – «Шавло и компанией». Однажды Лида вернулась домой с синяком во всю щеку. Леонид к ней: «Что случилось?» Она: «В машине ударилась». Потом пришел шофер – Бегемот: «Ты, мол, прости, заberi заявление...» Оказалось, он избил ее, выкинул из машины, забрал ключи и на два дня скрылся. Тогда Лидия заявление, написанное в милицию, забрала у Шавло. Но потом были и другие похожие случаи. Опять избili. Отравили свинью. Неоднократно угоняли машину и трактор. Угрожали расправой, бросались на нее с ножами, топором и даже бензопилой...

Роковой выстрел раздался, когда терпение Лиды лопнуло. И хотя пострадавший – некий Капитан, подонок из подонков, – давно выздоровел, Лиду осудили на пять лет «за превышение мер необходимой обороны». Свидетелями были все те же «Шавло и Кё», бывшие работники Нестеровых Мокрый, Губошлеп, Бегемот и... ее муж Леонид!

Матвей, выслушав рассказ, стиснул зубы. Нестеров ничего в принципе не сделал, чтобы защитить жену, помочь ей, облегчить ее участь, хотя мог бы взять всю вину на себя, как мужчина и защитник. Но он даже ни разу после суда не навестил жену в районной вологодской тюрьме!

Видимо, Леонид что-то почувствовал в молчании гостя, потому что внезапно замолчал и отодвинулся от него.

– Ясно, – сказал Матвей, вставая, и глаза его вспыхнули такой ледяной голубизной, что муж сестры едва не свалился со стула, инстинктивно закрывая лицо рукой.

– Что ты... вы... хочешь делать? – проговорил Нестеров.

– Поживу пока тут, – медленно сказал Матвей, отворачиваясь и тут же забывая о существовании шурина. – Пару дней. Уточню кое-что. Потом посмотрим.

– Конечно, оставайся, живи, я со своей стороны... как-нибудь... – залепетал Леонид. – Вот, стели себе в горнице, белье бери... стирание. Обедать с нами будешь... или как?

– Или как, – ответил Матвей.

Следующий день он потратил на выяснение всех обстоятельств дела, разговаривал с соседями и односельчанами Нестеровых, чтобы детально разобраться в случившемся. Потом съездил в Вологду на свидание с сестрой, несказанно обрадовав ее своим появлением.

– Это мне кара заслуженная, – с тоской говорила Лида, отплавав положенное, когда они проговорили с полчаса. – Кара за старые грехи.

– Какие еще грехи? – удивился Матвей, с не меньшей тоской в душе разглядывая заплаканное, похудевшее, с тенями под глазами лицо сестры. – Ты в жизни никого не обидела и любила только одного.

– Вот именно. – Глаза Лидии вспыхнули, повлажнели. – Прав ты, Матвейша, всю жизнь я любила одного... а жила с другим. Вот за то и кара – за отказ от любви. Все боялась быть слишком зависимой от Алексея... хотя могла пойти за ним в огонь и воду. А с Леонидом жизнь – ты сам видишь какая. Не помощник он мне, не мужик и не любовник...

– Ну так бросай его к чертовой матери! Разводись, уезжай домой, мама всегда тебя примет, хоть с детьми, хоть одну.

– Знаю, да как же я уеду-то? Нет, братец, отсижу свое и вернусь, не дам этим гнидам, Дурбаню и Шавло, торжествовать!

– Что ж, характерец у тебя мужской, Лидуша. Тебе бы и мужика под стать себе... Крепись, я предпринял кое-какие шаги, может, пересмотрят дело и скостят пару лет. Ведь заяву, что подписал подстреленный Капитан, писал Шавло? И в нем все описано с точностью до наоборот?

– Что с того? Все свидетели хором заявили, что я была, во-первых, навеселе, во-вторых, сама полезла к этим выпивохам, а, в-третьих,

давно уже грозила их «пришить». Больше всех Бегемот старался, боялся, что я его за старые обиды выдам.

– А разве Леонида не было рядом, когда это случилось?

– Был, да что толку! Он даже контрзаявление не написал, на суде отдувался да сопел только.

– Ладно, не реви, сказал же – уходи от него. Я всегда поражался, что ты в нем нашла?! Теперь понял: ты и не искала, убежала от проблем, считая, что можешь убежать и от самой себя. Ну все, помчался я по делам, до отъезда навещу еще, жди.

После свидания Матвей зашел в местную коллегия адвокатов и нанял адвоката, который согласился начать пересмотр дела Нестеровой, как только появятся новые факты или если обвинители откажутся от своих прежних показаний.

Из Вологды Матвей снова поехал в Старое и вечером в среду наведлся домой к поселковому инспектору.

Константин Кириллович Шавло за год еще больше раздался вширь, а на рябом лице его, ставшем в полтора раза мясистее и шире, можно было сеять уже не только репу, но и другие овощи. Соболева он признал, лишь очнувшись от первого его удара, от которого сорвал тушей ворота гаража, неожиданно отлетев к ним. Ибо на приветствие Матвея и его вопрос: «Привет, Кириллыч, помнишь меня? – Шавло промычал нечленораздельно:

– Кто это такой еще приперся?

Двое знакомых Матвею «клеветов» инспектора, похоже, так и не снимавших никогда свои спортивные костюмы, попытались было заступиться за патрона, однако ушли в отключку надолго, довершив разгром гаража с красавицей шестнадцатой моделью цвета «серый перламутр».

– Вспомнил наконец? – равнодушно спросил Матвей, присаживаясь на капот шестнадцатой модели. Шавло, выпучив глаза, завожился на воротах, оглядываясь по сторонам, потом до него дошло.

– Ах ты, падло! – Он схватил с верстака монтировку, но не успел ничего сделать, потому что снова грохнулся спиной о стену, сломав верстак. Матвей же продолжал сидеть все в том же положении, покачивая ногой, не вынимая рук из карманов куртки.

– Ну теперь-то вспомнил?

На сей раз инспектор приходил в себя дольше, зато попыток убить обидчика уже не предпринимал.

– Заступник... Нестеровых...

– Молодец, вспомнил. А теперь припомни, что я тебе говорил, когда уезжал. Блюда порядок! Наверное, я плохо объяснил, что будет в противном случае? Так вот, даю тебе последний шанс: завтра утром ты, Бегемот, все остальные свидетели и потерпевший поедете в Вологду, найдете адвоката Никитина и сделаете новые заявления относительно дела Лидии Нестеровой. Она защищалась, и ты знаешь это, ублюдок! Все понял?

Шавло оглядел свой разгромленный гараж, в его глазах изумление боролось со страхом и ненавистью, но вступать в схватку он больше не решался.

– Понял... Только я не ответчик за Бегемота... Хлобанеева... он не поедет. Да и Капитан тоже.

– Это моя забота. Поедете, как миленькие. – Матвей оглядел лоснящееся от пота красное лицо инспектора. Было видно, что в голове его, с узким и каким-то вогнутым лбом, идет тяжелая, неподъемная для него работа. Что ж, думать иногда полезно.

– Бывай, Кириллыч. – Матвей пошел со двора, сопровождая взглядом собак, что бегали у забора и поглядывали на гостя с недоверием и сомнением, однако не нападали и даже не рычали.

– Эй, каратист! – вдруг окликнул его Шавло, выходя из гаража в сопровождении очухавшихся «спортсменов». В руках он держал штатного «Макарова». – Не торопись, а то дырок наделаю. От пули не убежишь, а я всегда могу оформить заяву, что ты напал первым.

– Спасибо за предупреждение. Но ведь я тоже могу сотворить такой фокус. Ты не подумал об этом?

Матвей вошел в сверхскоростной режим и как бы «выпал» из поля зрения Шавло и его помощников. В следующее мгновение пистолет из руки инспектора переключался в карман Соболева, «спортсмены» схлопотали боковые удэ-атэ, словно вихрем унесшие их вглубь гаража, а у Шавло искры из глаз посыпались от тычка в нос, едва не сломавшего носовую перегородку.

– Так я жду всю команду завтра утром на автобусной остановке, – напомнил Матвей. – Не забудешь, Кириллыч? А?

– Н-нет, – ответил тот, вытирая под носом слезы, смешанные с кровью.

– Тогда вот, держи «пушку», обойму получишь завтра.

От инспектора Матвей направился прямо к Бегемоту, то есть к Хлобанееву Степану Викторовичу тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, семейному, нигде не работающему, алкашу и бузотеру.

Хлобанеев с виду казался родным братом Шавло, кличку Бегемот он оправдывал на все сто процентов. И был дубина дубиной, потому что понял, о чем идет речь, лишь с третьей попытки Матвея объяснить, что от него требуется.

– Шо?! – проревел он, сообразив наконец, в чем дело. – Ты... мне... чтоб я... сам на себя?! Да я тебя в три погибели...

Матвей щелкнул детину в лоб, и тот, икнув, упал на скамью возле сарая, на которой рядом с бутылкой вологодского пива лежала вяленая рыба. Поднимать шум не хотелось: у Хлобанеева была большая семья и не стоило поднимать переполоха. Правда, очень хотелось взглянуть на жену Бегемота, которая столько лет терпела такую орясину, бандита, алкаша и тунеядца.

– Пойдешь и напишешь, как было на самом деле, – сказал Матвей, чувствуя злость и одновременно жалость к этому уроду. Хотя в принципе большей жалости была достойна его семья.

– Да и кто ты вообще такой?! – заорал Бегемот.

Матвей перехватил его руку с бутылкой пива, уперся локтем в ключицу, надавил. Бегемот взвизгнул, посерел лицом, хватая воздухом, сполз на землю. От него несло таким отталкивающим букетом перегара, что Матвея едва не вырвало.

– Я – твоя смерть! – сурово произнес Соболев, хихикнув про себя: где-то он читал такие вот страшилки, но для этого толстокожего представителя человечества с интеллектом настоящего бегемота подобные угрозы вполнегодились. – Завтра я жду тебя и Шавло утром на автостанции. Не придешь – пеняй на себя!

Съездив по морде Хлобанеева тыльной стороной ладони, Матвей ушел с территории его неприглядного владения и через четверть часа с чувством глубокого удовлетворения проводил взглядом Бегемота, рысью мчавшегося к центру села, где жил инспектор.

Остальных свидетелей Соболев обнаружил в местном «баре» – возле палатки с пивом, где человек пять любителей «жидкого хлеба» обсуждали местные и центральные новости. Мужики были совсем молодые, простецкие на вид, любители выпить и закусить, и Матвею удалось решить с ними проблему полюбовно, объяснив, что главные обвинители согласились ехать в район и написать новые заявления.

До наступления сумерек Матвей успел переговорить также и с другими фермерами, соседями Нестеровых, с горечью убедившись, что заняты они только собой и собственными заботами. Никто из них и не подумал вовремя вступить за соседку, игнорируя известный социально правильный лозунг, который в приложении к данной ситуации звучал примерно так: «Фермеры всех стран, объединяйтесь!» Но, к сожалению, объединяться они не спешили, поэтому клике Дурбаня было легко воевать с ними.

Конечно, многие сочувствовали Нестеровым, но боялись всего и всех и, случись какая-нибудь новая заваруха, вряд ли пошли бы выручать соседа. Шавло настолько запутал людей, что говорили о нем едва ли не шепотом.

С сознанием исполненного долга, но разочарованный, Соболев вернулся в дом к Нестеровым. К Дурбаню он решил сходить на следующий день после отправки «команды» в Вологду.

Перекинулся парой фраз с Леонидом, выпил молока, поиграл с племяншами и лег спать. А в два часа ночи его потревожили.

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»

Жил Шевченко на Щербаковской в старом доме сталинской постройки – с толстыми стенами и высокими потолками. Квартира была однокомнатная, но ее площадь – тридцать шесть «квадратов» – позволила хозяину сделать из одной комнаты три: спальню, гостиную с видеосистемой «Панасоник» и тренировочный зал, где стояли тренажеры и висела в углу макивара.

Пока Василий осматривался, Шевченко сварганил чай, подогрел в волновой печи бутерброды и притащил все это на подносе в гостиную. Когда они сели чаевничать, шел второй час ночи.

– Пить будешь? – спросил Валерий. – Шампанское, вино, водку, коньяк, ром, горилку с перцем?

– Не потребляю, привык держать форму. К тому же алкоголь не улучшает цвет лица и стройность фигуры.

– Как сказал Прутков, «если хочешь быть красивым, поступи в гусары», – засмеялся Валерий. – Есть хороший анекдот на тему выпивки. Из дневника французского летчика: «Пятница: пил с русскими летчиками. Суббота: чуть не умер. Воскресенье: опять пил с русскими летчиками. Понедельник: лучше бы я в субботу умер!» Слышал такой?

Рассмеялся и Василий.

– Нет, не слышал, нормально. – Посерьезнел. – Ну а теперь вешай лапшу на уши: как ты «случайно» оказался в нужное время в нужном месте?

Шевченко, продолжая улыбаться, откусил сразу полбутерброда, запил чаем, оглядел мрачновато-спокойное лицо Балуюева.

– Ты не изменился. Баловень. Минимум эмоций, максимум самообладания, замкнутый и застегнутый на все пуговицы. Что ж, вешать лапшу на уши не буду. Еще бутерброд?

– Благодарю, сыт.

– Дело в том, что ты попался в поле зрения случайно. Мы давно наблюдаем за той «школой», где ты побывал. Это всего-навсего «крыша» для какой-то «крутой» конторы типа Ф-безопасности или

военной контрразведки, служащая для подбора кадров. Когда я тебя увидел, то хотел сразу предупредить, но за тобой пошел «хвост», пришлось ждать, чем все это закончится. Зато теперь мы почти точно знаем, что «школа» набирает профи рукопашного боя для «Смерша» или еще какой-то военной команды, потому что пришла за тобой зондеркоманда «Стикс», военный спецназ, подчиненный напрямую полковнику Юргену, командиру личной охраны министра обороны.

Василий присвистнул.

– Серьезные ребята! А кто это «мы»? Ты все время говоришь: «Мы наблюдаем, мы знаем...»

– Мы – это «Чистилище», – белозубо улыбнулся Шевченко, всегда отличавшийся веселым нравом. – Надеюсь, слышал о такой организации?

– Три «К»...

– Значит, слышал. Надеюсь также, что задачи наши тебе понятны, поэтому общую панораму рисовать не буду.

– Какой же ты занимаешь там пост?

– Комиссар-5, начальник службы безопасности и кадровой подготовки. Официальное прикрытие: вице-президент Ассоциации ветеранов спецслужб «Барс». Кроме того, я преподаю стиль «комба» в Русском центре боевых искусств. Слышал?

Василий кивнул. «Комба» – комбинированная манера боя – включала в себя техническую спецподготовку, приемы карате, джиу-джитсу, дзюдо, бокса и кэмпо, короче – приемы уличной драки, реального боя.

– Впрочем, что я спрашиваю, – продолжал Шевченко, – ты же проходил курс «киммандо» [\[19\]](#), а это примерно то же самое.

– Короче, Склифосовский, не ходи вокруг да около.

– Вася, нам нужны специалисты высокого класса, вплоть до «абсолюта», а ты – бывший ганфайтер-перехватчик, иных рекомендаций и не требуется. Пойдешь в «кобры»?

– «Кобры»? Что это?

– Командир обоймы риска, сокращенно «кобра». Зарплата такая, что и министрам не снится. Плюс моральное удовлетворение от искоренения зла, что немаловажно. Ну и главное... – Валерий перестал улыбаться. – Осознание полной свободы и власти.

– Последнее – лишнее, – буркнул Василий. – Я подумаю. Хотя убежден: злом зло победить нельзя. Другое дело – торжество справедливости... Но я подумаю. Можно у тебя еще на сутки задержаться?

– Ради Бога. И последнее, Вася. Ты был дружен с другим «абсолютом», неким Соболевым. Не знаешь, где его можно найти? О нем такие легенды ходят, что нам захотелось и его пополучить в команду.

– Откуда ты знаешь о Соболеве?

– От верблюда. Не забывай, я работаю в «Барсе» и в «ККК», а информация и там, и там поставлена не хуже, чем в контрразведке. Так что ты скажешь?

Василий долго не отвечал, размышляя о предчувствиях вообще и Матвея, в частности. Рано или поздно такое должно было случиться, когда-нибудь их вычислили бы и без этой случайной встречи в Москве. Хотя, с другой стороны, ничего случайного в мире не происходит, ибо случайность – нелроявленная закономерность.

– В принципе мы и сами в состоянии попросить его присоединиться к нам, тем более что знаем, где он в настоящий момент пустил корни, – в Рязани. Но будет лучше, если попросишь ты.

Балуева неприятно поразила осведомленность бывшего соученика по рукопашному бою относительно местонахождения Матвея, однако виду он не подал.

– Если решу работать с вами, предложу и ему, – отрезал он. – Давай-ка спать, утро вечера мудренее.

Проснулся Василий в семь утра, однако хозяина уже дома не было. На столе ждала записка: «В холодильнике колбаса и яйца, молоко. Завтракай. Вечером покалякаем». На записке лежал ключ от квартиры.

Позанимавшись в «спортзале» на тренажерах, Василий позавтракал и, не имея особых планов, поехал к Володе Абуткину, адрес которого дал Злобин.

В фойе метро Балуев обратил внимание на милиционеров, работников метрополитена, задержавших на его глазах пожилого мужчину в сапогах и стеганом халате, не то киргиза, не то казаха. О чем они с ним толковали, неизвестно, только в результате пожилой киргиз опустился на лавку и заплакал, а милиционеры, один тощий,

согнутый, как скоба, а второй толстозадый, с бритым мясистым затылком, спокойно направились вдоль перрона, поигрывая дубинками.

Обычно Балуев не вмешивался в подобные инциденты ни на улице, ни в присутственных местах, но при взгляде на морщинистое темное лицо жителя дружественной державы, по которому текли слезы, что-то стронулось в его душе, и Василий, не раздумывая, шагнул к нему.

— Что случилось, отец? Я видел, как ты беседовал с держимордами. Ударили, что ли?

— К дочке приехал... Сулеймановы мы... а паспорт забыл... тот деньга взял... все... сказал, заберу, давай деньга...

— Сколько взяли-то?

— Двесть тыща... все... больше нету... подарка хотел купить...

— На, отец, держи. — Василий сунул мужичку шесть бумажек по пятьдесят тысяч. — Покупай свой подарок. Ошиблись солдатики, я с ними поговорю. Куда ехать собрался?

— Савале... Савольска...

— «Савеловская»? Садись, твой поезд идет. — Василий посадил ошеломленного старика в вагон, догнал милиционеров, остановивших молодую пару армянского вида.

— Эй, начальник, поговорить надо.

— Чего тебе? — лениво обернулся толстозадый страж порядка с блинообразным безбровым лицом.

— Пошли в дежурку, здесь народу много.

— А документы есть?

— Там и покажу. — Василий направился в конец платформы, где находились служебные помещения станции метрополитена. Однако милиционеры остановили его раньше, дернули за плечо. Один демонстративно расстегнул кобуру штатного «ПМ», второй перехватил дубинку левой рукой, протягивая правую.

— Документы, гражданин.

— В порядке, — обернулся Василий, сдвигая кожаную кепку на затылок. — Давайте-ка по хорошему договоримся: вы возвращаете деньги, что отобрали у того старика-киргиза в халате, добавляете столько же своих за моральный ущерб, а я делаю вид, что ничего не произошло.

Тощий служитель закона заржал, у блинномордого нехорошо сузились глаза и побелели губы.

– У тебя что, бля, крыша поехала?! А ну, кажи документы, пока не загремел в темную!

Василий со вздохом воткнул ему кулак в подреберье, помог сесть на скамью у стены. Сказал застывшему от неожиданности тощему:

– Деньги!

Милиционер схватился за дубинку, но рука вдруг отказалась повиноваться, из глаз посыпались искры, воздух застрял в легких, не желая выходить. Василий плюнул на его мундир, сел в вагон и уехал. Ругал себя лишь за то, что не довел защитников правопорядка до дежурного помещения – урок надолго запомнился бы им.

Володя Абуткин жил в двухкомнатной квартире по Староконюшенному переулку вместе с женой, ее матерью и дочерью жены от первого брака. От одного запаха, витавшего в квартире больного, Василия замутило, а когда он глянул на неподвижно лежащего в кровати бывшего однокашника, на его бледное одутловатое лицо, настроение и вовсе испортилось.

Абуткин узнал Балуюева не сразу, а когда понял, кто к нему пришел, даже прослезился. Василий выгрузил из сумки яблоки, бананы, фруктовую воду, открыл «херши», сказал со смешком:

– Время пить «херши», Бутя. Рад тебя видеть!

– Взаимно, – прошептал растроганный Абуткин. Говорил он медленно, не заикаясь, но явно с трудом, и смотреть на мучения парня было тяжело. Вся нижняя часть тела Володи была парализована и не двигалась, а что он чувствовал, можно было представить.

Пробыл у товарища Василий недолго, минут сорок, и за это время лишь раз увидел старуху, мать жены, возникшую на пороге и тут же куда-то сгинувшую. Абуткин ожил, раскраснелся, с удовольствием уплетал яблоки и рассказывал свою невеселую историю, столь печально окончившуюся.

– Вот и лежу теперь, как колода, – закончил он, постепенно утрачивая блеск в глазах и недолгое оживление. – Жена терпит, но я-то вижу, каково ей.. Подумывал даже о самоубийстве, да решимости не хватает. Все один да один, читаю да телек смотрю... Кому я нужен? Изредка приходят навестить племяши. – Владимир снова оживился на короткое время, хрипло рассмеялся. – Ох и башибузуки! Одному три

года, тезке твоему, Васькой звать, второму, Андрею, пять. Однажды пришли в гости всей компанией: дед, отец и мать... моя сестра, ну и они, конечно, а Василий хмурый чего-то. Спрашиваю: ты что, Василек, мороженого переел? Дед глянул на него строго: оказывается, описался в троллейбусе молодец. Ну, я ничего. Сидим, обедаем. Потом Андрей начинает младшему выговаривать:

– Ты почему не попросился? А? Вот папа мог бы описаться?

– Не, – ответил Васька, а сам в пол смотрит.

– А мама могла бы?

– Не...

– А я?

– Не... – Потом Васька вдруг, смотрю, светлеет и торжественно так заявляет, с верой, значит, в деда:

– Дед мог бы!

Василий засмеялся, Абуткин, не удержавшись, тоже, и это была единственная светлая минута в их разговоре, хотя Балуев и пытался выглядеть веселым, а Володя бодрился и хорохорился. Ушел Василий от товарища почему-то с ощущением, что видит его в последний раз.

К обеду он подъехал к шестнадцатиэтажному дому Юры Хлебникова в Митино, откуда так удачно бежал с помощью Валеры Шевченко, комиссара-5 «Чистилища». Не обнаружив ничего подозрительного, проверил подъезд, лестницу до шестнадцатого этажа и позвонил в дверь квартиры Юрия на двенадцатом. Ответом была тишина.

«На работе, – подумал Василий, хотя у него как-то нехорошо сжался желудок. Придется зайти вечером. Нервничать не следует: ведь ему они ничего не должны были сделать плохого, приходили-то за мной...»

Вернувшись в центр, Василий случайно прочитал объявление о конкурсе «на лучшую грудь», который должен был состояться во Дворце молодежи, и повернул туда. С шести до восьми вечера он с удовольствием разглядывал грудастых сеньорит, впитывая атмосферу полущутливого шоу, выбрал королеву бала и был весьма разочарован, когда его мнение и мнение жюри не совпали. Однако девушки, за редким исключением, действительно были молоды и симпатичны, и впечатление от «бала грудей» не испортили даже выкрики из зала каких-то нетерпеливых студентов.

В девять Василий снова был в Митино, однако квартира Юрия по-прежнему была заперта, а от дома исходили флюиды недоброжелательности и угрозы. Прямых наблюдателей Балув не заметил, но было ясно, что за квартирой приятеля ведется наблюдение. Пришлось уходить «огородами к Котовскому», сбивая со следа предполагаемых ищек, и к Шевченко Василий попал только поздно ночью.

Валерий был уже дома – и не один. Гость Шевченко, широкоплечий, узколицый, широколобый, одетый в строгий темно-синий костюм, посмотрел в глаза Василию, и тот даже отшатнулся: впечатление нечеловеческой мощи, презрения, высокомерия, угрозы, снисходительного терпения и величия – все это было столь ужасающим, физически нетерпимым, что взгляд незнакомца казался воплощенным ударом! Длился контакт всего мгновение, но запомнился на всю жизнь. Никогда еще Василий не чувствовал себя таким ничтожно малым и слабым существом по сравнению с тем, кто на него просто посмотрел.

– Балув, – представил Василия гостю Шевченко. – Бывший ганфайтер класса «абсолют».

– Вижу, – кивнул гость, гася взгляд, встал. – Собственно, у меня все, я узнал, что хотел. До связи, комиссар. Проводи меня.

Шевченко вышел с гостем в коридор, а Василий не сразу пришел в себя после его ухода, пребывая в шоке, словно после пропущенного удара «под ложечку».

Вернулся хозяин, усадил Василия на тахту.

– Ну и какое он произвел впечатление?

– Кто это был?

– Комиссар-1, координатор «ККК», Громов Дмитрий Олегович.

– Гад ты, однако, Валера! Ты же не оставляешь мне пути для отхода. Если я откажусь, вы же меня сожжете!

– А ты не отказывайся, – рассмеялся Шевченко. – Если уж сам пришел взглянуть на тебя, значит, ты действительно стоишь того, чтобы работать в «Чистилище». – Он сходил на кухню и принес оттуда Василию тоника с запахом хмеля. – Пей, успокойся. Никто тебя жрать не собирается, даже если откажешься. Хотя... не вижу причин для отказа. Что творится в стране, даже беспределом назвать трудно, все

продается и покупается, любовь, дружба, честь, совесть, жизнь и душа...

Василий вспомнил недавний инцидент в метро с киргизом и кивнул. Что творится в стране, он и сам видел.

Наутро он поехал к надвратной церкви Спаса, что на территории Зачатьевского женского монастыря, между Остоженкой и Москвой-рекой. От одного воспоминания о «храме инсектоцивилизации», показанном Горшиным, сжималось сердце и во рту появлялся железистый привкус. С течением времени все труднее верилось, что это было на самом деле, что под Москвой сохранились и другие «храмы», построенные десятки и сотни миллионов лет назад предками муравьев, термитов и пчел.

Василий был прагматиком, почти начисто лишенным фантазии, поэтому ему труднее было вникать в теоретические философские построения школы эзотериков от Рампы до Успенского, однако «храм» он видел своими собственными глазами, которым вполне доверял. После отъезда из Москвы Василий не вспоминал о посещении «храма» около полугода, словно забыл о нем, пока о «храме» не напомнил сам Соболев. И тогда Балугев признался другу, что давно почитывает эзотерическую литературу и подумывает о новом походе к «храму». Единственное, что его беспокоило, – он не был «посвященным», и Люди Внутреннего Круга, наверняка охраняющие тайны подобного рода, могли воспрепятствовать ему, ограничить доступ к «храмам» и тайнам истории. Того же побаивался и Матвей, однако у него было преимущество, бывший военный контрразведчик стоял к Посвящению на ступеньку-две выше, чем Василий. Осмотревшись, Балугев обошел церковь, остатки древних каменных стен монастыря в окружении столетних акаций и лип, не обнаружил ничего подозрительного и с замиранием сердца пересек двор, направившись к низкой каменной пристройке, похожей на склеп. Однако вместо зеленой железной двери с громадным висячим замком увидел вполне современную серую стальную с электронным замком, на которой висела табличка. «Посторонним вход воспрещен! Трансформаторная подстанция». И как бы в подтверждение этого из-за двери слышалось монотонное гудение трансформатора.

– Что, закрыто? – послышался сзади сочувственный голос. Василий обернулся. На него, улыбаясь уголками губ, смотрел Матвей.

Соболев.

– Ешь твою медь! Ты откуда здесь взялся?

– С луны свалился. – Соболев подошел к двери, прикрыл глазок замка ладонью, замер, и через несколько мгновений замок, издав серию щелчков, открылся. Дверь отворилась медленно и торжественно, толщина ее не уступала толщине прежней, едва ли не с полметра, и, наверное, ее невозможно было прошибить даже из пушки.

Матвей скрылся за дверью, появился вновь.

– Действительно, посторонним вход воспрещен. Этот путь к «храму» для нас закрыт. Там свежая кирпичная кладка.

– Ну ты даешь! – рассмеялся Василий. – Цирк! Теперь тебе прямая дорога в «домушники». Возьмешь напарником? Буду мебель выносить.

– Пошли, я с машиной.

Они вышли с территории бывшего монастыря и сели в «таврию», оставленную Матвеем за квартал от церкви.

– Как ты здесь оказался?

– Как сказал бы Сайд, стреляли... Долго рассказывать.

– Я не тороплюсь.

– А куда сейчас?

– Да в общем-то особой цели у меня нет. Объявление о наборе в школу – лажа, прикрытие чекистов. Я пытался выяснить, кто за всем этим стоит, но это может и подождать. А ты куда?

– Домой, в Рязань.

– Так нам вроде бы по пути.

Матвей включил мотор, выжал сцепление, и «таврия» покатила в сторону набережной. Ни водитель, ни пассажир не заметили, что за ними сквозь церковную ограду наблюдает высокий черноволосый человек в сером плаще. Проводив машину глазами, он обошел храм и очутился у трансформаторной подстанции, в которую только что стремились попасть друзья. Постоял в задумчивости, потом открыл дверь, оставшуюся незапертой, и шагнул в помещение с гудящим трансформатором. Дверь за ним медленно закрылась.

В тот же момент Матвей вдруг остановил машину, закрыл глаза, прислушиваясь к чему-то.

– Ты что? – повернул к нему голову Василий. Вместо ответа Матвей развернул «таврию» и погнал обратно. Через несколько минут

они опять были возле церкви. Ни слова не говоря, Соболев прошел за ограду, обогнул церковь и направился прямо к каменному склепу в глубине двора. Балуев, ничего не понимая, последовал за ним. Матвей остановился у двери с табличкой, пристально разглядывая ее, на попытку Василия что-то спросить прижал палец к губам. Прошла минута, другая. Потом дверь открылась, и на пороге возник черноволосый в плаще. Сощурился и без того маленькие черные глаза, он без улыбки поклонился Матвею, перевел взгляд на Балуева.

– Это ваш друг?

– Знакомьтесь, – отрывисто бросил Соболев. – Василий Балуев, ганфайтер и волкодав. Самандар Вахид Тожиевич, президент Международного исследовательского центра боевых искусств. Как-то уж очень запланированно встречаемся мы с вами, Вахид Тожиевич. Может быть, откроете наконец, кто вы и зачем следите за мной?

Василий вдруг остро ощутил волну властной враждебности, исходящую от Соболева, и мгновенно привел себя в состояние боевой готовности.

– Я вовсе не слежу за вами, Матвей Фомич, – ответил черноволосый Самандар почти басом с едва уловимым акцентом. – Но вами, похоже, заинтересовались небезызвестные лица, и в скором времени вам потребуется проводник.

– Учитель появляется, когда ученик готов, так?

– Примерно так, хотя Учитель – это большая ответственность и несвобода. Я же в большой степени транслятор или передатчик воли знакомого вам лица, хотя и прошедшего первую ступень Посвящения. Проводник, одним словом.

– Какого лица? Монарха?

– Какая вам разница? Главное, что я не враг вам. Но давайте поговорим в другой раз, теперь я спешу. Не ожидал, что вы меня вычислите.

– Где же мы встретимся?

– Я найду вас, когда потребуется. Единственная просьба, будьте осмотрительнее и по возможности не вмешивайтесь в события, затрагивающие другие реальности. До свидания.

Черноволосый зашагал к церкви, предварительно ощупав Балуева своими острыми глазами-маслинами.

– Это вы закрыли вход? – бросил вдруг Василий ему в спину.

– Он откроется, – оглянулся Самандар. – В нужное время... И в нужном месте. – И тотчас исчез за разрушенной стеной.

Через минуту друзья уже катили по улице, не говоря друг другу ни слова. Василий первым нарушил молчание уже где-то за кольцевой дорогой, на Рязанском шоссе.

– Если он не Монарх, то кто? И как он на тебя вышел?

Матвей промолчал, вспоминая свою вторую встречу с президентом МИЦБИ...

Видимо, у Шавло были связи с большими чинами в Управлении внутренних дел района, потому что ла Матвеем пришел вологодский ОМОН, двадцать два человека во главе с командиром-старлеем.

Матвей проснулся за четверть часа до появления спецназовцев на территории фермы Нестеровых, сторожевая система отреагировала на изменение пси-потенциалов в округе и предупредила хозяина возбуждением нервных окончаний кожи всего тела. Ощущение было такое, будто его покусала туча невидимых мошек. Матвей перевел свое «И» (разум-волю) в рабочее положение, и «молнию» ментального разряда, поднявшего режим внутренних процессов на уровень выше, принял уже как должное. Согласно терминологии дзэн он перешел в состояние самадхи – сверхсознания, включающего в себя гипервидение и гиперслух. Теперь он видел в темноте, причем в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах, сквозь предметы, стены, и слышал любой шорох в радиусе сотни метров, в том числе и сквозь стены строений. Иван Парамонов называл такое состояние «меозом», ментальным озарением, и это слово очень точно отражало суть состояния.

Петлю окружения омовцы затянули вполне профессионально, не оставив ни одной щели для отступления, и Матвей пожалел, что остался ночевать у Нестеровых. Очень не хотелось пугать уснувших детей и объяснять Леониду, что происходит. Надо было увести отсюда отряд и отступить по возможности тихо, не нанося ощутимого урона подразделению, бойцы которого наверняка были ориентированы на поиски и захват «опасного преступника». Но, с другой стороны, необходимо было дать урок Шавло с его шефом, Дурбанем, привыкшим к безнаказанности и беззаконию.

Матвей быстро оделся, выбрался через окно спальни в сад, определил, где удобнее всего прорывать кольцо оцепления, бесшумно

обогнул дом Нестеровых и сделал стремительный рывок к лесу, маскируясь за шпалерой малины. Кравшийся к дому в этом же направлении омоновец прибора ночного видения не имел и поэтому обнаружил Соболева лишь тогда, когда тот оказался в двух шагах от него, но сделать ничего не успел: Матвей, прыгнув, ударил его ногой в подбородок. Второго, бросившегося на шум, пришлось также «выносить» на выдохе, в полную, хотя и дозированную, силу. Парни были экипированы бронежилетами и достать их шоковыми уколами пальцев в темноте не представлялось возможным.

Не останавливаясь, Матвей «произвел утечку шума», затопал ногами и попер, как лось, через кустарник и парниковые палатки, чтобы ОМОН сумел взять след с гарантией. Ребята, понукаемые командиром, развернулись и послушно бросились в погоню.

Земля была сухая и бежать по ней было делом легким. Оторвался от них Матвей через десять минут, повернул назад и в темпе преодолел два километра до улицы с усадьбами фермеров, на которой ждал результата облавы господин Шавло Константин Кириллович.

Омоновец здесь был один, он сторожил «газель» и «рафик», на которых прибыли бойцы спецназа. Успокоить его не составило труда, после чего Матвей занялся командой Шавло числом в пять человек, среди которых – ни одного профессионала: лишь молодые сельские любители «красивой житухи», существующие по законам стаи и кормящиеся остатками со стола властей предержавших, готовые ради этой власти загрызть кого угодно.

Шавло был все так же неповоротлив и доставал свое оружие слишком долго, чтобы успеть пустить его в ход. Матвей не стал брать его на прием, сам Константин Кириллович ничего не умел, за него все делали шавки, и Матвей лишь погрузил кулак в пузо инспектора, с трудом достав солнечное сплетение.

Когда Шавло обрел способность соображать, то обнаружил себя сидящим на скамейке у забора и освещенным фарами «газели». Напротив на корточках сидел ненавистный ему родственник Лидии Нестеровой и считал его пульс. Кивнул, поднимаясь.

– Ожил, болезный.

Подошел к машине, открыл дверцу и дважды нажал на клаксон, потом стал за спиной Шавло и приставил к виску его же пистолет. Шавло вспотел и запах.

– Страшно? – усмехнулся Матвей. – Терпи, начальник, то ли еще будет!

– Чего тебе надо? – просипел инспектор.

– Что мне надо, я сказал тебе еще вчера. Теперь объясню то же самое ребятам, что притопали с твоей подачи за мной.

Спустя несколько минут появился командир подразделения ОМОНа, за ним собрались остальные, с недоверием и озадаченностью разглядывая живописную картину: «парящего» Шавло, Матвея с пистолетом, перед машинами три лежащих тела да еще двух парней, медленно приходящих в себя.

– Окружить! – обрел наконец голос старлей-омоновец.

– Стой, где стоишь, – безразлично сказал Матвей – Отвечать за труп придется тебе, так что не дергайся. А теперь послушайте, во что вы влипли. – Он коротко изложил историю фермерства Нестеровых. – Так что давайте по домам, мужики. Не сердись за своих помятых ребят, командир, я человек мирный, но до определенного предела.

Старший лейтенант открыл было рот, собираясь дать какую-то команду, и Матвей понял, что ошибся в определении умственных способностей российского спецназа. Остановить этих дуболомов, физически сильных и тренированных, но без царя в голове можно было только более жесткими методами. Вспомнилась притча о трех мастерах, и Матвей со вздохом в душе признался, что он не достиг кондиции последнего из мастеров, в которого никто не бросил камень.

– Взять... – начал командир омоновцев и не закончил.

В кругу света от фонарей машины возник вдруг человек в сером плаще, высокий, черноволосый, вскинул руку.

– Остановитесь, достопочтенные. Оглянитесь!

Солдаты заозирались, сжимая в руках свои автоматы. Вокруг стоящих цепью омоновцев в двадцати шагах замигали огоньки, потом погасли.

– Хорошо видно? Вы окружены, нет смысла погибать смертью храбрых из-за одного подонка. Собирайтесь и уезжайте.

– Кто вы? – хмуро спросил старший лейтенант.

– «Чистильщики», – ответил человек в плаще – Слышал о трех «К»? Переводить не надо?

– Кто же не слышал. А с ним что?

– Будет жить.

Омоновец подумал и повесил автомат через плечо, махнул рукой.

– По машинам.

Через минуту Матвей, Шавло и незнакомец остались в темноте у забора. Пришедшие в себя помощники инспектора убрались вместе с омоновцами.

– Ну так как, Константин Кириллыч? – похлопал Матвей по плечу Шавло, выводя его из ступора. – Все понял?

– П-понял, – заикнулся Шавло. – З-завтра п-по-еду...

– Вот и ладно. Мужик ты умный, честный, всё понимаешь, а если чего не поймешь, мы еще приедем, объясним. Иди домой, жена заждалась, наверное. Передай Дурбаню, что к нему я попозже заеду, после того как Нестерова выйдет на волю.

Шавло встряхнулся и тяжело затопал по улице к центру села, отдуваясь и пыхтя.

– Как вы здесь оказались? – поинтересовался Матвей у человека в плаще, узнав недавнего попутчика по купе Самандара Вахида Тожиевича.

– Случайно, – усмехнулся тот в темноте. – Вы всегда так рискуете, не прогнозируя результат?

– Разве у меня был выбор?

– Был.

– Кто вы? «Чистилище» так не работает. Да и нет вокруг никого, фокус ваш только для этих дуболомов и годится.

– А большего и не требовалось, мальчик. Научись обходиться минимумом средств с максимальной результативностью. Извини, я тороплюсь, поговорим в следующий раз.

И директор Международного исследовательского центра боевых искусств, по необъяснимой причине появившийся глухой ночью в селе Старом, исчез. Некоторое время Матвей всеми своими обострившимися чувствами сопровождал его до выхода из деревни, потом потерял из виду.

– Уж не родственник ли он Тараса Горшина? – предположил Василий, когда Матвей закончил рассказ. – Если, конечно, не Монарх.

– Нет, я бы это почувствовал. Скорее действительно человек Круга, ищущий учеников. Ты же читал Успенского: «Людьми Круга не рождаются, ими становятся, и каждый должен передать свои знания ученику».

– Но он сказал, что он Проводник... Как это понимать?

Матвей долго не отвечал, потом увеличил скорость.

– Придет время, узнаем.

– А жаль...

– Чего жаль?

– Что он не сказал, когда можно будет еще раз взглянуть на подземный «храм»

– Наверное, когда мы перестанем быть посторонними...

Василий посмотрел сначала на спутника, потом перевел взгляд на спидометр, стрелка которого подошла к цифре «сто пятьдесят», но ничего не сказал. Ему вдруг тоже захотелось побыстрее попасть домой.

CONSERVUS

Евгения Карасева по кличке Карась, бандита, насильника, убийцу, последней жертвой которого стала шестнадцатилетняя девочка и у которого были такие покровители, что в очередной раз его помиловали, дав всего семь лет отсидки, убили в столовой прямо во время ужина. И никто из заключенных Одинцовского СИЗО не заметил, как это произошло: Карась просто не встал из-за стола, словно в задумчивости склонившись над тарелкой. Но когда надзиратель тронул его за плечо, Карасев мягко завалился на бок, и стал заметен тонкий нож, стилет, торчавший из его виска. Удар был нанесен мастерски, это отметили все эксперты и следователь, но главным отличием преступления был квадратик белого картона величиной с зажигалку, с тисненым золотым кинжальчиком в уголке, на котором были напечатаны всего три слова: «Привет из „ККК“».

Спустя сутки письма с подобной печатью получили судьи, помиловавшие Карасева, и прокурор Одинцовской прокуратуры Криволапое, который и явился инициатором пересмотра дела. Письма были короткими, в них констатировался факт «наказания» помилованного убийцы, перечислялись его подвиги и излагалось предложение «ККК» уйти из органов правосудия по доброй воле. В противном случае каждый из предупрежденных будет наказан «в пределах адекватного ответа».

Убийцу Карасева найти не удалось.

Второй подобный случай произошел в «правительственной» тюрьме в Останкино, которую называли «северным курортом». Введена в строй она была всего полтора года назад, строили ее по американским образцам, и это действительно была самая комфортабельная тюрьма, предназначенная для проштрафившихся высоких чинов.

Утром надзиратели обнаружили убитым в своем отдельном «номере» бывшего сотрудника Главного управления охраны Скорняка Илью Михайловича, отбывающего смехотворно малый срок в три года за убийство молодого парня в ресторане. Сам Скорняк был убит

ударом в горло, а на посиневшем лице его лежал белый квадратик картона с золотым кинжальчиком и надписью: «Привет из „ККК“».

Убийство наделало немало шуму, потому что на «северном курорте» сидело много людей с биографиями подобными биографии Скорняка, имевшими огромные связи в мире бизнеса, мафии и в правительственных кругах. Поэтому вполне естественно, что, опасаясь за свою шкуру, они не могли не забить тревогу. Некоторые добились перевода в другие тюрьмы, менее комфортабельные, но более спокойные, остальные сумели поднять на ноги все следовательские силы Генеральной прокуратуры и МУРа. Однако убийцу, сотрудничающего с «Чистилищем», и в этом случае обнаружить не удалось, хотя всем было ясно, что он работает в тюрьме. Как и «СК» в прошлом, «ККК» ошибок пока не допускал.

И наконец последовала серия взаимосвязанных казней, всколыхнувшая не только правоохранительную систему и правительственные круги, но и всю общественность. Ответственность за них взяло на себя «Чистилище».

Сначала у Зиновия Явлинского, водителя «форда», принадлежащего сенатору Свищову, «чистильщики» отрубили указательные пальцы на обеих руках. В заявлении «ККК», опубликованном на следующий день во всех крупных газетах, была приведена история с обгоном автобуса, в результате которого пострадали люди, а шофер автобуса получил пять лет, хотя был и не виноват.

Затем экзекуции подверглись сам сенатор Свищов, сотрудник ГАИ, давший показания против шофера автобуса, прокурор Красногорской прокуратуры Певзнер и судья Сукиасян. Все они знали, что осуждают невиновного человека. Однако Свищова лишили двух пальцев на правой руке, сотруднику ГАИ выдавили глаз, прокурору отрубили ухо, а судье проткнули язык шампуром: когда к нему пришли «чистильщики», Сукиасян вкушал шашлык...

Начальник Московского уголовного розыска отодвинул от себя раскрытую папку с пачкой дел, откинулся своей громоздкой квадратной тушей на спинку стула, так что тот жалобно скрипнул, и недовольно глянул на тихого начальника оперативно-розыскной бригады.

– Я все это уже знаю, Юрий Федорович. Ты мне результаты расследования давай, результаты, а не констацию фактов!

– Заказные убийства вообще раскрываются только на десять процентов, Александр Викторович, а когда заказчик и исполнитель – «Чистилище»... – Агапов безнадежно махнул рукой.

Его собеседником на сей раз был бывший руководитель ОРБ Синельников, получивший звание генерала и кресло начальника МУРа. Сам же Агапов из майоров передвинулся в подполковники и возглавил ОРБ. В остальном их отношения остались прежними, они прекрасно дополняли друг друга, понимали с полуслова и почти с одинаковой страстью относились к служебному долгу. Вне службы начальник и подчиненный превращались в друзей и частенько отдыхали вместе со своими семьями на лоне природы.

Синельников достал из холодильника литровую банку компота, налил чашку себе, предложил Агапову:

– Хочешь? Брусника моченая.

– Киллерами? – мрачно пошутил подполковник. – Ладно, давай налей, брусника хорошо действует на желудок.

Они выпили по чашке брусничного компота, потом Синельников придвинул к себе папку с документами и углубился в чтение. Поморщился, прочитав дело о похищении несовершеннолетних девочек для оказания сексуальных услуг клиентам. Поморщился еще раз, когда дошел до описания разоблаченных контор, занимающихся рэкетом. Проворчал:

– Будь моя воля, я бы позакрывал все эти «школы воинских искусств». Потому что готовят они в большинстве своем бандитов, материал для рэкет-групп и мафиозных структур.

Наконец Синельников дочитал сводку, молча налил себе еще брусничного компота. Агапов смотрел на него вопросительно, но молча.

– Мы ловим, а они гладят убийц по головке, – сказал начальник МУРа, имея в виду органы правосудия. – Кой толк от такой чистки?

– Ты это министру скажи, а мы не «чистильщики», плюющие на закон.

– К сожалению, тут ты прав, Юрий Федорович. Законы писаны для умных, для нас с тобой да для простого народа. Дураки и преступники же, как и правительственные чиновники, между прочим,

их не читают и не соблюдают. Знаешь, к какому выводу я недавно пришел? Народ только мешает правительству хорошо жить. Будь его воля, оно превратило бы народ в бессловесных рабов.

– А разве еще не превратило? Интеллигенцию затравили, ученых разогнали, творческую элиту низвели до уровня домохозяек, зато нацию превратили в сословие торговцев и воров... Давай не будем об этом, Викторович, и без того тошно. Отметил приоритеты?

Синельников хлопнул тяжелой рукой по красной папке.

– Главными остаются убийства депутатов и офицеров. Понимаешь, какой парадокс? До появления «Чистилища» криминогенная обстановка в городе была гораздо спокойнее.

– Благодаря давлению Сверхсистемы. Этой конторе невыгодно поднимать шум.

– Соображаешь. Итак, снова перед нами «СК»... вернее, «ККК». Сменилась только вывеска, методы остались теми же. Придется и нам действовать в том же направлении.

– Что ты имеешь в виду?

– Министр издал директиву: организовать сверхсекретное подразделение для ловли «чистильщиков» и их последующего уничтожения.

– Да было уже это при Жаренове!

– А теперь главными по формированию группы будем мы. Так что готовь кадры, Федорович, будем выполнять директиву. Кстати, до меня дошли слухи, что аналогичные группы сформированы и в Минобороны, и в ФСБ.

– Не по душе мне эта директива.

– Думаешь, мне по душе? Ведь «чистильщики» по сути делают нашу работу быстрее и качественнее нас. А мы их должны ловить... и уничтожать! В общем, давай действуй. – Генерал снова прихлопнул папку ладонью. – Да, я тут подумал... что, если поискать художника, который работает на «Чистилище»? Того, кто малевал им кинжал для эмблемы. Что «СК», что «ККК» – одна и та же стилизация, одна и та же рука.

– Мне бы твою голову, генерал! – оживился Агапов. – Горе-то без ума, то есть когда его нет, а не наоборот, как писал классик. Идея отличная, раскрутим непременно.

– Читай «ТВ-парк», и даже твои редеющие волосы станут блестящими и умными. А в нашей стране горе всегда было от ума, а не наоборот.

Агапов улыбнулся, вставая.

– Тогда я лучше останусь глупым.

– Послушай-ка, Федорович. – Синельников снова взялся за папку. – Я тут кое-что не понял в деле Голышева. Эксперт написал, что рана, от которой он скончался, очень странная. Что это значит?

Агапов виновато развел руками.

– Я не в курсе.

– Узнай и доложи. С этим делом, чувствую, мы еще повозимся.

* * *

Полковник Юрген Томас Юстович занимался любовью на квартире у подруги, когда мелодично прозвонил многоканальный радиотелефон. На пятой гамме полковник не выдержал, разнял объятия крутобедрой мускулистой гёрл, командирши женского батальона спецназначения «Щит», и добрался до телефона.

– Юрген.

– Полковник, Балув ушел, – раздался в трубке голос Кийка, командира отряда «Анальгин».

У Юргена пропало желание продолжать приятное занятие.

– Все на сегодня! – сказал он девушке, а в трубку:

– Как это – ушел?

Девушка сползла с кровати, обняла его сзади, перебирая пальчиками мужское естество.

– Убирайся! – рявкнул полковник, но, увидев изумление в глазах подруги, тут же смягчился. – Подготовь ванную, Татьяна, мне надо идти. – Повторил вопрос в трубку. – Как он ушел?

– Ему помогли.

– Кто?

– Не знаю, догнать не удалось, у них все было подготовлено. Но он и сам неплохой спец, спустился с двенадцатого этажа по балконам.

Юрген фыркнул.

– Он не просто спец, он ганфайтер, стрелок и боец высочайшего класса! Надо было перестраховаться и перекрыть все пути отхода.

– Ничего, достанем его в Рязани. Паспорт он, конечно, показал липовый, однако определить конуру, в которую он забился, будет несложно. Буду брать его вместе с Соболевым.

– Только учти урок: Соболев – «абсолютник», он не даст вам ни шанса, если сделаете ошибку. Но сперва попробуй его уговорить войти в команду. Балужева, кстати, тоже. Что еще?

– Мы засекли одного подозрительного молодца у квартиры депутата Свищова и проследили до интересного учреждения – школы русбоя. Оттуда он не вышел. Может быть, взять школу тихим штурмом?

– Ты где?

– На Русановке, с группой. Это будет и тренировкой, и показательным выступлением.

– Подождите, я сейчас подъеду.

Юрген быстро принял душ, оделся в полевую армейскую форму и встретил у входа свою любовницу, в таком же, как у него, пятнистом костюме.

– Можно, я с тобой?

Полковник хотел было ответить матом, но передумал: Татьяна Щекочихина владела всеми видами рукопашного боя и по кондициям не уступала тренированным мужикам.

– Поехали!

Через минуту «пикап» полковника мчался по ночным улицам Москвы в сторону Русановской набережной.

* * *

По положению начальник военной контрразведки мог требовать явиться к нему по вызову даже заместителей министра обороны, поэтому ничего удивительного не было в том, что он воспользовался своим правом, вызвав главного эксперта Минобороны полковника Громова и начальника Главного управления военно-технического сотрудничества Госкомоборонпрома полковника Тлеубаева.

Накануне Никушина самого вызвали в Главную военную прокуратуру, в ведении которой находилось не только Министерство обороны, но и ФСБ, ФАПСИ [\[20\]](#) и внешняя разведка, и имел неприятный разговор с Главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции Пятковым Станиславом Игнатьевичем, а также со следователем по особо важным делам Васнецовым.

Следователей по особо важным не зря называли «живодерами», и Васнецов вполне оправдывал эту кличку на все сто процентов. Ушел из прокуратуры Никушин взмокший, как после парной, однако был не в обиде на коллег: оба радели за дело и были профессионалами жесткими и неудобными, однако педантичными и хваткими. Поговаривали, что их побаивается даже сам министр, везде имеющий свои глаза и уши, кроме прокуратуры.

Никушин вспомнил одно интервью с Пятковым в газете, после того как он проработал на посту Главного всего полгода.

– У вас много врагов, – констатировал тогда корреспондент. – Как вы к этому относитесь?

– Количество врагов прокурора – лучшая характеристика его работы, – ответил Пятков.

И он был прав: врагов у Главного военного прокурора было предостаточно. И еще он запомнил из того же интервью, что Пятков понимает власть «как повышенную ответственность перед обществом», хотя при этом наивным мечтателем и романтиком никогда не был.

Никушин заметил, как переглянулись вызванные им специалисты, и вернулся к действительности. Буркнул:

– Прошу прощения. Причин нашей встречи много, выделяю главные. Клавдий Иванович, мои информаторы на местах докладывают, что руководство МЗК в Екатеринбурге пытается за спиной Госкомоборонпрома поставить за рубеж не экспортный вариант С-300, а полнокомплектный С-300-99 [\[21\]](#). Вы курируете этот проект. Прошу разобраться еще до того, как будет заведено уголовное дело с грифом «разглашение государственной тайны». Не хотелось бы терять таких высококвалифицированных специалистов.

– Я ничего об этом не знал, – сказал каменнолицый Тлеубаев. – Разберемся. Только не создавайте нервной обстановки в ГКОпроме своими назойливыми расспросами, как уже было не раз.

– Постараемся не создавать, – сухо отрезал Никушин. – Но в интересах дела вы должны сотрудничать с нами, а не ставить палки в колеса, как уже тоже было не раз. Вам должно быть-хорошо известно об утечках сверхсовременного оружия, не имеющего аналогов за рубежом, из секретных лабораторий и новейших технических приспособлений типа лазерных станций подсвета «Причал» для работы авиации по танкам, оптико-электронных прицелов для вертолетов и самолетов, комплексов корректируемого артиллерийского наведения «Смелчак» и «Миллиметр», многофункциональных комплексов разведки и управления «Зоопарк-22», позволяющих определять точные координаты цели по одному выстрелу и даже по летящему снаряду... Продолжать?

– Не надо. Комиссия следователей моего управления уже занимается этими делами, многие утечки уже пресечены и виновные наказаны.

– Не все, Клавдий Иванович! В том-то и дело, что далеко не все, шишки остались вне поля зрения комиссии, и теперь за них берется «Чистилище». – Никушин резко пододвинул Тлеубаеву листок плотной бумаги с тисненым кинжальчиком. – Вот, ознакомьтесь!

Начальник ГУВТС пробежал текст глазами, нахмурился. В письме обвинялся лично он и ряд работников Управления в коррупции и участии в делах несанкционированной продажи техники.

– Это... не правда!..

– Не знаю, – холодно проговорил генерал. – «Чистилище» доказало, что не ошибается. Не так ли, Дмитрий Олегович?

Громов молча кивнул. Лицо его было непроницаемо, но в глазах сквозил пелену иронии промелькнул огонек мрачного торжества.

– Теперь о заводах в Твери и Владимире, выпускающих изделие «Ракита» [\[22\]](#). Каким образом американцы узнали о новых разработках? Кто давал санкцию на присутствие на этих испытаниях экспертов США? И как в печать просочились известия о поступлении в войска новых термобарических ракет типа «Рассвет» [\[23\]](#)? А также гранат типа «Факел» [\[24\]](#)? Не знаете? А я скажу: везде, где произошла утечка информации, побывали ваши заместители Кулябин и Калинин. Выводы делайте сами. Если не захотите, за вас это сделает «ККК». Дмитрий Олегович, вас это касается в не меньшей степени, каналы экспертиз слишком часто пересекаются с каналами торговли оружием.

Я отношусь к вам с уважением, поэтому на сей раз ограничусь предупреждением. Давайте своими силами чистить свои ряды, пока опять же за нас с вами не взялось «Чистилище».

– Я давно сделал выводы, – сказал Громов, – и подал рапорт министру, но никакой реакции до сих пор.

– Я могу идти? – бросил в пространство Тлеубаев. Никушин перелистал какие-то бумаги на столе.

– Можете.

Начальник ГУВТС вышел.

– Зря вы его предупредили, – тихо сказал Громов. – Если у него рыльце в пушку, он постарается уничтожить свидетелей, следы и документацию.

– Я хотел, чтобы он запсиховал, – за ним идут мои люди. Ну, а теперь давайте поговорим о главном, Дмитрий Олегович. За информацию о «глушаках» и «болевиках» спасибо. Кстати, в царицынском ВЛ-17 Сыромятов сделал защитные шлемы от «глушаков». Но об этом поговорим позже. Вы знаете, как был убит генерал Голышев?

– Слышал, но подробностей не знаю.

– По всем данным, из «дырокола».

– Из НК?! – вырвалось у Громова. – Не может быть! Существует всего три опытных образца, и все три – у Бушуева в ВЛ-33...

– Значит, есть еще один, неучтенный экземпляр, которым воспользовался убийца.

– Эт-то оч-чень интересный факт, Андрей Витальевич.

– Вы так думаете? Кто, по-вашему, мог это сделать?

Громов задумался, сразу став суровее, собраннее, с расстановкой произнес:

– Пока не знаю... но узнаю непременно, будьте уверены.

– Давайте идти по следу вместе. Надо же в конце концов кому-то очищать армию от скверны. Неужели и в самом деле будем ждать, пока вмешается «Чистилище»?

– Вы мне нравитесь, господин генерал, – улыбнулся Громов. – Но умрете вы явно не своей смертью.

Никушин неумело улыбнулся в ответ.

– Поживем – увидим. Мне бы в команду парочку ганфайтеров – горя бы не знал!..

После возвращения из контрразведки Громов полчаса разбирал дела в своем кабинете, потом вызвал комиссара-2.

– Герман Довлатович, наша «крыша-1» на Лубянке чиста?

– Комп тревоги не поднимал, все тихо.

– Собирайте «квадрат» на четырнадцать часов.

– Что случилось?

– Нам придется решение правительства, не поддающееся разумному контролю, принять в качестве форс-мажорного обстоятельства. – Рыков озадаченно молчал, и координатор «ККК» добавил:

– Всем силовым структурам поступил секретный приказ премьера создать зондер-команды для ликвидации «Чистилища».

Из трубки донесся тихий возглас Рыкова:

– От кого вы это узнали? У меня никаких сведений нет.

– От шефа «Смерша». Ему это стало известно по своим каналам.

В Минобороны такая команда уже создана.

– Ну, наш уважаемый Федор Иванович всегда был консервусом [\[25\]](#), как и Леонид Арнольдович. Значит, наше письмо премьеру все-таки сработало.

– С точностью до наоборот: премьер перетрусил так, что дал задание избавиться от нас любыми способами. Сыграли, видимо, свою роль и наши аргументы по ликвидации убийц и наказании Свищова. Плохо, что к вам эта информация попадает с опозданием.

Рыков некоторое время не отвечал.

– Я приму меры, Дмитрий Олегович. Как говорится, шкаф и тот раз в году падает.

– Не понял.

– Если у меня нет нужной информации, значит, где-то в агентурной сети конторы «упал шкаф». В оперативном лексиконе «федепасов» это означает смену кадров, передвижение скомпрометировавшего себя агента на другой участок работы.

– Разбирайтесь. – Громов набрал другой номер и услышал голос комиссара-5:

– Слушаю, сэнсей.

– Валерий Егорович, проверь-ка оперативно «крышу-1»: сегодня в два соберется «квадрат».

– Нет ничего проще, Дмитрий Олегович. Могу вас обрадовать: наш общий знакомый Вася Балугев встретился с Соболевым на территории бывшего Зачатьевского женского монастыря. Потом к ним присоединился еще один гражданин, и... наша дальнобойная аппаратура отказала! А ведь раньше ничего подобного...

– Короче, Валерий Егорович.

– Они ушли, но в Рязани мы их достанем. Думаю, оба согласятся на сотрудничество, мы не оставили им другого выхода.

– Профессионал всегда найдет выход. Поторопите их, они понадобятся очень скоро. За нами начинают охоту все спецслужбы. Все! Понимаете, Валерий Егорович? Нужны кадры!

– Поторопим, Дмитрий Олегович.

Громов выключил радиотелефон, посидел еще немного и развернул панель компьютера. Выход на следующего абонента возможен был только через компьютерную сеть. Но Дмитрий Олегович не знал, что в свою очередь служил консервусом гораздо более жуткому созданию, носившему имя Конкере.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Дверь открыла Бася Яновна, бабушка Кристины, полька по происхождению: сухонькая, беловолосая, улыбчивая, с живыми проницательными глазами. Когда Матвей встречался с ней взглядом, то всегда вспоминал стихотворение Шарля Бодлера «Старухи»: «И пленится навек обаяньем их взора тот, кто тяжесть судьбы на себе испытал».

– Думали, забыл нас парубок, – сморщила в улыбке лицо Бася Яновна. – Мы уже соскучились все, особенно Стасик.

Из своей комнаты выбежал Стас, ткнул головой в живот Матвея, обнял за талию, потом глянул снизу вверх.

– Ты предупреждай, когда надолго уезжаешь, ладно? – Мальчишка тут же убежал в комнату, крикнув на бегу:

– Я модель планера собираю, осталось немножко.

Из зала выехала на коляске Кристина, молча улыбнулась, и сразу стало ясно, чья она внучка: улыбка у нее была такой же, как у бабушки.

– К тебе приходили...

Сердце Матвея екнуло.

– С работы?

– Не знаю, никогда их раньше не видела. Один совсем молодой, очень вежливый, а второй постарше, тоже вежливый, но неприятный.

– Они из разных контор, – подал голос через дверь Стас. – Первый приехал на «жигулях», а второй на «сааб» с номером А-ОЮ-АА, а вместо обозначения города – флаг.

– Вот постреленок! – всплеснула руками Бася Яновна. – И когда успел все разглядеть-то? Пойдем чай пить, Матвей Фомич. Обедал где али нет? Могу стол накрыть.

– Спасибо, только чай. – Матвей поцеловал Кристину в щеку, с удовольствием отметив, что цвет лица у девушки приобретает чистоту и прозрачность, хотя серых полос на нем, индикаторов нездоровья, еще хватало.

– Что им было нужно?

– Думаю, им был нужен ты. Оба сказали, что придут в другой раз.

Матвей задумчиво прошелся по квартире, растопылив, как перья или, скорее, как пальцы рук, все свои чувственные каналы, и явственно ощутил угрозу, исходящую от следов, оставленных чужаками. Было ясно, что его вычислили. Но кто, зачем, с какой целью? Ельшин, обуреваемый жадой мести? Старые враги? Новые наниматели? Кто?.. Кристина смотрела на него пытливо, ее потемневшие глаза стали большими, тревожными, и Матвей уже хотел было успокоить ее, но зазвонил телефон. Реактивный после выздоровления Стас, как снаряд, первым рванул трубку, позвал Матвея:

– Па, тебя! – и унесся обратно к себе, что-то напевая. Улыбнувшись на это «па», Матвей прижал трубку к уху и услышал голос Василия:

– Нас вычислили, Соболев. Ко мне заходили гости.

– Ко мне тоже. Может быть, это твой приятель из К... э-э... из этой новой «контры»?

– Зачем ему наносить визит в стиле охотника, если он сам предложил сотрудничество? Нет, это не «Чистилище», это кто-то другой.

– Ко мне приезжали из двух «контор», как сказал Стас. Одни на «жигуле», другие на «саабе».

– Парень у тебя глазастый, да и соображает неплохо. Небось, и номер запомнил. Что будем делать?

– А ничего... пока. Пусть появятся еще раз, предъявят полномочия, а там посмотрим.

– Я на твоём месте увез бы всех из города на некоторое время.

В пути от Москвы до Рязани они успели поговорить на все интересующие обоих темы, в том числе и о предложении Валерия Шевченко работать на «ККК». Но Матвей твердо ответил «нет», а Василий, сам в душе склонявшийся к такому же решению, знал друга достаточно хорошо, чтобы предлагать ему «подумать». Если Соболев говорил «нет», то это было «нет!».

– Приезжай вечером ко мне, переночуешь, – предложил Балуюев, оценив молчание Матвея. – Или я могу к тебе, у тебя места побольше.

– Созвонимся.

Матвей положил трубку, и тотчас в ухе тихо пискнул «тревожный зуммер», всколыхнулись тонкие поля местных эгрегоров – растений,

архитектурных сооружений: в облако пересекающихся человеческих пси-сфер вторглись чужеродные элементы, возникло ощущение неловкости, неудобства, заставившее напрячь все органы чувств. И в следующее мгновение в прихожей раздался звонок в дверь.

– Я открою, – возник у двери Стас.

– Стой! – негромко, но так, что побледнела Кристина, сказал Матвей. – В комнату! Ты тоже! – Он задвинул коляску с девушкой в спальню и открыл дверь.

Как и ожидалось, их было двое. Не вооружены. Тренированы в меру. Опасны, но не остро, в аурах – цвета индиго и желтое с зеленым: служители какого-то государственного культа, привыкшие по долгу службы быть актерами, верящие в «ложь во спасение», уверенные в своей силе. Не «шестерки», но и не «боссы». В общем, люди служивые, причем из какой-то государственной спецслужбы, имеющей право задерживать любого. ФСБ? Угрозыск? ГУБО?..

– Здравия желаю, – чуть ли не козырнул один из позвонивших, длинный, коротко стриженный, лет тридцати. – Вы Матвей Соболев?

Армия, догадался Матвей. Кадровики. Неужели Ивакин или Дикой оставили где-то сведения обо мне?

– Он самый. А вы, если не ошибаюсь, из «Смерша»?

Гости переглянулись. Второй, поплотнее и помоложе, с каштановыми волосами, нахмурился.

– Может быть, впустите? Надо поговорить.

– Говорите здесь, что вам нужно, и проваливайте.

– А вы не слишком-то гостеприимны, Соболев, – укоризненно проговорил высокий. – Что ж, буду краток. Я, как вы правильно догадались, полковник Холин из военной контрразведки, а это майор Меркулов. Вы же, насколько нам известно, бывший сотрудник ВКР, мастер перехвата, ганфайтер, как называют таких сотрудников.

Лицо Матвея осталось неподвижным.

– Короче, полковник.

– Ты что о себе... – не выдержал второй гость, но Холин жестом остановил его.

– Мы пришли к вам с предложением начальства вернуться в «Смерш». Обстановка такова, что остро ощущается нехватка квалифицированных кадров. – Полковник достал плотный толстый конверт без каких-либо надписей и знаков, протянул Матвею. – Это

сводка по Управлению, можете ознакомиться. Там же телефон, по которому вы должны позвонить в случае принятия решения.

Матвей покачал головой, не собираясь брать конверт.

– Дела ВКР меня больше не касаются. Я уволился... по собственному желанию. Так и передайте своему начальству.

– Да что ты о себе возомнил! – снова взвился спутник Холина, хрустнув пальцами. – Тебе предлагают по-хорошему...

– А что, могли бы и по-плохому?

– Александр, остынь, – сказал Холин, с любопытством оглядывая стоявшего в непринужденной позе Матвея. – Он не из тех, на кого можно давить...

– Да я...

– Остынь, я сказал. Извините, Соболев, мы несколько взвинчены последними событиями... убийством генерала Голышева... в общем, есть проблемы.

– Это ваши проблемы. Всего хорошего.

Матвей вошел в квартиру и закрыл за собой дверь. Двое потоптались на лестничной площадке – Матвей видел их сквозь дверь зыбкими стеклянными силуэтами – и начали спускаться вниз. Через несколько минут они вышли из дома, подъехала бежевая «семерка» и увезла их.

– Что им было нужно? – тихо спросила Кристина, выезжая из гостиной.

– Предложили работу, – спокойно ответил Матвей, беря ее за холодные руки.

– Не волнуйся, все будет хорошо.

– Ты согласился?

– Нет. – Матвей подхватил Кристину из коляски, с болью ощутил, как похудели ее бывшие когда-то сильными и красивыми ноги, понес на кухню, где хлопотала Бася Яновна. – Вот и мы. Стас, ты идешь?

– Не хочу, я занят, – донесся голос мальчишки.

До вечера Матвей оставался в доме Сумароковых, как мог успокоил Кристину, позанимался со Стасом, поболтал с Басей Яновной, а потом с Кристининой мамой, но так и не решил, что делать. Хотя понимал, что Василий прав, и Сумароковых надо каким-то образом вывезти из города. Но куда – он не знал.

В девять вечера Матвей позвонил Василию и сказал, что ночевать будет дома, на что Балуев ответил, что приедет к одиннадцати.

Когда Матвей садился в машину, начинался дождь, превратившийся в ливень к тому времени, когда он подъехал к себе домой. Оставив «таврию» во дворе на сигнализации, Матвей шмыгнул уже было к подъезду, но увидел под деревом чью-то маленькую сжавшуюся фигурку. Шагнул к ней, с трудом узнавая недавнюю знакомую, Ульяну, которую выручил у обменного пункта валют.

Девушка промокла до нитки, будучи без зонта, замерзла и дрожала, как осиновый лист. Матвей вспомнил о ее существовании только сейчас, подумав, что случайных встреч, подобных этой, но бывает.

– Что вы тут делаете? Ждете кого-нибудь?

– Вас.

– Меня?! Зачем? Впрочем, выясним потом, пойдемте ко мне, обсохнете, попьете чаю, согреетесь...

Глаза Ульяны, темные, загадочные, и без того большие, стали еще больше.

– Вам нельзя домой, там вас ждут...

– Кто? – Матвей почти без усилий и головной боли вошел в меоз и определил, что в его квартире действительно находятся люди. Как, впрочем, и во дворе, и в подъезде. Это могли быть только те, кто приезжал к Сумароковым на авто дипломатического класса «сааб». Но в отличие от представителей военной контрразведки «дипломаты» были вооружены. Мгновение Матвей прикидывал, что предпринять, но его опередили. От квадратной бетонной загородки мусорного контейнера отделились две фигуры, из-за грузовика вышли еще двое, и наконец, со стороны арки показались трое парней, отрезая все пути к бегству.

В принципе Матвей мог бы уйти и при таком раскладе сил, но решил все же посмотреть, что будет дальше. Мучил только один вопрос: как Ульяна, по ее словам – студентка медицинского института, могла узнать о засаде?

– Садитесь в машину и ждите. – Матвей протянул ей ключи от «таврии». – Запритесь изнутри.

– А вы?

– За меня не беспокойтесь. Я скоро вернусь. – Он быстро пошел к подъезду, справедливо полагая, что в данный момент останавливать его не будут.

На лестничной площадке задержался, чтобы обезвредить двух верзил, делающих вид, что они увлечены разговором. Еще одного придавил в прихожей парень прятался за дверью и, конечно, понятия не имел, что существует приемы нейтрализации противника, занимающего подобное положение.

На шум из кухни и гостиной выглянули молодые люди с одинаковыми короткими стрижками и в одинаковых комбинезонах полувоенного типа, недавно вошедших в моду.

– «Без окон, без дверей полна горница людей», – прокомментировал Матвей хладнокровно, погрозил пальцем амбалу на кухне, вытаскивающему пистолет. – Не шали, малыш, я могу рассердиться. Вы и без того нарушили право экстерриториальности частного владения.

Из-за спины парня в гостиной вышел еще один гость, высокий, широкоплечий, тонкогубый и прозрачноглазый, в каждом движении которого просматривалась ленивая грация хищного зверя. Наверняка командир отряда.

– А вот и хозяин пожаловал. – Он сделал приглашающий жест рукой. – Проходите, есть разговор.

Матвей молча зашел на кухню, не обращая внимания на напрягшегося бойца, налил себе кружку грейпфрутового шипучего тоника и, прихлебывая, последовал в собственную гостиную.

– Говорите быстро, что надо, и выметайтесь.

Прозрачноглазый вожак засады засмеялся.

– Вы мне нравитесь, Соболев. Моим солдатам есть чему у вас поучиться, – говорил он с едва уловимым акцентом.

– Короче, я сказал.

Парень у двери дернулся было к Соболеву, но тут же тихо лег на ковер, прижав руки к животу и раскрыв рот.

Командир оценивающе глянул на него, потом на Матвея, глаза его, презрительно-наглые, умные, злые, еще больше посветлели, сузились. Только теперь он начал соображать, что стоящий перед ним в расслабленной позе хозяин, пьющий сок мелкими глотками, противник серьезный и неординарный. Он еще не встречался с агентами уровня

«абсолют» и считал, что рассказы о них – это все легенды и мифы. Но этот парень не играл «супера», лихого и хладнокровного, он был «супером», самым крутым профессионалом из всех, с кем когда-либо приходилось сталкиваться Паулю Артуровичу Кийку.

– Ну? – коротко бросил Матвей, допивая сок. Усмехнулся, понимая, какие чувства переживает сейчас незванный гость; точно такие же пережил Вася Балугев когда-то, но в отличие от этого, светлоглазого, Вася оценил его сразу, с первого взгляда.

– Мы представляем организацию, которая нуждается в специалистах вашего класса, – произнес прозрачно-глазый. – Хотите работать с нами?

– Точнее. – Матвей начал сердиться. – Я не играю втемную. Что за организация? Что за работа?

– Работа знакомая, – гость пожал плечами, – перехват. Оплата в твердой валюте. Организация – военная.

– Я и так это понял. Но – нет!

– Подумайте...

– Вы слышали? Нет. Перед вами я ответил «нет» еще одной организации, родственной вашей, и то же самое повторю любой другой. Разговор окончен.

– Жаль. Я думал, профессионалы всегда могут договориться. А вам не страшно... за свою семью? За друзей? Ведь с ними может что-нибудь случиться... – Гость не договорил, мгновенно оказавшись в полусогнутом положении с вывернутой рукой, причиняющей неимоверную боль при каждом движении. Легкость, с какой был проведен прием, не могла не восхищать, и прозрачноглазый командир засады в полной мере оценил возможности соперника.

– Я пошутил... отпусти...

Матвей вынул из его карманов пистолет «волк», «глушак» и кинжал, две звездочки сякэнов, офицерское удостоверение и только потом отпустил руку. Сдвинул брови, развернув удостоверение, текст которого был отпечатан на эстонском языке.

– Прибалт, надо же! Я так и понял – по акценту, только страны не определил. Ничего себе, куда тебя занесло, Кийк Пауль Артурович! Неужто и работу предлагал мне на родине, в Эстонии?

Кийк помассировал плечо, растянул в две бледные полоски губы, показав зубы.

– Соболев, ты только что подписал себе смертный приговор!.. – Он не успел договорить: удостоверение офицера эстонской полиции оказалось у него во рту.

Матвей наставил на него палец.

– Такие вещи в сердцах не говорятся! Человек я мирный, но запомни: если действительно что-нибудь случится с моими друзьями или родственниками, я найду тебя везде!

В прихожей вдруг раздался какой-то шум, что-то упало, и в проеме двери возник Василий с пистолетом в руке. Оглядел гостиную, кивнул сам себе: порядок – и бросил пистолет на диван.

– Я там помял немного кое-кого. Сразу понял, что это за тобой.

– Ты же говорил, что приедешь в одиннадцать.

– Мне позвонила какая-то дама, сказала, что тебя тут... – Василий обошел молча стоящего Кийка. – Что им от тебя надо?

– Понял? – Матвей спокойно вернул гостю «волк», но «глушак» оставил себе.

– Вам тут ничего хорошего не светит, господин вербовщик. Так что оставьте угрозы и сворачивайте команду. Кстати, вычислить вас будет нетрудно. «Сааб» номер А-010-АА с флагом, не так ли? Слишком заметная машина... для снобов. Настоящие профи приезжают поскромнее.

Кийк бросил запоминающий, исподлобья, взгляд, помог подняться своему подчиненному, забрал остальных, и дверь за ними закрылась.

– По-моему, ты нажил себе смертельного врага, – сказал Василий безмятежно. – Кто он?

– Одним больше, одним меньше... – не менее легкомысленно ответил Матвей.

– Капитан полиции эстонской столицы.

Василий присвистнул.

– Ни хрена себе! Ему-то ты зачем понадобился?

– Не думаю, что я понадобился эстонским спецслужбам. Скорее, он работает на какую-то из наших. Но они не из контрразведки, те работают не так. Это явно спецподразделение для каких-то десантных операций... Ну да Бог с ними, вряд ли они сунутся еще раз.

Василий скептически поджал губы, но возражать не стал. Матвей вдруг вспомнил о сидящей в машине Ульяне.

– Подожди-ка, я сейчас.

Он сбежал по лестнице во двор, но обнаружил «тав-рию» пустой. Ключи торчали в замке зажигания, на сиденье валялась заколка для волос, и кабина пропиталась тонким и нежным запахом французских духов «Диориссимо». Девушка исчезла.

Откуда же она узнала о засаде? – опять подумал Матвей. Или она... с ними? Видимо, придется навестить ее в институте. Он вспомнил, какими глазами смотрела на него Ульяна, и невольно улыбнулся. Такие глаза лгать не умели. Как и глаза Кристины. Было что-то общее у обеих, что отметил Матвей еще во время первой встречи с Улей, но у нее перед Кристиной было два преимущества: она была здорова – это раз, и два – походила на спутницу инфарха из снов Соболева, обладающую редчайшим типом красоты...

Визит эстонского «специалиста» с его командой оказался не последним. На следующий день позвонил некто, обладающий простуженным голосом, и предложил встретиться в одном из баров Рязани для «взаимовыгодных» переговоров. Матвей тут же послал его гораздо дальше баров Рязани, однако простуженный не отставал и позвонил на работу.

Входя в курс проблем, возникших в фирме за время его отсутствия, Матвей хотел было снова послать его куда подальше, но настырный абонент упомянул имена Ивакина и Дикого, и Матрей согласился.

Афонин в своем офисе отсутствовал, а Соболев никому больше был неподконтролен, поэтому отпрашиваться не стал ни у Баблумяна, ни у Шаровского. Предупредил только секретаршу шефа Людмилу да своего зама по охране Вадима Пескова.

Встреча с очередным нанимателем произошла в баре «Какаду», недалеко от цирка. В отличие от предыдущих «кадровиков» простуженный появился один, хотя наверняка имел прикрытия. Это оказался средних лет мужчина, неприметный с виду, в очках и с усами, хотя опять же это мог быть камуфляж, каким нередко пользовался и сам Соболев. Отрекомендовался он как представитель регионального отдела ФСБ, майор по званию, Петрусев Иван Спиридонович.

– Мне поручено доставить вас в центр, – сообщил он после знакомства (когда Матвей сел за пустовавший столик, к нему и подсел майор), – в случае, если вы откажетесь сотрудничать.

– Откажусь, – миролюбиво сказал Матвей, потягивая горячий кофе с лимоном.

– Тогда я вынужден буду задержать вас силой.

– Не получится.

– Вокруг бара мои люди.

– Майор, если вы знаете, кто такие Ивакин и Дикой, то должны знать, и кто я. Если меня вынудят к сопротивлению, я все равно уйду, но уже не тихо.

Майор снял очки, подышал на стекло, протер и снова надел.

– Да, я наслышан. Однако вы не до конца...

– Ничего не хочу слушать. Хочу остаться в стороне от всех столичных свар и разборок любого уровня, а тем более не хочу работать на организацию, коррумпированную не меньше других структур. Кстати, откуда вы знаете об Ивакине и Диком, вы, майор регионального отделения конторы? И что именно?

– Их знали многие профессионалы, я не исключение. Не могу сказать, что мы были друзьями, но знал их хорошо.

– Тогда вы не тот, за кого себя выдаете. Начальников военной контрразведки действительно знали многие профессионалы из параллельных органов, но вряд ли – хорошо.

Собеседник Соболева снова снял очки, поколебался немного и под ироничным взглядом Матвея спрятал их в карман пиджака.

– Вы правы, я не майор Петрушев... Генерал Первухин, начальник УСО [\[26\]](#) центральной конторы ФСБ. Прошу любить и жаловать. И у меня действительно есть приказ директора доставить вас на Лубянку. Но, зная Ивакина, его умение подбирать кадры, я не хочу поднимать большого шума. Подумайте, мы даем вам на размышление три-четыре дня. Нам очень нужны специалисты вашего класса.

Посидев еще минуту, Первухин откланялся. За ним из бара вышли еще трое посетителей, которых Матвей заметил еще раньше, до встречи с начальником УСО.

Крепко же их прижало, чуть ли не с сочувствием подумал Матвей. Причем всех, если посчитать еще и вербовку Василия «чистильщиками». Что же делать? Уезжать отсюда? Принять чье-то предложение? Снова ввязаться в бесперспективную и достаточно грязную войну всех со всеми?..

Расплатившись, Соболев вышел на улицу, отметил, как его повели филеры безопасности – вполне грамотно, хотя не слишком скрываясь, и сел в машину. И тут явилась мысль, от которой сжался желудок и заныли зубы: каким образом всем заинтересованным в вербовке лицам стал известен его адрес?! Всем одновременно?! Кстати, может быть, еще и не все до него добрались... Мда! Так что же? Снова из своего «Ада» в наш «Рай» выглянул Монарх?..

«ЛЕЧЕНИЕ» КРИСТИНЫ

Два дня, в течение которых Матвея не отпускало напряжение, прошли на удивление тихо и бесцветно. Ни Василию, ни Соболеву никто больше не звонил, ничего не предлагал, засад не устраивал и слежку не начинал.

Дела в фирме шли ни шатко ни валко, хотя президент «Рюрика» постоянно о чем-то думал, и думы эти были невеселыми. На осторожные расспросы Матвея он отделивался шутками или вообще не отвечал, бросая фразу типа: «Все хорошо, прекрасная маркиза...»

Звонил Парамонов, еще не простившийся с мечтой исследовать возможности Соболева. Он уточнил план лечения Кристины и назначил время на вечер субботы. Матвею надо было подготовиться и сыграть достаточно натурально, чтобы девушка поверила в реальность опасности. Матвей согласился, хотя был далеко не уверен в успехе предстоящей операции. Но отступить было некуда, психические синдромы современная медицина излечивала редко.

Как бы компенсируя рутинность сознательного бытия, Матвею две ночи подряд снились великолепные красочные сны, мало чем отличающиеся от реальной жизни. Первый снова окунул его в атмосферу Древнего Египта, во времена строительства пирамид; теперь Матвею показали этот процесс в натуре, и стало совершенно ясно, что древние египтяне не строили, а достраивали уже готовые сооружения, придавая им форму пирамид. Стиралась с лица Земли даже память о цивилизации Инсектов, сооружения которой обладали сложной гармонией, буквально застывшей музыкой, чуждой и в то же время близкой человеческому восприятию.

Второй сон состоял из двух фрагментов-видений, одинаковых по форме подачи, но разных по содержанию. Пройдя первые этажи астрала, Матвей попал в некое сферическое пространство с зыбкими жемчужными стенами – словно внутрь мыльного пузыря. В «пузыре» его ждала таинственная спутница инфарха, которую Монарх Тьмы назвал Светленой и которая напомнила о себе появлением в реальной жизни девушки Ульяны. Было видно лишь лицо Светлены, фигура скрывалась в облаке вспыхивающих и гаснущих огней. Зато книга,

которую уже однажды открывал Матвей, была зрима и вполне материальна.

– Читай, идущий, – раздался низкий голос женщины, в то время как ее глаза вглядывались в Соболева с непонятной мольбой и печалью. – Времени мало, ты можешь не успеть.

– Что я должен прочитать или узнать? – спросил Матвей, ощущая себя во сне таким же облаком без рук и ног. – Я пытался читать ваш талмуд, но, видно, мне еще рано браться за него.

– Ты должен пробудиться, я помогу.

– К истинному пробуждению нет королевского пути, разве не так? И я давно хотел спросить: почему вы помогаете мне? Я ведь даже не человек Круга.

– Когда-нибудь ты узнаешь об этом. В одном ты прав: доступ к знанию Внутреннего Круга идущий может получить лишь тогда, когда захочет серьезно учиться и достигнуть некоторого начального уровня в своей духовной эволюции. Твой потенциал высок, но особого стремления учиться у тебя не обнаруживается, что озадачило иерархов и обрадовало Монарха. У него на тебя особые виды... в связи с чем я хотела бы предупредить: каждый ищет себе подобного. Чтобы стать учеником Иисуса, необходимо достичь уровня апостола...

– Не понимаю.

– Надо почувствовать Учителя, увидеть его изнутри... постараться выяснить, что он потребует.

– А разве Учитель обязан требовать?

– Ничто в мире не делается бесплатно. Знание тоже не дается бесплатно. Люди должны расплачиваться за минуту удовольствия, спокойствие, знания, силу, любовь, даже за воздух, которым дышат, короче – за жизнь! Правда, редко кто понимает это.

– Я уже понял. Однако речь шла об Учителе... я не совсем вас... вы хотите сказать, что Учителя бывают...

– Разные, идущий, – истинные и ложные. Приглядись к своим, иначе можешь пойти не той Тропой...

– У меня нет Учителей... если не считать... – Матвей вспомнил Самандара, но сумел вовремя остановить свой язык, вернее, мысль. С директором МИЦБИ, назвавшим себя Проводником, надо было разобраться самому.

Лицо женщины потускнело, замерцало огнями, и она исчезла... Зато появился еще один персонаж, в котором смутно угадывались знакомые черты.

– Узнаешь? – раздался тихий голос с когда-то слышанными уже интонациями.

– Заторможенный ты какой-то. Приходи быстрее в себя.

Что-то громко треснуло, внутренний объем сферы резко уменьшился, однако лицо собеседника не обрело при этом резкости, оставаясь расплывчатым, текучим и по-прежнему неуловимо знакомым.

– Горшин? – с сомнением спросил Матвей. Тотчас же лицо незнакомца проступило четче – лицо человека и Будды, живое и неживое одновременно.

– У тебя действительно мало времени, ганфайтер. Мы со Светленой можем поддерживать закапсулированный хрононереальный объем лишь в пределах определенной мысли-формы. Достучаться до твоего истинного «я» удалось только с двадцать первой попытки.

– Чем это вам грозит? Неужели в вашем раю тоже существуют запреты, суды, система наказаний?

– Да, но на другом уровне... и трудно это называть наказанием, но аналогия есть. Просто там, где я обитаю, формула: «Цель жизни не счастье, а опыт» – реализована гораздо конкретней.

– И все же вы рискуете. Ну ты-то, положим, отступник известный, а почему Светлене понадобилось сопротивляться системе общепринятого уклада?

– Есть нюансы... в том числе и личного порядка. Некогда объяснять. Читай.

Книга, висящая в воздухе, раскрылась. По ее странице ползли все те же иероглифы, знаки и буквы, понять которые Матвей был не в состоянии.

– Да что я должен прочитать, черт возьми?!

– Тут у нас со Светленой разные подходы. Она исповедует религию чистоты, этики, гармонии, красоты и хочет, чтобы ты поднялся над варварским чувственным естеством человека-зверя. Я же – практик и знаю, что ее мечта недостижима без борьбы. За истину и гармонию, любовь и жизнь надо сражаться насмерть! Иногда и с самим собой... Очень скоро тебе придется столкнуться с адептами

иных реальностей, против которых даже твой тренинг ганфайтера-волкодава окажется слаб! В этой книге ты обрешь знание Внутреннего Круга, которое даст тебе новую силу, новые возможности и владение абсолютной системой защиты, которой обладали наши предки – Первые Люди – метаморфы Инсектов.

– Как?

– И это потом, читай. Используй свои способности психофизической адаптации, ведь не зря я корректировал твою нервную систему.

Гулкий удар потряс «мыльный пузырь», свет в нем померк, в воздух взметнулись мириады багровых звездочек, словно рой искр над костром.

– Засек все-таки, пограничник.

– Кто, Монарх?

– Нет, декарх, отвечающий за границу реальности. До связи, ганфайтер, будь осторожен...

Матвей проснулся с ощущением, что его сон «подсматривал» кто-то еще. Но поиск этого любопытного ничего не дал, сферу чувств Соболева не затронул ни один тревожный сигнал.

На работу он поехал с твердым намерением ни во что не вмешиваться, однако намерение это дало трещину сразу же после появления Матвея в приемной.

У стола Людочки толпился народ, она с заплаканным лицом разговаривала по телефону, дверь в кабинет Афониной была открыта. Матвей заглянул туда, но увидел лишь Баблума и своего зама Носкова.

– Что тут произошло?

Баблума молча протянул Соболеву листок бумаги с коротким текстом: «Босс фирмы у нас. Требуем выкуп. Даем два дня на сбор ста тысяч баксов. Настучите мусорам – босс умрет!» И подпись: «Комитет национального спасения».

– Я чувствовал, что происходит что-то не то... – начал было Носков, но Матвей перебил его:

– Кто наехал на этот раз?

Баблума поморщился, закурил.

– Те же, кто и раньше. Это дело рук Маракуца и его банды. «Комитет национального спасения» – их визитная карточка.

И Матвей вспомнил свое посещение хорбм некоего Маракуца по поводу избияния учительницы. Неужели это один и тот же человек?!

– Почему меня не предупредили? Я бы принял какие-то дополнительные меры.

– Решили зря не поднимать шума...

– Черт подери вашу осторожность! Вам уже погрозили пальчиком – во время выезда в Москву, неужто надо иметь семь пядей во лбу, чтобы подстраховаться? Кто такой Маракуц?

– Вор в законе, кличка Боксер, – объяснил Носков. – Местный авторитет. У него тут все куплено, милицию подкармливает, а мэра и администрацию вообще кормит.

Матвей пожалел, что давно не пользовался компьютерной сетью спецслужб. Этот пробел надо было восполнить как можно быстрее.

– Данные по Алимбаеву в компьютере имеются?

– Зачем это тебе? – Баблюмян выпустил клуб дыма. – Мы решили заявить в местное отделение ГУБО... хотя надежд все равно мало.

– Так. И кто посоветовал обратиться к «губошлепам»?

– Аркадий Самсонович.

– Я так и думал. Позволь еще один вопрос, последний: в случае... э-э... летального, так сказать, исхода, кто будет командовать парадом в «Рюрике»?

– Номинально я... до собрания акционеров, фактически – Шаровский, у него контрольный пакет акций.

– Вопросов больше не имею. Пошли, Вадим.

Носков послушно направился следом за начальником.

– А-а... э-э... – растерянно промямлил им в спины Баблюмян. – Что вы предлагаете? Собрать деньги?

– Делайте что хотите, – не обернулся Матвей. – Если начнете звонить местному отделению ГУБО, Сергей Сергеевич вряд ли вернется живым. Я займусь этой проблемой на своем уровне. Единственное, что мне нужно, – доступ к делам фирмы.

Заместитель Афонина нервно закурил очередную сигарету.

– Я не имею права... Да черт с ними, дам я тебе файл входа. Но только никому ни слова... Уверен, что выручишь Сергеевича?

– В нашем милом государстве стопроцентную гарантию не дает даже страховой полис. Но я попробую. Потяни время до завтра, потом сообщай в ГУБО.

Из дежурки Матвей позвонил Василию, застал его за завтраком и коротко поведал историю похищения Афонины. Василий остался к услышанному равнодушным, пребывая в отвратительном состоянии духа. На вопрос Матвея, в чем дело, ответил:

– Лариса моя где-то затерялась... Дома не появляется, на работе тоже...

– Не думаешь же ты, что и ее похитили? – хмыкнул Матвей, Балугев, видимо, разобрался в интонациях друга и попытался оторваться от собственных переживаний.

– У твоего босса много врагов?

– А у кого их нет? И устрица имеет врагов, как говорил Козьма Прутков. Но я тебя понимаю. Ищи свою Ларису, а вечером ко мне, подумаем, что предпринять.

Проверив готовность своих подчиненных защищать фирму, Матвей набросал в уме план действий и вернулся в кабинет Афонины, где Баблугев с грехом пополам решал ежедневные задачи.

До обеда Соболев работал с компьютером, выяснив немало любопытных подробностей в делах «Рюрика». Стала понятна озлобленность рэкетиров и государственных организаций, не получивших от президента фирмы ожидаемых «дивидендов» за милостивое разрешение создать акционерное общество. Всеми наскоками на «Рюрика», несомненно, руководил господин Маракуц, также не добившийся надлежащего послушания и все увеличивающий давление на строптивного клиента. Выяснилась и еще одна деталь: Шаровский Аркадий Самсонович до перехода в фирму работал в мебельной ассоциации, принадлежащей некоему Куцу. Несомненно, Куц был или Маракуцем или его подставным лицом.

Нашел Матвей и сведения об Алимбаеве, который пришел вместе с Шаровским из той же мебельной конторы, где работал грузчиком. Начинать «дознание» можно было с него, хотя цепочка наверняка приведет к Маракуцу. Но идти к «авторитету» следовало, лишь имея на руках некое количество козырей. И как же тесен мир! Кто знал, что их с Василием «воспитательный» поход к обидчикам учительницы окажется прыжком в пасть тигру! Спасло их, наверное, только то обстоятельство, что Маракуц не ожидал подобной наглости, да и упомянутое к месту «Чистилище» заставило его задуматься... Что ж,

придется еще раз навестить вора в законе, но уже подготовившись на уровне операции ВКР...

До вечера Матвей мотался по Рязани, выясняя кое-какие интересующие его детали, а ужинать поехал к Сумароковым, зная, как ждут его два родных существа – Кристина и Стас. Но, как оказалось, его ждали не только эти двое.

Почему у него не сработала интуиция, чутье опасности, стало ясно лишь позже, но одним из факторов, сыгравших отрицательную роль, было ожидание обещанного Парамоновым спектакля для лечения Кристины.

Когда Матвей открыл дверь квартиры своим ключом, то сразу отметил и странную атмосферу дома, взрывоопасную и темную, не просматривающуюся в пси-диапазоне, и наличие гостей, и тусклое мерцание чужих эмоций, пронизанных ожиданием. Первой мыслью его была: Парамонов! Начал «лечение» почему-то раньше, в доме его люди и ждут Соболева, чтобы начать главное действие, способное довести пациентку до стресса. Однако достаточно было одного взгляда на застывшую в неестественно напряженной позе Кристину, сидящих рядом с ней Стаса и Басю Яновну, чтобы убедиться: дело не в Парамонове! Гости пришли по его, Матвея, душу.

– Не дергайся, ганфайтер, – вышел из спальни высокий плечистый мужчина в модном джинсовом костюме, в котором Соболев сразу узнал Пауля Артуровича Кийка. В руке Кийк держал необычной формы пистолет, и Матвей с содроганием опознал «глушак».

Из-за двери выглянул еще один парень, но уже в черном спортивном костюме и с «Макаровым», а из кухни, поигрывая нунчаками, выдвинулся широкий, как холодильник, «сапиенс».

– Что им всем надо? – дрожащим голосом спросила Кристина. – Пусть забирают видак, телевизор... все... и уходят.

Им нужен не телевизор, подумал Матвей, все еще надеясь на мирный исход событий. Посмотрел на женщин, Стаса.

– С вами все в порядке?

– Мы их пока не трогали, – осклабился Кийк. – Пусть успокоятся, мы не грабители. Ну так как – сам пойдешь с нами или транспортировать тебя в наручниках?

– Разве в прошлый раз я неясно выразился?

– Ага, упрямый, значит. Что ж, придется... – Кийк не договорил, потому что его подручный за дверью нанес Матвею сзади удар по затылку рукоятью пистолета и... повалился при ударе, хватая ртом воздух. Матвей вырубил его на уклоне, ногой в низ живота, развернулся, чтобы прыгнуть к Кийку, но больше, даже обладая сверхреакцией, ничего не успел сделать. Кийк не стал рисковать и выстрелил в него из суггестора «Удав», именуемого в среде профи «глушаком».

Сознание Матвея вылетело из тела, как ядро из пушки, породив страшное «землетрясение» головы и затихающий гул нервного урагана. Он застыл, пустой, как робот, из которого вынули дискету программы, как слепое каменное изваяние, как Сфинкс в пустыне Египта, и Вечность набросила на него свое покрывало, словно он уже умер...

Но...

Тик-тик-тик – упала песчинка тысячелетия на дно песочных часов...

Тик-тик-тик – пролетела еще тысяча лет...

Кто это считает?..

Не надо считать, а то вернется способность думать...

Разве это плохо – думать?

Да, способность думать – замечательный дар, но способность не думать – дар большой! Научившийся жить рефлекторно, не думая, свободен от груза и давления, которое несет даже мысль! Озарение приходит именно к нему...

И в тот момент, когда сознание Матвея погасло окончательно, ментальное озарение пронизало его с ног до головы, породив состояние самадхи. Это сработала откорректированная Тарасом Горшиным вторая сигнальная система, переключившая типы сознаний, обеспечившая автоматический выход в меоз без участия воли хозяина. Этого обладатели «глушака» учесть не могли.

«Сфинкс» растрескался и осыпался грудой камней с нового, ожившего тела Матвея, когда тот огляделся вокруг и начал действовать. И все же он пробыл в состоянии ступора больше, чем позволяла ситуация. За какие-то шесть-семь секунд произошли два события, изменившие соотношение сил в психологическом плане.

Первое: увидев, что друг его безвольно застыл, Стас побледнел и опустил руки, а потом внезапно бросился с кулаками на вышедшего из-за двери спальни человека с пистолетом, в результате чего тот не успел для верности облупить Соболева еще раз. Второе: приподнявшись в кресле, Кристина шагнула к этому человеку, повернувшись в этот момент к ней спиной, и воткнула ему ниже спины спицу: она вязала, когда пришли «гости».

Человек с пистолетом изумленно вскрикнул, оглянулся на девушку, отмахнулся от нее, так что она врезалась головой в сервант, небрежно отпихнул Стаса... и в этот момент Матвей пропал. То есть никуда он, конечно, не пропал, просто перешел в иное качество с другим темпом жизни, но для боевиков Пауля Артуровича Кийка он действительно исчез.

В следующие несколько мгновений по квартире словно промчался ураган, вышвыривая одного за другим солдат Кийка на лестничную площадку. Сам же Пауль Артурович был выдворен в первую очередь, потому что, во-первых, обладал хорошей реакцией и движения Соболева изредка, краем глаза, схватывал; а во-вторых, он начал стрельбу, но уже не из суггестора, а из пистолета «волк». Матвею пришлось брать его из самого нестандартного положения, с выхода из сальто, в падении и подкате.

И все закончилось в считанные секунды. Наступила тишина. Затем кто-то переступил тело одного из боевиков засады и вошел в квартиру.

– Помощь не нужна?

– Нет, – ответил Матвей, выходя из скоростного режима.

– Ага! – Василий поднял с пола пистолет «волк», какую-то блестящую сеточку с усиками и дужкой для закрепления на голове, повертел в руках. – Ну «волк» – понятно, а это что за штуковина? Неужто наши вояки разработали бронежилет для головы?

И тут Матвей сообразил, в чем дело, взял сеточку из рук Василия.

– Черт, вот почему я их не слышал... Это защитный экран от луча «глушака». К тому же он, наверное, поглощает большую часть излучения мозга... Ладно, забирай с собой. Как это ты успеваешь всегда к развязке дела?

– Интуиция. Крепко они тебя рассердили, однако!

– Сами виноваты, не надо было стрелять из «глушака».

– И ты... после этого... смог сопротивляться?!

– Бессознательно, на уровне безусловного выживания. Во дворе никого не заметил?

– Троих. – Василий не сразу пришел в себя. – Один был очень хорош, но я торопился и, кажется, что-то ему поломал. Кто это?

– Те же, что приезжали на «саабе». Кийк и компания. – Матвей вернулся в квартиру, привел в чувство Стаса, наклонился к Кристине и несколько секунд слушал ее, поводя головой из стороны в сторону, словно локатором. Облегченно вздохнул. Рана на голове была поверхностной, скорее, просто ссадина – Кристина задела головой торчащий в ящике серванта ключ. Но ударься она виском...

Пережив только что вспышку холодной ярости, Матвей перенес девушку в спальню, потом вернулся к Басе Яновне, потерявшей сознание от избытка эмоций. В этот момент в квартиру вошла мать Кристины Ольга Николаевна, и, потрясенная разговором, остановилась на пороге. С ужасом глянула на лежащее в прихожей тело.

– Что здесь... происходит?!

– Ребята плохо себя вели, – отозвался Василий, отбирая оружие у тех, кто упал, – и мы поставили их в угол. Да вы не волнуйтесь, все закончилось хорошо.

– Матвей!.. – прилетел из спальни прерывистый шепот.

Матвей мгновенно оказался у постели Кристины. По щекам девушки текли слезы.

– Ты... жив?!

– Да жив, жив, что мне сделается? Лежи, все нормально.

– Стас, бабушка?

– Все хорошо. Там мама пришла... и Вася.

Кристина зашевелилась, протянула руки.

– Помоги...

– Тебе бы лучше полежать.

– Я ходила! Понимаешь? Когда ты... тебя... я встала и...

– Помню, ты была великолепна.

– Тогда помоги, хочу проверить... не сон ли...

Матвей протянул девушке руку, предостерегающе покачав пальцем Ольге Николаевне, чтобы та не вмешивалась. Кристина встала на подкашивающиеся ноги, взглядом попросила отпустить руку,

сделала шаг, другой... и с рыданием осела, так что Матвей едва успел подхватить ее. Но это не были слезы боли...

В гостиной Матвей появился в мокрой спереди рубашке – от слез Кристины. Василий понимающе кивнул.

– Пойдем поговорим?

Они вышли на лестничную площадку, куда выполз травмированный Кийк (Василий уже знал, кто он, проверив документы). С трудом передвигающиеся парни в спортивной униформе замерли. Кийк оглянулся. Один глаз у него заплыл, на шее до самого уха лиловел рубец – след кроссовки Матвея.

– Слушай меня внимательно, – ровным голосом проговорил Соболев. – Я не знаю, какую организацию ты представляешь, но теперь, надеюсь, обязательно узнаю. Даже если никто из твоих бандитов не скажет. В прошлый раз я уже сказал – нет! Не приведи тебе Господь встретиться со мной в третий раз. Для тебя он будет последним. И передай своему начальству: я, Матвей Соболев, ганфайтер и волкодав, предостерегаю его от того, чтобы затевать против меня и моих друзей любую пакость. Уяснил?

Кийк молча сплюнул... и от удара Василия ногой по копчику врезался в сетчатое ограждение лифта.

– Уяснил? – поинтересовался Василий. – Или повторить вопрос?

– Передам, – прошипел, белея от ненависти, Пауль Артурович.

Василий кивнул, поднял с пола выпавший из чьего-то кармана коробок спичек, подбросил и стремительным ударом разрубил коробок на две части. Ни слова не говоря, друзья вернулись в квартиру Сумароковых.

В прихожей Матвей попросил:

– Фокус повторить можешь? С коробком?

– Естественно! – осклабился Балугев. – Зря я, что ли, тренируюсь денно и нощно? Но все же я рискнул бы повторить совет: забирай Крестю, Стаса и уезжай. Они не оставят тебе в покое.

– Это не решение проблемы, остаются ее родители, бабушка... Да и у меня появились кое-какие дополнительные заботы.

– Какие? С шефом?

– Его надо выручать... Тихо, потом поговорим.

Они вошли в гостиную, где возле Баси Яновны хлопотала Ольга Николаевна. Сама Кристина стояла на пороге спальни,

поддерживаемая Стасом, покрасневшая, с сияющими глазами, и во взгляде ее, обращенном к Матвею, было столько любви, признательности и тоски, что Василию стало неловко, будто он подсмотрел семейную сцену в замочную скважину.

– Ну как? – спросила она.

– Эмбра [\[27\]](#)! – хрипловато ответил Матвей, перед мысленным взором которого мелькнуло вдруг печальное лицо Ульяны.

Василию слово было незнакомо, но Кристина, видимо, его знала, потому что щеки ее порозовели, а глаза засияли еще ярче.

ИЩИТЕ ЗАКАЗЧИКА

Все произошло мгновенно: на Садово-Каретной бежавую «волгу» догнал серый «форд», прозвучали два выстрела, и «волга» на скорости девяносто километров в час перелетела через бордюр, снесла дерево и со всего маху ударилась в столб, сплющив передок почти до лобового стекла. И, хотя двигатель не взорвался, пассажир и водитель «волги» скончались на месте. Водитель – от пули в висок, пассажир – от удара грудью о приборную панель.

Оба, капитан Конюхов и майор Карасий, работали оперуполномоченными Четвертого отдела МУРа по борьбе с разбойными нападениями и грабежами, и оба незадолго до катастрофы организовали разгром солнцевской банды.

Проведенное в рекордно короткие сроки следствие показало, что предводитель банды Митков по прозвищу Митек после допроса объявил в камере Бутырок, что не в меру зарвавшихся оперов надо «мочить». Это и сделали его подручные Ковалев и Юшенков, взятые муровцами уже на третий день розыска. Оба получили по десять лет строгого режима, но вожак-заказчик Митек остался в стороне, обещая в скором времени выйти и «примерно наказать остальных наглеющих мусоров».

Сторож садового товарищества «Яблоко» в подмосковных Мытищах обходил свои владения, когда недалеко от дороги в кустах обнаружил три трупа с одинаковыми пулевыми ранениями. Вскоре в погибших оперативники МУРовской «четверки» опознали своих подопечных – вожака бескудниковской банды Феликса Эдмундова, его брата Филиппа и уголовника с Украины по кличке Бандера.

Преступная организация эта преимущественно «бомбила» склады солидных фирм. «Ле Монти», «Сади», «Салита» и других – в Бескудникове и Сокольниках. Объекты будущих налетов выбирал сам Эдмундов, объезжая указанные в рекламных объявлениях адреса и представляясь коммерсантом. Он якобы выбирал товар для будущей сделки, на самом же деле знакомился с системой охраны и содержимым складов. Все в банде было построено на строжайшем разделении труда: одни проводили разведку на местности, другие в

масках и с пистолетами врывались на склад, нейтрализовали охрану, третьи подъезжали на «КамАЗах» и «татрах», и грузчики спешно закидывали в них то, что интересовало главаря.

Не брезговала банда и грабежом автофургонов на подъездах к Москве, выбирая машины международного класса перевозок. Под дулом пистолета водитель переправлял фургон в укромное место, где машину «раздевали», а убитого водителя закапывали рядом.

В месяц банда «зарабатывала» таким образом никак не менее миллиона долларов, но семьдесят процентов «заработка» главарь банды вынужден был передавать вору в законе по кличке Циркач, под «опекой» которого находилось еще пять подобных преступных групп.

Кто такой Циркач, знал только сам Феликс Эдмундов, и до поры до времени его устраивал раздел добычи, но потом он все больше награбленного стал реализовывать на стороне, минуя «патрона».

Расправа не заставила себя ждать.

Циркач, естественно, остался в стороне.

К ограблению «Дарма-банка» бандиты из группировки Шахрая по кличке Барбос готовились долго, пока их человек, специально устроившийся туда охранником, не подготовил почву для налета.

За долгие месяцы беспорочной службы в банке человек этот тщательно изучил систему безопасности денежных хранилищ на Каланчевке, работу сигнализации, главное – пришел к парадоксальному выводу: банк до сих пор ни разу не был ограблен лишь по чрезмерной лености московских криминальных структур. Он не знал, что работу этого банка, через который проходили «неучтенные» заработки членов правительства, курировал первый заместитель премьера Сосков.

Акция была разработана очень тщательно и проведена блестяще: троих коллег новоявленный охранник напоил, еще двоих уговорил пойти повеселиться к общей знакомой, а когда ключи оказались у него, позвонил подельникам. На отключение сигнализации и вскрытие трех хранилищ наличных денег ушло всего полчаса, на погрузку – час, и машина уехала.

Охранника с целью запудрить мозги милиции связали, слегка побили, нанеся несколько «косметических» ударов по лицу и оставив связанным до утра. Выручка банды составила около десяти миллионов долларов.

Но охранник, рискующий больше всех, получил такие крохи, что не задумываясь пошел «качать права» к Барбосу и вскоре был найден убитым недалеко от места жительства в Перове. Следствие вывело оперативников на Шахрая и... завязло, потому что уже на следующий день банда перестала существовать! А еще через день были найдены убитыми исполнители казни группы Шахрая. Было ясно, что произошла разборка между преступными кланами, но кто позаботился «о справедливости», можно было только догадываться. Оперативники Четвертого отдела МУРа спихнули дело на «Чистилище» и на этом умыли руки. «Чистилищем» в МУРе занималось другое подразделение.

Громов дочитал последний документ из папки, предложенной ему комиссаром-2, и поднял глаза на Рыкова.

– И что из всего этого следует?

– По всем этим делам определен один «крестный отец», а именно Тогоев Мирза Тогоевич, друг Соскова и многих влиятельных лиц в администрации президента.

Громов задумчиво пожевал мятную лепешечку.

– Значит, «СС»? Сомнений нет?

– Связи прослежены надежно. По сути, по всем трем делам наказаны лишь «шестерки», главари среднего звена отделались легким испугом, о боссах уж не говорю. Главный же и вовсе чист как ягненок. Впрочем, он всегда выплывал чистым из всех передряг.

Громов вывел на экран компьютера данные персоналий и бегло просмотрел личное дело Тогоева, известного вора, главы московской организации воров в законе, владельца сети московских ресторанов, подмявшего под себя главарей всех мафиозных группировок, в том числе и «беспредельщиков» – молодежных банд, контролирующих в столице торговлю наркотиками. Добраться до Тогоева пробовали многие оперативники МУРа и ГУБО, но дела обычно кончались увольнением и отставкой милицейских начальников, посмеявших поднять на него руку.

– И все же не Тогоев заказчик, – пришел наконец к выводу лидер «ККК». – Не мог он решиться пойти против Соскова, за которым стоит немереная мощь военных и оборонных структур. Ищите заказчика, Герман Довлатович.

– И так ясно, что заказчик – маршал «СС».

– И я это понимаю, но кто именно?

Рыков промолчал.

– Да и стоит ли нам распылять силы? – продолжал Громов. – Если мы начнем работать против Сверхсистемы, вряд ли выдержим конкуренцию еще и на этом фронте. Вы же знаете, сколько создано зондеркоманд для уничтожения «ККК» спецорганами.

– Пять, – подумав, сказал Рыков.

– Шесть, – поправил его лидер «Чистилища». – «Анальгин» в Минобороны, «Гроза» в службе безопасности, «Харон» в ГУБО, «Принцип» в МУРе, «Закон» в Генпрокуратуре и плюс теперь «Туз», команда, которую образует Коржанов, начальник службы безопасности президента. Не многовато ли, Герман Довлатович?

Рыков пригладил волосы, глаза его блеснули.

– Это значит, Дмитрий Олегович, что «ККК» очень уважают. Нет, даже не так – боятся! Какая музыка в этом слове – бо-ят-ся!

Громов хмыкнул, с новым интересом глянул на изменившееся на миг бледное лицо комиссара-2, но развивать эту мысль не стал. Поговорив еще с полчаса, Рыков ушел. В гостиную заглянул Шевченко, вызванный Громовым для оперативных указаний.

– Ну как твои ганфайтеры?

– Я имел контакт только с Балуховым, – сообщил начальник службы безопасности «ККК», у которого от недосыпания покраснели глаза. – Он еще не определился. Но, судя по инциденту в Рязани, оба придут к нам. В принципе им просто некуда податься.

– Что за инцидент?

Шевченко рассказал о конфликте между Соболевым и военными вербовщиками, побывавшими у него на квартире.

– Теперь совершенно ясно, что главный заказчика этом деле – служба Юргена. Мы узнали одного из его парней, участвовавших в налете.

– Значит, «Анальгин»? Им тоже нужны высокие профессионалы?

– Профи нужны всем. Кстати, есть идея использовать в наших делах парней РНОФ [\[28\]](#).

– «Красные рубахи»? Разве они себя не дискредитировали?

– Еще не успели, зато у них прекрасные базы и лагеря для спецподготовки, а их боевые группы мало чем уступают нашим.

– Следует подумать, уж больно тенденциозная группировка. А теперь давай обсудим ряд операций по армейским спискам. Удар нужно нанести одновременно в тринадцать городах...

* * *

Когда зазвонил телефон «красной линии», министр МВД Пашин подумал, что звонит сам президент, но это напомнил о себе начальник службы безопасности президента генерал Коржанов, не поддающийся никакому контролю правительственных структур.

– Леонид Арнольдович, Сам весьма обеспокоен вашим бездействием! Вы что, не дорожите своим креслом?

Пашин покрылся холодным потом. Власть Коржакова была абсолютной, о чем говорил и недавний инцидент с захватом службой безопасности президента офиса фирмы «Мастодонт» «в целях борьбы с терроризмом»: начальник московского отделения ФСБ генерал Рогов, попытавшийся разобраться в нем, был снят с должности в течение суток!

– Не понимаю вас, Николай Владимирович...

– Чем вы там занимаетесь, черт побери?! «Чистилище» позволило себе опубликовать в прессе открытое письмо правительству, в котором недвусмысленно угрожает террором высшим государственным лицам! Вы что, не можете понять, чем это кончится?

– Ах, это... Нет, Николай Владимирович, мы все понимаем и принимаем адекватные меры...

– Да какие там адекватные! Перестаньте заниматься своими ср... ми уголовниками и бросьте все силы на «ККК»!

– Но мы работаем не только с... э-э... уголовниками. В производстве двадцать дел по заказным убийствам, девяносто – по коррупции, двенадцать – по «СС»...

– «СС» подождет, она по крайней мере не замахивается на физическую ликвидацию руководителей государственного масштаба. Немедленно создайте команду для ликвидации «ККК» по типу тех, что создаются в ФСБ и ГУБО. Буду крайне удивлен, если через неделю вы не доложите о результатах! И запретите наконец всем газетам публиковать заявления «Чистилища»!

– Каким образом?

– Не мне вас учить. Соберите главных редакторов... пригрозите... проштрафившихся увольте! У меня все.

Трубка замолчала.

Пашин посмотрел на нее, как кролик на удава, потом в сердцах хватил по аппарату. Передразнил. «Создайте команду, создайте команду»... Создали уже! А что толку? Попробуй ликвидировать тайфун...

Сняв трубку другого телефона спецсвязи, тоже прямого, министр дождался ответа и сказал:

– Привет, Сергей Вениаминович. Тебе Коржаков не звонил? Звонил?! Ну, слава Богу, а то уж я подумал, что только мной особенно недовольны. Ну, что будем делать с «Чистилищем»?

– Об этом подумаем, когда «ККК» будет у нас в руках. – ответил директор ФСБ. – А пока и думать не о чем, надо искать.

– Но мне он дал неделю срока!

– Думаешь, мне больше?

– Но это же беспредел, Вениаминович!

Коваль засмеялся.

– Если уж министр жалуется на беспредел... Кстати, вчера вечером молодцы Коржакова снова отличились, слышал? Напали на ночной клуб «Какаду», уложили известных артистов на пол, обыскали... кое-кому залепили по морде...

– Ко мне уже поступило заявление, подписанное Никулиным, Моргуновым, Соломиным, Пугачевой и другими, но что я могу сделать? Это же Коржаков!

– Это не Коржаков, вернее, не один Коржаков. Он чувствует поддержку патрона, так что если кому и жаловаться, то только президенту... или Богу! Однако посоветуемся, как нам совместными усилиями нейтрализовать тихо и быстро «Чистилище».

– Тихо не получится. Завтра вечером тебя устроит?

– Давай завтра вечером, я созвонюсь с Федором Ивановичем. До связи.

Пашин бросил трубку на рычаг, налил до половины в бокал коньяку и залпом осушил.

В желтом халате и шлепанцах Юрген походил на образцового отца семейства, хотя в данный момент он находился с последней женой в разводе. Зато его нынешняя пассия в прозрачном пеньюаре выскользнула из гостиной в спальню, подмигнув гостю, который появлялся здесь уже не первый раз. А гостем полковника был на этот раз Пауль Артурович Кийк, на шее которого все еще лиловел продолговатый рубец, а под глазом красовался синяк с зеленым отливом.

– Как он тебя отделал! – хмыкнул Юрген. – Однако слабоват ты, Паша, оказался. Это тебе не Голышев, а?

Кийк скривил побелевшие губы, еле сдержал ярость.

– Я его еще сделаю... один на один...

– Разве что из гранатомета, Артурович. Уж если его «глушак» не взял... А точно не взял? Может, ты забыл снять его с предохранителя или не включился генератор?

Они расселись в удобных креслах. Свет торшера не до конца рассеивал мрак, создавая интимную уютную обстановку.

– Татьяна, сделай кофе, – слегка повысив голос, попросил Юрген.

Соблазнительная подруга полковника продефилировала мимо в своем сногшибательном пеньюаре и вскоре принесла маленькие керамические чашки.

– «Глушак» сработал, – пробормотал Кийк, расслабляясь. – Когда из него стреляешь, это чувствуется. Единственное объяснение: у Соболева был фильтр защиты.

– Фильтры не вышли из стадии разработок, существуют лишь несколько экспериментальных образцов.

– Значит, Соболев раздобыл себе где-то один из них.

– Не я ли предупреждал тебя, Паша? Надо было взять моих «зомби», на них не действуют ни «глушаки», ни «болевики», да и пулей их не завалишь с одного раза. К тому же, замечу, захват ганфайтера в квартире – далеко не лучший вариант. Он специально тренирован для боя в ограниченном оперативном пространстве. Его надо было выгнать на простор, в поле, в лес, на улицу, и навалиться всем скопом. Впрочем, с этой минуты Соболев – моя проблема. Попробую взять его с другой стороны, связать с убийством Голышева.

– Каким образом?

– Подкину «улики», найму свидетелей, найду компромат... Надо только подумать, каким образом. Единственный твой прокол в деле Голышева – применение «дырокола». Прокол – «дырокол», хорошо рифмуется, да? Поэт Юрген...

– Сам же посоветовал испытать на нем НК.

– Ладно, замнем. Вряд ли милицейские дуrolомы определяют, из какого оружия убит генерал. Готовь на вторник команду, надо убрать еще одного сильно строптивного генерала.

– Кого же?

– Никушина.

Кийк залпом допил кофе, но под ироничным взглядом Юргена взял себя в руки.

– По «смершевцам» я еще не работал. Чем не угодил нашему полководцу начальник военной контрразведки?

– Слишком рьяно взялся копать дела Голышева, военного журналиста и левой торговли. Ликвидировать его будет непросто, зато есть возможность замести следы.

– «Чистилище»?

– Умен. Сделаем вид, что убрали генерала ВКР «чистильщики», подбросим их сертификат с кинжальчиком, сообразим на генерала компромат. Теперь о главном. Ты слышал, что все силовые дяди создают команды, подобные нашей? Страхуются. «Федепасы» уже сформировали «Грозу», «губошлепы» – «Харон», милиция – «Принцип». Даже Коржаков, кажется, засуетился и организует свою зондеркоманду под названием «Туз».

– Смешно.

– Это не смешно, Паша. В «ККК» работают не дилетанты, а спецы самого высокого класса, с ними и воевать надо всерьез. Требуются координация, информационный поиск и общее руководство розыском. Тебе придется связаться с командирами спецкоманд.

– Я предпочитаю работать один.

– Это не тот случай. Хотя по большому счету ты и будешь работать самостоятельно, как перехватчик. Но нужны наводчики, без них не обойтись. Ищи себе телохранителей покруче: те, что были с тобой у Соболева, не годятся. Помнишь, с нами вместе занимался Людвиг Белоярцев?

– Люда? Так он же «голубой»!

– Лучше быть «голубым», чем идиотом, а он – пидор с головой.
Не знаешь, где он сейчас?

– Свяжусь со своими в Таллине, они выяснят. Но у меня с ним, э-э... отношения были несколько натянутыми.

– Переживете оба, главное, что он «супер». Кофе еще хочешь?
Или чего покрепче для сугреву?

– Бабу бы, – грубовато пошутил Кийк.

ЗАЩИТА «РЮРИКА»

Кристина вышла в халатике, смущенно улыбаясь, и Матвей замер, окидывая ее взглядом. По сути, она являлась его женой и постоянно пробуждала в нем море чувств, желаний, воображения и мечтаний. Она и в парализованном состоянии, к его собственному изумлению, влекла его к себе с непреодолимой силой, отчего Матвей порой подумывал – уж не колдовство ли это? Но бороться со своими желаниями не хотел, потому что Кристина в моменты их близости вызывала максимум ощущений, оставаясь всегда новой и неразгаданной. Ее любовь так и не стала для него привычной, спокойной, объяснимой.

– Как самочувствие? – проговорил наконец Матвей и, едва Бася Яновна просеменила на кухню, подскочил к Кристине, обнял, стал целовать в шею, грудь, губы, а потом, быстро отпрянув, уселся на диван как ни в чем не бывало.

– Порядок, – ответила Кристина, и глаза ее сказали то, что не выговорили губы. – Я поняла, что Лихтенберг [\[29\]](#) прав: ощущение здоровья приобретаешь только пройдя через болезни. Ты останешься сегодня?

– Сегодня – нет, надо разделаться с кое-какими делами.

– Стас будет ждать. Знаешь, что он заявил мне вчера? Я разговаривала с мамой, а он уроки делал. Говорю маме: «Надо, наверное, устраиваться на работу, пока я в академ-отпуске», а он услышал и так серьезно сказал: «С мужской точки зрения, красивая женщина работать не должна».

Матвей фыркнул.

– Он прав. Я вообще хочу вас на месяц увезти отсюда.

– Куда? И зачем? – Глаза Кристины потемнели, она догадалась, в чем дело.

– К своему отцу, в Воронеж. Он учитель, историю в школе преподает, живет один... Или к деду в Тамбов, тоже мужик один, старенький уже, помочь надо.

– Понятно. Опять нависла туча? Старые враги? Те, что приходили?

Матвей хлопнул ладонью по дивану.

– Садись, тебе еще вредно долго стоять.

Кристина послушно подошла – ходила она, конечно, еще неуверенно, всего день прошел, как ноги стали слушаться, но Матвей усадил ее к себе на колени, и, когда Бася Яновна принесла чай, они целовались.

Во время чаепития разговаривали на отвлеченные темы: о программах телевидения, о новом отечественном сериале, с успехом заменившем надоевшие мексиканские, аргентинские и бразильские «мыльные оперы», о ценах на продукты и налогах, которых становится все больше.

– Скоро Дума дойдет до налога на право жить, – с грустным юмором констатировала Бася Яновна.

Зазвонил телефон, и она засеменила в прихожую.

– Может, все-таки останешься? – спросила Кристина.

Матвей не успел ответить, Бася Яновна позвала его:

– Матвей Фомич, тебя.

Звонил расстроенный Парамонов.

– Я слышал, кто-то провел эксперимент с вашей девушкой без меня. Хотелось бы услышать подробности.

– Не переживайте, Иван Терентьевич, – с облегчением проговорил Матвей. – Я ни при чем, произошла жуткая история с попыткой ограбления. Но вы были правы, Крестя уже ходит. Если хотите, заезжайте, она сама все расскажет.

– Спасибо, заеду. Но учтите, этот шоковый удар, поставивший ее на ноги, может послужить спусковым механизмом психосуггестивной программы, о которой я вас предупреждал. Она, конечно, далеко не «зомби», однако в подсознании хранит некий темный код, доминантный очаг возбуждения. Раздражитель, который этот код включит в нужный момент, мне неизвестен. Мне нужны контактные исследования...

– Нет, Иван Терентьевич, это исключено. Вряд ли она согласится. Да и мне не хотелось бы...

– Понимаю.

– Нет, я не о себе, мне не хотелось бы ее волновать.

– Но вам придется ей все рассказать.

– Я подумаю, стоит ли. До свидания, и спасибо вам за все.

Матвей повесил трубку, вернулся в гостиную.

– Кто звонил? Речь шла обо мне?

– Парамонов. Хочет выяснить подробности «операции», которая тебя вылечила. Это была его идея.

– Что?! Значит, бандиты... вовсе не бандиты?! Все было подстроено нарочно?

– Они не бандиты. – Матвей подумал и решил рассказать Кристине часть правды, чтобы умолчать о главном – о том, что она закодирована.

Через несколько минут Кристина знала историю придуманного Парамоновым шокового лечения, блестяще подтвердившегося на практике благодаря действиям ничего не подозревающих бойцов Кийка. Об остальном Соболев умолчал. Поцеловав растерянную Кристину, Матвей оставил ее размышлять над удивительным совпадением и поехал к Василию на работу.

Балуев занимался в зале сэйдай-до [\[30\]](#), методично избивая в стиле «унибос» [\[31\]](#) спорт-робота, включенного в самый динамичный режим. Увидев входящего Соболева, он прыгнул к нему, и Матвею пришлось отбиваться в полную силу, так как Василий был все-таки ганфайтером класса «абсолют» и обладал тем, для чего японцы придумали термин «сингигай» – триединство: гармоничное развитие духа, тела и техники защиты.

Потанцевав в суй-но ката [\[32\]](#) несколько минут, Василий поймал Матвея на смене иккадзэ [\[33\]](#), продемонстрировал молниеносный уход с линии атаки за счет поворота тела и вlepил ему по спине чувствительный кумадэ [\[34\]](#). Помог подняться, протянув руку.

– Ты что не концентрируешься? Не уважаешь, начальник?

– На «темпе» я против своих не работаю.

– Ах, против своих, ах, не работаешь?.. А ну покажи, покажи, как это выглядит в натуре, глядишь, и я поднаберусь ума. – Василий сменил тон, видя, что другу не до шуток. – Что кислый? Вспомни сантоша [\[35\]](#): мастер должен быть всегда довольным, излучать оптимизм. Или случилось что?

– Собирайся, пора приниматься за работу... если не передумал выручать моего шефа.

Василий вымылся в душе, переоделся в спортивный «адидаас», и они уединились в комнате отдыха школы, где Матвей включил кофеварку.

– Я не передумал, – сказал Балуюев, наливая себе кофе. – Как говорится, нечего бояться, кроме самого страха. Но, судя по последним событиям, от нас не отстанут ни «федепасы», ни твои контрразведчики-«смершевцы», ни эти убийцы из армейского спецназа. Может быть, примем предложение одной из контор? Я, например, склоняюсь к «Смершу». В случае чего он и защитит, и поддержит. Если они на нас навалятся всем скопом, не спасет и умение быстро бегать.

Матвей вспомнил сон, в котором Тарас Горшин, живущий теперь в какой-то «иной реальности», предлагал ему изучить универсальную систему рукопашного боя, разработанную Первыми Людьми.

– Что молчишь? – Василий кинул в рот мятную лепешку; он любил жевательную резинку, и пахло от него всегда приятно.

– Горшина помнишь? – Матвей рассказал свой сон. – Тарас явно хочет выйти на мое сознание, но ему кто-то мешает.

– Монарх?

– Не знаю. Но если передача информации состоится...

– Он снова станет отступником, только уже для тех, с кем сейчас живет.

– Я не уверен, что сейчас. Он может жить как в прошлом, так и в будущем, время в той реальности течет не так, как у нас. Да и такое ли оно, я не знаю. Может быть, оно там трехмерно... или многомерно.

– Неважно, главное – он хочет помочь.

Матвей покачал головой. Он еще помнил слова Тараса о том, что у них «разные Пути». Просто в какой-то момент они совпали... чтобы разойтись вновь. Тарас помогал другим, только если это не противоречило его целям.

Василий присмотрелся к ставшему вдруг неподвижным лицу друга, кивнул.

– В любом случае знание новой системы боя нам не повредит. Хотя я не понимаю, как это можно информацию передавать во сне. Ты вот ходишь по астралу... что ты видишь?

– Астрал – это иллюзорно-динамичная форма другой реальности, вернее, сложный комплекс смежных состояний форм «здесь-сейчас»,

допускающий резкое изменение событийного рельефа.

– Ага... иллюзорно-рельефная... событийного... а попроще?

– Астрал – промежуточное место встреч: умерших и живых – по нашим понятиям, живущих в нашей реальности и в других – в соответствии с истиной. Ты же читал труды эзотериков, – не удержался от колкости Матвей. – Там по меньшей мере два десятка определений.

– Я хотел услышать, к какому склоняешься ты, – не моргнув глазом, ответил Василий. – Хочешь пожевать?

– Жуй сам, я жевательную резинку на дух не переносу.

– Даже шипованную? Шучу. Итак, давай работать. Я кое-что выяснил о нашем добром знакомом Маракуце Николае Савельевиче.

– По каким же каналам?

– Компьютерная сеть МВД. К моему удивлению, код входа остался прежним, а доступ мой сохранился.

– Разве у тебя есть комп?

– Не у меня, у директора школы, который мне доверяет и дает иногда ключ от кабинета, полагая, что я хожу играть на компьютере. А вот коды ФСБ и ГУБО сменились, я едва успел выйти из поля запроса: ребята поставили резидент-программу, поднимающую шум при попытке влезть в сети спецслужб.

Матвей, который проделал точно такую же процедуру, работая на компьютере «Рюрика», в душе только усмехнулся.

– Но и того, что я узнал, а это верхушка криминального айсберга Маракуца, вполне достаточно для «десяти лет строгого расстрела», – продолжал Василий.

– Вор в законе, кличка Боксер. Трижды судим – якобы за незаконное ношение оружия, за превышение мер защиты, – он в прошлом профессиональный боксер-тяжеловес, – а также за покушение на убийство, находился под следствием по многим делам, неоднократно задерживался правоохранными органами, однако ни разу не был осужден и в следственном изоляторе больше двадцати суток не сидел.

– В минувшем году, – ровным голосом добавил Матвей, – Маракуц субсидировал одну общественно-политическую структуру, планировавшую проведение общественного референдума на территории СНГ по вопросу воссоединения стран в едином государстве, но прогорел.

Василий поскутнел, покaчaл гoлoвoй, oцeнивaя услышaннoe.

– Пoхoжe, мы идeм пo oднoмy и тoмy жe слeдy. Нaдo бы рaздeлить фyнкции вo избeжaниe дyблeжa.

– Ктo вoзрaжaeт? Чтo кaсaeтcя Мaрaкyцa, тo oн сдeлaл стaвкy нe нa клaссичeский криминaл и рэкет, a нa криминaльный кoнтрoль рeспeктaбeльных кoммeрчeских и финaнсoвых стpyктyp. Впрoчeм, взимaeмoй с пpeдпpинимaтeлeй дaни oн пpeдпoчитaeт «кpышy», тo eсть зaщитy coбствeннoсти пoдкoнтрoльнoх стpyктyp.

– Дa, мeхaнизм прoст и эффeктивeн, кaк удaр лoмoм. Видимo, твoй Aфoнин нe зaхoтeл плaтить Мaрaкyцy зa «кpышy» и пoплaтилcя.

– Я нe вникaл в дeлa фирмy, пoкa нa нaс нe нaпaли вo врeмя пoeздки в Мoсквy. – Мaтвeй рaссaзaл истoрию с нaпaдeниeм нa дoрoгe. – Нa фирмy нaeзжaли дaвнo, в тoм числe и мeстнe «пpавoзaщитники», «гyбoшлeпы» и милиция, нo y Мaрaкyцa сил бoльшe.

– Плaн y тeбя eсть?

– Нaдo нaчинaть с тoгo oхрaнникa, Aлимбaевa, кoтoрoгo Сeргeй прoстo увoлил, хoтa мoг бы oтдaть пoд сyд. Пoтoм пoйдeм к Шaрoвскoмy, oн явнo рaбoтaeт нa Мaрaкyцa, oблaдaя пoлнoй инфoрмaциeй o дeлax и сpeдствax фирмy. Ну a пoтoм нaнeсeм eщe oдин визит сaмoмy Мaрaкyцy.

– Oн бyдeт ждaть.

– У нaс eсть пpeимyщeствo: oн нe знaeт, ктo к нeмy пpихoдил в прoшлый рaз, зaтo мы знaeм eгo дpyжкoв – пoлкoвникa Сивoлaпoвa и вицe-мэpa Пoджaбoвa.

Вaсилий встaл, xлoпнyл лaдoнью пo пoдстaвлeннoй лaдoни Мaтвeя, oтнeс пoднoс с пoсyдoй к мoйкe, сaзaл:

– Тoгдa пoшли кo мнe, нaвeдeм мaрaфeт.

Чeрeз чaс, пeрeoдeвшиcь в cвoбoднe, нe стeснaющиe движeний штoрмoвки, пpихвaтив «чeчeнки» – чyлкoпoдoбнe шaпoчки-мaски с прoрeзaми для глaз, дpyзья пoeхaли пo пepвoмy aдpecy к бывшeмy oхрaнникy фирмy «Рyрик» Кирcанy Aлимбaевy пo кличкe Бaй.

Aлимбaев жил в oднoм из «спaльнoх» рaйoнoв Рязaни – Мeщeрe, гдe изнaчaльнo сeлилeсь сильнe мирa сeгo – дeпyтaты гoрoдскoй Дyмы, чинoвники мэрии, милицeйскиe нaчaльники и рeспeктaбeльнe бизнeсмeны с тeмнoм и нe oчeнь тeмнoм прoшлoм. Кaмeрa пo Бaю плaкaлa дaвнo, oднaкo, сyдя пo вceмy, вceсильнaя рyкa Мaрaкyцa

поддерживала бывшего личного телохранителя до сих пор, и жил Алимбаев припеваючи, имея четырехкомнатные апартаменты, обставленные в соответствии с фантазией подобных недоумков. Оценить эту фантазию мог бы, наверное, только круглый идиот. Во всяком случае Василий бродил по владениям Алимбаева, шалея от обилия видео, аудио, электро-и светоаппаратуры, количества кроватей, позолоченных, фарфоровых, серебряных деталей, мебели, антиквариата, картин и люстр.

На кухне стояли два холодильника: шведский «трехспальный» «Норд» и гигантский «Минск-10», а также кухонный комбайн, автомат-мойка, микроволновая печь, суперплита с восемью конфорками и автоматическим зажиганием, стеклянно-зеркальный шкаф с посудой и встроенный в стену агрегат для очистки воздуха и воды.

– Охренеть можно! – только и сказал Василий после посещения кухни.

То же самое мог повторить и Матвей, но уже после посещения туалета и обложенной черным и серым мрамором ванной комнаты, где была установлена японская ванна с гидромассажем стоимостью двенадцать тысяч долларов.

– Это как же должен жить босс, если так живет его раб! – добавил Василий, когда они уходили.

Проникли в квартиру легко.

Убедившись, что Бай дома, Василий переоделся в домашний женский халат, нацепил парик, «сделал» лицо, превратившись в смазливую «гёрл», и позвонил в дверь. Алимбаев был осторожен, открыл лишь после долгого рассматривания гостыи в дверной глазок, не отреагировав на кокетливое «приветик, я ваша соседка, не найдется спичек или зажигалки?», а открыв, получил хороший «колун» между глаз.

Допрашивала его «соседка», деловито обрабатывая пальцами болевые точки, в то время как Матвей, подволакивая ноги, играя пожилого «соседа», осматривал квартиру. В конце концов Алимбаев сдался, признавшись, что участвовал в захвате президента фирмы «Рюрик». Матвея он не узнал, а Василия, отлично справившегося с женской ролью, не знал совсем.

– Мы отвезли его на дачу Аркадия Самсоновича, – прохрипел Кирсан, стоя на четвереньках, не в силах разогнуться. – Это в тридцати километрах в Брыкином бору. Но они собирались перебросить его на... в другое место. Куда – не знаю, хоть режьте.

– Не на дачу ли Маракуца?

Алимбаев дернулся, с ненавистью глянув на «соседку».

– Не знаю никакого Маракуца..

– Знаешь, дорогой, а не знаешь – так узнаешь, когда мы подбросим твоему боссу мыслишку, что это ты его продал.

– Я действительно не имею понятия, где его дача! – заскулил Алимбаев. – Где-то на озере Великом, но точно не помню.

– Верим, Бай. Может, знает Шаровский?

– Спросите у него.

– Спросим и вернемся, если ты соврал. Добра у тебя много, весело будет гореть. Ну что, шеф?

– Сонник [\[36\]](#) что надо! – ответил баском Матвей. – Игрушки [\[37\]](#) – аж целых пять по всем углам! А видел бы ты его лепень [\[38\]](#)!..

Василий с любопытством заглянул в гостиную, обошел спальни, кухню, после чего и сказал короткую фразу. «Охренеть можно!»

Алимбаев попытался их задержать, вытащив откуда-то помповое ружье – у него, похоже, в каждой комнате было по арсеналу, – однако добился лишь того, что Матвей вышиб из него дух в стиле нелюбимого «унибоса» – с оборота, круговым вращением ноги и ударом в брюшину.

Главный бухгалтер фирмы «Рюрик» жил в том же районе, двумя кварталами ниже к Оке, и занимал с семьей – жена, сын – пятикомнатную двухуровневую квартиру, три комнаты на одном этаже, две на другом. Его никто не охранял, но попасть в квартиру постороннему вряд ли представлялось возможным – двойной металлический моноблок двери можно было взять только из гранатомета. Открыл вход Шаровский лишь благодаря выдумке Василия, представившегося врачом санэпиднадзора; все в том же роскошном парике, в белом халате и шапочке он выглядел очень импозантно, и Матвей, также в белом халате и колпаке с эмблемой санэпиднадзора, даже пошутил:

– Похоже, в прошлой жизни ты был женщиной.

Балуев не обиделся, посчитав слова Матвея за комплимент. Ганфайтеры обязаны были обладать незаурядными актерскими способностями, потому что нередко им приходилось проводить операцию захвата в общественных местах, маскируясь под кого угодно, скрывая желания, расчет, силу и возможности.

Дверь открыл сын Шаровского, двадцатилетний оболтус в немыслимом «прикиде», похожий на попугая, бомжа, бандита, меломана (наушники на коротко стриженной голове) и спортсмена одновременно. Матвей его уже видел однажды – отпрыск нанес отцу визит в офис, и парень ему сразу не понравился.

– Че надо? – осведомился Шаровский-младший.

– Санэпиднадзор, – простуженным голосом произнес Матвей. – Проверяем продукты на холерный вибрион. Родители дома?

– Ма, к тебе, – отступил в прихожую отпрыск.

Из полумрака возникла дородная фигура жены Аркадия Самсоновича, платиновой блондинки, похожей на жену Маракуца выражением надменного высокомерия на холеном лице.

– Что надо? – повторила она вопрос сына.

– А хозяин дома? – мило улыбнулась «врачиха». – Пока фельдшер будет проверять продукты, я хотела бы поговорить с ним об опасности покупок на рынке.

– У нас продукты только импортные, – фыркнула госпожа Шаровская. – Проходите на кухню, да обувь снимайте. Аркадий, с тобой хочет побеседовать медработник.

Шаровский выполз из спальни в халате, с газетой в руке, недоуменно поднял брови. Буркнул автоматически:

– Че надо?

Василий засмеялся, подмигивая Матвею, который подумал примерно то же самое: муж и жена – одна сатана. У Шаровских понятие «сатана» распространялось на всю семью.

Квартиру главного бухгалтера «Рюрика» осмотреть не удалось, но и по прихожей с мебелью из карельской березы, с коврами, гобеленами, зеркалами и бра можно было судить о роскоши интерьера, недоступной простым смертным.

Жена и сын потеряли интерес к «медикам» и удалились, в доме громче заиграла музыка. Матвей закрыл за собой дверь на кухню, а Василий толчком усадил Шаровского на стул.

– Где Афонин?

Глаза Шаровского полезли на лоб, он начал что-то соображать, реакция у него все же была неплохая.

– Кто вы такие? Какой Афонин? В чем дело?

Василий дал ему пощечину, Шаровский свалился со стула, схватившись за щеку, и вдруг метнулся к холодильнику, занимающему полкухни. Однако не добрался, споткнулся о ногу Матвея и врезался в холодильник головой. Сел на пол, открыл рот, собираясь закричать, и закрыл, потому что Василий показал ему мясницкий нож с широким наточенным лезвием.

– Тихо, не поднимай шума из-за ерунды. Бай сказал, что ты знаешь, куда с твоей дачи увезли Афонина. Ну, будем говорить?

– Так вы не из сан... кто вы?

– «ККК», – коротко ответил Матвей. – Не задавай лишних вопросов.

– Ш-шутите!..

– Шутим мы редко, однако после наших шуток подонки вроде тебя остаются на всю жизнь калеками. Давай адрес, может быть, и уцелеешь.

Тон, с каким были произнесены слова, равнодушно-холодный, буднично-подействовал на Шаровского сильнее, чем прямая угроза.

– Он на даче Маракуца...

– Той, что на озере Великом? Точнее.

– В шести километрах от Тимохина, там указатель есть. – Шаровский вспотел. – Но я сам не принимал в этом... не был... это все они...

– Подручные Боксера?

Аркадий Самсонович стал белым, пролепетал:

– Они заставили... я не хотел... а вы меня не?..

– Не, – ответил Василий с презрением. – Если только не станешь делать лишние телодвижения. Позвонишь Маракуцу, придут ликвидаторы, понял?

– Уг-гу, – промычал Шаровский, которого бросало то в жар, то в холод. – С-спа-с-сиб-бо...

– Благодарить будешь Афонина, если он тебя простит. А Маракуцу передашь, чтобы не трогал фирму «Рюрик», не то взлетит на

воздух и его офис, и квартира, и весь сходняк. Не помогут и московские связи. Жене – тоже ни слова!

Матвей замахнулся, Шаровский обмер, сжался, закрыл глаза, а когда открыл, в квартире уже никого не было.

Глубокой ночью они подъехали к владениям Маракуца на берегу озера Великое, расположенным в смешанном лесу красивейшего из районов Мещеры. Когда-то, говорят, здесь была база отдыха космонавтов, но государству стало не до отдыха своих звездных посланцев, и база поменяла много хозяев, пока ее через подставных лиц не купил Маракуц.

Ганфайтеры переоделись в комплекты ниндзя, вооружились опять же как ниндзя, но огнестрельного оружия не взяли. Только Василий сунул в карман две термобарические гранаты величиной с орех, дающие при взрыве вспышку света яркостью в шестьдесят миллионов килоджоулей и звуковую волну до ста восьмидесяти децибел.

Несмотря на полнейшую темень – тучи закрыли все небо, – оба хорошо ориентировались, хотя Матвей, конечно, владел этим искусством лучше, а тем более в состоянии турийи-меоза вообще мог видеть все как днем.

Машину оставили в лесу, в полукилометре от проволочного забора. Особого плана действий не составляли, в принципе надо было пройти до строений базы-дачи, укладывая по пути охрану, выяснить, где содержится глава фирмы «Рюрик», освободить его и увезти. Оба не сомневались, что справятся с этим быстро и просто, тем более что здесь их так скоро не ждали...

– Если только Шаровский не звякнул шефу, – шепотом поделился сомнениями Василий.

– Не посмеет, – так же шепотом ответил Матвей. – Расходимся: ты влево, я вправо – встречаемся у главного здания с тарелкой антенны, о которой говорил Шаровский.

– Хорошо, что дождя нет, терпеть ненавижу слякоть.

– Тем не менее слева начинается болотце, чуешь лягушек? Видишь хорошо? Пошли.

Но в этот момент на дороге в полусотне метров от машины «диверсантов» появилась тень, вспыхнул и погас желтый огонек. Затем донесся тихий, но отчетливый голос:

– Соболев, не стреляй, это я.

Тень бесшумно переместилась ближе, и перед замершими друзьями предстал Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной, одетый в темный костюм с галстуком, будто собирался на работу в офис.

– Кажется, операция отменяется, – хмыкнул Василий, исчезая в кустах. – Проверю, кто там с ним.

– Я один, – сказал Самандар. – Просто хотел уговорить вас не делать того, что вы собираетесь делать.

– Как вы нас нашли? – Матвей усилием воли вошел в режим мезоза и стал видеть собеседника, лес, дорогу, машины – свою и Самандара в километре от места, где они теперь были, хотя и в другом цветовом диапазоне.

– Это было нетрудно.

– Не лгите! Простому человеку, будь он даже директором Международного исследовательского центра боевых искусств, сделать это не под силу. Даже человеку Внутреннего Круга найти другого ночью в определенном месте, в лесу, достаточно сложно. Вы не Учитель, Вахид Тожиевич! И даже не Проводник. Меня мог вычислить лишь один субъект... – Матвей сделал шаг вперед, готовясь действовать немедленно. – Монарх Тьмы!

ВЫЗОВ КОНКЕРЕ

С момента домашней встречи с капитаном Хватовым директор Федеральной службы безопасности вызывал его к себе дважды, однако никаких странностей в поведении не заметил. Капитан явно ничего не помнил и не понимал, за какую провинность его перевели в другое подразделение. Сознавая, что выглядит в глазах подчиненного если не идиотом, то определенно сумасшедшим, генерал при последней встрече в своем кабинете кинул загадочную фразу:

– Передай там... наверх... или куда там надо... я согласен. Пусть выходят на связь.

– Куда? – растерялся Хватов. – Кому? На какую связь?

– Свободен! – отрезал Сергей Вениаминович. – Я пошутил. О нашем разговоре никому ни слова.

Капитан, получивший два противоречащих друг другу приказа: передать что-то «кому надо» – «я согласен» и «никому ни слова», вышел, совершенно сбитый с толку. Однако на переживания охранника директору ФСБ было наплевать, он был уверен, что таинственный Конкере узнает о его желании продолжить контакт и найдет способ связи.

– Федор Ильич, – нажал клавишу интеркома Коваль, – переведи Хватова обратно в команду, пусть занимается тем, чему обучен.

Следующая встреча директора с Хватовым-Конкере произошла в закрытом элитном клубе российских спецслужб «Георгий», охраняемом не хуже, чем известный комплекс зданий на Лубянке. Коваль страстно любил кегельбан и мог часами бросать тяжелые шары, попивая пиво. Партнером его обычно был кто-нибудь из начальников Управлений, но на сей раз он отдал предпочтение Хватову.

О том, что появился Конкере, Сергей Вениаминович понял по мощнейшему броску Хватова, не только свалившему кегли, но и пробившему решетку манипулятора, собирающего кегли. Хватов оглянулся на сидевшего у столика с напитками генерала, и тот вздрогнул, поймав пронзительный, сверх меры оживленный взгляд капитана охраны, в котором кипела какая-то чудовищная демоническая

сила, вспыхивали и гасли искры недоброй воли, пренебрежения, сарказма, самоуверенности.

– Вы? – спросил Сергей Вениаминович, унимая дрожь в коленках.

– Я, – ответил Хватов, подсаживаясь к столику. У него изменился тон голоса, стал ниже и уверенней. – Вы хотели меня видеть. Говорите, у меня мало времени.

– Кто вы?

– Генерал, я человек иного плана бытия. Но на комментарии у меня нет ни секунды, да вы и не поверите рассказу. Главным для вас должно быть то, что я могу очень многое, чему нет рационального объяснения. Хотите проверить?

Коваль вздрогнул, потому что именно эта мысль пришла ему в голову.

Хватов кивнул.

– Это нормальное желание профессионала. Если вас интересует мой информационный доступ, то я знаю обо всех делах конторы, в том числе и о тех, состав исполнителей которых ограничен. Как, скажем, дело об утечке новейших систем оружия. Или «четырёхнулевое» дело о секретных опытах с «темным кодированием» в метро. А также о создании после разговора с Генпрокурором спецподразделения «Гроза» для охоты за «чистильщиками»...

– Достаточно. – Сергей Вениаминович расслабил узел галстука, ему стало жарко. – Дьявол!

– Позвольте считать это комплиментом, – улыбнулся Хватов, наливая себе фирменного пива «Георгий». – Что касается других моих возможностей... Хотите прямо сейчас поговорить с премьером? С президентом? Я имею в виду отсюда и без телефона?

Коваль продолжал как-то отрешенно глядеть на собеседника, и Хватов для вящего эффекта щелкнул пальцами, хотя делать это было вовсе не обязательно. Перед директором ФСБ тотчас возникла прозрачная фигура человека за столом, и Сергей Вениаминович с ужасом узнал в ней президента. Тот поднял голову, снял трубку с телефонного аппарата, и в воздухе прозвучал его характерный картавоокающий голос.

– Слушаю вас, Сергей Вениаминович. Что еще стряслось?

– А-а-а, э-э, – просипел Коваль. – Ничего, Илья Ильич...

Фигура вместе со столом растаяла. Коваль опомнился, с шумом отодвинулся от столика вместе с креслом, оглянулся по сторонам, сказал брюзгливо:

– Кончайте ваши шутки, капитан. А если нас кто-нибудь увидел?

– Не волнуйтесь, генерал, президента видели только вы. И это не шутка, завтра президент спросит вас, по какому поводу вы звонили ему. Итак, я вас слушаю. Какой помощи вы ждете? Подчеркиваю, она может быть очень разнообразной, в средствах я не стеснен.

Сергей Вениаминович собрался с мыслями не сразу, но, судя по его дальнейшей речи, готовился к встрече давно и серьезно.

– Не могли бы мы поговорить в другом месте?

– Зачем? Нас никто не слышит, будьте уверены.

– Что ж, тогда... помечтаем. Мне бы хотелось успешно завершить дело по утечке валюты за рубеж. Найти разведчика в Институте стратегических исследований Министерства обороны...

– Но ведь этим делом занимается военная контрразведка.

– Мы работаем параллельно, но не мешало бы их опередить. Кроме того, надо перекрыть все каналы утечки новейшего оружия... впрочем, и оружия вообще. Определить местонахождение двух оставшихся групп чеченских «мстителей». Выйти на руководителей Сверхсистемы...

Хватов покачал головой.

– Не многовато ли для создания имиджа непогрешимого руководителя спецслужбы?

– Вы же сказали, что можете многое. А если нет – к чему весь этот разговор? – рассердился генерал.

– Ну хорошо, продолжайте.

– Я еще не сказал главного, – Коваль пожевал губами, успокаиваясь. – В перспективе я бы хотел упразднить Управление безопасности президента, передав его функции нам, подчинить ФСБ военную контрразведку ^[39] и ГУБО, снова создать политический сыск для надзора за врагами народа, отменить частные организации охраны и розыска уголовников, а также объединиться с «Чистилищем». Чтобы навести в этой стране порядок, нужна одна власть!

– Недурно, – одобрил Хватов. – Замах у вас королевский. И мне нравится, что вы не начали с вопроса: что потребуется взамен?

Сергей Вениаминович спохватился, крикнул.

– Что же потребуется? Надеюсь, скреплять договор кровью не нужно?

Хватов-Конкере засмеялся.

– О нет, в этом нет необходимости. В конце концов мы с вами делаем одно дело, поддерживаем уровень энтропии вашей реальности в пределах допустимого порога. Я буду помогать вам, генерал. Составьте план приоритетных направлений нашей совместной деятельности, укомплектуйте две команды – аналитическую и оперативно-исполнительную, и дайте мне знать, когда будете готовы.

Коваль, правда, не понял, что имел в виду Конкере, говоря о поддержке уровня энтропии, но вникать в это не стал.

– Как мне связываться с вами?

Хватов вырвал из блокнотика листок бумаги, написал несколько цифр и передал директору ФСБ.

– Это код моего вызова через ваш компьютер. Запомните и уничтожьте. Вам удалось заполучить согласие моего протеже работать на контору?

– Какого протеже?

Хватов укоризненно покачал головой.

– Матвея Соболева, бывшего ганфайтера из «Смерша».

– А-а-а! Этим занимается начальник Управления спецопераций. Невелика потеря, если этот ваш Соболев откажется, профессионалов хватает.

– Профи такого класса – два десятка на все пять миллиардов землян! Мне хотелось бы, чтобы он работал с вами. Я понимаю ваш скепсис, знаю и формулу контрразведчиков: на каждого профессионала найдется еще лучший, – но поверьте, Соболев один стоит вашего ДШБ «Щит», ДЦО «Руслан» или нового отряда «Гроза».

Коваль скептически поджал губы, но промолчал, хотя слова капитана его не убедили.

– Договорились, – кивнул Хватов. – А теперь что ж, покидаем шары?

Он взял шар и не глядя, стоя боком к кегельбану, метнул его в центр батареи кеглей.

Если бы директор ФСБ пригляделся к другим игрокам в кегли, то обнаружил бы много знакомых лиц, в том числе помощника президента Лобанова, замминистра обороны по новым военным технологиям Бурлакова, начальника информационной службы президента Носового, управляющего делами администрации президента Бородкина, однако Сергей Вениаминович, во-первых, не приглядывался, а во-вторых, будучи человеком замкнутым, предпочитал отдыхать в одиночестве. В отличие от него Олег Каренович Лобанов заметил своего главного противника в борьбе за место под солнцем, хотя тоже не стал демонстрировать свое знакомство с директором столь могучей конторы, как Федеральная служба безопасности. Изредка кидая шары, Олег Каренович вел ленивый разговор с Бурлаковым и Носовым, Тенью-2 и Тенью-3 в иерархии Сверхсистемы, о политической ситуации в стране. Его собеседники знали манеру своего маршала начинать с общих сентенций, чтобы перейти к частным формулировкам и конкретным указаниям, и либо помалкивали, либо поддакивали.

– Смена режима нам крайне невыгодна, – говорил Олег Каренович, наблюдая за игрой соседей, и это было чистой правдой. – Пока государство стоит над личностью, пока оно – огромная, жестокая, коррумпированная, бюрократическая система, уродующая рынок, подминающая под себя все общественные отношения, – мы будем жить!

– Но, с другой стороны, – ввернул Носовой не в пик начальству, а так, для уточнения, ибо он тоже прекрасно разбирался в политических маневрах хозяев жизни, – как только закончится передел, вернее, переграбёж госсобственности, чиновники примутся за нас, потому что им не у кого больше будет отнимать власть.

– Это если они до тех пор не перейдут на нашу сторону, – возразил Олег Каренович. – Уже сейчас почти половина депутатов Госдумы, включая и верхнюю палату, работает на «СС», а к концу года их будет еще больше.

– Если не вмешается три «К», – буркнул Бурлаков.

– «Чистилищу» скоро станет не до нас. Против него собираются такие силы, что вряд ли оно выдержит войну на несколько фронтов. Да и мы не будем сидеть сложа руки. А что это вы приуныли, Евдоким Матвеевич? «ККК» ведь еще не прислала вам лично «черную метку»?

– Они могут сделать это в любую минуту, – меланхолично заметил Носовой. – Информацией «чистильщики» обладают первоклассной.

– Типун вам на язык, Хейно Янович! – в сердцах сказал Бурлаков.

– На полтона ниже, Евдоким Матвеевич! – предостерегающе произнес Лобанов.

– Мы не на пляже, здесь могут быть уши, о которых я ничего не знаю. Мне хотелось бы поделиться с вами стратегическими идеями. Как вы смотрите на то, чтобы, образно выражаясь, объединить под «сенью», так сказать, Сверхсистемы организации, родственные нашей, контролирующие Север и Восток?

Наступило молчание.

Бурлаков ковырял во рту зубочисткой, Носовой потягивал минеральную воду, потом встал и неумело бросил шар, сбив только одну кеглю. Вернулся и сказал:

– Мы контролируем центральный и западный регионы вплоть до стран Балтии. И с меня этого, говорю прямо, вполне достаточно. К тому же для контроля над всей страной нам не хватит – нет, даже не сил и средств – духа.

– А ваше мнение, Евдоким Матвеевич?

– Не знаю, – нехотя пробурчал Бурлаков. – В свое время у Купола был весьма влиятельный помощник, какой-то дружок Ельшина, но и он не смог выручить его. Поговорите с Генрихом, может, у него еще осталась та связь.

Лобанов задумчиво пососал дольку лимона, хотя в душе чувствовал досаду и злость. Попытки выйти на Конкере, о котором рассказывал Ельшин, пока ничего не дали. Не помог и последний поход на дачу бывшего генерала ФСК, от которой остались рожки да ножки. Добираться до бункера, из которого якобы Ельшин держал связь с Конкере, тоже не удалось. Как только они, обезоружив охрану участка, проникли в подвал дачи, сработала сигнализация, и пришлось убираться оттуда во избежание контакта с оперативниками-«федепасами».

Олег Каренович бросил взгляд на директора ФСБ, развлекавшегося неподалеку в компании с молодым человеком, скорее всего телохранителем. Неужели он нашел бункер? И сам вышел на Конкере?!

– Черт!

– Что, Олег Каренович? – вынул свой короткий нос из стакана Носовой.

– Ничего, вспомнил одного... – Про себя же подумал: надо срочно разыскать ганфайтера Соболева! Он был с Генрихом на даче в момент ее разгрома и может знать то, чего не хочет говорить сам Генрих. По всему видать, личность незаурядная. Надо выйти на его родственников: отца, мать, сестру, брата, жену – если есть, и тогда он придет к нам сам...

– Не трогали бы вы его, – сказал кто-то шелестящим шепотом, но отчетливо и внятно.

Лобанов вздрогнул, подозрительно поглядел на собеседников, оглянулся, но рядом, кроме них, никого не было. Лишь молодой напарник директора ФСБ смотрел на него, как показалось Олегу Кареновичу, с насмешливым сочувствием.

Агапов нашел начальника МУРа в сауне Главного управления МВД, которую тот навещал регулярно через день. Завернутый в простыню Синельников блаженствовал в комнате отдыха с пиалой чая в руке и смотрел метровой диагонали телевизор.

– Ну что, пришел попариться? – проворчал он, разомлевший от жары и пара.

– Если по службе – уволю!

– Увольняй. – Полковник принялся, кряхтя, раздеваться. Рядом с могучим шефом он смотрелся как китайская джонка рядом с атомным ледоколом. – Пошли попаримся. Или ты уже вкусил на полную катушку?

– Докладывай.

– Нашли труп первого заместителя мэра...

Пиала хрустнула в ладони Синельникова, горячий чай выплеснулся на мощную ляжку, но Александр Викторович даже не поморщился.

– Шкуро?! Бориса Натановича? Где?

– Ниже третьего водозабора на Москве-реке. Две пули в спине.

– «Чистилище»?

– Неизвестно, записок при нем не обнаружено. Да и обычно три «К» сообщает о своих жертвах сразу.

– Начал действовать приказ министра, запрещающий публиковать заявления «Чистилища», передавать по радио и телевидению. Н-да, брат, принес ты новость. Придется подключать «орунов».

Агапов кивнул. «Орунами» негласно называли работников ОРРУ – отдела по расследованию «резонансных» убийств, то есть убийств, всколыхнувших общественность.

– Что еще вы нашли?

– Художника.

– Кого?

– Художника-графика, который предположительно рисовал эмблемы для «СК» и «ККК». Это ж твоя идея была, забыл? Художника зовут Шерхов Сергей Борисович, работает в основном на издательство «Армада», хотя известен и в других издательствах. Я видел его работы. Несколько статичен, но профессионал крепкий.

– Кто с ним беседовал?

– Никто. И я хотел бы пойти к нему сам. Или с тобой. Если ты не против, составь компанию.

– Негоже начальнику МУРа заниматься оперативными делами лично... Ладно, поехали после ужина. Адрес знаешь? Прихвати на всякий случай группу реагирования.

– Обижаешь, начальник. – Агапов помахал рукой и потопал голышом по коридорчику к двери в парилку, откуда изредка просачивались струи пара.

ЗАЩИТА «РЮРИКА» (продолжение)

Василий возник из темноты сзади Самандара.

– Никого, он один.

– Итак, «проводник», – холодно сказал Матвей. – Вам есть что сообщить по существу? У нас тут неотложные дела.

Колючие холодные «щупальца» коснулись головы, проникли под череп, попытались пройти глубже – в мозг, но Соболев увеличил плотность защитного экрана – на уровне ощущений, иллюзий, нервных токов, – и «щупальца» растаяли. Это подтверждало догадку Матвея, что «случайно» появляющийся на его пути директор Международного исследовательского центра боевых искусств Самандар Вахид – «проекция» Конкере, Монарха Тьмы.

– Давай «сделаем» его, чтоб не мешался под ногами, – предложил Василий, и тотчас же Самандар оказался рядом с ним, провел в немыслимом темпе серию «казацкий веер», от которого Балужева унесло в кусты, без дыхания, с гудящей головой, хотя он и поставил винтовой блок. Не будь Матвея, Самандар через какое-то время добил бы его окончательно, однако Соболев владел режимом не хуже и вошел в контакт практически спустя мгновение. В темноте, несмотря на инфразвук, трудно было применить атэ-ми ^[40], поэтому он «связал» свободу Самандара «смирительной рубашкой» из арсенала русбоя, а пришедший в себя Василий, озверев, достал «проводника» классическим шоу-фа из арсенала китайской техники рук.

Самандар отлетел в канаву, но тут же появился левее, бесшумный, гибкий и опасный, как замаскированная под предмет обихода мина. Василий было двинулся к нему скользящим шагом, но Матвей удержал его.

– Вам не справиться с нами, «проводник», кем бы вы там ни были. Уходите. И больше не появляйтесь на моем пути, потому что вас не спасет ни Монарх, ни «зомби» спецслужб, если вы работаете на них.

– Вы ошибаетесь в оценке моей персоны, молодой человек, – проговорил Вахид Тожиевич негромко. Глаза его засветились на мгновение желтым светом и тут же погасли. – Допустим, я – проекция

Конкере, авеша [\[41\]](#), как говорили индусы-хранители. Допустим, хотя это не так. Ну и что? Я ведь предлагаю помощь.

– Обойдемся, – хмуро бросил Василий.

– Едва ли. В дальнейшем вам придется столкнуться не только с хорошо вооруженными соотечественниками, но и с иерархами, а борьба с ними уже требует знания методов работы с ирреальностью.

– Чушь! – тихо сказал Матвей. – Я знаю иерархов... инфарха, например, декарха... которые помогали мне, силам добра, а не зла... Они нам не враги!

– Наверное, не враги, – согласился Самандар. – Хотя надо еще очень скрупулезно разобраться, что есть зло, а что – добро. Ведь никто в принципе не действует во зло, все, в том числе и бандиты, действуют ради добра, но – весь вопрос в том, как они это понимают. Учтите еще одну истину, которая, возможно, откроется вам позже: Сострадательных Лидеров не бывает! Как среди людей, так и среди иерархов. Они, как и Монарх Тьмы, находятся за гранью добра и зла. Если им надо будет ликвидировать одного человека или целый «куст временного ответвления реальности» во имя более значимых целей, они, конечно, сделают это не колеблясь. И тогда вам придется искать более могучих союзников, чем «Смерш» или ФСБ.

– Обойдемся, – уже менее уверенно повторил Василий.

Самандар не обратил внимания на его реплику, ожидая ответа Соболева. Добавил:

– Я еще раз советую не размениваться по мелочам и всю энергию сосредоточить на переходе в иной план бытия, овладеть всеми горизонтами астрала и ментала, стать властелином своего тела и «сверх-Я».

– Я не могу сидеть без дела, – все так же тихо и с той же интонацией неприятия сказал Матвей. – Я волкодав и терпеть ненавижу подонков! А еще больше не люблю, когда суют нос в мои дела и угрожают моим друзьям. Да, вероятно, есть более высокие цели, чем восстановление справедливости в отдельно взятом регионе. Однако, во-первых, я не посвящен в дела людей Внутреннего Крута, а во-вторых, у меня свой Путь.

– Я не имел в виду Внутренний Круг, Хранителей или иерархов. Посвящение в Круг – дело будущего. Но в столице образовался неустойчивый «объем соперничества» властных структур, который в

случае взаимной «аннигиляции» способен взорвать мир на всей Земле. Чтобы этого не произошло, надо выйти на руководителей властных институтов и ликвидировать их. Тебе это по плечу.

– Кого именно?

– Ты что, Соболев?! – изумленно, скороговоркой проговорил Василий. – Согласен?

Самандар снова не обратил на него внимания.

– Тень-1, то есть маршала «СС», министра обороны, генерального прокурора, министра МВД, директора Федеральной службы безопасности, премьера, его замов... Хватит?

Балуев присвистнул.

– Ну и размах! А сам-то что ж? Или привык чужими руками жар загребать?

– Если Конкере начнет, – Матвей усмехнулся, – его остановят его вечные соперники. Не так ли, Монарх? То бишь авеша.

– Так, – спокойно кивнул Самандар. – Но не инфарх, как ты подумал.

– Кто же?

– Аморфы, праразум Земли, предтечи всего живого... Но об этом мы поговорим в следующий раз. Итак?

– Уходите. Определять, что нам делать, мы будем сами.

– Хорошо, ухожу, – неожиданно легко уступил «проводник». – Позвольте дать вам последний хороший совет. Воспользуйтесь возможностями, которыми наделил вас Горшин, «корректируя» природные данные. Никто не знает, даже ваши любимые инфарх и его эмоциональный двойник – Светлана, что вы способны свободно читать отпечатки будущих событий на эфирном теле Вселенной. Я имею в виду ментальное видение.

Матвей вспомнил, какие мучения доставляют ему всякий раз попытки прочесть во сне Книгу знаний, предлагаемую Светленой. Если это и есть «ментальное видение», то он им не владеет, несмотря на коррекцию.

– Ты пытался, – догадался Самандар, – и у тебя ничего не вышло.

– Катитесь к черту! – грубо сказал Василий, теряя терпение. – Соболев, скоро петухи проснутся.

Матвей молчал, и директор МИЦБИ продолжал:

– Тогда у тебя остался один шанс. В каждом Храме Инсектов, наподобие того, что показал вам Горшин, есть «тронный зал», где царствовали властелины инсектов, у пчел, термитов и муравьев – Матки, у тараканов, пауков, комаров.

– Командиры. Так вот, перед Изменением они создали себе Саркофаги Власти, своеобразные суперкомпьютеры, основанные на совершенно иных принципах, чем у людей. Если сможешь найти такой Саркофаг и подключиться к нему, ты станешь Посвященным, минуя все промежуточные этапы Закона восхождения.

– Как же, найди его, если вы закрыли вход в Храм, – проворчал Василий, обнаруживая внезапный интерес к речи Самандара.

– Храмов Инсектов сохранилось много, хотя скорее их нужно все-таки называть Центрами управления Инсектоцивилизаций, а не храмами. Например, один из них располагается под разрушенной дачей Ельшина, бывшего генерала контрразведки. Еще один – под Кремлем. – Самандар усмехнулся. – Вход в него очень прост – через подворье Малюты Скуратова и подземный коридор под Москвой-рекой. Найдете, если захотите. Соболев почувствует вход. А теперь прощайте. – Самандар растворился в ночи, но почти тотчас уже издали донесся его отчетливый шелестящий голос:

– Кстати, Соболев, кроме Конкере тебя всегда находил, когда это было нужно, Тарас Горшин.

И все стихло. Не шевельнулась ни одна ветка, не чавкнула под ногами сырая дернина, не треснул сучок. Директор Международного исследовательского центра боевых искусств умел ходить не хуже охотника-ганфайтера. Оставшиеся двое молча смотрели друг на друга, прислушиваясь к тишине и не доверяя ей.

– Кто это был? – с расстановкой спросил Балуев.

– Монарх. – Матвей немного подумал. – Авеша Монарха. Или Горшина. Потом вычислим. Пошли доделывать дело.

– Я что-то расслабился.

– Три минуты на дхарану [\[42\]](#) – и вперед!

Через десять минут они перелезли через проволочную ограду, разошлись в разные стороны и перебежками достигли группы строений на территории дачи. Василий вышел к хоздвору, а Матвей к туалету, где и обнаружил первого охранника, вооруженного автоматом,

спокойно покуривавшего в кустах. Соболева он не услышал и вряд ли понял, что свалилось ему на голову.

Второй охранник дежурил возле дровяного склада и тоже ничего не разобрал, так как слушал музыку через наушники плеера.

Зато третий у двери в гараж едва не поднял тревогу, успев вытащить из кармана уоки-токи. Матвею пришлось сначала бить по рации, а уж потом по широкой морде охранника, чтобы заглушить крик. Почему охранник не воспользовался автоматом, осталось неизвестным. Вероятно, он просто забыл о нем.

Василий возник слева через три минуты, шепнул:

– Порядок, у меня были двое.

– Похоже, на дворе их больше нет. Давай обезвредим сначала сменщиков, а потом поищем апартаменты, где прячут шефа.

Пост охраны, внутри которого отдыхали еще трое лбов во главе с командиром смены, оказался в сторожке, оборудованной лишь телевизором и видеком, никакого телемонитора Маракуц на даче не завел. Наверное, ему и в голову не приходило, что на его владения кто-то осмелится покуситься.

Дверь в сторожку была не заперта, и, когда в помещении, где двое смотрели фильм, а двое спали, возникли две черные тени, никто из охранников не оказал сопротивления: нападение было слишком быстрым и неожиданным.

Афонина «диверсанты» обнаружили в подвале дома, превращенного в камеру предварительного заключения и камеру пыток одновременно; еще одно помещение подвала занимал винно-продуктовый погреб. Здесь был один охранник и со скуки читал журнал «Деньги». Когда он увидел перед собой кошмарную черную фигуру с ледяными глазами, то успел сказать только одно слово:

– Ой!..

Директор фирмы «Рюрик» спал на двух чугунных батареях, свернувшись калачиком, прикованный за руку к трубе отопления. Его костюм от Валентино висел на нем лохмотьями, на лице не было живого места, и Матвей представил, что пережил во время допросов этот молодой парень, по сути его ровесник.

Лишь спустя какое-то время до Афонины дошло, кто пришел за ним, однако сил радоваться у него не оставалось, только в глазах, сухо

блестевших, красных от недосыпания, загорелся огонек сумасшедшей радости, смешанной с недоверием.

– Кто пытал? – тихо спросил Василий, снимая с него наручники.

– Там... – Сергей Сергеевич поднял глаза к потолку. – Правая рука Маракуца, Чертков его фамилия, кличка Жеребец.

Ганфайтеры переглянулись.

– Я схожу, – предложил Балуюев.

– Надо уходить... Ладно, сходим вместе.

Они вывели Афонина и пристроили в кустах возле дорожки, вручив ему на всякий случай отобранный у охранника автомат.

– Подышите пока свежим воздухом, Сергей Сергеевич, мы быстро.

Дом состоял из десяти комнат, шесть из которых были заперты, седьмая представляла собой кухню, восьмая – гостиную с бильярдным столом и видеосистемой, а в двух оставшихся спали временные обитатели дачи: трое в одной спальне и господин Чертков по кличке Жеребец, грузный толстяк с оплывшей фигурой, пухлой грудью и маленькой головкой – в другой. Матвей на ходу ломал голову, как наказать палача и садиста, спящего и безоружного, однако тот оказался гораздо проворнее и опаснее, чем можно было предположить, глядя на его комплекцию, потому что, едва в спальне вспыхнул свет, Жеребец сунул лапищу под подушку и выхватил пистолет, какого Матвей еще не видывал: калибра 11,43 миллиметра, с лазерным модулем для целеуказания и насадкой для бесшумной и беспламенной стрельбы. Это был новейший германский «Хеклер-кох ОХВС—II», применяемый спецподразделениями многих иностранных армий. Но бесшумность оружия в данной ситуации как раз и сослужила хозяину плохую службу. Жеребец успел выстрелить несколько раз – выстрелы напоминали щелканье пальцами, – попал в зеркало, в окно и в шкаф, пока Василий наконец не достал его в прыжке.

Однако гром разбитого зеркала разбудил остальных охранников, и Матвею пришлось успокаивать всех троих, со сна не врубившихся и не понявших, в чем дело.

Когда он выскользнул в коридор, из спальни, где спал Чертков-Жеребец, вышел Василий. Поймал взгляд Соболева, покривил губы:

– Пришлось его слегка побить... не сдержался. Уходим?

– Давай записку оставим, раз уж мы с тобой «чистильщики».

– Это идея. Жаль, нет фирменных бланков с эмблемой «ККК».

Они вернулись в спальню, где поперек рухнувшей деревянной кровати лежала туша Жеребца, вырвали чистый лист бумаги из тетради в серванте, и Василий под диктовку написал красивым каллиграфическим почерком: «Маракуц, это предупреждение – последнее. Еще одного не будет. В плане ликвидации ты – в первых рядах. Готовься предстать перед судом Всевышнего». И значок «ККК». Потом Матвей вспомнил лаконичность текстов настоящего «Чистилища» и отредактировал послание. Окончательно оно звучало так: «Боксер, это твой приговор».

– Годится, – одобрил Василий. – Коротко и сердито. Пусть попсикует, покрутится в роли жертвы.

Афонин спал, когда они нашли его там, где оставили, – у кустов. Друзья подхватили его на руки, донесли до машины и уложили на заднем сиденье.

Через полтора часа – в четыре утра – «таврия» подкатила к дому Василия, и президент «Рюрика» был посажен в ванну отмокать, где он сразу уснул.

– Иди, я справлюсь один, – сказал Василий. – К одиннадцати утра он явится на работу свеженький как огурчик.

Матвей пожал руку друга и поехал домой.

В одиннадцать они встретились у входа в здание, где располагалась контора «Рюрика»: Афонин в новом костюме, чисто выбритый, энергичный, уверенный в себе, хотя и со следами побоев на лице, – он уже успел побывать дома, успокоить семью, – Василий в затрапезной штормовке и залатанных джинсах и Матвей в плаще, с модным белым шарфом на шее.

Поприветствовали друг друга как ни в чем не бывало. Проводили взглядами хорошенькую девушку, со слезами тащившую пьяного молодого мужика, скорее всего мужа, который, еле ворочая языком, матерился и обещал кого-то поймать.

– Всю жизнь поражаюсь, – сплюнул Василий, – чем такие ублюдки привязывают к себе жен! Смотри, какая красавица! На кой он ей нужен такой? Что ее держит около него? Любовь? Не верю! Чего ей не хватает?

– Ума, – сказал Афонин, входя в вестибюль.

– Успокойся. – Матвей похлопал Балуюева по спине. – Ты свою массажистку отыскал?

– Еще не звонила, и меня это уже начинает волновать. Ну что, до вечера? Пойду объявлюсь на работе. Встречаемся у меня?

– У Кристины. Попробую уговорить ее уехать на время вместе со Стасом. Ты не смог бы отвезти их к моему деду под Тамбов?

– Отвезу, если ничто не помешает. Чует мое сердце, скоро надо давать ответ «Чистилищу». С одной стороны, мы с тобой вроде бы как уже работаем на него; а с другой – влезать в чужие игры смерть как не хочется.

– Вечером решим. Кстати, надо бы проверить слова Самандара...

– Вход в Храм на даче Елыпина? – сразу понял Василий. – А что, давай завтра и махнем туда с утра. А потом я отвезу твоих в Тамбов, и у нас появится переменная свобода.

Матвей кивнул и вошел в здание вслед за Афониним, появление которого уже произвело фурор среди охранников фирмы и обслуживающего персонала.

День прошел в хлопотах по созданию страхующей сетки телохранителей, сопровождающих президента фирмы, и в разбирательстве мелких инцидентов: Кудёма не вышел на дежурство, запил один из охранников, а второй подрался в баре. Обоих Матвей представил к увольнению, решив заменить парнями из группы, которую тренировал Василий.

Шаровский на работу не вышел, передав по факсу письмо с заявлением об увольнении. Сергей Сергеевич порывался привлечь его к уголовной ответственности, но Матвей уговорил шефа не связываться в тяжбу с милицией и прокурором, явно купленными Маракуцем. К тому же Афонину пришлось бы рассказывать, как и кто его освобождал, а это было совершенно не в интересах освободителей.

Матвея сильно тянуло найти его новую знакомую, Ульяну. Не шло из головы ее непонятное предупреждение о засаде. Студентка медицинского института не должна знать таких вещей, как операция по захвату, запланированная секретной спецслужбой. И чем больше Матвей думал об этом, тем больше склонялся к мысли, что появление Ульяны – это выход в земную реальность еще какой-то мистической фигуры, кого-то из иерархов, может быть, даже самой Светлены. Недаром же девушка так непереносимо похожа на нее!

Однако день оказался слишком насыщенным событиями, а вечером Матвей и Василий встретились у Сумароковых, провели хороший вечер, слегка поднявший настроение у всех домочадцев Кристины, и уговорили ее уехать со Стасом к деду Соболева. А рано утром, задолго до восхода солнца, оба уже ехали к даче Ельшина, изменив внешность и экипировавшись соответствующим образом. Ни Соболев, ни Балуев не знали, что в точности повторяют маршрут группы Лобанова, ведомой бывшим владельцем дачи. Спасло их лишь то обстоятельство, что руководство ФСБ не придало значения попытке неизвестных лиц прорваться на охраняемую территорию закрытого объекта, где трудились эксперты многих лабораторий контрразведки. Неизвестным пройти к остаткам дачи не удалось, и меры по усилению охраны приняты не были. Мало того, как раз за день до похода ганфайтеров кончился срок командировки сюда двух подразделений научных сотрудников, и они убыли к месту постоянной дислокации, кто в Новосибирск, кто в Тулу.

Ганфайтерам, таким образом, представилась возможность чистой вылазки, благодарить за которую было некого, разве что тонкие взаимопереходы множества физических реальностей Земли, которые люди привыкли называть случайными процессами.

Оставив машину практически в том же месте, где стояла неделю назад машина Лобанова, друзья поднялись на холм. Идти было тяжело, ночью прошел дождь, и ноги путались в космах слипшихся трав. Было сыро, холодно, темно; тучи над головами, закрывшие небосклон, готовы были снова пролиться дождем, хороший хозяин в такую погоду собаку не выгонит на улицу, но именно этот фактор как нельзя лучше подходил друзьям. Охрана дачи вряд ли соблюдала инструкции, прячась в тепле блокпостов.

Так оно и оказалось. Периметр огороженной территории не охранялся, не считая двух неработающих лазерно-фотоэлементных систем у сетки, в том месте, где перелезли через ограду бывшие контрразведчики.

Центральное строение дачного комплекса искали недолго, слишком свежи в памяти были события, происшедшие здесь год назад. Собственно строением это чудо архитектуры назвать можно было с большой натяжкой: от трехэтажного особняка осталась какая-то странная конструкция, похожая на цветок лотоса или на застывший

всплеск воды от упавшего в воду камня, только «всплеск» этот был вполне материальным: в нем соединились стены здания, земля, мебель, хозяйственное оборудование и даже тела людей! За минувший год монолит «всплеска» дал трещины, потерял плотность и стал разрушаться, так что проникнуть через один из проломов внутрь не составило труда, несмотря на то что весь «лотос» был упрятан под колпак временного укрытия. Охрана не показывалась, хотя тропинка, протоптанная вокруг деревянно-брезентового купола ботинками солдат, была видна. Матвей представил себе, что чувствовали предыдущие исследователи этого феномена, и ему на мгновение стало весело. Очевидно, та же мысль пришла на ум и Василию, потому что он нашел ухо товарища и шепнул:

– Такое коллегам не снилось и в страшном сне!

Матвей, уже вошедший в состояние меоза, ничего не ответил. Он ясно видел освещенный – в радио – и микроволновом диапазоне – пятачок в центре бугристого панциря над подвалами дачи, где проходила шахта к подземному метро, но здесь находилось еще одно «окно» в земляно-бетонно-кирпичной тверди, которое «светилось иначе» – на уровне «ментальных следов», как говорил Самандар, и смотреть на это «окно» было неприятно. Психика буквально «зарычала» на него, как собака на опасную тварь.

Весь массив внутри «цветка лотоса» был изрыт шурфами, ямами, траншеями, заставлен рентгеновскими аппаратами и исследовательским оборудованием. Пришлось потратить время, чтобы подойти к «окну» и не свалиться в одну из ям. Кто-то пытался рыть колодец и здесь, но, углубившись в почву на метр, очевидно, бросил это занятие. Сосредоточившись, Матвей понял, что здесь проходит ствол какой-то узкой шахты, перекрытой не плитой или грудой земли, а деревянной коробкой.

Вспомнилась последняя встреча с Ельшиным-Конкере, когда тот вышел из замаскированного лифта. Сомнений не было, именно тут начинался ход вниз, в секретный бункер генерала, откуда он вызывал Монарха Тьмы, а деревянной коробкой могли быть лишь остатки книжного шкафа или пенал лифта.

– Ищи лопаты, – сказал Матвей.

– Я почти ни фига не вижу.

– Включай фонарь, до восьми утра сюда точно никто не сунется.

Подсвечивая себе фонарями, они обошли площадку и обнаружили необходимые инструменты – от ломиков до кирок и лопат.

– Будем долбить по очереди. Сначала я – ты покараулишь снаружи, потом наоборот.

Матвей включил темп и начал работу. За пять минут выдохся, но и углубиться в землю успел больше чем на полметра. Василий копался дольше, минут десять, его режим не был столь скоростным, зато и он прошел не меньше. Еще через четверть часа они добрались до деревянного щита, который, как и предполагал Матвей, оказался платформой лифта. Стены лифта с потолком отсутствовали, – то ли были разрушены, то ли так было задумано конструктором, а плита пола ходила по направляющим, поддерживаемая двумя рычагами и фиксатором. Моторы, очевидно, прятались где-то внизу, вращая винты, которые и передвигали лифт вверх-вниз.

– Нам туда, – кивнул на платформу Матвей.

– Как?

– Придется разбить площадку и спускаться на веревках. Глубина шахты метров десять.

Василий не стал уточнять, как его напарник определил глубину колодца, спрыгнул вниз и взялся за ломик.

Стараясь не стучать громко, они разобрали платформу лифта. Взору открылся прямоугольный колодец с бетонными стенами, четырьмя направляющими и двумя архимедовыми винтами. Время торопило, поэтому друзья не стали долго разглядывать ход, просто сбросили вниз веревку, которую взяли с собой, и Матвей первым спустился вниз.

Когда он достиг дна, «свечение» ментального следа стало таким ярким, что не оставалось сомнений – ход вел в бункер связи с Конкере. «Светилась» даже дверь, выходящая в коридор из шахты лифта, а также пол коридора и вторая дверь, ведущая в подземное убежище Ельшина.

– Спускайся, – высунул голову в шахту Матвей. Через минуту Василий стоял рядом.

– Чей-то мне не по себе, Соболь. – Он шагнул в дверь, обходя Матвея, задел какой-то выступ, и в то же мгновение вверху грохнул взрыв, обрушивая в шахту лифта с десятков тонн земли, бетона и кирпича.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Председатель Комиссии по вопросам помилования Тимур Аркадьевич Простатов возвращался с литературной тусовки в ЦДЛ в благодушном настроении. Членом Союза писателей он не был, зато имел друзей – писателей и поэтов, любил посидеть в их кругу, послушать окололитературные сплетни. Особенно нравились поэмы и эпиграммы поэтов – Иванова-среднего и Кафта-старшего. Правда, оба не переносили друг друга, хотя на людях были подчеркнута любезны и обходительны, однако в своих компаниях читали такие злобные пасквилы друг на друга, что стали притчей во языцех. Тимур Аркадьевич называл их «дружбу» клиническим случаем и с удовольствием посещал эти странные компании, чувствуя моральное удовлетворение от того, что все заискивают перед ним и готовы по движению бровей сделать любую пакость соседу.

Доволен Тимур Аркадьевич был еще и по причине сугубо меркантильной: подельщики спасенного от казни председателем Комиссии авторитета московской чеченской общины Тукаева принесли обещанный калым – пятьдесят тысяч «зеленых», что позволяло семье Простатовых в полной мере отдохнуть зимой на Фарерских островах.

Грузный, седовласый, с барственным дородным лицом, Тимур Аркадьевич излучал доброту и долготерпение, но тем, кто знал его хорошо, были известны и такие черты характера председателя Комиссии, как бесцеремонность в обращении с подчиненными, жадность, наглость и начальственный апломб, терпеливо сносимые окружающими, которые зависели от слова и жеста властителя. Лебезил Тимур Аркадьевич только перед своими покровителями: Генеральным прокурором и первым вице-премьером Сосковым, которым был обязан своим возвышением и солидным местом в коридорах власти. Достаточно было Соскову позвонить в Комиссию и сказать: «Тимур Аркадьевич, там в списках на помилование под номером пять проходит такой-то... посмотрите, что можно сделать», – и Простатов брал под козырек и «смотрел», в результате чего Комиссия выносила вердикт: «Помиловать!»

Конечно, списки на помилование утверждал президент, вернее, его помощник по вопросам права, но, как правило, предложения Комиссии проходили этот этап без осложнений.

Были и другие звонки и встречи, как, скажем, с друзьями Тукаева, пообещавшими «отблагодарить» председателя Комиссии, если вопрос помилования будет решен. И в таких случаях Простатов всегда пускал в ход аргументы, позволяющие убедить членов Комиссии в необходимости помилования преступника, главными из которых были «искреннее раскаяние убийцы в содеянном», его желание «жить во благо народа», искупить вину «честным трудом» и гуманность как «высшее проявление духа народа и воли Бога», а также ходатайства депутатов Думы, также «убежденных» в полезности смягчения приговора. Надо признаться, последнее обстоятельство было решающим, но в данном случае Простатов ничем не рисковал.

«Волга», принадлежащая Простатову как депутату Госдумы, ждала его на улице Воровского со стороны входа в ресторан Центрального дома литераторов. Попрощавшись с приятелем, которого за глаза все звали «карманным писателем» главы правительства – за то, что тот написал за него три книги, – Простатов постоял у машины, вдыхая сырой прохладный воздух с редкими каплями дождя, и плюхнулся на переднее сиденье «волги», коротко бросив шоферу:

– Домой.

Волнения водителя, общение с которым ограничивалось лишь подобными командами, Тимур Аркадьевич не заметил.

На Герцена машина повернула почему-то не налево, как обычно, на Тверской бульвар, а, проскочив перекресток, свернула в тихий Собиновский переулок и въехала во дворик старого восьмиэтажного дома еще сталинской постройки, остановилась, уткнувшись носом в глухую кирпичную стену. Простатов очнулся, поглядев направо, налево, с удивлением глянул на водителя.

– Э-э, любезный, куда это вы заехали?

Но тот ничего не успел ответить. Сзади вдруг выросла черная тень прятавшегося там человека в маске, ткнула шофера пистолетом в спину, и тот с трясущимися руками молча вылез из кабины. Послышался тупой звук удара, шофер упал.

– Привет из «Чистилища», – глухо сказал Простатову человек в маске, поднимая ствол пистолета.

Простатов мгновенно протрезвел, но сказать ничего не успел: убийца дважды нажал на спуск, целясь в голову. Пистолет имел глушитель, и звуки выстрелов из кабины закрытой машины слышны не были.

Киллер аккуратно подобрал гильзы и бросил на грудь Тимура Аркадьевича квадратик белой бумаги с золотым кинжальчиком «ККК».

Дежурный по городу получил сигнал об убийстве Простатова в одиннадцать вечера. Через две минуты об этом узнал начальник ОРБ МУРа, через пять – начальник МУРа. Но когда Синельников примчался на машине Управления в Собиновский переулок, то уже застал там целую толпу специалистов из разных ведомств. Встретил Александра Викторовича расстроенный Агапов, кивнул на молчаливых мужчин, копающихся возле «волги» около тела убитого.

– Они приехали первыми.

Синельников обратил внимание на мающихся в сторонке розыскников МУРа, потом опытным глазом определил принадлежность оперативников к спецслужбам. Четверка молодых, уверенных в себе ребят, несомненно, принадлежала к Федеральной службе безопасности, точнее, к работникам Управления «Т», другой четверкой, осматривающей территорию двора, командовал невысокий человек в светлом плаще, в котором Синельников узнал заместителя начальника ГУБО Зинченко. Но работали с убитым еще трое хмурых молодых людей, широкоплечих, мощных, невозмутимых, не обращающих никакого-то внимания на представителей других контор.

– Кто это? – показал на них Синельников.

– Не знаю, – виновато ответил Агапов.

Александр Викторович подошел к оцеплению, отодвинул милиционера, пытавшегося остановить его, тронул за локоть Зинченко.

– Привет, Николай Афанасьевич. Что тут происходит? Что за массовое паломничество?

– Обычная ориентировка на резонансное убийство, Александр Викторович. Видишь, до кого добралось «Чистилище»?

К ним подошел один из четверки ФСБ, сказал начальственным тоном:

– А вас я попросил бы покинуть оцепленную зону.

– А вас я попросил бы предъявить удостоверение, – угрюмо пробасил Синельников. – Я начальник МУРа.

Руководитель «федепасов» подтянулся, оглядел громадную фигуру генерала, не без колебаний показал ему красную книжечку.

– Майор безопасности Белоярцев. Полагаю, это дело будет вести наше Управление, так что извините, господин генерал.

– Баба с возу... – проворчал Синельников. – Управление «Т»?

– Управление спецопераций.

– Ясно. А это что за ребята возле машины? По выправке вроде бы как не ваши.

– Спецподразделение Министерства обороны.

– А ему-то зачем заниматься расследованием гражданских дел? Ну ГУБО – я понимаю, или ваши оперы, но Минобороны!..

Майор Белоярцев спрятал удостоверение, которое бегло проглядел Александр Викторович, пожал плечами.

– У них карт-бланш, подписано министром, с печатью Совета безопасности... К тому же они приехали раньше всех и уже успели допросить свидетелей. Разрешите продолжать? – В тоне майора скрывалось явное нетерпение, но Синельников не обратил на это внимания.

– Продолжайте. – Обернулся к Зинченко. – Ну а ты что думаешь?

– Ребята явно работают по «ККК»... Да и «федепасы», судя по всему, объявились здесь по той же причине.

– А вы разве нет?

Заместитель начальника ГУБО помолчал, пригладил волосы на макушке.

– И мы, в общем, тоже. Велено «чистильщиков» отстреливать без суда и следствия, так сказать, ответить «белым» террором на «черный» террор. Вы заметили – ни одного журналиста!

Только теперь Александр Викторович обратил внимание на отсутствие людей с фото – и видеокамерами.

– Да, действительно... зажали-таки прессу. Что ж, до встречи, Николай Афанасьевич, работайте, удач вам, а мы поехали досыпать.

В этот момент командир спецподразделения Министерства обороны получил по рации какое-то сообщение, собрал группу, и все трое быстро направились к «джипу» с военным номером, пряча свою

аппаратуру Хлопнули дверцы, джип с визгом шин рванул с места и исчез.

– Куда это они? – Зинченко не закончил, к ним подбежал Агапов.

– Только что в Сокольниках нашли тело Силакова!

– Какого Силакова? – не сразу дошло до Синельникова. – Президента фирмы «Грэгори»?

– Начальника ФАПСИ.

Несмотря на пронизывающий холод, Александр Викторович вспотел. Шатнул прочь, за оцепление.

– Поехали.

Через минуту они мчались через спящий город под вой сирены и свет мигалки. Однако приехали все-таки позже «федепасов» и парней из спецподразделения Минобороны.

Директор ФАПСИ был найден сторожем Сокольнического парка возле металлической решетки северного входа. Силакова задушили металлическим прутком, лежащим тут же, а к телу прикололи ножом белый лист картона с выдавленным кинжальчиком «ККК». Зачем директора агентства понесло в Сокольники в такую погоду, ночью да еще без охраны, осталось невыясненным.

Командовал следственной группой офицер ФСБ из того же Управления спецопераций, что и майор Белоярцев, поэтому за линию оцепления, организованную примчавшимися раньше всех омонотцами Сокольнического муниципалитета, пропустили только Синельникова и Зинченко, которые приехали следом на машине своего ведомства. Оба глянули на тело Силакова со свернутой шеей, понаблюдали за профессиональными действиями «федепасов», но обоих больше интересовали военные.

Командир группы, высокий, сильный, белобрысый, работал больше со сторожем и омонотцами, остальные возились с какими-то приборами, похожими на компьютеры в «дипломатах». Работали они недолго, обошли район происшествия, поговорили и тут же испарились.

– Два убийства высокопоставленных лиц в один вечер – это много даже для «Чистилища», – проговорил Зинченко.

– Что ты хочешь этим сказать? – покосился на него Синельников.

– Какое-то из двух убийств, думаю, не дело рук «чистильщиков». Кто-то пытается работать под три «К», убирая неудобных конкурентов.

– «СС»?

Зинченко не ответил.

Начальник МУРа потоптался возле ограды, подал руку коллеге и направился к выходу из парка, махнув рукой Агапову и давая понять, чтобы тот следовал за ним.

– Начинается война, – сказал он уже в кабине машины. – Война всех против «Чистилища».

– Я тоже так подумал, – отозвался Агапов, страдающий желудком каждый раз, как только начинал волноваться. – Стоит ли в таких условиях включаться в эту войну еще и нам?

– Домой, – коротко бросил водителю Синельников и несколько минут сидел молча, полузакрыв глаза. – Как там наш художник?

– Шерхов? Пасем, но толку пока никакого: ни с кем подозрительным не общается, часто закладывает за воротник... как натура творческая... Считаю, надо брать его и допрашивать – скорее выйдем на заказчика.

Начальник МУРа молчал до самого дома, а выходя из машины, произнес одну только фразу:

– Поторопитесь с художником, иначе нам перебегут дорогу прыткие ребятки из обороны.

Евдоким Матвеевич Бурлаков, заместитель министра обороны по новым военным технологиям, как обычно, вошел в свой кабинет на третьем этаже здания министерства ровно в девять утра. Из головы не шел разговор с начальником Главного управления военно-технического сотрудничества Госкомоборонпрома Тлеубаевым. Клавдий Иванович был явно напуган вызовом к руководителю «Смерша» и требовал защитить его аппарат от «посягательств на свободу, честь и жизнь» какого-то там генерала военной контрразведки.

– Да, Никушина пора «мочить», – вслух пробормотал Бурлаков, сядя за свой необъятный стол и открывая папку для работы с первоочередными документами. И сразу же наткнулся на плотный белый конверт с тисненым в углу золотым кинжальчиком, рукоятку которого образовывали красиво переплетенные буквы «ККК».

С минуту Бурлаков смотрел на конверт, как на ядовитое насекомое, потом осторожно взял двумя пальцами и вскрыл. На стол выпал листок бумаги с таким же кинжальчиком и напечатанным

текстом: «Это первое и последнее предупреждение. Насколько нам известно, вы замешаны по крайней мере в десятке тайных сделок по незаконной продаже вооружений и военного имущества наряду с ответственными чиновниками Госкомоборонпрома, фирм „Росвооружение“, „Оборонэкспорт“, „Спецвнештехника“ и „Воентех“. Особенно „Воентех“, потому что компания создана при Министерстве обороны и подчинена вам через подставных лиц. Виновные будут нами наказаны в ближайшее время, но вы состоите у нас на контроле по другому уровню – уровню, определяющему интеллектуальный потенциал армии и государства. Высокие военные технологии – важная, если не важнейшая, составляющая этого потенциала. Мы имеем сведения о том, что вы готовите несколько секретных операций по продаже таких технологий на разработку новейших типов психосуггестивного оружия, известных как „глушак“ и „болевик“, то есть суггестор „Удав“ и генератор боли „Пламя“. Мало того, вы уже запланировали демонстрацию зарубежным покупателям принципиально нового вида оружия, называемого конструкторами „дыроколом“ и зашифрованного буквами НК – „невидимое копьё“, аналогов которому не имеют не только ни одна армия на земле, но даже военные лаборатории мира! Вам осталось сделать последний шаг в этом направлении... который действительно может оказаться последним. Немедленно подавайте в отставку! Уймите коллег. Другого шанса не будет!»

Текст письма расплылся, словно глаза Бурлакова налились слезами. Он выронил листок, потом снова взял в руки, перечитал. Рассеянно закурил, сбрасывая пепел прямо на бумаги. Спихватился, вызвал адъютанта.

– Капитан, кто готовил папку с документами?

– Лично я, а что, Евдоким Матвеевич?

– Ко мне в мое отсутствие никто не наведывался?

Адъютант озадаченно помолчал.

– Сегодня никто... Вчера, когда вы ушли, появлялся Федор Иванович со своим телохраном Юргеном, но к вам в кабинет они не заходили.

У Бурлакова сильно забило сердце, кровь мгновенно прилила к щекам, потом отлила, задрожали руки.

– Говоришь, министр заходил? – переспросил он глухо.

– Так точно. Спросил, где вы, еще пошутил насчет...

Не дослушав, Евдоким Матвеевич нажатием клавиши вырубил селектор. Посидел, унимая сердце, выпил холодного боржоми и, включив аппаратуру кодового ответа, связался с Лобановым. Через несколько минут, предупредив адъютанта, что у него назначена важная встреча с военным прокурором, заместитель министра уже мчался в служебной машине на Мясницкую, где располагался банк «Северо-Запад».

Сидя в своем великолепно обставленном кабинете для приемов особо почетных гостей на семнадцатом этаже здания, маршал Сверхсистемы следил по телемонитору, как Бурлаков несется по лестнице входа, перепрыгивая через три-четыре ступеньки сразу. Кивнув на экран, сказал своему собеседнику:

– Его надо убрать тихо и незаметно... Пропал человек – и все... пока не найдем достойную замену.

– Потеряем рынок военных технологий, Олег Каре-нович, – осторожно ответил Тень-6, префект южной префектуры столицы Чирейко Яков Иванович.

– Не потеряем. – Лобанов вызвал своего секретаря и телохранителя. – Замену Летчику я наметил уже давно, и фигура эта будет помощней... хотя и поскандальней.

– Кто же, если не секрет?

– Министр обороны.

Поразмыслив, Чирейко покачал плешивой головой.

– Он не захочет делиться таким лакомым куском пирога. У него и без наших возможностей власти – ешь, не хочу. К тому же он сам лидер и не станет работать в Системе ни под чьим началом.

– А мы этого и не требуем. Предложим ему не конкуренцию, а сотрудничество. Пусть остается королем Министерства обороны и всей армейской кримгруппировки и даже считает свою контору равной нашей, но он все равно будет работать под нашим контролем.

Чирейко ослабил узел галстука, усмехнулся.

– Минобороны в качестве филиала «СС»? Гениально! А впрочем, почему бы и не попробовать?

На пороге возник Дзиро Маюмура, мастер кэмпо, имеющий шестой дан в карате. Год назад Лобанов спас его школу от разорения и взял к себе наставника в качестве личного телохранителя.

– Передай Вербицкому, есть объект.

Вербицкий был начальником службы ликвидации «СС», непревзойденным стрелком, но все знали его как начальника частной сыскной фирмы «Пуаро».

– Объект? – бесстрастно осведомился Маямура.

– Сейчас войдет.

Маямура поклонился, исчез, и через минуту в кабинет вошел, почти вбежал запыхавшийся, потный Евдоким Матвеевич Бурлаков.

ХРАНИТЕЛЬ

Темноту прорезал луч фонарика, ощупал стены, пол, завал из глыб земли, бетона и кирпичной кладки, нашел сидящего на корточках Балуюева с руками, закинутыми на затылок.

– Живой?

Василий пошевелился, невнятно произнес:

– Черт, язык прикусил!.. Живой, только по башке балкой звездануло. Не знаешь, чего нас сюда понесло, Соболев? Ведь и ежу понятно, что Ельшин установит на входе в свое убежище сторожевую систему с сюрпризами.

– Поменьше говори, тогда и язык никогда не прикусишь. Живы, значит, все в порядке.

– А если отсюда нет выхода?

– Взрыв говорит, что должен быть. Ельшин был не дурак, чтобы в случае опасности просто завалить вход в святая святых.

– Логично. Что ж, тогда пошли искать вход в Храм.

Матвей не был уверен, что бывший генерал ФСК знал о Храме под своей дачей и посещал его, однако сейчас говорить ничего не стал.

Посвечивая под ноги, они медленно двинулись по коридору к металлической двери в тупике, тщательно осматривая каждый бугорок, каждую щель, принюхиваясь к запаху сырости, ржавого железа, бетона и пластика. Матвей снова перешел на пси-зрение, отнимающее много энергии, но ловушек больше не обнаружил.

Дверь удалось открыть легко, она просто не была заперта. Видимо, последний выход Конкере в теле Ельшина был «аварийным», сам генерал в бункер уже не вернулся, а Монарху закрывать за собой дверь было ни к чему.

Взору открылось прямоугольное помещение с решетками на стенах и потолке, с металлическим полом, покрытым резиновыми ковриками, и с какой-то современного вида конструкцией в центре. Экран, «стекающая» клавиатура, вторая панель – сигнально-информирующая, наводили на мысль, что это компьютер, только скомпонованный из блоков, принадлежащих по виду разным классам машин. И он был включен! По экрану дисплея бродили звезды

холостого режима, а на панели горел зеленый огонек готовности к работе.

– Неужели эта штука функционировала все это время, до сегодняшнего дня?!

– Василий обошел компьютер, провел патьцем по экрану, стирая пыль. – Глазам не верю!

– Не трогай ничего, – посоветовал Матвей, чувствуя исходящее от компьютера «злое тепло». – Где-то здесь установлено взрывное устройство, а может быть, и не одно, а какая кнопка их включает, разбираться недосуг. Теперь нет сомнений: Ельшин связывался с Монархом через эту машину.

– Но она до сих пор включена! Автономное питание? Но прямого подключения к сети что-то не видно.

– Стационар ты и не увидишь. Поищи лучше выход.

Василий обошел бункер – семь на семь метров, но, не обнаружив другого выхода, достал флягу с водой, глотнул, предложил спутнику.

– Я ничего не вижу, май френд, мы замурованы.

Матвей тоже глотнул из фляги, обошел еще раз компьютер, медленно прошелся по резиновым коврикам, глядя себе под ноги, и вскоре почувствовал «дуновение» пустоты. Откинул коврик. Все тот же рифленый металлический лист. Но именно под ним начинался колодец, уходящий на неведомую глубину.

– Здесь, – тихо обронил Матвей, оставаясь сидеть на корточках. – Значит, должен быть и механизм отпирания...

– Я вижу только сплошной пол, – подошел Василий. – Может, здесь и был выход, но, если замок управлялся компьютером, мы его не откроем. Кстати, ты заметил, что в дисководе торчит дискета?

Матвей вернулся к пульту компьютера, внимательно ощупал его всеми органами чувств и увидел три тоненькие жилки энергоподвода, тянущиеся куда-то вниз, под основание комплекса. Видимо, это был подвод аварийного питания от аккумуляторов, потому что подводы электроэнергии к даче были разрушены еще год назад. Смахнув пыль со стула, Матвей сел, проверил ощущения и, чувствуя, как напрягся Василий, вдавил дискету в шель дисковода, повернул рычаг замка и тронул клавишу «RETURN». Тускло засветилось табло на левом развороте панели, замигал оранжевый глаз на одном из шкафов возле стола.

– Не рванет? – понизил голос Балув Вмesto ответа Матвей повторно нажал клавишу ответа, и правый разворот панели расцвел индикаторами. Зашелестел вентилятор одного из шкафов, экран дисплея налился мягким опаловым свечением.

– Ему не было смысла минировать все хозяйство, и сам мог в спешке подорваться. Попробуем разобраться в меню... Если вход не кодирован и защита не включена... К тому же Ельшин торопился.

Матвей не ошибся в своих предположениях: компьютер высветил логотип машины – «Конан» и обычный знак ожидания – букву А со стрелочкой над рядом окошек стартового меню, что означало готовность к работе основной информационной системы DOS. Теперь можно было работать с файлами программ на диске А.

– Он вызвал Конкере и оставил комп в рабочем положении, а вернуться уже не смог, – задумчиво сказал Матвей.

– Кто?

– Ельшин, разумеется.

– И все же есть что-то мистическое в том, что компьютер проработал целый год и не сгорел!

– Пароль? – спросил экран по-английски. Матвей проиграл в уме веер возможных решений. То, что дискета закодирована, было ясно с самого начала, но пароль – слишком простое решение защиты... и слишком сложное, чтобы найти его в миллиарде смысловых комбинаций... если только...

«Имя!» – сработала интуиция.

Матвей напечатал: «Конкере».

– Пароль принят, – ответил экран, и за спиной Матвея шумно вздохнул Василий. – Какой предпочитаете режим?

Матвей выбил. «Выбор?»

– Звуковой диалог, тастатурный диалог, мысленный диалог... отбой! Мысленный диалог отключен. «Звук», – отстучал на клавиатуре Матвей.

– Готов к работе, – приятным женским голосом ответил компьютер. – Заказ?

«Проблемные шифры».

Мигнув, экран почернел и выдал три алые строчки – буквы, символы, цифры. «Свечение» компьютера в «диапазоне зла» усилилось скачком. Матвей буквально физически почувствовал, как в

машине, в толще земли, вокруг, заворочался некто могучий, жуткий, непереносимо чужой и мрачный.

– Эдак мы еще вызовем Монарха, – охрипшим голосом проговорил Матвей.

– Ага, только его нам и не доставало, – невесело отозвался Василий. – Узнай лучше, как убраться отсюда подобра-поздорову. Нам и так слишком везет, ты не находишь?

Матвей запомнил комбинации шифров, надеясь когда-нибудь воспользоваться ими, и вскрыл карту секретных файлов ельшинской машины. Через несколько минут ему стали известны тайны подземных складов генерала ФСК, а также система их охраны. Однако секрет бункера удалось выяснить лишь спустя полчаса, как раз к тому моменту, когда по какой-то причине сработала аварийная отсечка электропитания.

Мигнули индикаторы, табло включения погасло, снова вспыхнуло, и Матвей на одном дыхании прошелся по клавиатуре компа, давая задание открыть запасной нижний лаз. С глухим мокрым лязгом металлическая плита пола отползла в сторону, к стене, вместе со столом и аппаратурой, открывая темный зев люка, но до конца не открыла его, остановилась. Огоньки на панели компьютера погасли окончательно.

– Сдох бобик! – прокомментировал Василий, подскочив к люку в обнажившейся бетонной полосе пола. – Пролезем. Я первый, не отставай.

– Не спеши, торопыга, – отодвинул его Матвей. – Первым пойду я. Там могут встретиться препятствия.

– Человек – дитя препятствий, как говорил классик [\[43\]](#), а я кроме всего прочего – ганфайтер, интуиция у меня работает хорошо.

– Балует, ты мне друг, но... живой ты мне дороже.

– Ладно, – уступил Василий, – иди, скорректированный, однако нос не задирай и будь осторожен.

Колодец, узкий и круглый в сечении, одетый в бетон и металлические кольца-скобы, которые и служили лесенкой, шел на глубину не менее двадцати метров и привел их в искусственную пещеру, эдакий «карман» высотой четыре, шириной три с половиной и длиной пятнадцать метров. И служил этот «карман» личным «гаражом» генерала, потому что в нем, имеющем закрытые ворота,

стоял на рельсах точно такой же вагончик-торпеда электропоезда, в каком год назад Соболев и Балугев подобрались к даче под землей по секретной ветке метро.

– Это называется – везет как утопленникам! – обрадовался Василий – Садись и шпарь.

– Электроподвод отрублен, – остудил его восторги Матвей. – Аккумуляторы тоже сдохли, ты видел. Так что придется топтать по шпалам, если выберемся. Но, честно признаться, я рассчитывал, что ход приведет нас в Храм Инсектов, о котором говорил Самандар.

– Значит, он просто находится ниже. Кстати, Ельшин мог ничего и не знать о Храме, вряд ли Монарх стал бы посвящать его в тайны ушедших цивилизаций. Ты что же, собираешься искать вход? Его можно проискать и годы.

– Если это так, я буду разочарован.

Матвей сосредоточился, и не видимый никому разряд ментальной энергии пронзил его насквозь, включил в информационное поле Земли, заставил работать подсознание, сверхсознание, метасознание, осветил мир вокруг сотней тонких излучений и полей, приостановив бег времени...

«След зла» обнаружился в нише за метровой ширины металлическим швеллером каркаса, удерживающего полукруглую кровлю «кармана». Здесь имела место каменная кладка, но за ней шла пустота, запах которой – запах тлена и тысячелетий – заставлял раздувать ноздри и дышать историей.

– Здесь! – выдохнул Матвей, выходя из транса. Василий осветил стену фонарем.

– А кладка-то свежая, шлакоблочная. Интересно, кому понадобилось заделывать тут стену? Да еще с той стороны?

– Наверняка это дело рук не Ельшина.

– Был бы ломик, попробовали бы эту перегородку сломать.

– Толщина стенки не меньше метра. Давай-ка поищем здесь какой-нибудь инструмент. Только сам ничего не трогай, зови меня.

– Как скажешь, начальник, – не обиделся Василий. Он всегда признавал лидерство друга в моменты, когда этого требовала ситуация.

Поиски длились недолго: электровагон был загружен под самую завязку всяческим провиантом и оружием, словно Ельшин собирался бежать по крайней мере на Луну. Оружие ганфайтеров не

интересовало, а вот мины и гранаты могли понадобиться. Остановились на пластиковой взрывчатке, с которой оба умели обращаться.

Среди электрических детонаторов нашелся один электродинамический, ручку которого надо было вращать. И через несколько минут прогремел взрыв, аккуратно проломивший свежую перегородку, за которым открылся узкий наклонный коридор с бетонными стенами. Уходил коридор на неведомую глубину и так далеко, что не хватало радиозрения Матвея, чтобы увидеть, где он заканчивается.

Оба не были подвержены романтическим переживаниям и страху, однако задержались у входа, не решаясь углубиться в коридор, хотя пыль от взрыва осела быстро.

– Ну? – только и спросил Василий.

– Да, – ответил Матвей, ощущая пожатие предплечья.

«След зла» здесь ощущался сильнее, но впереди их могла ожидать встреча с тем, кто его оставил, и энтузиазма это предчувствие не прибавляло.

Бетонный коридор тянулся всего метров на пятьдесят, до открытой, вернее, сорванной с петель двери из какого-то керамического материала. За дверью коридор сужался, но стены его все еще были из красного кирпича. Закончился он лестницей в четыре пролета, затем пошел такой узкий лаз, что идти приходилось боком, а иногда согнувшись в три погибели, и материал стен этого туннеля-лаза походил на обожженную глину или спекшийся от жара чернозем.

Когда по расчетам Матвея они опустились под землю на двести метров, описав три витка спирали под территорией дачи Ельшина, коридор уперся еще в одну дверь, материал которой сразу же воскресил в памяти поход с Горшиным к подземному Храму. Дверь, казалось, была сделана из четырех выпуклых надкрыльев громадных жуков или жужелиц, известных под названием «красотел Семенова». Они переливались в свете фонарей всеми оттенками зеленого цвета, хотя преобладал изумрудный, и казались на вид шелковистыми и мягкими.

– Все, тупик, – сказал Василий, с разочарованием оглядывая дверь. – Вряд ли нам удастся открыть эти крылышки без Горшина. Если только гранатой попробовать? – Он подошел ближе, дотронулся

до сияющей поверхности «крыла» и вдруг заорал. – Сезам, откройся! А то взорву к чертовой матери! – И отскочил назад, потому что «крылья» вдруг бесшумно сложились одно в одно и провалились вниз. В лицо пахло озоном, странными запахами, напоминающими ароматы пряных трав, сухим теплом.

– Понял? – опомнился Василий. – Что б ты делал без меня? Добро пожаловать в пещеру сокровищ. – Василий пропустил вперед приятеля.

– Благодарю, Али-баба, – хмыкнул Матвей, соображая, по чьей мысленной команде открылся проход, его, Василия или их обоих.

– Ты все-таки осторожней там, – не удержался Балув. – Если помнишь, дверь Храма, куда привел нас Горшин, открывалась иначе.

Матвей пошарил «щупальцами» чувств впереди, угрозы не учуял и двинулся по новому широкому коридору, выложенному со всех сторон все теми же «крыльями жуков» и дважды повернувшему влево-вправо. На стены лег желтоватый отсвет – впереди обозначился светлый прямоугольник выхода. Еще несколько шагов, и они вышли на широкий карниз, огражденный какой-то белой решеткой с изумительно красивым рисунком. С карниза им открылся вид на гигантскую полость в недрах скального массива, сверкавшую кристалликами слюды и гипса, в центре которой, далеко внизу, метрах в ста, высилось сооружение таких сложных форм, что сравнить его можно было разве что со множеством гармонично увязанных геометрических фигур. И все же общее впечатление у обоих сложилось одинаковое это четырехбашенный замок, окруженный двумя рядами ажурных стен и накрытый ажурным зонтиком.

Если материал Храма Горшина походил на золото, то материал этого сооружения напоминал снег и лед, хрусталь и серебро.

Контрразведчики замерли, поглощенные невероятной картиной. Освещения в пещере не было, но казалось, здесь светится сам воздух, и видно все было великолепно, до мельчайшей детали. В пещере стояла такая ничем не нарушаемая торжественная тишина, что невольно хотелось идти на цыпочках и лишь молча обмениваться жестами.

Матвей первым обратил внимание на другое сооружение рядом с замком, правда, на порядок меньшее по размерам. Приглядевшись, он

понял, что это скульптура или статуя, изображающая какого-то древнего бога, а может быть, демона или строителя этого Храма.

– Кто же сотворил такое чудо? – прошептал Василий, сжимая побелевшими пальцами прутья решетки ограждения.

– Конечно, не люди, – так же тихо ответил Матвей.

– Сам вижу. Я имею в виду, что Храм Горшина строили разумные пчелы, а этот – неизвестно кто.

– Пауки?

– А что, похоже.

– Посмотри чуть левее, почти за Храмом, видишь?

– Что это?

– Изваяние местного бога... или строителя.

– Красавец! – Василий будто только что очнулся, с удивлением озираясь, словно не понимая, как сюда попал. – Не очень-то он похож на паука. Собошь, я не сплю?

– Ты уже это говорил когда-то.

– Потому что волнуюсь. Грандиозно! Самандар не солгал... Успенский был прав!.. Цивилизация Инсектов существовала! Да-а-а, если даже правы теологи и теософы и материя вторична, а мысль – первична, то это – не человеческая мысль! Ну что, пошли вниз, поглядим на это чудовище поближе? Пути назад у нас с тобой все равно нет.

Они поискали спуск вниз и обнаружили круглый, гибкий, сетчатый – из того же материала, что и решетка карниза, – рукав, очевидно, и представляющий собой «лифт» или «пожарную лестницу», и начали спускаться по нему, цепляясь за прутья узора, сухие, но скользкие, словно смазанные жидким мылом.

Первым не удержатся Василий и покатился вниз, как бобслеист, слетевший со своего боба. Подождав немного и не слыша его криков, Матвей тоже отпустил прутья и помчался на спине вслед за Балуевым. Таким образом, спуск на стометровую глубину занял у них всего несколько секунд. А внизу, напротив статуи «демонобога», куда выбросил их рукав необычной «бобслейной трассы», друзей ждал человек в кожаной куртке, таких же штанах и кепке, в солдатских сапогах. Его лицо напоминало лицо арабского шейха, взгляд был умным и острым, а от всей фигуры исходили особые токи уверенности и внутренней силы.

– Привет, – сказал Василий, поднимаясь на ноги как ни в чем не бывало.

«Шейх» посмотрел на него внимательно, перевел взгляд на появившегося Матвея. Взгляд его был необычайно глубок, всепроникающ, полон сдержанной печали и достоинства.

– Кто вы? – спросил Матвей, уже догадываясь, кто стоит перед ними.

Человек снял кепку, пригладил черные как смоль волосы, снова по очереди оглядел ганфайтеров, одетых в черные комбинезоны и армейские ботинки до лодыжек.

– Я Хранитель. – Голос незнакомца взлетел под купол пещеры и вернулся россыпью тихих, но звонких отголосков. – Вы не должны были попасть сюда, люди действия. Никто не должен знать о МИРах Инсектов, кроме Посвященных. Вы же, хотя и подготовлены, но не Посвящены. Как вы здесь оказались и что вам нужно?

– Подумаешь, невидаль, – проворчал Василий, – Храм Инсектов. Видали мы уже один такой... ну, или не совсем такой, но тоже созданный инсектоцивильзацией.

– Значит, это вы проникли в хранилище МИРа Изоптеров год назад с помощью Отступника?

– Отступник – это, вероятно, Горшин, – посмотрел на Соболева Василий, – а что такое МИР Изоптеров?

– Изоптеры – латинское название семейства термитов. Этот МИР, – незнакомец кивнул за спину на сияющий белоснежно-хрустальный «замок», – принадлежит другому роду инсектоцивильзаций, а именно роду Арахнидов.

– Пауков?!

Хранитель, не ответив, снова глянул на молчащего Матвея.

– Вы Соболев. – Это был не вопрос, а утверждение. – Люди Внутреннего Круга наблюдают за вами давно, однако до сегодняшнего дня вы не проявляли особого желания следовать Закону восхождения. Что привело вас сюда?

Матвей вдруг испытал мгновенное чувство стыда. Хранитель пришел в Храм Инсектов специально для встречи непрощенных гостей, серьезно полагая, что у них есть высокая цель и готовность к постижению Пути. Сказать ему правду – означало если не подписать себе приговор, то выставиться в неприглядном виде. И все же

лукавить, придумывать «благородные обстоятельства», приведшие их сюда, не хотелось. Выручил Василий, прямой как стрела и честный.

– О Храме Инсектов... э-э... об этом вашем МИРе...

– МИР – это аббревиатура слов «Модуль Иной Реальности», – терпеливо пояснил Хранитель.

– В общем, об этом МИРе нам рассказал один приятель, и мы решили проверить, правда ли это.

– Нам хотелось бы взглянуть на «тронный зал», – тихо добавил Матвей, – с саркофагом «царя».

Хранитель покачал головой.

– Тебе не стоит идти этим путем, полуизбранный. Моха [\[44\]](#) – лучшее состояние для ординарного человека.

– Почему?

– Иерархи – не Учителя вам, просто линии их связи в иных реальных планах бытия пролегли в астрале через твои сны, вернее, через твою психику. Ничего хорошего от ваших контактов с ними не получится.

– Вы говорите с такой... неприязнью... Люди Внутреннего Круга враждуют с иерархами?

Хранитель раздвинул губы в едва заметной улыбке.

– Как можно враждовать со своими детьми? Нет, они выросли и ушли в другие иномерные слои Вселенной, оставаясь рядом и одновременно пребывая очень далеко. Но вы правильно уловили эмоциональную окраску наших отношений: мы не одобряем многих их действий, особенно по контролю над... Впрочем, вам знать о таких вещах рано. Прежде чем мы расстанемся, я хотел бы услышать ответы на кое-какие вопросы, это поможет мне и моим коллегам решить, как относиться к вам.

– Ваши слова следует понимать как угрозу? – поднял брови Василий.

– О нет, всего лишь как предупреждение. В любом случае, чтобы выжить, вам придется соблюдать мауна – закон молчания и неразглашения. Итак, колеблющиеся, ответьте: хотели бы вы иметь власть?

Друзья переглянулись.

– Вопрос следует уточнить, существует слишком много разновидностей власти. В принципе нормальному человеку нет нужды

в иной власти, кроме власти своего знания и мастерства.

– А власть над другими людьми разве не приятна?

– Лично я считаю, что власть человека над человеком – пещерный атавизм, – сказал Василий.

– Но ведь вы в своей деятельности используете насилие над другими людьми – разве это не инструмент достижения власти?

– Насилие насилию рознь... – Василий поскущел. – Я применяю насилие лишь для защиты жизни, чести и достоинства.

– И все же...

– Не стоит продолжать, – обронил Матвей, не желая ввязываться в спор, давно решенный самой жизнью. – Если все Люди Внутреннего Круга смотрят на мир лишь с позиций теоретических концепций Добра и Зла, с позиций сохранения этих отношений, то мне более близка точка зрения иерархов. Добавлю к ответу моего товарища о власти: к властолюбцам мы с ним относимся одинаково, как к людям с комплексом неполноценности и, более того, как к очень опасным психам.

– Спасибо, я понял. И тем не менее сегодня я просил бы вас покинуть хранилище данного МИРа. Вы же знаете, никто из ученых, эзотериков и хранителей истин не таит своих знаний: хочешь знать – бери, учись, иди вперед. Но приобретение или передача истинных знаний требует огромного труда и невероятных усилий, причем не только со стороны получающего, но и со стороны дающего, Учителя. И если они или вы не обладаете данными качествами, не готовы не только вы, не готовы также и они. Понимаете, о чем я говорю?

– Не совсем, – нахмурился Василий. – Я не жажду иметь Учителя, кем бы он ни был. Что же, нам и посмотреть на Храм нельзя?

– Смотрите, но не ищите «тронных залов» и «усыпальниц», это может закончиться для вас весьма печально.

– Да что вы все заладили...

Матвей жестом остановил друга.

– Мы уходим, Хранитель, хотя мне почему-то кажется, что мы еще встретимся. Как ваше имя?

Хранитель снова улыбнулся.

– Имя – печать Бога, знать его полагается не всем, но вам я скажу: меня зовут Матфеем.

– Тезки, значит, – хмыкнул Василий. – Скажите хотя бы, что это за скульптура перед Храмом... то бишь МИРом? Статуя божества древних пауков?

– Это Сфинкс, – не сразу ответил Хранитель. – Но Сфинкс Арахнидов – отражение системы космологии цивилизации Инсектов. И в то же время это символическое изображение паука. Примерно такое же, но созданное другим семейством инсектоцивилизации, стояло перед Сфинксом Первых Людей в Египте. Точнее, древние строители Сфинкса поставили его перед своим аналогом.

Василий открыл рот и... закрыл, во все глаза рассматривая сложный рельеф скульптуры «инсектосфинкса». Впрочем, Матвей был поражен не меньше, также разглядывая высившуюся неподалеку громаду Сфинкса-паука. Когда очнулся от созерцания, Хранителя в зале уже не было. Он исчез, словно растворился в воздухе или провалился в преисподнюю. Лишь его след – светящееся в ультрафиолете пятно – остался на гладком полу пещеры.

– Дьявол его заberi! А тезка твой где? – огляделся Василий. – Что же он не сказал нам, как выбираться отсюда?

– Наверное, считает, что мы догадаемся сами. Что ж, придется отступать тем же путем, вверх и через метро Ельшина.

– Все-таки пешком по шпалам?

– А ты предлагаешь другой выход?

– Сам-то Хранитель как сюда попал? Может быть, поищем? И вообще, раз мы уже здесь, может, все-таки заглянем внутрь этого... МИРа?

– Нет. – Матвей глянул на часы. – Уже десятый час утра, а мы еще выходить отсюда будем часа три, не меньше. Когда-нибудь потом заглянем.

– Тогда давай сейчас хоть перекусим, живот совсем подвело.

Они уселись на полу неподалеку от скульптурного изображения «системы космологии» и съели по два бутерброда с колбасой, запивая соком и поглядывая на удивительный Храм, созданный древними разумными пауками.

Назад из подземелья они выбирались не три, а все четыре с лишним часа, выйдя из ствола секретного метро через пожарно-воздушный колодец недалеко от Московской кольцевой автодороги.

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Художника Сергея Шерхова, автора эмблемы «Чистилища», старой – «СК» и новой – «ККК», МУРовцам удалось отловить в издательстве «Армада», где художник – фигура колоритная, вальяжная, с бородой и лохматой шевелюрой, обладающая зычным голосом и недюжинной силой, – работал над иллюстрациями серии «Фантастический боевик».

Решено было не ходить вокруг да около, а сразу предложить художнику рассказать, кто являлся заказчиком эмблем. Судя по сведениям, которыми располагал Агапов, Шерхов был прям и прост, как голенище сапога, и говорить с ним надо было на его же языке. Агапов и пошел на контакт в сопровождении командира первого подразделения ОРБ Зелинского, когда «наружка» привела художника, ночевавшего у подруги, в издательство на улице Лавочкина.

Шерхов азартно спорил с кем-то из сотрудников «Армады» (впоследствии оказалось, что это заведующий художественной редакцией), человеком интеллигентного вида, с аккуратной седой бородкой, усами и обильной сединой в волосах.

Агапов, одетый в цивильное и в общем-то смахивающий на творческого работника излишней худобой, болезненным видом и каким-то фанатичным огнем в глазах, подождал, пока спор закончится, и отозвал Шерхова в сторонку:

– Извините, Сергей Борисович, не могли бы вы уделить мне толику внимания?

– А ты кто? – спросил художник, порываясь вернуться к оппоненту. – Если автор, то я сегодня занят.

Агапов так, чтобы не было заметно со стороны, показал книжечку сотрудника МУРа.

– Чего?! – У Шерхова глаза на лоб полезли, и, чтобы сотрудники редакции не обращали на них внимания, Агапов сделал незаметный жест следовать за ним. Художник, к счастью, повиновался без лишних риторических вопросов, весьма заинтригованный этим приглашением.

Выйдя из здания лицея, где издательство арендовало два верхних этажа, Агапов направился к машине Управления, зная, что Зелинский следует сзади художника и никуда не денется. Но в этот момент произошло непредвиденное: из двух других машин, «вольво» и «форда», припаркованных возле входа, выскочили вдруг люди и бросились с двух сторон к Шерхову.

У Зелинского и Агапова реакция была мгновенной, и действовали они соответствующим образом, выхватив пистолеты. Да вдобавок группа оперов Зелинского мгновенно вылетела из-за кустов, из машины и из вестибюля здания. Еще несколько секунд – и грянули бы выстрелы! Но Агапов узнал в одном из нападавших майора контрразведки Семина, с которым был знаком по некоторым совместным операциям, и успел дать отбой.

– Черт, вы что здесь делаете?! – шумно выдохнул майор, переодетый в штатское, как и его подчиненные.

– А вы? – в свою очередь поинтересовался Агапов.

– Мы за этим типом. – Семин кивнул на обалдевшего художника. – Пасем его уже четыре дня.

– Мы тоже.

Майор присвистнул, потом сдвинул брови, махнул своим оперативникам: по машинам.

– Отойдем-ка.

Стоявшие у крыльца мальчики и девочки, учащиеся лицея, ничего не понимая, смотрели на них во все глаза, словно они были участниками репетиции съемок какого-нибудь фильма, и Агапов, решив не портить этого впечатления, крикнул:

– Коля, достаточно на сегодня, съемки начнем после обеда. Всем отбой, главаря – в машину.

Зелинский взял Шерхова под руку и препроводил в «волгу».

Майор ФСБ непонимающе смотрел на начальника ОРБ МУРа, потом наконец до него дошло.

– Правильно, а то нашумели мы тут... Ну что, полковник? Отдадите нам его сразу или отъедем подальше? Этот художник проходит у нас по делу «Чистилища».

– Как и у нас, майор.

– Тогда звони своему шефу, у него должна быть ориентировка по верхам: нашей команде дан зеленый коридор по работе с

«Чистилищем». Не будем же мы в самом деле устраивать из-за свидетеля петушинные бои.

– Конечно, не будем, – согласился Агапов, умевший быстро соображать. – Отъедем немного отсюда и через пару минут передадим его вам.

– Спасибо, в долгу не останусь.

Майор пошел к своим, и машины ФСБ тут же выехали со стоянки под стеной здания. Агапов сел в «волгу», бросил шоферу:

– Давай, Митя, жми за ними. – Повернул голову к Шерхову, все еще пребывающему в шоке. – Сергей Борисович, ответьте только на один вопрос: кто давал вам заказ на разработку эмблем «СК» и «ККК», ставших теперь, как всем известно, фирменным знаком «Чистилища»?

Художник открыл рот и закрыл, потерзал свою бороду, взъерошил волосы, снова вернулся к бороде и наконец изрек:

– А какой в этом криминал? Да, я работал над эмблемой, ну и что?

– Ничего страшного, – успокоил его Агапов. – Во всяком случае за это срок не полагается. Но если вы будете скрывать заказчика, тогда другое дело.

«Вольво» и «форд» впереди свернули к таксопарку, остановились у забора.

– Ну, Сергей Борисович?

– Их было двое, – сказал Шерхов, все еще в сомнении, стоит говорить об этом или нет. – Один – мой знакомый, вернее, однокашник. Паша Сидоров, сейчас он работает в какой-то частной фирме по розыску родственников и наследников. Второго не знаю, но представился он как знакомый Паши. Тихий, бледный, в очках, – Шерхов усмехнулся. – Вылитый ваш брат.

– Вылезайте. – Агапов остановил машину, сделал жест, означающий, что разговор окончен, и Зелинский открыл перед Шерховым дверцу, помогая художнику выйти. – Спасибо за доверие.

– А меня теперь куда?

– Над нами есть птицы более высокого полета. Вами займется федеральная безопасность. Ни пуха...

Шерхов не успел ответить «к черту», как двое «федепасов» взяли его под руки и усадили в «вольво». Майор Семин кивнул Агапову, и машины уехали. Оперативники МУРа молча смотрели им вслед.

– Ну и что ты по этому поводу думаешь? – спросил Зелинский.

– Кому-то выгодно сталкивать лбами спецслужбы, – задумчиво сказал Агапов, не зная, что слова его – слова провидца. – Поехали докладывать о срыве операции.

– Надо срочно найти Пашу Сидорова.

– Ты же слышал: дело «Чистилища» на контроле в ФСБ.

– Ну и что? «Федепасы» тоже не из непогрешимых, мы и им нос утереть можем.

– Ты мне лучше Соболева найди побыстрей, а то ищешь третью неделю!

Зелинский виновато засопел, но промолчал.

Через полчаса полковник вошел в кабинет Синельникова.

– Слышал уже, – поднял тот голову от стола. – И получил головомойку за вмешательство в дела безопасности.

– Так что, завязываем с «Чистилищем»?

– Официально – да. Но убийства Простатова и Силакова висят и на нас, так что разрабатывать розыск все равно будем.

– Художник являлся реальной возможностью выйти на «Чистилище» быстро и без особых хлопот. Если бы «федепасы» не перебежали дорогу... Кстати, как они узнали о художнике?

– Безопасность свой хлеб ест не даром.

– Может быть, попробуем половить заказчика? Шерхов тут брякнул о своем знакомом, некоем Паше Сидорове. Давай объявим в розыск по всем линейным отделам.

– Милиция – не угрозыск. – Синельников толстыми пальцами размял напряженное отекавшее лицо. – Все испортит. Об умственной способности районных милицеских начальников можно судить по одному такому факту. – Начальник МУРа усмехнулся. – Помнишь, во время войны в Чечне Дудаев был признан государственным преступником и на него объявили розыск? Так вот, после этого фотография генерала появилась в Тамбове на стенде «Их разыскивает милиция» среди фото уголовников и воров. Я там был, лично видел.

Агапов хихикнул, pokrutyл головой.

– Кроме Тамбова, Дудаеву ну прямо некуда было податься. Ладно, я понял, пойду работать. Знаешь, последовал твоему совету и хожу на массаж: боли в желудке почти прошли!

Полковник встал, пошел к двери.

– Вот что, Юрий Федорович, – окликнул его Синельников. – Есть очень серьезные сомнения относительно того, что Простатова и Силакова убил один и тот же исполнитель. Хотя в обоих случаях найдены «сертификаты» «ККК», киллеры все же из разных контор.

– Почему?

– А ты подумай, почему о «Чистилище» ни в одной газете – ни гугу, а об убийстве начальника ФАПСИ трубят вся периодическая печать? И это несмотря на негласный запрет – о деятельности «ККК» не писать!

– Кому-то выгодно облить «Чистилище» грязью: мол, и оно совершает ошибки. Но ведь подобное было и раньше с «СК», и ответ «Чистилища» не замедлил себя ждать.

– Вот именно, Федорович. Кто-то провоцирует «чистильщиков» на ответ, кто-то очень высоко сидящий, кому «ККК» – что красная тряпка для быка. – Александр Викторович хмыкнул. – Гляди-ка, заговорил, как поэт.

– Кому-то выгодно и сталкивать спецслужбы, – продолжал Агапов. – И деятель этот действительно сидит на очень высоком троне. Вот бы пошатать этот трон? А?

– Не фантазируй, – проворчал начальник МУРа, – дольше проживешь.

«Чистилище» ответило на вызов, брошенный ему неизвестным организатором убийства начальника ФАПСИ. И уже на следующий день после обвального шквала статей и воплей в печати об «ошибках непогрешимого „ККК“» ответ напечатали четыре газеты: „Известия“, „Комсомольская правда“, „Завтра“ и „Россия“.

Чего это стоило сотрудникам газет, осталось тайной, достоянием же общественности стали судьбы главных редакторов этих органов: двое подали в отставку, один слег в больницу с инсультом, а редактор «Известий» был найден в кабинете с простреленной головой и пистолетом в руке.

Скандал грянул громкий.

Директору ФСБ и начальнику ГУБО позвонил Генеральный прокурор и ледяным голосом осведомился, доколе еще придется терпеть выходки «Чистилища», после чего пригрозил скорой отставкой, если в ближайшее время главари «ККК» не будут пойманы.

Генеральному в свою очередь позвонил премьер-министр, поинтересовавшись, чем занимается прокуратура и ее следственное управление. Срочно собрался Совет безопасности, на котором с резким заявлением о некомпетентности силовых структур выступил начальник службы безопасности президента. После совещания обратная волна реакций покатила по всем кабинетам чиновничьей рати, полетели погоны, кресла, должности и даже жизни, потому что, кроме главного редактора «Известий», ушел из жизни еще один человек, спикер Госдумы Денисов Аверьян Сафронович, покончивший жизнь самоубийством: он стоял в списке «Чистилища» третьим после министра обороны и Генерального прокурора.

А заварилась каша из-за того, что заявление «ККК» представляло, собой план «работы» «Чистилища» по ликвидации скомпрометировавших себя по уши чиновников, сообщались их подробные биографии, с перечислением дел, поступков и причин, по которым они подлежали уничтожению.

Документ, по сути, вызвал кризис власти в стране, потому что замаранными оказались практически все главные лица государства и высшие сановники, но лишь десятая их часть имела какие-то проблески совести, стыдливости, толкнувшие некоторых служащих уйти с постов, а иных уйти из жизни, застрелившись. Остальные продолжали работать как ни в чем не бывало, прилагая усилия не столько чтобы отмыть черные пятна обвинений, сколько уничтожить силу, осмелившуюся выступить против них, а заодно и кое-кого из конкурентов на пути к большей власти.

На следующий день газеты напечатали опровержение обвинений, предъявленных большинству правительственных чиновников по обвинению в коррупции, хищении государственных средств в особо крупных размерах, строительстве дач за народные деньги... По телевидению долго и нудно выступали члены правительства, министры обороны и внутренних дел, директор департамента строительства и мэр столицы, но скандала замять не удалось. Страна поднялась на дыбы, общественность забурлила и остановить ее можно было только радикальными мерами.

Некоторые из этих мер были гласными: отставка особо запятнавших себя работников высокого ранга, вплоть до второго вице-премьера, замов председателя верхней палаты парламента и

заместителей министра обороны, а также начало усиленной кампании борьбы с преступностью. Но параллельно существовал план особо секретных мер, таких, как отстрел без суда и следствия «чистильщиков», поголовные проверки коммерческих структур и чистка аппаратов силовых министерств с целью освобождения их от предполагаемых «диверсантов и шпионов», работающих на «ККК». То, что при этом могут пострадать невинные люди, чиновников в погонах, как всегда, не волновало. Они жили по старому, проверенному веками принципу: чем выше ранг палача, тем чище у него руки.

Прибавилось дел не только у спецов ФСБ, ГУБО, ОМОНа, милиции и армии, но и у профессионалов Главного управления охраны правительственных структур, вынужденных теперь усиленно охранять перечисленных в плане «Чистилища» высших лиц государства. Окружили себя телохранителями даже мелкие – по масштабам страны, но не по личным амбициям – государственные чины из аппаратов обслуживания президента и правительства, а также депутаты верхней и нижней палат парламента. Многие из них еще не попали в черные списки «Чистилища», но рыльце у них было в пушку, и они приняли превентивные меры.

Докатилась волна судорожного реагирования политиков и до силовых институтов.

Начальнику военной контрразведки позвонил министр обороны и в категоричной форме потребовал закрыть дела по ракетному комплексу С-300 и Управлению военного сотрудничества. Посоветовал он также закончить и расследование убийства генерала Голышева. А когда Никушин попробовал было возразить, министр процедил сквозь зубы:

– Тот факт, Андрей Витальевич, что ваша фамилия не попала в список «Чистилища», еще ни о чем не говорит.

Министр обороны бросил трубку, а Никушин, подержав свою в руке, представил рыхлое, брюзгливое лицо Гусева и улыбнулся. Министра можно было понять: спать ему теперь спокойно, как первому из списка, вряд ли удавалось.

– Что он сказал? – поинтересовался находившийся в кабинете полковник Холин.

– Пригрозил, что если не прикроем дела по С-300, а главное – по Голышеву и Тлеубаеву, то я попаду в другой черный список.

Холин помолчал.

– Может быть, спустим дела на тормозах? Гусев просто так грозить не станет, это серьезно.

– Нет, будем работать, как работали, я уважать себя хочу, а не бояться угроз министра. Или «Чистилища».

– Тогда хотя бы возьмите обойму телохранителей; пока не спадет весь этот ажиотаж или пока не...

–..не уберут министра, так?

Холин серьезно кивнул.

– Примерно так. Гусев хочет прикрыть утечку «дыроколов», потому что Голышева убили из НК, а это значит, что он – главный инициатор продажи наших новейших видов оружия.

– Ты об этом вслух нигде больше не распространяйся, полковник, кроме моего кабинета... если хочешь жить. Гусев не сдастся, тут ты прав, не тот он человек, и даже «Чистилищу» взять его будет непросто. А что касается охраны... нет в мире защитного средства против личного телохранителя! Я о себе лучше сам позабочусь.

– Тогда как же выйти из положения?

– Как шутил мой отец: «Единственный выход из положения – это роды...» Ты Соболева нашел? Что он так долго решает, когда даст ответ?

– Я съезжу в Рязань еще раз, если понадобится – привезу его силой. В запас Соболева никто не увольнял.

– Ну-ну, не перестарайтесь только. Парень должен быть с нами, каша заваривается такая, что скоро грянет война спецслужб, в которой выживет сильнейший. Да и нам, когда размотаем главные дела, понадобятся перехватчики.

– Да, скандал с этим списком разгорелся сильнейший! – Холин кивнул на злополучный номер «Известий» с информацией «Чистилища». – А верхам хоть бы что! Утерлись, сделали вид, что все идет нормально, и снова за прежнее. Их разве что атомной бомбой взять можно, и вряд ли «Чистилище», несмотря на заверения, доберется до верха пирамиды.

– Боюсь, доберется.

– Почему боитесь?

– Потому что тогда к власти придет «СС», то есть Сверхсистема мафиозно-государственного толка, и это будет конец демократии, свободы, духовности и личности. К власти придет сверхтоталитарная машина, которая не позволит никому слова сказать против.

– Ну, тут вы уж перегнули, Андрей Витальевич, времена Сталина прошли.

– Кто знает... Дай Бог, чтобы я был не прав!

СОПРОТИВЛЯТЬСЯ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО

В почтовом ящике Матвея ждало письмо от Лиды. Сестра сообщала, что ей сократили срок пребывания в тюрьме и через полгода выпустят. Просила еще разок приехать, навестить детей, но более всего радовалась, что ее Леонид приехал к ней с передачей и навещает теперь ее регулярно. Сдвинулось, видно, что-то в душе мужика: не то жену пожалел, не то детей... не то себя, подумал Матвей, дочитав письмо. На перевоспитание шурина он не особенно надеялся, помня известное высказывание Эйнштейна: «Я не верю в перевоспитание других».

Попозже съезжу, подумал Матвей, пусть немного улягутся страсти и здесь, и там.

Приняв душ, он позвонил на работу и узнал все новости лично от Афонина. Сергей Сергеевич, судя по голосу, был бодр и доволен судьбой.

— Мы тут посовещались, — сказал он, — и решили повысить кое-кому жалованье. В том числе и тебе — в два раза. Не возражаешь?

— Другой бы на моем месте возражал, а я так нет, — засмеялся Матвей. — Фирма не разорится?

— Не должна, все-таки мы делаем полезные дела, да и перспективы весьма заманчивы, иначе известные тебе лица не стали бы наезжать.

— А как прошел день?

— Все тихо, твои хлопцы ведут себя выше всяческих похвал. Кудёму я отпустил на неделю, пусть придет в себя, нехорошо ему. Все! До завтра.

Матвей пожелал в душе Кудёме и его семье пережить горе и залез в свой компьютерный уголок для систематизации полученных сведений. Затем полчаса позанимался со снарядами и, еще раз постояв под душем, лег спать.

Сон «эзотерической формулы» приснился ему, как всегда, под утро.

Снова перед глазами развернулась панорама Древнего Египта, наблюдаемая как бы с высоты птичьего полета. Только на сей раз Соболеву дали посмотреть окончание строительства Сфинкса напротив еще более древнего сооружения Инсектов, в котором Матвей с изумлением узнал изваяние, увиденное им с Василием в пещере под дачей Елыпина. Разве что размеры этой «скульптуры», соединявшей в себе, по словам Хранителя Матфея, изображение системы космологии Инсектов и символическую фигуру строителей-пауков, на порядок превосходили свой аналог в пещере.

Скульптура была так сложна и гармонична, что голова кружилась от долгого ее рассматривания, а в душе росли суеверный страх и безмерное благоговение перед мастерством ее создателей. Но и Сфинкс поражал не меньше, особенно тем, что был, во-первых, шестипалым и крылатым, во-вторых, соединял в себе черты человека, льва и... насекомого! И строили его также полулюди-полульвы-полунасекомые. Предки иерархов, вспомнил Матвей предыдущий сон. Таким образом, инфарх и его спутница – прямые потомки древнейших людей, являвшихся в свою очередь потомками метаморфически изменившихся насекомых. Интересно, каких? Пчел, муравьев, термитов, пауков?..

– Блаттоптера, – прошелестел в ушах бесплотный голос.

– Что?! – Матвей был шокирован. – Тараканы?! Мы – потомки тараканов?!

– Увы – это так, сомневающийся. – Матвей не узнал голос, не похожий ни на голос инфарха, ни Монарха, ни Тараса Горшина. – Род человеческий возник благодаря эксперименту Монарха, изменившему генетическую программу Блаттоптера. Кстати, самого воинственного семейства из всех древних семейств Инсектов и самого многочисленного. Правда, после Изменения количество видов Блаттоптеридов сократилось до четырех тысяч, а человечество выделилось в отдельный отряд, который люди ничтоже сумняшеся отнесли к млекопитающим.

– Я никогда... не знал... не думал...

– Еще бы! – В голосе невидимого собеседника прозвучали нотки сочувствия.

– Человек – царь природы, венец эволюции! – и вдруг потомок самого мерзкого из насекомых – таракана! Фу!

Матвей понял, что над ним насмеваются, но не обиделся – слишком неожиданна была свалившаяся на голову новость.

– Почему произошло Изменение? Кто его спровоцировал: законы природы или разумная сила? Верны ли сведения, данные в книге русского философа Успенского?

– Отчасти. Подготовила Изменение разумная сила, диктующая в нашей части Вселенной законы природы.

– Кто? Арахниды? Апоиды-пчелы, формикоиды?

– О нет, вообще не Инсекты. Эту силу можно назвать Аморфами. Когда-нибудь вы получите исчерпывающую информацию об Изменении и его причинах, если захотите пройти Путь Истины до конца. А вот выбор Пути – за вами.

– Я хотел бы уяснить себе причины Изменения.

– Объяснения потребуют усилий и времени.

– Я не тороплюсь.

Фокус видения панорамы строительства несколько сместился; теперь Соболев видел, что тот, чьими глазами он смотрит на Сфинкса, стоит на громадной летающей конструкции, напоминающей плоский ажурный блин.

– Кстати, – спохватился Матвей, – почему у Сфинкса, сохранившегося до наших дней, всего четыре лапы и нет крыльев?

– Его изуродовали еще до фараоновой волны достраивания пирамид жители континента второй волны людей, уже мало похожих на львов. Историю переделывали не однажды, не только в двадцатом веке.

– Извините, с кем я имею честь общаться? Чья линия связи пересекла мой сон на этот раз?

Невидимый собеседник Соболева рассмеялся, луч зрения сместился еще, и Матвей увидел рядом существо, в котором нетрудно было угадать современника строителей Сфинкса. Разве что он был больше похож на человека современного. Лицо же этого удивительного существа так напоминало лицо Светлены, инфарха, Будды и Тараса Горшина, что Матвей невольно подался вперед.

– Вы... инфарх? Или Тарас?!

Незнакомец в странном балахоне, отливающим шелковистой зеленью камня, снова рассмеялся.

– Как вы любите определенность! Нет, я не Тарас. И сон ваш – не пересечение линий связи других реальностей между собой, а прямая трансляция.

– Чья?!

– Людей Внутреннего Круга. Мы считаем... к сожалению, не все, что вам эта информация пригодится в будущем. Но я не живое существо, а лишь проекция реального существа на ваше подсознание. По сути, вы разговариваете сами с собой.

Помимо воли Матвея фигура его визави отвернулась от собеседника, и он снова с содроганием увидел прекрасное, чуть ли не живое лицо Сфинкса и жуткую скульптуру перед ним. Строительство продолжалось в том же темпе, были уже готовы крылья и круп, оставалось сделать только лапы.

– Самое первое чудо света! – невольно подумал Матвей.

– О да, – согласилась «проекция» человека Внутреннего Круга. – Культуры Инсектов достигали в свое время очень высокого уровня, целиком основанного на интеллектуальных соображениях пользы и выгоды. Без мистики, эзотеризма и воображения. Они осуществили порядок вещей, полностью подчиняющий индивида интересам общества, то есть заблокировали всякую возможность развития личности.

– Из-за этого Аморфы и сделали Изменение?

– Браво! Вы догадливы! В общем, да, из-за этого. Культуры Инсектов – все, без исключения! – стали культурами разрушения, культурами методов и средств насилия над личностью... как, к слову, и человеческая цивилизация. Так что не исключено, что когда-нибудь произойдет новое Изменение.

– И человечеству придет конец!.. Если только Монарх не заступится и не проведет частный эксперимент по трансформации вида хомо сапиенс. Но... постойте! Как же Монарх смог предотвратить Изменение древних тараканов, если он сам является их потомком?

– Кто вам такое сказал? Монарх – не человек и не иерарх, он – один из Аморфов, может быть, самый первый из них... и последний.

– Неужели это... правда?!

– Истинный крест!

– А я считал его... О Господи! Теперь понятно, почему он за гранью Добра и Зла. И все же мне неясно, почему Аморфы решили

провести Изменение.

– Приведу лишь один пример. В термитнике «боги» управления превратились в ненасытных чудовищ: чем больше им давали, тем большего они требовали – до тех пор, пока индивид не становился абсолютно нищим, больным и в конце концов не уничтожался. По сути термитник – прообраз фашистского концлагеря. Подобная тирания не имеет аналогов в мире даже среди остальных насекомых. Люди, к счастью, с концлагерями покончили, у них благами цивилизации пользуются хотя бы приближенные к царям и правителям, а в термитнике, каким бы красивым и гармоничным он ни выглядел, – никто! Впрочем, это не главная причина Изменения. Основная вина Инсектов – создание методов разрушения и насилия, колеблющих все Мироздание! Каждый род разумных насекомых создавал свой специфический вид оружия, и в конце концов их вечные конфликты...

– Привели к нарушению сложившегося равновесия! Понятно. Уфф! Ради одного этого открытия стоит отдать полжизни! Спасибо за информацию. Но тогда получается, что после Изменения оружие Инсектов... сохранилось? Не его ли берегут Хранители, Люди Внутреннего Круга, опекающие Храмы, то есть Модули Иной Реальности?

Собеседник Матвея перестал излучать доброжелательность.

– Вас это особо интересует?

– Я размышляю, и только.

– Мне бы не хотелось рассуждать на эту тему.

Матвей почувствовал возникшую неловкость, но причины ее не понял.

– Простите, мне хотелось бы кое-что выяснить, прежде чем вы отключите свою «линию трансляции». Почему Монарх всегда вычисляет меня, где бы я ни находился?

– Разве вы еще не знаете? Экзосоматическая система человека, его так называемая «душа», – многомерное образование, в отличие от тела, биологической структуры-носителя, трехмерного следа этого образования. Тело необходимо экзосоматической структуре лишь для материально-энергетического снабжения и контакта с данной реальностью. Ваши сны, между прочим, есть прорыв сознания в многомерность. Так вот, Монарх просто-напросто видит часть вашей «души» в своей реальности. Как верхушку айсберга, если будет

позволительно сравнение. Когда вы овладеете методами психофизической экранировки своей экзосоматики, он перестанет вас лоцировать и находить.

– Но как этому научиться?

– А это уже ваши проблемы, идущий. Всего доброго.

Матвей рассеянно кивнул, созерцая удивительное лицо Сфинкса, говорившее о другой жизни, другой истории, о совершенно ином сознании, превосходящем обычное человеческое, об эмоциях, недоступных людям. И вдруг понял, что Сфинкс – вовсе не олицетворение Вечности, а олицетворение Преемственности Разума! Именно поэтому его построили напротив такого же «сфинкса», но – цивилизации Инсектов, далекой и, как оказалось, очень близкой по параметрам к человеческой.

– С другой стороны, Сфинкс – попытка изображения трехмерного времени, – сказал почему-то не ушедший собеседник. – То есть как бы его человеческий вариант, потому что перед ним – истинная фигура трехмерного времени! Реализованная Арахнидами. Соединившая в себе космологическую систему мира с изображением самого носителя разума Инсектов – Арахнида, достигшего наибольшего расцвета сотни миллионов лет назад.

И собеседник Матвея исчез – Соболев почувствовал это сразу, словно выключили свет в комнате и наступила темнота...

Матвей проснулся, полежал, по обыкновению привыкая к своему телу и обстановке, сел на кровати. Информация, полученная во сне, осталась в памяти вся до мелочей, и это говорило о полном восстановлении функций той самой «экзосоматической системы», о которой говорил недавний гид Соболева из сна. Поздравляю, сказал сам себе Матвей, чувствуя душевный подъем. Кажется, в стане иерархов наблюдается разлад и кое-кто хочет мне помочь, несмотря на запреты инфарха. Интересно, если он узнает, что предпримет? «Отключит» от верхних этажей астрала? Вообще... пришибет или только пожурит?

Но зачем иерарху-гиду понадобилось выдавать себя за человека Внутреннего Круга? Чтобы инфарх его не вычислил?

Во время завтрака мысли крутились возле этого вопроса, но потом вспомнилась студентка мединститута девушка Ульяна, и Матвей решил

наконец расставить точки над «i»: не откладывая дела в долгий ящик, выяснить, каким образом она узнала о засаде в квартире Соболева.

Полдня Матвей решал проблемы снабжения и обучения своего подразделения в фирме, а в обед поехал в институт.

Ульяну Митину удалось найти без особых трудов: ее группа слушала лекцию по истории нетрадиционной медицины в аудитории на втором этаже. Когда лекция закончилась, и девушка, выбежав с подругами, увидела Матвея, она от неожиданности обомлела, потом лицо ее покрылось бледностью, а потом буквально расцвело: она обрадовалась, хотя испуг в ее глазах так и остался.

– Вы?!

– Апостол Павел. Обещал – нашел. У вас есть пара минут для меня?

– Следующая лекция через двадцать минут, но я могу на нее и не пойти.

– Тогда давайте пообедаем где-нибудь, я есть хочу.

– Сейчас. – Ульяна отбежала к подругам, с любопытством поглядывающим на Соболева, о чем-то поговорила с ними и вернулась. – Я готова.

На улице шел дождь, но это не помешало им доехать до кафе – Матвей был на машине. Остановились на «Лакомке», новом молодежном кафе на площади Горького, где Матвей уже однажды бывал.

Изучив меню, заказали жульен из шампиньонов, испанский омлет, начиненный картофелем, грибами, помидорами и перцем, баранину под соусом и флан – кусочки апельсинов, политые апельсиновым ликером и посыпанные корицей. Ничего подобного Ульяна и своей жизни не пробовала, кроме разве запеченных грибов, и доверилась вкусу сотрапезника безоговорочно. Видно было, что она стесняется и не знает, как себя вести, однако Матвею удалось быстро преодолеть барьер скованности, и разговор получился непринужденным и легким. Правда – до тех пор, пока не возник вопрос о засаде. Глядя, как меняется обаятельное девичье лицо, как оно темнеет и хмурится, теряя оживленность и жизнерадостность, Матвей уже пожалел, что задал его.

– Не хочешь – не отвечай. – Он накрыл ладонью руку Ульяны. – В конце концов я просто хотел поблагодарить тебя за предупреждение. И

еще ты очень похожа на... одну мою знакомую фею.

Ульяна не улыбнулась на «фею», настроение у нее испортилось окончательно, на глаза навернулись слезы.

– Да что с тобой? – озадаченно проговорил Матвей, переходя на «ты». – Может, тебе кто угрожал? Чтобы ты ничего никому не рассказывала?

Ульяна судорожно кивнула, не поднимая глаз, нервно облизнула губы.

– Ты неверишь...

Матвей достал из ее сумки платочек, присел рядом с ней на корточки, мягко промокнул глаза, одновременно передавая девушке успокаивающий импульс, раппорт [\[45\]](#), как говорят психиатры.

– Ну вот, все в порядке. Почему же не поверю?

– Потому что Зойка... это моя подруга, считает, что я порой раздваиваюсь... ну, в меня как бы вселяется злой дух... а иногда и добрый...

Девушка подняла глаза, и Матвей поразился перемене: в глубине глаз Ульяны мерцала робкая надежда на понимание и печаль смирения.

– Рассказывай и ничего не бойся. Во всяком случае психбольницей я тебя страшить не буду.

Рассказ девушки длился недолго: в принципе и рассказывать-то было особенно нечего.

С недавних пор – месяца два назад – ее стали посещать странные видения, она видела целые серии снов, в которых с ней разговаривала какая-то невиданной красоты женщина. Самих снов она не помнила, но смысл их уловила: она должна была найти какой-то Путь и заменить кого-то, может быть, эту самую женщину. Но изредка какие-то подробности сна ей запоминались и служили как бы командой, как в случае с Матвеем: незнакомый прежде голос приказал ей в определенное время найти Матвея Соболева и передать ему, чтобы тот остерегался засады...

Ульяна закончила тягостное для нее признание и посмотрела на спутника с тайным страхом: поверил ли?

Матвей кивнул. То, что переживала Ульяна, называлось наведенными психофизическими состояниями. В жизнь девушки вторглась чья-то воля, а сны ее были вызваны проникновением информации из других реальностей. В ее сознание входила могла и

Светлена, и другие иерархи, один из которых – не Тарас ли Горшин? – предупредил о засаде, а второй – не Монарх ли? – приказал ни во что не вмешиваться. Нет, скорее не Монарх, а инфарх. И защититься от вторжений в свою психику Ульяна не могла.

Как мог, Матвей утешил свою новую знакомую, снова и снова поражаясь тому, как девушка похожа на Светлену, да и на Кристину тоже, однако окончательно успокоить ее, не сообщая всех подробностей своей личной жизни, не смог. Тем не менее она почувствовала себя гораздо лучше, а прощаясь, на виду у всех поцеловала Матвея, вызвав у того целую бурю воспоминаний и легкий укол совести: его тянуло к этой простой девчонке, привязанной к нему аурой тайных чувств и сопереживаний.

Договорились встретиться через день, чтобы еще раз обсудить сны Ульяны и способы защиты от них. Но в душе Матвей понимал, что мог бы отправиться на свидание и без всяких причин, несмотря на чувство долга и отношения с Кристиной. Вполне могло быть, что и на его подсознание действовали чьи-то чары – на более тонком уровне, заставляющие его думать об Ульяне чаще, чем позволяла ситуация, но мысль мелькнула и ушла, задавленная благими намерениями «разобраться во всем этом позже».

Вечером Матвей ужинал у Сумароковых, с удовольствием позанимавшись перед тем со Стасом по математике. Кроме того, мальчишка показал новый прием, который разучивал с Василием Балугевым, а Бася Яновна не уставала рассказывать, с каким упорством парень разрабатывает колено, повторяя физические упражнения по два часа в день.

Кристина поглядывала на Матвея с неким тайным интересом, словно догадывалась о появлении раздвоенности в его душе: интуиция у нее в последнее время явно обострилась, однако о своих подозрениях она не произнесла ни слова.

Стас ушел в свою комнату рано, у него там стоял неплохой игровой компьютер «Касио». Разошлись по спальням старшие Сумароковы, а Матвей с Кристиной продолжали тихую беседу за журнальным столиком, освещенным зеленоватым светом торшера. Постепенно стусеивался в памяти, отступил в теплую грустную темноту образ Светлены, спутницы инфарха, уже начавший ассоциироваться с образом Ульяны Митиной. Рассеялись сомнения и

сожаления. Они снова были вместе и переживали миг единения почти с одинаковой эмоциональной наполненностью.

Кристина была одета в длинное коричневое платье, закрывающее ноги до щиколоток, но Матвей видел ее фигуру такой, какой она была до их первой встречи, и девушка отлично понимала значение его взглядов, только лицо вспыхивало в ответ на них.

– Давно я не чувствовала себя так уютно, – тихо проговорила Кристина. Провела пальцем по глянцевой глади столика, отражавшего торшер и какие-то блуждающие звезды. – Смотри, там другая вселенная...

– «В границах столика текла иная жизнь» [\[46\]](#), – продекламировал Матвей с улыбкой. И вдруг понял, что в душе Кристины плавают совсем иные чувства, и ее спокойствие – результат волевой настройки, а не настоящее переживание. Кристина подняла на него глаза, поняла его медленное прозрение, и глаза ее наполнились слезами.

– Извини, я не хотела... но снова впереди что-то темное надвигается на нас, я чувствую... Неужели наши беды никогда не кончатся? Зачем я уезжаю, Соболев?

Матвей налил в бокал минеральной воды, протянул девушке, выпил сам. Глаза его засветились голубизной горного неба, в их глубине сквозь мрачную уверенность всплывала нежность.

– Ты мне веришь?

– Верю, но... зачем я тебе, Соболев? Ты меня любишь, я вижу, но что-то все же мешает тебе быть моим до конца... Что? Может быть, дело во мне? Ведь я самая обыкновенная земная женщина, а ты почти человек Круга... Я понимаю, женщина должна быть для мужчины одновременно женой, любовницей, другом, сестрой и матерью... Чего во мне не хватает?

– Жены, – коротко ответил Матвей, подхватывая Кристину на руки и поражаясь, какой она стала легкой...

В третьем часу ночи она тихонько коснулась губами его щеки, прошептала:

– Тебе звонил врач, Парамонов, просил зайти... Извини, я забыла сказать сразу.

Матвей открыл глаза.

– Когда?

– Зайти надо было еще вчера, у него к тебе какой-то важный разговор. Но ты приехал поздно... И еще он просил передать, чтобы ты поберег своих друзей.

– Так и сказал? – Матвей рывком сел, внезапно понимая, что опоздал со своим решением увезти Кристину и Стаса от греха подальше. Включил свой биоканал связи с астралом, перешел в меоз. Но было уже действительно поздно: вокруг дома замкнулось кольцо окружения (профессиональная ориентация, классная подготовка, мощное вооружение) и у двери квартиры уже затаилась наготове головная ударная обойма.

– Что? – встревожилась Кристина, научившаяся понимать его состояние.

– К нам гости, – так же тихо ответил Матвей. – Лежи, из комнаты не выходи ни под каким предлогом.

Он не знал, чье подразделение пришло за ним, поэтому не стал прорываться с боем на улицу, увозя перехватчиков за собой, не стал и прятаться. И в том, и в другом случае гарантий, что не пострадает семья Сумароковых, не было. Оставалось ждать, выяснять причины задержания и действовать в зависимости от ситуации.

Быстро одевшись, от прикинул свои возможности и сделал шаг, заставивший растеряться командира группы, пришедшей за ним. Открыл дверь, сказал в темноту лестничной клетки:

– Заходите, поговорим. Только не разбудите моих родственников. Я безоружен и сопротивляться не намерен.

За дверью послышалось какое-то движение, возникла небольшая заминка, потом в квадрат света ступил невысокого роста мужчина средних лет в плаще и берете, и Матвей узнал давешнего генерала Первухина из Управления специальных операций Федеральной службы безопасности. От сердца немного отлегло: Матвей ждал более «крутых» и беспощадных гостей.

– Ждите, – сказал генерал кому-то за дверью.

– Но, товарищ генерал... – попробовали там возразить.

– Ждите распоряжений, я сказал! – Первухин шагнул в прихожую, закрыл за собой дверь, взглядом спросил у хозяина, куда пройти. Матвей отступил, жестом приглашая гостя на кухню.

– Чай, кофе?

– А не поздновато?

– Скорей рановато, – сказал Матвей, глянув на часы: шел четвертый час ночи. – Что вам нужно?

– Мы за вами, Матвей Фомич. Начальство приказало доставить вас в контору независимо от того, согласны вы работать на нас или не согласны. Сопротивление нецелесообразно, дом окружен.

Матвей хотел сказать, что вряд ли угроза возымела бы действие, будь он один, но передумал.

– Хорошо, едем. Только предупрежу... э-э... жену и сделаю один звонок.

– Не стоит куда-то звонить.

Матвей с иронией посмотрел в глаза генералу, и тот, прочитав во взгляде Соболева добрый совет не вмешиваться, решил не перегибать палку.

Из спальни вышла Кристина в халате, придерживая полу, увидела в коридоре возле двери незнакомого человека, вздрогнула, поздоровалась. Начальник Управления спецопераций вежливо поклонился.

– Что ему надо? – прошептала она, продолжая вздрагивать, обняла Матвея, набравшего по телефону номер Балуева.

– Я уезжаю. – Матвей обнял ее другой рукой. – Все в порядке. Встретимся через пару дней, я приеду к вам.

– Не хочу... ехать в Тамбов. – Шепот девушки был еле слышен. – Что я там буду делать? Я же с тоски умру!..

– Слушаю, – раздался в трубке голос Василия.

– Действуй как договаривались, – коротко сказал Матвей. – За мной пришли федералы. Если через два-три дня не позвоню...

– Я знаю, что делать. Будь спок, Соболев, сделаю все в лучшем виде. Может, я отвезу их к своим старикам в Воронеж?

– Нет. – Матвей едва успел повесить трубку, как телефон зазвонил, заставив вздрогнуть не только Кристину, но и Матвея.

Это была Ульяна.

– Матвей, не соглашайся... не соглашайтесь на их условия! Не надо работать на ФСБ... Вы меня слышите?

– Слышу. – Матвей покосился на сделавшего к нему движение генерала Первухина, поднял руку в успокаивающем жесте. – Откуда звонишь?

– Неважно... Не соглашайтесь на их условия, будет плохо... всем будет плохо! – Девушка задохнулась, так как очень спешила и говорила быстро. – И вообще не вмешивайтесь в их разборки, попадете между молотом и наковальней... слышите?

– Слышу, все будет нормально.

В трубке раздался щелчок, затукали гудки отбоя.

Матвей положил трубку, сказал равнодушно:

– Со службы, сигнализация сработала.

Он поцеловал Кристину и первым шагнул за порог.

КОНКУРЕНТЫ

Они встретились на квартире Ельшина – бывший генерал ФСК и маршал-босс Сверхсистемы Лобанов. Сопровождали Олега Кареновича всего четыре телохранителя, но это были профессионалы очень высокого класса, не уступавшие по кондиции ни мастерам спецподразделений ФСБ, ни перехватчикам военной контрразведки. Двое из них когда-то работали в Управлении «Т» Федеральной службы безопасности в качестве киллхантеров – специалистов по захвату и ликвидации самих перехватчиков и террористов, и вообще специалистов рукопашного боя.

– Хороши ребятаки, – одобрительно кивнул на двух телохранителей Ельшин; парни, одетые в строгие темные костюмы, вошли в квартиру, оперативно проверили комнаты и вышли на лоджию, чтобы не мешать разговору; двое других остались на лестничной площадке.

– Не жалуюсь, – равнодушно ответил Лобанов, с долей безразличия глянув на одутловатое лицо бывшего генерала. В последнее время Ельшин много пил.

– Примешь чего-нибудь? – Прихрамывая, Генрих Герхардович прошел к бару, достал бутылку кьянти, рюмки. Лобанов сел, пристально наблюдая за трясущимися руками хозяина, потом глянул на его ногу, на бугристое лицо и впервые ощутил нечто вроде жалости. Досталось Ельшину крепко: когда на разгромленную дачу прибыли поднятые по тревоге подразделения ФСК, а также милиции и ОМОНа, генерала нашли без сознания под грудой обломков стены. У него были сломаны ребра, нога, рука и челюсть!

После лечения все срослось, но хромота до конца так и не прошла, да и левая рука двигалась плохо, а собранная по кусочкам челюсть не позволяла ему ни улыбаться, ни внятно разговаривать. Под суд генерала не отдали из-за отсутствия улик, хотя и приятелей в прокуратуре у него было более чем достаточно, но со службы ему пришлось уйти.

– Как тебе заявление «Чистилища»? – Ельшин выпил рюмку, налил еще. – Небось, в высоких сферах все на ушах стоят?

– Да, скандал разгорелся изрядный, – согласился Лобанов, смакуя маленькими глоточками коньяк. – Предпринимаются беспрецедентные меры по охране перечисленных в «плане» высших должностных лиц, однако у меня складывается впечатление, что для «ККК» это обстоятельство не послужит препятствием. Все ждут, затаив дыхание, чем все это закончится, с кого они начнут. А ты как думаешь?

– Да никак! Мне наплевать. Ты мне только Соболева найди... Что, пока еще никаких результатов?

Лобанов допил коньяк, пососал ломтик грейпфрута.

– Пока нет, но в Рязани кто-то снова «наехал» на Маракуца. Второй раз за последние две недели! Мне кажется, это дело не обошлось без участия твоего приятеля Соболева. Я уже послал туда команду.

– Что ты все возишься со своим Маракуцем? Зачем он тебе?

– Вопрос нехитрый, ответ еще проще: если депутаты и правительство в самом деле решат перенести столицу в Рязань, у меня там уже все будет схвачено.

– Глубокий расчет, ничего не скажешь. Но это еще в далекой перспективе, а в данный момент не упusti мне Соболева. Он профессионал такого класса, что... – Ельшин усмехнулся, потрогал челюсть, глаза его на миг остекленели, и проступила в них такая ненависть, что Лобанов поежился. – Учти: справиться с ним обычными методами почти невозможно, поэтому лучше всего подорвать его на расстоянии, в машине... но только так, чтоб живой остался. Или же примените «спецуху» вроде «глушаков» и «болевигов».

– Не волнуйся, мои охотники дело знают. Если не секрет, зачем он тебе?

Пальцы Ельшина скрючились, будто он тянул руки к горлу своего ненавистного врага, голос сел.

– Я его... по жилочке тянуть буду... по кусочку резать... чтоб долго жил и мучился...

– Зачем же его резать? Есть специальные инструменты, тот же «болевик» периферических модификаций, воздействует на отдельные органы. Ну да ладно, ты меня убедил, доставим тебе твоего обидчика. Но давай-ка и ты будь откровенным до конца. Кто тебе помогал во

времена твоего... м-м... царствования? И зачем ты потащил меня на свою дачу?

Ельшин одну за другой выпил две рюмки коньяку, налил третью, глянул на Лобанова, наблюдавшего за ним с брезгливым пренебрежением.

– Лучше бы тебе ничего не знать... Принеси мне голову Соболева и будешь иметь все, что имел я.

– Не пойдет, Генрих. Я и так имею больше, чем имел когда-то ты. Выкладывай все, что знаешь, иначе...

– Что иначе? – Ельшин побагровел. – Ты... мне... угрожаешь?!

– Ну что ты, дорогой, какие угрозы? Во-первых, мы друзья, во-вторых, угроз достоин равный.

Ельшин засопел, взгляд его на мгновение стал трезвым, острым, ненавидящим, потом глаза снова подернулись дымкой осоловелости.

– Равный, говоришь? В свое время я таких проколов не делал.

– Что ты имеешь в виду?

– Зачем вы убили Силакова, начальника ФАПСИ? Ведь все равно никто не поверил, что это дело рук «чистильщиков».

Лобанов поморщился, долгое время не отвечал.

– Согласен, поторопились. Хотя, с другой стороны, «ККК» просто успела себя прикрыть публикацией своего «килл-плана». – Олег Каренович улыбнулся. – Знал бы ты, что сейчас творится в верхах! Одно удовольствие наблюдать. Но ты не совсем прав с оценкой ситуации. Теперь, после объявления войны коррумпированной власти, у нас развязаны руки, под шумок мы уберем всех строптивцев, неугодных партнеров и конкурентов. А свалим все на «Чистилище». И пусть разбираются компетентные органы, чьих это рук дело. Кстати, чтобы выжить самим, им проще будет свалить все на «ККК» и начать с ним войну.

– Хитро...

– Мои аналитики тоже умеют работать. Но к делу, Генрих! У меня есть время, но нет терпения.

Ельшин хмыкнул, глянул на гостя тем же трезвым, горящим взглядом.

– Вряд ли ты согласишься... но изволь. – И бывший генерал рассказал свою историю знакомства с Конкере, Монархом Тьмы, закончившегося удивительным партнерством, которое привело к не

менее поразительному взлету карьеры контрразведчика к высотам власти.

Лобанов выслушал рассказ молча, ни разу не перебив хозяина. Только изредка прихлебывал коньяк, заедая ломтиками грейпфрута и лимона. Молчал он и после того, как Ельшин закончил свое повествование.

— Ну, получил? — с издевкой спросил Генрих Герхардович, глотком опорожня очередную рюмку. — Я бы на твоём месте тут же вызвал санитаров.

Лобанов не ответил. Он знал Ельшина давно, лет десять, и видел, что тот искренне верит в только что рассказанную историю. Любой здравомыслящий человек, наверное, и в самом деле подумал бы о приступе шизофрении, однако Олег Каренович не зря заканчивал два института и в оккультные теории не то чтобы верил, но и не отвергал их.

— Значит, говоришь, на Монарха твоего можно выйти из бункера под дачей? Почему только оттуда, если ты вызывал его через компьютер? А если попробовать через другой персональный комп?

— Я пробовал, но то ли нужна более мощная машина, то ли необходимо учитывать какие-то другие факторы. Например, расположение компьютера, наличие канала связи с соответствующими сетями... черт знает что еще!

— Разве ты не знаешь этих особенностей?

— Я проник в тайну бункера случайно, когда он был уже оборудован должным образом. Мне и в голову не приходило спросить Конкере, почему его можно вызывать только оттуда.

— Жаль. — Лобанов встал. — Вспомнишь еще что, позвони. Какой комп там, говоришь, у тебя стоял?

— «Конан».

— Ого, мощная штука! Таких есть только две на всю столицу! Через пару дней попробуем проникнуть на дачу еще раз, но мне надо еще будет подготовиться. А Соболева мы тебе привезем, генерал, живого или мертвого. Спи спокойно.

Маршал «СС» вышел, за ним выскользнули телохранители. Ельшин помянул черта и выпил еще одну стопку коньяку. Посмотрел сквозь бутылку мутнеющим взглядом, взболтал остатки жидкости, опрокинул в рот.

– «Спи спокойно!...» – передразнил он очень похоже Лобанова, вдруг преисполнившись какой-то мстительной радости. – Ты сначала, мой милый, достань его, а потом корчи из себя босса... Если уж я не сумел его остановить...

Юрген уже привык, что, как только он задумает расслабиться у своей подруги, сразу возникает проблема, которую надо срочно решать. Так было и на этот раз: телефон зазвонил именно в тот момент, когда полковник только снял штаны.

– Холера его задави!

– Отключи телефон! – жарко посоветовала подруга, прижимаясь к нему всем телом.

Юрген разнял объятия, подвинулся к краю кровати и снял трубку. Звонил министр обороны:

– Давай ко мне.

– Это срочно? Может, лучше утром, на свежую голову?

– Бабы подождут. – Гусев отключился.

Юрген посмотрел на трубку, плюнул на нее, задумчиво вытер о простыню, бросил на аппарат. Спустил было ногу на пол, но глянул на ждущее роскошное тело и потянулся к груди женщины, подумав: «А ни хрена с тобой не сделается, генерал! Лучше ты подожди...»

Через полчаса, наскоро облившись в душе водой, он гнал через город в контору, не обращая внимания на светофоры и посты ГАИ, которые знали, что «джип-чероки» цвета ультрамарин принадлежит Министерству обороны, и не реагировали на лихача.

Несмотря на поздний час, министр работал. Кивнул возникшему в затемненном кабинете полковнику на стул.

– Позволяешь себе опаздывать? Ну-ну... Давай обсудим кое-какие детали завтрашней операции.

Юрген закурил, сел поудобней. Слушал. На вторник двадцатого сентября было запланировано покушение на Никушина, имеющее целью припугнуть строптивного контрразведчика, влезшего без спроса на чужую территорию.

– Взрыв надо устроить так, чтобы телохранитель погиб, – продолжал Гусев, – а шофер остался жив, он наш человек. Это первое. Второе: Никушин поедет к директору ФСБ не на своей «ниве», а в служебном фургоне, учтите его массу и бронированное покрытие. И

третье: «федепасы» взяли художника, работающего, по моим данным, на «Чистилище». Выясните его связи.

– Вряд ли мы выйдем на руководителя. С художником наверняка работал рядовой исполнитель, «шестерка».

– Художник делал эмблему и для «Стопкрима», а следовательно, он знает кого-то из старого состава «Чистилища». К тому же мне известно, что один из комиссаров «ККК» отказался работать в новой команде. Выясните, кто именно. Через него мы и выйдем на руководителя «ККК».

Юрген промолчал. Он уже не удивлялся осведомленности министра, убедившись, что все его сведения абсолютно точны и всегда подтверждаются.

– Каковы результаты вашей возни по убийствам Силакова и Простатова?

– Работали профессионалы, – нехотя ответил Юрген. – Но почерк разный. К тому же ясно, что Силакова убрали не «чистильщики». В их плане его фамилия не значится, в то время как Простатов – пятый по списку.

– Не имеет значения! – тяжело выдохнул Гусев. – Для всех нас это сделала «ККК», понятно? И искать мы будем только ее. У тебя все?

– Мы вышли на Ассоциацию ветеранов спецслужб «Барс», есть подозрения, что она работает на «Чистилище».

– Всего лишь подозрения, не факты?

– Завтра-послезавтра мы прощупаем ее и посмотрим, какова будет реакция. Думаю, и факты появятся.

– Хорошо. – Министр размял короткие, толстые, покрытые рыжим пушком пальцы, пододвинул к себе клавиатуру персоналки. – Садись ближе, пройдемся по контингенту твоего «Анальгина»: кое-кого надо будет проверить и убрать из отряда.

Через час Юрген возвращался домой тем же маршрутом, но ехал медленно, размышляя о личности министра даже с некоторой долей уважения. Сволочью он был, конечно, первостатейной и в повседневной жизни вел себя как хам и дурак, но изредка в нем словно просыпался исполин-мыслитель, интеллектуал и боец, не подчиниться которому значило умереть на месте!

Ассоциация ветеранов спецслужб «Барс» была создана в начале тысяча девятьсот девяносто пятого года и носила тогда название

«Ассоциации ветеранов подразделений специального назначения „Вымпел-Союз“. Окончательно сформировалась она в девяносто шестом и стала называться АВС „Барс“. Располагалась Ассоциация сначала на Большой Полянке, потом переехала в Марьину рощу, где усилиями многих заинтересованных лиц ей отремонтировали небольшой двухэтажный особнячок начала века рядом с восьмиэтажным домом-иглой из коричневого зеркального стекла, который принадлежал банку „Центр“ и ресторану „Клондайк“.

Инициатива создании Ассоциации принадлежала двум подполковникам, бывшим боевым офицерам отдела специальных операций из знаменитой группы «Вымпел», расформированной печально известным указом президента в девяносто третьем году ^[47]. Группа была создана в семьдесят девятом в недрах КГБ, участвовала во многих тайных зарубежных операциях, и не только в Афганистане, но и в странах бывшего Союза, и ничем не уступала подобным подразделениям в разных странах мира: «Дельте» – в США, «Кобре» – в Австрии, «Чепери» – в Италии, «Медведю» – в Финляндии, «Китодай»

– в Японии, «Сайрет Маскал» – в Израиле.

Причиной разгона «Вымпела» стали политические интриги в окружении президента, и несколько месяцев спустя в высших эшелонах власти осознали ошибочность конъюнктурного решения, но было поздно: «Вымпел» перестал существовать, десятки суперпрофессионалов разошлись по свету, устроившись кто куда смог: одни заняли руководящие посты в службах безопасности крупнейших фирм и банков, другие создали собственные охранно-сыскные агентства, третьи возглавили аналогичные «Вымпелу» спецподразделения в странах СНГ, а иные остались в дальнем зарубежье, став владельцами созданных ими фирм и компаний.

Правда, кое-кто позже вернулся на службу, когда в ФСК начали создавать Управление специальных операций, по сути – тот же «Вымпел», только с обновленными функциями, однако большинство ветеранов не откликнулись на призыв возвратиться.

Ассоциацию ветеранов возглавили сначала Станислав Изотов и Игорь Волошин, много лет проработавшие в «Вымпеле», и за короткий срок создали негосударственную структуру с отлаженной, четкой службой информации и анализа, с отменным банком данных, в памяти

которого хранились сведения о большинстве охранных агентств, служб, фондов и групп социальной защиты. Работники Ассоциации обзавелись завидными возможностями быстро и всесторонне проверять как отдельных граждан, так и целые фирмы, чем не преминули воспользоваться не только органы МВД, но и криминальные структуры. Вернее, попытались воспользоваться и получили от ворот поворот. Ассоциация объединяла более тысячи бывших агентов спецподразделений и могла отстоять себя на любом уровне.

Правда, вице-президент «Барса» был ранен во время одного из «наездов» и вынужденно покинул свой пост, а его место занял Валерий Шевченко, бывший командир звена «Зет» группы «Вымпел», специалист по десантно-диверсионным операциям, мастер рукопашного боя.

Двадцать второго сентября к зданию штаб-квартиры Ассоциации, имеющему многодиапазонную систему безопасности, подкатили две иномарки: джип «мицубиси» и длинный, серый, похожий на крокодила «ролле-ройс». Из них выбрались двенадцать человек в одинаковых блестящих плащах с поднятыми воротниками и двинулись ко входу в особняк из красного «дореволюционного» кирпича. Четверо разошлись парами вдоль фасада, остальные остановились у крыльца, с виду – самого обыкновенного, из серых бетонных панелей, и белой гипсовой решетки, однако предводитель отряда знал, очевидно, об особенностях подхода к зданию и, вступив на крыльцо один, тронул кнопку звонка, над которой торчал глазок миниатюрной телекамеры.

– Пароль? – произнес динамик металлическим голосом.

– «Динозавр», – ответил командир приехавшего отряда, светловолосый, прозрачноглазый и крутоплечий.

– Личный код?

Командир назвал несколько цифр.

– Тактильный тест.

Молодой человек прижал большой палец к зеркальному кружку под телекамерой. На крошечной панели зажегся и погас желтый огонек. Дверь медленно открылась. Тотчас же командир сунул под дверь деревянный клин, и члены «команды плаща и кинжала» вошли в здание.

За дверью начинался небольшой холл с выходами в коридор первого этажа и на лестницу, ведущую на второй этаж. Обычной пропускной вертушки, характерной для такого рода заведений, здесь не было: два охранника располагались в прозрачных полуцилиндрах слева и справа от входа, хотя пользовались ими редко, предпочитая коротать время за разговором в холле возле окна раздевалки или смотреть телевизор, встроенный в стену. Оба были вооружены пистолетами, поэтому реагировали на вторжение стандартно: один положил руку на кобуру, второй двинулся к блондину в плаще, подняв ладонь.

– Минуту, господа, прошу предъявить пропуска.

В то же мгновение двое гостей распахнули свое плащи и показали охранникам спрятанные под ними «никонь», а третий и вовсе достал из-под полы двухстанковый гранатомет «Клюв».

– Руки! И тихо!

Охранники послушно подняли вверх руки.

– Зови сюда начальство, – приказал одному из них блондин. – Президента и вице-президента. Живее!

Охранники переглянулись.

– Президент в командировке...

– Ну, тогда его зама, Шевченко.

– Я слушаю вас, – раздался уверенный энергичный голос, и с лестницы спустился улыбающийся вице-президент Ассоциации. – С кем имею честь?

– Военная контрразведка, майор Кийк, – представился блондин. – Обеспечьте нам доступ к вашим банкам данных, мы ловим опасного террориста, покушавшегося на жизнь министра обороны.

– По моим сведениям, на жизнь министра осмеливается покушаться только «Чистилище», а по этой организации у нас нет никаких сведений. Зато есть информация о военной контрразведке «Смерш». До сего времени майор Кийк в ее составе не числился. Так что говорите правду, какую из спецслужб вы представляете.

– Что с ним церемониться, – процедил спутник блондина, такой же рослый и плечистый. – Давай поднимемся в машинное отделение и выясним все сами.

– Не советую, молодой человек, – заулыбался еще шире Шевченко. – И опустите свои пукалки, мы тут этого не любим. Итак,

майор? А может быть, и не майор, а, скажем, капитан?

Кийк пристально посмотрел на обманчиво простодушное, безмятежное лицо вице-президента «Барса», как бы взвешивая его слова.

– Мы из спецгруппы Министерства обороны, и у нас есть все необходимые разрешения на проверку вашей канторы. Дайте нам доступ к архиву, и мы мирно разойдемся.

– А иначе?

Кийк кивнул своему спутнику, и тот дал очередь по стене, задел телевизор, который взорвался с оглушительным шумом.

В то же мгновение из потолка выпали прозрачные стеклянные пластины, огородив группу с трех сторон и давая ей возможность выйти на улицу. Из невидимого динамика послышался насмешливый голос вице-президента Ассоциации:

– Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову, майор. Для того чтобы получить доступ к нашим сетям, тебе нужно получить карт-бланш лично из рук Генерального прокурора. Так что дуй туда, откуда пришел. А за нанесенный ущерб, капитан Кийк, придется заплатить твоему непосредственному начальнику...

Шевченко повернулся спиной к ошеломленной группе вторжения. Охранники опустили руки, мгновенно очутившись в своих полуцилиндрах, и уже доставали табельное оружие.

Кийк задумчиво глядел вслед вице-президенту Ассоциации, пока тот не скрылся на лестнице второго этажа.

– Может, подготовить стекло, разбить? – поднял автомат напарник капитана.

– Скорее всего оно бронированное. Да и шума поднимать пока не стоит, наверняка у них подготовлено немало подобных сюрпризов.

– Ты же говорил, что все знаешь. Вошли-то мы нормально, даже дактилоскоп сработал на нашу «липу».

– К сожалению, наш информатор не посвящен во все тайны «Барса». – Кийк содрал с большого пальца прозрачный лоскутик чужого папиллярного узора. – Пошли отсюда. Я все равно узнал, что хотел.

Команда «Анальгин» уехала.

На втором этаже здания вице-президент Ассоциации набрал известный ему номер, включил кодовое шумовое подавление от

вероятного прослушивания и сказал поднявшему трубку Громову:

– Конкуренты наконец «засветились», Дмитрий Олегович.

– Кто именно? – спросил лидер «ККК».

– Группа Минобороны три «О», или, как они себя назвали, «Анальгин». Приехал лично Кийк с телохраном Юргена, а я с ним знаком: бывший тренер по «унибосу» и системам реального боя в службе безопасности. Мощный мужик.

– Что им было надо?

– Доступ к банкам данных, якобы для поисков террористов, готовивших покушение на их министра. Думаю, они просто «бьют по площадям» в связи с появлением в печати нашего плана.

– Дыма без огня не бывает, Валерий Егорович, придется поискать их информатора. И вот еще что, комиссар. «Федепасы» взяли художника Шерхова, который рисовал нашу эмблему. Понимаешь, о чем речь?

Шевченко молчал. Это был приговор: не художнику, а исполнителю, приходившему к художнику с заданием от «Чистилища».

– Учти еще одно обстоятельство, – продолжал координатор «ККК». – Шерхов – приятель прежнего лидера «Чистилища» Завьялова.

– Учту, – после секундной заминки ответил Шевченко. – Может быть, обойтись длительной командировкой? Мне его жаль...

– Мне тоже, но сейчас не до сантиментов. И последнее: в Рязани кто-то снова начал работать под нас и хорошо потряс Боксера с его бандой. Не твой ли это приятель-ганфайтер? Найди его, пора уже ему определиться.

Громов попрощался и положил трубку, а вице-президент «Барса» еще долго сидел за столом в одиночестве, пил минералку и взвешивал все «за» и «против» своего участия в деятельности «Чистилища».

СОПРОВОЖДЕНИЕ ЦЕННОГО ГРУЗА

Кристина была грустна, но держалась хорошо, чтобы не расстраивать Стаса, который тоже не выглядел слишком веселым и все высматривал в толпе провожающих Матвея.

– Он сейчас в Москве, – сказал Василий бодро, хотя его настроение оставляло желать лучшего. Вдобавок ему казалось, что за ними кто-то все время наблюдает, хотя с виду до этого вроде бы никому не было дела. – Закончит хлопоты и приедет. А ты за это время должен вылечить свою ногу, да и приемы учи, которые я показывал.

Мальчишка бросил на Балуюва застенчивый взгляд, кивнул серьезно, по-взрослому.

– Будь уверен, дядя Вася, я все сделаю. И за ней присмотрю.

– Да уж, присмотри, чтобы никто не обижал. Пошли в вагон, поезд через пять минут отходит.

Кристина, поискав в толпе Соболева, молча поднялась в вагон. За ней забрался Стас, отвергнув протянутую руку. Он все старался делать самостоятельно. Напрягшейся спиной Василий почувствовал чей-то взгляд, но не обернулся, вскакивая на подножку одним пружинистым прыжком. За ним, охнув, взлетел на ступеньку кто-то еще, наткнувшись на локоть Балуюва. Василий едва сдержал второй удар, оглянулся и узнал Валерия Шевченко, вербовавшего его недавно в «ККК».

– Осторожно, елки зеленые! – прошипел Шевченко, потирая грудь. – Ребро сломаешь!

– А ты не прячься за спиной, я этого не люблю. Это твои люди меня пасут?

– Мои, мои. Надо признаться, ты в хорошей форме. Пошли поговорим.

– Поезд сейчас тронется.

– Далеко собрался?

Василии немного поколебался.

– В Тамбов провожаю своих знакомых.

– Сами доедут. Скажи, что у тебя срочные дела, и поехали с нами, шеф ждет.

– Я обещал другу доставить его жену и сына в целости и сохранности.

– Не маленькие, доберутся.

– Я сказал – нет!

Глаза Василия, по-кошачьи желтые, изучающие, осторожные, встретились с глазами Шевченко, серыми, веселыми, но насмешливо-предупреждающими. Комиссар-5 «Чистилища» отступил.

– Ну хорошо, подождем. Когда вернешься?

– Через три-четыре дня. Где тебя искать?

– Найдешь в столице в Ассоциации «Барс». Это Марьина роща, я буду там. Но не позже чем через четыре дня, идет?

И Шевченко растворился в перронной сутолоке. Проводник закрыл дверь, поезд медленно поплыл мимо вокзала.

– Заходите, сейчас билеты буду... – Проводник, усталый, весь какой-то взлохмаченный, но одетый аккуратно, даже немного щеголевато, вдруг уставился на Василия с нескрываемым изумлением. – Не может быть! Ты ли это, Баловень?!

– Мать Божья – Петяня! – присмотрелся получше к проводнику Василий. – Какими судьбами? Я смотрю, вроде знакомы... но потом занялся своими... а это ты! Ну, никак не ожидал...

– Да и я тоже, столько лет прошло. Ты на каком месте едешь? Впрочем, что это я, соберу билеты, поговорим. Ну надо же, мать честная, однокашника встретить через столько лет!

Бывший одноклассник Балуева проследовал в вагон. Василий встал у окна вместе со Стасом и Кристиной, разглядывающими пейзажи за окном.

Четвертым попутчиком в купе оказался молодой мужик примерно того же возраста, что и Балуев, поглядывающий на Кристину с видимым интересом. Он явно жаждал познакомиться, и вскоре все знали, что его зовут Всеволодом, ему двадцать восемь лет, он не женат, воевал в Грузии, Чечне, а теперь занимается предпринимательством, что в переводе означало: перепродает товар, купленный на оптовых рынках Москвы.

Сначала Всеволод рассказывал о своих воинских подвигах, к чему Василий отнесся весьма скептически: вид у Севки, так он попросил

его запросто называть, был далеко не геройский. Щуплый, малорослый, с жидкими соломенными усиками, он походил на взбудораженного воробья! Но примеры своего участия в боевых действиях привел весьма жутковатые.

– Я и в плену у чеченцев побывал, – с гордостью заявил он, доставая бутылку шампанского. – Как выжил – сам удивляюсь. Мы держали оборону в одном из домов в Грозном, при их наступлении, ну и... В общем, пришлось сдать, они дом подожгли. Меня сразу ударили ногой в пах и прикладом по голове, отключили с ходу. Пришел в сознание уже в подвале, рядом какой-то парень лежит на спине лицом вверх... Я подполз и... – На миг возбуждение Всеволода схлынуло. – В общем, на груди у него на бечевке висели его уши, язык, два пальца и пол... – Всеволод быстро взглянул на Кристину, усмехнулся. – В общем, думаю, хана мне, обработают, как его... Но меня они почему-то не тронули, только били. А у моих сослуживцев... Юрке Сосновскому лицо паяльной лампой сожгли, другим скручивали руки и ноги колючей проволокой, почки отбивали...

– Боже мой! – прошептала Кристина.

– Да мы-то что – солдаты, – засмеялся Всеволод, – а вот что они делали с женщинами!..

– Давайте открою, – перебил словоохотливого попутчика Василий. – Может быть, расскажете что-нибудь повеселей? А то в горло ничего не полезет.

Севка снисходительно посмотрел на него, протянул бутылку.

– Гляжу, ты не воевал.

– Не пришлось.

– Гражданского сразу видно. Что ж, можно и повеселей что-нибудь. Не возражаете, если я о своей работе?

– Отнюдь, – слабо улыбнулась Кристина, перехватив красноречивый взгляд Василия.

Он аккуратно откупорил шампанское, поставил на столик.

– Как ты лихо открыл бутылку! – восхитился Всеволод. – А я вот всегда стреляю, однажды всех облил в вагоне.

– А оно с глушителем, – серьезно ответил Василий. Попутчик захохотал, Кристина засмеялась тоже, лишь Стас глянул исподлобья и снова уткнулся в окно.

– И чем же вы занимаетесь? – спросил Василий после того, как все выпили по глотку розового мускатного. Проводник собрал билеты, предложил Василию зайти в его купе, и они договорились встретиться через полчаса.

– Знакомый? – кивнул на дверь Севка.

– Одноклассник, – ответил Василий коротко.

– Надо же, какая встреча. Вот и я с одним другом наезжаю в столицу, вместе учились в школе.

Далее разговор перешел в русло обсуждения практических выгод торговли, основанной на разнице цен в Москве и других городах России; сам Севка вез в Тамбов партию сигарет «Мор». Продавал он и пуховики, и джинсы, и куртки, и сухие напитки «Зуко», и черт знает что еще!

– Я и в Москву кое-что привожу, – похвастался захмелевший предприниматель. – Например, пользуются большим спросом наши тамбовские плетенки, кроссовки, да и ножи тоже хорошо идут, только с ними мороки много. Зажигалки тоже... Больше всего люблю Черкизовский рынок, рэкетеры там милые. Все в элегантных кепочках, широких штанах и китайских кожанках. Изымут по пятьдесят штук и мирно в сторонку, зато больше никто не клеится...

Василию надоело слушать его треп, и он, предупредив Кристину, чтобы его не ждали и укладывались спать, ушел к бывшему школьному корешу Петру Плясунову, Петяне, с которым проучился с первого до одиннадцатого класса.

Проговорили они до часу ночи, хотя проводнику приходилось то и дело отлучаться: то чай кто-то попросит, то шашки, то газету; потом пришли ревизоры, хмурые и неразговорчивые, прицепились к тому, что туалет в вагоне плохо закрывается, хотя вина проводника в этой беде была весьма проблематичной. До акта не дошло, Петяня откупился. Пришел в свое купе грустный, развел руками:

– Сто штук отдал. А что сделаешь? Акт накатают, так меня за него не только с рейса снимут, а вообще засунут в отстойник на пару месяцев стеречь вагоны.

– И часто проверяют?

– Почитай, два раза за рейс. Но обычно они устраивают посиделки в штабном вагоне, мы только оброк собираем – по

пятьдесят штук с вагона. Прикинь: в составе шестнадцать-восемнадцать вагонов, умножь на пятьдесят...

– Восемьсот-девятьсот тысяч?

– Если рейс длинный, то до десятка раз заходят, так что зарабатывают ребята будь здоров! А прицепиться им – раз плюнуть: за «зайцев», за сокрытие мест, за антисанитарию, даже за отсутствие таблички на двери проводника. Выпьешь? Есть «Посольская», вино хорошее – «Саперави»...

– Спасибо, Петяня, не употребляю. Да и выпил уже глоток шампанского, попутчик угостил.

– Дохлый такой, веселый? Твою даму обхаживает. Кто она тебе? Сестра, жена? А пацан?

– Это жена и сын моего друга, везу их... на каникулы. – В подробности Василий вдаваться не стал. – Но если тебе невыгодно работать проводником, зачем едешь?

– Почему невыгодно? Я за рейс, кроме зарплаты, имею в два раза больше. – Петяня смущенно покряхтел, снова развел руками. – А что делать, Баловень? Как другие, так и я. Не зубы же класть на полку. Это ты у нас университет кончал в Москве, да там и остался, а я только школу да пару коридоров в железнодорожном котовском училище. Да в Тамбов переехал. Зарабатываю как могу. Из нашего класса почти все в Котовске осели, только ты да Валерка Хапилин уехали в центр. Вера Холодная в деревне живет, Юрковский тоже...

Разговор перескочил на одноклассников, и они принялись вспоминать одного за другим, переживая приятные чувства дружеского единения и теплой грусти.

Потом вернулись к делам на «железке». Петяня привел несколько примеров, как на нем зарабатывают другие служители дороги, и Василий подивился его оптимизму: поборами занимались все – от бригадира поезда до работников прачечной.

– Сдаешь, к примеру, белье, пересчитываешь – пятьдесят простыней. А они посчитают, говорят: у тебя тут только сорок девять. Не веришь? Считай сам. Считаешь – а там уже сорок восемь! Не скажешь же им, что получилось еще меньше, вот и говоришь – ваша правда. И за простыню отваливаешь несколько тысяч. Как они умудряются простыни воровать на абсолютно гладком столе – для меня лично загадка.

Петяня хватанул чаю – водку на работе не пил, дорожил добрым именем и отношением пассажиров.

– А образцово-показательного кретинизма на дороге – под завязку! – Он чиркнул ладонью по горлу. – Помнишь, президент собирался проехать на поезде через всю Россию? До Тамбова не доехал: на самолет – и на юг! Реформатор хренов! Но там у нас такой шухер был – как при коммунистах! Заборы покрасили, дороги подлатали, ямы позасыпали... С одной стороны, хорошо, кое-что сделали, что сделать должны были много лет назад, а с другой – показуха! Пыль в глаза. У нас в депо в учебный класс даже компьютер поставили, хотели продемонстрировать президенту, что машинисты на нем учатся. А подведи машиниста к компьютеру, он не сможет даже включить его.

Петяня сплюнул, снова глотнул чаю.

– Ну что, спать пойдешь? Второй час уже... – Он нахмурился, что-то прикидывая про себя, покачал головой. – Может, пронесет на этот раз?

– Ты о чем? – Василий зевнул.

– Перегон тут есть один, гнилой, часто поездные «щупачи» появляются. В мое дежурство еще такого не случилось, а напарник на прошлой неделе попал в переплет. Ничего ценного не везете? А то давай спрячу у себя, проводников, как правило, не обыскивают.

Василий улыбнулся.

– Самое ценное в моем грузе – мои спутники. Не волнуйся, все будет хорошо...

И в этот момент в вагон зашли они.

Конечно, палитра интуиции у Василия была беднее, чем у Матвея Соболева, но и он чувствовал опасность и мог жить в убыстренном ритме, на пределе возможностей, иначе не стал бы ганфайтером.

«Потрошители» поездов вошли в вагон с двух сторон – двое с одной, трое с другой. Оставили в тамбурах по одному сигнальщику с рациями и медленно пошли вдоль коридора, заглядывая в каждое купе. Вооружена группа была двумя автоматами, тремя пистолетами, пружинными ножами и дубинками, изредка используя их для острастки.

В купе проводника вломились сразу двое, один с автоматом, второй с пистолетом; третий остался в коридоре. Ствол автомата

уперся Петяне в живот, а дуло пистолета («беретта М-92», отметил Василий автоматически) глянуло Балуюву в лоб.

– Тихо, не ерзайте, и все будет тип-топ! Деньги, ценности на стол. Иностранцы в вагоне есть? Коммерсанты с «капустой»?

– Да вроде н-нет, – замялся Петяня, переглядываясь с Василием, и получил удар дубинкой по уху.

– Говори, падла!

Василий мог бы атаковать этих двоих прямо сейчас, не обращая внимания на их «пушки», но в коридоре стоял третий и мог поднять тревогу, а то и стрельбу. Надо было подготовиться и заманить его в купе.

Балуюву потребовалась всего пара секунд, чтобы оценить противника (чахоточного вида мужик с пистолетом не в счет, не профессионал, да и второй, с автоматом, – тоже, хотя здоров, как бугай; а вот третий, в коридоре, явно тренирован) и рассчитать, как действовать, после чего он начал свой рискованный полет.

– Эй, – окликнул Василий третьего, – загляни – чего покажу...

И молодой бритоголовый малый в кожаном кепи купился, сделав от неожиданности шаг навстречу.

Василию никогда еще не приходилось драться в купе проводника скорого поезда, но он специально был тренирован для боя в тесных помещениях, в том числе в таких, как купе, и даже в платяном шкафу, где мог продемонстрировать искусство киина мутай – филиппинскую систему укусов, выкалывания глаз и вырывания кожи с мясом.

В отсутствие пространства для маневра наиболее эффективны не захваты, удушающие и связывающие приемы, а удары: ногой в голень, коленом в пах, низ живота, руками в шею, лицо, живот, солнечное сплетение. И Василий выдал три таких удара в стиле пананджакман [\[48\]](#), причем квадратному спортсмену с бритым черепом достался первый и самый сильный – в переносицу.

– Т-ты... к-как?! – заикнулся Петяня, сглатывая комок в горле и глядя на рухнувших громил.

– Сиди здесь, не высовывайся. Свяжи их. – Василий накинул на себя черную куртку грабителя с автоматом, надвинул на уши его кепи, подхватил автомат и выскользнул в коридор.

Двое с другой стороны вагона уже открыли другое купе и на появление Василия не реагировали, приняв его за своего. А когда один

из них случайно глянул в его сторону, было уже поздно: Василий в прыжке достал его внешней стороной стопы, в технике туй фа [49]. Второй грабитель успел только хлопнуть глазами, открыть рот и выпустить из руки сумку, которую отобрал у пассажира. Потом нога Василия обрушилась и на его голову.

Сигнальщика в этом конце вагона Василий успел перехватить, а вот второй, в тамбуре возле купе проводника, вовремя сообразил, что дело плохо, открыл дверь тамбура и сиганул из поезда на полном ходу. Василий успел только пожелать ему благополучно разбиться. Потом Петяня помог Балуюеву связать бандитов, сбегал за бригадиром и милиционером-сопровождающим и, тараща глаза, в лицах, артистически рассказал прибывшему на следующей станции наряду милиции, как проходивший по вагону во время налета один «боевой мужик» уложил всю банду и скрылся. Василий в это время уже спал.

Уговорил он школьного друга сочинить байку для милиции с трудом, но светиться лишний раз со знанием навыков рукопашного боя не хотел.

Кристина уже спала, как и коммерсант с Черкизовского рынка, Стас на верхней полке читал книжку.

– Что там за шум в коридоре, дядь Вась? – спросил он. Василий отобрал у него книгу, глянул на обложку: Генрик Сенкевич, «Крестоносцы».

– Просто кто-то с полки упал. Спи, поздно уже.

– А ты мне завтра прием дзансин покажешь? А то я подзабыл поворот.

– Непременно.

Кристина заворочалась на своем ложе, Василий прижал палец к губам, погасил свет и одним движением запрыгнул на полку напротив Стаса. Через минуту оба уснули.

В Тамбов поезд пришел в семь утра. Попрощавшись с Петяней и пообещав зайти к нему домой, Василий вывел свою «оперативную группу» на привокзальную площадь.

По рассказам Матвея он хорошо представлял, куда надо ехать, и вскоре автобус доставил их на окраину города, где начинался Тамбов – старинный, одноэтажный, с узкими сельскими улицами и деревянными домами. Пройдя две такие заасфальтированные улицы, они вышли на третью, но уже грунтовую, желтеющую песком. День

был хмурым, но дождя, кажется, не предвиделось, хотя на мокрой дороге и стояли лужи. К озирающимся путешественникам подошла ветхая бабуля в громадном клетчатом платке, фуфайке и ботах.

– Откель будешь, сынок?

– Оттель, бабуля, – пояснил Василий. Кристина посмотрела на него с укоризной.

– Мы издалека, бабушка, ищем улицу Солдатской Славы.

– Так вы на ей и стоите, милые. А к кому гости?

– Дом двадцать четыре, Соболев Кузьма Федорович.

– Так он через два дома живет, по правую руку. – Глаза старухи молодо блеснули, она показала сухонькой ручкой на дом неподалеку, с шиферной крышей и мансардой.

– Спасибо, бабушка.

– А не за что, милые. – Старушка мелко закивала, проводив глазами троицу, и вслед перекрестила их.

Дед Матвей, которому пошел уже семьдесят восьмой год, оказался небольшого роста, лысым, круглым, как шарик, и живым, как ртуть. Глаза его лучились приветливостью и улыбкой, и сразу было видно, что он добрый, веселый и безобидный. Таким он и остался в памяти Василия.

Кузьма Федорович был отменным хозяином и сам вел свое достаточно обширное хозяйство: четырехкомнатный просторный дом, где было чисто, уютно и пахло травами, двор с пристройками для коровы и кур, сад и огород. Ни одного неухоженного уголка в этом хозяйстве, хотя жил Кузьма Федорович один, рано похоронив жену и дочь.

Едва он узнал, что гостей прислал внук Матвей, как засуетился и принялся обхаживать Кристину и Стаса, сразу приняв их в свою семью. Письмо Матвея он читать не стал, махнул рукой.

– Потом почитаю. Проходите, гости любезные, располагайтесь, будьте как дома.

Несмотря на большую разницу в годах и комплекции, дед и внук – Кузьма Федорович и Матвей – имели явное сходство, и лишь цвет глаз у них был разный: у Матвея в зависимости от душевного состояния – синий или голубой, у его деда – теплый карий. Видимо, глаза Матвею достались в наследство от отца, летчика-испытателя Фомы Кузьмича Соболева, похоронившего жену десять лет назад. И если главной

чертой характера Матвея были сдержанность и спокойствие, то у Кузьмы Федоровича – доброта. Василий понял, что Кристине и Стасу с дедом Соболева будет легко и просто.

До вечера было еще далеко, и Василий надеялся уехать обратно в тот же день, после обеда, но остался на ночь, поддавшись обаянию сельской тишины и старика Соболева.

Вечером, после ужина, все сидели на веранде и пили чай, чувствуя себя как дома. Хандра у Кристины прошла, она уже нашла себе кое-какую работу по хозяйству, а в часы отдыха в ее распоряжении была библиотека Кузьмы Федоровича в пяти книжных шкафах. Стас тоже смирился со своим положением, к тому же успел познакомиться с соседским мальчишкой-однолеткой и предаваться грусти не собирался.

Кузьма Федорович говорил больше всех, соскучившись по человеческому общению. Сообщив местные новости, он поругал правительство, депутатов, милицию, потом расписал свою родословную и показал громадный пухлый фотоальбом, листая который, подробно и обстоятельно рассказывал о каждом родственнике, изображенном на снимках. Попадались там и фотографии юного Матвея, которые Кристина рассматривала с особым удовольствием.

Рядом с карточкой отца Матвея привлекала внимание фотография красивой улыбающейся женщины с ямочками на щеках, и Кузьма Федорович, любовно погладив снимок, сказал:

– А это моя Галя... Моя жена, бабушка Матвея в молодые годы. Как раз перед войной свадьбу сыграли, двадцать первого июня, а двадцать второго грянуло!.. – Кузьма Федорович глядел в альбом, а перед глазами стояла веселая жизнерадостная выпускница Борисоглебской летной школы. – Не знали мы тогда, что мне доведется дважды спасать ее – в «котле» под Вязьмой в сорок первом и в бою под Киевом в сорок третьем...

Василий вознамерился было перевести разговор в другое русло, но Кристина взглядом остановила его, и пришлось выслушать еще и историю спасения Гали бравым командиром кавалерийского эскадрона Кузьмой Соболевым.

– Только, помню, перешли Бородинское поле – попали на переформирование. Казалось, можно и вздохнуть свободно, ан нет, подсказывает ко мне мой верный друг и заместитель Коля

Калашников: «Большая беда, командир!» – «В чем дело?!» – спрашиваю. «Твою жену бросили в волоколамском госпитале, сбили ее фашисты, а вывозить вроде никто не будет. Я разнюхал: немцы собирались войти туда завтра. Лазарет – в церкви, на горе, твоя Галка там, контуженая...» Ну и помчался я назад в этот самый «котел», семьдесят верст с гаком на коне, за три часа доскакал, чуть коня не загнал...

Кузьма Федорович полез в буфет, достал початую бутылку водки, налил стопку и выпил.

– Тебе не предлагаю, вижу, не потребляешь. – Сел за стол, нахмутив поредевшие соломенные брови. – А дальше нашел церквушку и прямо туда. Ору: «Где там у вас раненая летчица Соболева?!» Медперсонал – видят, человек не в себе, живо проводили к ней. И вижу – лежит она, моя Галочка, Галина Ивановна, на кровати. Худая, бледная, круги под глазами... – Голос Кузьмы Федоровича пресекся, но он справился с собой. – Упал я на колени перед ней, а тут сзади: «Руки вверх! Бросай оружие!» – чекисты, значит: сказал им кто-то, что, мол, лазутчик появился... Проверили документы, и старший интересуется: «Зачем пожаловал в такую даль?» – «За женой, – говорю. – Забрать велено, родственница она... маршала Жукова, Георгия Константиновича...» Не поверил, а мне терять нечего. «Стоять! – кричу. – За углом в перелеске меня эскадрон ждет, не появлюсь через час – выскочат мои орлы, в капусту изрубят!» А тот поверил, натурально все было сыграно, хотя один я, конечно, приехал... Ну, забрал ее, родимую, на коня – и ходу! Так и вывез, не то под немца попала бы, а немцы, известное дело, раненую, да еще летчицу, не помиловали бы...

Кузьма Федорович примолк, закрыл альбом, посидел с закрытыми глазами, баюкая его на руках и виновато глядя на примолкших гостей.

– Простите старика, расчувствовался... Старики – они все только памятью и живы...

Уехал Василий на следующий день, уверенный в том, что решение Матвея правильное и что Кристине со Стасом жить здесь будет хорошо.

ДОРОГА К ХРАМУ

Весь путь до Москвы – преодолели за час с четвертью! – Матвей размышлял о предупреждении Ульяны и о том, что за ним стояло. Было ясно, что Ульяна послужила транслятором – авешей кого-то из иерархов, внедрившихся в ее сознание, но кого именно, определить с ходу не представлялось возможным. Это мог быть декарх, или экзарх, или еще кто-то рангом пониже, мог выйти в запрещенную реальность и Тарас Горшин, хотя более вероятным Матвей считал выход Светлены, спутницы-«секретарши» инфарха. Но почему она советовала «не соглашаться работать на „федепасов“, догадаться было трудно. В любом случае это была одна из контор, не запятнавшая себя так, как другие.

Что ж, придется держать ухо востро, подумал Матвей. Светлена, если это она, предупреждать зря не станет. Как и Горшин.

В кабине машины их было всего трое: водитель, генерал Первухин и Матвей Соболев. Вторая машина с отрядом захвата следовала в кильватере и не отставала, хотя мчались они по ночному шоссе со скоростью никак не меньше двухсот километров в час.

Разговаривали мало. Первухин задал несколько ничего не значащих вопросов, перекинулся парой фраз с водителем и замолчал. Матвей же сделал вид, что дремлет, и послал ментальный призыв Кристине, но, поскольку ответа не получил, вскоре и в самом деле задремал. Проснулся же, когда машина подъехала к Лубянке.

Шел пятый час утра, когда они вошли в вестибюль левого крыла здания ФСБ. Матвей здесь никогда не был, но по описанию тех, кто знал, хорошо представлял, куда идти. Может быть, все-таки не стоило лезть в пасть льва, подумал, поднимаясь на второй этаж вслед за Первухиным по мраморным ступеням, покрытым красным ковром. Выбраться отсюда будет гораздо сложнее, чем войти.

Генерал Коваль Сергей Вениаминович работал в своем кабинете, несмотря на столь поздний – или, скорее, ранний – час. При случае он, конечно, мог бы прилечь и здесь, имея неплохо оборудованную спальню, но в этот раз даже не прикорнул, что было заметно по красным глазам и припухлостям под ними. Адьютанта, естественно, в

приемной не оказалось, хотя был охранник, прозрачноглазый молодой человек с цепким взглядом и уверенными движениями профессионала. Первухин кивнул ему и прошел в кабинет. Матвей последовал за ним.

Директор Федеральной службы безопасности отложил в сторону электронный щуп-стило для работы с настольным дисплеем компьютера, потер лицо, включил верхний свет и некоторое время рассматривал Матвея глубоко посаженными темными глазами.

– Так вот он какой, волкодав-«абсолют» Соболев, – произнес наконец. – С виду и не скажешь, а, Федор Ильич? Может быть, ты не того сокола прихватил?

– Того, – улыбнулся Первухин. – Он вычислил нас еще до начала операции. А в машине, кстати, спал как младенец.

– Да ну? – удивился Сергей Вениаминович не слишком натурально. – Отличные нервы. Молодой человек, вы догадываетесь, по какому поводу вас доставили сюда?

Матвею вдруг показалось, что струя холодного тумана попыталась проникнуть ему в затылок. Он напрягся: ощущение прошло, но заноза чужого взгляда в спине осталась. Вспотели пальцы ног. Неужели Конкере?! Здесь?! Первухин? Или сам директор?..

– Догадываюсь, – проговорил Матвей равнодушно. – Поскольку без наручников, следовательно, вербовка светлую.

– Ишь ты! – снова удивился Коваль. – Умен. Что ж, все правильно, поговорим о вашей работе в нашей конторе.

– Поговорим о вашем предложении работать на контору, – поправил Матвей.

– Хамишь, ганфайтер, – укоризненно покачал головой Первухин. – Перед тобой все-таки директор Федеральной безопасности, а не директор цирка.

Матвей глянул на него холодными голубыми глазами, и генерал ощутил внутреннюю силу этого совсем еще молодого, но безусловно знающего себе цену человека.

– Ну, насчет этого у него может сложиться собственное мнение, – усмехнулся Сергей Вениаминович.

– Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверия начальства? – удивился Первухин.

Матвей с любопытством посмотрел на простоватое с виду лицо начальника Управления специальных операций, который только что

процитировал Козьму Пруткова.

– Не будем ходить вокруг да около. – Директор ФСБ откинулся в кресле, потянулся, так что хрустнули кости. – Извини, капитан, пора возвращаться на службу. Положение таково, что требуется твой навык ганфайтера-перехватчика. Дел непростоворот: утечка оружия, информации, ультраправые подняли голову, набрала мощь Сверхсистема, все активнее вмешивается в политическую жизнь страны «Чистилище»... В общем, ты нужен. Мне тебя рекомендовал один... уважаемый человек, так что не подведи.

– Генерал, у вас неверное представление о ганфайтерах и обо мне в частности, – бесстрастно сказал Матвей. – Ганфайтеры всегда стояли вне политики, подчиняясь конкретным задачам перехвата шпионов, диверсантов и террористов. Что касается меня, то я – контрактник, понимаете? Да, я работал на «Смерш», но срок моего контракта истек, и теперь я волен принимать любое решение. Кстати, я его и принял: в нынешней адской сшибке амбиций и стремления к власти мне вариться не хочется ни в чьем котле.

– Капитан, боюсь, ты не совсем верно оцениваешь ситуацию, – недовольно сказал Первухин, лицо которого мгновенно изменилось: оно стало жестким, властным, решительным. – Отсюда у тебя только два пути – в нашу команду или в Бутырку. Так что выбор невелик.

Матвей покачал головой, в глазах его мелькнули грусть и сочувствие, и Сергей Вениаминович, внимательно наблюдая за ним, невольно преисполнился восхищения: бывший контрразведчик держался так естественно, что его спокойствие вызывало уважение. К тому же от него исходило некое магнетическое поле внутренней силы и готовность в случае чего к мгновенному отпору, что говорило и в самом деле о необычных способностях этого парня.

– Я мог бы уйти от ваших мальчиков еще в Рязани, – сказал Матвей, внутренне напрягаясь, потому что снова почувствовал спиной темный взгляд. Но теперь уж точно знал, что ни начальник Управления спецопераций, ни директор ФСБ не были авешей Монарха.

– Чего же не ушел? – усмехнулся Первухин.

– Не хотел будить семью.

И генерал сразу поверил ему.

– Короче, волкодав. Предлагаем возглавить оперативную спецкоманду быстрого реагирования из двенадцати человек, в которую

входят семь «суперов», охотники, стрелки, техники.

– Нет, – без колебаний ответил Матвей. – Я всегда работал в одиночку.

– Ты даже не хочешь спросить, чем будет заниматься команда?

– Не хочу.

– Ну, тогда...

– Погоди, Федор Ильич, – перебил Первухина Сергей Вениаминович. – Дай-ка мне поговорить с ним наедине.

– Но...

– Позови Хватова, сам посиди в приемной.

Первухин подтянулся, глянул на стоявшего в свободной, расслабленной позе Соболева и вышел. И сразу же в кабинете появился давешний молодой человек приятной наружности. Матвею не нужно было даже приглядываться к нему, вся его нервная система тут же отреагировала соответствующим образом: это был авеша – внедренный в сознание обычного человека пси-двойник Монарха Тьмы. Или кого-то из иерархов.

– Итак, он не принимает нашего предложения? – произнес капитан Хватов, подрагивая уголками губ, словно сдерживая смех.

– Увы, мой друг.

– Кто вы? – медленно проговорил Матвей, выдерживая стремительный удар чужого импульса внушения.

– А он мне нравится, – рассмеялся Хватов, показывая ровные, крепкие белые зубы. – Сразу быка за рога... Я пашу-бхава, если будет угодно. Знаком термин? В отличие от вира-бхава – иерархов. Но ведь и ты не дивья-бхава [\[50\]](#), ганфайтер, хотя и стремишься создать впечатление благородного рыцаря, постоянно подвергаешь опасности тех, кто рядом, не так ли?

– Может быть, не задумывался. – Глаза Матвея потемнели, стали синими, излучающими. – Я просто придерживаюсь принципа апариграхи [\[51\]](#).

– Неплохой принцип, но не для меня. Я исповедую другие.

– Поздравляю. – В голосе Соболева проскользнула ирония, но глядел он в этот момент не на Хватова, а на директора ФСБ. – Кажется, генерал, вы приобрели себе достойного союзника. Только учтите, год назад он играл на другой стороне.

– Я всегда играю на своей стороне, – подчеркнул Хватов. – Времена меняются, вчера я играл против, сегодня играю за.

– Разве добро и зло тоже поменялись местами?

– Ну вот, ты опять затеваешь схоластический спор! Как зло, так и добро – это отклонение от нормы. Таков закон вашей реальности. Но что такое зло в твоём понимании? Да, очевидно, сами по себе войны, преступность, болезни типа СПИДа – страшные вещи, но для рода homo sapiens они эволюционно полезны! Кто выживет – тот будет иметь иммунную и психическую устойчивость.

– Зачем вам понадобилось превращать насекомых в людей вопреки воле остальных Аморфов?

Глаза Хватова округлились, он опять рассмеялся.

– Парень, неужели ты всерьез считаешь, что я Монарх? Если бы здесь появился ОН, лично, реальность просто изменилась бы в нужную ему сторону! Я же просто авеша, одна из реализаций его Проекции на реальность, в масштабном сравнении – один из муравьев гигантского муравейника, который и есть Монарх. А что касается превращения... – Хватов самодовольно ухмыльнулся. – Мне, вернее, ему было интересно, что получится. Но ты не совсем прав – не вопреки воле Аморфов, ибо я, то есть Он, – тоже один из Аморфов.

– Погодите, погодите, – обрел наконец дар речи Сергей Вениаминович, едва успевая переводить взгляд с одного на другого. – Какие превращения?! Какие насекомые?! О чем вы болтаете? Как это можно превращать насекомых в людей?!

– Ну, процесс это длительный, – дернул уголком губ Хватов, подмигивая Матвею, – но возможный. Сотни миллионов лет назад некто, скажем, Аморф или, точнее, Безличный Творец – этот молодой человек называет его Монархом Тьмы, – проделал эксперимент с отрядом Блаттоптера сапиенс...

– Тараканов разумных, – перевел Матвей, сочувствуя директору ФСБ. – Не по-человечески разумных, конечно, но сути это не меняет. В те времена на Земле жили разумные насекомые. Инсекты, не угодившие чем-то истинным хозяевам нашей реальности, которые взяли и просто уменьшили их в размерах. Так образовались современные насекомые. А вот тараканы, Блаттоптера сапиенс или какой-то их вид, метаморфически изменились, дав начало роду человеческому. Я понятно объяснил?

Хватов пристально смотрел на Матвея, и по лицу его бродили тени, отражавшие внутреннюю, не ведомую никому борьбу эмоций.

– Чушь! – очнулся Коваль, стукнув ладонью по бумагам на столе. – Прекратите пороть чепуху, вы, оба! Главное – он отказался, понимаете, капитан? И теперь следует решить, что с ним делать.

– Не надо ничего решать, – тихо сказал Матвей. – Я ваших секретов не знаю, работать на спецслужбы не буду и опасности не представляю... если меня не трогать. Прикажите своим людям выпустить меня отсюда.

Сергей Вениаминович побагровел, рванул пальцами узел галстука.

– Ты... да что ты о себе возомнил, мальчишка?! Я же тебя... одним пальцем... лично... – Директор ФСБ выдернул из ящика стола небольшой красивый пистолет. – Что с ним церемониться, капитан!

В то же мгновение Матвей, давно готовившийся к сверхрежиму, вошел в меоз и... исчез. Для генерала, конечно. Потом возник уже сзади, ловко выдернул пистолет из руки Сергея Вениаминовича, направил на Хватова.

– Пошли, капитан?

Хватов сморщился, покачал головой.

– На авешу «глушак» не действует, Соболев. Он в состоянии отключить лишь сознание нормального человека, но не пси-матрицу авеши. Меня тебе не пройти. Боюсь, ты в патовом положении.

– Я пройду тебя, – сказал Матвей, бросая суггестор «удав» в угол кабинета.

Это был самый странный и самый напряженный бой из всех проведенных Матвеем когда-либо.

Ни Матвей, ни его противник не тратили силы на кихон – «разгон воздуха», то есть на какие-то замахи, уклоны, хитрые телодвижения, прыжки и подкаты, они просто замерли друг против друга, глядя поверх головы соперника [\[52\]](#) – то есть на уровне инстинктивного перехвата атаки еще до окончательного ее формирования. Оба отлично знали уязвимые места на человеческом теле и готовили молниеносную атаку в одну из болевых точек. Но ни одна мысленно перед этим проигранная атака ни у того, ни у другого не прошла! Оба, что называется, были наглухо закрыты своими рефлекторно-защитными

ответами на уровне психического восприятия, а значит – и на уровне физического действия.

Разум в принципе – самый убогий и ненадежный инструмент сознания, в бою мастеров он участия не принимает. Матвей на режиме всегда уходил в состояние мусин, то есть состояние полного «отсутствия разума», именно поэтому его реакция намного превосходила обычную человеческую. Но и капитан Хватов владел мусин и мог жить ускоренно в режиме меоза, поэтому их столкновение было невидимо нормальному человеческому глазу, и даже директор ФСБ, единственный свидетель поединка, почувствовал его необходимость и скрытую мощь.

Наконец они закончили этап анализа мастерства друг друга. Настал черед приемов: Матвей работал в стиле карате-дзицу, двойной удар-блок-укол и встречный стопорящий удар, прерывающий атаку противника, Хватов – в стиле саватт – французского бокса.

Удары прошли!

Капитан отлетел к двери, сбив стул, но на ногах все же удержался, а Матвей вдруг почувствовал подступившую дурноту и слабость, хотя костяшки сжатых пальцев Хватова едва коснулись его груди.

«Техника смертельного касания! – произнес кто-то внутри Матвея хладнокровно. – С передачей раппорта на паралич нервного узла. Не подпускай его на дистанцию поражения...»

«Сам знаю!» – огрызнулся Матвей, покрываясь холодным потом от усилия, способного очистить нервную систему: меоз не позволил развиваться процессу парализации, но и сил отнял немало.

– Отлично, ганфайтер! – похвалил Хватов, наблюдая за ним. – Ты хорошо подготовлен к тонгла, но я еще не все показал, что умею. Впрочем, как и в тот раз, когда вас было двое.

– Самандар! – озарило Матвея.

– Авешей Монарха может быть любой светящийся в моей реальности. Самандар – один из достаточно ярких светящихся и наиболее подготовлен к восприятию внешнего волеизъявления. Ну что, продолжим урок?

– Э-э, – вышел наконец из ступора Сергей Вениаминович, – какой Самандар, о чем вы бормочете? Капитан, в чем дело? Я могу просто вызвать охрану...

– Не стоит, генерал, мы договоримся. Пусть Соболев денек погуляет на воле, подумает, а завтра вечером даст ответ.

– На воле?! Да он же просто сбежит!

– Не сбежит, и он знает почему.

– Почему?

– Существуют две причины. Первая: сентиментальная привязанность к семье... пусть и чужой, странная для ганфайтера класса «абсолют». И вторая: отсутствие надежного убежища. В этой реальности его можно отыскать везде, куда бы он ни спрятался.

– Вы уверены, капитан? – Коваль остыл и, поскольку Хватов не ответил, вызвал Первухина. – Федор Ильич, проводите.

В шесть часов утра Матвей вышел из здания ФСБ к станции метро «Лубянка». Подумал немного, отмечая редких еще пассажиров, и вдруг решил навестить Марию. В сущности, идти ему было больше не к кому.

Он проспал до двух часов дня, заснув на диване прямо в том, в чем был, едва Мария ушла на работу.

Перед самым пробуждением приснился сон: он стал огромным и пустым, как только что рожденная Вселенная. Протянул свои руки-щупальца вперед, дотронулся до Бесконечности, ощутил холод, раздвинул сам себе грудь и вошел в нее... оказавшись в сверкающей алмазами пещере!

Где-то тихо играла тоскливая музыка, непередаваемо прекрасная, неземная, рождающая сладкую муку забытых детских воспоминаний. Изредка стены пещеры отражали шепчущее эхо чьих-то легких шагов, голоса и звуки падающих водяных капель. Своих шагов Матвей, однако, не слышал и шел как по вате. Вскоре он оказался в самом большом зале пещеры, увидел среди сталагмитовых столбов и шпилей красивую снежно-белую колонну, сотканную из паутины, на которой висел распятый человек. Подошел ближе и с ужасом понял, что это он сам!

Распятый зашевелился, поднял голову, глянул на застывшего Матвея, печально улыбнулся. Из уголка его губ на шею скользнула струйка крови.

– Ну что, дружок, нашел себя? Определил свое положение в системе Мироздания?

– Кто... ты? – хрипло пробормотал Матвей.

– Твое внутреннее состояние. Изменил бы ты его, идущий, а то мне тут не очень-то сладко. Ищи себя побыстрей.

– Где?

– Там, где ты не ищешь...

– Схоластика. Уточни.

– Тут я тебе не помощник...

Распятый Соболев растаял вместе с «паутинной» колонной, и там, где он только что был, на миг проступили очертания креста, потом – знакомой гигантской книги, и все мгновенно исчезло. Матвей проснулся. Однако облегчения не почувствовал и решения никакого не принял. Сон был слишком неопределенным, а намеки на «запасной выход» из положения помочь в реальной жизни не могли.

Мария оставила ему от квартиры ключи, но Матвей, уходя, бросил их на стол. Он знал, что сюда больше не вернется. Не то чтобы девушка ждала его все это время, но их случайные встречи давали ей какую-то надежду на продолжение их отношений, которая никогда не могла вернуть прошлых чувств.

До вечера Матвей бродил по Москве без особой цели, пока не понял, что его ведут. Тогда он посетил церковь Спаса, вход в подземный Храм Инсектов не нашел и поехал на Берсеневскую набережную, к церкви Николая Чудотворца, из которой, по словам Самандара, ход под Москвой-рекой вел в Кремль, а оттуда – еще в один Храм древних инсектоцивилизаций, вернее, в Модуль Иной Реальности.

На церкви и на древних палатах думного дьяка Аверкия Кириллова все еще висели чугунные доски с надписью: «Исторический комплекс принадлежит Научно-исследовательскому институту культуры», но церковь уже действовала по своему прямому назначению, отданная в пользование Московской епархии, и усилиями прихода была полностью восстановлена.

Матвей зашел внутрь, одарив милостыней двух древних старушек, постоял в трансепте, разглядывая темные лики святых на стенах и своде, вышел во двор. Те, кто следовал за ним, в церковь не шли, ждали на набережной: машина, три человека с аппаратурой, и на площади – двое утомленного вида пожилых мужчин со сканером в дипломате, настроенным на биопараметры ведомого, то есть Матвея

Соболева. Работали они отменно, но для Матвея установить их принадлежность спецслужбе не составило особого труда.

Во дворе он, естественно с помощью выхода в меоз, определил примерный план подземелий церкви и направился к флигелю из потемневшего от старости красного кирпича. В нем когда-то располагалась трапезная дьяка, и именно из него, этажом ниже, из подвала, начинался подземный ход, ведущий, судя по инфразвуковому эху, в сторону кремлевских стен.

Дверь во флигель была открыта, в одном из помещений горел свет, там были какие-то люди. Матвей тихо обошел первый этаж строения, нашел спуск в подвал и вскоре стоял перед штабелем коксовых шашек: котельная, отопливающая церковь, работала на угле. За штабелем в стене подвала зияла ниша, из которой тянуло сырым холодом, запахами гнили и тления. В нише на проволоке висела табличка: «Осторожно! Работы запрещены! Свод рухнул!»

Несмотря на инфракрасное видение, Матвей потратил немало времени, пока не забрался в нишу и не спустился по старым каменным ступеням в другой подвал, откуда, собственно, и начинался туннель. Дальше идти стало легче, хотя туннель больше напоминал саперный лаз, не всегда высокий, но очень узкий, так что приятного в этой прогулке было мало. Наконец Матвей достиг поворота и остановился: чутье подсказывало, что рядом, за тонкой стеной из окаменевшей глины, тянется еще один ход, и это был уже ход не в Кремль, а глубже, в его недра, в пещеру, где и должен был располагаться МИР Храма Инсек-тов. Самандар не солгал.

Постояв немного в задумчивости, попытавшись прозондировать ход до его спуска под холм Кремля, Матвей повернул обратно. Он не собирался искать Храм тотчас же, главное – появилась уверенность в существовании МИРа и в том, что проникнуть в него можно сравнительно легко.

В подвале флигеля его ждали асы слежки ФСБ.

Вспыхнул фонарь, едва не ослепивший Матвея, оглушила команда:

– Не двигаться! Руки за голову!

Матвей повиновался без единого слова.

– Обыщи его, Панас.

Чьи-то руки прошлись по одежде, помяли карманы, подмышки, брюки.

– Чисто.

– Выходи.

Во дворе церкви Матвея уже поджидал генерал Первухин.

– Что за шутки, Соболев? Неужели хотел уйти в Кремль?

– Вы что же, знаете о подземном ходе? – вопросом на вопрос ответил Матвей.

– Там их целых два, оба завалены, насколько мне известно: рухнули своды. Один пытались расчистить, но средств изыскателям не хватило, и работы свернули. Так что будем делать?

– Я согласен работать. Но мне нужно три-четыре дня на сворачивание дел в Рязани. В понедельник я буду у вас.

Первухин хмыкнул, оглядел Матвея с ног до головы, бросил ему ключ.

– Машина за церковью, на набережной, джип «мицубиси» темно-фиолетового цвета. И благодари Хватова, капитан, это он посоветовал шефу не чинить тебе препятствий, если попросишь отпуск на несколько дней.

С этими словами начальник Управления спецопераций растворился в темноте за воротами церкви, сгинула и его обойма «наружки», а Матвей остался стоять, обуреваемый желанием вернуть генерала и сказать, что передумал. Хватов не мог знать, какое решение примет Соболев, но Конкере знал. Как и Ульяна Митина, вернее, та, что передала через нее совет не работать на «федепасов» и вообще ни во что не вмешиваться.

ЛИКВИДАЦИЯ

Александр Васильевич Завьялов, бывший координатор «Чистилища», а ныне юрисконсульт частной адвокатской конторы «Алунит», ужинал в одиночестве, когда зазвонил телефон. Завьялов промокнул губы салфеткой, снял трубку и услышал сдавленный торопливый голос:

– Васильевич, беги! «Федепасы» взяли художника Шерхова, который рисовал эмблему «СК», и новый состав «Чистилища» не хочет рисковать. Понял?

– Понял. Кто звонит?

– Ни пуха! – В трубке запульсировал сигнал отбоя.

Завьялов задумчиво подержал в руке трубку, снова поднес к уху, словно собираясь продолжить разговор, и понял, что худшие его опасения подтверждаются. Для комиссаров «ККК» он сейчас как бельмо в глазу, укор и напоминание, а главное – лишний свидетель. Рано или поздно они должны были принять превентивные меры безопасности, арест «федепасами» художника лишь ускорил реализацию решения.

Надо было уходить раньше, трезво подумал Александр Васильевич. Я же, как любой русский, все надеялся на «авось»: авось пронесет, авось не вспомнят... Вспомнили! Не поздно ли бежать-то? Интересно, сколько у меня еще в запасе времени?..

Страха он не ощущал, только сожаление и грусть оттого, что отказался в свое время от предложения Рыкова. И еще в голове вертелся вопрос: кто предупредил? Рыков этого сделать не мог по причине своего прямого участия в работе «ККК» и в силу характера. То же самое можно было сказать и об остальных комиссарах. Тогда кто же?..

Завьялов быстро собрал вещи, кое-какие документы, деньги, оружие (пистолет «волк», право на ношение которого подтверждалось документом), аккуратно убрал со стола, помыл посуду, как бы проверяя стабильность своей нервной системы, погасил свет в квартире и вышел на лестничную площадку.

О том, что времени на бегство у него уже не оставалось, он догадался за мгновение до выстрела, когда распахнулась дверь лифта и в проеме возник темный силуэт, на фоне которого мелькнул тусклый блик от глушителя поднятого пистолета. Выстрела Александр Васильевич не услышал...

План ликвидации заместителя министра обороны Бурлакова Евдокима Матвеевича разрабатывал «мозговой трест» «ККК» во главе с комиссаром-четыре Бохановым. Для его выполнения Громов выделил три мейдера наружного наблюдения и подслушивания, экстремвер технического сопровождения и монаду исполнителей, всего двадцать пять человек.

Наблюдатели досконально изучили распорядок дня Бурлакова, его контакты в министерстве, время постоянных встреч, привычки, в течение недели прослушивали переговоры по телефонам и просто разговоры в компаниях и дома. В результате был рассчитан стандартный маршрут заместителя министра и его обязательные «точки контакта»: ресторан, где он обедал, второй ресторан, где ужинал, клуб «Георгий», где отдыхал в кругу друзей, катран, где играл в покер с другими любителями азартных игр, квартира, где любвеобильный Евдоким Мартынович принимал «эротический массаж».

Поскольку план «Чистилища» по ликвидации замаранных, погрязших в коррупции по уши чиновников, опубликованный в газетах, по сути представлял собой вызов системе государственного рэкета, та предприняла, естественно, кое-какие защитные меры, весьма беспрецедентные по своим масштабам: на охрану чиновничьей рати Государственной Думы, правительства, администрации президента и высшего командного состава Министерства обороны было привлечено дополнительно около шести тысяч человек! Это не считая того, что высшие должностные лица подстраховали себя сами, имея профессиональные команды телохранителей, снабженных самым современным оружием и арсеналами электронно-технических средств.

Бурлакова посменно – и круглосуточно – охраняли шестеро мощных бойцов из охранного министерского батальона «Щит», и еще двое сопровождали в фургоне с компьютерным комплексом радиоперехвата, анализа опасности и нестандартных ситуаций. Именно они командовали отрядом телохранителей, диктуя маршруты

следования, меры предосторожности, способы доставки охраняемого объекта и определяя необходимое для той или иной операции количество «стволов». Кроме того, в пользовании замминистра всегда находился дежурный вертолет и машина с группой быстрого реагирования из пяти человек. Более мощной системой охраны обладали всего три человека из упомянутых в плане «Чистилища»: министр обороны Гусев, премьер-министр и директор Федеральной службы безопасности, – хотя у каждой были свои особенности. И все же, несмотря на это, «чистильщики» не уstraшилиcь привести свой план в исполнение.

Был задействован снайперский вариант ликвидации, для чего мейдер сопровождения вывел на цель монаду исполнителей: снайпера, корректировщика и наблюдателя-охранника.

Наиболее подходящим местом для исполнения приговора был признан ресторан «Дипломат», где Бурлаков обедал, так как для снайпера была выбрана позиция на другой стороне Москвы-реки, в километре от ресторана, что увеличивало в случае необходимости возможность его отхода. Со вторника всеми звеньями ликвидационной бригады начал отрабатываться этот вариант: готовились квартиры, места расположения исполнителей, транспортные цепочки, рассчитывались с точностью до секунды шаги жертвы и действия монады.

Разрабатывались векторы отхода, средства маскировки, запасные варианты отступления. Но в четверг утром «ресторанный» вариант был отменен, так как стало известно, что Бурлаков улетает в субботу утром в Сочи с военного аэродрома в Тушине. Разработка операции была приостановлена на два часа, то есть на время анализа группой Боханова новой вводной. А потом бригада нацелилась на Тушино, потому что, вопреки общепринятому мнению о невозможности скрытого подхода к военному аэродрому, лучшее место для засады трудно было придумать. Тем более что готовили акцию военспецы, входящие в «ККК» и досконально знающие объект в Тушине.

В пятницу все было готово к проведению операции. Спикеры мейдеров и экстревера доложили гранд-оператору о готовности, а тот в свою очередь позвонил комиссару-пять. Шевченко в это время находился в своей Ассоциации, готовый, если потребуется,

подключить дополнительные силы. Он как раз вводил в курс дела появившегося Балужева. И в это время позвонил Громов:

– Валерий Егорович, с командой-один ко мне! Я у комиссара-четыре.

– Что случилось?

– Не теряй времени.

Шевченко озадаченно почесал бровь, потом переносицу, встретил взгляд Василия.

– Не нравится мне это... Придется тебе подождать меня дома, Баловень. Срочные дела. Располагайся, отдыхай, жди.

– А что произошло? Может быть, я с тобой? Неохота тут скучать одному.

Комиссар-пять думал недолго.

– Поехали, не помешаешь. Шеф вызывает по тревожной схеме, значит, появились непредвиденные обстоятельства. – Шевченко дал в эфир сигнал сбора команде-один, то есть своему личному экстремверу, и они помчались по известному адресу на Старую площадь, где находился Центр нетрадиционных технологий, возглавляемый комиссаром-четыре Бохановым Владимиром Эдуардовичем.

У девятиэтажного здания Центра был еще один этаж, десятый, о котором знали только те, кто работал в этом секретном 31-м отделе Центра. Здесь располагался компьютерный комплекс анализа информации «Чистилища», имеющий связь с большинством институтов страны и специальных организаций, в том числе – из среды силовых структур.

Громов ждал своего начальника безопасности в специальном кабинете-бункере на десятом этаже Центра, оборудованном мощным компьютером А-класса «Макинтош-Кинг». Увидев Балужева, он не удивился, только кивнул, протягивая руку:

– Как раз вовремя, Василий Никифорович. С корабля на бал. Сегодня потребуется ваша помощь.

Василий поймал его острый, насыщенный злой энергией взгляд и поежился: такого взгляда он не видел ни у одного из встречавшихся ему людей.

В кабинете находился и комиссар-четыре «Чистилища» Боханов, сидевший за пультом компьютера и не повернувший головы при появлении гостей. Руки у него лежали на двух лепестках-панелях

сверхсовременного дизайна, голова схвачена дугой наушников, у губы – усик микрофона. Напротив светился объемный экран дисплея со сложной разноцветной схемой, то и дело меняющей форму.

– Не вижу, – произнес Боханов как бы самому себе.

Видимо, компьютер ответил ему через наушники, потому что комиссар-четыре снова буркнул себе под нос: «Не хами!» – и Василий понял, что директор Центра работает на компьютере в режиме звукового диалога.

– Что случилось, Дмитрий Олегович? – спросил Шевченко.

– В дело вмешались конкурирующие структуры, – ответил Громов, подсаживаясь к компьютеру. – Исполнителей завтра утром попытаются задержать, чтобы выйти на всю нашу сеть.

– Кто может себе это позволить?

Координатор «Чистилища» улыбнулся, покосившись на Балуюева.

– У вас самооценка на высоте, Валерий Егорович. Против нас начал работать «отряд охотников за охотниками» или, как они себя называли, «Анальгин». Организация-создатель – Министерство обороны, главный руководитель – полковник Юрген, ты его знаешь.

– Еще бы, классный профессионал. Что они конкретно предприняли?

Громов взял световой щуп, коснулся лучиком света нескольких красных кружочков на схеме.

– Это их посты наблюдения. Это группа захвата. – Луч уперся в три красных стрелки. – Здесь машины сопровождения и вертолет поддержки. Как только наши ребята появятся возле аэродрома, начнется операция перехвата.

– Они уже там, – после минутного молчания сообщил Шевченко. – Гранд уже позвонил, все готово. Может быть, успеем предупредить?

– Предупреждать никого не надо, – бесстрастно сказал Громов. – Отменить операцию – значит расписаться в бессилии. Мы подготовим еще одну монаду исполнителей и выбросим в район аэродрома к моменту посадки Бурлакова в самолет.

– А как же первая группа?

– Первую подстрахуешь ты со своими орлами плюс Балуюев. Наведение на цель я обеспечу лично, связь будем держать постоянно.

Перехватишь этих «трехнулевых анальгиновцев» в тот момент, когда они начнут движение. Задание понятно?

– Так точно, генерал!

– Полковник, полковник, мне чужого звания не надо. Выезжайте прямо сейчас, по дороге обсудим детали.

– Вы с нами?

– Нет, я буду командовать отсюда. Операция перехвата, по сути, уже началась, связь через СВСС [\[53\]](#). С Богом, Валерий Егорович!

Шевченко молча подтолкнул слушающего переговоры Балую к выходу, на пороге оглянулся.

– Но как они узнали о нашей акции?!

– Похоже, у них появился информатор не хуже, чем у нас, – усмехнулся координатор «Чистилища». – Вы еще не все знаете: особая группа из Управления спецопераций ФСБ тоже крутится в районе аэродрома. Но ею занимаются другие наши люди. Так что сегодня мы сдаем экзамен по «высшему пилотажу» ликвидопераций.

Когда Шевченко и Балую спустились вниз и сели в машину, Василий наконец задал вопрос, который давно вертелся у него на языке:

– А откуда твой шеф знает о конкурентах? Да еще с такими подробностями?

– Спроси чего-нибудь полегче, – был ответ. – Но он еще не разу не ошибся.

Уже рассвело, когда снайпер первой монады исполнителей Крюков, бывший афганец, бывший инструктор по стрелковому делу в отряде «Вымпел», получил сигнал «змея». Это означало, что он обнаружен противником и должен позаботиться о себе до сигнала отступления.

Крюков удивился, потому что выбирал место себе сам, без посредников, и знал о нем только корректировщик, он же телохранитель. Но так как Крюков привык подчиняться командам – дисциплина в «Чистилище» поддерживалась жестоко, – то объясняться по рации не стал и быстро переместился на запасную позицию в сотне метров от первой – высокой сосны, с которой аэродром просматривался как на ладони. Вторая позиция представляла собой полуразрушенную и заброшенную водонапорную башню времен хрущевской оттепели, возвышающуюся над лесом и над северной

частью Тушина, с которой также открывался отличный вид на поле аэродрома с его строениями, самолетами, вышками охраны и капонирами.

День начинался облачный, но без дождя, и Крюков мимолетно порадовался этому обстоятельству, хотя радость его была чисто профессиональной: в дождь или туман точность выстрела на три километра даже из винтовки «Селигер» калибра 12,7 миллиметра, с новейшим электронно-оптическим прицелом, электронным отсеивателем помех, гидростабилизацией и звукогасителем, была бы проблематична.

Машины объекта появились на поле аэродрома в десять часов десять минут, одна впереди – «волга» оперативного сопровождения, вторая сзади – «мерседес» охраны. Сам замминистра вышел из длинного черного «членовоза» – «чайки» последней модели, пробить которую можно было разве что из танковой пушки, гранатомет ее не взял бы.

Крюков привычно протер замшей окуляр прицела, аккуратно приладил ствол на кирпичах оконного проема, принял глазом к мягкому нарамнику окуляра, и тут сзади вдруг возник кто-то бесшумный и быстрый, приставил к затылку ствол пистолета.

– Не дергайся, Крюк! Свои.

Крюков повернул голову. Рядом стоял одетый во все черное незнакомый парень в маске-«чеченке». Никакого пистолета у него в руках не было, а приставил он к затылку снайпера свой палец.

– Уходи отсюда, быстро! – продолжал незнакомец негромко. – За вами пошли охотники, операция отменяется. Во всяком случае, для вас с напарником. Его я уже предупредил. Да двигайся ты, они церемониться не станут!

Крюков молча закрыл прицел чехлом и, скользнув за незнакомцем к лестнице, прыгнул в люк. Они были уже на первом этаже, когда башню водокачки сотряс взрыв. С шумом рухнули два верхних пролета, почти засыпав два нижних. Крюков догадался, что по водонапорной башне дали залп из гранатомета.

«Ангел-спаситель» в черном поднял руку, оглянулся.

– Тише, сейчас они придут сюда, проверить, жив ты или нет.

Башня водокачки стояла в окружении развалин пакгаузов, мусорных куч и ржавых скелетов вагонов и платформ – здесь когда-то

очень давно располагалась товарная станция. И, хотя прошло много лет с тех пор, как по выросшим в землю рельсам здесь ползали маневровые паровозы и тепловозы, в воздухе витали неистребимые запахи мазута, масел, ржавого железа, состава для пропитки шпал.

– Стой здесь, не высовывайся. В случае чего стреляй. – Парень в черном бесшумно обогнул башню и исчез.

Через минуту со стороны ближайшей липовой рощицы послышался хруст стекла под каблуками, скрип гравия и кирпичной крошки. Из-за угла уцелевшей стены пакгауза показались двое в пятнистых комбинезонах, с масками на лицах. В руках одного был карабин КН с подствольным гранатометом «гроза».

Второй нес бесшумный снайперский автомат СВУ ОЦ-03. Все это Крюков отметил опытным глазом. Двое принадлежали, скорее всего, к армейскому спецназу, так как вооружены были чисто по-военному.

Черный «ниндзя» возник сзади спецназовцев, словно чертик из табакерки, приблизился к ним и ударил ребром ладони по шее того, кто нес карабин. Второй был опытен и успел отпрыгнуть в сторону, разворачиваясь и поднимая автомат, но выстрелить не успел – Крюков выстрелил первым, целясь в плечо. Парень крутанулся волчком, упал, роняя автомат и зажимая рану в предплечье. Потянулся к поясу, где был закреплен пистолет «волк» с обоймой на восемнадцать патронов. Крюков снова поднял винтовку, но незнакомец в черном опередил его, ловко отбирая у спецназовца пистолет, махнул снайперу рукой:

– Уходи!

За строениями, где начинался почерневший осенний лес, «ниндзя» кинул отобранное оружие Крюкову.

– Держи, сдашь начальству. Вариант отхода – аварийный, тут сейчас кругом полно этих военных мальчиков, обученных всеми способами уничтожать людей.

– Но у меня задание...

– Его, наверное, уже выполнили другие. Давай, Крюк.

– Кто ты?

– Много будешь знать, скоро состаришься. – И незнакомец в черном исчез, словно растворился в воздухе. Под его ногами не треснул ни один сучок, не чавкнул насыщенный влагой дерн, не хрустнула ни одна песчинка.

Когда Крюков, ошеломленный таким внезапным поворотом событий, наконец начал отходить, «ниндзя» – Василий Балув – уже нашел Шевченко и доложил о выполнении своей части задачи.

– Порядок, – ответил комиссар-пять, – не потеряли ни одного человека, только Гошу Кучкова ранило.

– Как объект?

– Готов. Две пули в голову. Так и хочется сказать: собаке – собачья смерть! Но собакой он не был, скорее, волком, наглым и злобным.

– Стрелял, видно, снайпер экстра-класса.

– А мы других не держим, – ухмыльнулся Шевченко и поднес рацию к губам. – Всем отбой.

– За что вы его убрали?

– Ни чести, ни совести... впрочем, это лирика. Генерал торговал не просто оружием, но лучшим оружием, с грифом «совсекретно». К тому же – по нашим разведданным – он один из боссов Сверхсистемы, последний из тех, кто работал еще на Купол. Поехали домой, Вася, отдохнем.

Василий молча зашагал за комиссаром «Чистилища», который так же, как и он, умел передвигаться по лесу совершенно бесшумно.

ВСТРЕЧНЫЕ ПЛАНЫ

Заседание Совета безопасности готовилось в большой тайне, поэтому проходило не в Георгиевском зале Кремля, как обычно, а в хоромах поскромнее – Оружейной палате, ухищрениями техники превращенной в абсолютно застрахованный от прослушивания спецбункер. Совет уже заседал здесь два раза: когда решалась судьба Госкомоборонпрома, Федеральной службы контрразведки и Службы внешней разведки, а также разрабатывался план «Крымской кампании» – силовое возвращение острова в лоно Федерации по «просьбе народа Крыма».

На этот раз вел совещание не президент, а всесильный глава службы безопасности генерал Коржаков, и речь шла о недопустимо незаконной деятельности «ККК», организации, замахнувшейся на «честь, ум и совесть» государства – ее гигантский, непомерно раздувшийся чиновно-бюрократический, коррумпированный Институт Власти. Впрочем, вслух такие определения властных структур никто никогда не произносил даже в личных разговорах, не говоря уже о кулуарах.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения генерала Коржакова – инициатива сбора Совета исходила от него, – было убийство «чистильщиками» заместителя министра обороны Бурлакова. Со времен захвата больницы в Буденновске Шамилем Басаевым, полевым командиром дудаевского войска, когда погибло больше ста пятидесяти человек, правительство не находилось в большей опасности, подвергаясь угрозе не просто отставки, политического ухода в небытие, но угрозе физического уничтожения! Правда, убийство Бурлакова взволновало не только Коржакова, но и всех участников заседания, четверо из которых попали в список на уничтожение, опубликованный в газетах «Чистилищем». Но самым отвратительным фактом глава службы безопасности президента считал не убийство, а послание «чистильщиков», ставшее достоянием журналистов, в котором говорилось о «подвигах» казненного. Многие из этих «подвигов» тянули в принципе на десять – двенадцать лет тюрьмы, но были и такие, за которые с ходу можно было давать

«вышку». Члены Совета безопасности, читавшие послание, все это знали, в душе соглашались со справедливостью приговора, примеряли его к себе, и атмосфера заседания была весьма унылой.

– Что произошло в Тушине, господин министр? – обратился к Гусеву Коржаков. – Почему там оказались ваши люди? И почему покушение все же удалось, Сергей Вениаминович? – Коржаков бросил взгляд на директора ФСБ. – Вы обязаны были все предусмотреть, тем более что в охране аэродрома принимал участие ваш знаменитый батальон «Щит».

– Нам помешали, – сказал Коваль. – Были приняты все меры безопасности, предусмотренные данной процедурой. Мы устроили засады, вычислили киллеров, но... вмешались некие силы, о которых не знали наши информаторы. Хочу также отметить нервную обстановку, созданную действиями спецгруппы министра обороны. Трижды возникали стычки между его людьми и нашими, тяжело ранены два бойца отряда «Гроза»...

– Мои люди ни при чем, – перебил директора Гусев. – Они знали свое дело и могли бы захватить всех исполнителей, если бы им не помешали ваши мастера. К тому же возле аэродрома были замечены и другие спецподразделения, которых там не должно было быть. – Министр обороны бросил косой взгляд на министра МВД.

– Не так ли, Леонид Арнольдович?

– Мы тоже занимаемся «Чистилищем», – ответил надутый Пашин, – и получили информацию о готовящемся покушении за два часа до операции. Естественно, мы отреагировали.

– И сорвали перехват!

– Прекратите! – недовольно бросил Коржаков, посмотрев на молчавшего президента. – Все виноваты! Спецподразделения созданы всеми, но координация отсутствует напрочь. Нужен центр, управляющий всеми группами. Предлагаю создать его на базе нашего Управления.

Члены Совета переглянулись.

– Занимались бы вы лучше своим прямым делом, генерал, – тяжело сказал Гусев. – Мы разберемся, кто будет руководить деятельностью спецгрупп.

– Пока вы будете разбираться...

– Не гони лошадей, Николай Владимирович, – подал голос президент. – Пусть силовые министры сами разберутся в этой проблеме. Лучше доложите, какие меры предусмотрены лично вами для защиты работников администрации.

Коржаков сбился с тона, не ожидая от патрона таких слов, подействовавших на него не хуже холодного душа. Заминкой воспользовался Генеральный прокурор, который бесстрастно информировал членов Совета о двух десятках преступлений, приписываемых «Чистилищу».

Затем, дополнив сводку генерального прокурора, выступил министр внутренних дел, начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью, помощник президента по безопасности и председатель думского Комитета по вопросам обороны. Коржаков успел прийти в себя и заговорил с прежним апломбом, но его слушали уже с меньшим интересом и настороженностью.

Решение Совета было единодушным: разработать план ликвидации «Чистилища» с привлечением всех силовых институтов и новейших технических средств, а также обеспечить безопасность высших должностных лиц государства, для чего министру финансов предложено было изыскать требуемые суммы из особого резерва госбюджета, созданного специально для таких случаев. Не забыт был и фонд поощрения отличившихся в ликвидации мастеров перехвата. Хотя каждый из присутствующих тут же примерил этот фонд на себя.

Когда все разошлись, директор ФСБ оглядел коллекции оружия в палате и медленно спустился во двор Кремля, где его ждал начальник Управления спецопераций.

– Ну как?

– Нормально, – ответил Сергей Вениаминович рассеянно. – Принят реальный план совместных действий против «ККК». Но я не уверен, что среди членов Совета нет работников «Чистилища».

– Поинтересуйтесь у Хватова.

Коваль недоверчиво покосился на него, и генералу показалось, что где-то внутри у главы службы безопасности зарычал тигр.

Министр обороны получил это письмо не по почте, а обнаружил у себя на столе, хотя никто, даже адъютант, не мог проникнуть в кабинет, когда министр сдавал его под охрану.

Федор Иванович подержал плотный серый конверт на ладони, как бы взвешивая, и увидел, что рука дрожит. «Неужели предупреждение „ККК“? – подумал он. – Где этот кретин Юрген?! Что делает его хваленая команда? Команда, которая успешно провалила операцию по захвату боевиков „Чистилища“ на аэродроме, хотя знала всех, кто участвовал в покушении?.. И чего после всего этого стоит план, принятый Советом безопасности?..»

Федор Иванович нажал клавишу интеркома, приказал адъютанту немедленно найти Юргена и лишь после этого надорвал конверт, вынув оттуда обыкновенный тетрадный листок в клеточку, без обычного значка «Чистилища» – золотого кинжальчика. Руки снова задрожали, потому что письмо писалось не работниками «ККК».

«Дорогой генерал, – было нацарапано от руки на листке. – Необходимо встретиться, чтобы вместе попытаться покончить с „Чистилищем“. Вряд ли ваши коллеги по Совету безопасности в состоянии сделать это. Думаю, у вас хватит мудрости, чтобы не строить ловушки или советоваться с другими фигурами на поле власти. Я буду ждать вас сегодня в Лосиноостровском парке у летнего кафе „Янтарь“ в семнадцать ноль-ноль. Подъезжайте один, без охраны, водителем может быть Юрген. Мы будем вести вас от конторы, можете не волноваться за свою жизнь».

Вместо подписи стояло три буквы – «МСС».

– «МСС», – вслух повторил Гусев и бросил письмо на стол.

«МСС» означало – маршал «СС». Ему назначил свидание босс Сверхсистемы!

Юрген появился через час, торопливо проговорил:

– Я был на базе...

Министр молча бросил ему через стол письмо.

Полковник прочитал его дважды, поднял голову.

– Туфта? Ловушка «Чистилища»?

– Нет, это предложение объединиться. Маршал «СС» вполне серьезно считает себя равным президенту... или Богу! Не говоря уже обо мне. Надо показать ему, что он ошибается.

– Понял.

– Ничего ты не понял. Мы пойдем на встречу, но за каждым «эсэсовцем», контролирующим контакт, должна стоять твоя тень. Плюс штук пятнадцать снайперов по периферии парка, с

соответствующей подстраховкой. Но никаких прослушивающих устройств! То, о чем мы будем с ним говорить, должно остаться между нами.

– Вы хотите сотрудничать с «СС»?

Федор Иванович потер лоб, глаза его на миг остекленели, стали бессмысленными и тут же вспыхнули угрозой и зловещей энергией, так что Юрген, не боявшийся ни черта, ни дьявола, невольно отодвинулся.

– Для борьбы с тремя «К» допустимы все альянсы. Когда мы уничтожим «Чистилище», придет черед «СС». Но пока...

– Понял.

– Тогда действуй, времени у нас не много.

ПОМОГИ ТЫ – И ПОМОГУТ ТЕБЕ

Спал он всего четыре часа, но проснулся бодрым и оптимистически настроенным. Жизнь продолжалась, судьба сделала зигзаг, но те люди, за которых он боялся, которыми дорожил, были далеко отсюда и не связывали свободу маневра, а это пока было главным. Остальное тоже виделось не в мрачном свете, потому что, несмотря на внешние события и авансы вербующих сторон, выбор остался за ним. ФСБ, конечно, была мощной организацией, сражаться с ней в одиночку не хотелось, да и не имело смысла, пока пути их и внутренние побуждения сходились. А то обстоятельство, что на стороне «федепасов» выступал Конкере, еще предстояло осмыслить. Может быть, Монарх был прав: мир изменился, изменилась шкала общечеловеческих ценностей, и следовало к этому относиться философски.

Матвей завтракал, когда позвонил Парамонов.

– Извини, не разбудил?

– Нет, я встаю рано. – Матвей вдруг поймал себя на том, что обрадовался звонку. Невропатолог был именно тем человеком, с которым он с удовольствием побеседовал бы. – Вы еще не отчаялись дожидаться такого суетливого пациента, как я?

– Где бы я ни жил, я все равно работаю, а не провожу время даром. – В голосе Парамонова прозвучал мягкий упрек, и Матвей почувствовал угрызения совести. – Так что все идет нормально. Как съездили?

– Куда? – озадачился Матвей, не предполагая, что кому-то станет известно о его челночном рейсе в Москву.

– Вы ведь только что из столицы?

– Откуда вам это известно?

– Земля слухами полнится, – засмеялся Парамонов. – Не переживайте, я ведь все-таки экстрасенс. У вас найдется сегодня час времени на посиделки? Думаю, вам наша встреча тоже пойдет на пользу.

– Разве что вечером, после семи-восьми.

– Не возражаю, подъезжайте по старому адресу, буду ждать.

Парамонов повесил трубку, а Матвей потерял аппетит, тщетно пытаясь проанализировать разговор и понять, каким образом невропатологу удалось узнать о его контакте с ФСБ. Что встреча с ним далеко не случайна, Соболев понял еще во время первого визита к нему, теперь же и совсем становилось понятно, что Иван Парамонов – не просто врач-невропатолог, экстрасенс и гипнотизер. Он вполне мог быть авешей кого-то из иерархов либо человеком Внутреннего Круга. Последнее, в свою очередь, означало, что Матвей резко продвинулся вперед к пониманию истинного положения вещей в мире, к осмыслению земной реальности и других планов бытия, что он готов к восприятию новой информации.

Перед тем как поехать на работу, Матвей в «своей» новой машине заскочил к Сумароковым и застал осиротевшую после отъезда Кристины и Стаса семью в траурном настроении. Бабушка Бася плакала, сидя на кухне, и даже не вышла к гостю, у Ольги Николаевны глаза тоже были на мокром месте, и Матвей понял, что произошло что-то плохое. Екнуло сердце: не с Кристиной ли беда?! Но тут же пришла успокаивающая мысль: там с ними Вася, он защитник надежный. Дело в чем-то другом.

– Что случилось? – осведомился Матвей, здороваясь с отцом Кристины. – Получили какое-то неприятное известие?

– Да уж получили, – проговорил Михаил Сергеевич, пряча глаза. – Ночью тут заходили... в черном... тебя искали... – Сумароков отвернулся, и Матвей увидел на его скуле и чуть ниже, на шее, две красные полосы. Били ребром ладони, мелькнула мысль. Однако!..

– Кто?

– Не представились. Все пытались добиться признания: где живет да куда подался. Басе Яновне руки пожгли... – Михаил Сергеевич криво усмехнулся. – Хорошо еще, жену пощадили.

– Как... пожгли?! – Свет в глазах Матвея померк, из глубины души поднялась темная волна гнева, сбила дыхание. Он стремительно прошел на кухню, мгновение смотрел на сидевшую у окна совершенно прямо, с забинтованными ладонями Басю Яновну, по щекам которой катились слезы, и опустил перед ней на колени.

– Ничего, сынок, – сказала она нараспев, – уже не болят. Ты их остерегайся, плохие это люди...

Матвей сглотнул комок в горле, осторожно взял руки старушки в свои, закрыл глаза и с минуту вбирал в себя ее боль, передавая энергию. Встал. Бася Яновна смотрела на него изумленно, перевела взгляд на ладони.

– Боже мой, действительно перестали... дергают только! Да ты никак волшебник, Матвей Фомич!

Соболев поцеловал бабушку в щеку, вышел в прихожую, где его ждали притихшие родители Кристины.

– Расскажите, как все это происходило.

Михаил Сергеевич со вздохом принялся вспоминать подробности, Ольга Николаевна изредка вставляла слово, и вскоре сложилась полная картина налета на квартиру неизвестного отряда людей в черных комбинезонах.

Это могло быть только спецподразделение какой-то из силовых контор, не брезговавшее никакими средствами для достижения цели, но какое именно, определить со слов не удалось. ФСБ отпадала, потому что Матвей как бы уже работал на нее, «Смерш» не имел причин действовать столь нагло и жестоко, из столичных контор оставались только Министерство обороны и Купол, то есть преемница Купола – Сверхсистема, но к ним вполне могли присоединиться и местные силовые структуры: рязанский ОМОН, обиженный когда-то Соболевым, и боевики Маракуца. И с теми, и с другими следовало разобраться.

К сожалению, ни отец, ни мать Кристины не смогли толком описать бандитов. Все они были одеты одинаково и выглядели братьями, разве что командир выделялся ростом и легким акцентом. Это вполне мог быть Алимбаев, подумал Матвей. Мог быть и Пауль Кийк. Что ж, мужики, долг платежом красен.

– Они сказали, что придут еще, – добавила Ольга Николаевна, зябко кутаясь в пуховый платок. – Ты уж поосторожней там, Матвей, не ввязывайся в драку.

– Я буду осторожен, – пообещал Матвей, целуя ей руку.

На работу он ехал медленно, обдумывая свои дальнейшие шаги, но мыслить свободно мешала память, которая болезненно возвращала в прошлое, прокручивая слова, сказанные когда-то Монархом Тьмы: «Ты приносишь несчастье всем, кого любишь, с кем дружишь и к кому привязан...» Как оказалось, слова Конкере имели тенденцию

сбываться, и это означало, что в ближайшее время следовало пересмотреть свои принципы, освободиться от привязанностей и жить одному... как Горшин! В принципе Тарас жил один много лет, посвятив себя одному делу – мести. Но вряд ли он хотел так жить...

Президент «Рюрика» выглядел, как и всегда, элегантно, уверенно, и общаться с ним было приятно. Матвею он обрадовался, но тот поспешил вылить ему на голову ушат холодной воды:

– Сергей Сергеевич, я должен уехать.

– Что такое? Надолго? – Афонин не сел за стол, а остался стоять рядом. – На неделю, две?

– Боюсь, что гораздо больше. Может быть, навсегда.

– Что случилось? – На лицо президента легла тень.

– Так складываются обстоятельства. Вот сдам дела заму, поговорю с ребятами и... в общем, увольняйте.

– Может, зарплата не подходит? Скажи, сколько надо.

– Нет. – Матвей поколебался немного, но правды сказать шефу не мог. – Я буду неподалеку, в столице, так что, если понадобится моя помощь, приеду.

– Понимаю. – Афонин погрустнел. – Уходят умные и добрые люди, остаются... не очень умные и не очень добрые.

– Это я-то добрый? – слабо улыбнулся Матвей.

– Все больше убеждаюсь, что умных и добрых мало, – продолжал Сергей Сергеевич. – Все больше умных и злых, а еще больше – злых, трусливых, жестоких дураков, работать с которыми – значит не уважать себя. А ведь приходится... Ладно, решай свои проблемы, – оборвал он себя. – Жаль терять такого работника, да что поделаешь. Ты ведь не передумаешь?

– Мне тоже жаль расставаться, – искренне ответил Матвей. – Но все еще может повернуться иначе, тем более если Дума и президент сойдутся во мнении перенести все-таки столицу из Москвы не в сибирь, а в Рязань.

Афонин рассмеялся.

– Блестящая перспектива! Но, как сказал бы Лихтенберг: президент не настолько умен, чтобы обезуметь. Зайди через десять минут в бухгалтерию, получи расчет и премию, я распоряжусь.

Они обнялись, и Матвей поспешил в дежурку, где его встретил дружный смех Саши Преснякова, Антона Рыбина и Володи

Максименко, сдающего дежурство.

– Привет, командир! – сказал Максименко. – Хочешь анекдот? Сидят вечером у костра на берегу озера охотник и его собака, ужинают каждый по-своему, вдруг из озера выныривает корова, выходит на берег и говорит охотнику: «Эй, мужик, закурить не найдется?» – «Не курю», – ошалело отвечает охотник. «Вот не везет!» – вздыхает корова и бросается в воду. Охотник дико смотрит на собаку, и та ему, пожимая плечами: «А я что? Я тоже обалдела!..»

Новый взрыв смеха сотряс помещение.

– Любишь ты анекдоты переделывать, – улыбнулся Матвей. – Я слышал подобный, но с другим концом. Все, ребята! Покидаю я вас, увольняюсь. Прощаться пришел.

Ответом была недоверчивая тишина.

– Шутишь? – неуверенно проговорил Рыбин.

– Увы, нет.

– И куда уходишь? – спросил Пресняков, сразу поверив начальнику. – В другую контору?

– В Москву. – Матвей по очереди пожал всем ребятам руки и вышел, унося в душе растеряннo-сoжaлeющиe взгляды подчиненных, теперь уже бывших. Долго прощаться он не любил.

– Тебя Кудёма искал, – догнал его в коридоре Саша Пресняков. – Спрашивал, когда появишься. Телефон дал, чтобы ты позвонил.

– Позвоню. – Матвей запомнил номер, записанный Сашей на клочке бумаги, еще раз пожал ему руку и вышел из здания, чтобы никогда больше сюда не возвращаться.

Садясь в свою новую машину, имеющую грозный вид, он подумал, что Кудёма зря искать его не будет, и вылез, чтобы позвонить, не откладывая в долгий ящик.

Павел оказался дома, вернее, по указанному номеру.

– Привет, – отозвался он мрачно. – Ты еще не передумал помочь мне? Я выследил этих подонков.

«Каких?» – хотел спросить Матвей и понял:

– Тех, что девочку... дочку твоего брата?

– У них имеется нечто вроде «контрольно-пропускного» пункта, где они держат девочек, пока не найдется клиент, это на окраине Рязани, рядом с парком Победы. Дежурят по шесть человек, смена – в девять утра. Кроме того, я выяснил адрес Шестопала, их главаря.

Живет гад в Окском, недалеко от нашей конторы, в пятикомнатке, с женой и двумя детьми. Респектабельный такой на вид. А в дружках у него Маракуц, вице-мэр и начальник милиции. – Кудёма сплюнул. – Ничего компашка?

– Подходящая, как раз для него.

– Ну так что, пойдешь с нами?

– С кем?

– Двое нас пока, я и брат.

– А не проще обратиться в милицию?

– Ты глухой? У Шестопала друг – начальник милиции. Если я сообщу туда, все прикроется, а меня захомутают за «ложный вызов».

– Пойду. Брат что-нибудь понимает в таких делах?

– По книгам только, но обузой не будет, он бывший баскетболист, да и силой Бог его не обидел.

– Хорошо. Ты знаешь, где я живу? – Матвей продиктовал адрес. – Подходите ко мне оба часов в шесть, приоденьтесь соответственно. И захватите фотографию девочки.

Кудёма дал отбой.

Матвей посидел в кабине джипа, размышляя, правильно ли он поступает, ввязываясь в разборку, которая его почти не касается, но потом представил себя на месте брата Кудёмы и сжал кулаки. Повторил вслух чьи-то слова:

– Цель правосудия – не месть, а пресечение потока зла. «Чистилище» в этом вопросе абсолютно право.

Полдня он потратил на поиски Ульяны, чтобы выяснить, откуда ей стало известно о появлении бригады ФСБ, но так и не нашел. Девушки не оказалось ни в институте, ни в общежитии, и даже подруги не знали, где она в данный момент находится. Виделись они с ней вчера, и выглядела она, как и всегда, тихой и задумчивой, без каких-либо признаков волнений и тревог.

Позже отыщу, решил Матвей, мало ли куда она могла пойти или поехать.

Навестив еще раз Сумароковых, которые уже немного успокоились, он пообедал с ними и поехал домой, чтобы подготовиться к отъезду в Москву и к операции, затеваемой Кудёмой. В шесть вечера он был уже готов и к тому, и к другому.

Кудёма появился ровно в восемнадцать ноль-ноль вместе с двухметрового роста детиной с длинными руками и ногами, покатыми плечами и взглядом исподлобья. Сразу было видно, что они братья, разве что волосы у Игоря были потемнее и подлиннее и он был старше Павла лет на десять. Знакомясь, он сдал руку Матвея своей громадной, как и у младшего брата, рукой-лопатой, но встретил неожиданное сопротивление и в дальнейшем, уважая силу, слушался его приказов беспрекословно.

Оделись братья в одинаковые коричневые ветровки, штаны из парусины и ботинки со шнуровкой, альпийский вариант. Паша вооружился пистолетом, у него была «беретта М-92», а Игорь бейсбольной битой. К огнестрельному, равно как и к холодному оружию он имел отвращение с детства.

– Пистолет оставь, – посоветовал Матвей Кудёме, – он имеет обыкновение стрелять. Пойдем тихо. Одно дело – кулачная разборка, другое – огневой контакт с непредсказуемыми последствиями.

– Я ему тоже говорил, – буркнул Игорь, отец похищенной девочки.

– А вы оба хорошо хоть представляете, чего хотите?

Кудёма-старший угрюмо воззрился на Соболева и ничего не ответил.

– Представляем, – вместо него тоном и голосом брата буркнул Павел. – Мне бы только в глаза тем подонкам посмотреть...

– Присядьте, покумекаем, с чего начать.

Полчаса ушло на уточнение деталей предстоящей «операции», пока Матвей не осознал, что должен сделать, и не проникся уверенностью в благополучном исходе. Затем залез в свой сейф, замаскированный под бар, и вытащил кое-что из снаряжения ниндзя, рассовал по карманам десантного комбинезона, проверил, не звенит ли и не скрипит ли что-нибудь в снаряжении.

– Десантником был? – поинтересовался Павел.

– Что-то в этом роде. – Матвей подумал и достал для братьев приборы ночного видения. – Возьмите, могут пригодиться. Присядем на дорожку.

Они посидели несколько секунд, думая каждый о своем, и один за другим вышли из квартиры Соболева. Матвей выходил последним, и ему показалось, что кто-то внимательно посмотрел ему вслед. Но

ощущение это тут же пропало, и Матвей забыл о нем, поглощенный предстоящим делом.

Как всегда, он решил начать с главаря банды Шестопала. «Шестерки», выполнявшие заказ, могли и подождать.

Машины оставили прямо на улице, возле въезда во двор, где стоял дом, заселенный «новыми русскими» – бизнесменами, чиновниками и бандитами. «Федепасовский» джип, снабженный иммобилайзером [\[54\]](#), угона не боялся.

Единственный подъезд дома, в котором жил известный «бизнесмен» Шестопал Феликс Александрович, владелец казино «Седьмое небо» и ресторана «Орда», охранялся постом вневедомственной охраны. Кроме того, квартиру самого Шестопала могли сторожить и личные телохранители. А войти к нему надо было без шума. Соболев оглядел свою «гвардию» и пожалел, что с ними нет Балуюева. Бычья сила Кудёмы-старшего и руки-кувалды Кудёмы-младшего не могли компенсировать спецподготовки и умения мгновенно оценивать ситуацию, действовать адекватно.

Перед выходом из машины Матвей заставил братьев наклеить усы и бакенбарды, и они выступили в путь. У подъезда топтались какие-то молодые девицы, со смехом принялись вдруг тащить в дверь подругу, и Матвей сразу сориентировался:

– Ждите пока здесь, я вас позову. – Подошел к девицам, посылая им призывный секс-раппорт, присоединился к их хохоту. – Че, красавицы, помочь?

– Помоги, добрый молодец, – подыграла ему брюнетка в прозрачном плаще и короткой юбке, бросив на него откровенно изучающий взгляд. – Муж ее ждет, видите ли. Подождет, не усохнет.

Другие девицы тоже оценивающе оглядели Соболева и пропустили в компанию, поддавшись его обаянию и волне силы, исходящей от незнакомого молодого человека. Так они гурьбой и ввалились в подъезд – четыре девушки и Матвей, делающий вид, что принадлежит компании и знает всех.

Сторож компанию видел не раз и пропустил без лишних слов, снова уткнувшись в экран телемонитора: он играл в какую-то боевую компьютерную игру со стрельбой и взрывами.

Матвей дошел с девицами до их квартиры, пообещал спуститься к ним через полчаса, вернулся на первый этаж и строго окликнул

сторожа:

– Эй, командир!

Охранник, молодой, но какой-то скукоженный, словно чем-то испуганный или пришибленный, оглянулся.

– В сорок первую квартиру должны подойти двое, один баскетболист, второй грузчик. Не подходили еще?

– Не видел, – проблеял сторож.

– Ежели не появятся через полчаса, выгляни во двор, может, они там сшиваются. Пропустишь.

Матвей сел в лифт, доехал до девятого этажа и скомандовал в микрофон рации:

– Заходите. Скажете, в сорок первую квартиру по вызову.

Через пять минут братья присоединились к нему, изумленные легкостью, с которой они проникли на охраняемый объект.

– Спускаемся, – сказал Матвей. – Шестопал обитает на пятом этаже. Ты, Паша, будешь ждать на площадке этажом ниже, а ты, Игорь, – этажом выше...

– Не пойдет, – мотнул головой Кудёма-старший. – Я с тобой.

Матвей внимательно посмотрел на него и кивнул.

– Хорошо, только держись сзади. – Он вдруг понял, как лучше проникнуть в квартиру уважаемого бизнесмена. – Нет, ты, Игорь, пойдешь первым. Позвони в дверь, притворись пьяным и вызывай Серегу Иванова, дружка своего, якобы он здесь живет.

Игорь соображал быстро и начал звонить в дверь блока, созданного перегородкой на трех хозяев. Шестопал, уверенный в своей безопасности, охрану на ночь не оставлял, зная, что особо опасных врагов в криминальных кругах у него нет, а слабые, опасаясь мести, к нему не полезут. К тому же на помощь всегда могла поспешить милиция, с начальником которой он был дружен.

После второго звонка ожил динамик домофона на двери:

– Кто там еще?

– Серега, открывай, это я, Петро, – заплетающимся языком ответил Игорь. – Бутылку принес.

– Нету здесь никакого Сереги. – Динамик щелчком отключился. Одновременно с ним прошла какая-то дополнительная электрическая команда. Матвей почувствовал слабое колебание электромагнитных

полей и поздравил себя с предусмотрительностью: в динамик была вмонтирована миниатюрная телекамера.

Игорь, пошатываясь и трясясь вполне натурально, как алкаш, принявший приличную дозу спиртного, снова вдавил кнопку звонка.

– Тебе сказали – нет здесь никакого Сереги! – басом рявкнул динамик. – Не живет!

– Это тридцать седьмая к-квартира? – заикнулся Кудёма. – Серега, не дури, я п-пузырь принес... открывай, трахнем...

– Вот зараза! – Владелец баса выругался, через несколько секунд щелкнул электрический замок, по полу блока прошлепали шаги, дверь открылась, и на пороге объявился Шестопал Феликс Александрович в халате и шлепанцах.

В то же мгновение Матвей, ожидавший результата переговоров за трубой мусоропровода, прыгнул вперед и буквально внес Шестоपालа в отгороженный коридорчик-блок. Кивнул Игорю, чтобы тот придержал хозяина за горло, и проник в квартиру, настраиваясь на экстравидение. Но все было спокойно. В квартире находились только домочадцы «бизнесмена», занимавшиеся своими делами: отпрыски Феликса Александровича смотрели в детской телевизор, жена в гостиной ворковала по телефону с подругой, в кабинете Шестоपालа бормотал еще один телящик, на кухне рыдал третий. Обстановка квартиры напоминала роскошную «пещеру» Маракуца, ведь поставщики мебели и дорогой видеоаппаратуры у одного и другого одни и те же.

Игорь Кудёма внес трепыхавшегося в его руках хозяина в прихожую, поставил на пол, но руки с горла не убрал, и теперь Матвей мог разглядеть грозного главаря похитителей малолетних девочек во всей его неприглядной красе.

Был Феликс Александрович ростом от горшка два вершка – метр шестьдесят «с кепкой», не больше, зато шире дверей в свои хоромы – толст до неприличия и волосат до такой степени, что мог бы, очевидно, выжить без одежды в любые холода. С лица воду не пить, гласит старая русская пословица, но с лица Шестоपालа пить можно было что угодно: широкое, ровное и какое-то странно вогнутое, оно поражало отсутствием деталей, потому что пустые, водянистые, маленькие глазки и крохотный нос назвать рельефом было никак нельзя. Правда, пустыми глаза этого деятеля казались только издали, вблизи же в их глубине можно было уловить хищную

неудовлетворенность, жестокость и жажду плотских удовольствий. Как люди подобного типа умудрялись создавать семьи, имея на стороне еще пять-шесть любовниц, для Матвея всегда было загадкой.

– Ну, кто там, Фил? – раздался из гостиной голос госпожи Шестопал.

– Это ко мне, по делу, – фальцетом ответил Феликс Александрович после весьма ощутимого тычка Кудёмы.

Вчетвером они прошли в его кабинет, и Матвей достал фотографию дочки Игоря:

– Помнишь, тварь?

Глаза Шестопала расширились.

– Кто это? Что вам надо?!

– Не помнишь? – Кудёма взмахнул рукой, и Феликс Александрович с грохотом влип в стену, расплющив изящный секретер в стиле ампира. Со стены упала картина в дорогом багете какого-то современного модерниста: абстракция на темы любви. Матвей укоризненно покачал головой, удержал Игоря от нового удара, прислушался к звукам за стеной, но никто из домочадцев Шестопала не обратил внимания на грохот в комнате хозяина.

Феликс Александрович заворочался на полу, сел, держась за шею, но в глазах его не было страха, только на мгновение вспыхнул злобный огонь. Ничего не скажешь, соображал этот человек быстро.

– Вспомнил? – угрожающе нагнулся к нему Павел. Шестопал подвинулся, бросил взгляд на стол.

– Что вам нужно? Я ничего не знаю.

Матвей подошел к письменному столу и в верхнем его ящике наряду с пистолетом обнаружил на внутренней стороне кнопку сигнального устройства. Напрягшись, проследил тонкие паутинки пульсирующих полей и токов. Кроме звонков в других комнатах, устройство включало передатчик, настроенный, очевидно, на фиксированную частоту УВД или собственной службы охраны. Передатчик находился здесь же, в нижнем ящике стола, и Матвей, обнаружив его, раздавил на глазах Шестопала.

– Кто ее... – Голос Игоря сорвался, но он справился с собой. – Кто ее насиловал?

– Никто ее не трогал...

Матвей не успел удержать Кудёму, и Феликсу Александровичу достался еще удар ладонью по лицу, превративший его губы в олады.

– Кто... ее... насильовал? – повторил Игорь раздельно. Шестопал потрогал губы, посмотрел на окровавленную ладонь, усмехнулся.

– Я не знаю, кто вы, но жить вам осталось недолго...

Игорь замахнулся, но Матвей остановил его.

– Погоди, я сам разберусь. – Приблизил лицо к лицу Шестоपालа. – На тебя «наехали» не конкуренты, ублюдок, а «чистильщики». К твоему дружку Маракуцу они тоже наведывались, спроси у него, чем это закончилось. Но с тобой... с тобой мы поступим иначе, и поверь мне, ты будешь умолять нас не пощадить, а убить тебя!

Не отодвигаясь, Матвей протянул руку назад.

– Нож!

Павел Кудёма, прислушивающийся одним ухом к звукам за дверью, шагнул к нему и протянул свой армейский тесак.

– Полотенце! Завяжите ему рот, свяжите руки за спиной...

Шестопал отшатнулся, бледнея, не сводя взгляда с лица Соболева, быстро проговорил:

– Я скажу... но я к этому делу не имею никакого отношения... ребята перестарались... ее содержала фаланга Гулявского... больше я ничего не знаю...

– Фаланга? – поднял бровь Матвей.

Шестопал понял, что проговорился, метнулся к окну, но был перехвачен Игорем. Заскулил, когда почувствовал у горла клинок и прочитал в глазах «чистильщиков» приговор. Но Кудёма поступил иначе: он отпустил Феликса Александровича и изо всех сил ударил его ногой в пах. Шестопал без звука рухнул на пол.

Матвей подошел к нему, отодвинул дрожащего, словно в лихорадке, Игоря, провел ладонью по телу любителя девочек.

– Уходим.

– А он? Я его?..

– Будет жить, но вполне может случиться, что у него изменится голос.

Игорь вопросительно глянул на него, потом на брата, и Павел буркнул:

– Ты ему яйца отбил, братан.

Они тихо вышли в коридор, потом Матвей вернулся и, придерживая дверь, сказал громко, чтобы его слышали в других комнатах:

– Договорились, хозяин, мы все сделаем.

– Ты сам закроешь за гостями, дорогой? – прилетел из гостиной голос хозяйки дома.

– Сам, – ответил Матвей, похоже копируя голос Шестопала. Через несколько минут они уже сидели в машине. Игоря все еще трясло, и Павел сунул ему открытую жестянку пива..

– Успокойся. Иди-ка ты лучше домой, мы и без тебя справимся.

– Нет, я с вами. – Игорь выдул пиво, глубоко вздохнул. – Поехали искать этого... Гулявского... вместе с его фалангой. А Шестопал не позвонит ему, не предупредит?

– Он теперь до утра в отключке будет валяться, – хмыкнул Павел. – Врезал ты ему от души, не загнулся бы.

Матвей молча тронул джип с места.

«СМЕРШ» ПЛЮС

Заместитель начальника Главного управления военно-технического сотрудничества Кулябин был убит традиционным способом «чистильщиков» – ударом в горло – в субботу, двадцать седьмого сентября. Телохранитель Кулябина почти не пострадал, если не считать полученного им тяжелого удара по голове, но убивать его «чистильщики» не собирались, им нужен был Кулябин.

На груди первого зама ГУВТС убийцы оставили листок плотной бумаги со своим «фирменным» значком и словами: «Привет из „ККК“».

В воскресенье рано утром начальник военной контрразведки был поднят с постели звонком министра. Судя по тону, Гусев был напуган, взбешен и выражений не выбирал:

– Какого х... ты спишь, генерал, когда направо и налево убивают наших офицеров и специалистов?! Как долго это будет продолжаться? Кто следующий на очереди? Не знаешь?! Тогда какого х... ты занимаешь пост руководителя ВКР?

Никушин наконец понял, что «Чистилище» убрало кого-то из высших должностных лиц оборонпрома или аппарата Министерства обороны.

– Что случилось? – тем не менее осторожно спросил Андрей Витальевич, просыпаясь окончательно и ставя крест на воскресном отдыхе.

Видимо, министра едва не хватил удар от этого незамысловатого вопроса, потому что какое-то время он пыхтел и матерился, потом наконец в трубке прорезался голос:

– Чтоб в двадцать четыре часа... живого или мертвого... ко мне! – И связь оборвалась.

Никушин подержал еще немного трубку возле уха, встретился с вопросительным взглядом жены и встал.

– Отдыхать, мамочка, сегодня не придется.

– Что опять случилось?

– Кого-то казнили «чистильщики». Звонил Гусев, потребовал в двадцать четыре часа найти киллера. – Андрей Витальевич хмуро

улыбнулся. – Чувствует, что к нему подбираются...

– А ты здесь при чем? Пусть военная прокуратура занимается такими делами.

– Твои слова – да Богу в ушки! Я хоть и генерал, но вынужден подчиняться прямому приказу, несмотря на совершенно другой круг решаемых мною задач.

– Как говорил поэт: «Над миром глупость властвует, и это для всех столетий общая примета» [\[55\]](#).

Жена Андрея Витальевича закончила пединститут и преподавала в школе литературу.

Никушин поцеловал ее и пошел умываться.

Через час он был в здании ВКР, куда вызвал своих заместителей Холина и Сабанеева, а также командира спецроты Смышляева. Кроме того, он нашел по каналу «особки» главного эксперта Минобороны, предложил встретиться и обсудить одну важную проблему.

Громов явно не ощущал восторга, что его нашел в воскресенье начальник «Смерша», но как человек дела, понимающий, что причина randevu должна быть очень веской, уточнил только время встречи.

– Министр приказал в двадцать четыре часа найти убийц Кулябина, – сказал Никушин. – И дал понять, что в противном случае я долго в этом кресле не задержусь.

Офицеры, прибывшие по вызову, переглянулись.

– У него что, крыша по... – начал было Смышляев.

– Потихе, – недовольно перебил его Никушин. – Его тоже можно понять. В списке «Чистилища» он первый, вот и нервничает.

– Но двадцать четыре часа на поимку киллеров – это же нонсенс! – не выдержал Холин. – Тем более что мы будем лишними на этом поле брани. Расследованием уже наверняка занимаются соответствующие подразделения МУРа и военпрокуратуры.

– Плюс «федепасы», – вставил Сабанеев.

– Плюс «губошлепы», – добавил Смышляев. Они замолчали и выжидательно уставились на генерала.

– Выговорились? – усмехнулся Андрей Витальевич. – Ну а теперь давайте помозгуем, как будем выполнять приказ.

Через час программа розыска была составлена и заместители разошлись по своим кабинетам, чтобы привести в действие механизм

контрразведывательных мероприятий, оторвать людей от воскресного отдыха и испортить настроение многим законопослушным гражданам.

– Вадим Мартынович, – окликнул Никушин выходящего последним Холина. – Задержись. Где Соболев?

Полковник поскущел.

– По моим сведениям, он... согласился работать на «федепасов». Его привезли на Лубянку... и после разговора с директором... в общем, он там.

–..твою мать! – выругался Андрей Витальевич, чего никогда до этого не делал при подчиненных. – Как же вы его упустили? Он должен был работать у нас!

Холин виновато опустил голову.

– Я сам не поехал... а Смышляев не потянул...

– Да я вас обоих!.. – Никушин закашлялся, выдохнул воздух через ноздри, сжал челюсти, перебарывая желание заорать на заместителя, видимым усилием заставил себя успокоиться. – Откуда ты знаешь, что он был у директора на приеме?

– Контрразведчики мы или нет? – криво улыбнулся Холин. – Наших людей нет только на Марсе.

– А на Луне, что же, есть? Прикажите этим вашим людям, пусть передадут ему личную мою просьбу о встрече. Место и время пусть выбирает сам.

Холин наклонил голову, щелкнул каблуками и вышел.

Андрей Витальевич некоторое время смотрел на дверь, потом занялся изучением некоторых документов из сейфа, и в это время в кабинете появился Громов.

От главного эксперта Минобороны пахло дорогим мужским одеколоном, да и одет он был, словно отправлялся на прием в Кремль или на какой-нибудь светский раут, – темно-синий костюм в полоску, ослепительно белая рубашка с отливающим перламутром галстуком и туфли от Мантуччи.

– Садитесь, Дмитрий Олегович. – Никушин встал из-за стола, пожал гостю руку. – Спасибо, что согласились прийти. Но дело не терпит отлагательств.

– Я так и понял. – Координатор «ККК» сел, непринужденно закинул ногу за ногу.

– Сигарету, сигару, кофе, тоник?

– Благодарю, не балуюсь. И если не возражаете, генерал, сразу к делу.

Никушин включил аппаратуру защиты кабинета, налил себе минеральной воды, выпил и сказал, держа в руке стакан:

– Дмитрий Олегович, я знаю, что вы – один из комиссаров «Чистилища». Отрицать не будете? Требовать доказательств тоже?

Громов остался спокоен, только в глубине глаз мелькнул огонек сдержанной угрозы.

– Не буду. Кто еще... знает?

Андрей Витальевич понял.

– Совершенно точно знаю я один. Догадывается мой зам, полковник Холин, правая рука. Но все данные, по которым я ориентировался, собраны только у меня.

– Какие данные?

Начальник «Смерша» снова понял.

– Это не утечка информации, полковник, это результат строгого анализа и прогноза. Если бы вы не пришли ко мне две недели назад с предложением обратить внимание на Госкомобороны, я до сих пор не ведал бы, с кем имею дело. Боюсь, в спецслужбах не я один такой умный.

Громов задумчиво кивнул.

– Спасибо за предупреждение. Со своей стороны мы тоже проанализируем прокол... – Он сделал неуловимое движение, и в то же мгновение раздался тихий гудок, а на лацкане пиджака Громова появилось красное светящееся пятнышко. Он замер.

– Не делайте резких движений, – обозначил улыбку Никушин. – Как и вы, наверное, мы тоже применяем современные технические системы для защиты. Это сработал «малый» СЭР [\[56\]](#). Вам эта система должна быть знакома, разработка Дугинца в ВЛ-151.

Громов кивнул. Пятнышко – след лазерного целеуказателя – погасло.

– Я не стал бы предпринимать что-либо против вас, да еще в вашем кабинете, Андрей Витальевич. Но могу вас заверить, что в случае... э-э... моего невыхода отсюда от здания не останется камня на камне, несмотря на толстые стены и бронированные стекла. Кстати, один из снайперов сейчас через прицел ОП-95 целится в вас из СВС

калибра двадцать три миллиметра, пуля которого свободно проходит через стекла и стены толщиной четыреста миллиметров.

Генерал засмеялся.

– Верю. Мы квиты. Хорошо, Дмитрий Олегович, давайте действительно о деле. У меня предложение объединить наши усилия. Не скажу, что деятельность трех «К» вызывает у меня большие симпатии, но, с другой стороны, я абсолютно разочарован в действенности закона! Все мои усилия по ликвидации криминальных очагов в армии нивелируются ответными действиями чиновников Минобороны и министра в частности. Ни один преступник не наказан! Ни один из генералов, которых у нас больше, чем во всех армиях мира вместе взятых, погрязших в коррупции и торговле оружием, имуществом, технологиями, честью и совестью, наконец, даже не уволен в запас! – Никушин остановился, сдерживая жестикуляцию, налил себе еще воды и залпом выпил.

Громов молча ждал продолжения.

– Понимаю, что не оригинален, но я один из тех, кто со спокойной совестью может повторить слова Верещагина: за державу обидно! Не знаю, долго ли я продержусь на этом посту, но кое-что сделать успею. С вашей помощью.

Громов молчал. Никушин глянул на него, прищурясь, чувствуя внезапное душевное опустошение, и пожалел, что раскрыл перед ним свою душу.

– Вы хотите войти в состав комиссариата? – нарушил наконец молчание Дмитрий Олегович.

– Не хочу, – отрезал начальник ВКР. – У меня свой аппарат, свои люди и свое дело. Но работать мы будем в контакте. Разработайте систему связи типа «Биолинк», дайте мне свой личный канал, предупредите президента «ККК»...

– Координатора.

– Уверен, он согласится работать вместе. А для начала вот вам конкретные предложения. Прямые виновники продажи комплекса С-300-99 и танка Т-95 – начальник Главного управления военнотехнического сотрудничества Тлеубаев, его заместители Кулябин и Малинин и директор Удмуртского завода спецконструкций Тетеревский. О Кулябине, не знаю с чьей подачи, но «ККК» уже позаботилась, пора подумать и об остальных. Главные виновники

утечки сверхсекретного оружия из лабораторий ВЛ-17, ВЛ-33 и ВЛ-144 – заместители министра обороны Бурлаков и Костенко, их военные представители генерал Торосов и полковник Лотман, а также... лично Гусев Федор Иванович, министр обороны!

– Это я знаю, Андрей Витальевич.

– Вполне допускаю, но выдам все, что имею, до конца. И последнее: в хищении «дырокола» из лаборатории Бушуева подозревается полковник Юрген, создавший секретное подразделение «Анальгин» во главе с капитаном Кийком для борьбы с «Чистилищем». Теперь все.

Громов встал, одернул пиджак, протянул руку Никушину.

– Вы подвергаете себя большой опасности, Андрей Витальевич, предлагая сотрудничество с «ККК», базис существования которой – отсутствие прямых контактов руководителей с исполнителями и секретность информканалов по уровню «четыре нуля». Даже я, один из комиссаров «Чистилища», не принадлежу себе, но принадлежу системе, которая ради выживания способна безжалостно уничтожить источник малейшей опасности, от кого бы она ни исходила.

Никушин тоже встал, вышел из-за стола.

– Так это ваши люди убрали бывшего комиссара «СК» Завьялова?

– Люди «Чистилища», – уточнил Громов. – ФСБ захватила художника, разработавшего эмблемы «СК» и «ККК» в форме кинжальчика, а художник – близкий приятель Завьялова. Мне жаль, что так получилось, но иного выхода не было.

– Вы могли его просто не найти, – тихо проговорил Никушин, еще раз пожалев, что поспешил открыться. За себя он не боялся, но у него были дети, жена, родственники...

Домой он собрался в пятом часу дня, чтобы успеть к ленчу, который по воскресеньям всегда устраивала жена.

Спустившись к машине и ответив на приветствие телохранителя, уставший за день Никушин оглядел хмурое осеннее небо, набережную, мрачноватые дома на другой стороне реки, и настроение его внезапно улучшилось – от предвкушения домашнего уюта и тепла, тишины и любимого занятия – копаться в подшивках старых журналов. В сущности, мир был не так уж и плох, если давал возможность хотя бы на короткое время прятаться от невзгод в собственной нише.

Он уже занес ногу в машину, собираясь занять место водителя, как вдруг какой-то человек в сером плаще, без головного убора, черноволосый и узкоглазый, неторопливо бредущий по тротуару с книгой в руке, проходя мимо, четко и быстро сказал:

– Машина заминирована, генерал, не садитесь. – И пошел дальше, как ни в чем не бывало, исчезнув за углом.

Никушин замер, но, будучи достаточно осторожным человеком, умея мгновенно анализировать ситуацию, решил не пренебрегать советом. Повернул голову к телохранителю, оглядывающему тротуары и дома, – слов черноволосого незнакомца тот явно не слышал:

– Гриша, быстро назад, в контору, сигнал «Т-2»!

Телохранитель, привыкший к беспрекословному подчинению, бросился в здание ВКР, и вскоре дежурное подразделение контрразведчиков из роты быстрого реагирования, в составе которого были и опытные подрывники, занялось служебной машиной генерала.

Через полчаса стало известно, что в ней установлены две магнитные мины: одна – под капотом, которая могла взорваться при повороте ключа зажигания, вторая – на боковой грани глушителя, срабатывающая при повышении температуры поверхности до шестидесяти градусов Цельсия. Обе предназначались для десантно-штурмовых операций и имелись на вооружении большинства авиадесантных частей Российской Армии.

– Вас явно хотели угрохать коллеги, – сказал полковник Федорчук, командир саперного батальона из бригады спецобеспечения Министерства обороны. – Мины установлены профессионально. Но если бы те, кто их устанавливал, хотели вас угробить наверняка, они поставили бы дополнительно МДТ-10, срабатывающую от изменения уровня положения на пять миллиметров. От тяжести тела машина осела бы на амортизаторах...

– Спасибо, полковник, – сказал Андрей Витальевич. – Если обнаружите еще что-нибудь, позвоните.

Домой Никушин поехал на второй служебной машине, ломая голову, кому понадобилось предупреждать его таким способом. После слов Громова он уже не мог не подозревать в подобных намерениях «чистильщиков», хотя, с другой стороны, комиссар «ККК» мог бы убрать его и более простым приемом. Подъезжая к дому, Андрей Витальевич окончательно пришел к выводу, что минирование – дело

рук отряда Юргена: министр обороны убирал контрразведчика, способного добраться до сути происходящих в министерстве событий.

Переодевшись в халат и успокоив жену, Никушин уединился в кабинете, набрал номер телефона Громова, но передумал и позвонил Главному военному прокурору.

ПРОВОДНИК УЧИТЕЛЮ НЕ ТОВАРИЩ

«Пункт контроля товара», где банда Шестопала держала девочек в ожидании клиентов, представлял собой трехкомнатную квартиру в старом коммунальном доме на окраине Рязани. Трехкомнатной она стала, когда хозяева комнат коммуналки продали свои апартаменты и уехали, а вся квартира, таким образом, досталась одному покупателю, который работал на Шестопала.

Квартира имела два входа-выхода в разные подъезды, а также подвал, в котором хозяева когда-то хранили картофель и банки с соленьями. Теперь же подвал стал «камерой подготовки», где стояли две кровати и располагался плохонький умывальник. Здесь малолетних «гейш» проверяли «на профпригодность», то есть насиловали, и тюремщики делали это всегда с удовольствием, так как терять им было нечего, а босса они в лицо не знали.

Содержателем «пункта контроля» был некто Гулявский, тридцати двух лет от роду, четырежды судимый за кражи и сбыт наркотиков. Он руководил фалангой – группой тюремщиков в шесть человек, дежуривших попарно через двое суток. Все шестеро, молодые люди в возрасте от двадцати четырех до двадцати девяти лет, подбирались в команду из «отсидчиков» по мелкому хулиганству или из тех, кто сидел по зонам за изнасилование и был выпущен за хорошее поведение досрочно. Все они страдали разными формами сексуальных расстройств, в остальном же были людьми вполне нормальными, даже неглупыми, хотя уже одно то, что они работали в такой специфичной области киднеппинга, говорило об отклонениях в психике.

Кроме бригады сторожей, в банде Шестопала были еще две фаланги – разведки и захвата. Но они сейчас не интересовали Матвея и братьев Кудёма. Издевались над дочерью Игоря сторожа Гулявского. Однако Соболев не прочь был познакомиться и с высокопоставленным клиентом фирмы секс-услуг Шестопала, по заказу которого была похищена дочь Игоря.

Подъехали к дому в девятом часу вечера.

Матвей со вздохом – не пора ли признаться самому себе, что энергию он тратит хоть и не по мелочам, но не по назначению, – вызвал у себя состояние турий и ловушек и засад не обнаружил и направился к подъезду, который указал ему Павел.

Игоря они поставили у другого выхода с бейсбольной битой в руке, а сами остановились у обшарпанной деревянной двери с тремя номерами: 4, 5 и 6 – и тремя кнопками звонков.

Павел выжидательно посмотрел на застывшего Матвея.

– Позвоним? Что сказать?

Матвей, определивший местоположение сторожей внутри квартиры, покачал головой.

– Держись сзади, я выбью дверь. Один из них спит в дальней комнате, где стоит телевизор. Он твой. А двое играют в карты во второй комнате, где стоит еще один телевизор. Вход в подвал – в конце коридора, но там никого нет. В самом подвале двое, но это, наверное...

Кудёма кивнул, мрачно сверкнув глазами. Из всех подчиненных Соболеву охранников фирмы «Рюрик» он единственный принимал экстраспособности начальника как должное. Вот и сейчас он не удивился, что Матвей разглядел противника сквозь дверь и стены.

Удар ногами с прыжка сорвал входную дверь с петель и внес ее в коридор, куда выходили еще три двери в комнаты и две в туалет-ванную и на кухню. Дверь средней комнаты с цифрой 5 распахнулась, из нее выглянул бритый молодой человек, с изумлением глянул на две возникшие перед ним фигуры и от удара Матвея тотчас влетел обратно в комнату, не успев сказать ни слова. Его напарник кинулся было к дивану, к которому было прислонено помповое ружье, но Матвей его опередил, мягко отправив через всю комнату в угол с тумбочкой, на которой стоял телефон.

В коридоре послышался грохот, вскрик, выстрел, еще один вскрик. Покрывшись холодным потом, в предчувствии непоправимой беды, Матвей выскочил из комнаты и увидел завершающий этап происходящего.

Видимо, Гулявский сориентировался быстрее, чем члены его фаланги, и успел достать оружие, попытавшись прорваться через другой подъезд. Но там его встретил Игорь Кудёма с бейсбольной битой, которая, конечно, не могла защитить его от пули. Гулявский

выстрелил в него с трех метров, бросился по коридору на кухню и наравался на Павла Кудёму, который встретил его прямым ударом в лоб.

Матвей метнулся к Игорю, наклонился над ним и с облегчением выдохнул воздух из легких: пуля из «вальтера» попала Кудёме-старшему в плечо, пробив его насквозь, но не задев артерии и костей.

Остановить кровь и перевязать плечо было делом нескольких минут. После чего Павел поволок Гулявского в комнату сторожей и привел их в чувство, поставив рядком у стены, облитой не то соусом, не то маслом. Бледный от пережитого Игорь присел на диван, и взгляд его был настолько красноречив в своей ненависти, что один из сторожей, курчавый и черноволосый, похожий на армянина, поежился. Ему первому и показал фото Павел.

– Помнишь ее, малыш?

– К-кто это?

Голова черноволосого дернулась назад и ударилась о стену. Он сполз на пол, с трудом поднялся, держась за челюсть.

– Вспоминай быстрее!

– А-а... славяночка... та, что сбежала... – быстро заговорил армянин с заметным акцентом. – Но я ее не трогал... я был другая смена... это вот все он. – Черноволосый мотнул головой в сторону понурившегося бритоголового здоровяка, под глазом которого налился фиолетово-красный синяк.

– Бухарь, убью, с-стерво! – прошипел бритоголовый, взмахнул левой рукой, но Матвей успел перехватить выпад и отобрать финку, прятавшуюся в рукаве его джинсовой куртки.

– Ты... ее?! – в мертвой тишине спросил Кудёма.

– Он первый, – криво ухмыльнулся бритоголовый, глянув на Гулявского, вытиравшего кровь с разбитой губы и со лба. – Я сначала смотрел... сисястая девка была... ох!

Удар Кудёмы в пах был столь силен, что бритоголовый подскочил вверх на добрых полметра. Сторож упал без звука, схватившись за промежность, лицо его посинело, пошло пятнами, стало на глазах желтеть.

«Ты же убил его!» – хотел сказать Матвей, но передумал, нагнулся к упавшему, с трудом нашел пульс, сделал импульсивный перенос энергии. Бритоголовый начал дышать, но было видно, что мужское достоинство ему теперь уже никогда не понадобится.

Гулявский с ужасом глянул на него, встретил беспощадный взгляд Кудёмы и заскулил. Матвей вскочил, пытаясь удержать Павла, но не успел: тот нанес свой жестокий удар в пах... Армянина уколом в сонную артерию успокоил Матвей, не желавший больше участвовать в экзекуции, хотя жалости к ублюдкам не испытывал.

Когда они спустились в подвал и освободили двух зареванных, бледных девчонок лет тринадцати-четырнадцати, Павел Кудёма вернулся в комнату и нанес еще по удару в то же самое место каждому из сторожей. Смотреть на его лицо без ужаса и содрогания было невозможно.

Молча пожав руку Матвею, братья растворились в темноте. Матвей проводил их взглядом, усадил плачущих, не верящих в избавление девчушек в джип и развез по домам. К себе он попал в полдвенадцатого ночи. На душе было мутно – она была похожа на пепельницу, полную окурков, никаких иных эмоций он не испытывал, и жаждал он только одного – спать.

Но спать ему не пришлось.

В час ночи зазвонил телефон.

– Матвей? Вы вернулись?!

– Ульяна?!

– Уходите немедленно! За вами организована охота... – Голос девушки был полон трагической отрешенности и тоски. – В любой момент они могут появиться, и... задача их – уничтожить вас...

– Откуда вы знаете? Снова заговорило чужое знание?

– Уходите... – Короткое рыдание и гудки отбоя.

Матвей посидел на кровати несколько мгновений, прижимая трубку к уху, потом начал одеваться. Сомнений не оставалось, Ульяна была авешей Светлены, получая информацию по каналу внечувственной связи, но боялась своего дара, боялась выглядеть в глазах Соболева психически неуравновешенной, больной, и в то же время не могла не передать ему тревожное предупреждение.

Покопавшись в шкафу, Матвей нашел там отобранный когда-то у Кийка «глушак», засунул в карман сумки. Повертел в руках сеточку с наушниками, хотел было бросить на место, но передумал, укрепил под волосами на голове и включил. Впечатление было такое, будто на голову прыгнула мокрая и холодная лягушка, потом превратилась в паука, мгновенно затянувшего голову паутиной. Ощущение было

очень непривычным, но быстро прошло, ему на смену пришло другое – ощущение непробиваемой каски, броневого колпака, довольно тяжелого и толстого, стянувшего череп.

Он закончил экипировку, сложил документы и кое-какие книги в «дипломат», переложил походный мешок МП-95 в кожаную сумку, прикинул, что еще можно взять, и в это время в замке двери тихо провернулась отмычка.

Ульяна не сказала, кто устроил за ним охоту, но по тому, как действовали пришельцы, Матвей склонялся к мысли, что это местная команда. Военные, тот же Пауль Кийк или Ельшин, действовали бы иначе.

Матвей встал сбоку, повернул ручку, приоткрыл дверь и сказал в образовавшуюся щель:

– Заходите, господа. Только не поднимайте шума.

Последовала короткая пауза, полная, очевидно, изумления и недоверия тех, кто пытался открыть дверь отмычкой. А затем в прихожую ворвались сразу пятеро в одинаковых блестящих черных плащах и в масках. Направили на хозяина оружие. Матвей определил, что вооружены все были новейшими пистолетами-пулеметами «бизон-2» (штурмовой вариант, калибр 9 миллиметров, прицельная дальность 100 метров, емкость магазина 67 патронов), которые имели далеко не все спецподразделения. Затем из коридора шагнул в квартиру еще один человек, крупного телосложения, с блестящими черными волосами и пистолетом в руке. Впрочем, это был не пистолет и не «глушак», а «болевик», Матвей не сразу узнал его силуэт, потому что видел до того вечера всего один раз, да и то год назад.

– Привет, супермен гребаный! – раздался знакомый голос, принадлежащий бывшему охраннику «Рюрика» Алимбаеву. – Не ждал гостей?

– Ждал, – ответил Матвей. – Привет, Алимбай. Никак не можешь успокоиться? Что ж, заходи, поговорим.

Алимбаев стянул маску с лица на шею, ухмыльнулся, шевельнул стволом «болевика».

– Бахыт, проверь.

Один из нападающих нырнул в гостиную, оглядел спальню, кухню, туалет, вернулся.

– Никого. Он собирался уходить, чемоданы приготовил.

Алимбаев повел стволом генератора боли в сторону гостиной:

– Топай, супермен. Только не вздумай демонстрировать свои каратистские приемчики, с ходу нафаршируем свинцом.

Они прошли в гостиную. Двое боевиков остались в прихожей, трое расположились в соседней комнате, направив на Соболева оружие: один у окна, второй у двери в спальню. Алимбаев расхаживал по квартире, поигрывая своим нестандартным «пистолетом». Они явно ждали еще кого-то, имея задание задержать хозяина до подхода главного начальника. Решил подождать и Матвей, готовый перейти на темп в любое мгновение. Алимбаеву же очень хотелось показать безнадежность положения бывшего начальника, поиздеваться над ним и отомстить за прежние обиды, но он еще не пришел в себя от неожиданности, оттого, что удалось войти сюда без драки, и никак не мог решиться начать задуманное, подыскивая причину.

– Бахыт, обыщи его.

Жилистый черноволосый боевик подошел к Матвею, ударил ногой по ноге.

– Поставь шире! Руки за голову!

Матвей послушно встал так, как требовалось, стерпел довольно умелый обыск. Единственное, что могло побудить его начать свой веер действий, так это осмотр «дипломата» и сумки, но гости пока еще даже не взглянули на них.

– Чисто, – отошел от Матвея Бахыт. – Давай проверим, чем он сумки набил.

Алимбаев, разочарованно оглядев стоявшего в расслабленной позе Соболева, вдруг заорал:

– Что скалишься, супермен? А ну на пол, мордой вниз! Кому говорю!

– Отставить, – вошел в комнату еще один гость, в котором Матвей узнал господина Маракуца. Вместе с боссом зашли двое его телохранителей, вполне способные сыграть роль бетонных панелей. Кожаные куртки при каждом движении буквально лопались на их могучих грудях и плечах. В руках-лапах каждый держал бейсбольную биту, казавшуюся по сравнению с ними зубочисткой.

– Вот мы и встретились, «чистильщик», – хмыкнул Маракуц, бросая беглый взгляд на интерьер комнаты. – Небогато живешь.

Начальство плохо платит? Или ты упомянул тогда три «К» в запале, а сам работаешь на другую фирму? На какую же?

– «Рюрик», – хрюкнул Алимбаев со смешком.

– Ну, что молчишь?

– Да вот думаю, что мне с вами делать, – спокойно ответил Матвей.

Телохранители Маракуца вместе с боевиками Алимбаева заржали, и их хозяин удивленно приподнял бровь.

– Не придумал еще? Или надеешься, что тебе поможет твой приятель? Не жди, нет его в Рязани, уехал. Единственное, что тебе может помочь, так это НЛО. Или ты с НЛО не контактируешь?

– Я – нет, – откровенно признался Матвей. – Но один мой знакомый однажды увидел НЛО в форме телеграфного столба и имел с ним контакт.

Маракуц скривил губы.

– Юморим? Что ж, посмотрим, как ты будешь юморить после этой штучки, которую мне прислал мой друг из столицы.

В то же мгновение Алимбаев выстрелил в Матвея из «болевика», и Матвей пожалел, что довел ситуацию до тупика.

В принципе он был готов к атаке из «болевика» и «глушака», да понадеялся на защитные свойства «пси-шлема» на голове, но конструкторы генератора боли не стояли на месте и создали новую разновидность «болевика», воздействующего не на всю нервную систему, а на отдельные нервные узлы и органы тела. «Болевик», из которого выстрелил Бай, был настроен на поражение сердечной сумки.

Боль – сторожевой пес здоровья, гласит старая пословица, но даже длительная зубная боль – вещь очень неприятная, если не сказать больше. А когда от нее вопит каждая клеточка пораженного органа и кажется, что тебя в этом месте насадили на раскаленный вертел, – ни о каком здоровье речь уже не идет.

Сердце взорвалось, как граната, пробив грудь горячими фонтанами крови... таково было впечатление. Может быть, шлем, нацепленный Матвеем, и принял на себя какую-то часть излучения, но ощутимой помощи не оказал. Матвей потерял сознание уже на второй секунде борьбы с болью, не успев включить свои экстрасенсорные защитные системы сознательно.

Однако импульс «болевика», возбуждавший сердечный нервный узел, не достиг своей цели – резонанса, который смог бы либо остановить сердце, либо разорвать сердечную мышцу. И Матвей очнулся через несколько секунд после выключения «болевика».

Осознав себя лежащим ничком, он не стал сразу вскакивать на ноги, а сначала огляделся – в чувственной сфере, конечно, хотя сердце продолжало болеть, словно в нем застрял ржавый гвоздь.

Положение остальных действующих лиц в комнате не изменилось. Прошло действительно всего несколько секунд, от силы полминуты, и боевики Маракуца успели обменяться всего двумя-тремя словами, ощущая себя победителями.

– И это все? – спросил один из прибывших с Алимбаевым. – По-моему, он уже не дышит. Из чего это ты его так шваркнул, Бай?

– Смотри-ка, работает! – вполголоса заметил озадаченный Алимбаев. – Шеф, что вы мне подсунули?

– Секрет фирмы. – Маракуц отобрал у него «болевик». – Надо будет передать моему дружку, что образец испытан в условиях, приближенных к боевым. Переверните его. Может, он еще жив?

Чьи-то руки грубо перевернули Матвея на спину, тронули артерию на шее, и Матвей задержал дыхание и сердцебиение.

– Готов, – с разочарованием сказал кто-то. – Жаль, слишком быстро ты его уколошил, Бай, а то повеселились бы напоследок.

– Он бы тебе повеселился, – раздался чей-то знакомый голос, и в гостиную вошел тот самый майор, руководитель ОМОНа, которого когда-то заставил убраться из офиса фирмы Соболев. – Поторопился ты, Николай Федорович, надо было его нам отдать.

– Кто же знал, что эта новая «пушка» такая мощная. Он свалился, как бык от удара кувалдой по лбу, побелел и затих. Ладно, уходим. Бай, контрольный выстрел в висок, пистолет ему в лапу, пусть думают, что застрелился сам. В квартире прибрать, следы уничтожить. Пошли, Семен.

И в этот момент Матвей перешел на режим.

В первую очередь он нейтрализовал Маракуца, вооруженного «болевиком»: Боксер пролетел по воздуху два метра и своей тушей сломал кресло. Затем настала очередь Алимбаева, среагировавшего на опасность на удивление быстро: удар «мотыга» раздробил ему носовую кость. Майор из ОМОНа тоже разобрался в обстановке и

попытался применить штатное оружие, но ему помешали телохранители Маракуца, наконец врубившиеся в ситуацию и начавшие наступление. Свалить их мог бы, наверное, только удар шпалой по голове, и лишь медлительность «качков» не позволила им завладеть положением. Обычные удары их не брали, чудовищный мускульный каркас предохранял обоих не хуже бронежилета, а применять сютю-рёку [\[57\]](#) при нанесении кан-сю [\[58\]](#) – тычковых ударов пальцами – Матвей не хотел, любой такой удар мог закончиться смертью противника. Пришлось перейти натяо-яо [\[59\]](#), или, как это называлось в русбое, – на «скакалку», чтобы увеличить импульс силы при ударе. От первого такого удара один из «качков» рухнул на стол, превратив его в груды деревянных обломков. На мгновение все в комнате замерли, и в это время в гостиной появилось новое действующее лицо – Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной. Одетый в неизменный серый плащ, он спокойно прошел на середину комнаты, оглядел застывшую компанию, три лежащих тела, перевел взгляд на Матвея:

– Похоже, я вовремя.

– Не спешите с выводами, коллега. – В гостиную Соболева шагнул еще один неожиданный гость, врач-невропатолог Иван Парамонов. Он, как и Самандар, осмотрелся и сосредоточил свое внимание на директоре Международного исследовательского центра боевых искусств.

Майор ОМОНа опомнился, сунул было руку в карман, однако снова уставился на вновь прибывших как замороженный. В таком же состоянии пребывали и остальные члены команды Маракуца, в том числе и телохранители, хотя никто им не угрожал и не ограничивал в действиях. Один Матвей почувствовал исходящие от Самандара и Парамонова силовые волны, столкнувшиеся наподобие двух волн цунами.

– Претензии, Посвященный? – сказал Самандар.

– Личность в зоне трансляции э-знаний, Посвященный, – ответил Парамонов.

– Степень претензий? Баланс боя?

– Баланс глубины.

– Что ж, давайте попробуем.

– Кто вы такие? – прохрипел майор, снова хватаясь за карман, где у него, очевидно, был спрятан еще один пистолет.

Самандар оглянулся на него, сказал задумчиво:

– Они нам не помешают?

– Не помешают, но пусть лучше уйдут. – Парамонов глянул на майора, на телохранителей Маракуца, и взгляд его был тяжел и физически плотен.

– Уходите!

Боевики повиновались, не сделав ни одной попытки схватиться за оружие, забрали так и не пришедших в себя Маракуца и Алимбаева, увели пошатывающихся телохранителей. Во дворе было слышно, как сначала заработали моторы двух машин, потом взревели сильнее, вытягивая первую передачу и увозя банду, затем все стихло.

Матвей наконец пришел в себя, хладнокровно выглянул в окно, потом закрыл дверь на лестничную площадку, прибрал в квартире и пошел в душ. Самандар и Парамонов, переглянувшись, молча наблюдали за ним, пока он не скрылся в ванной. Когда Матвей вернулся в гостиную, он стал свидетелем «разборки» двух Посвященных, уровень которой диктовался не физической силой и не знанием приемов рукопашного боя, а знанием Законов реальности.

Перед ними на журнальном столике лежал лист бумаги с нарисованной сложной схемой, похожей на иероглиф, Матвей узнал энеаграмму – фундаментальный иероглиф универсального языка, который знали только люди Круга. Он был настолько сложен, что у него зарябило в глазах, а гости Соболева все подрисовывали и подрисовывали к нему какие-то символы и знаки, изредка бросая реплики:

– Ислам?

– Только как символ покорности. Чистой веры не приемлет. Воины ислама – нонсенс! Принадлежит к патогенным системам верований.

– Аум? Кришнаизм?

– То же самое.

– Буддизм?

– Ближе. Основной тезис – все реальности относительны – верен.

– Но последствия действия можно устранить только действием.

– Это Закон запрещенной реальности. Я уверен, что не стоит переступать ступени Пути к Посвящению, пренебрегая Законом постепенного приближения. Уровень духовности должен быть всегда выше уровня возможностей, а не наоборот.

– Это не закон, а вариант достижимого. Что бы мы ни дали идущему, все будет зависеть от него.

Самандар и Парамонов одновременно посмотрели на Матвея, и тот почувствовал себя жалкой инфузорией, лежащей на стеклышке под микроскопом, откашлялся:

– Не соблаговолят ли Посвященные объяснить?

– Соблаговолят, ради этого и прибыли сюда, – обнадежил Самандар. – Мы еще не люди Круга, но Посвященные последней ступени. Кроме того, мы изредка становимся Проводниками...

– Авешами.

– Можно сказать и так. Теперь о главном. Говорите, Иван Терентьевич.

– Как вы понимаете, – улыбнулся Парамонов, – встретились мы с вами отнюдь не случайно. Я имею в виду – не здесь, а в Рязани. Вам был нужен Учитель, нам нужны Ученики.

– Я начал догадываться.

– Сохранение равновесия в запрещенной реальности, каковой является наш слой бытия Земли, невозможно без трансляции стабилизирующей модели, чем занимаются и Монарх, и иерархи, но подходы к этой проблеме у них разные, зачастую даже диаметрально противоположные. Как только такое случается, ваш мир потрясает серия войн, катаклизмов и катастроф, стирающих с лица земли целые народы и государства.

– Пожалуй, не стоит так подробно, – посоветовал Самандар, – он все понимает.

– Мало того, – продолжал, кивнув, Парамонов, – даже среди иерархов нет единства мнений, как контролировать запрещенную по вине Монарха реальность, чтобы она не дестабилизировала другие реальности Мироздания, не вызывала колебания и судороги энергоинформационной матрицы мира – ментала. Монарх, например, считает, что необходима постоянная коррекция законов. На его позиции стоят такие мощные фигуры иерархов, как триарх и пентарх, хотя их принципы во многом расходятся. За эгрегорную стабилизацию

ратуют инфарх, экзархи, примарх. Нюансы позиций объяснить сложно, и я их опускаю.

– Объясните свои позиции.

Парамонов и Самандар обменялись взглядами.

– Повторяем, мы – не иерархи и даже не люди Круга, хотя стремимся стать ими. Но и у нас есть принципы, которые мы отстаиваем. Я считаю, что людей переделать нельзя и что нельзя силой насаждать свое понимание справедливости. Вахид Тожиевич скажет о себе сам.

– В нашей реальности слабо работает Закон обратного действия, или Закон возмездия, – сказал Самандар. – Вернее, работает слабый вариант закона, допускающий слишком широкий спектр психосоциальных отклонений. Я бы хотел усилить его, что автоматически сняло бы целый класс безобразных форм отношений. Но без известного насилия, ограничения свободы воли и физического пространства сделать это не представляется возможным.

– Угол падения равен углу отражения, – пробормотал Матвей.

– Это частный случай Закона обратного действия.

– Я не противник насилия, – сказал мягко Парамонов, – но только лишь в приложении защиты личности. Если мне угрожают расправой, я действую адекватно. В остальном наши взгляды на жизнь расходятся.

– Понял. Кто же теперь из вас станет меня учить?

– Никто.

Матвей с недоумением посмотрел на потрясающе невозмутимые и спокойные лица собеседников, говорящие об их полном владении собой и ситуацией.

– Как никто?!

– Мы оба претендовали на это, – вздохнул Парамонов. – Энеаграмма не выявила лидера, и нам потребуется время, чтобы... э-э...

– Выяснить отношения, – подсказал Самандар с мрачной искрой в глазах. – Хотя мы не уверены, что вы последуете за одним из нас. И все же нам хотелось бы кое во что посвятить вас. В Москве, а по сути – в стране, образовались четыре конкурирующие силовые структуры: Федеральная служба безопасности плюс ГУБО – одна, Министерство обороны и Сверхсистема – другая, «Чистилище» – третья и Генпрокуратура плюс МВД – четвертая. Есть и еще одна подсистема –

служба безопасности президента, но ее амбиции не идут так далеко, как у остальных.

– Между ними мечутся еще две подсистемы, коррумпированные меньше других: военная контрразведка и Московский уголовный розыск, – добавил Парамонов. – И все они конфликтуют, увеличивая подпороговый хаос. Как только порог взаимодействия будет преодолен...

– Начнется война на уничтожение, – закончил Самандар все с тем же насмешливо-ироничным, мрачноватым огоньком в глазах. – Хаос. Уцелеет ли государство, не знаю, но может не уцелеть реальность! Что для живущих в ней равносильно катастрофе. Вот теперь и думайте, стоит ли вам влезать в эту кашу, чтобы изменить потенциалы, или не стоит.

Матвей сел в уцелевшее после налета кресло, глубоко задумался, ища в памяти эзотерические тексты, созвучные услышанному. Двое людей, в силу разных причин вставшие на Путь во Внутренний Круг, с не меньшей сосредоточенностью и не без сомнений смотрели на него. Наконец Матвей первым прервал затянувшееся молчание, твердо взглянул на Парамонова:

– Что вы предлагаете мне делать?

– Как уже было сказано, у нас разные подходы к...

– Нет, я имею в виду вас лично. Что вы предлагаете делать?

Парамонов искоса посмотрел на Самандара. Тот усмехнулся, покачал головой.

– Кажется, этот молодой человек выбрал ваш Путь, Иван Терентьевич. Сожалею, что не могу помешать. Желаю удачи... всем нам, но не уверен, что пути наши не пересекутся.

И Самандар исчез. Только ветер прошелестел по комнате, шевеля разбросанные листы бумаги.

– Он поспешил, – тихо произнес Матвей. – Я еще не знаю, чей Путь мне ближе и каким пойду я.

– Я знаю, – кивнул Парамонов. – Выбор остается за вами. Но я всегда смогу помочь, если потребуется, и буду неподалеку. Одна просьба: не ошибитесь в оценке ситуации, как сегодня. Ибо настанет час, когда перед вами встанет проблема выбора гораздо более значимых категорий, чем собственная жизнь и смерть. Идемте,

оставаться здесь более нельзя, я имею в виду не столько квартиру, сколько город.

Матвей погасил выключатель, перекрыл воду, запер дверь и вышел за Парамоновым на улицу. Они молча сели в джип, думая каждый о своем. Потом Соболев понял, что к прошлому действительно нет возврата, что впереди его ждет совершенно иная жизнь, полная зигзагов и неожиданностей, и у него внезапно защемило сердце. Надо будет разыскать Ульяну, подумал он какой-то частью своего сознания, на что другая возразила: ради чего, многоженец? Ты и так знаешь, что Уля – лишь авеша Светлены. Не терзай девочку своим вниманием, она это понимает иначе. Ищи лучше саму Светлену...

Усмехнувшись самооценке «многоженец», Матвей включил двигатель, и джип покатил в ночь...

«ККК» CONTRA «РКК»

Согласно материалу «ККК», на территории России обосновалось четырнадцать киллер-центров, объединившихся в «Российский киллер-клуб» – «РКК», известный не только в самой России, но и за рубежом. По данным внешней разведки, к услугам этого клуба все чаще прибегали боссы преступного мира других стран, потому что действовал он быстро, изобретательно и надежно.

Сами центры образовались сравнительно давно, одновременно с распадом Союза ССР, но идея объединения их возникла одновременно с образованием «СК», а созрела, когда «Чистилище» преобразовалось в «Команду контр-крим».

Конечно, полной информации о деятельности «Клуба убийц» не имела даже ФСБ, не говоря уже о Министерстве внутренних дел, однако у координатора «ККК», во-первых, был первоклассный информационно-аналитический комплекс на базе бохановского Центра нетрадиционных технологий, а во-вторых, ему помогал некто, обладающий полной информацией о состоянии Земной реальности. Правда, иногда этот приятель – некто – требовал от Громова услуг, несовместимых со статусом лидера «ККК», да и энергии у Дмитрия Олеговича на каждый контакт уходило слишком много. Однако с этим приходилось мириться, потому что цена этих контактов себя оправдывала – предоставлялась возможность диктовать свою волю любому человеку, любому лидеру страны и даже любой властной структуре.

С одной стороны, Громов понимал, что «ККК» мало чем отличается от «РКК» – «Российского киллер-клуба», с другой – он был уверен, что цели у них абсолютно разные. Но лишь цель «Чистилища» – возмездие и четкая работа Закона обратного действия – оправдывала применяемые «чистильщиками» средства. Уничтожением клуба Громов хотел показать власти, народу страны, да и всему миру, что существует высшая справедливость, а «ККК» – всего лишь проводник ее, исполнитель Закона.

В Московской области окопались, по данным Рыкова, три киллер-центра, один из которых играл роль объединяющего звена. Именно

этот центр и решил уничтожить в первую очередь «полный квадрат» комиссаров «Чистилища».

Замаскирован киллер-центр был под двумя вывесками: фирмы по изготовлению гробов и памятников «Мемориал», располагавшейся в Люблинском районе, возле кладбища, и частного бюро по расследованию супружеских измен «Ватсон», которое размещалось в бывшей парикмахерской «Люблино» на улице Доватора. Последней акцией центра было убийство молодого девятнадцатилетнего парня, что и оказалось каплей, переполнившей чашу терпения «ККК».

Громов заинтересовался этим делом с подачи все того же комиссара-три Бородинкина: похоже, поиск подобных беспредельных инцидентов стал для Прохора Петровича чем-то вроде хобби.

Дело начиналось, как и сотни таких же, слепленных по одному сценарию.

Работал человек заведующим базой в муниципальном округе Таганский. Человек энергичный, умный и честный. За короткое время превратил базу — бывшее овощехранилище — в современное предприятие с автоматическими линиями подачи, холодильными цехами и образцовым обслуживанием. Как водится, нашелся лидер местной мафиозной группировки, контролирующей данную территорию, и предложил работать на него. Человек отказался. А через месяц купленный лидером-мафиози отдел хищений госсобственности Таганского управления внутренних дел сфабриковал на заведующего базой уголовное дело: подставной свидетель принес взятку, заведующего базой в собственном кабинете повязал ОМОН, прокурор подписал дело, судьи вынесли приговор — семь лет строгого режима.

Сын безвинно осужденного не поверил в преступление родителя и начал собственное расследование. Тем более что парень пошел в своего отца, умел сопоставлять факты, анализировать, думать и делать выводы. А когда добрался до лидера мафии, с которого все, по существу, и началось, поступил заказ в киллер-центр «Ватсон» — «Мемориал». Наутро парня нашли в петле с запиской, в которой он объяснял свое решение уйти из жизни «стыдом за отца». В тот же день позвонили его матери и предупредили, что, если она вздумает пойти по стопам сына, жить ей — до первой подворотни.

Когда Громов дочитал досье, представленное ему Рыковым по заказу Бородинкина, то понял, почему Прохор Петрович так печется о

справедливом наказании за совершение подобных преступлений: у комиссара-три несколько лет назад погиб сын, попавший в лапы мафии, и горечь утраты не проходила до сих пор. Однако не столько этот факт заставил лидера «ККК» принять решение покончить с киллер-центром, сколько складывающаяся в стране ситуация: охоте всех силовых структур на «чистильщиков» срочно надо было противопоставить абсолютно правдивую и справедливую акцию, в которую поверила бы общественность. Ликвидация банды убийц должна была сыграть роль такой акции возмездия.

Василия Балуюева подключили к операции, когда она была уже подготовлена. Но так как он не привык действовать вслепую, то потребовал полный пакет информации о преступной деятельности банды, на счету которой числилось уже около двух десятков заказных убийств. Валерий Шевченко не мог предоставить ему исчерпывающих сведений и обратился к Громову, на что тот реагировал холодно и лаконично:

– Пусть довольствуется тем, что знает. Его дело – перехват.

Шевченко передал ответ лидера «ККК» Василию и впервые увидел того взбешенным.

– Или вы даете мне пакет данных, или мы расстаемся! Так и передай своему боссу. Я не «шестерка», а волкодав с десятилетним стажем! Кстати, заодно передай: на «мокрые» дела не пойду! Захват – пожалуйста, в любой форме, на любом объекте, с любым коэффициентом риска. Убийство, даже какого-нибудь подонка, – нет! Тут мы расходимся с вами в оценке законности и справедливости казни.

Разговор этот происходил на территории охотничьего хозяйства «Измайловский заказник», на котором располагалась секретная база подготовки «чистильщиков», и свидетелем его стал комиссар-два Рыков, приехавший в качестве представителя органов якобы для рекогносцировки будущей правительственной охоты. На самом деле Рыков появился с целью контроля действий комиссара-пять, хотя об этом не знал никто, даже координатор «Чистилища» Громов. Зато Дмитрий Олегович узнал о претензиях Балуюева и явился домой к Шевченко, где временно проживал Василий, в сопровождении мейдера личной охраны.

Операция должна была начаться ранним утром, то есть через восемь с половиной часов, и Шевченко готовился к выходу, тщательно разыгрывая компьютером предстоящий спектакль, прокручивая варианты и адекватные ответы «чистильщиков». Василий тоже готовился к бою, но по-своему: прикидывал ответную реакцию атамана киллер-центра, наверняка подготовившего немало сюрпризов на случай прорыва работников милиции.

Громов зашел к Шевченко один, одетый в полувоенный комби, ладно сидевший на его фигуре. Узнать лидера «ККК» было трудно, он изменил внешность и стал похож на грузина.

– Ганфайтер, – сказал он, войдя в «гостиную» Валерия, где на диване лежал Василий, закинув руки за голову, – ты новичок, и сегодня я терплю твои высказывания в адрес комиссариата, но в дальнейшем воздержись от излишних претензий и делай свое дело, которому обучен. Все наши исполнители жестко подчинены вертикали командования, привыкай и ты.

– Ясно, – сказал Василий, оглядев «грузина». – А не пойти ли вам на хрен, уважаемый? Я не искал контакта с вами, инициатива исходила от вас, ну так и гуляйте лесом! Проживу и без вас.

Шевченко, возникший в двери, замер. Громов тоже. Потом лицо его изменилось, глаза угрожающе вспыхнули, но он сдержал готовое было вырваться слово. Улыбнулся.

– Боюсь, не проживешь, ганфайтер. Ты же знаешь пословицу военных контрразведчиков: на каждого профессионала найдется лучший профессионал. А у нас их достаточно, ты знаешь.

– Да ну? – проговорил Василий с радостным удивлением. – Те, что тебя стерегут? Ну-ка, ну-ка, интересно, давай их сюда, проверим.

Громов некоторое время разглядывал Балую как диковинного зверя, потом добродушно рассмеялся. Оглянулся на Шевченко, не знавшего, что сказать.

– Он меня убедил, Валерий Егорович. Мне нравится, когда люди так себя уважают. – Повернулся к Василию, не изменившему позы, но готовому к защите в любой момент. – Василий Никифорович, я предлагаю вам роль «ударной свободно-волевой единицы» во всех силовых акциях «Чистилища». По сути, это равнозначно должности вице-комиссара и уж точно выше должности гранд-оператора. Как вы на это смотрите?

– Подумаю, – равнодушно ответил Василий. – Для начала дайте полный интенционал по киллер-центру.

– Упрямый дьявол! – проворчал Шевченко. Громов достал из кармана дискету, бросил на диван.

– Читайте, потом вернете.

Поманил Шевченко за собой, на кухне сказал:

– Пусть делает что хочет. Ошибется – уничтожишь. Не ошибется – станет твоим замом.

– В прошлой ситуации он проявил себя великолепно.

– То было в прошлый раз. – Громов вышел.

– Ну и обнаглел ты, Баловень! – заявился в гостиную Шевченко. – Чего на рожон-то прешь? Не знаешь, кто такой Громов? Мало того, что он сам – мастер мордобоя, виртуознее которого я еще не видел мастеров, так в его команде каждый телохран – профессионал почище любого ганфайтера!

– Ты не видел ганфайтера в настоящем деле, – сказал задетый за живое Василий. – Не думаю, что твой Громов выстоит против меня, а уж против Соболева – точно!

– Я не знаю возможностей твоего Соболева, только наслышан, но телохраны у Дмитрия Олеговича... не люди!

– А кто же?

Валерий замялся, и Балувев нахмурился.

– Зомби, что ли?

– Откуда ты?..

Василий присвистнул, сел на кровать.

– Вот почему он такой смелый!.. Хотя в принципе я мог бы и сам догадаться. Если уж у Ельшина была команда зомбированных бойцов, почему бы и вам ее не иметь?

– Ты, оказывается, страшный человек, Баловень! Все знаешь, все можешь... Хорошо все-таки, что я уговорил тебя работать с нами.

– Я не страшный, – вздохнул Василий, ощущая острую потребность пообщаться с Соболевым. – Я опасный. И еще не известно, останусь ли я в вашей команде после таких... заскоков...

В пять часов утра в район базирования двух офисов киллер-центра выдвинулись охотники и оперы захвата – два мейдера и треввер. Предварительно наблюдатели и разведчики обложили резиденции киллеров еще сутки назад.

Информационное обеспечение операции было столь всеобъемлющим, тщательно выверенным, что «чистильщикам» была известна о каждом действующем члене киллер-центра вся подноготная, начиная со дня их рождения. В принципе можно было, конечно, просто взорвать офисы вместе с боевиками, бросив туда взрывные устройства или дав залп из гранатомета. Однако предстояло доказать всему народу, что «Чистилище» действует только после скрупулезной проверки преступной деятельности группы, чтобы не пострадали невинные люди, и операция разрабатывалась по принципу: «Задержание, контрольный суд и лишь потом – казнь».

Одноэтажное строение фирмы «Мемориал» с виду казалось неказистым, старым, готовым вот-вот рухнуть. На самом деле по прочности оно могло соперничать с новостройками, а оборудовано было по первому классу контор с двойной деятельностью. Имело два цеха – по изготовлению гробов и производству памятников, склад и подсобное помещение. Но, кроме этого, в двухэтажном подвале была скрыта мастерская по конструированию спецприспособлений – от простеньких отмычек до сложных электромагнитных щупов и металлоискателей, барокамера, пристрелочный бокс, оружейная мастерская и камера для быстрого изменения внешнего облика автотехники. На втором этаже подвала располагалась сауна и комнаты отдыха «гробоизготовителей» с барами и массажерами.

Кабинет «президента» фирмы находился в подсобном помещении, куда могли входить далеко не все рядовые сотрудники из штата столяров и каменщиков, и охранялся он почти как отделение банка с хранилищем денег, хотя «президент», некто господин Резник, являлся всего лишь командиром оперативного отряда киллеров и в разработке операций не участвовал.

В полседьмого экстремер разведчиков снял охрану зданий, и началась атака основных сил «ККК» на фирму «Мемориал». Не прозвучало ни одного выстрела: «чистильщики» были мастерами рукопашного боя, огнестрельное оружие им не понадобилось. Да и нельзя было в данном деле его применять во избежание потерь среди «гробоизготовителей» и до выяснения личности каждого.

В течение четверти часа здание «Мемориала» было захвачено – в полной темноте и почти бесшумно; все бойцы «Чистилища» имели приборы ночного видения и прекрасно ориентировались как на

верхних этажах, так и в подвалах. Захваченных врасплох мастеров заплочных и «мокрых» дел согнали в цех по изготовлению памятников, и начался допрос.

Всего киллеров набралось одиннадцать человек вместе с главарем Резником, поднятым с постели голым в комнате отдыха (спал он аж с четырьмя девицами!). Трое членов банды не участвовали в непосредственном исполнении заданий – два шофера и грузчик. Им лишь отрубили указательные пальцы на руках. Еще двое, хотя и принимали участие в четырех «заказах», но самолично жертв не убивали. Им отхватили по одному уху. Шестой бандит ножом убил одного человека – бизнесмена Корочкина, и ему отрубили кисть руки. На счету остальных оказалось по три-пять убийств, и все они были погребены под трехтонной глыбой гранита, приготовленной для изготовления памятника одному из «отцов» города. Шеф отряда Резник мучился дольше всех: за каждое убийство – а он один убил восьмерых – ему отрубили по пальцу на руках и ногах, а потом повесили.

Двое боевиков центра ночевали на своих квартирах, поэтому мейдеру охотников пришлось ехать к ним, чтобы чисто закончить операцию.

Василий участвовал в захвате главных вожakov киллер-центра, разрабатывающих операции по уничтожению, так называемых «лидеров-кардиналов думы», то есть думающих и контролирующих исполнение. Контора частного сыска «Ватсон» практически ничем не отличалась от фирмы «Мемориал» по внутреннему оснащению и оформлению, разве что размерами офиса. Занимала она полуподвальное помещение в одном из домов на улице Доватора, расположенном недалеко от паркового массива и кладбища, возле которого стоял и «Мемориал». Помещение имело четыре комнаты: «деловой кабинет», где сидел директор конторы и заседали члены «думы», оружейную комнату, сауну с мини-бассейном и комнату отдыха, в которой могли разместиться сразу все боссы «Ватсона» вместе со своими подругами. Из этой комнаты был проделан тридцатиметровый подземный ход, врезающийся в городскую канализацию. Именно в него и сиганул главный планировщик «думы», президент киллер-центра Дементьев, когда в помещение «Ватсона» ворвались «чистильщики».

Без стрельбы на сей раз обойтись не удалось: охраняли свое начальство опытные и крепкие умельцы, владеющие оружием не хуже американских ковбоев. Двух из них пришлось брать в стиле ниндзю с использованием сюрикэнов и метательных ножей, что кончилось для них печально, хотя пострадали и «чистильщики» – один из них был тяжело ранен и скончался по дороге в больницу.

Василий ворвался в комнату отдыха первым, удачно избежал огневого контакта с одним из боссов «думы» и прыгнул в люк подземного хода вслед за президентом киллер-центра, которого успел узнать по фотографии. Догнал его только в трубе канализационной сети, когда у Дементьева кончились патроны в пистолете украинского производства «форт-12».

Судили главарей киллер-центра так же сурово и беспристрастно, как и рядовых исполнителей, допрашивая по одному в кабинете шефа «Ватсона». Все они валили вину друг на друга, изворачивались и лгали, и все были расстреляны...

Василий в «судебном разбирательстве» не участвовал, внезапно почувствовав отвращение ко всему на свете. С одной стороны, он понимал «чистильщиков», избавляющих мир от подонков, бандитов и убийц, с другой – осознавал, что путь, избранный комиссарами «ККК», не имеет перспектив. Для очищения мира от скверны преступности нужны были какие-то иные меры...

Синельников получил сообщение о разборке в Люблине в девять часов утра и поднял по тревоге свое новое войско – «Принцип». Через сорок минут он уже был возле кладбища, у ворот фирмы «Мемориал», изготавливающей гробы и памятники.

Однако начальника МУРа, как и его оперативников, бойцов «Принципа», на территорию «Мемориала» не пропустили. Хозяйничали здесь, как потом выяснилось, две бригады спецназначения из ФСБ и Министерства обороны. Не подействовало на горилл в защитно-камуфляжном обмундировании, стерегущих входы во двор и в производственные помещения, даже удостоверение генерала.

Кроме муровцев и оперов местного отделения милиции возле «Мемориала» топтались и парни из подразделения ГУБО во главе с заместителем начальника Зинченко. Они попытались было пройти внутрь, но были встречены чуть ли не свинцом и отступили.

– Вот сволочи! – беззлобно ругнулся Агапов, который успел перекинуться парой слов со знакомыми офицерами. – Перекрыли доступ и кайфуют. Говорят, там внутри нашли пять трупов и море крови! Плюс карточку «Чистилища» с подробным описанием дел группы. Кто-то ликвидировал киллер-центр.

В ухе Агапова пикнула рация, он придержал наушник рукой.

– Только что обнаружили еще несколько трупов в фирме «Ватсон». Это рядом, поехали.

Не включая сирену, они втиснулись в муровский «уазик» и помчались по вызову, но и тут, как выяснилось, опоздали. «Федепасы» действовали быстрее. У входа в здание Синельникова остановили увешанные оружием и разного рода милицейскими прибабасами парни в камуфляже без знаков различия.

– Никого не велено впускать!

– Я начальник МУРа генерал Синельников.

– А хоть бы и сам президент.

Синельников вскинул руки вверх. С визгом шин у здания развернулись две «мазды» с бойцами «Принципа», в три секунды образовали цепь, окружили здание, машину «федепасов». Охранники у двери в полуподвал «Ватсона» схватились за автоматы, но Синельников пошел на них грудью, громадный, угрюмый, налитый злой силой. Молча отодвинул растерявшихся спецназовцев, оглянулся на Агапова:

– Пойдем вдвоем, полковник, поглядим.

В коридоре они наткнулись на четыре тела, покрытые простынями. Еще один труп – без пальцев на руках и ногах – лежал в кабинете президента сыскной конторы.

Везде виднелись следы боя, в помещениях царил разгром, но ничего из дорогого оборудования фирмы унесено не было. Молчаливые люди в краповых беретах возились у тел в каждой комнате, что-то измеряли, фотографировали, работали с портативными дипломат-компьютерами, прослушивали стены, пол и потолок.

В комнате с несколькими кроватями, где был обнаружен люк в потайной ход, Синельникова встретил широкоплечий светловолосый командир орудовавшей команды, козырнул:

– Полковник Юрген, управление «К» Минобороны. Чем могу быть полезен?

– Генерал Синельников...

– Наслышан. Извините за излишнее усердие моих людей. Но это дело, как и все дела, связанные с деятельностью «Чистилища», будет разрабатывать мое подразделение и команда «Гроза» Федеральной безопасности. Вот начальник УСО ФСБ, он может подтвердить.

К стоящим отдельно Синельникову и Агапову подошел озабоченный генерал Первухин, пожал обоим руки.

– Вам тоже сообщили? Полковник прав, по «ККК» теперь будет работать объединенная бригада в составе спецподразделений Минобороны и нашего Управления. Свяжитесь с директором и со своим министром, Александр Викторович, они дадут исчерпывающие пояснения.

– Какого тогда хрена министр приказал сформировать нам свою дружину? – пробурчал Агапов, но так как никто ему не ответил, обратился к Первухину:

– Дайте хоть взглянуть на послание «чистильщиков».

Первухин глянул на Юргена, тот поколебался, но потом достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

Начальник МУРа прочитал приведенные свидетельства деятельности киллер-центра, вернул лист полковнику.

– Ясно. Мы вели четыре дела из указанных здесь. «ККК» успешно завершила нашу работу. Пошли, Юрий Федорович.

На улице, дав отбой оперативникам, Синельников сказал:

– Ты хорошо рассмотрел тех охранников?

– На входе? – оживился Агапов. – Внутри их таких еще человек пять в полном боевом. Похожи, словно братья, смотрят зверем и здоровые, как бронемашины! Не хотел бы я связываться с такими...

– Слышал я кое-что про команду этого Юргена... – Синельников бросил взгляд на низкую облачную пелену, зависшую над кладбищем, и сел в «уазик». – Поехали к министру, надо объясниться. Надоело мне это положение бедных родственников...

Сходка «мокрых» кардиналов киллер-клуба – руководителей московских киллер-центров – была организована президентом клуба на одной из явочных квартир в Лихоборах, расположенной в собственном доме по Четвертому Лихачевскому переулку.

Собралось пять кардиналов в возрасте от двадцати шести до сорока лет. Самым старшим был, естественно, президент клуба

Доценко по кличке Бешеный, на счету которого числилось около сорока «устранений» – по одному на каждый год его жизни. Он был не только самым сильным, «крутым» и богатым, злым и жестоким, но и самым умным, потому что имел друзей в самых элитарных кругах – от помощника президента Лобанова до певца Коберзона и писателя Айтамутова. Кроме того, он увлекался восточными единоборствами и слыл философом.

– Господа кардиналы, – начал тихим, ничего не выражающим голосом Бешеный. Небольшого роста, но круглый от мышц, с плавными движениями пианиста, в безукоризненном костюме от Версачи, он был похож на японского дипломата. – Сегодня нам нанесли удар, который вполне может привести к ликвидации клуба. «Чистилище» решило присвоить право казни и помилования только себе, предлагая нам переквалифицироваться. Например, в управдомы. Кто из вас, господа, хочет переквалифицироваться?

Ответом президенту были смешки и красноречивый обмен взглядами. Кардиналы в непринужденных позах расселись вокруг столика с напитками и бутербродами, но фужеры и стаканы брать в руки не спешили.

– Мы поняли друг друга, – констатировал Бешеный. – Тогда у меня есть два предложения. Даже три. Первое: повысить взнос от каждой нашей организации на содержание клуба, современное информационное обеспечение и оборудование защиты. Второе: чтобы «Чистилище» от нас отстало, необходимо сделать вид, что мы испугались и самораспустились, но перед этим кинем трем «К» в зубы Северную организацию, открыто игнорирующую нас и наши законы.

– Давно пора, – процедил самый молодой кардинал клуба Бабеня по кличке Бабай: он был гомосексуалистом, но для членов клуба это не имело значения. – Я на их босса давно зуб имею – трижды дорогу переходил, скотина!

– Значит, согласились. И третье: есть идея присоединиться к такой уважаемой организации, как «СС». Возражения?

Кардиналы в замешательстве переглядывались. Наконец тридцатилетний Паша Корженевский по кличке Переводчик пробасил:

– На фига нам эта беспокойная компания? Сами не проживем, что ли?

– Проживем, конечно, – спокойно ответил Бешеный. – Но там платить нам будут больше.

– Тогда... надо подумать. Хотя я все равно против.

– Остальные?

Другие президенты киллер-центров промолчали.

– Согласились. О конкретной выгоде я сообщу дополнительно. А пока от «СС» поступил заказ: ликвидировать управляющего делами администрации президента Бородкина. Цена – полмиллиона баксов.

– Елы-палы! – присвистнул Переводчик. – Хорошие бабки! Но я все равно против. Со службой безопасности лучше не связываться.

– Остальные?

– Пол-лимона мало! – с презрением бросил Бабай. – За такие дела платить надо раза в два больше.

– Держи карман шире! Ну что, согласились?

Ответом президенту клуба на этот раз была тишина.

ПЕРЕДАЧА ЗАПРЕЩЕННОЙ СИЛЫ

Он выехал на вершину холма и остановился. Ночью эту необычную пору или время суток назвать было трудно. Несмотря на отсутствие солнца и луны на черно-фиолетовом небосводе с гроздьями незнакомых созвездий, холмистая равнина просматривалась отчетливо, объемно и в цвете, словно освещалась изнутри.

Внизу между двумя цепями холмов колыхалось море тумана, подсвеченного снизу призрачным голубоватым светом, а из тумана вырастал странный и таинственный лес, состоящий из длинных фиолетовых суставчатых жердей толщиной в руку человека. Верхушка каждой жерди расщеплялась на пучок тонких прутьев, похожих на нечто вроде веника или гнезда, внутри которого прятался отсвечивающий металлом и слюдой кокон.

Жерди отстояли друг от друга метров на двадцать, но их было много, и «лес» — из них издали казался густым и сухим, словно то было поле сгоревшего камыша или бамбуковых побегов.

— Город хирономидов, — пояснил голос сзади, и на холм на шестиногом животном взобрался спутник Матвея, снизу до пояса закованный в металл, а от пояса до плеч укутанный в меха. Голова его напоминала одновременно человеческую и муравьиную, однако вместо глаз лоб рассекала светящаяся рубиновая щель. Рта у монстра не было вовсе, и голос звучал прямо в голове Матвея. Правда, последнего это не смущало, он знал, что собеседник — его мыслеформа, рожденная воображением, объемом знаний и возбужденным подсознанием при воздействии внешней информационной трансляции. Он и сам выглядел точно так же: гигант в доспехах и мехах, с копьем в руке-лапе, на шестиногом звере, похожем одновременно на льва и носорога.

— Город хирономидов, — повторил спутник Матвея. — Мертвый город. Вода отсюда ушла давно, и личинки комаров погибли. По периферии города располагались сторожевые вышки с хироносолдатами. Стоило сюда кому-либо приблизиться, как навстречу взлетал рой защитников, который мог мыслить уже на уровне, достаточном для решения задач защиты. А так хирономиды

представляли собой тип рассеянного сознания. Комары сохранили кое-какие их повадки, хотя гиганты хирономиды кровососами до Изменения не были.

«Конь» под Матвеем переступил с ноги на ногу. Спутник оглянулся.

– Поехали, надо торопиться. Посол ждать не будет.

Матвей безмолвно тронул поводья, и его «конь» стал спускаться в туман, скрывающий основание города-леса древних разумных комаров, не переживших Изменение, как и другие насекомые.

Вскоре город хирономидов остался позади, и они выехали на берег моря, представляющий удивительный расчлененный ландшафт: словно сотня рек низвергла свои воды в море, проточив камни и песок, а русла этих рек после ухода воды образовали причудливую сеть пересекающихся меандров с тысячью известняково-песчаных островов.

– Город пауроподов [\[60\]](#), – бесстрастно сообщил спутник Матвея.

На одном из «домов»-глыб древних многоножек виднелся белесый округлый предмет, и Матвей задержал на нем взгляд, затем подъехал ближе. Это был скелет странного существа, похожий на каркас боевого танка с башней, пушкой и гусеницами, только каркас этот был из отшлифованных ветром, песком, пылью и временем... костей!

– Колеоптер-воин, – пояснил проводник Соболева. – Далеко же он забрался.

– Жук [\[61\]](#)?!

– Да, так выглядели некоторые виды разумных жуков. «Башня» – сложенные надкрылки, «пушка» – эффектор самого совершенного оружия Инсектов – «искривителя», или «трансформатора формы». Кстати, из-за создания этого защитного механизма жуками Аморфы и поспешили с Изменением, потому что остальные Инсекты слишком быстро переняли опыт колеоптеров и создали на базе «искривителей» более мощные виды вооружений, грозящих поколебать равновесие Мироздания. Оружие это можно назвать «Иглой Парабрахмы».

– Неужели войнами грешили все Инсекты?

– Все без исключения! Инсекты были изначально агрессивны, только этот фактор и давал им возможность прогресса. Одновременно вечная война помогала сохранять плотность популяций каждого вида в

подкритическом состоянии. Как только плотность одного вида превышала критическую, молодые поколения устремлялись в набеги на соседей. Кстати, люди, как измененные Инсекты, сохранили эту особенность развития. Первопричина великих переселений народов, крестовых походов, нашествия монголов также кроется в глубинах инсекточеловеческой генетической программы. К чему приводит путь избыточной милитаризации, вы видите.

— С кем имею честь контактировать сегодня?

— Не суть важно. Я из числа друзей ваших друзей.

Матвей понял, что собеседник не хочет, чтобы его когда-нибудь узнали, хотя бы по голосу.

— Куда мы движемся?

— Узнаете.

Монстр на шестиноге поскакал вперед, и Матвей вынужден был гнать своего «гнедого» следом.

Город пауโรปодов остался позади, берег моря превратился в обычную песчаную полосу со светящимся крупным песком. Копыта-лапы шестиногов оставляли на нем темные вдавлины.

Матвей заметил на береговом откосе остроконечный силуэт, похожий на ракету, и мысли его свернули в другое русло.

— Инсекты вышли в космос?

— Они успели посетить все планеты Солнечной системы. Но выход в космос столь агрессивной формы жизни, чья деятельность носила заведомо энтропийный характер и противоречила негэнтропийности процессов структурирования, неизбежно должна была вызвать резкую ответную реакцию Мироздания. Что и произошло в конце концов. Аморфы, первые разумные системы Земли, послужили как бы исполнителями воли Мироздания. Они воспользовались собственным оружием Инсектов — «Иглой Парабрахмы», изменив все виды насекомых. Исключение составил отряд Блаттоптера сапиенс.

— Тараканы!

— Именно тараканы... да и то вследствие полнейшего равнодушия Аморфов к результатам своего деяния и вмешательства Монарха, одного из последних Аморфов. Зачем ему это понадобилось, знает только он. Когда остальные Аморфы узнали об эксперименте, они заблокировали выход Монарха в нашу, ставшую запрещенной, реальность.

– Каким же образом он обходит блок?

– Аморфы... ушли. Никто не знает – куда. Может, в другую реальность, созданную для собственных нужд, может, просто вымерли от старости... Монарх Тьмы – последний из Аморфов, противостоял ему только иерархи, потомки Перволюдей, Хранителей эзотерических знаний, в том числе – знаний цивилизации Инсектов.

– До сих пор не могу привыкнуть к тому, что Монарх – Аморф!

– Сочувствую... подождите!

Проводник Матвея остановился, повернувшись лицом к морю, потом достал из левой седельной сумки нечто вроде арбалета, перехватил правой рукой копьё, и теперь стало ясно, что у него – четыре руки! Впрочем, как и у того монстра, в теле которого как бы жил Матвей.

– Что вы всполошились?

– Изменение было глобальным, но отдельные особи Инсектов и даже малочисленные их отряды – до десятка членов – уцелели, сохранив размеры и форму. Некоторые уменьшились не на два порядка, как планировалось Изменением, а всего в пять – десять раз. Первые «гтараканолюди» сталкивались с ними на протяжении многих десятков тысяч лет! К нам сейчас приближается небольшой рой лепидоптеридов [\[62\]](#).

– И бабочки были?

– Ну, это не те бабочки, к каким вы привыкли. Древние разумные лепидоптериды были хищными Инсектами, и лучше бы нам с ними не встречаться.

Проводник тронул шестинога с места и поскакал наискосок между двумя холмами к третьему, на вершине которого стояла зубчатая покосившаяся башня. Матвей погнал своего «коня» следом, оглядываясь на приближающееся с моря белесое пятнышко, которое вскоре распалось на несколько делающих резкие пируэты в воздухе точек. Всадники достигли холма с башней в тот момент, когда точки превратились в громадных белесых тварей, похожих на летучих мышей, но с прозрачно-фарфоровыми крыльями бабочек. Одна из них сделала очередной поворот, спикировала на всадников, и спутник Матвея выстрелил в нее из «арбалета». Тонкий желтый лучик «стрелы» вонзился в тело лепидоптера, вспыхнула пронзительно-зеленая звездочка взрыва, тварь отвалила в сторону, помчалась вниз,

исчезла за гребнем берегового вала. Остальные продолжали бесшумно-суетливый ломаный полет в прежнем направлении, не обратив внимания на инцидент. Матвей разглядел их головы и содрогнулся. Эти «бабочки» имели не хоботок, а челюсти с двумя рядами кинжаловидных зубов!

Внезапно земля под ногами содрогнулась, над морем вырос серо-серебристый гриб смерча, внутри которого заиграло голубое пламя. Горизонт словно перекосило, гигантская тень заслонила четверть небосклона, словно над всадниками воспарило крыло исполинской птицы.

– Искажение передачи, – возник в голове Матвея другой бестелесный голос.

– Граничный баланс нарушен, время связи три ноль три...

– Успеем, – отрезал спутник Матвея продолжение информации неведомому обладателю голоса. – Мы уже у цели.

Они поднялись на холм к подножию покосившейся башни, в которой Матвей узнал наконец полуразрушенный остов «термитника» высотой сто с лишним метров. Видимо, «термитник» этот когда-то горел, потому что в отличие от Храмов, виденных Матвеем, он был темно-коричневым, смолянистым и оплывшим, потеряв свою былую гармоничную форму и цвет.

– Менгир изоптеридов [\[63\]](#), – подсказал проводник.

– Нечто вроде пограничного поста государства изоптеридов. Дальше до горного массива – их владения.

Шестиноги шагом въехали в провал в стенах «термитника», остановились. Монстр ловко спрыгнул на твердую плиту из материала, похожего на янтарь. Матвей спешил рядом. Следуя друг за другом, они нырнули в черное отверстие туннеля, начинающегося в глубине разрушенного участка башни, который привел их в центральный «тронный» зал «термитника», где когда-то жил его Командир.

Матвей узнал этот зал, по которому он бродил в прежних своих снах, разве что теперь мог рассмотреть его во всех деталях.

Стены зала были сложены в готическом стиле из того же материала, напоминающего янтарь, с золотистыми искрами внутри, создающими эффект небывалой глубины. Посреди зала на полу из этого же материала, но более темного, почти черного, стояло сложное сооружение, чем-то напоминающее верхнюю часть скелета человека с

ребрами, образующими грудную клетку, и с поднятыми вверх пятипалыми конечностями, растянутыми тонкими янтарными тросами и лентами между стенами. «Кости» также были из «янтаря», но почти прозрачного, и светящейся золотой пылью внутри них было больше. «Ребра» грудной клетки образовывали как бы шатер, накрывающий «сердце» почившего здесь исполина – трехметровый кокон в форме ананаса, оплетенный золотой паутиной.

– Саркофаг повелителя, – сказал проводник Матвея, останавливаясь на почтительном расстоянии от «трона» бывшего владыки «термитника».

Матвей приблизился, замороженный совершенным созданием древних разумных термитов, потом увидел возвышение в полу с лежащей на нем огромной книгой и понял, зачем его привели сюда.

Проводник, топая закованными в броню ногами, подошел к возвышению с книгой, шевельнул копьём верхнюю крышку и поспешно отступил. С гулким ударом книга раскрылась, выпустив столб светящейся рубиновой пыли.

– Читай, идущий. Более удобного момента может не представиться, в ближайшее время границы земной реальности будут усилены новым порогом просачивания. Прямая передача информации через астрал станет невозможной.

Матвей молча влез на возвышение, оттуда – на первую страницу книги, приготовился увидеть ползущие буквы-иероглифы и не поверил глазам. Буквы не ползли, хотя и подрагивали, словно напечатанные на слое желе, и текст был вполне понятен, хотя русским этот язык назвать было нельзя – смесь английского, латинского и русского! И все же Матвей понимал его!

– Читай и запоминай. Анализировать будешь потом.

Матвей прочитал первую страницу. Захватило дух! Это оказалась Книга боевых искусств Первых Людей!

Рой рубиновых искр, вьющихся над страницей книги, упал на нее дождем, размыл текст, взметнулся снова вверх. И это было продолжение текста. Другая страница. Прочитав таким образом их с десяток, Матвей прошептал:

– Не может быть!..

Никто ему не ответил, только искры засияли ярче да книга под ногами качнулась. Но факт оставался фактом: в ней описывалась

система шоковых, парализующих и смертельных ударов в любую точку тела человека, и объяснялось, как достичь желаемого результата. «Не может быть» Соболева относилось не к возможности или невозможности применить систему на практике, а к тому, что почти такая же система – техника смертельного касания – была ему знакома по восточным стилям, но там необходимо было точное попадание в нервный узел с передачей раппорта, импульса энергии...

– Этот пакет знаний запрещен иерархиями даже для Хранения, – прилетел шуршащий, как сухая осока, голос. – Из-за того, что в свое время произошла утечка информации, допущенная кем-то из Хранителей, которая привела к дестабилизации реальности. Однако любое знание, достигшее ментала, неуничтожимо.

Матвей дочитывал последние страницы книги с трудом – мешала сильная головная боль, судороги шеи и рук, временами наступающие приступы слепоты и слезы. Он едва успел спуститься вниз, как с ударом гонга книга захлопнулась, превратилась в огромного термита, который скрылся в шипастом «ананасе» саркофага, помахав Матвею на прощание четырьмя конечностями. Стены «термитника» вздрогнули, перекошились, поплыли...

– Передача прошла, граничные искажения ментала... – запульсировал, слабея, в голове Соболева тихий голос. – Опасно оставаться в теле транслятора... выход чреват... защит... колеб... проп... дар... – Голос умолк.

– Скорее! – рявкнул монстр-проводник, выводя Матвея из ступора. – Надо успеть до перекрытия потока ощущений.

Матвей выскочил за ним, прыгнул в седло, и они что есть духу поскакали обратно, ощущая спинами, как из-за горизонта тянется к ним, уплотняясь, черная тень, напоминающая лапу зверя с когтями...

Только сутки спустя Матвей отошел от переживаний, связанных с удивительным сном, и осознал, что помнит все, что прочитал в Книге боевых искусств Первых Людей. Проверять истинность полученного знания не было нужды. Матвей давно был профессионалом рукопашного боя, досконально изучил все болевые точки человеческого тела, как и вообще анатомию человека, и чувствовал, что владеет теперь исключительно опасными знаниями, против которых ни один человек не имел защиты, если только сам не был посвящен в это смертельное знание.

Сон ему приснился на третий день после появления в Москве, где «федепасы» предоставили новому сотруднику двухкомнатную квартиру. Никто его не беспокоил, не давал инструкций и не требовал подтверждения личности; лишь один раз позвонил генерал Первухин, осведомился, как его устроили, и приказал отдыхать. Зато сразу после сна, словно дожидаясь специально, Матвея по телефону потребовал к себе заместитель Первухина Золотухин и перепоручил его командиру группы «Гроза», которому он должен был теперь подчиняться.

Этого командира по фамилии Белоярцев Матвей когда-то встречал – года два назад, при совместной операции ФСК и «Смерша» по обезвреживанию банды чеченских террористов на территории военного госпиталя. Тогда молодой «супер» не произвел на Соболева особого впечатления. Теперь из лейтенанта он превратился в майора, явно возмужал и, кажется, подрос, хотя с виду оставался все тем же долговязым деревенским увальнем с румянцем во всю щеку и соломенным чубом. Матвея он не помнил и знал лишь по разговорам и слухам, ходившим в среде профессионалов, доверять которым не всегда было можно.

В хмурое утро начала октября он вызвал Матвея в подмосковное Бутово, где отряд «Гроза» имел свою базу подготовки, и приказал прогнать тест на профпригодность, который Соболев сдавал еще лет десять назад, будучи курсантом военного училища (куратор – КГБ) по подготовке особо засекреченных агентов высокой пробы.

Приказ майора Матвей понял, но сдавать тест отказался, чем вызвал оживление стоявших тут же по команде «вольно» бойцов «Грозы».

В тест входил марш-бросок на восемь километров в полной боевой выкладке по пересеченной местности, контрольное время – сорок минут; подъем на руках по канату на семь метров – за семь секунд; плавание – пятьдесят метров – за тридцать пять секунд; ныряние на пятьдесят метров; хождение по бревну с завязанными глазами; отражение нападения собаки; огневая подготовка – семьдесят очков из пистолета с двадцати пяти метров и семьдесят пять из винтовки с двухсот метров; скалолазание; спецвождение автомобиля; и все это – в затрудняющих выполнение задания условиях: газовая атака, светозвуковые гранаты, взрывпакеты, ловушки и встречные действия «противника» – то есть рукопашный бой.

– Майор, – сказал Матвей тихо, – гоняй по полосе своих мальчиков и не трогай меня, лады? Я старше тебя по возрасту и равен по званию и в эти игрушки играю с малого возраста. А если что нужно еще узнать, обратись к генералу Первухину, он объяснит.

Строй притих. Здоровые мощные молодые мужики молча разглядывали новичка, отказавшегося выполнять приказ командира.

Белоярцев почесал переносицу, пребывая в затруднении, потом махнул рукой.

– Я кое-что слышал о ганфайтерах, но ты попал в команду, где нет слабаков. Я знаю возможности каждого, и все знают меня. Кем бы ты ни был в прошлом, сейчас обязан повиноваться мне. Иначе...

– Иначе что? – поднял бровь Матвей.

– Заставим, не таких обламывали, – бросил левофланговый строя, заместитель Белоярцева капитан Натанович.

– Ну-ну, – только сказал Матвей. – Удачи вам, ребята на этом благородном поприще. Пойду-ка я, пожалуй, поговорю с начальством, ошиблось оно в назначении.

Он повернулся спиной к строю, направляясь к проходной, и услышал, как Белоярцев скомандовал с ленивым пренебрежением:

– Покажите ему, что такое «Гроза».

Отряд состоял из тридцати человек, мастеров рукопашного боя, в большинстве своем офицеров, отобранных из разных подразделений ФСБ, прослуживших в спецподразделениях не один год, знавших специфику отношений в подобного рода группах и умевших действовать эффективно в любой обстановке. Справиться с ними со всеми в манере Брюса Ли не представлялось возможным, ибо киношный бой, когда на героя насакивают по одному или в крайнем случае по двое, – это не реальный бой, в котором перед подразделением стоит задача захвата противника любым способом. Тут уж не до рыцарского этикета, чистых приемов и поединков чести. Поэтому, когда от строя отделилась пятерка волкодавов ОБЕДа и развернулась дугой, охватывая идущего к выходу новичка, Матвей сделал единственно правильный выбор: перейдя в состояние меоза, метнулся вдруг назад, на проходе уложил набегавшего сзади бойца, достал второго в прыжке, благодаря бога, покровителя драки, что тот не предложил ему более высокую плотность боя, и, с шипением разрезая воздух, за десятые доли секунды приблизился к Белоярцеву.

Командир «Грозы» был сильным «супером», не уступавшим ни одному реальному командос, но с мастерами класса «абсолют» он тягаться не мог. Матвей предложил ему секундный выбор в тактике схватки, оценил угрозу, перешел в темп и провел удушающий прием, известный адептам боевых стилей под названием усиро куби симэ [\[64\]](#). Шепнул на ухо побелевшему Белоярцеву:

– Останови своих псов, командир. Если я начну играть в полную силу, многих придется отправлять в реанимацию.

– Отбой! – прохрипел майор, когда Матвей отпустил его, помассировал горло. Лицо Белоярцева не сразу приобрело естественный цвет, но во взгляде, брошенном на Соболева, было больше удивления, недоумения, недоверия и восхищения, нежели ненависти.

– Черт бы тебя побрал, ганфайтер! Как тебе это удастся?

– Долго рассказывать. Ну, так я пошел?

– погоди... не пори горячку... извини, я же не знал... Послушай, а что, если ты с ребятами проведешь пару занятий?

Матвей посмотрел на майора, заколебался было, собираясь ответить отказом, но снова не увидел в ауре этого человека коричневых негативных оттенков и согласился.

Два дня по утрам он занимался с бойцами «Грозы», показывая им специфическую технику русбоя, приемы из арсенала импосибл и «комба», учил сосредоточению и работе на уровне мусин – отсутствия разума во время отражения многовекторной атаки, а потом Белоярцев объявил о «предстартовом положении».

– Готовится одна операция, – сказал он после утренних занятий «спецухой» и отработки элементов штурмовых и десантных задач. – «Альфа» плюс «Вымпел-2» плюс мы. Готовность – единица. До вечера всем отдыхать, ждать сигнала.

– Что предстоит? – спросил его Матвей, когда все разошлись.

– Штурм и захват, – ответил Белоярцев. – Но вводную мы получим лишь за час до начала проведения во избежание...

– Утечки информации.

– Мы недавно стали так работать, наткнувшись пару раз на соперничающие службы. Отдыхай, ганфайтер, тебе разрешено заниматься этим делом дома. Остальные, а их большинство, находятся здесь, на базе.

До вечера Матвей читал, вспоминал приемы переданной ему во сне системы шокового поражения человека одним прикосновением, составлял план проникновения в подземный мир Москвы. А после ужина позвонил Василий:

– Наконец-то я тебя застал! Как дела?

– Как сажа бела, – обрадовался Матвей. – Как ты узнал номер моего телефона? Это же «четырёхнулевая крыша»?

– Цыганка нагадала... не забывай, я теперь «чистильщик». Когда пойдем к Храму?

– Я уже прикинул вариант, необходимо встретиться и обговорить детали. Ты где остановился?

– Только что получил такую же «крышу», как и ты, в Ружейном переулке. Можешь заехать хоть сейчас.

– У нас объявлена «готовность один», завтра планируется операция.

– Надо же, у нас тоже. Не одну ли задачу решаем? Шучу. Когда встретимся?

– Завтра вечером, если уцелеем.

– Типун тебе на язык! Я суверен. Твоих я отвез нормально. Расскажу при встрече. Ну, бывай. – Балуев повесил трубку. Он не знал, что шутка его была пророческой, что увидеться друзьям придется раньше и при не совсем обычных обстоятельствах.

ИНИЦИАЦИЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Встреча директора ФСБ и начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью проходила дома у генерала в отсутствие свидетелей, и даже телохранители обоих терпеливо ждали решения начальников за пределами квартиры. Знал о причинах прямого контакта высоких договаривающихся сторон только капитан Хватов, но помалкивал, предпочитая не выказывать чрезмерной осведомленности ни при каких обстоятельствах.

Приведя гостя в дом, Коваль остался в темно-синем костюме, только ослабил узел галстука. Казанцев Руслан Ибрагимович носил коричневый костюм, черную рубашку с желтым галстуком и лакированные туфли тридцать девятого размера. Он был Ковалю по плечо, но тем не менее слабаком не выглядел.

Хозяин и гость прошли в кабинет генерала.

– Располагайтесь, Руслан Ибрагимович. – Сергей Вениаминович закрыл за собой дверь, зашторил окно, включил электронную систему защиты комнаты, сел напротив в удобное кожаное кресло. – Выкладывайте свой сюрприз. Что-нибудь выпьете?

– Пью только водку и только после работы. – Казанцев закурил сигару-крем.

– Сюрприз состоит в том, что мы вычислили, на кого работает бывший вор в законе, владелец ресторана «Клондайк» и сети кафе-баров Тогоев Мирза Тогоевич.

– Ну-ка, ну-ка?

– На «СС»! Мы наблюдаем за ним давно, с момента его подключения к разработке бизнес-программ на ТВ. И, судя по всему, пост в Сверхсистеме он занимает высокий, потому что трое наших следователей, пытавшихся копнуть его деятельность поглубже, погибли при невыясненных обстоятельствах. Пакет информации, если не возражаете, я вам передам завтра.

Коваль встал, налил себе в рюмку любимого коньяку, гостю – стопку водки «Посольская», принес орехи и бутерброды.

– За здоровье государя.

Казанцев поднял бровь, так как не уловил, кого имел в виду Сергей Вениаминович, но выпил.

– Это не сюрприз. – Директор ФСБ захрустел орехами. – Это служебная подача данных. На Тогоева и у нас кое-что имеется. Но ведь ты не за этим напросился ко мне в гости, Руслан Ибрагимович?

– Мы теряем престиж в глазах общественности, – сказал начальник ГУБО. – «Чистилище» работает эффективнее, злее и нагляднее. Несмотря на негласный запрет, в газетах все чаще появляются статьи, восхваляющие «ККК» и уничижающие нас. Из этой ситуации есть только два выхода.

– Даже два? Я пока вижу один.

– Первый: покончить с коррупцией и преступностью. Это безусловно честный, правовой, конституционный и законный путь, но очень непростой и долгий. Второй путь легче...

– Уничтожить «Чистилище»?

– Именно так, Сергей Вениаминович. Боссы в верхах, обеспокоенные своим личным положением, и избрали этот второй путь. Мне хотелось бы знать, к какому склоняетесь вы.

Коваль снял галстук, бросил на стол.

– Дорогой Руслан Ибрагимович, престиж наши службы потеряли еще при штурме больницы в Буденновске... да и вообще во время чеченской кампании... Разогнать спецкоманду можно за день, а подготовить новую можно только за семь – десять лет. Ключют нас журналисты – и правильно делают. Что касается дальнейшей нашей работы... ФСБ и ГУБО – инструменты государства, стоящие на страже властных институтов, инструменты защиты и, если необходимо, подавления. Боюсь, в данном случае мы – аппарат подавления. Работа «ККК» – вызов существующей системе государственного управления, и ни одно уважающее себя правительство этого не потерпело бы.

– Это следует понимать, что ФСБ – за «террор против террора»?

– ФСБ за скорейшее решение проблемы, раскачивающей устой общества. Нам равно мешает деятельность как «СС», так и трех «К», но последние слишком жестоки и одиозны, их надо ограничить... а потом попробовать переманить на свою сторону.

– Позиция ясна, генерал. Формально я на вашей стороне, но душой – за «Чистилище». Для себя я решил: если начнется заваруха, война спецслужб с «ККК», я скорее всего уйду в отставку.

– Война уже началась, Руслан Ибрагимович. Занимайтесь своей Сверхсистемой, а нам оставьте «Чистилище». Несмотря на объявленный Советом безопасности «джихад» против «чистильщиков», координация сил и действий идет туго, приходится изворачиваться. У меня даже создается впечатление... – Коваль замолчал, так как приготовился сказать: «Создается впечатление, что Конкере работает сразу на несколько контор», – но начальник ГУБО этого бы не понял. Казанцев поднялся.

– Разрешите откланяться, Сергей Вениаминович. Моя команда «Харон» по-прежнему в вашем распоряжении, однако в скором времени она начнет заниматься другими делами.

– Завтра мы планируем совместную операцию по захвату предполагаемой базы «ККК», и после этого можете забирать своих ребят.

– Вы имеете в виду Ассоциацию «Барс»? Считаете, что это база «Чистилища»?

– Одна из основных, судя по анализу последних событий, обеспечивающая информационный контроль. Мы надеемся через нее выйти на императив-центр «Чистилища», на его комиссариат.

– Бог в помощь, Сергей Вениаминович.

«Скорее – дьявол!» – подумал директор ФСБ, но уже без обычного жутковатого холодка в желудке. Он привык принимать помощь и советы существа из другой реальности по имени Конкере, время от времени говорящего с ним устами капитана Хватова.

Генеральный прокурор любил обедать в ресторане «Артистико» в Камергерском переулке, напротив МХАТа. Свечи, тихая музыка, предупредительные официанты и великолепная итальянская кухня располагали к томлению духа и блаженству плоти. Мысли приходили возвышенные, тонкие, изысканные, как запах духов «Диориссимо», – о ренессансе, о художнике Гонзаго, о постмодернизме, то есть о том, о чем Плотников имел весьма отдаленное представление.

Николай Григорьевич доел нежнейшую лазанью, приступил к лососю с равиолями, и в это время за столик сел опоздавший к обеду Пашин.

Министр внутренних дел был хмур и озабочен, поэтому оправдываться не стал. Заказал форель и стал молча наблюдать за тем, как ест Плотников. Не выдержал долгой паузы:

– Вы уверены, Николай Григорьевич, что «Барс» – оплот «Чистилища»?

Генеральный прокурор вытер жир с пальцев, сдернул салфетку.

– Что это с вами, Леонид Арнольдович? Мы же все обговорили. Анализ данных показал, что Ассоциация ветеранов спецслужб обладает обширнейшим досье на всех влиятельных лиц государства, в том числе и на нас с вами. Если это не база «ККК», то что? Конечно, в другое время мы бы понаблюдали за ветеранами, выявили бы связи, контакты, но ситуация складывается так, что нужно спешить. Вот захватим сотрудников «Барса», его архив, и выясним все, что надо.

– Мне бы вашу уверенность.

– Сведения абсолютно точны. – Плотников выпил кофе, промокнул губы. – Я получил их из... одного очень информированного источника. Непогрешимого. Он меня еще не подводил. Так что успокойтесь, все будет шито-крыто. А что конкретно вам не нравится?

Пашин получил свою форель в вине и стал быстро есть, не ощущая вкуса.

– Несколько сотрудников нового отряда, который мы создали для борьбы с «Чистилищем», отказались работать по «ККК». Кроме того, начальник МУРа генерал Синельников подал рапорт об отставке.

– Я же говорил – он ненадежен.

Пашин бросил взгляд исподлобья на лоснящееся брезгливо-уверенное лицо Генерального прокурора.

– Он прав. Нам не дают работать! Как только МУР начинает идти по следу «чистильщиков», операм перебегают дорогу безопасность, а то и спецы нашего уважаемого Федора Ивановича. А ведь договаривались работать по трем «К» в одной упряжке.

Плотников пожевал губами, побарабанил пальцами по столу.

– Спешат отличиться господа генералы... Что ж, мы тоже не лыком шиты, утрем им нос... Давайте-ка объединим наши спецкоманды, Леонид Арнольдович, ваш «Принцип» и мой... наш «Закон». Сделать «Барс» надо чисто, без потерь и большого шума, а законность этого шага я обосную.

Закончили обед представители закона в полном молчании.

Юрген оглядел молодые, сытые, уверенные лица солдат Кийка, построившихся на плацу базы, обошел строй и молча повернул к штабному домику.

– Разойдись! – скомандовал Кийк, догнал полковника, гадая, какой сюрприз тот преподнесет на этот раз.

День был по-осеннему хмур, но дождливые тучи постепенно рассеялись, очищая небосвод. Погода явно решила побаловать людей, соскучившихся по сухому теплу.

– Мы готовы, – на всякий случай доложил капитан, когда они зашли в охраняемый нарядом домик с аппаратурой спецсвязи и персональным компьютером.

Юрген расстегнул кожаную куртку, достал из кармана стопку белых квадратиков из плотного картона с тисненным в углу кинжальчиком и отпечатанной фразой: «Привет из „ККК“».

– Возьми. Оставишь в их штабе пару штук. И впредь после любой нашей акции будешь оставлять на месте событий.

– Это называется «оперативной дезориентацией». Сделаем, полковник. Что еще?

– Надо съездить в Рязань, помочь Маракуцу. На него снова наехал местный филиал трех «К». Боксер даст ориентировку. Заодно выяснишь, куда подался Соболев. По идее, он должен выплыть где-то в столице, но пока в поле нашего зрения не попал.

– В чем проблема, Томас? Сделаем с удовольствием. Сразу после операции «Барс». Время «Ч» не изменилось?

– Десять утра. Место тихое, прохожих будет мало, да и попривыкли уже все к боевым действиям в городах. Ассоциацию надо брать, когда никто из сотрудников этого не ожидает. Что докладывают твои «глаза и уши»?

– Всё тихо. «Барс» ни о чем не подозревает. Если произойдет что-нибудь подозрительное, наблюдатели засекут.

Юрген кивнул, умолчав о том, что за Ассоциацией ветеранов спецслужб наблюдают и его люди. Встал.

– Ни пуха, Паша. Министр лично держит это дело на контроле, так что не ударь лицом в грязь. Может, получишь майора.

Кийк проводил полковника за ворота базы, посмотрел, как четверка «биров» Юргена профессионально ведет свой объект, рассаживаясь по местам в кабине «бьюика», и вернулся в казарму.

Юрген в машине снял трубку телефона, услышал голос министра и сказал в ответ всего три слова:

– Команда-два готова.

Гусев выслушал своего начальника службы «гашения конфликтов», положил трубку, но тут же взял другую.

– Мои орлы готовы, Олег Каренович, обе команды. Полковник Юрген будет координировать работу обеих групп и ваших людей. Время определено.

Что ответил ему маршал «СС», осталось между ними, но после этого министр обороны долго до слез хохотал.

Улыбнулся и Лобанов, подержал трубку над столом, до щелчка отбоя системы охраны тайны, аккуратно положил в гнездо селектора. Его собеседник – оба сидели в офисе банка «Северо-Запад» – вопросительно глянул на маршала «СС».

– Кто это?

– Министр обороны.

– Неужели он... в вашей команде?!

– Делает вид, что гуляет сам по себе, но в принципе работает на нас. Очень любит анекдоты.

Гость Лобанова хмыкнул. Это был новый президент киллер-клуба, выбранный «мокрыми» кардиналами киллер-центров столицы после гибели Дементьева и сумевший выйти на уровень Сверхсистемы.

– Через час у вас встреча с полковником Юргеном, – сказал Олег Каренович.

– Так вот, соглашайтесь со всем, что он скажет. А когда попадете внутрь здания – в живых не оставлять никого! Уничтожить всех! Ясно?

– Что ж тут неясного, сделаем. Мотивы – ваша забота, исполнение – наша. Но оплата – по стандартному варианту: половина суммы вперед.

Лобанов нажал клавишу вызова и сказал появившемуся Маямуре:

– Заплати ему.

Маямура исчез и вернулся с черным кожаным дипломатом.

Президент киллер-клуба открыл его, оглядел аккуратные ряды денежных пачек, улыбаясь, сказал:

– Мне нравится такой подход к делу.

* * *

– Может быть, все-таки ответим в полную силу? – предложил Шевченко.

Координатор «ККК» покачал головой:

– Мы сразу проиграем – политически! Произойдет мгновенный поворот общественного мнения, «Чистилище» превратится в организацию обыкновенных убийц, в эдакий киллер-клуб номер два. Нет, будем действовать, как наметили. Все вывезли?

– Все особо ценное, оружие тоже. Компьютеры жалко...

– Дело наживное. Сотрудников успеешь вывести из зоны до начала штурма?

– Мы сделаем иначе: под видом сотрудников «Барса» к девяти утра заявятся мои парни, всего двенадцать человек, и тут же – через подземный ход за пустырь. Останутся лишь двое вместе со мной, для имитации сопротивления.

– Кого оставляешь?

– Рыбина и Балужева.

Громов поглядывал на экран дипломат-компьютера, по которому бежали зеленые строчки, сменяясь рисунками и схемами – компьютер прогонял варианты предстоящей операции, – снова покачал головой.

– Ты уверен в своем новом подчиненном?

– Он «абсолют».

– Я не о профпригодности. Слишком долго он колебался, перед тем как прийти к нам.

Шевченко промолчал.

ШТУРМ «БАРСА»

В семь утра десантно-штурмовая группа «Грозы», в которую входил и Матвей, тайно оцепила двухэтажное здание Ассоциации ветеранов спецслужб.

Было еще темно, небо пряталось за пеленой облаков, дул холодный пронизывающий ветер, редкие прохожие торопились к остановкам автобусов, никому не было дела до «грузчиков», подъехавших к продовольственному магазину напротив здания «Барса», и до рабочих водонадзора, вскрывших люки канализации с другой стороны.

Группа Матвея в форме дорожных рабочих была вооружена пистолетами-пулеметами «бизон-4» калибра девять миллиметров, с магазинами емкостью в сто патронов, пистолетами «волк-2» с лазерными модулями, кинжалами и термобарическими гранатами. Кроме того, бойцы были экипированы непромокаемыми и несгораемыми бронежилетами и спецкомбинезонами, со множеством приспособлений в кармашках – от консервного ножа до отмычек и мгновенно твердеющего клея.

Матвей комбинезон надел, но от огнестрельного оружия отказался, взяв только пару светозвуковых гранат, горсть металлических шариков, два сая и сюрикэны. Командир «Грозы» начал было настаивать на полном комплекте, но Соболев ответил, что он перехватчик, приучен брать объект живым, – и Белоярцев замолчал. То, что майор вооружен, и, кроме обычных огневых средств, у него есть еще «глушак» и «болевик», выяснилось только в ходе операции, когда Матвей ничего уже не мог изменить.

К девяти часам к зданию Ассоциации потянулись первые сотрудники. В одном из них Матвей, наблюдавший за улицей в бинокль, узнал Василия и чуть было не выдал себя, тронув Белоярцева за плечо, но вовремя остановился. Майор понял его по-своему и успокаивающе показал жестом: «Вижу».

Последним на «десятке» подъехал президент «Барса» в сопровождении двух крепких ребят, и снова движение возле штаба Ассоциации почти замерло. До половины десятого лишь двое

прохожих нарушили шагами тишину этого тихого уголка столицы. Но затем одна за другой пошли накладки случайных событий, и Матвей сразу насторожился. Ему и раньше не нравилась здешняя атмосфера, однако он приписывал свои ощущения общему напряжению перед работой и в режим переходить не спешил.

Сначала мимо здания проползла поливальная машина, остановилась неподалеку. Рослый водитель вылез из кабины и открыл капот. Еще через пару минут появился хлебный фургон и тоже застрял в двадцати шагах от ворот территории «Барса».

Матвей почувствовал мягкий толчок в голову – интуиция зажала тревожный сигнал – и перешел в меоз. Через несколько секунд он понял, что окрестности просто кишат вооруженными людьми и что, если не остановить операцию, может произойти крупное столкновение спецслужб.

– Кто, кроме нас, подключен к операции? – быстро обратился он к Белоярцеву; их пятерка сидела в «рафике» «Скорой помощи», припаркованном в переулке, который начинался у торца здания.

– Не понял, – обернулся майор.

– Здесь полно оперов!

– С чего ты взял? Наблюдатели никого не обнаружили.

– Поливальная машина ваша?

– Нет. – Белоярцев взялся за бинокль.

– А хлебный фургон?

– Тоже нет. Какого рожна?! – Майор щелкнул кнопкой рации. – Второй, кто пропустил хлебовозку?

Ответа Матвей не услышал, но и так было ясно, что произошло странное совпадение оперативных планов разных спецконтор.

– Отмени операцию, – посоветовал Матвей.

– Не могу. Первухин мне голову оторвет. Знаешь, сколько людей задействовано?

– Тогда начни раньше, это заставит остановиться тех, кто прячется тут с теми же намерениями.

Белоярцев снова поднес к глазам бинокль, опустил; видно было, что его мучили сомнения, но когда на улице позади резиденции «Барса» появилась еще одна машина – фургон «Континенталь», которому явно было здесь не место, – пришла пора действовать. И все

же команда «Отставить сход!» опоздала, прибывшие спецподразделения начали претворять в жизнь свои планы.

Сначала сработала группа в хлебном фургоне.

Разом распахнулись его боковые дверцы, оттуда выскочили восемь человек в камуфляж-комбинезонах, с автоматами АК-94 и пистолетами «тип 77», броском преодолели расстояние до ворот территории «Барса», на ходу растягиваясь в цепь.

Почти одновременно с ними из цистерны поливальной машины, как чертики из табакерки, выскочили четверо в коричнево-зеленых полевых костюмах ВДВ и тут же оказались у входа в здание, а один из них выстрелил по двери из гранатомета.

Из фургона «Континенталь» также посыпались спецназовцы в пятнистой форме, но уже вооруженные иначе – штурмовыми винтовками НК G11 фирмы «Хеклер и Кох» и пистолетами-пулеметами МР-5 той же фирмы. Умело преодолев забор с тыла здания, они открыли огонь по тем, кто шел им навстречу.

Тотчас же из люков канализации выскочили бойцы «Грозы» и ответили огнем на поражение из своих пистолетов-пулеметов «клин» и «спектр», оптимизированных для боя в условиях населенных пунктов.

И еще один ударный отряд численностью в десять человек буквально свалился на здание «Барса» с планирующих парашютов типа «одуванчик».

Тут же представители разных спецслужб обратили внимание друг на друга, стали отвечать огнем на огонь, и лишь командиры отрядов службы безопасности и внутренних дел поняли, в чем дело: произошло досадное пересечение операций. Остальные участники расценили происходящее как засаду, ловушку и пошли на прорыв.

Выгоду в ситуации увидели для себя двое: командир отряда «Анальгин» Кийк и вожак киллер-команды Игнатьева, инструктированная лично маршалом «СС». Со своими группами они проникли внутрь здания Ассоциации первыми.

Сообразил мгновенно, что происходит, и Матвей.

– Мегафоны! Дайте по мегафонам отбой стрельбе! Я туда! Похоже, там вот-вот разразится бойня!

Белоярцев кинул рацию заму: «Действуй!» – и выскочил вслед за Матвеем, догнав его у развороченной взрывом двери в здание. Все же он был «супером» и ориентировался в ситуации быстро. По пути оба

нейтрализовали чьих-то бойцов в камуфляже – одинаковая форма не позволяла разобраться в принадлежности спецназовцев к какой-то из служб, – удачно ушли от очереди из автомата броском за укрытие: стреляли из-за поливочной машины, – и один за другим нырнули в клубящийся дымом и пылью пролом.

В здании на всех этажах слышалась стрельба, пахло пороховой гарью, пироксилином и сгоревшей изоляцией. Люди, которые проникли сюда первыми, явно были настроены пленных не брать.

– Это не наши! – бросил Белоярцев, доставая свой личный длинноствольный «волк». – Задача стояла – захватить.

– Тогда расходимся: ты – вправо, я – влево – и нейтрализуем всех, кто попадется на пути. Надо прекратить это безобразие.

– Попробуем. – Командир «Грозы» осклабился, доставая второй пистолет. – Давно я не работал в такой обстановке.

Он выглянул в коридор первого этажа и тут же прыгнул вправо. Матвей запоздало понял, что майор достал «болевик», но наступило время собственного выхода на сцену боевых действий, и все мешающее выполнению задачи вышибло из головы.

Он взял темп, выглянул в коридор, рванул по нему налево, в доли секунды преодолевая первый его отрезок до разбитой вдребезги стеклянной перегородки. Дорогу преградил бугай в зелено-коричневой форме и маске, с грозного вида пистолетом – дырчатый кожух, длинный ствол, внушительный магазин (память услужливо отметила: штурмовой пистолет «генц» калибра девять миллиметров, емкость магазина – от восемнадцати до тридцати шести патронов), повел стволом, пытаясь поймать на мушку вынырнувший из ниоткуда призрак, и Матвей на проходе «ампутировал» ему руку парализующим тэнкай ^[65], а потом «задвинул» кадык в горло.

Еще один здоровяк в таком же облачении выскочил из комнаты напротив, поливая коридор каскадом пуль из «мини-узи». Пришлось успокаивать его броском сюрикэна и добивать в падении типично уличным приемом «развал» – внешней стороной стопы в низ живота.

В два прыжка преодолев остаток коридора, Матвей свернул на лестницу и лицом к лицу столкнулся с двумя парнями в пятнистых комбинезонах, один волок на себе длинный ящик с рядами карточек, второй палил в окно из пистолета-пулемета «вихрь» российского производства. На появление Матвея он среагировал тотчас же, но

недостаточно быстро, и вылетел в окно, не успев даже сообразить, как это случилось. Спец с ящиком начал стрелять из «спектра» одной рукой, сбросил ящик на пол и попал по перилам лестницы: пули с визгом срикошетили обратно, заставив стрелка пригнуться. В этот момент Матвей и вырубил его ударом локтя в ключицу, по-кошачьи мягко спрыгнув с карниза окна.

Он успел выглянуть наружу, где бой между подразделениями разных спецслужб начал стихать: сработали мегафоны и автомобильные громкоговорители, без перерыва ревущие:

– Прекратить стрельбу! Работает служба безопасности! Прекратить огонь! Вынужден буду начать газовую атаку!..

На втором этаже здания действовали те же законы, что и на первом: проникшие спецназовцы неизвестной принадлежности продолжали разгром помещений, не жалея патронов. Правда, трупов Матвей не заметил, и это его несколько успокоило. По всей видимости, «Барс» был готов к нападению, а его защитники отошли на заранее подготовленные позиции.

В ту же секунду Матвей увидел лежащее ничком тело у стены коридора. Сердце екнуло, но это оказался детина в знакомом зелено-коричневом комбинезоне, все еще сжимающий штурмовую винтовку фирмы «Хеклер и Кох». Кто-то уложил его жестоким приемом, но не до смерти, и Матвей мимолетно подумал о Балуеве: без нужды Василий никогда не убивал противника.

Усатую морду слева из холла он встретил «колуном» между глаз, бегемота в черном, с автоматом у живота (итальянская фирма «СИТЕС», девять миллиметров, бесшумный), – перехватом руки, рывком «плетью» (хруст в локте, вскрик), ударом по загривку; еще одного штурмовика – и снова в черном (откуда они взялись? в здание не входили... с крыши?), с великолепной игрушкой KF-AMP (калибр все тот же – девять миллиметров, магазин на сто восемь патронов, малые габариты, оптический прицел, дульный тормоз, где он такой оторвал?!) – уложил классическим шоку [\[66\]](#) и для верности фонфу [\[67\]](#) с круговым разворотом.

Рядом, впритирку с ухом, легла очередь из автомата.

Матвей нырнул вслед за падающим еще телом, перекатился, вынимая в движении из кармана термобарическую гранату, и послал в сторону стрелявшего. Мгновенно вскочил на ноги, когда граната

взорвалась со страшным грохотом и ярчайшей вспышкой света, и преодолел холл не оглядываясь, не желая отвлекаться от цели: Василия в этом крыле не было, как и вообще работников Ассоциации, но Балугев мог нарваться на Белогорцева, и следовало его предупредить.

Заглядывая в каждый кабинет, Матвей достиг очередной стеклянной перегородки (на кой черт они наставили тут столько стекла, пусть и бронированного), выглянул за угол коридора и увидел последние мгновения поединка Белогорцева с Балугевым.

Очевидно, до этого тут произошел бой защитников «Барса» с проникшими через крышу диверсантами, потому что по коридору тут и там лежали пять тел – два в зелено-коричневом и три в черном обмундировании, густо воняло порохом, кровью и рвотой, стены были изрешечены пулями, пол усеян деревянной щепой, осколками стекла и штукатурки, двери в кабинет выбиты или распахнуты. Кто успокаивал штурмовиков, нетрудно было догадаться, хотя Василий в условиях плотного огня на поражение вряд ли отвечал мягко. И он был не один: в тупике коридора, своеобразном уголке отдыха с креслами и пальмой в кадке, возле неприметной двери стоял, пригнувшись, Валерий Шевченко с перекинутым через плечо молодым парнем с разбитым в кровь лицом и ждал конца поединка. Матвей появился в тот момент, когда Белогорцев, отлетев от удара Василия за пальму, тут же выстрелил в него из «болевика».

Крик Василия потом долго вспоминался – дикий, звериный, страшный, длился он долгие пять секунд, в течение которых Балугев пытался справиться с болью, а потом упал, скорчился и начал рвать свой комбинезон на животе: «болевик» был настроен на поражение нервных узлов мочеполовой системы.

Белогорцев с трудом поднялся на ноги, снова направляя свое грозное оружие на противника, и в это мгновение Матвей достал его в прыжке, автоматически используя прием из арсенала боя, переданного ему с помощью эзотерического сна. Палец Соболева коснулся виска майора, и тот без звука упал лицом вниз, потеряв сознание от шока.

Шевченко с раненым на плече сориентировался быстро, кивнул на Балугева:

– Помоги поднять его...

Матвей махнул ему рукой:

– Беги, я сам.

Шевченко безмолвно исчез за дверью, оставив ее открытой. Матвей наклонился над Василием, все еще дергавшимся на полу с лицом, залитым потом и кровью из прокушенной губы, прижал ко лбу, вискам, к затылку ладони, передавая энергетический шумовой импульс, фрустрирующий нервную систему. Еще и еще раз. В голове поплыл звон, краски вокруг поблекли – режим энерголечения отнимал каждый раз огромное количество сил.

Василий перестал корчиться, застонал, разлепил веки, но глаза его не сразу стали осмысленно воспринимать окружающее.

– Соболев?..

– Я, поднимайся.

– Чем это он меня достал?

– Из «болевика». Уходи за своим боссом, сможешь?

– Попробую... – Василий с видимым усилием сел, все еще держась за живот, ощупал грудь, голову, сморщился. – Сволочь! Впечатление такое, будто я весь в дырках!

Матвей помог ему встать, проводил до двери.

– Встретимся вечером, шагай. Или все-таки не сможешь?

– «Зубные боли во всем теле», – морщась, пошутил Василий, – как говорится в одной книге по тибетской медицине. В долгу не останусь, пока...

И в этот момент сзади раздался чей-то хриплый торжествующий голос:

– Стоять! Оружие на пол!

Василий и Матвей оглянулись. К ним, пружиня на полусогнутых ногах, подбирался с пистолетами в обеих руках одетый в черное Кийк Пауль Артурович.

– Какие приятные встречи! Сначала Люда... дружок мой, Белоярцев, теперь ганфайтер Соболев с дружком-«чистильщиком». Везет мне сегодня. – Кийк увидел лежащего командира «Грозы», хищно оскалился. – Ага, нарвался «супер» на «абсолюта», не повезло Люде. Ну что, супермены, помните свои заявления, что следующая наша встреча будет последней? Ты был прав, Соболев, она последняя – для тебя... – Он не договорил.

Василий прыгнул вправо, Матвей влево, одновременно нащупывая рукоятки саев, прикрепленных на манжетах комбинезонов

в специальных кармашках по рукавам. Кийк был очень хорошим рукопашником и отменным стрелком, он начал стрелять одновременно с начавшими раскачку ганфайтерами; пять пуль – в Матвея, пять – в Василия. Однако оба кинжала Соболева уже летели в него, как и финка Балужева, и ему уже было не до того, чтобы прицеливаться.

Один сай зацепил руку с пистолетом, второй воткнулся Кийку в грудь, но бронежилет не пробил, как и тяжелая финка Василия; и все же нескольких мгновений, потребовавшихся капитану на то, чтобы отбиться и сменить позицию, хватило Матвею, получившему две пули в плечо и три в живот (в бронежилет) и доставшего того в подкате.

Василию пули попали в левое предплечье и грудь (тоже в бронежилет, к счастью), поэтому он чуть опоздал к точке ближнего боя, зато встретил Кийка после того, как тот вскочил после удара Матвея и выхватил из подмышечного захвата еще один пистолет, теперь уже «глушак». Правда, воспользоваться им не успел: Василий, импульсивно расходуя остатки энергии, провел нестандартный усиро кататэ тори куби симэ, что на языке айкидоков означало «захват руки и удушение сзади», и сломал Кийку шею, а сам тут же упал на колени рядом, зажимая раны на левой руке.

В это время стрельба вокруг резиденции, как и внутри здания «Барса», почти окончательно стихла, с первого этажа доносились возбужденные голоса, команды, топот множества ног.

Достав из кармана-ранда индивидуальный пакет, Матвей мгновенно забинтовал руку Василия, помог ему дойти до потайной дверцы в стене.

– Доберешься?

– Должен. Может, пойдешь со мной, от греха подальше?

– Я вроде бы как на службе.

– Тогда до вечера... – Василий заковылял вниз по винтовой лестнице, по которой пару минут назад ушел Шевченко с раненым напарником, и Матвей закрыл за ним дверь. Подумав, сел у стены, наблюдая за Белоярцевым, и стал ждать, когда на этаже появятся бойцы «Грозы».

РАЗБОРКИ НА ВЕРХНИХ ЭТАЖАХ

Громов поменял явочную квартиру, и «полный квадрат» комиссаров собрался в доме на улице Пятницкой, недалеко от станции метро «Новокузнецкая». Из окон квартиры были видны купола Василия Блаженного, и координатор рассматривал их до тех пор, пока не появился комиссар-пять Валерий Шевченко. Только после этого Дмитрий Олегович сел за стол с неизменным компьютерным пультом.

Комната была преобразована под кабинет деловых встреч и оборудована всеми новейшими техническими устройствами, а обставлена великолепным набором клерковской мебели итальянской фирмы «Мартекс», отделанной под палисандр. Как заметил комиссар-5, когда попал в эту квартиру впервые, такая мебель возвышает и заставляет держаться официально.

Лобанов включил электронно-оптическую защиту, кивнул Шевченко:

– Начинай.

– По записям, которые нам удалось извлечь из скрытых телекамер, – начал комиссар-пять, несколько подрастерявший свою природную веселость и оптимизм, – мы восстановили картину штурма. В нападении на штаб Ассоциации участвовали спецподразделения практически всех силовых ведомств. От ФСБ – ДШБ «Гроза»...

– Минуточку, – остановил его Боханов. – Можно без аббревиатур? Человек я невоенный и вашей терминологии не понимаю.

– Извольте. Федеральная служба безопасности задействовала против «Барса» десантно-штурмовой батальон «Гроза»... в котором, между прочим, оказался тот самый ганфайтер Соболев, что отказался работать с нами. О его роли в операции я еще расскажу... Главное управление по борьбе с преступностью выставило группу «Харон», действующую совместно с «Грозой». Милиция привлекла отряд «Принцип», а Генпрокуратора – «Закон». Министерство обороны прислало по наши души ДДО... э-э... десантно-диверсионный отряд «Анальгин». И наконец, там оказалась группа, которую мы не смогли опознать.

Рыков, пристроившийся с краю стола, поднял голову.

– Предположительно это зондеркоманда «СС», усиленная профессиональными киллерами. Данные уточняются.

– Жертвы?

– У нас ранен мой телохран и ганфайтер Балувев. Среди нападавших до полутора десятков ранены и... трое убито. Не нами. Один из них – командир ДДО «Анальгин» Пауль Кийк. Кстати, сотрудник эстонской внешней разведки.

– Во всем этом странном деле чувствуется очень опытный режиссер, – сказал комиссар-три. – Возникают два вопроса. Почему, несмотря на решение Совета безопасности о координации действий зондеркоманд, предназначенных для уничтожения «ККК», каждая силовая инстанция предпочитает работать отдельно? И второй: почему ни одна из команд не знала о готовности других к точно такой же операции? Кто столкнул их лбами? Зачем?

– Это уже не два, а четыре вопроса, – сдержанно прокомментировал Громов.

– Но у меня пока нет ответов на эти вопросы. Валерий Егорович, расскажите подробнее об участии в деле Балувева и Соболева.

Шевченко, стараясь быть объективным, поведал комиссарам историю появления Соболева в составе штурмовой группы и о происшедшем бое между ним, Василием Балувевым и командиром «Анальгина» Кийком.

С минуту после этого слушатели молчали, переваривая услышанное, потом Боханов проговорил:

– Значит, если бы не то обстоятельство, что Балувев и Соболев – друзья, все могло бы закончиться иначе? Белоярцев и Соболев захватили бы вас?

– Вряд ли.

– Но ведь они «супера» и «абсолюты»...

– Я тоже не разрядник по лыжам, – огрызнулся комиссар-пять, – и всегда подстраховываюсь. Если бы нас попытались взять на огневом контакте, я взорвал бы коридор, в стенах которого спрятаны унитар-заряды направленного действия. Но чтобы взять меня, надо очень постараться.

– Хорошо, Валерий Егорович, – остановил его Громов. – К этому вопросу мы еще вернемся. А сейчас давайте обсудим две проблемы.

Одна – ликвидация Генерального прокурора, вторая – расширение «квадрата» за счет нового члена, комиссара-шесть.

– Это еще кого? – в наступившей тишине прорычал Боханов.

– Начальника военной контрразведки Никушина, – спокойно ответил Дмитрий Олегович.

* * *

Гусев был вне себя, и Юрген помалкивал в ответ на гневные реплики военного министра, озабоченного проблемой выживания.

– Бурлаков убит! Твоему хваленому Кийку свернули шею! – кричал Федор Иванович. – Художника, с помощью которого можно было подобраться к трем «К», угрохали «чистильщики»! Бывший комиссар «Чистилища» Завьялов убит! Чем ты занимаешься, полковник?! Почему в момент захвата Ассоциации «Барс» там оказались «федепасы» и «губошлепы»? Кто нас подставил?!

– Пока не знаю, – отважился вставить слово Юрген.

– Тогда какого х... ты занимаешь должность главного ликвидатора конфликтов?!

Это не должность, хотел возразить полковник, это призвание, но промолчал, признаваясь в душе, что министр во многом прав. Руководители «Барса» ждали нападения и соответствующим образом подготовились... что, кстати, косвенно говорит в пользу предположения, что они работают на «Чистилище». А их осведомленность означает, что произошла утечка информации, позволившая «Чистилищу» выйти сухим из воды. Без потерь. Если не считать угробленной техники. Но каким же образом им удалось натравить друг на друга спецслужбы? Почему не сработала хваленая контрразведка «федепасов»?

– Еще раз допустишь подобное – уволю! – закончил Гусев, заметно успокаиваясь. – Найди замену Кийку, он не оправдал наших надежд. Кто его пришил?

– По моим сведениям – Соболев.

Гусев, багровея, посмотрел на своего начальника службы ликвидации, и тот поспешил добавить:

– Соболев был в команде «федепасов», но теперь официально работает в «Грозе». Кстати, внутри здания Ассоциации замечен был его дружок Балуев. Это интересный момент, и мы его исследуем. – Министр налил себе пепси, выпил, поморщился, налил еще и со стаканом в руке пошел по периметру кабинета. – Если Кийка ликвидировал Соболев, то он теперь знает все об отряде и о нас с тобой. Его надо убрать немедленно! Во вторую очередь надо уничтожить Никушина. Генерал зашел слишком далеко, начав шерстить компанию Тлеубаева. Он тоже может подобраться к нам достаточно близко. Соображения?

– Я сам займусь Никушиным, а заодно выясню, что он знает. Еще есть идея потрясти «красные рубахи».

– РНОФ? Зачем?

– По моим предположениям, Русский национальный фронт снабжает «Чистилище» информацией, агентурой и оперативными исполнителями. Можно пощупать две их базы в Подмосковье.

Гусев допил пепси, рухнул в кресло, будто принял яд.

– Пощупай, только без особого шума.

– Борьба с терроризмом – хорошее прикрытие для любой силовой акции, но я буду тих, как ягненок. Теперь о расследовании убийства Простатова, Бурлакова и Силакова. Мои следопыты вышли на предполагаемых исполнителей. Но теперь точно известно, что Силакова «погасили» не «чистильщики».

– Знаю, – хмуро произнес Гусев. – Я говорил Ло... одному деятелю, что он напрасно подливает масло в огонь. По Силакову розыск отменить. Его убрали люди... из другой конторы.

– «СС», – бесстрастно подсказал Юрген.

Федор Иванович посмотрел на него с неудовольствием, потом подумал, что смешно было бы отрицать свою связь с маршалом Сверхсистемы, когда полковник сам готовил их встречу, и сказал:

– Они помогут нам... до определенного предела, а потом мы их... попросим удалиться. Пойдя на контакт с нами, «эсэсовцы» стали уязвимы, потому что мы всегда сможем отговориться тем, что предприняли этот шаг для разведдействий и последующей ликвидации «СС». К слову, как действовала их команда?

– Мясники, – коротко ответил Юрген.

Генеральный прокурор встретился с министром внутренних дел на ипподроме в Бунькове. Плотников сидел в центральной ложе зрительской трибуны в окружении шести телохранителей и смотрел на трассу в бинокль. Прошедший дождь не помешал устроителям бегов подготовить поле, которое не утратило яркости зеленого цвета и красоты летних трав.

Пашин пришел в сопровождении всего одного телохранителя, и шестерка опекавших прокурора парней с профессиональным интересом оценила коллегу, переглянувшись между собой. Это был известный в прошлом боксер-профессионал, чемпион России и Европы в тяжелом весе Вячеслав Полунин.

– Леонид Арнольдович, – сказал Плотников, не опуская бинокля и не поворачиваясь, – я дал вам свою группу не для того, чтобы вы подставляли ее под пули других спецгрупп. Уже известно, что произошло? Кто виноват в нестыковке?

– Стрельбу начали не мы, – угрюмо ответил Пашин. – Следственная комиссия начала работу, но вряд ли добьется скорых результатов. В штурме участвовали команды ФСБ, ГУБО и Минобороны, а эти конторы не заинтересованы в лишней шумихе, да и вообще в расследовании.

– А как получилось, что здание Ассоциации оказалось пустым? Куда делись ее сотрудники? Почему оказалась стертой память архивных компьютеров? Куда девалась база данных?

Министр внутренних дел молчал.

Плотников наконец опустил бинокль, посмотрел на него. Глаза Николая Григорьевича казались белыми и сонными.

– Рассмотрите вопрос о служебном несоответствии начальника МУРа Синельникова. Поставьте на его место другого человека, несговорчивей и поисполнительней.

– В этом нет необходимости, – сказал Пашин. – Генерал Синельников настаивает на своем решении уйти в отставку. С ним вместе уходят еще два отличных офицера, начальник ОРБ полковник Агапов и полковник Лазарев.

– Что еще за новости? Почему?

– Докладные записки составлены стандартно, однако... – министр посмотрел в глаза Генеральному прокурору, – основная причина – приказ работать против «Чистилища» по фронтовым стандартам.

Генеральный сунул бинокль одному из охранников.

– Вы уже подписали заявления?

– Еще нет, после коллегии министерства.

– Пусть уходят. Но предупредите их: ни слова представителям прессы о мотивах ухода, иначе... надеюсь, понятно?

– Мне-то понятно. – Пашин скривился. – Поймут ли они? Синельников запросто может послать меня на... и будет прав. А остановить его невозможно.

– Ничего, понадобится – остановим. Даю вам сутки на анализ операции по «Барсу» и подготовку плана мероприятий по «Чистилищу».

Не прощаясь, Пашин повернулся и зашагал прочь. И в голове все время вертелась мысль: не пора ли и ему самому подавать в отставку?

Генеральный прокурор смотрел ему вслед, думая о другом: а не пора ли заменить министра более динамичной фигурой?

Директор ФСБ и начальник ГУБО встретились тем же утром в подземном гараже Лубянки возле новой машины генерала – «крайслера-999», выполненной по особому заказу и представлявшей собой мобильный пункт управления. Она была оборудована всеми видами связи, вплоть до спутниковой, имела системы электронной защиты, бронированные корпус и стекла, встроенные в бамперы пулеметы, катапультируемое кресло и удобное рабочее место. Кроме того, в кабине был бар, холодильник и запас продуктов на неделю. Весил «крайслер» около пяти тонн, хотя с виду походил на обычный автомобиль комфорт-класса, в каких всюду ездили бизнесмены, депутаты и бандиты.

– Звонил Коржаков, – сказал начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью. – Он в курсе всех событий, рвет и мечет. Первое, что его интересует: как мы допустили стычку групп. Второе: кто готовил операцию. Третье: почему отсутствует координация действий.

– Разберемся – доложим, – сказал Коваль, погладив тонированные стекла машины. – Кто-то очень умело подставил нас под огонь.

Настолько умело, что я снова начинаю сомневаться в единоличном контакте с Конкере.

– С кем? – не разобрал Казанцев. Сергей Вениаминович понял, что проговорился, однако не придал этому значения.

– С одним моим помощником. Как только он появится, я попытаюсь узнать. Хватов уже предупрежден, что я жду связи.

– Хватов? Командир ваших телохранителей? И что же, он связан с этим... Ко... кре?

Коваль мельком глянул на недоумевающего Казанцева, снова с обожанием во взгляде погладил «крайслер».

– Как тебе мой бронеход?

– Красавец! – равнодушно ответил начальник ГУБО. Помолчал немного. – А что там произошло в вашей команде? Говорят, этот новый сотрудник Соболев ранил начальника отряда и отпустил «чистильщика»?

– Не «чистильщика», сотрудника Ассоциации. – Сергей Вениаминович наконец перестал разглядывать чудо-машину и устроился на заднем сиденье, пригласив Казанцева. – Садись, оцени внутри. Но инцидент, конечно, неприятный. В любом случае Соболев должен был задержать этого сотрудника. – Коваль не стал уточнять, что против того был использован «болевик».

– И что вы намерены делать с Соболевым?

– Посмотрим, – неопределенно проговорил директор ФСБ. – Наказать, однако, надо. Ребята из «Грозы» просят отдать его им «на правеж».

Казанцев помолчал.

– Насколько мне известно, он ганфайтер, волкодав-одиночка, и использовать его следовало бы только для чистого перехвата.

– Мы сами решим этот вопрос, – бросил Коваль с нетерпением. – В конце концов, он всего лишь опер, один из многих, пусть знает свое место.

– Он лучший опер, генерал, – тихо сказал Казанцев. – И если вы решите его проучить, многих сотрудников «Грозы» придется просто-напросто госпитализировать.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Сергей Вениаминович. – Мой Хватов и один с ним справится, не надо преувеличивать его

возможности. Я вызвал вас, Руслан Ибрагимович, вот по какому поводу. Есть идея потрясти Русский национальный фронт.

– «Красные рубахи»? Они-то в чем провинились?

– Пока ни в чем, но «Чистилище» вполне может иметь у них свою базу. Кто у вас занимается оперативной разработкой трех «К»?

– Полковник Зинченко и майор Князев, командир спецгруппы «Харон». Кстати, это именно он первым сообразил, что стрельба ведется своими по своим же, и дал отбой.

– Пусть состыкуются с моим Первухиным и подготовят план операции. Суток вам хватит?

Казанцев откинулся на мягком сиденье, оглядел салон машины и подумал: «Хватит, если только нас не опередит господин Гусев со товарищи». И, встретив изучающе-насмешливый взгляд директора ФСБ, ответил:

– Мне бы вашу уверенность.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Пули из плеча Матвей извлек сам: волевым усилием обезболил раны и заставил мышцы сокращаться так, чтобы девятимиллиметровые, слегка деформированные цилиндрики вышли наружу тем же путем, что и вошли в него.

Продезинфицировав раны и остановив кровотечение, Матвей впал в меоз и сосредоточился на восстановлении мышечной ткани. Когда спустя несколько минут он вышел из этого состояния, на месте пулевых отверстий виднелись два едва заметных глянцево-розовых шрамика, которые должны были окончательно исчезнуть через пару часов.

Василию справиться со своими дырками будет труднее, подумал Матвей, надо помочь. Подкрепившись горячими сосисками, он позвонил Балуюеву:

– Как успехи?

– Лечусь. А ты?

– Я уже. Не трогай руку, перевяжи аккуратно и все. А я сейчас подъеду, извлеку пули.

– Я сам это сделаю; одна прошла навывлет, вторая застряла в кости. Хорошо еще, что нет перелома.

– Все равно жди, попробую залатать.

– Позже, сейчас я мчусь по вызову шефа, наверное, будет разбор операции. Но ты учти, Соболь, вас крупно подставили. Валера Шевченко узнал кое-кого из стрелков первого отряда, так вот – это ликвидаторы из киллер-клуба, по которому мы работаем. У них, очевидно, было прямое задание заварить кашу и перестрелять как можно больше народу.

– И свалить все на вас, на «Чистилище»? Вполне возможно. В свою очередь, могу ответить тем же: на вашу контору неспроста вышли все спецслужбы, кто-то из ваших допустил утечку информации.

– Ну, Ассоциация ветеранов – не контора, а всего лишь одна из информационных баз, но мы разберемся. Вечером позвони, встретимся.

Матвей засмеялся.

– Мы уже третий раз договариваемся встретиться, подозреваю, что не последний. К слову, я получил «сонный» пакет информации по древнейшей системе боя. И уже проверил на практике. Того майора, что шарахнул в тебя из «болевика», я взял приемом из этой системы.

– Что за система?

– Нечто вроде техники смертельного касания ниндзюцу, но намного сильнее... и неожиданнее. Встретимся, покажу. Лариса твоя знает, где ты обитаешь?

– Знает, я сообщил, но особого восторга почему-то не испытывает. Хотя сама же рвалась в столицу. Между прочим, к ней заходили, спрашивали меня.

– Кто?

– Не представились. Может быть, нукеры Маракуца? Разберусь потом. Ну, до связи!

Матвей задумчиво походил по комнате с трубкой телефона в руках, размышлял о своем положении, потом вспомнил о Кристине, и у него вдруг возникло острое желание увидеть ее. В то же мгновение раздались телефонные позывные – нежная мелодия Сен-Санса. Невольно задержав дыхание, Матвей поднес трубку к уху и услышал голос Ульяны.

– Матвей, вы?

– Кажется, я. А что, мы снова перешли на «вы»?

– Ой, как хорошо, что я вас... тебя нашла!

– Снова сон-приказ?

– Д-да... тебе нужно уходить из той организации, в которую ты попал. Срочно! Они задумали какую-то пакость... слышишь?

– Внимаю.

– Я звонила в прошлый раз...

– Все в порядке, я учел предупреждение, спасибо.

– Но это серьезней, чем ты думаешь. В ваших разборках замешаны какие-то очень высокие люди... а может быть, даже и не люди вовсе, я не поняла... Опасность исходит от них.

– Благодарю, Уля, я приму меры.

– Если хочешь... если будет трудно... – Голос девушки упал до шепота. – Я приеду. Ты только не думай...

– Никогда, – серьезно заверил Матвей.

– Я буду звонить... если можно... просто, чтобы знать.

– Звони. А вот приезжать пока не надо, лучше я приеду в Рязань. Желаю удач.

Трубка донесла тихое «я буду ждать», и Матвей дал отбой. Улыбнулся, представив полыхающее румянцем лицо Ульяны, ее большие глаза, полные губы, которые будто созданы были для поцелуев и... «Стоп, ганфайтер!» – сказал Матвей сам себе. Не хватало еще перейти в мусульманскую веру. Две жены, может быть, и лучше, чем одна, но не для волкодава-перехватчика.

Матвею стало грустно. Он точно знал, что Кристину никогда, ни при каких обстоятельствах не бросит, однако от этого его не переставало меньше тянуть к Ульяне Митиной.

Шрамы на плече начали зудеть и чесаться, пришлось провести еще один сеанс внутреннего распределения потоков энергии, и неприятные ощущения скоро прошли. Как раз в этот момент снова раздался мелодичный звонок; телефон в квартире стоял многофункциональный и мог исполнять до десяти разных мелодий. После серии щелчков, означавших проверку линии, в трубке послышался голос начальника Управления спецопераций:

– Соболев? Как самочувствие?

– Нормально, – ответил Матвей сдержанно.

– «Болевик» Белоярцева у вас?

Матвей покосился на черный пистолет необычной формы, лежащий на диване.

– Еще у меня.

– Упакуйте и привезите на базу через два часа. Я тоже подъеду, поговорим.

– Щелчок – и голос генерала пропал.

– Не нравится мне это, – глядя на телефон, пробурчал Матвей. – Знаем мы, в каком тоне командир будет разговаривать с подчиненным после провала операции.

«Не ходи, – посоветовал внутренний голос. – Сошлись на раны, плохую погоду, отсутствие обуви...»

– Так ведь лучше от этого не станет. Не там, так здесь найдут.

«Тогда иди», – согласился все тот же голос.

Матвей усмехнулся разговору «сам на сам» и принялся собираться.

К двум часам дня он подкатил на своем джипе к воротам военного городка в Бутове, где располагался отряд «Гроза», поставил машину на открытой площадке возле гаража, где уже стояли «вольво» Белоярцева цвета «мокрый асфальт» и с десятков других легковых автомобилей. Вылез из кабины и вдруг спиной ощутил ветерок опасности. Закрыл дверцу, оглянулся. К стоянке с трех сторон подходили бойцы «Грозы» в спортивных трико, словно готовясь к тренировочному циклу. Было их человек двенадцать. Еще одна группа ребят душ в двадцать собралась в полусотне метров возле курилки, явно не желая вмешиваться в готовящееся действо.

Кажется, меня собираются «опустить», невесело подумал Матвей. Интересно, за что? Неужели Люда Белоярцев решил отыграться таким образом за поединок в здании «Барса»? Что, интересно, он рассказал своим солдатам? И почему, кстати, все зовут его за глаза Людой? Неужто майор «голубенький»?..

— В чем дело? — Матвей сделал несколько шагов вперед и оказался в полукольце приблизившихся парней. Он был так спокоен и уверен в себе, что те невольно переглянулись.

— Нам стало известно, — сказал один из них, низкорослый, но очень широкий, волосатый, похожий на медведя, с руками-лопатами, в отряде все его звали Потапычем, — что ты провалил дело... подставил майора... да еще и выключил его.

— Короче, предал! — перебил Потапыча другой, молодой, горячий, похожий на цыгана, по фамилии Хохан и по кличке Хохма. — Убивать тебя мы не собираемся, но поучим немного, хотя ты и «супер». Мы не привыкли, чтобы у нас кто-то не выполнял приказы.

—..и напал сзади, в спину, — угрюмо добавил третий, тоже молодой оперативник, Костя Бондарев.

— А может быть, поговорим сначала мирно и выясним степень моей вины? — предложил Матвей.

— Не о чем нам говорить! — яростно сверкнул глазами Хохма-Хохан. — Я с тобой на одном поле с... не сяду, не то что в разведку... Ты, гад, нашего командира... как самый последний трус... сзади! Дави его, мужики!

«Белоярцев рассказал, будто я взял его сзади, — сообразил Матвей, отступая и не зная, как поступить в такой ситуации. — Вот почему они взбеленились. И конечно, мне сейчас никто не поверит...»

– Что, отступаешь, супермен? – завопил Бондарев, первым бросаясь в атаку, и... взмыл в воздух на прыжке, перелетел джип, с треском врезаясь в штабель досок.

Остальные замерли на мгновение, потом молча ринулись вперед, а Матвей понял, что дело принимает серьезный оборот. Озверевшие спецназовцы запросто могли выколоть ему глаза или сломать ребро. И когда кто-то из нападавших достал носком ботинка его спину, Матвей, стряхнув оцепенение, перешел на режим.

Двоих он удачно поймал на обоюдной атаке, в результате которой они помешали друг другу: одному сломал палец, второму вывихнул руку в локтевом суставе, и оба выбыли из схватки. Но остальные ребята все как на подбор рослые, мощные, с хорошо развитой координацией, знающие «комба» и «унибос», поэтому драться с ними надо было в полную силу.

Отступив так, чтобы за спиной оказался штабель досок, Матвей на контратаках уложил еще троих спецназовцев. Он мог бы так сопротивляться довольно долгое время, не подпуская к себе никого на расстояние удара ногой, но ребят начало злить его сопротивление, и кое у кого уже сверкнул в руках тесак. Тогда Матвей решил вырваться из круга обороны к штабу и найти в здании Первухина, чтобы положить конец этой нелепой разборке. Звеном прорыва он избрал Потапыча, известного своей приверженностью к коти-котаэ – набивка предплечий, бедер и голеней, – приводящей к укреплению мышц до состояния деревянной плахи. Потапыч и в самом деле не раз демонстрировал коллегам свое умение разбивать руками, плечами, ногами и головой доски, столбы, палки и кирпичи.

Уйдя от кири-коми [\[68\]](#) левого противника, Матвей достал «плетью Джарасандхи» [\[69\]](#) правого, в падении миновал еще двоих, зацепив обоих ботинками, и оказался перед Потапычем, ошеломленным мгновенным появлением ганфайтера в полуметре от его лица.

Конечно, Потапыч среагировал поздно. Понадеялся на свой непробиваемый мускульный каркас, но уйти от шокового тычка в сонную артерию (тьянти в исполнении ложной расслабленности) не смог.

Потапыч осел на землю. Остальные остановились, тяжело дыша, не веря своим глазам. Кто-то выругался, – со стороны послышались

аплодисменты, и из-за летней душевой вышли капитан Хватов, майор Белоярцев и генерал Первухин. Аплодировал Хватов.

– Прекратить! – брюзгливо сказал начальник Управления спецопераций, оглядел лежащие тела и, смерив Соболева взглядом, направился к зданию штаба.

– Следуйте за нами, капитан.

Матвей глянул на ошеломленные лица бойцов «Грозы», развел руками.

– Прошу извинить, что так получилось. Но я не нападал на вашего майора сзади. К тому же он был вооружен, а я нет. Советую впредь до объявления приговора сначала изучить все факты, а потом судить.

Уже отойдя от побитой компании на несколько шагов, Матвей услышал:

– Ну и мудака ты, Хохма! Жалею, что он тебе шею не свернул!

– Ты тоже хорош – полез выяснять вперед всех!..

Дальнейшего разговора Соболев не услышал, но больше всего был доволен тем, что не применил особых приемов из техники смертельного касания, открытой ему эзотерической трансляцией во сне.

Когда они вошли в одноэтажный домик штаба. Хватов, идущий впереди, обернулся и сказал с обаятельной улыбкой:

– Вы очень сильный мастер боя, капитан, но у вас есть один существенный недостаток: вы жалеете противника. Он же вас жалеть не станет.

– Учту, – буркнул Матвей, прислушиваясь к своим ощущениям.

Но в данный момент капитан Хватов был сам собой, а не авешей Монарха, и говорил вполне искренне.

В одной из трех комнат штаба, где обычно располагался начальник базы или дежурный офицер, Первухин снял плащ, бросил берет на стол и сел. Кивнул на стулья вдоль стола.

– Присаживайтесь. Итак, Матвей Фомич, что скажете?

– Сначала я хотел бы выслушать вас, – корректно проговорил Матвей, ощущая толчки крови в местах, где его коснулись «дружеские» удары «восстановителей справедливости».

– Точку зрения майора Белоярцева я уже выслушал, теперь хотелось бы ознакомиться с вашей.

– Мне бы тоже не мешало ознакомиться с точкой зрения майора, – с той же подчеркнутой вежливостью сказал Матвей.

– Повторите, майор, – бросил Первухин. Белоярцев быстро глянул на него, потом на Соболева, отвел глаза.

– Их было трое... вице-президент Ассоциации, какой-то молодой ухарь и... еще один...

– Мой друг Василий Балугев, – вставил Матвей, – в которого майор разрядил «болевик».

– Мне ничего не оставалось делать... они могли уйти... – Белоярцев снова посмотрел на Первухина, но тот смотрел в стол, барабанив пальцами по его поверхности.

– Был приказ... захватить всех...

– Но не испытывать на людях, чья вина не доказана, спецсредства вроде «болевика».

– Лес рубят – щепки летят...

– Люди – не щепки, – медленно произнес Матвей. – И если так считает все начальство конторы, мне с ним не по пути.

– Не спешите с оргвыводами, Соболев, – поморщился Первухин. – Деретесь вы хорошо, но в политике и социальной сфере разбираетесь слабо. Зачем вы обезоружили майора и дали им уйти?

Встретив угрожающе-предупредительный взгляд Белоярцева, Матвей пожал плечами.

– Во-первых, он хотел выстрелить в безоружных людей еще раз. Во-вторых, я считал, что сотрудники «Барса» непричастны к делам «Чистилища», и, чтобы задержать их, надо иметь на руках доказательства. Я таких доказательств не имел. В-третьих, Василий Балугев, ветеран спецподразделения «Вымпел», хотел стать членом Ассоциации и попал в здание в момент захвата случайно. А поскольку майор Белоярцев решил испытать «болевик» именно на нем...

– Ясно, не стоит продолжать, – шевельнул пальцами Первухин. – Инцидент исчерпан. Считаю нецелесообразным оставлять вас рядовым сотрудником «Грозы». Есть два варианта: командир особого звена в двенадцать человек...

– Нет.

– И операции ганфайтерного класса – в одиночку, со стопроцентной гарантией перехвата, конечно.

Матвей хотел было ответить «нет» и на это предложение, но подумал и согласился. Первухин ему нравился, мужик он был жесткий, но знающий дело и правильный, без желчной зависти и лукавства. Если он и заблуждался в чем иногда, так искренне. Можно было попробовать работать под его началом.

– Кто будет выдавать мне задания?

Первухин понял скрытый подтекст вопроса, усмехнулся тонкими губами.

– Я. Или майор Хватов – изредка, по приказу директора.

Это Матвею не понравилось, но отступать не хотелось, к тому же Хватов представлял Монарха.

– Уже майор? Поздравляю.

– Я вас тоже, – улыбнулся командир ОБЕД. – С сегодняшнего дня и вы повышены в звании.

– Только учтите, молодой человек, – сказал Первухин, – герои-одиночки в истории Земли никогда не делали погоды. Все решала толпа, плебс, выбирающий и своих правителей, и своих преступников.

– Я не претендую на роль героя.

– Если не претендуете, то не демонстрируйте постоянно свою самостоятельность и искусство рукопашного боя. В иных случаях это не идет на пользу делу и здоровью.

– Учту.

– Пошли покурим, – предложил Хватов.

Они вышли из домика в хмурый осенний день, оставив в штабе Первухина и Белоярцева. Хватов достал сигареты, предложил Матвею, но тот отказался.

Майор вставил сигарету в мундштук с фильтром, выпустил кольцо дыма, кивнул на окно штаба:

– А правда, что ты напал на Люду сзади?

Матвей иронично глянул на собеседника, и Хватов кивнул сам себе, как бы в подтверждение собственной догадке.

– Я так и думал, что Люда врет.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ТАЙНЕ

На шестнадцатом километре от Московской кольцевой автодороги Ельшин остановил кортеж. Лобанов, сидевший рядом, с недоумением посмотрел на бывшего генерала.

– Что случилось, Генрих? Раздумал ехать?

– Нет, пойдем другим путем. – Ельшин первым вылез из машины, поглядел на проглянувшее сквозь облака солнце и, сгорбившись, засунув руки в карманы длинной куртки, неторопливо побрел вдоль древнего деревянного забора, которым был обнесен полуразрушенный угольный склад.

Переглянувшись с телохранителем, Лобанов молча последовал за ним. Догнав, спросил:

– Почему мы в прошлый раз не пошли этим путем?

– Я был уверен, что пройдем поверху.

– А тут как – понизу?

– Тут ветка спецметро. От Лубянки его заблокировали, но есть пара колодцев, о которых никто не знает.

– Охраны нет?

– Возьми с собой пару человек, остальные пусть ждут здесь, у машин. Авто пусть отгонят за кусты справа, чтобы не бросалось в глаза с дороги.

Лобанов отстал, отдал короткое распоряжение старшему группы охраны и присоединился к бывшему генералу с двумя телохранителями, одним из которых был Дзиро Маюмура.

Ельшин остановился у покосившихся ворот, оглядел отодвинутую створку, пролез сквозь щель на территорию склада. Затем уверенно направился к одинокому барaku, в окнах которого кое-где еще уцелели стекла. Уголь отсюда давно забрали, двор был перекопан траншеями, усеян ямами от экскаваторных ковшей, и идти по сырому черному грунту было нелегко.

Не оглядываясь, Генрих Герхардович проследовал внутрь барака через сорванные ворота, остановился возле крепкой на вид кирпичной стены с полураспахнутой железной дверью. Хмыкнул, разглядывая дверь.

– Что? – подошел Лобанов.

– Похоже, нас опередили... Фонари взял?

Маршал «СС» сделал приглашающий жест, второй телохранитель – на голову выше Ельшина и вдвое шире – снял с плеча объемистую сумку, достал фонари и приборы ночного видения, а также оружие – автоматы Никонова и «глушак». Лобанов взял суггестор, предложил «никон» Ельшину.

– Если нас встретят, – отказался тот, – не поможет и танк.

– Тогда я возьму остальных.

– Я имел в виду не спецов ФСБ или военных. Боишься или не веришь – не ходи.

– Я оптимист, – пошутил Олег Каренович. Ельшин покосился на него, кривя лицо в полуулыбке, взял фонарь.

– Существует поговорка: когда к власти приходят оптимисты, пессимисты начинают понимать, что их пессимизм имел все основания.

Подсвечивая под ноги, он со скрипом открыл железную дверь до конца и пролез в помещение, пол которого был усеян шлаком, битым кирпичом и заляпан пятнами смолы. В помещении находилась печь с выпуклой железной заслонкой, которая тоже была откинута. И лишь когда Ельшин, не говоря ни слова, полез в полуметровое отверстие печи, Лобанов понял, что «печь» – замаскированный вентиляционный или пожарный люк.

Один за другим по железной лестнице они спустились в бетонный колодец со скобами и продолжили путь вниз. Преодолев метров двадцать – по расчету Лобанова, – отдохнули в трехметровом бункере с вентилятором, откинутым на петлях к стене. Затем продолжили спуск, пока не достигли дна; случилось это примерно на пятидесятом метре от поверхности.

Выпуклый, с кремальерами запора, люк и здесь был открыт.

Видимо, тот, кто пользовался лазом последний раз, не собирался возвращаться той же дорогой.

По-прежнему не обращая внимания на переживания тех, кто следовал за ним, бывший босс Купола посветил в горловину люка и первым прополз в него. За ним с большим трудом протиснулся телохранитель со снаряжением и лишь потом Лобанов.

Они оказались в нише, отгороженной решеткой от туннеля спецметро с двумя нитками рельсов и пучком кабелей на стене. В нише стояла маленькая мотодрезина, имеющая и ручной привод. Ельшин кивнул на дрезину:

– Выкатывайте, путь неблизкий, поедem на ней. – Потом пробурчал себе под нос:

– Странно...

Лобанов понял его.

– Если кто-то здесь уже побывал, то почему не воспользовался дрезиной?

– Тут может быть два варианта: подземный туннель открыли мальчишки и, не найдя ничего интересного, решили экспедицию не продолжать.

– А второй?

Лицо Ельшина напряглось.

– Кто-то шел не туда, а... оттуда.

Лобанов хотел подвергнуть данное предположение критике, но передумал.

– Дойдем до места, разберемся.

Решетка была на замке, который легко открылся гвоздем. Дрезину выкатили из ниши, установили на рельсы, кое-как уместились на крохотной площадке, и телохранители маршала «СС» взялись за рычаги. И собранные не из кубиков, а из огромных швеллеров стены туннеля побежали мимо...

Сначала было решили двигаться без света, надев инфракрасные шлемы-очки, но при отсутствии тепловых источников видимость в туннеле была настолько слабой, что Ельшин, чтобы освещать путь, включил фонарь. Маямура и гигант телохранитель работали не хуже мотора, и двенадцать километров до развилки отмахали всего за какие-нибудь четверть часа. По сигналу Генриха Герхардовича остановились. Ельшин слез, перевел стрелки, и дрезина свернула налево в полукруглый туннель меньшего диаметра, стены которого были сложены из специальных изогнутых швеллерных секций. Ехали недолго, преодолев метров двести пятьдесят, и остановились перед развороченными взрывом массивными воротами. По всему было видно, что стреляли с той стороны, изнутри видимого сквозь пролом подземного зала.

– ГП-ЗО, – определил телохранитель, оглядев вывернутые стальные листы. – Плюс «дыня-2».

Он имел в виду, что стреляли противотанковой гранатой из подствольного сорокамиллиметрового гранатомета. Ельшин прошипел что-то неразборчивое сквозь зубы, осклабился в ответ на взгляд Лобанова.

– Все-таки шли отсюда... сверху... но почему «федепасы» не выставили здесь пост?

– Значит, выходили не «федепасы».

Ельшин снова растянул рот в какой-то странной улыбке и без колебаний нырнул в пролом. Прислушиваясь к тишине, принюхиваясь к запахам пороховой гари, сырого бетона и ржавого железа, держа наготове оружие, остальные последовали за ним в подземный «гараж» генерала, где ждал его торпедовидный электровагон.

Пока телохранители рыскали вокруг, осматривая помещение, Лобанов обошел «торпеду», потом приблизился к Ельшину, который молча рассматривал еще одну дыру в стене, сделанную с помощью того же гранатомета.

– А ты мне ничего об этом схроне не рассказывал, – сказал Олег Каренович с оттенком укоризны.

– Тебе он все равно не пригодился бы, – глухо огрызнулся Генрих Герхардович. – Ничего не понимаю! Этой дырки, как и хода за ней, не должно было быть!

– Разве нам не туда?

– Нет. Пусть твои хлопцы проверят, что это за коридор, куда ведет, а мы пока поднимемся вверх. Все-таки в моем бункере побывали до меня, теперь я в этом уверен.

Ельшин поднялся на узкий карниз справа от электро-вагона и протиснулся в щель между приоткрытой полуметровой толщины металлической дверью и швеллером лутки. Посветил под ноги, разглядывая следы, четко отпечатавшиеся в пыли, и вцепился в скобы, образующие лестницу в бетонном колодце.

– Далеко лезть? – спросил Лобанов. Не получив ответа, со вздохом последовал за генералом. Маямура, не проронивший за время экспедиции ни слова, молча поднялся за ним; второй телохранитель остался исследовать неизвестный Ельшину ход за разрушенной кирпично-шлаковой кладкой.

Вскоре они уже стояли посреди секретного бункера с компьютерным комплексом, озираясь по сторонам. Самые разные чувства волновали каждого из них.

Ельшин был бледен и страшен, он буквально трясся в каком-то нервном ознобе. Лобановым владели любопытство и восхищение, потому что машины, подобной этой, он еще никогда не видел. Устанавливалась она, очевидно, давно, не менее четырех-пяти лет назад, но дизайном, компоновкой, ощущением мощи и величия, запахом совершенства не уступала современным комплексам типа «Макинтош» или «Русич».

Генрих Герхардович достал из кармана плоскую металлическую фляжку, отвинтил пробку, сделал два глотка и заметно успокоился. Не отвечая на взгляды приятеля, подошел к столу и тронул сенсор включения компьютера.

На левой панели зажегся желтый огонек, но тут же побледнел и погас. Ельшин выругался.

– Питание? – подошел к нему Лобанов.

– Стационар отрублен, но должен был остаться контур аварийного изотопного генератора... который почему-то сдох.

– Может быть, те, кто выходил отсюда, включали компьютер, и генератор сел?

Ельшин побледнел еще больше, опорожнил полфляги и сел в черное кожаное кресло с регулируемым наклоном и высотой. Бесцельно пощелкал клавиатурой, сгорбился.

– Поищите выход наверх... хотя, наверное, его нет. Я знаю, в чем дело: кто-то проник в шахту лифта, но сработала активная отсечка.

Маюмура бесшумно скользнул в открытую дверь бункера и вернулся через минуту.

– Завал.

– Я же говорил, – кивнул Ельшин: он на глазах как-то сразу постарел, превратившись из подтянутого, полного жизненных сил человека в больного, дряхлого старика. – Знать бы, кто тут похозяйничал...

– Ты с этого компа вызывал своего... благодетеля?

– Ничего, мы сюда еще вернемся, – пробормотал Ельшин. – Ты аккумуляторы или МГД-генератор найдешь?

– Нет ничего проще.

– Тогда пошли отсюда. Больше нам делать здесь нечего. Не очень-то я и надеялся на удачу.

Они спустились в «гараж» с электропоездом, где их ждал рослый охранник, по лицу которого бродили тени каких-то сложных эмоций.

– Там... туннель... длинный... идти долго, – проговорил он, мучаясь и не умея передать на словах то, что видел. – Колодец... и снова идти... и дверь! Зеленая, как... шелковая, зеленая... я таких никогда не видел! Дальше не пошел...

Ельшин и Лобанов переглянулись, и маршал «СС» в третий раз сдал свидетелем того, как бывший босс Купола бледнеет и начинает дрожать. Отчего-то и у него самого зашевелились волосы на затылке; появилось ощущение, будто со всех сторон на них смотрит кто-то многоглазый, многорукий и холодный, как осьминог...

– Пошли! – наконец решительно произнес он. – Определимся наконец, что тут за катакомбы понастроены.

До зеленой «шелковой» двери добрались быстро. Подивились в молчании на отсвечивающие изумрудной зеленью, с голубым и фиолетовым отливом половинки крыльев гигантских жуков и углубились в коридор, стены которого были обложены такими же крыльями. А когда вышли на карниз, опоясывающий гигантскую пещеру с неопишуемой красоты белоснежным «замком» на дне, даже невозмутимый Маюмура на некоторое время утратил свое хладнокровие.

– Что... это... такое?! – сдавленным голосом проговорил Лобанов, очнувшись от шока и преодолев охватившую его вдруг внутреннюю панику.

– Монарх не соврал... – пробормотал Ельшин, замороженный увиденным, отвечая скорее своим мыслям, чем на заданный вопрос. – Они существуют... а я не мог... дурак! Надо было тогда еще проверить... ах, идиот! И был бы на коне...

– Что ты там бормочешь? – Голос Лобанова взлетел под купол пещеры, отразившись от стен, потолка, и вернулся серией отголосков, долгим эхом, так что все вздрогнули.

Ельшин посмотрел куда-то сквозь Олега Кареновича, продолжая что-то нашептывать, потом взгляд его стал осмысленнее, в нем проступили прежний ум и жестокая воля, а в глазах затеплилась надежда. Он решительно сказал:

– Надо спуститься.

– Зачем?

– Поищем кое-что...

– Говори! – Лобанов сделал знак, и второй телохранитель легонько прижал Ельшина к стене. – Никуда мы не пойдем, пока не расскажешь, что это все значит и что ты хочешь найти.

Ельшин обмяк и вдруг сделал непонятное ныряющее движение, от которого гигант телохран крутанулся как волчок и осел на пол с выражением полнейшего изумления на лице. Маямура мгновенно стал в стойку, защищая Лобанова, но Генрих Герхардович глянул на него презрительно, разогнулся и сказал спокойно:

– Не держи меня за слабака, маршал, любой твой «черный пояс» я заткну за пояс... – Он ухмыльнулся собственному каламбуру. – Перед вами, господа, живое свидетельство существовавшей когда-то на Земле цивилизации разумных насекомых. Хотите верьте, хотите нет! Я сам сначала не верил, и когда Монарх выдал мне эту информацию, я посчитал ее мифом. А так как «дворец» Инсектоцивилизации существует, то вполне может существовать и...

– Что? Да не тяни ты резину!

–..оружие древних Инсектов, – помедлив, договорил Ельшин. – И это, брат, такое оружие, что... – Он оборвал себя на полуслове. – Ищите спуск, будем исследовать этот феномен!

После недолгих поисков обнаружили, что спуститься вниз, на глубину около ста метров, можно только по извивам двухметрового диаметра трубы, сделанной, судя по внешнему виду, из ажурной паутины тонкого и необычного рисунка. Телохранитель с сумкой попробовал спуститься первым и, не удержавшись на скользком изгибе, покатился вниз. Через минуту он подал голос со дна пещеры:

– Нормально, можете идти!

«Идти» означало катиться на спине со все возрастающей скоростью, но, к счастью, никому эта процедура вреда не причинила, хотя Лобанов привык преодолевать подобные препятствия более комфортабельным способом. Через некоторое время, невольно сбившись в кучу, участники экспедиции уже глазели на изумительной гармонии «замок» и странное сооружение перед ним – не то скульптуру, не то часовню.

Тишину в зале не нарушал ни единый шорох, поэтому и гости старались не производить шума, не делать резких движений, проникшись торжественно-нереальной атмосферой подземелья.

Ельшин пришел в себя первым.

– Нечего вертеть головами, ищите вход в эту «крепость». Монарх мне говорил, как она называется, но я не запомнил. Да это вовсе и не «крепость», и не «замок», и не «храм». В таких вот сооружениях жили древние Инсекты, то бишь насекомые.

– Тогда это муравейник, – хмыкнул Лобанов.

– Не похоже. Такое впечатление, что тут поработали гусеницы тутового шелкопряда или пауки. Впрочем, не это главное. Итак, вперед!

Они разошлись по залу, не отрывая пальцев от спусковых крючков автоматов, прислушиваясь к дребезжащему эху своих шагов, к каждому шороху, стараясь не приближаться к «скульптуре», глядящей на них с непередаваемо холодным и отчужденным выражением.

В основании «крепости» было много ниш и каверн, но все они заканчивались тупиками. Повезло Маюмуре, он первым углубился в трехметровой высоты полость, которая куда-то вела, очевидно, в глубины сооружения.

За время поисков необычная тишина, призрачный свет, исходящий из ниоткуда, грандиозность «замка» стали настолько непереносимы для пришедших сюда, что поколебали даже фанатичную целеустремленность Ельшина. Лобанов, человек далеко не трусливый, и тот готов был поскорее убраться из этого зала подобра-поздорову; но, посоветовавшись накоротке, пришли к выводу, что все же необходимо проверить, куда ведет обнаруженный коридор.

Внутри «крепости» освещение потускнело, приобрело серебристо-пепельный оттенок. Носы пришедших жадно ловили запахи каких-то смол, трав, эфира и мускуса, муравьиной кислоты и камфары, раздражающие обоняние. Но скоро неприятные ощущения прошли, запахи стали более тонкими и сложными, не поддающимися определению.

Коридор обогнул «крепость» и нырнул куда-то вниз.

Озадаченные, исследователи остановились.

– Дальше я не пойду, – решительно остановился Лобанов. – Если материал, из которого сделан ход, такой же скользкий, что у той трубы,

нас может занести черт знает куда. Без спецснаряжения отсюда не выбраться.

Маюмура безмолвно исчез где-то сзади, пока остальные исследовали на прочность стены и пол, вскоре объявился снова, сообщил:

– Там есть другие ходы.

Они вернулись на два десятка метров назад, и японец показал на нишу в стене коридора, мимо которой они недавно прошли. Таких ниш они насчитали штук пятнадцать, не углубляясь в них, посчитав тупиками. Но, как оказалось, каждая имела нечто вроде гибкой и тонкой дверцы, не имеющей запора, отодвинуть которую не составляло труда.

Оттолкнув Маюмуру, Ельшин полез в нишу первым. Свой пистолет он давно положил в карман и об опасности не думал.

Полуметровые, круглые в сечении, по виду сплетенные из жил белого матового стекла туннели все, как оказалось, выходили в центральный зал «крепости» с таким сложным рисунком стен, пилястров, контрфорсов, «сталагмитов» и «сталактитов», что в глазах зарябило, а от долгого их созерцания не могла не закружиться голова, словно от доброй порции алкоголя.

В центре зала высилась полупрозрачная ротонда с шестью витыми колоннами и сложнейшим паутинным шатром. Ползала поднималось к ротонде шестью наплывами, состоящими словно из жидкого расплавленного сахара, с застывшими «шерстинками» в глубине. Ступив на первый такой наплыв, люди поняли, что «сахар» тверд и невероятно скользок. Удержаться на нем не удалось никому.

– Все, хватит экспериментировать, – заявил потерявший терпение Лобанов. – Возвращаемся. Ничего мы втроем, без техники, не найдем. Когда подготовимся как следует, вернемся. Генрих, ты точно знаешь, что оно здесь есть? – Маршал имел в виду оружие Инсектов.

Ельшин промолчал, неотрывно глядя на ротонду, внутри которой проглядывал сквозь сплетение «паутинного» узора некий снежно-белый сгусток, не то саркофаг правителей «крепости», не то их трон.

ПЛАЧ ПО ПРОКУРОРУ

Каждую субботу и воскресенье, будь то зима, осень или иное время года, Генеральный прокурор проводил в загородном доме, назвать который дачей было бы просто кощунственно. Дом представлял собой роскошный трехэтажный дворец из цветного кирпича на двадцать комнат, с подземным гаражом, сауной, зимним и летним бассейнами, солярием, прекрасным садом в два гектара и подсобными помещениями, упрятыми под землей. Дом был окружен кирпичным забором, оборудованным фотоэлектронной сигнализацией и телекамерами, охранялся собаками и сторожами числом двенадцать, поэтому Николай Григорьевич чувствовал себя здесь в полной безопасности, отдыхая от трудов праведных, не очень праведных и совсем не праведных.

Располагался дом в сосновом бору, в ста километрах от Москвы, на окраине небольшого городка Вереи.

Не перестал ездить Николай Григорьевич в свою загородную резиденцию и после появления списка ликвидации «Чистилища», несмотря на уговоры друзей и беспокойство, вполне, вероятно, показное, работников прокуратуры. Был ли это вызов или точный расчет, неизвестно, однако тревожиться Плотникову особенно было нечего: сопровождение вояжей планировалось спецслужбами, кортежу давалась «зеленая улица», и, когда «мерседес» Генерального прокурора с двумя «фордами» охраны, автоэкипажем муниципальной милиции и «волгой» ГАИ выносило на Ленинский проспект, переходящий во Внуковское шоссе, движение на проспекте замирало. Поэтому время в дороге – сто километров до Вереи от кольцевой трассы, десять по Москве и шесть от шоссе до дома – не превышало сорока минут.

Все эти обстоятельства не помешали «думе» «ККК» разработать план ликвидации Генпрокурора именно во время одной из таких прогулок.

Претворению плана в жизнь предшествовал странный разговор Громова и Боханова, ответственного за компьютерное обеспечение предлагаемой акции.

– Владимир Эдуардович, – говорил координатор «Чистилища» во время встречи в секретном «тридцать первом» отделе Центра. – Вы хорошо знаете Маринича?

– Феликса Вансовича? – удивленно спросил Боханов. – Он уже три года заведует лабораторией психотроники, серьезный исследователь. Но рекомендовать его для работы в нашей конторе не могу.

– Речь не о том. Вы часто с ним беседуете о делах Центра?

– Вообще никогда не захожу об этом разговора, мы встречаемся только на оперативках раз в неделю, официально.

– А как часто он загружает компьютерный комплекс Центра своими задачами?

– Я не проверял, не знаю, очевидно, как все.

– Посчитайте. Теперь о задании. Проанализируйте два варианта ликвидации Генпрокурора и самый сложный рекомендуйте к исполнению на «полном квадрате».

– Зачем? – был явно озадачен комиссар-четыре.

– Так надо. Узнаете потом.

– Кому это надо?

– Мне лично.

– Хорошо. – Боханов не страдал излишним любопытством и расспрашивать шефа о причинах неординарного задания не стал, хотя в памяти разговор этот отложился.

Через пять дней после разговора на «квадрате» – собрании комиссаров – был принят план уничтожения Генпрокурора во время коллегии МВД, прямо в здании министерства. Реализация плана была сложной, тяжелой, зависела от точности состыковок всех исполнителей и грозила, в случае неудачи, невеселым тюремным исходом, если не путешествием на тот свет. Но убедили комиссаров два обстоятельства. Первое: телохранители в здание министерства не допускались, хватало своей охраны. Второе: покушение можно было подготовить заранее – в туалете, буфете и даже в малом зале заседаний на втором этаже.

А когда план был принят к исполнению, Громов вызвал Шевченко и приказал готовить второй вариант, предполагавший уничтожение Плотникова во время ближайшей его поездки за город.

Валерий Егорович тоже не любил задавать лишних вопросов, но тут не удержался:

– Дмитрий Олегович, я не ослышался? Мы же решили «погасить» его иначе.

– А тебя не настораживает факт совпадения наших акций с операциями спецслужб? Последние три раза мы все время натыкаемся на прямое противодействие, чего прежде никогда не было.

– Ну, спецслужбы обязаны... анализировать... они там тоже имеют головы на плечах... – Шевченко задумался. – Хотя, конечно, странно...

– Это уже не странность, Валерий Егорович, это закономерность. И я хочу ее поломать или в крайнем случае разгадать. Так что работайте по второму варианту, делая вид, что готовите первый.

Шевченко озадаченно почесал переносицу.

– Подготовку от остальных... необходимо скрыть?

– Разумеется. И вот еще что: готовится покушение на Никушина; генерала надо подстраховать, он нам еще понадобится. Подключи два мейдера сопровождения по-опытней. Один раз его предупредили, что машина заминирована, второй раз могут этого не успеть сделать.

– Кто предупредил?

Громов посмотрел сквозь комиссара-пять, и тот понял, что задал не очень корректный вопрос.

– И последнее. Балужева пока ни в одну из команд не включать, но как бы между прочим сообщить ему, что ты работаешь по второму варианту с выходом на дачу Плотникова.

Шевченко нахмурился.

– Вы полагаете, что он...

– Я ничего не полагаю, – отрезал Дмитрий Олегович, – но хочу исключить малейшую возможность провала. Прошу вас сделать все так, как я сказал, Валерий Егорович... если хотите продолжать работать в «Чистилище» и дальше.

Шевченко поймал угрожающий блеск во взгляде координатора и содрогнулся, хотя никогда и никого в жизни прежде не боялся.

Генеральный прокурор собрался посетить свой загородный замок в субботу, восемнадцатого октября, предварительно отправив туда одну из своих девятнадцатилетних пассий, бывшую победительницу конкурса «Мисс Москва» Галину Звягинцеву.

Жена всегда знала о связях Николая Григорьевича, но делала вид, что ничего не происходит и что муж ее святой, ибо целиком зависела от него, как правительство от Центрального банка. К тому же и у нее самой имелись аналогичные секреты.

Процедура выезда и движения Генерального прокурора к месту отдыха выглядела следующим образом.

От здания Генпрокуратуры отъезжала машина ГАИ, за ней следовала «волга» последней модели с ОБЕД авангарда охраны, затем «чайка» с хозяином, и замыкала кортеж еще одна машина охраны – «форд» или джип «патрол». На Ленинском проспекте перекрывалось движение, а когда колонна выезжала на Внуковское шоссе, к ней присоединялись два автоэкипажа муниципальной милиции, в каждом из которых – инспектора-офицеры. По всей трассе предупреждались посты ГАИ, обеспечивающие «зеленый коридор», и кавалькада со свистом устремлялась вперед, не снижая скорости, делая по сто пятьдесят – двести километров в час, даже проезжая через населенные пункты.

Зная ритм и скорость передвижения Генпрокурора с его кортежем, «чистильщики» не стали рисковать, перенесли проведение акции с дороги на загородный дом Генпрокурора, имеющий множество подходов.

Дворец Николая Григорьевича располагался на участке в пятнадцать соток и был с трех сторон окружен сосновым бором. С четвертой простирался луг, спускающийся к реке.

Строился он итальянской фирмой в стиле модерн с использованием архитектуры и дизайна европейского типа. Первый этаж – холл, кухня, столовая, каминный зал, гостиная, застекленный зимний сад. Второй – четыре спальни и три ванные с электро – и гидромассажем. Третий – кабинет, игровой зал для карточных игр, уютный зал отдыха, мансарда.

Кроме того, дом имел встроенный гараж на три автомобиля, сауну с бассейном, спортзал, прачечную и винный погреб. Стоил такой дом по нынешним оценкам не слишком дорого – всего около полумиллиона долларов вместе с внутренней отделкой по высшему классу, внешними архитектурными элементами – эркерами и башенками, зубчатыми контрфорсами и балконами, а также мебелью, сантехникой, бытовой и кухонной аппаратурой.

Конечно, проще всего было убрать Генерального, как и любого деятеля, взорвав его в автомашине. Но так как при этом могли пострадать посторонние лица, телохранители или просто прохожие, «ККК» этот вариант не рассматривала, считая себя организацией «жестокое правосудия», а не фирмой террористического толка. Поэтому операция по ликвидации Плотникова готовилась таким образом, чтобы предотвратить случайные жертвы, и загородный дом считался идеальным местом для проведения казни. Зачем Громову понадобилось разрабатывать заведомо невыполнимый без потерь план с убийством Генерального прокурора в стенах здания МВД, стало известно в пятницу, когда исполнители получили сигнал «змея» – то есть свертывания операции. И по крайней мере два десятка их, готовых пожертвовать собой ради дела, вздохнули с облегчением, потому что не могли не обнаружить подготовки спецслужб к перехвату ликвидаторов «ККК».

Таким образом, Шевченко сам дотумкал, почему координатор настаивал на плане высшей категории сложности, операции по которой в терминологии спецслужб шифровались словом «элит».

Но это было еще не все. Ранним утром в субботу, когда все уже было готово к реализации плана «Загородная вилла», комиссар-пять получил предписание явиться со всей командой-один по указанному адресу в дом по улице Миклухо-Маклая, где его встретил координатор «Чистилища» с личной «обоймой» исполнителей класса «супер» в количестве двенадцати человек. Все они были отобраны Шевченко из числа бывших суперагентов «Вымпела» и «Альфы», проверены в деле, тренированы в группе и в одиночку, поэтому могли противостоять целым группам ОМОНа или спецназа.

– План меняется, Валерий Егорович, – сказал Громов, одетый в маскировочный комбинезон, как и его телохранители. – Произошла утечка информации.

– Я понял это еще вчера.

– О нет, вчера произошло то, чего я ждал, мы отвлекли силы спецслужб и проверили мои подозрения. Я не собирался проводить ликвидоперацию с Плотниковым в здании МВД. Но и ваша подготовка с виллой Генпрокурора засвечена. Поэтому переходим на запасной вариант, который разрабатывал я лично. Переодевайте свою команду в форму ГАИ и милиции.

– А успеем? – хмыкнул Шевченко, чувствуя внезапный озноб и одновременно азарт от предвкушения предстоящей операции.

– У нас два с лишним часа на подготовку, многое уже сделано, остальное – оперативные действия. Должны успеть.

– Балуев пойдет со мной?

– Балуев пойдет со мной, – многозначительно проговорил Громов.

Машины выскочили с Ленинского проспекта на Внуковское шоссе и увеличили скорость. Впереди, как всегда, мчалась «волга» автоинспекции, включив сирену и трехсекционную мигалку, за ней следовала первая машина охраны, затем «чайка» Генпрокурора, вторая машина охраны, и замыкали колонну два «форда» муниципальной милиции, также с включенными мигалками.

В кабине «чайки», кроме Плотникова, находился еще один телохранитель, владеющий всеми видами оружия и восточных единоборств, и старший следователь по особо важным делам Каширин, ведущий дело «ККК» и контролирующий действия спецгруппы с претенциозным названием «Закон».

Николай Григорьевич не собирался приглашать его к себе в гости, надеясь за время в пути обговорить кое-какие детали предстоящей операции, которую следователь готовил против «Чистилища». Чувствовал себя Плотников хорошо, считая, что находится в полной безопасности, и мысли его витали далеко от этих мест – возле Багамских островов, куда Николай Григорьевич собирался махнуть в ноябре, чтобы расслабиться и покайфовать.

Кавалькада проскочила Анино, село Большое Покровское, въехала в Апрелевку, чуть замедлив движение, за Апрелевкой снова было увеличила скорость, но за мостом через Десну вынуждена была притормозить, а потом и вовсе остановиться: впереди на шоссе горели две машины. В оба конца очереди машин увеличивались без надежды на скорый проезд.

«Волга» сопровождения обогнула очередь по встречной полосе, приблизилась к машинам ГАИ, пожарной и «скорой», где ее также остановил офицер-гаишник.

– Прошу прощения, придется подождать, пока не потушим и не растащим. А так не проедете, шоссе полностью перекрыто, сами убедитесь.

– Как это произошло? – спросил старлей, старший машины сопровождения, отмечая, что не знает офицера, с которым ведет разговор.

– Столкнулись трактор и рефрижератор, а в них врезалась на полной скорости «шестерка» с пассажирами.

– А трактор как здесь оказался?

– Выехал с обочины, хотел пересечь шоссе, видимость здесь видишь какая, за поворотом? Кого провожаете?

– Ты что, майор, с луны свалился? Генеральный прокурор тут каждую пятницу-субботу, почитай, ездит.

– Я работаю недавно, – сухо сказал майор. – Но до выяснения деталей проезд будет закрыт.

– А объезд где-нибудь поблизости имеется?

– Могу порекомендовать только через Алабино. Повернете налево, по грунтовке пару километров и через Алабино снова выскочите на шоссе. Только не заплутайте в лесу, там два поворота направо и развилка.

– Черт, мы здесь не ориентируемся...

– Могу дать своего шофера для сопровождения.

– Будь другом, дай, – обрадовался старший лейтенант, – а то Генеральный крут на расправу, не любит ждать.

Майор отошел к своим сослуживцам, и вскоре одна из машин местного отделения ГАИ подавала назад, развернулась, молодой усатый парень махнул рукой из окна, чтобы следовали за ним.

К машине сопровождения подошел один из телохранителей Плотникова, начальник авангардной ОБЕД.

– Что тут происходит? Долго будем стоять?

– Горят, – лаконично ответил старший лейтенант, указывая на затор впереди. – Попробуем в объезд.

Охранник мазнул взглядом по «волге», собиравшейся проводить колонну, кивнул.

– Пусть не гонит по буеракам, на шоссе выедем – нагоним график.

Одна за другой машины прокурорского кортежа съехали на поперечную грунтовую дорогу, поплыли по ней, скользкой от грязи, к лесу. Но преодолели всего два с лишним километра и остановились: лопнуло колесо у джипа с прикрывающей группой охраны. Пока меняли колесо, Николай Григорьевич молчал. Но когда колонна

застряла в очередной раз – не смогла выбраться из колдобины первая машина с охраной, – он не выдержал и открыл дверцу со своей стороны, собираясь выйти и сказать сопровождающим все, что о них думает. Это было его роковой ошибкой. Едва он высунул голову из кабины, как тут же затылок его словно взорвался, и в мгновение все обрызгало кровью, мозгами, осколками костей черепа, в том числе и сидевшего в салоне «чайки» на переднем сиденье следователя. Пуля из винтовки «Селигер» калибра 12,7 миллиметра, выпущенная с близкого расстояния, вошла Генпрокурору точно в переносицу, пробила голову, разворотила бар и застряла в спинке сиденья водителя. Выстрела не услышал никто.

Когда охрана опомнилась и открыла огонь по кустам и деревьям с двух сторон дороги, было уже поздно. Сбежал и водитель гаишной «волги», взявшийся проводить колонну, но вместо этого пригнавший ее в идеальное место для засады.

Листок со стандартным текстом: «Привет из „Чистилища“ – нашли позже на сиденье машины ГАИ примчавшиеся буквально через полчаса оперативники Федеральной службы безопасности. Кроме них, здесь же объявились и другие спецслужбы: „Анальгин“ из Министерства обороны и „Принцип“ из Министерства внутренних дел, но помочь делу уже не смогли. Генеральный прокурор был мертв.

ПОСЛЕДНИЙ СОН

Горы со всех сторон блистали серебром и ультрамарином, золотом и платиной, чистыми тонами радужных высверков – от обнажившихся рудных жил и россыпей драгоценных камней. Горы были высокими, крутыми, изломанными стихией новообразований, молодыми, и не были обременены вершины их шапками ледников и шубами снежного покрова. Космы облаков необычного платинового оттенка вились вокруг отдельных, самых высоких, пиков, размывая их глыбистые очертания. Небо здесь тоже было не чисто-голубым и не синим, а жемчужно-серым, с каким-то даже седым оттенком. Солнце, низко висящее над зубчатым профилем гор, казалось огромной каплей расплавленного золота. Оно не слепило, но ощутимо грело.

Матвей перевел взгляд в другую сторону и увидел движущийся над склоном ближайшей горы какой-то бросающий зеркальные зайчики предмет. Через минуту стало ясно, что это один из летающих городов Инсектов, не то пчел, не то чешуекрылых.

– Дом Веспидов [\[70\]](#), – сказал чей-то голос сзади. Матвей оглянулся. На него смотрел закованный в пластинчатые доспехи и укутанный в меха монстр на знакомом шестиногом «коне», но голос его явно принадлежал Тарасу Горшину.

Где-то прозвучала труба, породив множество лающих отголосков. Внизу, в ущелье, на обрыве которого стояли Матвей и его спутник, началось движение. Около сотни всадников, в таких же точно доспехах, что и на спутнике Соболева, в сложных шлемах, напоминающих головы насекомых, но с единственным горизонтальным узким светящимся глазом, двинулись к выходу из ущелья, устремив к небу длинные жала копий.

– Кажется, тебе повезло, – снова раздался в голове Матвея голос Горшина.

– Это летит зоэрекс – живой город-улей Веспидов. Изменение было глобальным, но все же кое-где по неизвестным причинам остались островки «недоделанных Инсектов», уменьшившихся не в сто раз, как остальные, а всего в пять – десять. Они были уже не в состоянии возродить былую мощь рода, но еще имели возможность

некоторое время поддерживать жизнь в «аулах». Кое-где остались даже целые семьи. Как правило, эти мини-Инсекты были очень агрессивны и продолжали воевать с Первыми Людьми, еще шестилапыми, полульвами-полунасекомыми-полулюдьми. Тебе транслируется встреча одного из кланов Перволюдей с «ульем» ос разумных.

Летающий «замок» Веспидов приблизился. Он был похож на геометрически идеальный обломок горной кристаллической породы, на гигантский самородок золота или платины и сверкал на солнце так, что было больно глядеть. С тихим гулом он настиг отряд Перволюдей, завис над ним, гул усилился, и тут же вниз посыпались сверкающие, как драгоценные камни, огромные, со стопу человека, осы!

Они спикировали на плотно сбившийся отряд и были встречены залпом из арбалетов, стрелы которых, вонзившись в тело жертвы, загорались злым зеленым пламенем. С десятков оставшихся в живых ос метнулись назад, но их догнал новый залп – из копий, за которыми тянулись тонкие дымные хвосты. Казалось, в небо взметнулось около полусотни ракет...

До своего летающего дома добралась лишь одна оса. «Улей» в ту же секунду дрогнул и с прежним гулом двинулся, набирая скорость, в сторону солнца, скрылся за горой. Отряд соотечественников монстра, стоящего рядом с Матвеем, втянулся обратно в ущелье, спешил и рассредоточился по пещерам в отвесных стенах ущелья; это был их пещерный город или, скорее, пограничная застава.

– Почему осы... Веспиды... не применили оружия, из-за которого Аморфы пошли на Изменение? – спросил Матвей.

– Какое именно оружие ты имеешь в виду? Каждый род Инсектов имел собственное, специализированное, подогнанное под специфические особенности формы особи и ее деятельности. Осы-Веспиды, кстати, имели «биологические арбалеты», метаящие жала наподобие тех, чем встретили их Перволюди.

– Что же они не воспользовались ими?

– Ты просто не заметил – воспользовались. Но эти Веспиды, во-первых, все-таки уже претерпели Изменение, уменьшившись раз в пять, и жала их соответственно потеряли прежнюю пробивную способность. Во-вторых, Веспиды вели бой не просто с Перволюдьми, а с... назовем их пограничниками, стерегущими границы государства. Недаром все они закованы в броню.

– Понял. И все же было создано какое-то универсальное оружие...

– «Игла Парабрахмы», излучатель некоего поля, вызывающего «короткое замыкание» всех реальных планов бытия, попутно искажающего форму предметов, способного уменьшать или увеличивать любые объекты, в том числе и биологические. Именно им и воспользовались Аморфы, изменив мир Инсектов и не затронув физической реальности планет и Земли. Может быть, где-то отдельные экземпляры «Игл» и сохранились, но ими некому воспользоваться, ведь это не пистолет или кинжал, а сложная суперпозиция предметов и полей, почти разумная система, включающая в себя много самых разных элементов бытия. По сути, «Игла Парабрахмы» – прообраз магического жезла, волшебной палочки, использующей законы магической физики.

– Разве в нашей реальности эти законы действуют?

– Как и в любой другой. Магическая физика – это синтез физики и воли, только и всего. Разве что этих законов человек еще не установил. И вообще в вашей реальности человеческие возможности по овладению магической физикой, к счастью, ограничены неким пороговым значением спусковых механизмов реализации. Не будь этого, реальность давно перестала бы существовать... как и все Мироздание. Уж больно агрессивных существ выпестовала эволюция на Земле.

– Людей?

– Инсектов. Люди всего лишь их потомки, пытающиеся преодолеть родовое заклятие. Так что эксперимент Монарха был не так уж и преступен с точки зрения духовного целительства. Он дал шанс потомкам Инсектов перебороть свои внутренние агрессивные устремления. Если бы он больше не вмешивался...

Матвей, на голову которого свалилась новая информ-бомба, не сразу выплыл из дебрей ее анализа.

– Выходит, Монарх – не носитель абсолютного зла, как мы его представляли?

– Конечно нет. Он действительно, как и любой Аморф, как адепт Абсолютного равнодушия, стоит вне Добра и Зла и действует сообразно своим умозаключениям и душевным порывам... если у него есть душа. Но для нас многие его поступки лежат в плоскости зла, в

поле человеческой оценки добра и зла, и тут уж никто нам не поможет, кроме нас самих.

– С чем же тогда и ради чего борются иерархи?

– Это сложный вопрос, мой друг. Я во многом еще не разобрался сам, потому что живу в мире причин, в то время как ты – в мире следствий. Но борьба имеет место и здесь. Сохранение запрещенной реальности, измененной Аморфами и «подредактированной» Монархом, невозможно без трансляции стабилизирующей модели. Это ты уже знаешь. Но вот чего не знаешь: модели Монархов и иерархов – во многом диаметрально противоположны! Что и задает в мире Земли фон катаклизмов, потрясений, революций, войн и болезней. Трансляция ведется на многих уровнях – физическом, биологическом, тонком полевом, психологическом и социальном, и много полегло, образно говоря, «диверсантов» с той и другой стороны. Я был одним из последних, не зная, что сижу в программе одного из них... Кстати, ты на очереди, мой друг. Если не сможешь защититься. Твой уровень очень высок, это уровень оперативного вмешательства, и вскоре тебе придется...

С гулом вздрогнули горы. Раскатами обрушилось грохочущее эхо. Шестиногий «конь», взбрыкнув под Матвеем, осел на задние ноги-лапы. То же самое сделал и шестиног Горшина, однако гул стих, и звери успокоились.

–..готов к обороне, – прилетел тихий голос Тараса. – Кое-что ты получил, дальше рассчитывай только на себя, мы помочь уже не сможем. Этот сон-передача, вероятнее всего, последний.

Где-то далеко послышался новый звук – жужжание пропеллера, словно за горами летел одномоторный самолет. Отряд «пограничников» в ущелье мгновенно оказался на «конях», снова выехал на предгорье, ошетинившись копиями.

Спутник Матвея достал какой-то колючий шар и поднес к шлему, как подносят бинокль.

– Колеоптер, – пояснил он через минуту. – Жук-разведчик. Можешь полюбоваться. Возьми с седла ктар... вот такой шарик, это нечто вроде подзорной трубы.

Матвей потянулся к сумке у ноги и понял, что уже может управлять своим новым телом.

– Ты сейчас авеша для него, хозяина, – отреагировал Тарас на его удивление, – внедренный в его тело, и в состоянии чувствовать то же, что и он.

Матвей приставил шар к щели во лбу – бинокулярное зрение при этом сохранилось, будто у монстра было два глаза, – и разглядел гигантского жука, кружившегося над скалами одной из гор. Два светящихся зеленою жестких надкрылка стояли у него как паруса, а между ними вихрились полупрозрачные крылья, издавая тот самый звук самолетного мотора.

– Хорош? – хмыкнул голос Горшина. – Представь, что было бы, возьми Монарх за исходный материал своего эксперимента не тараканов, а жуков.

Близкий подземный взрыв снова поколебал горы, но «пограничники» Перволюдей проигнорировали его, ожидая, когда улетит колеоптер.

– Похоже, меня засекли. – Монстр на шестиноге повернул к Матвею голову с пылающим глазом. – Прощай, друг. Что-нибудь хочешь спросить?

Матвей с трудом заставил себя не отвлекаться на пейзажи и жизнь палео-Земли, но мысль его перебил всадник, появившийся на склоне холма, один из тех, что стояли внизу. Он что-то проскрипел на своем языке, обращаясь к монстрам – носителям Горшина и Соболева. Матвей его понял: всадник спрашивал, не послать ли отряд в ту сторону, куда повернул колеоптер.

Горшин ответил коротким «послать», и посыльный ускакал. Видимо, для тех «пограничников» хозяин Тараса был командиром.

– Субдоминантой, – уточнил голос Тараса. – Мы с тобой сейчас субдоминанты и находимся в авангарде, но есть и доминант – командир всей бригады «пограничников». У Перволюдей почти все было скопировано по образу и подобию жизнеустройства Инсектов. Иерархия, касты, дворцовые перевороты... Ты не представляешь, до какого абсурда дошли последние поколения Инсектов! Формикоиды, например, то есть разумные муравьи, развлекались в «муравейнике» тем, что предоставляли возможность всем, кто пожелает, стать царем на определенное время – час, к примеру, и разрешали делать со страной-городом все, что взбредет в голову! Правда, любой «муравейник» – это разум коллективный и мало страдал от подобных

экспериментов... Давай свои вопросы, – прервал сам себя голос Горшина, – я уже вижу, что ты готов.

– Ты сказал, что был одним из последних... э-э... корреляторов нашей реальности, повиновавшихся программе...

– Последним великим коррелятором был Иисус Христос. Но были коррелирующие личности и рангом помельче, все они – реальные исторические личности, послужившие авешами иерархам или самому Монарху.

– Я не об этом... я тоже «сизжу» в чьей-то программе?

– Боюсь, ты «сидишь» в узле пересечений таких программ, – после недолгого молчания ответил Горшин. – И не двух, а больше.

Матвей поцокал языком. Тарас сочувственно ждал, когда он преодолеет шок. Горы колебались все чаще, и это, очевидно, было следствием несогласования частот «сонной» передачи и контуров подсознания Соболева.

– Как мне защитить мозг от локаторов Монарха?

– Есть только два способа, один – это повышение своего психофизического потенциала, что достигается Посвящением, и второй – привлечением полей эгрегора. Что такое эгрегор, знаешь?

– Групповое психоэнергетическое поле...

– В принципе да, своеобразное энергетическое пространство, образующееся за счет мысленной связи тождественных менталитетов людей, замыкающихся на определенный образ. Это если быть точным. Ищи свой эгрегор, только он поможет тебе в будущей коррекции. Нас со Светленой, скорее всего, в ближайшее время «лишат сана», и помочь мы уже будем не в состоянии. Но учти, ты сможешь стать проводником силы эгрегора, только став проводником его идей.

– Мне надо его еще найти.

Последнее «горотрясение» было наиболее сильным, и Горшин торопливо добавил:

– В МИРах Инсектов есть места с высокой концентрацией энергии «Иглы Парабрахмы», их надо обходить, почувствовать, но ни в коем случае...

Гулкий удар оборвал речь Горшина, и с ощущением падения в бездну Матвей проснулся...

Как всегда, полчаса ушло на размышления и «укладку» информации по внутренним «полкам» сознания. Очень хотелось еще

раз поговорить с Горшиным, получить ответы на вновь сформировавшиеся вопросы, но это уже являлось несбыточной мечтой, судя по тону прощания Тараса. Оставалось надеяться на Учителя, в крайнем случае на Проводника, кто бы им ни стал – Самандар или Парамонов.

А жаль, подумал Матвей с искренним сожалением, имея в виду потерю связи с Историей, открывшейся ему благодаря какому-то расчету иерархов. Или Монарха. Или людей Внутреннего Круга. Вот погулять бы по МИРу Инсектов наяву, физически, ощутить его таинственную атмосферу, увидеть изумительные города-ульи, города-муравейники и термитники, города-башни и крепости древних разумных насекомых...

Тренькнул телефон.

– Ты скоро? – осведомился Василий недовольным тоном.

Только теперь Матвей обнаружил, что заснул еще днем: теперь шел девятый час вечера! Значит, этот сон-морфема был действительно чем-то вроде аварийного вызова, чрезвычайной передачи, призванной предупредить Соболева в последний раз и передать ему больше эмоциональную, нежели интеллектуальную информацию.

– Сейчас буду, – ответил Матвей, с неохотой заставляя себя выбраться из расслабленного состояния.

Окончательно пришел в себя он только в машине.

«Чистилище» предоставило Балуюеву скромную двухкомнатную квартиру в районе Щелкова, недалеко от станции метро. Ничего лишнего в ней не было: в гостиной – диван, два кресла, стол письменный, сервант, в спальне – деревянная двуспальная кровать, трюмо, шкаф для одежды.

– Обстановка почти спартанская, но мне хватает, – улыбнулся Василий, наблюдая за Матвеем, рассматривающим квартиру. – Как сказал бы Прутков: для достойного нету достойных наград.

– Не Прутков, а Хайям.

– Без разницы. Компьютера тут тоже нет, и это единственное, о чем приходится сожалеть.

Они уселись в кресла, и Василий включил торшер, создавая видимость домашнего уюта. Рука у него все еще была забинтована, Матвей кивнул:

– Подлечить?

– Не стоит, само заживет. Ты голоден? Могу разогреть пиццу или сосиски сварить.

– Давай лучше кофе.

Василий кивнул, и вскоре по комнатам распространился аромат «капучино».

Кофе пили из красивых фарфоровых чашек, не торопясь начинать разговор. Оба понимали, что необходимо выработать какую-то дальнейшую стратегию при встречах на уровне спецкоманд, потому что оба принадлежали теперь к разным группировкам; но становилось также понятно и то, что долго такое двусмысленное положение длиться не может: их заставят сражаться друг против друга, и тогда придется решать уже целый узел проблем.

– Мне только что приснился эзотерический сон, – проговорил Матвей и пересказал разговор с Горшиным.

– Да, видать, не все там у них достойно восхищения, – отозвался Василий.

– Те же интриги, та же борьба за власть... Нелегко, наверное, иерархам избавляться от своей насекомо-зверской сущности. Недаром Ницше устами Заратустры говорил, что человеческое существо – это и человек и зверь одновременно! Знал бы он, что еще и насекомое.

– Расскажи лучше, как вы угробили Генпрокурора.

Василий пожал плечами, с неохотой принялся вспоминать подробности охоты на прокурора. Добавил, закончив:

– Сначала я был против участия... но когда мне дали почитать его «послужной список» – чего он успел натворить, – то передумал: его, подлюку, надо было четвертовать! Как и каждого второго депутата! Вот же подонки, мать их!.. А попробуй достань, привлеки к уголовной ответственности – хрен достанешь! Депутатская неприкосновенность, круговая порука. Из четырехсот депутатов, на которых заводились уголовные дела, наказано всего четверо! Даже убийц выпускают на волю... – Василий махнул рукой. – Нет, брат, «Чистилище» свой хлеб ест не даром.

Матвей с неопределенным интересом разглядывал друга, и тот отвечал знакомым открытым взглядом.

– Я их не оправдываю, но и не осуждаю... Сам-то как устроился?

– Нормально. – Матвей подумал немного и рассказал о том, как его пытались «наказать» подчиненные майора Белоярцева.

Василий в свою очередь поведал о своих отношениях с Громовым и Шевченко, потом признался:

– Ну, Валера – обычный опер, не более того, до кондиции ганфайтера ему еще работать и работать, хотя как «супер» он годится. А вот Громов... знаешь, я иногда его боюсь! Такое впечатление, что он видит меня насквозь.

– Может быть, он авеша, как Хватов?

– Я тоже об этом размышлял и не пришел ни к какому выводу. Был у нас один разговор... он пытался давить на мою психику. И тогда я, знаешь, почувствовал, что против него не выстою! Совершенно жуткое чувство, честное слово!

Матвей, вспомнив свой бой с Хватовым, кивнул.

– Твоя третья сигнальная тебя не обманывает, Громов – «дискретный» авеша Монарха.

– Почему дискретный?

– В определенные моменты он приобретает матрицу Конкере, а не носит его в себе постоянно. А чтобы тебе впредь его не бояться, давай-ка прямо теперь займемся тренингом.

– Техника убийства прикосновением пальца?

– Для тебя главное – научиться защищаться от смертельного касания, а это потребует времени.

– Переодеваться будем? Только учти, если мы поломаем мебель, другую мне не поставят.

– Разденься до пояса, будем проходить ликбез по анатомии.

Василий снял рубашку, оставшись в брюках трико, и Матвей принялся объяснять азы искусства смертельного касания, показывать точки на теле, требующие защиты в первую очередь. Конечно, при передаче энергетического импульса уязвимым на человеческом теле становилось любое место, однако прикосновение к нервному узлу мгновенно приводило к парализации или смерти.

К ночи, трижды получив удар-шок, Василий запросил пощады:

– Все, довольно! Я все понял. Это настолько просто, что... никто из адептов боевых искусств никогда сам не догадается. Видимо, мастера ниндзюцу, разработавшие свою школу смертельного укола, получали уроки у авеши Перволюдей.

Приняв душ, они снова уселись в кресла с чашками кофе в руках, посматривая друг на друга. Порозовевший, с мокрыми волосами

Василий первым нарушил молчание:

– Но против самого Монарха эта система не сработает. Против его авеши, наверное, она должна сработать, потому что основа авеши – человеческое тело, но Монарх, как мы знаем, не человек.

Матвей вспомнил выход Монарха в облике Ельшина: продавленное рукой стекло спальни... нестрашное, если глядеть издали, тихое таяние военных вертолетов... искривление и разрушение дачи...

– Ты прав, возможности Конкере велики. Но и с ним можно бороться на равных.

– Как?

Матвей долго не отвечал, погрузившись в собственные мысли, пока Василий не рассердился:

– Если знаешь – говори!

– Инсекты создали некое универсальное оружие – «Иглу Парабрахмы», способное изменять реальность. Возможно, в каком-то из Храмов, то бишь оставшихся неразрушенными МИРов, оно сохранилось.

Взгляды друзей встретились.

– Это... интересно! – медленно проговорил Балуев.

– Нас могут не пустить в такой МИР.

– В один из них уже не пустили – под дачей Ельшина. Твой тезка, Матфей, Хранитель. Может быть, это оружие все-таки хранится там? Поищем?

Матвей покачал головой.

– Нам оно ни к чему.

– Соображения этического плана?

– Дело в том, что Аморфы, проводя Изменение, использовали именно «Иглу Парабрахмы».

– Ах вот в чем дело. Имеющий меч от меча и погибнет... – пробормотал Василий. – Поразил ты меня, Соболев, надо признаться! А если эта «Игла» станет достоянием какой-то группировки?

– Не стала же до сих пор.

– Времена меняются. В истории человечества много примеров, когда резко менялся ход событий, исчезали государства и целые народы... динозавры тоже... Нет, надо обязательно попытаться отыскать «Иглу». А что или кто такой Парабрахма?

– Парабрахма дословно означает – «за пределами Брахмы». Это символ Абсолюта, безличный и безымянный всемирный Принцип.

– Как-то не очень сочетается «Игла» и «Парабрахма»... И против этого оружия защиты нет?

– Инсекты его не нашли, – ответил уклончиво Матвей.

Перед сном они договорились встретиться через день и предпринять еще одну попытку проникновения в Храм Инсектов под Кремлем.

ПЕРЕКРЕСТНАЯ ПОДГОТОВКА

Министр обороны встретился с маршалом Сверхсистемы в ночном диско-клубе «Карусель», принадлежащем Тени-пять «СС» Тогоеву.

В шоу-программу клуба были включены выступления Галины Романовой и Сергея Челобанова в сопровождении эротик-дуэта и концерт Кристины Орбакайте, чего Гусев никак не ожидал и был даже рад соединить приятное с полезным. Выезжал он теперь на подобные мероприятия редко, зато каждое такое появление министра обороны на людях сопровождалось не менее красочным шоу под названием «выход службы охраны очень Важной Персоны». Выглядело это весьма своеобразно.

Сначала возле объекта, который должен был посетить министр, появлялось подразделение «предварительной подготовки» с миноискателями и всякой другой аппаратурой. Убедившись, что объект «чист», оно освобождало место для группы спецагентов, ведущих наблюдение за «подозрительными лицами». Затем приезжал авангард телохранителей, освобождал подъезд, перекрывал подходы и выстраивал коридор передвижения. И лишь после этого подкатывал кортеж из трех машин: шесть человек основной ОБЕД, министр с кем-нибудь из помощников или замов и шесть человек арьергарда телохранителей, вооруженных до зубов.

Спектакли, подобные этому, весьма раздражали милицию и нормальных граждан, как и шумные вояжи министра по Москве, когда на автомагистралях перекрывалось все движение, однако Гусева это не смущало. Он очень хотел жить, причем жить хорошо.

Полюбовавшись на танец эротик-дуэта, распаливший воображение министра, отведав экзотических вин и фруктов, Гусев и Лобанов уединились в отдельном кабинете, имеющем стереосистему, которая позволяла видеть все, что делалось на сцене. Юрген со своей пятеркой ОБЕД остался в зале, как и группа телохранителей маршала «СС» во главе с Дзиро Маямурой.

— Предлагаю начать новый этап войны с «Чистилищем», — начал без обиняков министр обороны. — Мы проанализировали, на кого и на

какие организации может опираться «ККК», и можем начать именно с них. Каждую необходимо тщательно проверить, выкачать нужную информацию и ликвидировать.

– В принципе я не возражаю, – согласился Олег Каренович. – В планы трех «К» попал и кое-кто из моих полевых командиров, так что пора подключаться и нам. Что за организации вы имеете в виду?

– Например, РНОФ, русский нацлегион, имеющий свои базы и лагеря для подготовки, кое-какие школы безопасности бизнесменов, Ассоциацию боевых искусств России, Ассоциацию «Барс»...

– «Барс» мы уже щупали. Очевидно, произошла утечка информации, «чистильщики» знали о нашей операции. Ну, в общем, в таком вот разрезе... Список организаций мы согласуем. Половина ваша. Идет?

Лобанов взял ломтик лосося, задумчиво пожевал.

– Как и чем мы прикроемся?

Гусев сыто рыгнул, промокнул пот на челе, выдавил улыбку.

– Громче всех «Держите вора!» кричит сам вор. Давайте и мы громче всех кричать: «Это дело рук трех „К“, ловите „чистильщиков“».

Лобанов улыбнулся, но продолжал размышлять, вспомнив пятый закон Паркинсона: если есть способ отложить принятие важного решения, настоящий чиновник всегда им воспользуется.

– Допустим, я согласен. Кто будет контролировать исполнение, координировать действия наших боевых дружин?

– С моей стороны – полковник Юрген, от вас – начальник службы ликвидации Вербицкий.

Вальяжность и расслабленность Лобанова словно ветром сдуло.

Глаза его сузились, похолодели.

– Вы даже Вербицкого знаете?

– Я всех знаю, – отрезал Гусев, не обращая внимания на угрожающий блеск глаз собеседника и обуревающие его чувства. – Моя служба работает не хуже любой другой.

– Что же вы в таком случае никак не уберете начальника военной контрразведки? Вы знаете, что он разговаривал с Главным военным прокурором по поводу санкции на ваш арест?

– Что?! – Федор Иванович чуть было не подавился оливкой. – А вам откуда это известно?

– От верблюда, – ответил Лобанов; он несколько успокоился, ответив ударом на удар.

Гусев глотнул вина, облил в раздражении галстук, но даже не заметил этого.

– Черт бы вас побрал, Олег Каренович!

– Да зачем я ему нужен, черту? – улыбнулся маршал Сверхсистемы. – Другое дело – вы. Впрочем, мне вы нужны не меньше. Давайте говорить конкретно. Я вам помогу убрать Никушина, вы мне – информатора, работающего в моем аппарате. А организациями, контактирующими с «Чистилищем», мы займемся вместе.

– Согласен, – буркнул министр.

Через полчаса он ушел, шагая вразвалку, тяжело, задевая стены, спотыкаясь на лестницах. Выпил он гораздо больше, чем позволял себе раньше.

Лобанов брезгливо понаблюдав за ним по системе телемониторов, отметил умелое движение телохранителей и улыбнулся про себя: несмотря на мощную охрану, ликвидировать министра можно было в любой момент, тем более что он находился на чужой территории. Но всему свое время...

Спустя еще полчаса в клуб явился Ельшин. Лобанов и его принял в отдельном кабинете, чтобы меньше высвечивать свою связь с бывшим генералом ФСК.

Генрих Герхардович был уже подшофе, но с удовольствием выпил еще и взялся за бутерброды с черной икрой.

– Когда пойдем? – спросил он с набитым ртом. Лобанов оглядел его мятый костюм, поджал губы.

– Дня через три-четыре.

Он не стал говорить, что его опера из «КСС» уже обследовали участок спецметро с бункером генерала и подключили компьютер к энергоблоку, но Олег Каренович надеялся сам разобраться в системе и вызвать Конкере. В случае удачи Ельшин становился не нужен.

– Долго рожаешь, – хмыкнул Генрих Герхардович. – Или задумал обойтись без меня? Не выйдет, Олежек! Коды вызова у меня тут. – Ельшин постучал пальцем по лбу. – Да и где искать оружие Инсектов, знаю только я.

– Ешь, ешь, – миролюбиво заметил Лобанов. – Все идет своим чередом. Для штурма твоего «замка» нужно хорошо подготовиться.

– Ну-ну...

О деле они больше не говорили.

Гусев сел в бронированный свой лимузин с грациозной неповоротливостью бегемота, но когда Юрген присоединился к нему, это был уже совсем другой человек – трезвый, энергичный, деловой и сильный.

– Ну и сволочь этот Олег Каренович! – сказал он с веселой хрипотцой в голосе. – Спойть меня захотел... Но умен! Что у тебя нового?

– Анализ показал, что одним из главных информаторов «Чистилища» может быть Центр нетрадиционных технологий Академии наук. Предлагаю проверить.

– Подготовь план. Что еще?

Юрген помедлил.

– Мы знаем, где теперь Соболев.

– Вот как? Интересно. И где же?

– В спецгруппе «Гроза» под командованием Люды... Людвиг Белоярцева. Принимал участие в налете на «Барс».

– Он может стать нам полезен в этом качестве?

– Вряд ли, – с сомнением покачал головой Юрген.

– А ты все-таки попробуй уговорить. Не удастся – тогда выследишь и уничтожишь.

Полковник по обыкновению промолчал.

* * *

Неизвестно почему, но издавна повелось, что важнейшие решения принимаются не на заседаниях и совещаниях, а за накрытым столом. Не составляло исключения и застолье, организованное директором Федеральной службы безопасности на даче в Любимове по поводу собственного дня рождения. В качестве гостей присутствовали немногие из числа друзей и особо приближенных Сергея Вениаминовича, в том числе начальники управлений «К» и

спецопераций, начальник охраны майор Хватов и начальник ГУБО Казанцев.

Стол был великолепен!

Чтобы перечислить сорта вин, водок и других напитков, а также количество закусок и блюд, не хватило бы, очевидно, и школьной тетради. Единственное, что отсутствовало на нем, по мнению Казанцева, так это целиком запеченный хобот слона.

Отобедав, гости разбились по группкам и разбрелись кто куда по комнатам дачи; Коваль и Казанцев остались в каминном зале, где уютно потрескивали сосновые поленья, источая легкие запахи смолы, коры и древесины. Майор Хватов тоже присутствовал тут, но держался поодаль, тихо и незаметно.

– Мои спецы разработали план выхода на «Чистилище», – сказал благодушно настроенный Сергей Вениаминович, располагаясь в кресле перед камином и закуривая тонкую сигару с фильтром. – Присоединяйте свой «Харон», будем долбать эту проблему вместе.

– Без Коржакова и Гусева?

Коваль пыхнул ароматным дымком.

– Коржаков метит в абсолютные лидеры, поэтому и мечет икру, пытаясь всех нас объединить под своим крылом. Но никто на это не пойдет, тем более наш уважаемый Федор Иванович. Он будет землю рыть, чтобы выйти на «ККК» раньше, чем она найдет его. Да и после гибели Плотникова Пашин тоже хочет отличиться перед президентом, его люди все чаще стали появляться в поле зрения моей наружки. Но речь не о них, все они – пешки. Вот что предлагается конкретно.

Коваль докурил сигару, взял с подноса бокал с сухим «Анжуйским», посмаковал глоток.

– «Чистилище» должно опираться на три кита жизненно важных потребностей: финансовые институты, спонсирующие его деятельность, силовые структуры, рекрутирующие кадры исполнителей, и банки данных, снабжающие любой необходимой информацией.

– Логично, – согласился начальник ГУБО, давно и заранее проанализировавший деятельность перечисленных «китов».

– Следуя в этом направлении и надобно действовать, а именно – пощупать все подозрительные организации в трех названных вами социосферах. Это Русский национальный освободительный фронт,

ассоциация «Барс», Международный исследовательский центр боевых искусств, Московский казачий уряд, Международная ассоциация национальных организаций карате, Ассоциация боевых искусств, школы безопасности предпринимательской деятельности, воинских искусств, охранно-сыскные частные бюро, офисы некоторых коммерческих банков и фирм...

Коваль остановился, видя, как собеседник недоверчиво качает головой.

– Возражения?

– Нельзя объять необъятное, Сергей Вениаминович. – Казанцев налил себе «брют», пригубил. – К тому же не понятно, как вы собираетесь шупать все эти конторы.

– Самым натуральным образом, по обычной, правда, слегка упрощенной схеме: два-три дня – наблюдение и прослушивание, день – компьютерный анализ посещений, разговоров и телефонных бесед, затем штурм и захват подозрительных лиц, информбазы, документации. Затем допросы, сверка и анализ данных, выход на командиров «ККК» и новый захват. Финита!

Казанцев снова покачал головой.

– Слишком у вас как-то просто все получается. К тому же для проведения таких операций надо иметь веские основания, а не подозрения плюс карт-бланш прокурора. Я таких оснований не вижу, ваш план смахивает... на авантюру. На произвол.

Сергей Вениаминович снисходительно глянул на собеседника.

– Прокуроры, от районного до генерального, сами заинтересованные лица, любой из них подтвердит правильность наших действий. Что же касается обоснований нравственных, внутренних, так сказать... – Коваль растянул губы в усмешке. – Кому они нужны, Руслан Владимирович? Пардон, Ибрагимович. Лес рубят – щепки летят. Главное, что мы избавимся от напасти, а сколько при этом пострадает невинных людей, неважно. Против силы работает только сила, террор можно сломать только террором. Разве не так?

– Так-то оно так... – как-то неопределенно заметил Казанцев, с грустью подумав, что придется, очевидно, самому уходить в отставку. С директором ФСБ ему было явно не по пути, что выяснилось уже давно.

– Ты учти еще одно обстоятельство, – добавил Сергей Вениаминович, стараясь не обращать внимания на внутреннюю борьбу, переживаемую начальником ГУБО. – Скоро у нас появится оружие, равного которому не имеет ни одна спецслужба мира. С его помощью мы уничтожим не только «Чистилище», но и Сверхсистему, и террористов любых мастей и... вообще кого угодно! Нравится тебе такая перспектива?

Казанцев скептически поджал губы.

– Что же это за оружие? «Глушак», что ли? «Болевик»? Или ваш легендарный «дырокол», о котором ходит столько разных слухов?

– О нет, речь идет действительно об абсолютном оружии, – раздался из затемненного угла голос майора Хватова. – Оружии, оставшемуся в наследство от древних цивилизаций. Перечисленные вами виды – лишь бледная тень настоящего психотронного оружия.

Казанцев выглядел растерянным, но по всему было видно, что слова майора его не убедили.

– Допустим, такое «абсолютное» оружие существует. Где и как вы собираетесь искать его? В археологических экспедициях? В Италии, Египте?..

– Поближе. – невозмутимо ответил Хватов. – Под Москвой.

Казанцев, понявший его слова буквально топографически, засмеялся.

– В Мытищах, что ли?

– Непосредственно под Кремлем, – улыбаясь чему-то, сказал директор ФСБ.

* * *

Комиссар-пять и комиссар-четыре «Чистилища» встретились как бы невзначай в кафе «Ладья» на Пятницкой, на втором этаже, где Илья Боченков предлагал изготовленные вручную пельмени в чугунных горшочках, плавающие в бульоне. По мнению Шевченко, лучше Ильи пельмени в Москве никто не делал.

Съев порцию, Боханов, гурман по призванию, вынужден был с этим согласиться. Но разговор шел вовсе не о качестве пельменей и других блюд.

– Валера, я хотел бы тебя предупредить, – сказал Владимир Эдуардович. – Шеф недоволен твоими колебаниями и настроениями. Но самое главное, что ты приблизил к себе Балуева. Спец он отменный и хорошо справился с ролью водителя гаишной «волги», которая завела кортеж Генпрокурора в ловушку, но ты учти: Балуев продолжает дружить со своим приятелем Соболевым, что может пагубно отразиться на здоровье всех вас троих. Для них и... – Боханов проглотил пельмень и закончил:

– И для тебя. Тем более что зондеркоманда ФСБ «Гроза», где теперь обретается Соболев, все активнее начинает подбираться к нам. Когда-нибудь интересы «Грозы» и наших командос пересекутся... а какую сторону примет Балуев, неизвестно.

Шевченко действительно в последнее время под давлением обстоятельств как-то растерял свою природную веселость, подозрительно заглянул в слегка затуманенные цыганские глаза комиссара-четыре.

– С чего это вы обо мне печетесь, Эдуардович? И почему шеф не выскажет свои претензии мне лично?

– Отвечаю на первый вопрос. Я не альтруист, сентиментальным бываю крайне редко, но вы мне симпатичны. Перестаньте кукситься, восстановите былую форму, меня всегда заражал ваш оптимизм. Теперь о втором вопросе, ответ на него более прозаичен: Громов не прощает ошибок никому, даже самому себе, а то, что Соболев и Балуев оказались в разных командах, – ваша ошибка, Валера. Если произойдет утечка информации об операциях фирмы, первыми шеф уберет Балуева и вас. Докажите, что вы по-прежнему на высоте, последите за Балуевым, нанесите удар первым...

Шевченко лениво поковырял вилкой в тарелке, отложил ее, промокнул губы салфеткой.

– Соболев однажды спас меня... да и Балуев тоже. Не думаю, что он пойдет на сговор с Балуевым ради получения наград за уничтожение «Чистилища». Но я, конечно, приму меры. Спасибо за предупреждение, Владимир Эдуардович. Я смотрю, вы везде смело ходите без телохранителя...

– А вы разве нет?

– Я – другое дело, могу постоять за себя сам. – Шевченко не стал разочаровывать собеседника. – Вы хотя бы вооружены?

– Зачем? – безмятежно пожал плечами Боханов. – Пистолет в случае чего меня не спасет, как, впрочем, и «глушак», а более мощное оружие с собой не поносишь.

– Пулемет, что ли? – улыбнулся Шевченко. – Гранатомет?

– Посерьезней машинка есть, – подмигнул комиссар-четыре. – В скором времени Громов обещал вооружить им всех комиссаров. Он где-то раскопал информацию о сохранившемся от древних цивилизаций универсальном оружии.

Шевченко заинтересованно-скептически глянул на Боханова.

– Что-то я об этом не слышал. Не вешает ли лапшу на уши наш непогрешимый шеф?

– А разве вы еще не убедились, что Громов не ошибается? Ведь за нами охотятся все спецслужбы, хватают всех подряд, громят фирмы, банки, школы, институты... а мы продолжаем работать! Так что давайте, Валера, подсуетитесь, заявите в комиссариате, что вы незаменимы. – Боханов улыбнулся, тщательно вытер после еды губы, подбородок, пальцы рук и встал. – Любое, даже очень мощное оружие, конечно, не панацея от всех бед, но все-таки чувствовать себя увереннее хотелось бы и мне. До встречи.

Комиссар-четыре легко сбежал по лестнице на первый этаж, а Шевченко, глубоко задумавшись, остался сидеть за столом. Его начальник группы сопровождения безразлично окинул зал взглядом, но, поскольку патрон не подал никакого знака, остался сидеть за столиком у окна, с удовольствием поглощая вторую порцию пельменей.

СОЮЗ ДЕВЯТИ НЕИЗВЕСТНЫХ

Этот буддийский монастырь, расположенный на перевале Куг-Багач в Горно-Алтайской автономной области, неподалеку от города Кош-Агач, был известен с тысяча семьсот сорок первого года, хотя и до того имел многотысячелетнюю историю. В последнее время верующих, ставших на путь буддийских традиций, стало больше, монастырь окреп, разросся, стал местом настоящего паломничества, охотно посещаемым туристами со всех уголков России и местными жителями – бурятами, хакасами, монголами, русскими, украинцами.

Главным архитектурным сооружением монастыря был храм Гаутамы, внешне мало чем уступающий храму в тибетском городе Лхаканге, используемый местной монашеской общиной – сангхой – для мистических религиозных церемоний. На самом деле храм Гаутамы, в котором проповедовался культ Будды и бодхисатв [\[71\]](#), был эзотерическим храмом и представлял собой четырехуровневое сооружение, то есть как бы четыре храма в одном.

В первый допускались верующие и просто любопытствующие туристы. Во второй – только принадлежащие к касте люди или имеющие особое разрешение. В третий имели доступ служители храма, в четвертый – брахманы и Посвященные. Этот уровень был доступен всего лишь трем брахманам из числа приближенных и самому настоятелю Бабуу-Сэнгэ.

Но в этот ясный солнечный день начала октября, когда над Алтаем стоял антициклон «бабьего лета», вход во внутренний сектор храма был открыт для других гостей, прибывающих по одному. Всего их набралось девять человек. Эти люди представляли собой реальное правительство России, чей уровень был столь высок, что о нем не догадывались даже такие властные институты, как контрразведка, безопасность и внешняя разведка, имеющие суперпрофессионалов анализа и обработки данных. Эти Девять влияли на любые события, хотя непосредственно и не участвовали в них.

Эти «серые кардиналы» предпочитали управлять царями и президентами, а не быть ими.

Одним из Девяти был комиссар-два «Чистилища» Герман Довлатович Рыков.

Обычно «кардиналы» Союза Девяти собирались не чаще одного раза в год, чтобы скоординировать свои действия в подконтрольных зонах социума и определить доминантный уровень стратегии на следующий год.

На этот раз встреча была внеочередной, экстренной, и на нее прибыл Десятый «кардинал», которого скорее надо было бы назвать Первым, потому что он контролировал Уровень Международных отношений, соединяя подобные Союзы Девяти (Семи, Пяти и Трех) других стран.

Все «кардиналы» занимали не очень заметные посты советников, экспертов, помощников государственных деятелей и структур, но властью обладали почти абсолютной, потому что могли убрать с политической сцены любого лидера или группу, не говоря уже о деятелях рангом ниже министра или депутата. Но делали они это лишь в тех случаях, когда обстановка в стране не укладывалась в рамки разработанного ими сценария.

Кроме Рыкова, представлявшего «Чистилище» и одновременно Федеральную службу безопасности, в Союз Девяти входили советник президента по национальной безопасности Юрьев, один из двенадцати директоров Национального банка, председатель Совета директоров Грушин, начальник информационной службы президента и он же Тень-три в иерархии Сверхсистемы Носовой, главный военный эксперт при правительстве, курирующий Институт новых военных технологий, он же секретарь Совета безопасности Мурашов, член-корреспондент Академии наук профессор Блохинцев, заместитель директора Международного института стратегических исследований доктор права Головань, помощник премьер-министра по связи с религиозными концессиями и Православной Церковью отец Мефодий и настоятель монастыря и храма Гаугамы Бабуу-Сэнгэ.

Все они были людьми незаурядными, Посвященными в тайны Внутреннего Круга, а также светящимися, принимающими пси-посланцев иерархов, то есть их авешами. И каждый из них представлял реальную силу, принадлежа к той или иной властно-силовой группировке, которые в политической жизни страны вели острую конкурентную борьбу за выживание.

Так, Рыков опирался на мощь таких формирований, как ФСБ и «Чистилище». Носовой работал на Сверхсистему и владел инициативой административного президентского корпуса. Юрьев имел базу в лице самого президента и влиял на решения Совета безопасности. Мурашов действовал через Министерство обороны и Гособоронпром и также влиял на Совет безопасности державы. Остальные лично или через системы связей оказывали влияние на финансовые, информационные, экономические, лоббистские структуры, на аппараты Министерства внутренних дел и Государственной Думы и власть имели не меньшую. Но в коалиции Союза Десяти они были не врагами или конкурентами, а равными партнерами, теневыми правителями, и на их отношения не влияла принадлежность к разным конкурирующим институтам власти. Впрочем, так думали – что они борются за власть и жизнь – сами руководители группировок, на самом же деле весь этот процесс управлялся Десятью.

Десятый или, вернее, Первый гость настоятеля, куратор Союзов Неизвестных в других государствах мира, представлял авешу инфарха, но известен был всему мировому сообществу как Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Хуан Франко Креспо. Он не боялся путешествовать инкогнито и прибыл в храм Гаутамы под видом паломника-исмаилита.

Келья настоятеля располагалась рядом с залом ритуальных церемоний в сердце четвертого сектора храма. Она в миниатюре воспроизводила главную молельню в Лхаканге: каменный склеп шесть на восемь метров со скульптурным изображением сидящего в углу Будды, ступой с реликвиями Будды и шестью светильниками в форме лотоса. Сводчатый потолок мерцал россыпью драгоценных камней, как и стена напротив Будды. Пол кельи был выстлан мраморными плитами и покрыт циновками, на которых и расположились привыкшие к подобным бдениям гости настоятеля. Но, несмотря на кажущуюся простоту и аскетизм, келья наряду с хитроумными защитными сооружениями древних зодчих охранялась и новейшими современными электронными системами, позволяющими контролировать каждое постороннее движение в любом из секторов храма, определять вооруженных людей, следить за транспортом,

прибывающим в Кош-Агач, и вести наблюдение за самолетами в радиусе трехсот километров.

Прежде чем усесться на циновки и начать совещание, каждый из Девяти взглянул на свои часы, в которые были вмонтированы датчики-сигнализаторы собственных систем контроля опасности. Зеленые нули на экранчиках циферблатов показывали, что нет повода для тревоги, и гости Бабуу-Сэнгэ принялись поудобнее устраиваться на жестких циновках. В принципе им ничего не стоило провести эту встречу с полным комфортом – в храме был зал, не уступающий в этом отношении залам московского ресторана «Националь». Но, согласно древней традиции, собеседников ничто не должно было отвлекать от дела, а жесткость циновок во многом способствовала краткости речи и скорости принятия решений.

Настоятель, сидевший лицом к своим гостям, традиционно исполнял роль председателя собрания. Он, перешагнувший рубеж девяти десятков лет, был старше всех присутствующих в келье, но выглядел молодо и очень походил на своего Учителя – Гаутаму Будду – и торжественностью позы, и лицом, и, весьма вероятно, характером. Казалось, на Девятерых смотрят сразу два Будды – каменный и живой, из плоти и крови.

– Начнем, Посвященные, – призвал глубоким баритоном Бабуу-Сэнгэ на русском языке и тут же перешел на метаязык, понятный только присутствующим; язык этот был настолько же богаче, ярче, информативнее всех существующих, насколько современный русский или английский богаче языка туземцев Папуа, словарь которого состоит из двухсот пятидесяти понятий. – Уровень принятия решений – в пределах Закона минимальных последствий, с применением коллективного поля растворения следов вмешательства. Уровень стратегии – не выше «экстра», уровень тактики – целевой, разрешающей любые средства, уровень оперативного исполнения – «элит». Прошу высказываться.

– Я бы посоветовал поднять потолок уровня стратегии, – предложил Юрьев, имеющий право говорить первым после председателя.

Иерархи, как и люди, делились на касты. Тот факт, что кастовость не признается современной социологической наукой, не говорит о правильности отношений между людьми. Желают этого люди или не

желают, признают или не признают, но они разделены на касты. Точно так же, как были разделены на касты их палеопредки – Инсекты. Индийское общество первым ввело понятие кастовости, которое сохранилось до сегодняшних дней: брахманы, кшатрии, вайшья, шудры и чандала благополучно сосуществуют в этом обществе, претендуя каждый на свою социо-экологическую нишу. Тот, кто не согласен с этим положением, избирает Путь просвещения, просветления и самосовершенствования, хотя средства для достижения цели – нирваны – зачастую берутся негодные. Например, нельзя добиться духовного развития, просветления стоянием на голове, истязанием плоти, медитацией или с помощью лишенных смысла обрядов и церемоний, уповая на милость Духа или Бога, однако индийские йоги упорно продолжают двигаться в том же направлении, попадая в тупик, из которого нет выхода. Впрочем, подобными делами занимаются и миллионы верующих во всех странах мира.

Касты иерархов были более текучими, чем человеческие, каждый из иерархов вправе преодолеть кастовый барьер и перейти в другой «класс» отношений и обязанностей. Высшей кастой считались Архонты, достигшие порога мудрости. Ниже шли Ангелы, иерархи Сострадания, затем Адепты – достигшие уровня мысленного управления сверткой и разверткой реальностей, Мастера – способные управлять физическими процессами многомерных реальностей, и, наконец, Посвященные, воздействующие на трехмерный мир запрещенной земной реальности. Из действующих лиц нашего повествования инфарх принадлежал к касте Архонтов, примарх и секундарх – касте Ангелов, триархи, квадRARхы и пентархи – касте Адептов, и так далее. Декарх, с которым когда-то встречался Матвей Соболев после битвы с Монархом, относился к касте Мастеров.

Советник президента по национальной безопасности Юрьев, как и Бабуу-Сэнгэ, был авешей одного из пентархов, то есть носителем Адепта. Остальные восемь из Девяти воспринимали психоматрицы Мастеров и Посвященных. Лишь куратор Союза Неизвестных Хуан Франко Креспо становился авешей Ангела, и ранг его позволял отменять решения Союза, принятые с перевесом в один-два голоса.

– Основания повышения уровня? – подал голос профессор Блохинцев.

– Вмешательство Монарха и подавление в результате этого рассчитанной нами доминанты исторического развития страны.

– Я согласен, – сказал Бабуу-Сэнгэ, обвел взглядом сосредоточенные лица сидящих по восточному обычаю гостей, хотя и в современных европейских костюмах. Кивнул самому себе. – Вижу, что и вы согласны. Повышаем уровень стратегии до потолка «абсолют», что не освобождает нас от обязанности принять решение. Продолжаем обсуждение. Само собой разумеется, что положение дел в стране в целом и в зоне ответственности каждого известно всем Девяти.

– Разумеется, – кивнул секретарь Совета безопасности Мурашов, авеша декарха. – Год назад мы передвинули колесо кризиса, заменили большинство сильных фигур в политике, но в социуме практически ничего не изменилось. Только усилились центробежные тенденции и противостояние в среде силовых структур, что, как мы видим, является следствием прямого вмешательства Монарха, силы трансцендентной, но изначально и перманентно эксцитативной. Регуляция на уровне частных изменений неэффективна, необходимо общее направленное изменение существующих тенденций.

– Все это понимают, но все ли подготовили конкретные предложения? Векторы вмешательства? Области стабилизации?

– К сожалению, люди в большинстве своем – высокоцивилизованные варвары, – обронил директор Международного института стратегических исследований Головань. – Человечество не преодолело стадии имаго, на что надеялся Монарх, и остается потенциально разумной расой.

– Ну и?.. Точнее выражайте мысль, уважаемый Кирилл Данилович.

– Надо усилить влияние Закона интеллектуальной чистоты, действующего среди иерархов: мышление не должно нести эмоциональной окраски. В приложении к нашей ситуации он звучит так: для достижения цели надо использовать любые средства! Жалость к кому-либо неуместна.

– Мы учтем ваше пожелание. Прошу предложения по векторам вмешательства.

– Кое-кто из простых смертных получает информацию по психическим каналам скрытой реальности из областей запретного смысла, – тихо

сказал Рыков. – Пора поставить вопрос перед иерархами о блокировании таких передач или же увеличении высоты порога чувствительности в нашем слое.

– Тревога законна. Предложение принято к обсуждению. Продолжайте.

– Контроль вооружений в стране находится на самом низком уровне, – сказал Мурашов. – Начинается расползание оружия «пси» по странам СНГ – генераторов боли и суггесторов. Мало того, из стадии разработок выходит новое поколение излучателей с использованием тонких полевых эффектов, так называемых «дыроколов», зашифрованных под аббревиатурой НК – «невидимое копьё». Массовое применение этого оружия приведет к тому, что создававшаяся тысячи лет властная структура типа «муравейник» распадется, к власти придут, скорее всего, преступные кланы с организацией Хиронома.

– Вероятность прогноза вами просчитана?

– Ноль семьдесят девять.

– У меня число получилось меньше, но достаточное для того, чтобы обратить на него внимание. Предложение принято.

– У меня имеются достоверные сведения о пренебрежении некоторыми Посвященными Закона мауна, – вставил отец Мефодий. – Об этом стоит уведомить Внутренний Круг, пусть выносит их поведение на Суд Великого Покоя.

– Кем конкретно?

– Это – Иван Парамонов, Вахид Самандар, Ульяна Митина.

– Ваше мнение, Посвященные?

– Зачем выносить сор из избы? – проговорил профессор Блохинцев. – Наказать их можем и мы сами. Суд ВК вряд ли покарает их адекватно преступлению.

– Вы предлагаете суд Линча? Эгрегор Хранителей, к которому они принадлежат, будет против.

– И ничего страшного, уровень этого эгрегора – культурно-групповой, даже не государственный, в его функции входит всего лишь качественное сохранение остатков наследия культур, а не регуляция модели реальности. Масштабы наших эгрегоров позволят нам...

– Возражаю. Есть еще предложения по данной теме?

– Обратиться в суд ВК.

– Принимаем?

Ответом председателю собрания Девяти были опущенные в согласия головы присутствующих, кроме профессора Блохинцева, имеющего свое мнение. Бабуу-Сэнгэ взглянул на него, потом на державшегося, как всегда, незаметно Рыкова.

– Вы хотели внести еще одно предложение, Герман?

– Этот вопрос касается стабилизации социума, – тихо проговорил комиссар-два «Чистилища». – Вынужден подчеркнуть его масштаб. Появление «СК»

– «ККК» в принципе означает переход запрещенной реальности на жесткий вариант Закона возмездия, или Закона обратного действия. Но этот переход натолкнулся на неожиданно сильное сопротивление пси-структур социума, чего я понять не могу, так как на прошлом заседании Девяти мы проголосовали за усиление Закона. Только ли вмешательством Монарха объясняется это положение?

Бабуу-Сэнгэ некоторое время озадаченно рассматривал свои скрещенные ноги. Потом поднял взгляд на Рыкова.

– Вы хотите сказать, что к этому причастен... кто-то из Девяти?

– Я не знаю, – еще тише проговорил Герман Довлатович. – Но впечатление такое, будто кто-то из нас играет на стороне Монарха. Прошу общего включения «И» в режим... «детектора лжи»!

В келье настоятеля воцарилась сторожкая тишина. Не выдержал Мурашов:

– Вы понимаете, Герман, что предлагаете сделать?!

– Успокойтесь, Александр, – мягко сказал Бабуу-Сэнгэ, – никто не принуждает вас соглашаться с предложением Германа. Кстати, я тоже против этой процедуры, которая может привести к распаду Союза. Как остальные?

Семеро других Посвященных после недолгих размышлений отказались от общего включения «разума-воли» в режиме «детектора лжи», Рыков не настаивал на своем предложении, понимая, что его время еще не пришло.

Последний вопрос «повестки дня» предложил Головань:

– Наблюдатели докладывают, что участились случаи проникновения непосвященных в реликтовые зоны с Модулями Иной Реальности. Люди начинают подбираться к Великим Вещам жизни Инсектов, самыми опасными из которых являются, конечно,

«саркофаги» – своеобразные корректоры реальности с возможным выходом в прошлое – и «оружие», известное под названием «Игла Парабрахмы», тоже являющееся корректором реальности, но прямого действия. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы неподготовленные овладели этими вещами, особенно оружием.

– Проблема серьезная, принимается. Итак, приступим к обсуждению внесенных предложений. Слово вам, Владимир...

К полудню по всем вынесенным на обсуждение вопросам были приняты решения. Три из них требовали привлечения сил трансцендентных – иерархов: перекрытие каналов передачи информации из абсолютных реальностей в запрещенную, повышение порога чувствительности при проникновении в астрал и ментал непосвященных и блокирование границ запрещенной реальности от просачивания в нее проекции Монарха Тьмы. Остальные могли быть решены силами вполне земными: резкое ограничение использования оружия «пси» – «глушаков», «болевилов» и «дыроколов», ограничение доступа в МИРЫ Инсектов, наказание Посвященных, преступивших законы Внутреннего Круга, ограничение деятельности «Чистилища» и других силовых ведомств государства, прекращение доступа к оружию Инсектов.

Методы претворения решений в жизнь должны были разработать ответственные за них из числа Девяти, а так как на уровне вмешательства Союза Девяти не существовало нравственных принципов, препятствующих достижению цели любыми средствами, то реализация некоторых решений обычного человека могла бы повергнуть в шок. Так, например, ограничение деятельности «Чистилища» и спецслужб доверялось Рыкову, Мурашову и Носовому, представлявшим в реальной жизни государства конкурирующие организации. Средства борьбы при этом могли быть использованы самые разные – от провокационных столкновений служб между собой, перекрестного сообщения необходимых сведений друг о друге до прямой ликвидации руководителей ведомств. Исполнители последней акции могли назначаться любым Посвященным из числа работников контор и служб, их дальнейшая судьба для Девяти не играла никакой роли. Исполнителей же высокого класса подобрать было пусть и не легко, но возможно.

– Закончили наши внутренние обсуждения. Посвященные, – подвел итог Бабуу-Сэнгэ. – После перерыва наш уважаемый Хуан Франко Креспо сообщит свое мнение о работе Союза, а также предложит тему для внешнего обсуждения.

– Нельзя ли узнать тему до перерыва? – спросил отец Мефодий. – Я предпочел бы остаться здесь и в тишине обдумать ее.

– Мы бы хотели предложить помощь вашему Союзу, – сказал Генеральный секретарь ООН. – Для быстрой перестановки фигур вам понадобится активное вмешательство оперативных подразделений иерархов. Мы поможем с внедрением. А тема нашей вечерней беседы такова: выгодно ли нам создание Федерации восточно-славянских народов, предлагаемой лидерами некоторых европейских стран и России. Все понимают, что решить эту проблему будет гораздо сложнее, чем ваши внутренние затруднения.

Ответом Хуану Франко Креспо была тишина.

ОПЯТЬ «ГРОЗА»

Штаб-квартира общественно-политической организации «Честь и Достоинство» располагалась на территории Международной ассоциации национальных организаций контактного карате (МАНОКК) на Якиманке. Занимала она весь пятый этаж небольшого пятиэтажного здания, имея в своем распоряжении шесть комнат: библиотеку, конференц-зал на сорок мест и кабинеты отделов.

Руководил организацией сам президент Ассоциации карате мастер спорта Сергей Евгеньев, он же являлся заместителем директора Международного исследовательского центра боевых искусств (МИЦБИ) и вице-президентом Ассоциации боевых искусств России.

В конце семидесятых годов он закончил Институт физкультуры, работал в угрозыске, в ОМОНе, закончил Академию МВД, профессионально занимался спортом (греко-римская борьба и бокс), работал преподавателем в школе МВД, старшим инструктором по карате и рукопашному бою московского горсовета «Динамо», кроме званий мастера спорта по борьбе и боксу, имел еще и шестой дан по карате («черный пояс»).

С президентом МИЦБИ Самандаром Сергей Владимирович имел довольно непростые отношения, сложившиеся, в сущности, по вине первого: Вахид Тожиевич относился резко отрицательно к тому, что Евгеньев занялся политикой. Тем более удивительной оказалась для Сергея Владимировича их последняя встреча.

Самандар лично явился в здание на Якиманке и, поговорив о делах Ассоциации, проблемах центра, вдруг спросил:

– Сергей Владимирович, вы имеете какое-либо отношение к «Чистилищу»?

– К кому?! – изумился Евгеньев.

Самандар невозмутимо повторил свой вопрос, делая вид, что рассматривает интерьер кабинета руководителя «Чести и Достоинства», который напоминал музей и библиотеку одновременно: холодное оружие по стенам – кинжалы, шпаги, сабли, рапиры, эспадроны, шашки, комплект саев; боксерские перчатки, тренировочные лапы, нукитэ; фигурки из кости на полках и в шкафах

под стеклом, спортивная атрибутика; на книжных полках толковые словари Ожегова и Даля, книги по философии, искусству, справочники, боевики и фантастика; на столе руководителя статуэтки Вольтера и Брюса Ли.

По лицу Евгеньева и его реакции Самандар уже предвидел ответ, который услышит, но подождал подтверждения.

– Конечно, нет! – сказал Сергей Владимирович. – Никаких контактов, ни прямых, ни телефонных, я с «Чистилищем» не имел. Наша организация, насчитывающая, кстати, более ста тысяч человек, имеет возможность влиять на ситуацию в стране мирным, парламентским путем. Путь «Чистилища» мы не приемлем.

– Я понял и уважаю ваши убеждения. Но кое-кто в силовых ведомствах думает иначе. На ваш офис скоро «наедет» Федеральная служба безопасности... а может быть, и другие спецслужбы, так что будьте готовы. До связи.

Самандар пожал руку потерявшему дар речи хозяину кабинета и вышел. Только после этого у Евгеньева сложился наконец вопрос, который он запоздало хотел задать гостю: откуда тому все известно?

Но ответить на него уже было некому. Трудовой день Сергей Владимирович заканчивал, но по-прежнему голова его была занята одним: что бы это значило, откуда Самандар взял, что на «Честь и Достоинство» покушаются спецслужбы? Зачем он предупредил? Откуда знает такие подробности о деятельности ФСБ? И вообще правда ли это?..

Нанеся два визита, проведя тренировку в зале Ассоциации, пообедав и поработав с документацией, Евгеньев собрал начальников отделов и службы безопасности МАНОКК и предупредил о возможных провокациях со стороны правоохранительных органов.

– Кому-то в верхах наше объединение встало поперек горла. Видимо, там считают, что мы теперь имеем слишком большой авторитет среди новых партий.

– Но с какой стати защитники правопорядка станут нападать на нас? – высказал недоумение начальник охраны Ассоциации. – Ничего противозаконного мы не совершаем.

– Правоохранительные органы склонны больше защищать наши права от нас самих, – проворчал заместитель Евгеньева. – Но если это правда, я бы посоветовал обратиться за помощью.

– К кому? – иронично осведомился начальник информационного отдела. – Не к самим же работникам безопасности, коль скоро они и затевают сию провокацию.

– К «Чистилищу».

В кабинете слышались смешки. Улыбнулся и Сергей Владимирович, но как-то невесело.

– В общем, несмотря на то, что мы чисты перед законом, давайте почистим отделы, кабинеты, спрячем лишние бумаги, дискеты, кассеты... не мне вас учить. И будьте готовы ко всему.

– Мы что, уже не способны защитить сами себя? – нахмурился начальник охраны. – Имеем полное право!

– До известного предела. Наши возможности ограничены пистолетами и рукопашным боем, против автоматов и карабинов, согласитесь, этого маловато. Да и ни к чему начинать разборки с «федепасами», когда они при исполнении.

– Надо понимать так, что сегодняшняя игра отменяется? – спросил самый молодой, начальник отдела связи с национальными федерациями карате. Он имел в виду соревнования по пейнтболу.

Во дворе МАНОКК располагал небольшим полем для этой игры, напоминающей известную «Зарницу», где две команды, используя отменные навыки тактики и спортивной подготовки, сражались красящими шариками за овладение флагом противника. Игра была очень популярна среди молодежи Ассоциации, но в нее с удовольствием играли и ветераны, мало в чем уступающие молодым мастерам.

– Игра состоится, – сказал Евгенийев, – но начнется на час позже, чем обычно, из-за погоды: пусть подсохнет поле. Готовьтесь.

Однако в тот день в пейнтбол поиграть не удалось: спецслужбы, о которых предупреждал Самандар, предложили свою игру, оказавшуюся более жестким вариантом пейнтбола, в котором шарик с краской были заменены разнокалиберными пулями.

Атака на все объекты Ассоциации, включая хоздвор и поле для игры в пейнтбол с его искусственной полосой препятствий и бутафорскими крепостями, началась перед концом рабочего дня, в половине пятого. Нападающие действовали столь агрессивно, что охрана МАНОКК и дочерней ее организации «Честь и Достоинство», предупрежденная президентом Евгенийевым, прекратила

сопротивление спустя несколько минут после начала штурма. Но это мало помогло работникам Ассоциации. Штурмующие, разъяренные сопротивлением, столкнувшись с другими спецотрядами и приняв их за охрану, «обрабатывали» всех подряд, укладывая захваченных лицом на пол в залах и кабинетах. Не было пощады ни женщинам, ни старикам, ни юным спортсменам, занимавшимся со своими наставниками.

Кое-где вспыхнула стрельба, спровоцированная какой-то из штурмующих сторон, что сразу резко осложнило обстановку, накалив до предела сдавшихся было на милость победителей охранников. А когда из аудитории на четвертом этаже мордовороты в пятнистых балахонах стали выволакивать в коридор за волосы девушек, Евгеньев, наблюдавший из своего кабинета по телемонитору ход «сражения», отдал приказ своей дружине личной охраны работать адекватно. Претворив в жизнь свою идею «защиты людей от любого произвола», то есть создав объединение «Честь и Достоинство», он считал, что имеет право защищаться любым способом, так как никто ему в данном конкретном случае не предъявил никаких обвинений, никаких ордеров, полномочий и разрешений высших чинов, что спецназ имеет право действовать на территории МАНОКК с такой бесцеремонностью и жестокостью. И отряд мастеров карате, имеющих все мыслимые пояса, способных постоять за себя и за дело, за честь и достоинство, как они это понимали вместе с руководителем, начал выдавливать воинов спецподразделений с этажа на этаж, отвечая огнем на огонь и смертным боем на жестокие приемы спецназа.

Матвей Соболев, прибывший к зданию МАНОКК в разгар боя с пятеркой лучших бойцов Первухина и сразу определивший перекрестный характер сражения (снова спецслужбы столкнулись меж собой! Выявить бы режиссера!), вступил в схватку без промедления. Его положение «свободного форварда» позволяло ему самому определять боевую задачу и применять при этом любые средства. Единственным внешним условием в данной операции, выдвинутым лично генералом – начальником Управления спецопераций, было задержание руководителя «антиправительственной» организации «Честь и Достоинство». О том, что информация о деятельности означенной организации была неполной и недостоверной, Матвей догадывался и сам, но не знал, что она настолько лжива, иначе сразу

прекратил бы свой «культпоход». Но о настоящей цели операции, разработанной стратегами аналитического сектора УСО ФСБ, он узнал лишь после окончания самой операции. Появившись на территории Ассоциации, представлявшей собой, как и в случае с «Барсом», поле боя, Матвей перешел на темп и окунулся в стихию сражения, как в огонь преисподней, ориентируясь в нем гораздо лучше всех остальных участников.

До третьего этажа он дошел быстро, попутно успокоив трех чересчур ретивых бойцов спецназа, под шумок громивших помещения МАНОКК. На четвертый этаж, где были расположены спортзалы и душевые кабины, пройти не удалось: защитники Ассоциации ответили огнем на поражение, отобрав у десятка нападавших оружие, и под пулями «качать маятник» Матвей не захотел.

Поразмыслив, он пробежал по коридорам третьего этажа, нашел с тыльной стороны здания пожарную лестницу, выходящую во двор, и, выбив стекло в окне, перебрался на лестницу. Во дворе бой уже затих, немногочисленных защитников Ассоциации согнали к гаражу, и штурмующие начали выяснять отношения между собой, так как имело место очередное пересечение операций, подготовленных разными спецслужбами. Благодаря этому Матвею удалось взобраться по лестнице на крышу практически незаметно, а дальнейшее было уже делом техники. Проникнув через слуховое окно крыши в балочное помещение, а оттуда на пятый этаж, Соболев начал одного за другим нейтрализовывать сопротивляющихся охранников объединения «Честь и Достоинство», не ожидавших нападения с тыла. Всего их оказалось одиннадцать, и лишь двое проявили серьезное сопротивление: молодой парень, худощавый, быстрый, гибкий, очень резкий, владеющий «комба» не хуже любого «супера» и метаящий ножи в стиле героев «Великолепной семерки» (он прикрывал спину руководителя организации Евгеньева), и сам президент МАНОКК (о чем Матвей узнал позже).

Бой происходил в холле четвертого этажа, у выхода на лестничную площадку. Плечистый, мощный, очень хладнокровный, владеющий стилями «барс» русбоя и карате школы сётокан-рю, президент дрался отчаянно и смело, пока какой-то приблизившийся спецназовец не выстрелил в него из пистолета откуда-то из-за спины Матвея.

Евгеньев, получив пулю в ключицу, упал.

Матвей, оглянувшись, встретил кривую усмешку одного из пятнистых десантников, в ярости врубил ему между глаз «колун», отобрал пистолет (снова мощный «генц», довольно редкое оружие, применяемое только спецподразделениями, надо все же выяснить, чья это команда пользуется таким) и опустился на корточки над командиром отряда защитников здания. Отвел руки здоровяка, которыми тот пытался зажать рану у основания шеи, прижав ее, – она оказалась сквозной, пуля прошла навылет, – сосредоточился и, побелев от напряжения, облившись холодным потом, остановил кровотечение.

Мужчина шевельнулся, открывая глаза, прошептал разбитыми губами, на которых пузырилась кровь:

– Подонки!.. Да вас всех надо... За что? Где ордер?.. Зачем весь этот штурм? Мы бы сами все отдали... – Ослабев, он затих. Но снова открыл глаза, в которых искрой разгорелось удивление. – Я президент МАНОКК Евгеньев, а кто вы?

– Федеральная служба безопасности, – глухо ответил Матвей.

– Какого дьявола вам понадобилось действовать такими методами? Неужели нельзя было просто явиться ко мне в кабинет и... – Глаза раненого расширились, и Матвей, почувствовав опасность на мгновение раньше, прыгнул вдруг в сторону, не оборачиваясь и не вставая с корточек.

Пуля из «генца» вонзилась в стеклянный аквариум, который до этой минуты очереди из автоматов щадили, и пятьсот литров воды вместе с рыбками с шумом вылились на пол холла, обдав упавшего навзничь Евгеньева. Стрелявший в спину Матвея невольно отпрянул, и тот, с усилием выходя на режим, прыгнул к нему, нанося удар ногой с разворотом, не заботясь о целостности его головы. По всей видимости, это был один из оперов «Анальгина», получивший задание убить президента МАНОКК.

Матвей вернулся к Евгеньеву, глядевшему на него с недоумением, но расспросить его не успел – на этаже появились бойцы «Грозы», ведомые Белоярцевым. Они лихо повязали всех, кто находился в холле, бесцеремонно подняли Евгеньева и, не обращая внимания на ранение, надели наручники и ему.

– Осторожней, – хмуро бросил Матвей. – Это президент Ассоциации...

– Да хоть бы папа римский!

– Он ранен...

– Не сдохнет!

Матвей круто развернул к себе говорившего верзилу, зама Белоярцева, сжал ему запястье особым образом, так что тот охнул, и сказал, проникновенно глядя в расширившиеся глаза:

– Учись быть вежливым с поверженным противником, лейтенант, иначе тебе не место в органах. Усек?

– Да пошел ты!..

Матвей сжал пальцы верзилы сильнее, тот побелел и закатил глаза.

– Уяснил, я спрашиваю?

– Ладно, отпусти его, Соболев, – подошел возбужденный Белоярцев, держа палец на спусковом крючке «волка». – Он больше не будет. Ведите их, ребята.

– Чем они провинились? – спросил Матвей, глядя вслед Евгеньеву, который все оглядывался на него. – Не похоже, чтобы они работали на «Чистилище».

– Наше дело – взять, – осклабился командир «Грозы», все еще не отводя ствола пистолета от живота Соболева. Тот глянул на пистолет, потом на майора, покачал головой.

– Не выйдет у нас с тобой любви... Люда. И не надувай щеки, не твое это дело – командовать спецгруппой. Половина отряда – ублюдки, их гнать надо к чертовой матери, а ты вместо этого... – Матвей не договорил, сделал длинный скользящий шаг влево и, разворачиваясь, нанес точный удар ребром ладони в нос заместителю Белоярцева, который попытался ударить его сзади рукоятью пистолета.

Лейтенант отлетел назад, роняя оружие, и упал в лужу с осколками стекла. Стиснув пистолет побелевшими пальцами, Белоярцев посмотрел на него, потом на Матвея, встретив холодный, предостерегающий взгляд, и не решился на действие. Сказал только, криво усмехаясь:

– Не много ли на себя берешь, ганфайтер? Ребята не любят таких, правильных. Не боишься получить пулю от своих же в следующей совместной операции?

– Совместных больше не будет. – Матвей повернулся спиной к Белоярцеву и сбежал по лестнице вниз, догоняя конвой. Ему

захотелось задать президенту МАНОКК пару вопросов.

Вечером, после встречи с Василием на его «хазе», где они обговорили детали предстоящего похода под Кремль, Матвей в одиночестве пил чай и размышлял о том, что узнал о МАНОКК и объединении «Честь и Достоинство». Никакого криминала в деятельности Ассоциации и ее дочерней фирмы, превратившейся в оплот партии нового типа, он не нашел и понял, что ФСБ просто «бьет по площадям» в поисках баз «Чистилища». Ни о какой законности подобного рода операций речь не шла, и было ясно, что дальше так жить невозможно. В какой-то момент его, Матвея Соболева, перехватчика-ганфайтера, заставят убивать, и время это не за горами. Надо было решать, как жить дальше, что делать, идти ли на компромиссы или объявлять о своем несогласии с политикой директора на самом высоком уровне.

Хватова Матвей уже не боялся, зная секреты э-боя, как он назвал систему парализующих прикосновений, но понимал, что открытая конфронтация с такой мощной организацией, как Федеральная служба безопасности, перспектив не имеет. Следовало что-то придумать, чтобы не выглядеть в глазах директора врагом, а в глазах Первухина – предателем.

В одиннадцать часов вечера в дверь позвонили.

Мгновенно включив свою экстрачувствительную систему, Матвей ощупал коридор, весь дом, его окрестности и, не обнаружив в засаде команды, сосредоточил свое внимание на звонившем. Но тот отреагировал первым:

– Матвей Фомич, это Рыков, откройте.

Помедлив, Матвей впустил позднего гостя, жестом предложил пройти в комнату побольше, играющую роль гостиной.

– Чаю хотите? Вина? Чего-нибудь покрепче?

– Нет, спасибо. – Начальник информационного бюро ФСБ оглядел комнату, пристроился в одно из кресел, так чтобы свет торшера не падал на его лицо. – Кажется, вы не очень довольны сегодняшней операцией?

– Недоволен – не то слово, – сказал Матвей. – Насколько я осведомлен, «Честь и Достоинство» никак не связана с «Чистилищем», и действия «Грозы», таким образом, незаконны.

– Согласен. – Рыков растянул в улыбке бледные губы, и Матвей вдруг с опозданием осознал, что перед ним сидит один из сильных людей, если и не авеша, то человек Внутреннего Круга. Об этом говорила и его аура «безжалостного интеллектуала», и особая волна волевого давления.

– Кто... вы?

– Вы и сами догадались, Матвей Фомич. Я из тех, кто формирует законы социума данной реальности.

– Точнее. Чей вы авеша?

– В данный момент ничей. Авеша – отпечаток личности многореального существа, он появляется тогда, когда я в нем нуждаюсь. В остальное время я принимаю усредненный пси-импульс, так сказать, «дыхание» моего визави. Он не может появляться в нашем мире слишком часто. Ведь что такое запрещенная реальность? Это мир определенных ограничений по отношению к многомерному Мирозданию, к так называемой «розе реальностей».

– Даниил Андреев называл ее «Розой Мира».

– Он многое видел не так, но порадок вещей чувствовал. Впрочем, это неважно, не будем углубляться в обсуждение моделей Мироздания. Я пришел, чтобы предложить вам поучаствовать в чистке социума. Ситуация в стране взрывоопасная, но большой крови можно избежать.

– Ценой малой, – кивнул Матвей. – Я вас понял. Но не понял все же, кого вы представляете.

– Федеральную службу безопасности и... «Чистилище». – На лице Рыкова снова промелькнула специфически бледная улыбка. – Или вы имеете в виду высший клан? Тогда группу людей, к которой я принадлежу, можно представить в роли царицы-матки пчелиного улья. Она не управляет ульем, но рой без нее существовать не может. Ее воздействие – регулирующее, а не управляющее. Стоит ли вам знать о нас больше?

– Может быть, и нет.

– Да вы не напрягайтесь, Матвей Фомич, я пришел один.

– Переходите к вашим предложениям, господин регулятор. Но не уверен, что мы пойдем друг друга.

– Не буду расплываться мыслью по древу и объяснять платформу нашего союза. Суть дела такова. Существует волновой закон российского тоталитаризма, по которому тираны типа Сталина

появляются раз в столетие. В стране сложилась ситуация, когда любой лидер из среды силовых структур может стать единоличным властелином государства. К сожалению, ни один из них не способен обеспечить стабильность и уровень жизни, достигнутый к настоящему времени: ни директор ФСБ Коваль, ни министр обороны Гусев, ни координатор «Чистилища», ни маршал Сверхсистемы. Все эти фигуры – абсолютные диктаторы, и все, кроме маршала «СС», связаны с Монархом Тьмы.

– Но ведь Монарх... блокирован?

– На уровне «эго», то есть как личность. Но среди людей еще достаточно «насекомых», суть которых – агрессивная тяга к власти. Найти их несложно – по свечению экзосоматических систем. С такими Конкере устанавливает прямой пси-контакт. С другими, тоже лидерами, но уже не на уровне инстинктов, а сознательно, Монарх может контактировать...

– Через мощные компьютеры.

Рыков пристально глянул на Матвея, пожевав губами, кивнул.

– Я никак не привыкну, что вы – идущий и много знаете. Впрочем, недостаточно, чтобы отказаться от предложения, суть которого такова: необходимо устранить перечисленные фигуры до их оформления в «титанов плоти», в Великих Диктаторов, низводящих страну до уровня гигантского термитника. Надо только иметь в виду, что все они поддерживаются Монархом – информационно, технически и физически.

Матвей, расслабившись, задумчиво вглядывался в поверхность столика: лицо его было безмятежно и спокойно, лишь глаза, потемнев, приобрели глубокий сапфировый оттенок. И Рыков понял, что его собеседник давно принял решение – еще до их встречи.

– Вы согласны?

– Нет, – мотнул головой Матвей, прямо взглянув на ночного гостя, – и вы это знаете. Я не ликвидатор, а перехватчик, профессионал задержания. Поэтому ищите других исполнителей.

– Но ведь Монарх – ваш враг! Разве не он год назад...

– Оставьте, – сказал Матвей негромко. – Олицетворением Абсолютного Зла его сделали инфарх и другие иерархи, игнорируя тот факт, что именно ему человечество должно быть благодарно своим появлением на свет. И может быть, единственной претензией, которую

мы можем предъявить ему, является его выбор. Может, ему следовало взять для эксперимента не Блатгоптера сапиенс – тараканов разумных, а каких-нибудь насекомых посимпатичней.

Матвей вспомнил гигантских хищных бабочек и невольно улыбнулся.

Рыков совсем утонул в кресле, маленький, тихий, незаметный, но полный внутренней силы и свободы.

– Вы хорошо подумали о последствиях, идущий? – Комиссар-два «Чистилища» особо выделил интонацией последнее слово, как бы давая понять, что разбираться с Матвеем будут на уровне более высоком, чем просто физическое воздействие.

– Мне многие говорили, что я иду не тем путем, каким следует, но путь, предлагаемый вами, – точно не мой. И ради Бога, не продолжайте в том же духе, иначе я разочаруюсь в той организации, которую вы представляете.

– Хорошо, не буду, – легко согласился Рыков. – Надеюсь, вы понимаете, чего хотите и что можете потерять. Примите один совет: прекратите свои исследовательские походы к МИРа́м Инсектов. Ни к чему хорошему это не приведет. Засим разрешите откланяться. – Рыков встал, отвесив короткий поклон.

Матвей, ответив столь же вежливым поклоном, проводил гостя до двери.

– Скажите, участвовавшие столкновения спецслужб – ваша работа? Зачем вы это делаете, скажите?

– Регуляция социума – дело тонкое, – улыбнулся Рыков. – Поразмышляйте об этом на досуге. Думаю, вы понимаете, что о нашей встрече не стоит распространяться, даже друзьям.

Матвей закрыл за Германом Довлатовичем дверь и вдруг до боли в сердце захотел увидеть Кристину, обнять ее, прижаться к ее лицу...

Но вместо этого... склонившись щекой к холодной дверце шкафа в прихожей, он тихо, выразительно проговорил вслух, будто его кто-то мог слышать:

Я коней напою, Я куплет допою, Хоть мгновенье еще постою На краю...

Высоцкий В. Кони привередливые.

УЛЬЯНА МИТИНА

О том, что Матвей арестован и сидит в камере предварительного заключения внутренней тюрьмы ФСБ, Василий узнал не от своих приятелей из трех «К», а из уст совершенно незнакомой девушки. Произошло это так.

Балуев вернулся домой после встречи с Шевченко, на которой уточнялись детали предстоящей операции по захвату одного из депутатов Думы, ошалевшего от власти, с неохотой поужинал и улегся на диван, размышляя о своих отношениях с Ларисой. Массажистка объявилась в Москве, в Институте мануальной терапии, но на приглашение Василия «вспомнить радости жизни» и допить «недопитую чашу восторга» ответила отказом. Она явно не спешила встречаться с бывшим инструктором Рязанской школы безопасности, чем повергла того в состояние горестного недоумения. В глубине души он уже окончательно сдался и был готов связать себя узами Гименея.

Именно в этот момент невеселого подведения итогов жизни и раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Василий был несколько ошарашен, поскольку звонила какая-то девица с красивым, но застенчиво-робким голосом:

– Василий Никифорович?

– Я, – рявкнул Балуев, считая, что его разыгрывает Шевченко. – Чего надо?

Девушка на том конце провода от испуга едва нашла в себе силы умоляюще произнести:

– Не сердитесь, пожалуйста! Я понимаю, что вы очень заняты, но дело в том... речь идет о вашем друге, Матвее Соболеве...

Василий понял, что если тут и пахнет розыгрышем, то никак не со стороны Валеры Шевченко.

– Говорите.

– По телефону неудобно... Давайте встретимся через час в городе. Вы в клубе «Экипаж» бывали?

– Тот, что в Спиридоньевском переулке? Насколько я знаю, вход туда только по клубным карточкам.

– Подъезжайте к парадному входу к девяти часам, я вас встречу. И не волнуйтесь, это не ловушка.

– Пусть море волнуется, – буркнул изумленный и встревоженный Василий. – Кто вы? Как я вас узнаю?

– Меня зовут Ульяна Митина. Узнаете, – пообещал голос, и тут же трубка запищала короткими гудками отбоя.

Размышляя, не ловушка ли это все-таки и откуда Ульяна знает его телефон, Василий побрился, переоделся в вечерний костюм, чего давно уже не делал, и поспешил к метро. В девять он подошел к неброскому, но изящному крыльцу клуба «Экипаж».

Две минуты понаблюдав за входом, Василий мельком взглянул на грациозную фигурку девушки в прозрачном плаще, стоящей под фонарем в стиле петровских времен, и подошел к ней.

– Здравствуйте, не меня ли вы ждете? – Василий хотел добавить: мисс, но слова застряли в горле, когда он разглядел лицо незнакомки. Такой чистой, типично славянской красоты ему еще видеть не доводилось никогда.

Девушка печально улыбнулась, слегка иронично и смущенно.

– Я Ульяна, а вы Василий. Идемте?

Василий молча поклонился, словно проглотил язык, не сводя с девушки восхищенных глаз. Опомнился вдруг в какой-то момент.

– Извините, но я никак не думал... и случайно, не вы Матвею когда-то звонили, предупреждали?..

– Он что, вам все рассказывает?

– Не все, но многое. Разве в этом есть криминал?

– Напротив, мне легче будет разговаривать с вами.

Они поднялись по ступенькам к стеклянной двери, Ульяна показала рослому молодому стражу какие-то голубые «корочки», и второй очень вежливый молодой человек во фраке проводил их из гардероба в ресторанный зал.

Клуб «Экипаж», где с давних пор коротал время с двух дня до двух ночи столичный бомонд, славился своим европейским шиком, соединенным с русским гостеприимством. Великолепная кухня, вежливые улыбающиеся официанты, прямо-таки домашняя атмосфера располагали к душевной беседе и расслаблению. По четвергам и пятницам играл джаз, в другие дни выступали известные певцы и актеры. В этот день играли «Виртуозы Москвы» под управлением

Спивакова, но Балугев со спутницей сели подальше от эстрады, чтобы поговорить в способствующей интиму полутьме вдали от почти не доносившихся сюда звуков музыки.

Насмотревшись на вечерние туалеты от Fendi и Louis Ferand, костюмы класса «люкс» и «креатюр», стильные «прикиды» по моде «милитари», «пилот» и «мадам Неглиже», Ульяна и Василий заказали фирменное блюдо «форель по-императорски», шампанское, закуски и наконец заговорили на тему, ради которой и встретились здесь.

В черном платье из парчи, с единственным украшением – бриллиантовым колье в вырезе платья, Ульяна выглядела элегантно, и простота ее туалета была кажущейся: это был настоящий и первоклассный шик, оттеняющий красоту девушки и подчеркивающий ее природные данные.

А волосы, а глаза, а губы! – хотелось воскликнуть Василию, потому что сравнить привлекательность Ульяны ему было просто не с чем. В отличие от Матвея, он не видел по ночам во сне Светлены, не встречался с Ульяной – студенткой медицинского института. Если бы здесь был Соболев, он сразу уловил бы разницу в поведении той девочки и этой красавицы, чуть грустной, застенчиво-мягкой, но уверенной в себе и естественно независимой в каждом движении, в каждом жесте.

– Кто вы? – спросил Василий, пытаясь взять себя в руки, понимая, что попал под колдовское влияние Ульяны, но не слишком обеспокоенный этим обстоятельством.

– Человек Внутреннего Круга, – сразу поняла его собеседница. – С недавних пор – отступница, как и двое моих друзей. И мне нужна ваша помощь, потому что больше мне не к кому обратиться.

– Можете на меня положиться, – сказал Василий, открывая шампанское и разливая по бокалам. – Это с виду я грубый и неотесанный, а внутри я мягкий и пушистый.

– Вижу! – улыбнулась Ульяна. – Но не тревожьтесь, я не попрошу вас продать душу...

– Отчего же, я согласен, – вставил Василий, тут же запретив себе перебивать девушку и вообще производить на нее впечатление.

– Речь идет о вашем друге, – продолжала Ульяна. – Он сейчас находится во внутренней тюрьме Лубянки, но это не самое страшное...

– Что?! – не поверил своим ушам Василий. – Матвей в тюрьме? За что? Откуда вы знаете?.. Ах да, Внутренний Круг... И все же?

– За отказ работать на службу безопасности. Но, повторяю, это не самое плохое – оттуда он выберется. Но Матвей оказался замешанным в схватку иерархов и Монарха, и надо помочь ему выбраться из этой гибельной трясины. Я и... мои друзья поможем ему, конечно, насколько нам хватит сил, однако у нас появились свои проблемы... короче, надежда на вас, Василий.

– Каким образом Соболев оказался вовлеченным в борьбу таких мощных фигур, как иерархи и Монарх?

– Ему предложили убрать с политической арены высших государственных лиц: директора ФСБ, министра обороны, координатора «Чистилища» и других.

– Кто предложил?

Ульяна допила шампанское, взглядом попросила разрешения закурить, достала мятные сигарки «Афанеор». Василий щелкнул пальцами, и официант, наблюдавший за ними от своего рабочего места, моментально подскочил и поднес зажигалку.

– Вы слышали что-нибудь о Союзе Девяти Незвестных?

– Только в пределах доступной всем эзотерической литературы: Успенский, Флоренский, Рампа...

– Этого достаточно, чтобы вы поняли, о чем идет речь. Незвестные – особая группа Внутреннего Круга, практически отколовшаяся от него, образовавшая замкнутую касту «регуляторов Закона». В каждой стране есть свой Союз Незвестных, но лишь в нашей он – Союз Девяти, в остальных – Союзы Семи, Пяти и Трех. Но эти люди действительно способны изменять ход истории в нужную им сторону. Они не вмешиваются и не участвуют в событиях, они их организуют. Не знаю, ошибаются ли они в оценках событий, но если принимают решение, оно всегда выполняется. Потому что они не только Посвященные, люди Круга, но в большинстве своем авеши иерархов.

Ульяна улыбнулась, но грусть и печаль в выражении ее лица стали заметнее.

– Недавно Союз Девяти за нарушение Закона молчания вынес решение наказать некоторых Посвященных...

– Мауна, – пробормотал Василий. – Некоторые – это вы?

– Да. И двое моих друзей, которых вы тоже знаете.

– Парамонов и Самандар?

– С вами легко общаться, – подарила еще одну очаровательную улыбку Ульяна. – Теперь я понимаю, почему вы сошлись с Матвеем. Собственно, я все вам рассказала. Представитель Союза Девяти предложил Соболеву ликвидировать важных деятелей государства, это их стиль – находить исполнителей и таким образом решать любые проблемы. Матвей отказался, и теперь сам попал под удар. Не знаю, когда им займутся те, кого наймут Девять Неизвестных, но рано или поздно это случится, они нанесут удар. Причем процесс охоты такого рода напоминает океанские волны: не сработала одна – поднимается другая, еще выше, за ней – третья, четвертая... девятый вал, до тех пор пока цель не будет достигнута. В лексиконе Девяти операция уничтожения так и называется: «волны выключения».

– Сурово! – вымолвил притихший Василий. – Но Матвея не так-то легко взять, вы же знаете его возможности. К тому же он получил недавно пакет наставлений по системе... – Василий прикусил язык, понимая, что проговорился.

– Все-таки Горшин-отступник добился своего, – еще больше погрустнела Ульяна. – Передал Матвею тайную систему касаний смерти.

– Он никогда не станет применять ее без нужды!

– Верю, и все же... – Девушка едва прикоснулась вилок к кусочку форели в тарелке. – Это не панацея от гнева иерархов. А они тоже настроены против Соболева.

– Они-то почему? Какие их планы он нарушил?

– Пока никакие. Но в будущем...

– Иерархи способны видеть будущее?

– Как и все люди Круга.

– И они боятся, что Матвей вмешается в их дела? Чушь какая-то!

Ульяна неопределенно пожала плечиком, и это движение почему-то убедило Василия в том, что девушка знает способностях Соболева гораздо больше, чем говорит о них.

– Ну и дела у вас творятся в высших сферах! – фыркнул он. – Какой уж там идеал!

– Идеальное общество невозможно построить в принципе. Во всяком случае, в нашем секторе «розы реальностей», где царствуют

Инсекты. Структура власти, как у нас на Земле, так и в других реальных слоях Мироздания, где живут иерархи, перенесена прямо из термитника... или муравейника: вождь или командир с помощью палачей и ликвидаторов, держа в страхе подчиненных, живут в свое удовольствие... а главным для них было и остается одно: иметь власть и не работать; тогда при всей умственной ограниченности и духовно-психической их неполноценности, неумении что-то делать, можно жить лучше тех, кто знает, умеет и делает.

– Вот это да-а! – присвистнул Василий. – Кошмар! И у вас... людей Круга – то же самое?!

– Люди Круга – такие же потомки насекомых, как и остальные люди, разве что мудрее и ответственнее. Они-то как раз и не хотят вмешиваться во властные разборки. У иерархов амбиций больше, в нашей запрещенной реальности они хотят контролировать любые процессы, стоять над законами, сами быть законами.

С минуту они не разговаривали, делая вид, что поглощают остывшую форель. Потом Василий поднял голову.

– Каковы же наши шансы? Что вы предлагаете сделать?

Ульяна поняла Балуюева, словом «наши» определившего степень своего личного участия в судьбе Матвея Соболева.

– В принципе надо остановить грядущий «черный передел» власти, войну всех против всех. Союз Девяти решил правильно: для достижения этой цели достаточно устранить сильные политические фигуры, которые вы знаете. Это самый простой способ. Есть еще один – нейтрализация этих фигур, выключение из сферы реальной власти с помощью дискредитации, безболезненного ухода в отставку. Но этот способ не сработал, несмотря на провокационные натравливания спецслужб одна на другую. Союз Девяти начал торопиться. Нам же торопиться надо не спеша. Может быть, стоит обратиться напрямую к президенту, заставить его поверить в сценарий войны. Может, достаточно будет подключить к решению проблемы начальника службы безопасности президента... Я не знаю, что нужно сделать.

– Не думаю, что ключ к решению – в подключении Коржакова, – сказал Василий, удивляясь, с какой легкостью Ульяна оперирует чисто мужскими понятиями и категориями. – Он спит и видит себя вторым лицом в государстве... если не первым.

– Не судите того, кого мало знаете. Коржаков властолюбив, но искренне верит в идеалы справедливости и чести.

«Что не помешает ему стать вторым Дудаевым или диктатором помощней, когда он придет к власти», – подумал Василий.

Помолчали еще некоторое время. Ульяна рассеянно поглядывала по сторонам, оценивая вечерние туалеты дам, Василий больше смотрел на нее и никак не мог настроиться на деловой лад. Чтобы как-то справиться с неловкостью, он пробормотал:

– И все же я не понимаю, чем Соболев может угрожать иерархам?

– Он по рождению – проникающий, то есть обладает способностью черпать из астрала и ментала любую информацию. А после коррекции Горшина Матвей приобрел возможность преодолевать порог взаимодействий реальностей, хотя и не знает, как этим воспользоваться.

– И как же?

– Представьте, что эхо вашего крика отозвалось за тридевять земель и вызвало горную лавину. Соболев может вызвать «лаvinу» в глубинах Мирозданий.

Василий с недоверием хмыкнул.

– Тогда почему вы беспокоитесь за его жизнь, если он может сам за себя постоять?

– Иерархи поставили эго-блок на его астральной частоте. Иными словами, заблокировали ему выход в поля информации астрала и ментала. Так поступили когда-то и с Горшиным.

Василий не нашелся что сказать и молча пил кофе, пока не задал еще один вопрос:

– Почему все-таки Аморфы сделали Изменение?

– Предтечи человечества – Инсекты – добились слишком большой и опасной власти над природой, чтобы им позволили жить дальше. Но на эту тему поговорите лучше с Матвеем, он знает причину.

– А как выглядели Аморфы?

Ульяна перестала оглядывать зал, с мягкой улыбкой развернула салфетку на столе.

– Карандаш или ручка есть?

Василий достал свой «паркер», и девушка изобразила внешний вид Аморфа:

Мыслящее на уровне «сотворения миров», Живое, Мыслящее на уровне человеческого социума, Полуживое, Чувствующее и понимающее На атомарно-молекулярном уровне, Неживое.

Василий ожидал увидеть жуткое чудовище, кошмарного монстра, поэтому был удивлен и разочарован.

– Так... просто?

Ульяна засмеялась.

– Это лишь схема. Аморф – не существо, а разумная система, живущая во многих измерениях... К сожалению, мне уже пора идти.

– Я провожу... – Но Василий вдруг почувствовал на своей спине острый, прицеливающийся взгляд и увидел, как изменилось лицо Ульяны.

– Сидите спокойно, – посмотрел он на нее.

– Уходите! – тихо и быстро сказала девушка.

– Черта с два!

– Вы мне все равно не поможете, а сами пострадаете.

– Это мы еще посмотрим. Неужели это обещанная вами «волна выключения»? Так скоро?

– Уходите же!..

В следующее мгновение Василий, определивший направление взгляда Ульяны, метнул бокал в щель портьеры, скрывающей выход в подсобные помещения, откуда высунулась рука с пистолетом. Впрочем, это был не обычный пистолет, а «глушак», Василий узнал его мгновением позже, посылая в ту же сторону и авторучку. А затем прыгнул за нею следом сам – мимо остолбеневшего официанта Бокал с шампанским угодил обладателю «глушака» в грудь, разлетелся на стеклянные брызги, сбив прицел, и луч суггестора накрыл столик рядом с тем, за которым сидела Ульяна. Авторучка же, запущенная Балуетым со знанием дела, вонзилась в руку, которая держала «глушак*». Второго выстрела не последовало. Нападавший с тихим вскриком выпустил его, а в следующий миг рядом с ним появился Василий и послал этого человека (приличный черный костюм, галстук-бабочка, прилизанные волосы, бледное лицо типичного администратора) в глубокий транс прямым сомэн-цуки дзёдан [72]. Забрал «глушак», выглянул из-за портьеры, молча поманил Ульяну. Прошло всего несколько секунд с момента нападения, и шум в зале

еще не возник, официанты все как по команде успели лишь оглянуться в направлении кухни.

Оказавшись за портьерой, они выбрались затем в коридорчик, выходящий во двор клуба, встретив по дороге у раскрытой двери на склад лишь двух курящих девиц в платьях-«перчатках». Василий прошел мимо, поддерживая Ульяну под локоток, делая вид, что они вышли по той же причине – покурить, но обострившаяся интуиция внезапно подсказала ему, что надо делать в следующее мгновение.

Толкнув Ульяну вперед, к выходу, Василий, не оборачиваясь, ударил ногой за спину, попал (изумленно-сдавленный вскрик одной из девиц), нырнул на пол, увертываясь от удара второй девицы, и достал ее ногой, ударив по ногам и сразу определив, что туфли на девице – с металлическими накладками на носках и металлическими каблуками. Такие могли принадлежать только воительницам из батальона «Щит», Василий это хорошо помнил.

Извернувшись, он прыгнул выгибом вперед на ноги, встретил блоком удар первой девицы и без жалости ответил в стиле Джет Кун До [\[73\]](#), перебив ей ключицу. Второй «амазонке», владеющей жестким карате на уровне третьего дана, он показал уход с линии атаки и тычковый удар в нервный узел под левой грудью. Не оглядываясь, догнал Ульяну, уже ждущую у выхода, снова переживая потрясение от красоты ее лица (огромные глаза, пунцовые полуоткрытые губы, изящный нос, линия изогнутых бровей). Выглянул во двор и, никого не заметив, первым вышел в холод октябрьского вечера.

Оставив Ульяну на улице в тени деревьев, за толстым стволом акации, он вернулся в клуб за своей курткой и плащом спутницы. Потом поймал такси, уже не опасаясь повторного нападения, и отвез девушку на Самотеку, где она, по ее словам, остановилась у подруги. Прощаясь, сказал, придерживая ее руку в своей:

– Почему бы вам не держаться всем вместе? Самандару, Парамонову и вам? Легче было бы отбиваться.

Ульяна не спешила отнимать руку и только покачала головой.

– Во-первых, мы не можем все время быть вместе. Во-вторых, не имеет смысла постоянно прятаться, убегать. В-третьих, я не уверена, что они приходили за мной. Слишком примитивен... – Она залилась.

–..Уровень «выключения»? – подсказал слегка оскорбленный Василий, в глубине души понимая, что девушка права.

– Не обижайтесь, – шепнула Ульяна, прижав его руку к своей груди. – Посвященных наказывают иначе. Спасибо вам... за все... и берегите Матвея. – Она исчезла за дверью подъезда (Василий уже обследовал его), но тотчас вернулась. – На всякий случай запишите телефоны Парамонова и Самандара.

– Я запомню, говорите.

Ульяна продиктовала номера, махнула рукой и исчезла, оставив после себя легкий аромат духов, одной ей присущего запаха и какого-то особого свечения, напоминающего ауру. Василий окунулся в эти запахи, в это свечение, зажмурив глаза, постоял немного, страстно желая, чтобы девушка опять вернулась и позвала его. Так и не дождавшись желаемого, побрел к метро.

По мере того как он удалялся от дома Ульяны, самообладание возвращалось к нему, улучшалось настроение, хотелось работать, восстановилась способность трезво смотреть на вещи. И тут же вспомнились советы Ульяны, касающиеся Соболева. Когда Балует подъехал к своему дому, главным его ощущением была тревога за друга. Но тем не менее Василий понимал, что образ Ульяны отныне будет неотступно сопровождать его повсюду, маня и притягивая.

Гостя в квартире он почувствовал, едва переступив порог прихожей. Бесшумно открыл шкафчик для обуви, вытащил пистолет, сделал два шага к гостиной и услышал голос:

– Не поднимайте шума, Василий Никифорович.

Он вошел в комнату и увидел сидящего в кресле комиссара-два «Чистилища» Рыкова.

– Извините за вторжение, но я счел этот способ контакта наиболее приемлемым.

– Что вам надо? – Василий демонстративно переложил пистолет из правой руки в левую.

– У нас к вам деловое предложение...

– Наподобие того, что вы сделали Соболеву? – Балует сказал первое, что пришло в голову, и по реакции гостя понял, что попал в точку. Оживился, честно признался:

– Разрази меня гром! Никогда бы не подумал, что вы – член Союза Десяти!

– Откуда вы... знаете? – почти беззвучно выговорил Рыков.

– Собака воет – ветер носит... Меня только что хотели «выключить». Не с вашей ли подачи? Хотя, наверное, еще рано. Однако разговора у нас с вами не получится. Уходите!

Рыков молча встал, прошел в прихожую, обернулся.

– Не знаю, откуда вам стало известно о Союзе Девяти, хотя и догадываюсь. Самандар? Парамонов? Не суть важно. Но вы себя поставили в очень неловкое положение, ганфайтер, поставили в положение дичи. Вам не сказали, что мы всегда добиваемся поставленной цели?

Василий выстрелил. Пистолет был с приставкой глушителя и гильзоуловителя, поэтому звук выстрела походил скорее на хлопок в ладони. Пуля прошла в миллиметре от уха Рыкова, вонзилась в портрет президента на стене.

– Вы тоже сделали ошибку, господин комиссар, – сказал Василий ровным голосом. – В случае чего я буду знать, кого искать.

ПЕНА ПЕРВОЙ «ВОЛНЫ ВЫКЛЮЧЕНИЯ»

Матвей вышел из машины, захлопнул дверцу и, не успев сделать и шага, ощутил всем телом колоссальной силы удар.

Впечатление было такое, будто удар был нанесен по каждой клеточке тела, причем не только по наружному покрову, но и внутри! Боль ощущалась всюду, адская боль...

Очнулся он от тишины.

Стоял, пустой и звонкий, очищенный от шелухи каких бы то ни было мыслей и чувств, онемевший, в непонятном, странном мире, где были разлиты покой и неподвижность. Нет-нет!.. Матвей находился все там же, куда и приехал: это было подмосковное Бутово, справа – бетонный забор воинской части, слева гастроном, почта, пивной бар... Все осталось на своих местах, словно удар, отключивший Соболева на какое-то время от реальной действительности, не подействовал на урбанистический пейзаж. Но стоило повнимательней оглядеться, как становилось понятно, что подействовал.

Здесь не было видно ни единого человека, не было слышно ни звука торопливой человеческой жизни. Застыли коробки троллейбусов и автобусов, пустые, как скорлупа съеденных орехов; обезлюдели тротуары, подъезды домов, дороги. Исчезли пешеходы, пассажиры и водители машин, затихли магазины и рынок невдалеке. А над вымершим городом тускло застыл светящийся лик скорбящей Богородицы...

Озираясь, Матвей сделал шаг назад, к машине, задел что-то ногой – оказалось, огромный арбуз, который откатился к бордюру тротуара, ударился о него и раскололся. Но вместо семечек из сахарно-красного нутра посыпались... тараканы!

Матвея так и передернуло, но прежде, чем проснуться, он пригляделся к насекомым и понял, что это вовсе не тараканы, а крохотные человечки!..

Когда открыл глаза, то не сразу сообразил, что лежит на узкой и жесткой кровати в камере с единственным зарешеченным окном и голыми стенами. За дверью с круглым смотровым глазком слышались

голоса, шаги, позвякивание ключей, гул открываемых дверей. Матвей проснулся как раз перед побудкой.

Все еще размышляя о деталях сна, он внезапно осознал, что этот сон – предупреждение! Причем адресован не ему лично, а всем принимающим, видящим суть вещей, и означает одно: кто-то из глубин реальных слоев Мироздания, иерархи либо Аморфы, чье терпение не беспредельно, передал последнее предупреждение о грядущем Изменении!

Матвей вспомнил свой последний разговор с Парамоновым.

– По сути, мы – единственные оставшиеся представители рода хомо сапиенс во Внутреннем Круге, – сказал Иван Терентьевич. – Наблюдаются все характерные признаки эволюционного тупика – гипертрофия функций, приводящая к прогрессивно растущему нарушению законов и гармонии. Например, то же самое наблюдалось и при Инсектах, и в эпоху мезозоя у ящеров – ничем не оправданное увеличение размеров и массы рогов, панцирей, когтей и зубов, клыков у саблезубых тигров и львов. У человека же рога и зубам адекватна технология уничтожения: химическое, бактериологическое, ядерное оружие, и самое страшное – психотронное, изменяющее сущность человека, превращающее живых людей в «зомби», готовых выполнить любой приказ. Стоит ли удивляться тому, что в какой-нибудь прекрасный момент Аморфы или кто-то другой сделает другое Изменение?..

– Нас тогда уже не будет, – проговорил Матвей.

– Кто знает? – печально ответил Парамонов. – Может быть, это произойдет завтра?..

– Если это и произойдет, – сказал Матвей, возвращаясь к яви камеры внутренней тюрьмы ФСБ, – то не по моей вине.

Теперь он был абсолютно уверен, что сон, только что увиденный им, на самом деле является предупреждением. Может быть, последним...

Сделав зарядку и сходяв на завтрак с десятком других заключенных, сидевших в камерах-одиночках, Матвей вернулся в свою клетку и стал экспериментировать с медитацией. Но ни одна попытка выйти в астрал не прошла! Состояние меоза не наступало. Это означало, что Матвея, как когда-то Тараса Горшина, отключили от

всемирного поля информации. Полагаться он теперь мог только на свои природные данные и развитую интуицию.

То, что выход в ментал заблокирован, Соболев понял еще вчера вечером, попытавшись подняться на уровень астрала, позволяющий видеть-чувствовать родственные души, связываться тонкими энергиями с любимым человеком. Но ни Кристина, ни Ульяна, ни Василий со Стасом не отозвались даже в чувственной сфере, и Матвей прекратил попытки, испугавшись мрачной перспективы. Следовало разобраться в этом положении, прикинуть резко сузившиеся возможности и действовать адекватно обстоятельствам. Действовать, а не предаваться унынию.

И все же потеря была велика!

Неясное чувство тревоги заставило Матвея сосредоточиться на своих ощущениях, и в то же мгновение он нырнул с койки на пол.

Странный звук – словно лопнул стеклянный бокал – коснулся его слуха, и над спиной возникла тонкая смертельная струна, протянувшаяся от двери к стене. Матвей увидел ее, потому что готов был увидеть: струна была лучом инфракрасного лазера или еще какого-то излучателя. «Игла Парабрахмы» – тотчас всплыло в памяти название оружия Инсектов. Потом забрезжила и догадка...

Матвей лежал на полу, прислушиваясь к звукам в коридоре, но ничего не слышал и осторожно приблизился к выходу. На высоте полугора метров из двери торчал металлический штырь длиной в сантиметр, направленный чуть наискосок, в сторону койки. Матвей подошел к ней и над подушкой в штукатурке увидел сантиметровое отверстие. Пришла трезвая мысль: если бы он своевременно не свалился с койки, точно такая же дырка появилась бы в его голове с одной стороны, а штырек – с другой.

В него выстрелили не из лазера, а из «дырокола»!

Измерив шагами периметр камеры – шесть шагов в длину, четыре в ширину, – Матвей принял решение. Подошел к двери, несколько раз ударил в нее кулаком. Через минуту с глазка откинулась шторка, сверкнул чей-то глаз.

– Чего шумишь?

– Передай начальству, я должен поговорить с генералом Первухиным. Срочно!

Глазок захлопнулся.

За Соболевым пришли через полчаса. Две гориллы в черных мундирах вошли в камеру, привычно обыскали арестанта и вывели в коридор. Матвей посмотрел налево, встретил взгляд дежурного и подмигнул ему. Во взгляде верзилы отразилось беспокойство, но лицо осталось неподвижным. Вряд ли «дыроколом» воспользовался он – скорее всего, возле камеры останавливался кто-то из начальников изолятора. Узнать бы, кто именно...

Соболева повели во двор, потом – в левое крыло особняка, соседствующего со зданием тюрьмы, передали трем молодым мужчинам в штатских костюмах. Пропетляв по переходам между зданиями, коридорам и лестницам, конвоиры доставили арестованного на третий этаж, в приемную начальника Управления спецопераций. Сами остались в коридоре. В приемной Матвея ждали еще двое крепких парней и адъютант генерала, подтянутый седой подполковник. Кивком он указал на дверь в кабинет Первухина.

– Не задерживайся.

Кабинет генерала был меньше, чем представлял себе Матвей, и казался каким-то неухоженным, неуютным. Видимо, Первухин появлялся здесь редко. Кроме самого хозяина, тут находился его второй заместитель полковник Андреев, симпатичный крепыш с выгоревшими бровями и соломенными усиками.

– Надеюсь, его предложения будут весомыми, – сказал он, обращаясь к Первухину, но глядя на Соболева. – Хотя веры ему все равно нет никакой.

– Именно об этом я и хотел поговорить. О вере, – кивнул Матвей, подойдя к массивному рабочему столу генерала. – Сотрудничать я с вами больше не собираюсь, так как вижу, к чему все это может привести. Убийцей сделать меня вам не удастся, какими бы высокопарными ни были разговоры о важности цели. А поскольку только что в меня стреляли из «дырокола», то финал ясен. Я даже не буду выяснять, кто это сделал и по чьему приказу.

– Ерунда какая-то! – сердито проговорил Андреев.

– Вы серьезно? – поднял брови Первухин. – В вас стреляли?!

– Шучу я редко и только со своими друзьями, – тихо ответил Матвей. – А теперь, генерал, мы с вами пройдемся к выходу и расстанемся. На воле у меня много неотложных дел.

– Как это – пройдемся? – не понял Андреев.

Первухин сделал движение рукой, и в то же мгновение Матвей в режиме ускорения перелетел через стол, парализовал руку генерала и буквально снял ее с кнопки звонка. Затем, почти не меняя позы, над столом нанес удар ногой по подбородку полковника, схватившегося было за кобуру пистолета.

– Прошу прощения, – все так же тихо сказал Матвей упавшему вместе со стулом заму Первухина. – Но третий – лишний. – Повернул голову к генералу. – Надеюсь, вы понимаете, что терять мне нечего?

Первухин посерел от боли, но нашел силы улыбнуться.

– Директор меня уволит к чертовой матери! Нельзя ли как-нибудь вернуть руке чувствительность? Обещаю сделать все, что требуется.

Находя нужные точки, Матвей сдвинул локоть генерала, и, судя по заблестевшим глазам пострадавшего, рука стала слушаться.

– Дьявол! Надо признаться, вы все-таки великий мастер, но ни черта не смыслите в политике, живете в придуманном мире, где еще сохранился дух рыцарства... давно сдохший в реальной жизни. Идемте! – Первухин обрел прежний властный вид и пошел к двери. На пороге кивнул на лежащего Андреева.

– Он не окочурится?

– Не беспокойтесь, через полчаса очнется.

Они вместе вышли в приемную, пересекли ее под взглядами вскочивших со стульев адъютанта и телохранителей генерала.

– Мы сейчас вернемся, – глянул через плечо Первухин. – Подготовьте телезапись.

– Проводить? – спросил старший группы охраны.

– Не надо, мы ненадолго.

Те же слова Первухин повторил и двум конвоирам в коридоре, приказав им никуда не отлучаться.

В молчании они с Соболевым пересекли холл, спустились по лестнице на первый этаж и, миновав пропускной пост в конце крыла здания, вышли в переулок. Прошло ровно шесть минут с момента их выхода из кабинета, и время у Матвея, чтобы скрыться, еще оставалось.

На небольшом пятачке, образованном узорчатой решеткой забора, торцом здания и изгибом переуллка, стояли три машины. В одной из них – великолепном белом «линкольне» типа «марк-8» – сидел шофер и курил, ожидая кого-то. Первухин посмотрел на него, потом на

Матвея, спрятал в глазах насмешливый огонек и подошел к автомобилю. Достал удостоверение:

– Генерал Первухин, начальник УСО. Этому молодому человеку срочно требуется попасть по назначению.

– Но я жду полковника Баканова...

– Я передам полковнику, чтобы он полчаса потерпел. Долго вас этот молодой человек не задержит.

– Ну, коль приспичило, поехали.

– Спасибо, – сказал Матвей, пристально разглядывая Первухина; в принципе он не рассчитывал, что с такой легкостью удастся освободиться. – Жаль, что так получилось, генерал.

– Я понимаю, вы тоже мне симпатичны, майор, но... лучше бы вы этого не делали.

Матвей обошел машину, сел рядом с шофером, и «линкольн» почти беззвучно тронулся с места, вливаясь в поток машин на площади.

Он и в самом деле долго чужой транспорт не задержал, отпустил машину возле станции метро «Боровицкая», не сказав водителю, молодому бородатому мужику с крестом на шее, ни слова. Проехал одну остановку, пересел на «Чеховской» на другую ветку и через полчаса был в квартире у Василия.

– Тебя выпустили? – тупо спросил Василий, ошеломленный неожиданным появлением того, кого он вознамерился спасти.

– Сам ушел, – ответил Матвей, ощущая потребность обнять друга и с трудом преодолевая это желание. – Ты куда это собрался?

– Тебя выручать. – Василий, одетый в полувоенный комби, подумав, вернулся в гостиную. – Ну, рассказывай. Завтракать будешь?

– Кофе разве что.

Василий принес кофе, и Матвей сообщил все, что с ним произошло, включая освобождение и сон.

– Ясно, – кивнул Василий, выслушав. – Ульяна была права, тебя отключили от ментала, и теперь тебе придется рассчитывать только на чистую физику да на собственную интуицию. В меоз ты уже выйти не сможешь.

Матвей с интересом глянул на сосредоточенно-хмурое лицо друга.

– Ну-ка что ты там насчет Ульяны намекал?

Балуев сжато пересказал свою встречу с девушкой, удивив Соболева чрезвычайно.

– Выходит, Ульяна Посвященная?! – медленно проговорил Матвей, не сомневаясь, что Василий говорит правду. – Как же я сам-то не догадался?

Они посмотрели друг на друга, оценивая чувства, с какими каждый говорил о новостях. Василий мрачно улыбнулся.

– Что будем делать, ганфайтер?

– Прежде всего думать! – быстро пришел в себя Матвей. – Не хандрить, не ходить с такой кислой рожей, как у тебя. Угнетенная мысль, направленная на несчастье, этому несчастью способствует. Пусть доступ на уровень Великого мне закрыт, но это не причина поднимать руки вверх и сдаваться в плен обстоятельствам. Предлагаю найти Парамонова и Самандара и вместе отразить «волны исключения». А еще лучше – разобраться с теми, кто заказывает музыку, то есть отдает приказы на включение «волн». Первый – это Рыков, не так ли? Кстати, он знает, где ты обитаешь, потому надо убираться отсюда.

– Да я давно готов! – Василий кивнул на две большие черные сумки. – Кое-какое снаряжение да одежда.

– Тогда пошли.

– Куда?

– В одно безопасное место. – Матвей вспомнил о Марии и со вздохом признался сам себе в душе, что зря не взял ключи от ее квартиры в прошлый раз.

Но они не успели даже закрыть за собой дверь, как зазвонил телефон. Остановились, прислушиваясь к его тихому сигналу. Потом Василий сделал движение к двери.

– Не ходи, – посоветовал Матвей. – Это может быть звонок проверки.

– А если звонит кто-нибудь из наших друзей?

Матвей пожал плечами, и Балуев вернулся обратно в квартиру. Через минуту позвал приглушенно:

– Зайди-ка. – Передал трубку. – Тебя.

Матвей поднес трубку к уху и услышал торопливый голос Ульяны Митиной:

– Матвей, у вас всего несколько минут, чтобы уйти из квартиры Василия подобру-поздорову, поэтому буду говорить коротко. Ельшин собрался в поход за оружием Инсектов...

– Какой Ельшин? – не сразу дошло до Соболева.

– Не перебивайте, наш лучший враг Генрих Герхардович Ельшин. И он очень близок к успеху, потому что ему помогает маршал «СС» Лобанов.

– Где он собирается искать оружие?

– Под своей дачей, где побывали и вы. Если сможете, остановите его. И еще... вашу девушку, Кристину...

– Что с ней?! – выдохнул Матвей.

– За ней отправилась команда полковника Юргена из Минобороны. Может быть, вы еще успеете... прощай...

– Подожди!

– Прощай, ганфайтер, извини за мою неискренность при первых наших встречах, но я не знала, как себя вести... Привет Васе! – И трубка замолчала, словно на другом ее конце оборвали провод.

– Что случилось? – требовательно спросил Василий.

«...Есть ли в твоей системе мира место для меня?» – вспомнил Матвей шепот Кристины. Жаркая волна крови ударила в голову, глаза застлала красная пелена. Голос Василия отдалился и пропал, потом возник снова.

– Да что ты стоишь словно истукан?!

Матвей заставил себя собраться, передал содержание разговора с Ульяной.

– Тогда круто меняем план, – быстро проговорил Балуюев. – На самолет – и в Тамбов. К вечеру будем там.

Матвей покачал головой.

– Я полечу один.

– Ты из себя героя не строй!

– Я полечу один! А ты подстрахуй Ульяну, она теперь нуждается в защите больше, чем мы с тобой.

Василий открыл рот и тут же закрыл, так и не произнеся готовые было вырваться возражения, лицо его вдруг стало по-детски смущенным, нерешительным, растерянным.

– Соболев, а ты с ней... ну, она тебе не...

Матвей понял, едва заметно улыбнулся.

– Я люблю Кристину, Баловень, и этим сказано все. Ульяна очень красивая, очень, и безумно похожа на Светлену, проводницу моих снов, но... но моя Кристина – это жизнь!

– Извини, что спросил, мне показалось, что она к тебе равнодушна... В общем, все понятно! – Василий заметно воспрянул духом, снова обретя уверенность и решительность. – Пора, друг, сматывать удочки. Посажу тебя в самолет во избежание всяких недоразумений и разыщу Ульяну. Вместе мы что-нибудь придумаем. Если в Тамбове все будет в норме, дашь телеграмму, мы встретим. Если нет...

Матвей хлопнул ладонью по ладони друга.

НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ

Между «сессиями» Союза Девяти их деятельность координировал заместитель директора Международного института стратегических исследований Головань, но в зонах ответственности каждого из членов Союза он не имел права решающего голоса. Поэтому, когда Рыков доложил ему о возникших в реализации решений последней «сессии» затруднениях, Головань лишь посоветовал подключить к проблеме других Неизвестных – Юрьева и Носового. Что Рыков и сделал.

Встреча Трех из Девяти состоялась на одной из конспиративных квартир, принадлежащих Союзу, в доме на Новом Арбате. Обстановка квартиры была спартанской и не располагала к отдыху. Каждый имел свой ключ и пришел один, поэтому ни о каких напитках, кроме чая, мечтать не приходилось. Сурового вида джентльмены, одевающиеся в костюмы французских и итальянских модельеров, молча уселись вокруг столика в низкие кресла. Рыков помыл на кухне купленные им лично фрукты: киви, ананасы и бананы, принес чай; по обыкновению сел так, чтобы лицо его было скрыто в тени.

– Незрелый ананас для человека справедливого, – сказал с усмешкой Носовой, беря в руки фрукт и демонстрируя знание классика ^[74], – всегда хуже спелой смородины.

– Не хочешь – не ешь, – ответил советник президента, – а критиковать фрукт не надо. Я, например, смородину не люблю. Знаете, что мне предложил Коржаков не далее как вчера вечером в приватной беседе? Взял меня за пуговицу и сказал: почему бы нам не обложить данью все мафиозные структуры в стране? Создать специальную рэкет-бригаду на государственном уровне, назвать ее как-нибудь похитрей, скажем, Комиссией по контролю за финансовым состоянием, и вперед! Пусть платят или распускаются. В противном случае...

– И что ты ему ответил? – спросил Носовой. Юрьев очистил ананас, отрезал ломтик, съел.

– Нет, ничего, свежий... Я ему ответил в стиле русской пословицы: на чужой каравай рот не разевай. Но к делу, господа.

– Они отказались, – проговорил Рыков своим специфическим, тихим, ничего не выражающим голосом. – Соболев и Балуев отказались послужить «карающей десницей правосудия» в отношении известных нам деятелей. Естественно, я принял решение «погасить» или «выключить» их как опасных свидетелей, несмотря на всю мою симпатию к ним. Однако первая «волна выключения» не сработала. Соболев ушел из-под опеки ФСБ, Балуев сумел обезвредить киллер-команду, вооруженную «глушаком». Что лишний раз подтверждает высокую кондицию каждого.

– Подготовь вторую «волну выключения» с должной тщательностью, – сказал Юрьев. – В крайнем случае воспользуйся командой внедрения иерархов ПАН с подключением ПРОПАЛ [\[75\]](#).

– Я не исчерпал всех своих возможностей по тихому регулированию, но потребуются ваша помощь. Идея заключается в следующем: надо сделать так, чтобы наши фигуранты Соболев и Балуев все равно выполнили задачу, как бы непреднамеренно, то есть надо спровоцировать их на ликвидацию фигур дестабилизации: директора ФСБ, министра обороны, координатора «Чистилища» и других.

– Идея хорошая, – оценил Носовой. – Я так понимаю, что моя личная задача состоит в том, чтобы настроить соответствующим образом лидера Сверхсистемы и дать знать об этом фигурантам.

– Хейно Янович, вы, как всегда, блестяще вникаете в глубины замысла, – сказал Рыков без тени иронии. – Я уже предпринял кое-какие шаги в этом направлении, указав команде Юргена адрес деда Соболева, где остановились его девушка и мальчишка, которого они как бы усыновили. Но этого мало. Владимир Владимирович, вам необходимо привлечь свои потенциалы, чтобы фигуранты вышли на Гусева.

– Понял, – кивнул Юрьев. – Это сделать несложно. Но у нас есть еще отступники – Посвященные. Сможем ли найти способ сами наказать их, не привлекая иерархов?

– Вряд ли, – мотнул головой Хейно Янович. – На уровне нашей зоны их возможности защиты достаточны для паритета.

– Тогда давайте привлечем зоны остальных Девяти, включая Бабуу-Сэнгэ.

– Он не станет заниматься рутинными делами «выключения». Другое дело – ограничение деятельности «вселенных» копий Монарха или, как их называют наши фигуранты, авешей Монарха. Эта задача потрудней и поинтересней. Вот список.

– Рыков положил на стол листок бумаги. – Давайте думать, с кого начнем и что предпримем.

* * *

Директору ФСБ позвонил начальник бюро анализа Управления «И» и попросил аудиенции. Коваль не возражал, хотя и удивился. Рыков очень редко напоминал о себе, как и положено классному профессионалу.

Сергей Вениаминович принял его перед обедом и беседовал всего четверть часа. О чем они говорили, осталось тайной, но после этого директор вызвал Хватова и Первухина, не обращая внимания на то, что начался обеденный перерыв.

После бегства Соболева начальник Управления спецопераций не то чтобы попал в опалу, но уже не имел того влияния на директора, каким обладал прежде, хотя Сергей Вениаминович внешне прореагировал на происшествие равнодушно, вяло.

Но, появившись в кабинете, генерал и майор увидели другого директора, переполненного мрачной злобой и раздражением.

– Вы знаете, что Соболев работает на «Чистилище»? – начал он, оставив подчиненных стоять. – Я только что получил сведения, что у него задание ликвидировать меня и кое-кого из начальников Управлений! Что вы там делаете, в своих кабинетах? Когда наконец Соболев будет пойман и доставлен сюда?

Первухин и Хватов переглянулись.

– Но, товарищ генерал...

– Молчи, Федор Ильич! Ты его упустил, ты теперь и лови! Майор в твоём распоряжении... до решения задачи. По моим сведениям, у Соболева есть девушка и приемный сын. Найти их и использовать в качестве приманки! Адреса родственников здесь. – Коваль щелкнул ногтем по конверту у себя на столе. – И ускорьте поиск руководителя трех «К» через организации, которые мы наметили потрясти.

– Это пока не дает результата...

– Вот именно – пока. Вы пошерстили всего три конторы, копайте дальше. В первую очередь пощупайте Московский казачий уряд, Центр нетрадиционных технологий, РНОФ и ветеранов Афгана. Уверен, результат будет. Идите.

В приемной генерал и майор снова обменялись взглядами, хорошо понимая чувства друг друга.

– Да, Федор Ильич, – сказал Хватов, – задачка не из легких.

– Пара пустяков, – отозвался Первухин хмуро, разворачивая конверт.

Рыков позвонил координатору «ККК», когда тот отдыхал после обеда, играя с компьютером в преферанс.

– По самым последним данным, Балуюев работает на «федепасов» на пару с Соболевым.

Громов помолчал, разглядывая экран компьютера: мизер машина ловила на четвертом ходу. Он выключил комп.

– Данные проверены?

– Я бы не позвонил. У них задание... – Рыков тоже помолчал немного. – Убрать лидера «ККК», а по возможности и всех комиссаров.

Громов хмыкнул.

– Не слишком ли возросли аппетиты у директора ФСБ? Не пора ли и нам заняться им лично?

– Он стал опасен... непредсказуем... будто ему кто-то основательно помогает.

– Соболев, кто же еще. Плюс его дружок.

– Нет, речь идет об информации стратегического плана. Это может быть суперагент, о котором я ничего не знаю.

Громов знал одного такого «суперагента», но до сих пор не верил, что тот работает и на ФСБ. После же слов комиссара-два его сомнения окончательно рассеялись, в смысле – подтвердились.

– Я выявил родственников Соболева и Балуюева, – продолжал Рыков. – Следовало бы пройтись по их адресам. Оба достаточно сильно привязаны к родным и друзьям, можно взять кого-нибудь в качестве живца.

– Хорошо, приносите списки. – Громов сжал руку в кулак, глядя на побелевшие пальцы. – Что-нибудь новое по комиссару-три

появилось?

– Пока нет. На него готовят покушение ликвидаторы маршала «СС» на базе киллер-центра в Тропареве. Как только они подготовятся, мы нанесем встречный удар.

– Встречный – это хорошо, – пробормотал Громов, положив трубку, но думал он в этот момент не о Бородкине, которому грозила опасность, а о Конкере.

Министр обороны вызвал Юргена, как обычно, поздним вечером, вырвав его из объятий очередной герл. Это уже переходит все границы, решил полковник и собрался теперь же раз и навсегда прекратить порочную практику. Явившись в кабинет Гусева и оставив у дверей в приемную министра своих «зомби»-телохранителей, он прямо с порога заявил, что отныне ночь для подобных вызовов – табу! Для любых срочных дел существует день, и единственное, ради чего стоит мчаться по ночной Москве, это угроза жизни самого министра. Поскольку же таковой не существует...

– Сядь! – коротко прервал его Гусев, и с Юргена вмиг слетели вся его спесь и апломб: перед ним сидел не просто министр обороны, никчемный, серенький человечешка, внезапно вознесшийся на вершину государственной пирамиды, но человек власти. Сильный, безжалостный и жестокий, способный не моргнув глазом уничтожить любого, и Юрген сел, робея, тут же забыв о своих претензиях и не боящихся смерти «зомби»-солдатах, готовых по его команде броситься в огонь и в воду.

Гусев еще некоторое время разглядывал полковника умными и злыми глазами из-под кустистых бровей, потом отвернулся к экрану компьютера.

– Мне стало известно, что знакомый тебе ганфайтер Соболев получил задание на мой перехват. Что ты сделал, чтобы помешать этому?

– У нас его девчонка и приемный сын. На трупе его деда мы оставили записку, которая заставит его самого прибежать к нам.

Гусев снова глянул на полковника.

– Вы убили его деда? Зачем?

– Это вышло... случайно, дед полез защищать своих постояльцев, и один из моих оперов... толкнул его... да разве это принципиально?

– Вы допустили грубую ошибку, полковник. Есть пословица: голодный волк опаснее стаи сытых собак. Боюсь, после этого Соболев найдет тебя раньше, чем ты его.

– Пусть ищет, – беспечно отмахнулся начальник бюро ликвидации. – Я готов.

– Ну-ну, будь готов, пионер. Кийк тоже был готов. Ну а теперь о главном. Подойди сюда, взгляни на эту картинку.

Юрген обошел стол. На дисплее компьютера светились голубым светом контуры каких-то катакомб и подземных галерей.

– Что это, планы коммуникаций?

– В некотором роде. Это подземные ходы под Кремлем. Надо отыскать самый глубокий из них, который приведет нас в самый древний из храмов... Бери своих «зомби»-мальчиков, и за три дня отыщите этот ход. Пакет документов я тебе подготовил. Но сначала проверь два сооружения: надвратную церковь Спаса и хоромы думного дьяка Аверкия. Справишься – повышу в звании.

Юрген уловил косой, усмешливо-угрожающий, тяжелый взгляд министра и демонстративно щелкнул каблуками.

«ВОЛНА ВЫКЛЮЧЕНИЯ»-ДВА

До Тамбова Матвей, как сотрудник ФСБ, летел на Як-42. Билетов не было, но ему удалось найти командира корабля, предъявить удостоверение и пройти в самолет вместе с летчиками.

К дому деда по улице Солдатской Славы он добрался к вечеру на машине частного. И сразу понял, что опоздал. Возле дома плотно друг к другу стояли милицейский «уазик», серая «волга» и старенький «москвич» с злым крестом на дверцах – машина «Скорой помощи». Возле ограды толпилась небольшая группка людей, обсуждавшая случившееся – скорее всего соседи. Двое молодых людей, выделявшиеся осанкой и особой сторожкой манерой поведения, молча прислушивались к разговорам, засунув руки в карманы одинаковых серых курток. Матвей сразу определил их принадлежность к спецслужбам, но тоскливое предчувствие беды заставило его действовать без обиняков. Подойдя к милиционеру, охранявшему вход в дом, он тихо проговорил:

– Я Соболев, это дом моего деда Кузьмы Федоровича. Что случилось?

– Документы есть? – спросил страж порядка, делая ударение на втором слоге.

Матвей молча протянул удостоверение офицера федеральной контрразведки. У милиционера-сержанта средних лет, плохо побритого, с недовольным выражением лица, вытянулась физиономия.

– Проходите.

Матвей шагнул в сени, отмечая полнейший разгром на полках с глиняной посудой и садовым инвентарем, вошел на кухню с русской печью и сразу увидел деда, лежавшего на лавке. На его изуродованном гримасой боли лице в широко раскрытых глазах застыло выражение ужаса и муки, пальцы рук были сведены судорогой, и Матвей сразу понял, что Кузьма Федорович умер от выстрела из «болевика».

Сердце Матвея остановилось... рванулось в груди до боли, загнав жаркую волну крови в лицо и уши. Он шагнул в горницу, ожидая увидеть еще два тела, но его остановил худой подполковник милиции:

– Вы куда, молодой человек? Кто вас пропустил?

Только теперь Матвей обратил внимание на то, что на кухне и в горнице полно народу.

Трое в штатском возились у тела деда, что-то измеряли, фотографировали, записывали. Подполковник милиции беседовал с другим офицером – старшим лейтенантом. Какой-то старик в плаще ходил по комнатам, осматривая вещи, заглядывая в сервант, шкафы с книгами. Еще двое парней, поглядывая вокруг, стояли поодаль с рациями в руках. И наконец, третий офицер милиции – майор – беседовал с сухонькой старушкой, по щекам которой непрерывно текли слезы.

– Я его племянник... – Голос сел, и Матвей кивнул на тело Кузьмы Федоровича – Это мой дед. А больше тут никого... не было?..

Подполковник окинул Соболева взглядом, но документы требовать не стал.

– Кто тут должен был быть?

Матвей сжал зубы, подошел к телу деда, опустился возле него на колени, взял холодную руку в свои ладони, который раз вспоминая слова Конкере о том, что он приносит несчастье всем, с кем дружен и кого любит. Попытался выйти в меоз, чтобы посмотреть на следы, оставленные убийцами, но молния ментального разряда не пронзила его с головы до пят, как обычно, лишь на мгновение вернулся абсолютный слух и ощущение остановленного времени. Зато последствия попытки были не слишком приятными: по нервным узлам тела прокатилась волна колющей боли, и, чтобы выдержать ее, потребовалось все его хладнокровие.

– Соболев? – раздался голос за спиной, и на плечо Матвея опустилась чья-то тяжелая рука. Он поднял голову, не сразу разглядев сквозь пелену слез одного из специалистов в штатском.

– Слушаю.

– Идемте с нами.

Матвей отвернулся, пристроил руку деда на груди, прошептал беззвучно:

– Прости, дед! Я не хотел...

– Пройдемте с нами, – настойчиво повторил шкафообразный молодой человек, до боли сжимая плечо Соболева, Матвей взял его за слоновье запястье, поднялся с колен, сжимая определенные точки, сказал негромко в исказившееся лицо:

– После похорон я в вашем распоряжении. А теперь вон отсюда!

Потирая руку, оперативник (явно из «федепасов», но не из «Грозы», какое-то другое подразделение) отошел к своему товарищу, и, посоветовавшись, оба вышли.

– Они ждали вас, – подошел к Матвею подполковник милиции. – Показали удостоверение офицеров спецназа.

– Я сам оттуда, – сказал Матвей, не сводя глаз с лица деда. – Все в порядке, подполковник, делайте свое дело. Дайте знать, если обнаружите какие-нибудь следы.

Подполковник помялся немного, потом протянул Соболеву листок бумаги с надписью: «Ищите анальгин во всех аптеках!»

– Эту записку, пришпиленную ножом, мы нашли на столе. Не уверен, что это след.

«Здесь был „Анальгин“... то есть зондеркоманда Минобороны! – понял Матвей. – Кристина и Стас у них! Значит, живы!...»

Он вернул листок милиционеру.

– Спасибо, вряд ли записка имеет отношение к этому делу. Когда закончите, помогите с похоронами, буду признателен.

Ночь Матвей провел без сна, помогая соседям и той самой плачущей старушке обмывать Кузьму Федоровича, переодевать и готовить для похорон. В девять утра приехал катафалк, привез гроб. Потом подъехали двое ребят-стажеров, согласившихся сопровождать катафалк на кладбище.

Все это время парни в куртках, принадлежащие какой-то из спецслужб, не выпускали Матвея из поля зрения, но близко не подходили и не мешали, Матвей же не обращал на них никакого внимания, воскрешая в памяти свои встречи с дедом, его ненавязчивые наставления и бесконечное терпение, неизменно доброжелательное отношение ко всем, с кем когда-либо встречался в жизни. Единственно, о чем Соболев сожалел больше всего, так это о том, что не смог навестить старика до его смерти, понимая, что видится со своими ближайшими родственниками непозволительно редко. Остро захотелось увидаться с отцом, побывать на могиле мамы, поговорить с тетками в деревне, и Матвей дал себе слово, что сделает это непременно в самое ближайшее время.

На похоронах Кузьмы Федоровича неожиданно собралось много народу. Приехали сослуживцы-ветераны, предупрежденные

военкомом, пенсионеры, с которыми Соболев работал на местном заводе «Металлоштамп», пришли соседи не только со всей улицы, но даже с других, где давно знали Кузьму Федоровича. Команда музыкантов сыграла марш Мендельсона, и колонна тронулась в путь мимо училища механизации, бывшего скотного двора, оплывшего противотанкового рва, санэпидемстанции, углубилась в сосновую рощу, на окраине которой притулилось кладбище.

Панихида была короткой, речей не прозвучало, лишь местный священник прочитал заупокойную молитву. Гроб опустили в могилу, забросали землей, выровняли холмик, установили четырехгранный металлический обелиск со звездой и табличкой с указанием фамилии, имени, отчества, даты рождения и смерти. Через месяц Кузьме Федоровичу исполнилось бы восемьдесят семь лет.

Толпа разошлась, машины с музыкантами, милиционерами и военными уехали, на кладбище у могилы остался Матвей, старушка – соседка Кузьмы Федоровича, помогавшая на похоронах, подсказывавшая очередность церемонии, да отделение спецназа, не решившееся принять участие в похоронах и ожидающее Матвея за оградой кладбища в тридцати шагах.

Сидя на скамеечке у могилы, Матвей снова попытался выйти в меоз, и снова у него это не получилось. Утешало лишь одно: отключение его от ментала, всеобщего информационного поля мира, означало только существенное сужение чувственной сферы, возможности глобальной оценки ситуации, но оно не ограничивало природных возможностей Матвея, его способности жить в ускоренном режиме. Справившись с реакцией организма на попытку выхода в меоз, он поклонился свежей могилке деда, потом старушке, смотревшей на него слезящимися глазами, и пошел ко второму выходу с кладбища, выходящему в сосняк. Четверка оперов направилась следом, не отставая, вдоль забора, но и не делая попыток догнать, из чего Матвей сделал вывод, что кладбище перекрыто как минимум еще двумя группами. Усмехнулся про себя, подумав: зауважал меня, однако, Первухин.

Подождав за оградой кладбища, пока четверка крепких молодых людей подойдет ближе, Матвей внезапно шагнул к ним и спросил, окидывая взглядом всех и определяя, кто из них опаснее:

– Кто старший группы?

Парни переглянулись. Самый крупный, в берете на бритой голове, круглолицый, налитой крутой силой, покачал головой:

– Вы, наверное, приняли нас не за тех, кто мы есть.

– А кто вы? – простодушно осведомился Матвей, готовясь к режиму ускорения.

– Мы из подразделений ПАН и ПРОПАЛ. И ничего смешного в этом я не вижу, – добавил круглолицый, видя, что Соболев улыбнулся. – ПАН – это подразделение активного наведения, ПРОПАЛ – подразделение разовой оперативно-агентурной ликвидации.

– Почему разовой? – с тем же простодушным видом полюбопытствовал Матвей, заставляя сердце начать разгон.

– Потому что после операции подразделение, как правило, подлежит уничтожению, – любезно ответил круглолицый. – Все мы – вселенные в тела людей психоматрицы иерархов и после необходимой коррекции покидаем тело-носитель, которое получает приказ на самоликвидацию.

Матвей покачал головой, готовый к бою, но ему еще не все было понятно в сложившейся ситуации, и он задал еще один вопрос:

– И вы ждали меня сутки, чтобы сообщить такую новость? Почему не убили сразу, как только я появился?

– Нам велено убедиться в окончательности вашего решения, – вмешался в разговор второй член группы, ростом ниже первого, но шире в груди, бородатый и тоже – бритоголовый. – Посланец Девяти предложил вам сотрудничество...

– Я ответил ему «нет» и сейчас повторяю: нет. Я не хочу после выполнения задания разделить участь ваших телоносителей.

– Тогда мы вынуждены начать реализацию второй части своего задания – закодировать вас. – Круглолицый не торопясь достал суггестор «удав». – Все равно вы сделаете то, что обязаны были сделать добровольно.

В ту же секунду Матвей включил темп и коснулся лба говорившего, передавая ему раппорт-импульс гашения сознания. Затем, продолжая движение, коснулся шеи второго ликвидатора, готового пустить в ход еще один «глушак»; пока эти двое падали безвольными куклами, взорвался ударом в стиле Пангай-нун-Уэчи-рю,

кулаком доставая третьего из четверки ПАН-ПРОПАЛ и ногой – четвертого.

Вся эта сцена произошла в нескольких шагах от изгороди кладбища, явно заинтересовав нескольких посетителей, впоследствии рассказавших о битве двух «мафиозных групп за передел сферы влияния – кладбища». Но групп этих было больше. Как и предполагал Матвей, их было три, и как только он нейтрализовал первую, в дело вступила вторая. Однако рисковать они не стали, сразу открыв огонь из «глушаков» примерно с тридцати – сорока метров. Два луча суггесторов, хотя и ослабленные расстоянием и стволами молодых сосен, накрыли Соболева, и тот с ходу нырнул в спасительный мусин – бессознательное состояние, диктующее особое поведение человеку, живущему в пространстве боя. Сознание Матвея отключилось, но он продолжал действовать так, будто не получил оглушающего удара, от которого любой другой человек застыл бы-безвольным истуканом.

Очнулся Матвей спустя несколько минут вдали от кладбища, на опушке сосновой рощи, откуда начиналось картофельное поле, а за полем – домики сельской окраины Тамбова с колокольней и вышкой для парашютных прыжков. Сознание не зафиксировало, как он оказался здесь, но и так было ясно, что от преследования двух групп ПАН-ПРОПАЛ он на какое-то время избавился; теперь надо было вычислить третью и уходить. Совершенно не к месту вспомнились строфы стихотворения:

Ветер, о поле мне спой, На ковыле сыграй.

Я иду в свой последний бой За родимый и вольный край...

Кажется, это не просто стихи, а слова из песни...

Где же эти ликвидаторы, черт бы их брал? Классно завели в тупик: побеги я напрямик по вязкому полю – догонят пулей, поверни назад – встретят в лесу...

«А есть другой выход?» – спросил внутренний голос.

«Нету», – честно признался Матвей.

«Ну и действуй, как советовал Кришнамурти [\[76\]](#): защита – это сопротивление, сопротивление же устраняет понимание».

«Это не совет, а предостережение».

«А ты воспользуйся как советом».

И Матвей понял наконец свою собственную мысль. По шуму в лесу прикинув движение группы ПРОПАЛ, он выбежал на поле и упал

на землю прежде, чем прозвучал выстрел. А затем, подождав чужих шагов, мысленным усилием соорудил у основания шеи «кровооточающий след пули», перестал дышать и отключил сердце.

Сознание он, однако, потерял не сразу, успев услышать переговоры подбежавших «пропаловцев»:

– Куда ты ему попал?

– Целился в ноги...

– А попал в шею, великий стрелок, черт бы тебя драл! Он уже не дышит!

– Что-то он слишком легко умер, тебе не кажется, «второй»? Может, хитрит?

– Проверь, «третий»...

На этом сознание Матвея померкло, а о способе проверки он узнал через три минуты, когда сработал «таймер» психики, включивший сердце и прояснивший сознание: «третий» член группы просто полоснул ножом по шее Соболева, чудом не задев сонную артерию. Усилием воли остановив кровь, он напряг слух.

–..уходить! – прозвучал голос «первого» – того самого круглолицего здоровяка. – Ждать больше нечего. Придется Девяти искать другой вариант корреляции действительности. Другие предложения есть?

Матвей понял, что его «смерть» удалась и бригада ПРОПАЛ посчитала свою задачу выполненной, хотя и со странными оговорками. Видимо, квалификация хозяев-носителей вселённых психоматриц оставляла желать лучшего, потому что, будь это оперативники хотя бы класса штурмовиков «Грозы», они бы разгадали трюк Матвея.

– Уходим? – подал голос «второй».

– А с ними что делать? – спросил «третий», подразумевая, очевидно, парней, чьими телами они воспользовались. – Четверо все еще в отключке, двое искалечены...

– Программы самоликвидации включать не будем, может, они нам еще пригодятся. Пусть сами выпутываются из этого положения. Уходим.

Наступило молчание. Матвей открыл глаза, увидел растерянно-изумленные лица оглядывающихся парней и понял, что эффект наведенных психофизических состояний, превративших обычных людей в авеши сверхсуществ, исчез.

– Чтоб я сдох! – пробормотал круглолицый. – Как я здесь... почему мы здесь?!

– Прошу предъявить документы! – подошел к нему Матвей, показывая свое удостоверение офицера ФСБ. Тон его был строгим и уверенным и на привыкших повиноваться парней отряда подействовал сразу. Матвей развернул протянутую оранжевую книжечку и прочитал: «Министерство внутренних дел России. Главное Управление внутренних дел. Отдел особого назначения». Справа от фотографии владельца было напечатано: «Уваров Максим Акимович, капитан».

Матвей вернул удостоверение здоровяку в берете, сказал тем же тоном:

– Соберите своих у кладбища, окажите помощь пострадавшим. Ждите приказа.

Оставив так и не пришедших в себя парней на опушке леса, Матвей направился по дороге к ближайшим домам окраины города, поймал попутку и вскоре подъехал к осиротевшему дому деда. Но пробыл там недолго, только чтобы залечить рану на шее: спецназовцы из особого отдела ГУВД могли вспомнить, кто такой Соболев, и вернуться.

Через полтора часа Матвей вылез из такси в аэропорту. Еще через час с минутами он сошел с борта самолета во Внукове.

Интуиция заговорила еще при посадке, усилив чувство неловкости и дискомфорта, а это означало, что в аэропорту его ждали. Но Матвей не мог приказать пилотам садиться на другом поле, не желая подвергать опасности жизнь шестидесяти пассажиров. Поэтому дождался, пока выйдут все, и, не обращая внимания на изумленный возглас бортпроводницы: «Что вы делаете?!» – открыл с левого борта самолета, обращенного к полю, а не к зданию Внуковского аэропорта, люк аварийного выхода. Спрыгнул в тень колеса; самолет был освещен квадратной рамой осветительной мачты весьма удачно и выгодно для него. Несколько мгновений вглядывался в здание аэропорта, в движение вокруг него, отметив возле трех машин группы людей, явно кого-то поджидавших. Одна из машин, микроавтобус «тойота», начала медленно двигаться к самолету. Матвей мельком глянул на высунувшуюся из люка стюардессу и что есть силы припустил к подруливавшему к своему причалу «боингу» в пятидесяти метрах.

Бег его заметили разве что летчики «боинга», но успокаиваться на этот счет было нельзя, в запасе у Матвея оставались какие-то полторы-две минуты, пока стюардесса не покажет прибывшей за ним команде открытый аварийный люк. И Матвей продолжал бежать от самолета к самолету, прячась в их тени, приближаясь к западному сектору аэропорта, где стояли корпуса технического обслуживания самолетов, ангары и мастерские. Он был уже возле одного из алюминиевых ребристых ангаров, когда сзади раздался рев мотора и визг шин, затем прозвучал знакомый голос:

– Эй, беглец, задержись ненадолго.

Матвей оглянулся. Из длинного черного лимузина («крайслер-999») вылез майор Хватов в сопровождении трех мощных спортсменов в камуфляже. И по холодному «электрическому» ветру, дунувшему в спину, проникшему в голову, Матвей понял, что Хватов на сей раз – авеша Монарха!

Могучие парни двинулись было к Соболеву, ступая по асфальту по-особому мягко, гибко и уверенно, несмотря на габариты и массу, однако майор остановил их.

– Он мой. – Подошел ближе, улыбающийся, сильный и опасный, как готовый к прыжку тигр. – Ну что, ганфайтер, пока те олухи у самолета будут искать тебя там, мы успеем выяснить отношения здесь, не возражаешь?

– Разве меня встречали не «федепасы»?

– И «федепасы» в том числе, личная группа Первухина, имеющая приказ взять тебя живым. Симпатизирует тебе генерал. Но, кроме его дружины, там суется еще две – «Анальгин» и «Принцип», а эти имеют задание взять тебя мертвым. Так что выбор у тебя невелик.

Матвей вспомнил записку, оставленную убийцами в доме деда.

– Дай мне три дня, майор. Есть задача, которую мне надо срочно решить...

– Найти киллеров, убивших Кузьму Федеровича и похитивших Кристину Сумарокову и Стаса. – Хватов сделал еще шаг, и Матвей кубарем полетел на землю, пропустив совершенно неожиданный и невидимый удар. Сгруппировался, избежав встречи с автотрапом. Но отвечать не стал, медленно приближаясь к Хватову.

– Майор, ты все знаешь, но не уверен, что поймешь... И тем не менее даю слово – через три дня я встречаюсь с тобой в любом месте,

но дай мне эти три дня! Кстати, где их держат?

Майор покачал головой, и в глазах его мелькнула искра не то жалости, не то презрения.

– Твоих друзей взял «Стикс» Юргена и спрятал на своей базе в Бутове, но в одиночку тебе отбить их не удастся. Да и с чьей-либо помощью тоже, мальчики из «Стикса» зомбированы...

– Как, очевидно, и те, что за твоей спиной. Но я бы все же попробовал. Ну что, договорились?

Хватов снова покачал головой.

– Боюсь, что нет. Поступила команда «выключить» тебя, а я человек дисциплинированный. Слишком глубоко ты влез в дела спецслужб и людей Внутреннего Круга. Мы вынуждены заниматься чисткой следов по полной программе. Ликвидации подлежат все, кто хотя бы краем глаза видел МИРЫ Инсектов, узнал о хранящихся там Великих Вещах и невольно помешал коррекции реальности.

Матвей сузившимися глазами рассматривал лицо майора, по которому изредка пробегали отблески далеких огней аэропорта.

– Кажется, я ошибся в определении... ты не Монарх!

Хватов рассмеялся.

– Какая разница? Сейчас я авеша иерарха, точнее – Мастера, контролирующего зоны запретного смысла. – Он сделал неуловимое движение, и Матвей опять отлетел в сторону, получив удар в область сердца, от которого пришел в себя не сразу. Это был еще не смертельный укол из арсенала техники убийства прикосновением, но все же поражающий энергетический импульс прошел через одежду, сквозь мышцы груди, кости грудной клетки и резко сократил сердечную мышцу. И все-таки Матвей не стал отвечать и на этот раз. Восстановив дыхание, встал напротив майора, не поднимая рук. Сказал глухо:

– Я прошу всего три дня... Мастер! Я никуда не сбегу.

– Странно, что ты так привязан к этой девице, – задумчиво пробормотал Хватов. – Наверное, именно этот фактор – избыточная чувствительность – и мешает тебе преодолеть порог Закона восхождения. Прощай, ганфайтер. – Он коротко взмахнул рукой и... пролетев три метра по воздуху, с гулом врезался спиной в стену ангара.

Трое амбалов у машины сделали шаг к Матвею, но Хватов остановил их, вскочив с земли гибким змеиным движением. Улыбка на его губах изменилась, стала хищной и отталкивающей.

– Отлично, Соболев! А я уж было разочаровался в тебе.

Он боком двинулся к Матвею, и время остановилось, словно замороженное начавшимся боем, приемы которого знали только Перволюди, иерархи и Посвященные Внутреннего Круга. Да еще Матвей Соболев.

Этот бой нельзя было назвать зрелищным. Большинство приемов из-за скорости их проведения были недоступны для наблюдения обыкновенным людям, а остальные блокировались еще до их завершения, но внутренний драматизм поединка почувствовали даже бугаи-телохранители из отряда Хватова.

Для профессионала класса Соболева не существовало невозможных поз и ударов, позиций и положений, защитных блоков и атак на поражение. Он действовал в точном соответствии с древним законом всех единоборств: если враг нарушает гармонию мастера, то, совершая акт возмездия, тот должен действовать без каких-либо эгоистических и садистских побуждений, адекватно мере нарушения его покоя. Этот закон непреднамеренного насилия Матвей исповедовал всегда, восстанавливая нарушенную природную справедливость. Но для килл-хантера, которым стал Хватов из-за внедрения сущности иерарха, запретов и законов не существовало, и, начав схватку ради удовлетворения чувства превосходства, он вскоре стал применять приемы фазовой дестабилизации, внушая противнику атаку в одном направлении, а проводя – в другом.

Никогда еще Матвей не был так близок к гибели, как в этом пси-физическом бою, и никогда до этого не чувствовал себя так свободно и раскованно, потому что сдерживать свою силу и знания не требовалось. И все же бой слишком затянулся!

Трижды Матвей получал шоковые удары, едва успевая после этого восстанавливаться до прежних кондиций, и трижды посылал Хватова в нокаут – такими же ударами из системы э-боя, но ни один из них не стал смертельным: слишком хорошо оба владели телом и знали методы очищения организма от «шлаков» витальных пси-атак.

После очередного улета Хватова к воротам ангара в дело вмешались его сослуживцы, которым надоело ждать результата

поединка. Начали они с демонстрации своей несокрушимой мощи и непробиваемости, показав неплохую технику карате-дзицу, но выдерживать соревнование в скорости с Матвеем не могли. Зато и сомнений в правильности применения спецсредств не имели. Когда двое из них легли на бетон и не встали, оставшиеся двое просто начали пальбу, не расслышав сдавленного крика Хватова: «Не стрелять!»

Вряд ли Матвей продержался бы долго, не имея с собой ничего, кроме расчески, бумажника и носового платка. Но ему помогли.

Одновременно с начавшейся стрельбой рядом с «крайслером» директора ФСБ появилась черная «мазда», из нее выскочили три человека и бросились в гущу сражения, сразу изменив ход боя. Бугаеподобные стрелки Хватова прекратили огонь и залегли в разных позах в проходах между автотрапами, тракторами и электрокарами. Майора перехватил один из прибывших, высокий и черноволосый, в светлом плаще. Матвей узнал в нем Самандара и опустил руки.

– Беги! – подскочил к нему второй из подоспевшей тройки, хлопнув по плечу. – Беги! Я тебя найду!

Это был Василий Балуев.

Матвей не сразу пришел в себя от неожиданности, но тут его потянул за рукав третий, Иван Парамонов:

– Идемте, Матвей Фомич. Они прикроют отход.

– Но, может, вместе...

– Сейчас здесь будут все спецслужбы, быстрее!

Матвей услышал сирены, приближающийся рев моторов и нырнул в кабину «мазды». Водитель тотчас же, не включая фар, погнал машину за ангар, вывернул куда-то к бетонному забору, проехал метров сто, направил машину прямо на деревянную будочку в конце стены.

Будочка разлетелась вдребезги, за ней оказалась металлическая сетка, но и она не выдержала удара и прорвалась. Еще через минуту машина была далеко от аэропорта, направляясь по грунтовой дороге к западу и оставляя за собой море света, шум и вой сирен.

– С удачным возвращением, – проговорил водитель женским голосом, и Матвей узнал Ульяну Митину. Сказал хмуро:

– Спасибо за подстраховку. Надо было остаться и пробиваться всем вместе.

Ульяна быстро взглянула на него, дотронулась до плеча.

– Мы знаем о... случившемся, примите наши соболезнования. К сожалению, вовремя не смогли помочь, слишком поздно узнали о готовящейся акции.

– Понимаю.

– Не беспокойтесь за Самандара и вашего друга, – сказал Парамонов, – они уйдут. – И добавил мягко, но все же с осуждением:

– А ехать в Тамбов надо было вдвоем... Куда вас теперь отвезти?

Матвей помолчал, поглядывая на нежный профиль девушки, изредка выступавший из темноты в случайных отблесках далеких фонарей.

– В Бутово.

– Я же говорила, что он не отступит, – произнесла Ульяна с оттенком грусти, обращаясь к сидящему на заднем сиденье Парамонову. Тот легонько сжал горячей рукой плечо Соболева.

– Я бы посоветовал вам не соваться туда, Матвей Фомич. Может быть, вы чувствуете себя обязанным... мы понимаем... но людей соединяют не человеческие законы, а законы природы, и эти же законы их разъединяют. Поверьте, с ними ничего не случится...

Матвей не ответил.

– Во всяком случае, пока вы не начнете угрожать стабильности сложившейся системы...

Матвей молчал.

– И даже если вы все-таки вознамеритесь освободить своих друзей – а кончиться это может плохо, – не вздумайте мстить! Потому что при этом силы, которые вы приведете в действие, в конечном счете обрушатся на вас.

– Благодарю за совет, – тихо сказал Матвей. – А также за помощь. Постараюсь не обмануть ваших ожиданий. Но если знаете, чем это все закончится, почему помогаете мне?

– Во-первых, мы отступники, – грустно сказал Парамонов. – А во-вторых, этой помощью мы выражаем не наше знание, а недостаточность нашего знания. Любой прогноз – это всего лишь опыт несбывшегося, и дай Бог, чтобы мы ошибались.

Ладонь Ульяны, узкая и прохладная, вдруг нашла руку Матвея, сжала ее. И было в этом жесте все: дружеское успокоение, поддержка, понимание, нежность, сочувствие и любовь...

ПОПЫТКА ЗАДЕРЖАНИЯ

Самочувствие Матвея после всех пережитых событий было неважное, и Мария, воспринявшая очередное его появление спокойно, без лишних слов приготовила ему хвойную ванну, сделала массаж спины и усадила в кресле в махровом халате; в прошлый раз этого халата не было, что не могло не наводить на кое-какие размышления.

Во время завтрака – Ульяна и Парамонов привезли Соболева в Москву в пять утра – разговаривали мало; Мария не отличалась ни любопытством, ни разговорчивостью, лишь взгляд ее выражал заинтересованность и некий неопределенный вопрос, на который Матвей ответить не мог. Разомлевший и успокоенный, он не заметил, как уснул, и проснулся от звонка в дверь.

Марии уже не было, шел одиннадцатый час утра, на столе белела записка: «Холодильник в твоём распоряжении. Буду поздно. Не забудь ключи». Отыскав шлепанцы, Матвей поплелся открывать дверь, абсолютно уверенный в том, что вернулась Мария. И лишь впустив Балую, окончательно пришел в себя.

– Ты?!

– Нет, Дед Мороз! – буркнул Василий, снимая грязную изодранную куртку и бросая на вешалку кепку. – Ты что не спрашиваешь, прежде чем открывать, кто пришел? Или увидел меня в окно?

Матвей почувствовал озноб, пропустил друга в ванную и, пока тот мылся, включил плиту и поставил на нее чайник. Порозовевший Василий ввалился на кухню, и они принялись разглядывать друг друга: у Матвея еще не исчез шрам на шее, лицо похудело и заострилось, глаза ввалились, хотя выглядел он, как всегда, уравновешенным и холодно-спокойным. У Василия красовались две царапины на щеке и на лбу, а на подбородке вспух зелено-лиловый синяк.

– Хорош! – сказали они в один голос, выразив одновременно друг другу и дружеское порицание, и озабоченность, и радость от встречи, от того, что живы и здоровы.

Василий провел по лицу ладонями, сморщился, задев синяк, уселся за стол. Минутное оживление снова покинуло его. Матвей

молча смотрел на друга, поняв, что произошло что-то неординарное. Василий поднял на него глаза.

– Самандар погиб...

Матвей снял чайник, заварил чай, налил в кружки себе и Балуюеву, сделал бутерброды, сел напротив.

– Рассказывай.

– Да рассказывать почти нечего. Когда вы уехали, телохраны этого зверя, с которым ты дрался, начали оживать...

– Все-таки у Хватова действительно были «зомби»...

– Ну и пришлось их... – Василий искоса посмотрел на Матвея, – «гасить» по-настоящему. А потом этот мужик... Хватов, говоришь? Тот самый телохран директора? Когда он вдруг начал стрелять, пришлось отходить. Самандар крикнул мне: уходи! Я бросился к нему на помощь и увидел... Две пули попали ему в голову, в глаз и в висок... но он все равно добрался до твоего Хватова и буквально перекрутил ему голову на сто восемьдесят градусов! Упал, конечно. Весь бой и длился-то от силы две минуты. Я подскочил к ним, но успел только убедиться, что оба мертвы... как подоспели на машинах доблестные стражи порядка, с полсотни человек! Пришлось отходить в условиях плотного боя. Еле оторвался!.. Хорошо, что взорвалась одна из машин, наделала шуму.

Василий замолчал.

Молчал и Матвей, представляя последний поединок Посвященного и авеши Монарха. То, что обоих было убить нелегко, не вызывало сомнений, но и две пули в голову – не две косточки от вишен, не говоря о пере круге головы...

– Жаль Вахида Тожиевича, – сказал он. – Как-то мы его не так приняли.

– Да и меня совесть грызет, – признался Василий. – Я считал его если не врагом, то уже никак не другом. Но вот что мне непонятно: если он – авеша Монарха, то этот твой Хватов чей авеша? Не может же Монарх сражаться сам с собой?

– И я подумал о том же. Либо Самандар – авеша иерарха, в крайнем случае Тараса Горшина, либо он – авеша Монарха, но тогда Хватов – авеша иерарха.

– И как ты все это объяснишь? Их появление? Засаду? Очередное столкновение спецслужб?

– Этому есть только одно объяснение. – Матвей вспомнил слова Рыкова о том, что «регуляция социума – дело тонкое». – Союз Девяти продолжает свою провокационную деятельность, намеренно сталкивая силовые структуры, чтобы держать процесс под контролем. Они же подключают очередных исполнителей «волн выключения». Надо полагать, следующие «волны» не за горами. Что предлагаешь делать? Или не было времени на размышления? Кстати, как ты меня здесь нашел?

– Ты же сам давал адрес. А куда бы ты еще мог податься? Не домой же, в лапы группы засады.

– Логично.

– Надо выручать твоих. Узнать, кто их похитил и где поместил...

– Захватил Юрген со своим «Стиксом», а держит на базе в Бутове. Хватов проговорился, считая, что я уже покойник.

– Ну и отлично, давай разрабатывать операцию освобождения. Вчетвером мы...

– Вдвоем, ты хотел сказать?

– Вчетвером. Ты, я, Парамонов и... – Василий вздохнул, – и Ульяна. Хотя ею я бы не хотел рисковать. – Он виновато посмотрел на Матвея. – Знаешь, минуты теперь не могу прожить, чтобы не вспомнить о ней! Прямо наваждение какое-то...

Матвей кивнул, оставаясь сдержанно деловым, сосредоточенным и хладнокровным.

– Это нормальное состояние, старик. Состояние влюбленности. Такая девушка стоит того, чтобы думать о ней непрерывно. Но Крис и Стас подождут. Ульяна говорила, что Ельшин собирается добыть оружие Инсектов. Этого допустить ни в коем случае нельзя, хотя бы из этических соображений.

Василий, вздохнув, мысленно неохотно расставаясь с образом Ульяны, вернулся к действительности.

– Да, я совсем было забыл... Громов тоже вознамерился снабдить своих комиссаров каким-то древним оружием, это мне Валера Шевченко сказал. И я так понял, что координатор «Чистилища» собрался в поход к одному из МИРов. Где бы еще он мог искать это оружие? Только вот какой МИР он выбрал?

– Мы знаем два МИРа-Храма под Москвой.

– Горшинский под церковью Спаса и под Кремлем.

– Вот и проверим оба. Давай готовиться. Ты еще не был в своем схроне? Снаряжение у нас есть?

– Все в порядке, там никто не появлялся. Была б машина, прямо сейчас и поехали бы. Знаешь, во время схватки в «Экипаже» я отобрал у киллера «глушак». А насчет освобождения Кристины у меня появилась одна любопытная мысль. Вспомнился кое-какой опыт. Что, если нам самим захватить родственников Юргена? А еще лучше – Гусева, который им командует? Жену, например, детей... впрочем, детей жалко... И потом обменять? А?

Матвей покачал головой, но решительно ответить «нет» не спешил. Идея, конечно, была неплохая, но ведь ни дети, ни другие родственники министра обороны не отвечали за его деяния и гнусность натуры.

– Посмотрим, – сказал он наконец. – Может быть, в твоем предложении и есть какое-то рациональное зерно.

Транспорт они раздобыли просто. Матвей вспомнил о мастерской Ильи Шимука на улице Шухова, и хотя мастерской после гибели Ильи владел другой человек, его напарник Коля, он без звука дал во временное пользование старенькую «семерку» Муромца.

Схрон Василия, то есть самый обыкновенный погреб, в каких рачительные хозяева держат зимой картошку и банки с разносолами, располагался в районе Савеловского вокзала. Жильцам нового девятиэтажного дома разрешили использовать для строительства погребов высокие отвалы у демонтированной ветки железной дороги. Фантазия какого начальника контрразведки позволила оборудовать в одном из погребов целый склад спецснаряжения для тайных операций ФСК, было неизвестно, но Василию Балуюеву досталась в наследство настоящая «пещера Али-Бабы». За время знакомства с Соболевым он, конечно, основательно почистил эту «пещеру», но оставалось в ней еще достаточно всего, чтобы восхитить Матвея: от комплектов «ниндзя» до противотанковых и противосамолет-ных ручных ракетных комплексов.

С собой они взяли по комплекту «ниндзя», маскхалаты, комбинезоны разных покроев, бинокли, приборы ночного видения, кинжалы, арбалет, автоматы Никонова, карабины с оптическими прицелами, гранатометы и один зенитно-ракетный комплекс «малина»,

способный сбивать самолеты и вертолеты как на сверхмалых высотах, так и на дальности до семи километров.

Упаковав снаряжение и оружие в сумки, они некоторое время посидели в погребе, прикидывая, что бы еще такое прихватить с собой, и Матвей задал вопрос, который давно вертелся на языке:

– А почему этот твой схрон забыли в ФСБ? Неужели он был рассчитан на длительную консервацию? Кто, кроме тебя, знал о его существовании?

Василий не успел ответить, за него ответили те, кто знал о расположении склада и наверняка следил за передвижением Соболева и Балуева.

– Эй, там, в окопе! – проревел над люком в погреб усиленный мегафоном голос. – Выходи по одному!

Матвей и Василий, переглянувшись, замерли.

– Кажется, мы влипли, – хладнокровно констатировал Матвей.

– Так, да не совсем, – отозвался Василий. – Зря я, что ли, столько лет проработал в контрразведке? Их надо отвлечь на пару минут, сможешь? – Он начал лихорадочно выбрасывать из угла кучу всякого хлама. – Мне понадобится некоторое время.

Матвей молча поднялся по лестнице до люка, приподнял крышку:

– Кто старший? Поговорить надо.

Несколько секунд прошло в молчании, потом мегафон изменил тон и голос:

– Здесь Коваль. Выходи, ганфайтер.

Матвей в щель быстро оглядел окрестности и оценил способности спецназа ФСБ перекрывать подступы к объекту. Из ребят почти никого не было видно, однако для того, чтобы окруженные не дергались, кое-кто демонстративно высунул из-за укрытия ствол автомата. Из-за трансформаторной будки на другой стороне бывшего железнодорожного полотна вышел директор ФСБ, за ним два его телохранителя, начальник ГУБО Казанцев, его заместитель Зинченко и командир спецотряда «Гроза» Белоярцев.

– Ну и ну! – пробормотал Матвей. – Встреча по высшему разряду!

– Кто там? – невнятно спросил Василий, продолжая освобождать угол погреба и отрывать доски пола.

– Сам директор пожаловал, плюс руководство «губошлепов», плюс Люда Белоярцев.

Василий присвистнул, сдвинул обнажившуюся крышку люка в полу.

Матвей вылез из погреба, готовый в течение долей секунды прыгнуть обратно, вытащил и положил на сгиб локтя гранатомет.

– Бросай свою пушку, Соболев! – крикнул Белоярцев. – Это тебе не поможет, ты у нас на мушке.

– Я хотел бы поговорить с тем, кто отдает приказы, – ответил Матвей, – а не с тем, кто их выполняет.

Директор Федеральной безопасности повернул голову к группе людей справа, отдал какое-то распоряжение и двинулся с горба вала вниз в сопровождении великанов телохранителей. Матвей оставил гранатомет у горловины люка в погреб, спустился на полотно со своей стороны. Догадливый Василий выставил рядом пулемет, но сам не показывался, зная, что снайперы ждут его появления.

Они сошлись на полосе шпал.

– Склад окружен, – сказал холодно Коваль. – Сопротивление бесполезно. Сдавайтесь, Соболев, поедем выяснять отношения.

Матвей ощутил мгновенное давление на глазные яблоки, на кости черепа, нервные узлы лица и понял, что перед ним вселенный, авеша кого-то из многореальных существ. Потеряв Хватова, директор каким-то образом вышел на уровень систем связи Внутреннего Круга и вызвал Монарха. А может быть, кого-то из иерархов.

– Не поеду я с вами, Сергей Вениаминович, – сказал Матвей. – Все обвинения в мой адрес ложны, и вы это знаете.

– Знаю, – кивнул Коваль. – И все же ты потенциально опасен, ганфайтер. Пока ты на свободе, я не могу спокойно делать свое дело.

– Нейтрализовать остальных лидеров-конкурентов?

– Ты все хорошо понимаешь. Я даже не буду тебя убивать, просто изолирую, посажу на некоторое время под замок.

– А зачем вы взяли с собой Казанцева и Зинченко?

– Неужели не догадался?

Матвей посмотрел в глаза директору, который значительно-торжественным тоном, подражая диктору телевидения, закончил:

– В завязавшейся перестрелке террористами были убиты начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью и его заместитель... Но этого можно избежать, – уже

другим, будничным, тоном добавил Сергей Вениаминович. – Если вы сдадитесь без боя.

Матвей, вошедший в режим, шестым чувством понял, что директор ФСБ лжет. Их с Василием захват оставался самым удобным предложением для уничтожения ближайших соперников.

– Хватова убил ты? – осведомился Коваль, делая какой-то знак пальцами левой руки.

– Воин Внутреннего Круга, – ответил Матвей, начиная комбинацию чи-мэй [77]; он чувствовал, что времени на разгон обычных стилей – айкидо, русбоя или карате-дзицу – у него нет.

Телохранители директора, накачанные сверх всякой меры, наверняка хорошо держали удары, но защиты от парализующих прикосновений не знали. Они успели вытащить пистолеты только для того, чтобы тут же выронить их и рухнуть рядом. Коваль, будучи авешей иерарха, действовал быстрее, да и его психоматрица знала приемы э-боя и защиту от них, но для выполнения приемов одного знания их недостаточно, надобно иметь еще и тренированное тело, а этим Сергей Вениаминович, давно забывший, когда он в последний раз был на стадионе, как раз похвастаться и не мог. Пропустив шоковый укол, он на какие-то доли секунды замедлил темп движений, что позволило Матвею оглядеться для оценки внешних событий, и ему удалось уловить едва заметное движение Белоярцева, поднявшего пистолет.

Что у майора был «дырокол», а не обычное огнестрельное оружие, Матвей понял только после выстрела: за мгновение до того, как палец Белоярцева утопил гашетку «дырокола», он рванул Ковалю на себя и увидел, как над бровью директора ФСБ вырос небольшой стерженок телесного цвета, тут же заплывший кровью. И лишь после этого послышался хрусткий стеклянный звон луча-струны «дырокола», сдвинувшего в пространстве луча атомы всех предметов в радиусе ста метров.

Коваль стал падать на Матвея, и это страшное долгое падение все длилось и длилось, а все кругом было как в тумане, и не хватало сил отвести взгляда от сантиметрового кровавого штырька, выросшего над бровью между лбом и виском директора...

Тра-та-та-та! – гулко заговорил пулемет с вершины вала.

Три пули попали Белоярцеву в лицо, отбросив тело за штабель шпал, остальные ударили по укрытиям, заставив солдат «Грозы» попрыгать свои головы.

– Соболь, гони! – раздался голос Василия.

Напрягаясь до боли в натянутых мышцах, Матвей пробежал десять шагов по откосу вала вверх, нырнул головой вниз в открытый люк, и только после этого соединенные силы захвата открыли огонь из всех видов оружия, не сразу сообразив, куда надо стрелять: бега Матвея в режиме сверхускорения большинство бойцов не видели.

– Быстрее! – поддержал его снизу Василий, не терявший присутствия духа, швырнул в отверстие пола погреба одну из сумок, сиганул туда сам, крикнул:

– Сумки возьми и больше ничего не трогай!

Матвей подхватил две оставшиеся сумки, бросил в люк и спустился туда сам. Когда он достиг дна квадратного колодца и углубился в узкий, но достаточно высокий ход, сзади раздался взрыв, и стены погреба-склада рухнули, завалив колодец.

Однако, вопреки ожиданиям Матвея, подземный ход закончился уже на двадцать девятом шаге. Наткнувшись на спину Василия, Соболев остановился, прислушиваясь, но сюда звуки с поверхности земли не долетали.

– Что остановился?

– Думаешь, копатель этого крысиного лаза, то есть я, разумеется, прорыл туннель до Кремля? – хмыкнул Василий. – К сожалению, всего лишь до одного из соседних погребов, о чем его хозяин, естественно, не подозревает.

Балуев потянул на себя за ручку деревянный щит, со скрипом оторвал перекладину, и в тот же момент ход сзади обвалился. Обоих швырнуло воздушной волной вперед. Василий выругался, но не выпустил ручки и открыл еще одну дверь, за которой оказалась деревянная стенка погреба. Отбить доски было минутным делом, после чего друзья проникли в помещение гораздо более скромное по размерам, чем то, откуда они только что сбежали. В нос ударили убойные запахи квашеной капусты, картофеля, плесени и пыли.

– Устраивайся, – гостеприимно повел рукой Василий. – Здесь можно год продержаться на овощной диете.

Матвей поднялся по лесенке к люку, нашел щель, но, кроме штабелей шпал, ничего не увидел. Не было и особого шума: стрельба стихла, ветер доносил лишь мужские голоса да звуки автомобильных моторов.

– Ход они вряд ли станут раскапывать, – сказал Василий. – Подождем, пока они уберутся отсюда, тогда и уйдем.

– Они не дураки и рано или поздно начнут обшаривать все погреба и сараи в округе. Уходить надо сейчас, пока они не опомнились.

Балуев раздумывал недолго.

– Ты прав, давай переоденемся и попробуем пробраться за кольцо оцепления. Коваль быстро сообразит, где нас искать.

– Не сообразит. Его убрал Люда... Белоярцев... из «дырокола». Так что, не вмешайся ты, я бы сейчас тоже лежал там с дыркой в одном боку и стержнем из собственной кожи в другом.

Василий странно посмотрел на Соболева: оба уже адаптировались к темноте и все вокруг хорошо видели.

– Ты что? – встревожился Матвей.

– Ничего... интересно получается... Рыков мне сказал, что они всегда добиваются цели. Какая ему разница, каким путем это достигается. Им надо было убрать директора ФСБ, они его убрали. Послушай, может, чтоб отстали, сделаем то, чего они от нас хотят? Коваль уже готов, осталось убрать Гусева, министра МВД, лидеров «ККК» и «СС»...

– Не отстанут, – убежденно сказал Матвей. – Мы слишком много знаем. Союз Девяти получил от иерархов особые команды ПАН и ПРОПАЛ для наведения на цель и ликвидации неугодных лиц. Психоматрицы ликвидаторов внедряются в людей, подходящих для выполнения задания, и те делают дело. В Тамбове меня перехватили опера особого отдела МВД. Кроме того, сомневаюсь, что Коваль в самом деле мертв. В момент выстрела он был авешей Монарха, что давало ему шанс выжить. Но ты попал в точку, Союз Девяти способен, наверное, точно рассчитать самые сложные траектории решения проблемы.

Матвей почувствовал вдруг ледяной озноб, вспомнив слова Горшина о том, что он сидит в узле чужих программ... Так может быть, и в самом деле он запрограммирован иерархами на выполнение

определенного задания? Но какого? Да иерархами ли? Зачем им в таком случае нейтрализовывать его, устраивать на него охоту? Может быть, в нем заинтересованы... Аморфы?

—..расселся? — донесся в этот момент голос Василия. — Переодевайся быстрее!

Через минуту они превратились в пожилую пару, в которой роль супруги играл Василий. Сумки спрятали в том же коридорчике, откуда вышли, предварительно восстановив деревянную обивку стены погребца. Открыли люк, перекусив изнутри дужку висячего замка, и выбрались наружу с ведром картошки в руках. Пока Василий цеплял новый замок на крышку люка, Матвей осматривался и возблагодарил Спасителя за то, что погреб располагался по другую сторону вала железнодорожного пути. С этой стороны «федепасы» оставили охрану всего из двух человек и машины, на которых приехали.

Солдаты, равнодушно глянув на вышедших из погребца старика и старуху, снова уставились на вершину вала, где копошились их товарищи, и ганфайтерам не оставалось ничего другого, как сесть в одну из машин — фургончик «каролина», в одно мгновение обезвредив водителя.

Через четверть часа они бросили фургон возле Белорусского вокзала, где поймали такси и доехали до своей «базы» в квартире Марии.

РАНДЕВУ С ХРАНИТЕЛЕМ

Ульяна позвонила в двенадцать ночи, когда Матвей и Василий уже пришли в себя после схватки с подразделением ФСБ и укладывались спать, разработав план проникновения на базу юргеновского отряда «Стикс» в Бутове. До этого Василий нашел Шевченко, попросил его дать поработать на компьютере Ассоциации «Барс» и, зная коды Минобороны, вытащил из оборонной компсети необходимые сведения о военном городке в Бутове. Теперь ганфайтеры знали все, что было нужно для проведения операции по освобождению Кристины и Стаса.

Трубку сняла еще не ложившаяся спать Мария, подозвала к телефону Соболева, кутаясь в пуховый платок поверх вызывающе открытого халатика. В глазах ее стояли любопытство и грусть, и Матвей, беря трубку, погладил ее по руке.

– Соболев, – услышал он голос Ульяны. – За вами сейчас заедут, собирайтесь и спускайтесь во двор.

– Это обязательно? – не сразу спросил Матвей.

– Если хотите жить – да! – Телефон замолчал.

– Кто это? – не удержалась на этот раз от вопроса Мария. – Жена?

– Сестра, – почти честно ответил Матвей, разведя руками. – Кажется... мы уезжаем.

– На ночь-то глядя?

– Так мы живем... с некоторых пор.

– Придете еще?

– Не знаю, – сказал Матвей честно. – Собирайся, – бросил он оторвавшему голову от подушки Василию.

Тот, демонстрируя неплохую выдержку, молча стал одеваться, и Матвей объяснил:

– Звонила Ульяна, нас куда-то повезут.

– Лишь бы не на кладбище. Поедем налегке?

– На всякий случай экипировку возьмем с собой.

Они спустились во двор, одевшись по-походному в теплые джинсовые костюмы, с сумками через плечо, и несколько минут простояли в подъезде, глядя на мокрый асфальт двора. Черная «мазда»

с военным номером подъехала тихо, не зажигая фар. За рулем сидела Ульяна Митина.

– Добрый вечер. Сумки могли бы и не брать.

– Уже ночь, – сказал Василий, на которого присутствие Ульяны действовало гипнотически. – А в сумках только завтраки. Куда вы нас решили забросить?

– На кудыкины горы, – засмеялась Ульяна, и от ее смеха у Матвея сжалось сердце, готовое разорваться на части: одна его часть болела болью за Кристину, вторая радовалась встрече с Ульяной.

«Мазда» выкатилась на улицу, повернула по Фрунзенскому валу к набережной. До окончания поездки они не произнесли ни слова. Через сорок минут машина съехала с Волгоградского проспекта на Люблинскую улицу, остановилась возле автозаправки. Из темноты вышел человек в плаще, подождал, пока они выйдут.

– Я подожду вас здесь, – сказала Ульяна. – Ни пуха...

– К черту!

Матвей двинулся к человеку в плаще и вдруг узнал в нем Самандара. Остановился. Василий ткнулся ему в спину, чертыхнулся, вытаращив глаза на директора МИЦБИ.

– Вы же... убиты!

– Как видите, не совсем, – невозмутимо ответил Вахид Тожиевич. – Посвященных трудно уничтожить. Пойдемте, друзья, нас ждут.

Матвей повиновался без слов.

Они вошли в небольшой сквер возле одиноко стоящего двухэтажного старинного особняка, сохранившегося, судя по медной доске на фасаде, со времен Петра I, вошли на резное каменное крыльцо, где их ждал еще один человек – Иван Парамонов. Он пожал друзьям руки, подтолкнул их к открывшейся двери, шепнув:

– Идите смело.

Отчего-то оробевшие Матвей и Василий шагнули за порог и, преодолев в полутьме коридор, вошли в комнату с камином, где горел огонь. Отблески его освещали фигуру человека в кресле перед камином, и, хотя в мятущемся свете трудно было разглядеть лицо сидящего, Матвей сразу узнал его.

– Хранитель!

– Матфей?! – эхом отозвался Балуев.

Человек поднял голову, сделал приглашающий жест.

– Проходите, идущие, присаживайтесь. – Он подождал, пока гости снимут куртки и сядут в приготовленные для них кресла. – Меня кое-кто просил помочь вам, и аргументы этих людей показались мне достаточно убедительными. Но все же хотелось бы побеседовать с вами, прежде чем мы перейдем к конкретным делам.

– Кто просил? – поллюбопытствовал Матвей.

– Те, кто привел вас ко мне.

– Самандар и Парамонов? – удивился Василий. – Но ведь они же... отступники!

– Может быть, по отношению к воле иерархов, но не по отношению к законам Внутреннего Круга.

– Разве они не преступили Закон мауна?

– Конечно, нет, потому что они нашли Учеников. На подобную ситуацию Закон мауна не распространяется.

– Допустим. И все же непонятно, почему вы согласились помочь нам. Такие люди, как вы, обычно устанавливают контакты только с равными себе.

– А кто сказал, что мы не равны? – По губам Матфея скользнула едва заметная улыбка. – Но мы еще вернемся к этому.

– Хорошо, тогда сразу главный вопрос: чем вы можете помочь нам?

– Ваши друзья просили подключить вас к эгрегору Хранителей. Они сказали, что вы знаете принципы такого вхождения.

– Стать пользователем силы эгрегора можно, лишь став предварительно проводником его идей...

– Абсолютно верно. Вы готовы к этому?

Матвей и Василий переглянулись.

– О каких идеях идет речь?

– Девять Неизвестных, с которыми вы имели честь столкнуться, стратегически правы: реальность требует коррекции на многих уровнях, в том числе и на социальном. К сожалению, структура запрещенной реальности, как и во времена Инсектов, основана на абсолютной слабости, малодушии, бессилии, невежестве, полной уязвимости индивида, который создает коллективные системы защиты, поддержки и контроля. Вся история человечества иллюстрирует власть патологических форм над нормальными. Да, повторюсь: Девять

Неизвестных совершенно правы – нашу реальность необходимо жестко корректировать. Но для этой цели они избрали негодные средства. Возможен иной путь.

– Какой же?

– Принцип ненасилия.

– Кажется, мы понимаем.

– Наверное, все же не до конца. Принцип ненасилия не равнозначен религиозному принципу покорности.

– Если это так, – вставил слово Балуюв, – то почему вы не вмешаетесь в деятельность Девяти?

– Я мог бы ответить девизом Хранителей: мы подобны Солнцу, которое одинаково светит всем! Но я отвечу иначе: Хранители давно были бы уничтожены, если бы вмешивались в силовые разборки властных эго-структур Мироздания.

– Тогда почему сегодня вы изменили этому принципу?

– Нет, еще не изменил. – Опять беглая улыбка коснулась губ Матфея. – Ведь даже помощь нашего эгрегора – не панацея от вмешательства более мощных сил. Но не буду лукавить: Хранители встревожены. Мы видим, что происходит ускоряющаяся инсектиализация и бестиализация интеллекта: чем умнее индивид, тем отчетливее в нем проступает насекомое и могущественный зверь. Прогресс порождает все большее число титанов ума и пигмеев духа. На примере маршала Сверхсистемы это можно проследить достаточно ярко. Под угрозой дело всей нашей жизни – Хранение Информации. Вот почему мы не можем стоять в стороне.

Матвей покачал головой.

– Вы спохватились слишком поздно.

– Ваша оценка эмоциональна и потому неверна.

– Но мне вы уже не сможете помочь, иерархи заблокировали мне выход в энергоинформационное поле астрала и ментала.

– Астрал и ментал – лишь первые два уровня информационного континуума, существуют и другие – универсум и логос. С помощью эгрегора вы сможете их достичь... если эгрегор Хранителей примет вас. Ведь он тоже – своего рода рой.

– Не эгрегоры мы выбираем, а эгрегоры выбирают нас, – пробормотал Матвей.

– Абсолютно верно.

– А можно пару конкретных вопросов? – вмешался Василий, дождавшись паузы.

– Что оберегают Хранители? И где? В МИРах Инсектов?

– МИРЫ Инсектов сохранились лишь благодаря воле иерархов, мы не имеем к ним никакого отношения, как и вообще к сохранившимся Великим Вещам той жизни. Мы храним информацию, и место ее хранения – эгрегор.

Василий непроизвольно округлил было губы, чтобы свистнуть, и сдержался, уловив брошенный на него взгляд Соболева.

– Чтоб мне лопнуть! Я никогда бы не... Значит, и оружие Инсектов тоже не находится под вашей опекой?

– Увы, мой друг. И то, что его собираются реактивировать, беспокоит нас еще больше. Если вам удастся помешать этому, грядущее Изменение может не произойти.

– Вам и это известно... что готовится новое Изменение? Если да, то кем?

Матфей отвернулся, подбросил полено в огонь. Из тьмы вдруг выступил его чеканный суровый профиль, и Соболеву на мгновение стало страшно.

– Существует изречение, – медленно проговорил Хранитель. – Бог никогда не отменяет того, что однажды решил, если даже нам и кажется, что происходит нечто противоположное [\[78\]](#). Аморфы ушли... не все, но большинство. Однако остался тот, внутри которого мы живем... и терпение его не беспрельдно.

– Вы говорите... жуткие вещи! – вполголоса заметил Василий, который тоже понял смысл и тон сказанного. – Если ничего нельзя сделать, если новое Изменение запрограммировано, стоит ли барахтаться, бороться за справедливость, пытаться изменить жизнь к лучшему?

– Только такие попытки и смогут оттянуть перемены, а то и вовсе отменить.

– Ну, коли так, тогда есть смысл... тогда давайте говорить о конкретных вещах. Что вы хотите нам предложить?

– Как всегда – только информацию, – усмехнулся Хранитель. – Вы многое знаете, но не все. Существует шесть так называемых эго-групп существ, чьи сферы интересов пересеклись в запрещенной реальности, в том числе и на Земле. И все шесть считают, что именно они

действуют правильно, в соответствии с абсолютным пониманием добра и зла. Вот эти группы: группа Монарха, группа Лекса...

– Стоп! – тут же отреагировал потрясенный Матвей. – Как вы сказали? Группа... Лекса? Разве он не... сам Монарх?

– Лекс – Аморф, который предложил свою концепцию переустройства реальности, отличную от той, что исповедуют иерархи и Монарх. Я продолжу, если позволите.

Матвей, который наконец нашел объяснение своим дискомфортным ощущениям во время недавнего разговора с Ковалем, как оказалось – авешей не Монарха, а Лекса, согласно кивнул.

– Итак, группы Монарха, Лекса, иерархов низших каст – Посвященных и Мастеров, инфарха и примарха, Внутреннего Круга – то есть базового лагеря, к которому имеем честь принадлежать и мы. И наконец, Союза Девяти. Все эти группы ведут тихую, но весьма напряженную борьбу за право управлять законами реальности. И почти все они будут убирать возникающие препятствия любым доступным им способом.

– Например, организовав «волны выключения».

– Абсолютно верно. Вы стали мешать Девяти, иерархам, инфарху, Аморфам... в общем, финал достаточно ясен, если вы не остепенитесь.

– Тогда почему вы так печетесь обо мне? Зачем я нужен вам? Что должен делать, чтобы выжить?

– Не мне вы нужны – Мирозданию. Раздоры всех перечисленных эго-групп может прекратить лишь корректирующая Личность, или аватара [\[79\]](#), если вспомнить мифологию. Аватара всегда появляется, когда миру угрожает опасность, когда под угрозой все человечество. Будда, если помните, был аватарой бога Вишну, как Иисус Христос – аватарой христианского Бога. Но это к слову. Наша реальность ждет нового аватару. Вы понимаете?

Василий ошеломленно глянул на Матвея, перевел взгляд на Хранителя.

– Вы что же... хотите сказать, что Соболев... аватара?!

– Еще нет, но – надежда на него. Очень многое зависит от его деянии, мыслей, переживаний, устремлений, от выбора пути. Аватара должен обладать шестью качествами: силой и властью, могуществом, величием, мудростью и самоотречением. И прежде всего – самоотречением.

– Что ж, в таком случае мне это не грозит, – с грустной уверенностью и философским спокойствием отозвался Матвей. – Я есмь человек... и давайте о другом. Все эти разговоры об аватаре смешны.

– Давайте о другом, – согласился Матфей. – В скором будущем вам придется выдерживать атаки на уровне глубокой психики – витальные и ментальные. Витальная атака, «затемнение просветленного», действует на сознание, ментальная – увод с «путей истинных» – на подсознание. Вам надо научиться защищаться от них. Существует техника уклонения от психического удара путем перехода на другую частоту психического состояния. Мы научим вас этому. Надежда на аватара, как бы вам ни были неприятны эти намеки, остается.

– Но почему все-таки именно я? Не Посвященный, не человек Круга, не иерарх?

– Каждый человек получает по наследию полный пакет генетических программ, в том числе и ранее не использованных, и тех, которые должны, работать через тысячи поколений. Но только сильные личности, способные к самоотречению и смирению, имеют шанс генетического резонанса, поднимающего их на уровень Великого Деяния. Ищите Учителя, юноша.

– Ученик должен соответствовать уровню Учителя.

– Горе и боль – вот самые доброжелательные Учителя. Но вы поймете это позже. Думайте, будем думать и мы.

Матвей понял, что аудиенция окончена, встал, поклонился и пошел к двери, взяв в руки куртку. Василий, вконец осоловев, сраженный свалившейся на его голову информационной бомбой и не в меру разыгравшимся воображением, молча последовал за ним.

Парамонов, ожидавший у крыльца, сразу понял все по их лицам и, не говоря ни слова, повел к машине. В кабине, посидев минуту неподвижно, Матвей обвел прозрачно-голубым взглядом лица сидящих и прошептал:

– И все же этот путь, наверное, тоже не мой... – Матвей словно очнулся. – Пора действовать, монсеньеры. Который теперь час?

– Два ночи.

– Я иду за той, которой принес столько горя... – Матвей прервал сам себя, поясняя:

– Я иду за Кристиной. Вася, ты как?

– Обижаешь, аватара, – пробурчал Балуев.

– Мы пойдем туда вместе, – мягко и решительно проговорил
Парамонов. – Потом расскажете, как сложилась беседа.

Ульяна за рулем, посматривая на отрешенное лицо Матвея,
тронула машину с места.

ТЫ НАС НЕ БРОСИЛ!

Операция по освобождению Кристины и Стаса напомнила Матвею его поход с Тарасом Горшиным в больницу ФСК за раненым Ариставой. Только теперь роль лидера играл Парамонов, а участников экспедиции было четверо, включая Матвея с Василием и Самандара с Парамоновым. Да Ульяна за рулем автомобиля.

К военному городку в Бутове, пригрезившемуся Соболеву во сне-предупреждении, они подъехали в четвертом часу ночи, экипированные по высшему стандарту операций класса «элит».

Первыми к будке проходной рядом с воротами подошли Самандар и Соболев. Дремавший на вышке часовой в двадцати шагах от ворот встрепенулся, но увидел знакомые фигуры и снова закрыл глаза. Разбуженные звонком дежурные лейтенант и сержант в будке поста открыли дверь, увидели полковника Юргена в сопровождении телохранителя и вытянулись по стойке «смирно», балдея от появления начальства в столь неурочное время.

«Юрген», не говоря ни слова, прошел во двор городка, направился к отдельно стоящему одноэтажному кирпичному строению с узкими зарешеченными окнами и металлической дверью, но на полпути свернул к штабному домику, на крыльцо которого вышел дежурный офицер базы майор Гарькавый, предупрежденный охраной на входе, приложил руку к берету:

- Товарищ полковник, за время дежурства в подразделении...
- Оставь, майор, – бросил «Юрген». – Что с пленниками?
- Да вроде все в порядке, находятся под усиленной охраной, сейчас, наверное, спят.
- Откройте изолятор.
- Слушаюсь.

Майор нырнул в дверь штаба и вернулся с ключами. На лице его жило выражение жгучего желания проснуться.

- Может быть, нужно что-нибудь еще?
- Поспеши, мне некогда. – «Юрген», не оглядываясь, пошел к угрюмому зданию изолятора, старший дежурный смены поспешил

вперед, остановился перед строением в десяти метрах, поднес к губам рацию.

Тотчас же из темноты с трех сторон выступили темные фигуры в маскировочных костюмах, с автоматами в руках. Дверь в изолятор распахнулась, и на пороге появился... еще один полковник Юрген в своем фирменном комбинезоне для десантных операций.

Матвей покосился на Самандара, играющего роль «полковника», и увидел на его лбу выступившие капельки пота.

– Наконец-то вы решились на штурм, – с веселым пренебрежением сказал настоящий Юрген. – А ничего, с виду ты – вылитый я... если смотреть издали. Вы, конечно, мощные гипнотизеры... или кто там еще, мне говорили, но вот одного вы не учли. – Полковник поднял волосы на виске, под которыми блеснула металлическая сеточка. – Генератор пси-защиты. На них – тоже. – Он указал на окруживших гостей солдат. – Так что, увы, ганфайтеры, штурм ваш провалился. Даже обидно, что вы действовали так прямолинейно, могли бы придумать что-нибудь и похитрей. Неужели вдвоем рассчитывали отбить своих баб и детей у моего «Стикса»?

Самандар и Матвей молчали. Юрген хмыкнул.

– Что-то вы не очень разговорчивы. Кто из вас Соболев, а кто Балуев?

Матвей понял, что, несмотря на защитные приспособления, Самандар продолжает держать сознание полковника и его подчиненных под контролем, значит, пока все шло по разработанному сценарию.

– Я Соболев, – шагнул вперед Матвей.

– Ага, я так и думал. – Юрген махнул рукой майору с рацией. – Проверьте периметр и пройдитесь вокруг базы на всякий случай, вдруг у них есть поддержка. Ну, а с вами...

– Подожди, полковник, – быстро проговорил Матей. – Дай хоть взглянуть на... пленников, убедиться, что с ними ничего...

– А вот это уж – позволь, пусть пока посидят. Никто и пальцем не тронул, хотя было желание... поиграть с мадам, уж больно красивая. – Юрген растянул губы в плотоядной улыбке, глаза его стали масляными. – Кусается только.

– Если ты ее... – Голос Матвея стал хриплым.

– То что? – поднял брови Юрген. – Ты меня в угол поставишь? – Солдаты заржали. – Или проведешь операцию перехвата под огнем шести стволов? Вряд ли тебе это удастся даже с твоими возможностями. Но вообще идея хорошая – потягаться с тобой в спарринге. Министр почему-то дал приказ доставить тебя к нему живым, но он ничего не говорил, когда – до боя или после. Будем считать, что мы перехватили вас при попытке десантного прорыва.

– Покажи... девушку... и сына... – проговорил Матвей шепотом. – Потом устроим показательный бой.

Юрген оскалился, собираясь ответить отказом, но почему-то передумал. Капли пота на лбу Самандара стали крупнее, и Юрген пренебрежительным жестом подозвал дежурного майора:

– Приведи их, пусть посмотрят напоследок.

Майор скрылся в здании изолятора и через несколько минут вывел Кристину и сонного Стаса. Несколько долгих мгновений Матвей вглядывался в их родные, осунувшиеся, бледные лица, молча передавая импульсы любви и нежности, надежды и успокоения. Потом повернул голову к Юргену:

– За то, что ты сделал, полковник, ты скоро заплатишь в полной мере.

Юрген сплюнул, махнул рукой на изолятор.

– Уведите! – И в это время недалеко вдруг послышался звук автомобильного мотора, смолкшего у входных ворот.

– Кого еще принесло? – прислушался к шуму Юрген, доставая рацию. – Сманидзе, что там у тебя за шум?

В ответ ворота базы раздвинулись, и во двор вкатился широкий черный «лендровер» с флажком на капоте, приблизился, урча мотором, к зданию изолятора.

Открылась дверца, и из темного нутра автомобиля грузно вылез... министр обороны Федор Иванович Гусев.

Если бы Матвей сам не готовил появление «министра», он поверил бы в то, что появился истинный министр, собственной персоной. У него на миг даже возникло сомнение: уж не случилось ли совпадения?

– Этих в машину, – властно бросил «Гусев», кивая на девушку и Стаса. – А этих в подвал. – Беглый взгляд на Матвея и Самандара. – Все-таки решились на штурм базы. Молодец, полковник, дождался. Я

не верил, извини. Смотри-ка, один из них здорово смахивает на тебя, а?

– Удивляться не приходится, – пожал плечами Юрген. – Маскироваться они умеют. Если бы меня здесь не было, кто знает, как бы все повернулось. Вы забираете пленников? Зачем?

– Они тебе больше не понадобятся. – Министр знакомо глянул на Юргена из-под кустистых бровей. – Не увлекайся играми в честные поединки, ты мне понадобишься к утру.

Юрген ослабился.

– Мы тут просто выясним отношения. Об этом ганфайтере так много говорят, что мне не терпится проверить его на профпригодность. Хочу выяснить, на чем погорел Паша Кийк, пусть покажет свое мастерство.

– Ну-ну. – «Гусев» обошел стоящих неподвижно Матвея и Самандара, изображавшего Юргена. – Я был о вас лучшего мнения, господа ганфайтеры. На что вы рассчитывали? Впрочем, полковник вскоре задаст вам эти и другие вопросы, советую отвечать искренне и честно, это облегчит вашу участь.

«Министр» сел в машину, куда верзила телохранитель затолкал Кристину и Стаса, потом высунулся в окно.

– Привези их мне к восьми утра домой, желательно живыми. Понял?

– Да ладно, генерал...

– Не перестарайся с «болевиком», полковник, а то я тебя самого пропущу через него! – В голосе «министра» прозвучала такая зловещая угроза, что Юрген невольно подтянулся.

– Все будет сделано, господин министр!

– Оставляю своего малыша, он проконтролирует.

Верзила телохранитель «Гусева» вылез из машины, и Матвей с трудом узнал в нем Василия, да и то лишь потому, что ожидал его появления.

«Лендровер» заурчал двигателем, попятился и повернул к воротам, заливая их потоками света от фар. Все во дворе спящей базы смотрели ему вслед, пока он не исчез и пока не стих звук мотора. Потом Юрген очнулся, улыбнулся мертвой улыбкой, сказал оставленному «министром» охраннику:

– Только не вмешивайся ни во что, лады? У меня с этими парнями свои счеты. Я гляжу, ты новичок, так вот мой тебе совет: подумай о карьере. Договорились?

Василий кивнул, отошел в тень здания, и все тут же забыли о нем.

– Только один вопрос, полковник, – с неожиданным холодным безразличием проговорил Матвей, с плеч которого словно гора свалилась, ему хотелось плакать и смеяться, петь и кричать, но среди лиц солдат привиделось укоризненное лицо деда, и это остужало огонь ненависти. – Кто убил Кузьму Федоровича?

– Ну я, – пожал плечами Юрген. – Хотелось проверить действие «болевика» на таком материале. Он и минуты не продержался. Что еще тебе хочется узнать, ганфайтер? Все свои вопросы задал? Может быть, начнем?

– Начнем! – ответил Матвей, переходя на темп.

Юрген почувствовал, что сделал ошибку, решив «поиграть» с ненавистным ему мастером рукопашного боя, когда его блок и защита не смогли нейтрализовать атаки противника. Удары были столь сильными и жестокими, что спасло полковника лишь умение концентрировать энергию на мышечном обезболивании. Но даже это мало помогло.

Сначала он пропустил два удара подряд из техники русбоя – «штык» и «сивуху», от которых пролетел по воздуху метров пять и сбил с ног одного из своих подчиненных с автоматом. Потом его блок пробил удар ногой, известный адептам боевых стилей под названием „ко-гэри ка-суми”^[80], от которого Юрген снова пролетел по воздуху несколько метров и врезался головой в бочку с водой, стоящую у колонки.

– Возьмите... их! – прохрипел он, царапая пальцами карман куртки, чтобы достать пистолет.

Бойцы «Стикса» бросились на Самандара и Матвея, но двое из них тут же споткнулись и упали, чтобы уже не подняться. Старший дежурный, сопровождавший «начальство» к изолятору, не был новичком и успел заметить движение телохранителя, оставленного «министром» (Василий бросил две звездочки сякэнов), но успел только поднести к губам рацию и был вырублен еще одним точным броском Василия. Сюрикэн разбил рацию и глубоко вошел в рот майора вместе с осколками рации.

Самандар нейтрализовал двух автоматчиков и отступил в сторону, напрягая свою чувственно-волевую сферу для более полного контроля схватки и часовых возле ворот. Остальных «зомби» Юргена взял на прием Василий, ломая им челюсти, руки и ребра, не давая возможности начать стрельбу. Общий бой поэтому длился всего минуту и закончился падением последнего «зомби»-солдата; всего их оказалось семь человек.

Затем Матвей нанес последний удар Юргену из системы э-боя и остановился на дрожащих от напряжения ногах, опустил руки. Удар-укол поразил одну из болевых точек за ухом, но был нанесен с таким энерговыходом, что возбудил всю нервную систему. Нервы Юргена буквально взбесились от пси-ожога, и он закричал, завыл от дикой боли, вцепившейся в тело, в глазные яблоки, гениталии, в позвоночник и мозг. Этот крик был так страшен, что заставил вздрогнуть даже Самандара, с трудом удерживавшего контроль над проснувшимся часовым на вышке.

– Уходим! – дернул Василий за рукав Матвея, бросаясь к воротам.

Сам он рванул было за ним, но вернулся, заметив, что в какое-то мгновение Матвей вдруг застыл, словно парализованный.

– Какого дьявола?

Матвей очнулся, подошел к Юргену, бившемуся на земле, наклонился над ним, глухо проговорил:

– Деду было еще больней, подонок!

Крик превратился в хрипение, Юрген открыл безумные глаза, вытянул из-под себя руку с пистолетом, вернее, с «болевиком», и Матвей одним движением освободил его от мук и боли.

Тревога на базе началась, когда они прошли через проходную (часовые опять увидели полковника Юргена с двумя солдатами) и скрылись за углом продовольственного магазина, где их ждала в машине Ульяна.

Всю поездку на скорости сто двадцать километров в час они провели в молчании, возбужденные и усталые, все еще переживая отдельные моменты боя. Затем Ульяна остановила «мазду» и сказала ровным голосом:

– Приехали.

Матвей наконец пришел в себя, огляделся, понял, что Ульяна привезла их к дому Марии. Вопросительно посмотрел на нее:

– Где... они?

– Парамонов доставил твоих близких сюда, – ответил Самандар ворчливо. – Но следует подыскать для них более надежное место. Если оно, конечно, еще существует на Земле.

– Спасибо. – Матвей глянул в лицо Ульяны. – Теперь я навеки ваш должник. И еще мне хочется... сказать... – Он запнулся, и девушка закончила за него:

– Мы не прощаемся, идущий. Кто знает, когда и где это произойдет, но мы обязательно встретимся. Ты и я... и Вахид Тожиевич, и Иван Терентьевич...

– И я, – вставил слово Василий полушутливо, но с обидой.

Ульяна улыбнулась.

– И вы, синьор Балув.

Матвей вылез из машины, потянул за собой Василия. Мигнули фары, «мазда» тронулась с места и, словно призрак, растворилась в темноте переулка.

– Были бы у меня крылья... – пробормотал Василий, глядя вслед машине, и, обнаружив вдруг, что остался один, поплелся к подъезду, в котором только что скрылся Матвей.

Дверь открыла им Мария, лицо которой выражало недоумение, пугливое ожидание и обескураженность.

Матвей, не отвечая на ее немой вопрос, вошел в прихожую и едва не был сбит с ног ворвавшейся туда Кристиной, а за нею и Стасом.

– Любимый! – с рыданием проговорила Кристина, обнимая за шею Соболева. – Ты нас не бросил! Ты... нас... не бросил!

Вошедший Василий молча развернул Марию, глядевшую на эту сцену во все глаза, и подтолкнул к гостинной.

МИР ВОЗБУЖДЕННЫЙ

Глубокой ночью они проникли в подземный ход, ведущий к Кремлю под Москвой-рекой из-под церкви Николая Чудотворца на Берсеневской набережной.

Целый день до этого события Матвей и Василий отдыхали, заботливо опекаемые Кристиной и Марией, быстро подружившимися. И было это так хорошо, что Матвею не хотелось ни о чем больше думать и ничего делать. Если бы не тревога на душе за судьбы Посвященных, ставших родней и ближе за несколько проведенных вместе часов, то все было бы и совсем отлично.

Однако Матвей первым напомнил Василию об их обязательствах перед Ульяной, поэтому вечер они потратили на сборы, с трудом успокоив женщин и Стаса, не желавших ни в какую отпускать их.

Оба были экипированы по высшему классу «элит», разве что вместо маскировочных комбинезонов они надели черные ночные костюмы из комплектов «ниндзя». Остальное снаряжение соответствовало цели похода – проникновению в реликтовый МИР-Храм Инсектов и уничтожению склада с оружием древних разумных насекомых, буде таковой найдется. Плюс нейтрализация команды лидера «Чистилища», вознамерившегося подвооружиться более мощными системами уничтожения людей.

В подземный ход под Кремлем проникли легко. Никто его не охранял, а замки на воротах и дверях палат думного дьяка Аверкия открыть не составило особого труда.

Фонарей не включали, имея шлемы с ноктовизорами последней модели, позволяющими ночью все видеть почти так же хорошо, как днем. Матвей снова попытался войти в состояние меоза, ему это не удалось, и он на сей раз оставил эти попытки, с горечью констатируя свое неумение пользоваться прямым каналом связи с Горшиным.

Стенку, отделяющую тупиковый туннель от параллельного, ведущего в недра Кремлевского холма, удалось проломить обыкновенным ломом, который они взяли с собой специально для этой цели; сложена стенка была из двух рядов кирпичей – белых, современных, и коричневых, окаменевших от старости и

многовекового пребывания под землей. Почему этого не сделали ранее исследователи подземелий, оставалось только гадать.

Второй коридор оказался ненамного шире, но существенно выше, так что идти можно было, не сгибаясь в три погибели.

– Что-то незаметно, чтобы Громов со своими охранниками пользовался этим туннелем, – заметил Василий, прикрывая тылы.

– Значит, он знает другой путь, – отозвался Матвей, чувствуя, как участилось дыхание и засосало под ложечкой. Экстрасенсорная система отзывалась на какую-то опасность впереди, на «ветер зла». – Мы вообще-то не с того начали. Надо было сначала нанести визит Громову домой, выяснить его намерения, чей он авеша, что собирается делать с оружием Инсектов. Возникает и такой, например, вопрос: почему он только теперь вспомнил об оружии? Отчего не воспользовался им раньше?

– Потому что не знал, где оно, – резонно заметил Василий. – Или не позволяла ситуация. Теперь же у него земля горит под ногами, псы спецслужб стали наступать на пятки, вот и пришло время взяться за сверхоружие, способное изменить баланс сил в его пользу.

Продолжая разговаривать шепотом, они углубились в туннель не менее чем на километр, дошли до нового тупика, но тут же обнаружили за стеной еще один ход и опять пустили в ход ломик и саперные лопатки.

Этот туннель оказался даже и не туннелем, а овальной трубой с фосфоресцирующим покрытием, зеленоватым, рельефным, но очень скользким. Идти по нему на подъем было бы очень трудно, но, к счастью, он вел под уклон, и, вспомнив свое путешествие под дачу Ельшина, друзья решили применить тот же способ: переместили заплечные ранцы на грудь, легли на спину и покатались вниз, притормаживая изредка кинжалами.

Труба хода нырнула глубже под углом сорок пять градусов и вынесла их в зал с еще одним Храмом Инсектов, каких они еще не встречали. Скорее всего, это был МИР формикоидов, муравьев разумных, если судить по его муравейникоподобной форме. Перед встающими с пола людьми возвышался удивительной красоты купол с гармоническим узором многочисленных окон, входов и сложной системой подвесных дорог, соединяющих входы. Материал купола напоминал крупнокристаллический красно-коричневый гранит, а

обрамление входов и дороги – щебенку из какого-то минерала наподобие малахита. Самым же удивительным было то, что щебенка эта казалась ничем не скрепленной, не склеенной, камни просто касались друг друга, но почему-то держались, не рассыпаясь.

Как и в других подземных пещерах с МИРами, в этой полости высотой не менее двухсот метров светился сам воздух, поэтому «муравейник» формикоидов был виден во всех деталях. Однако стоило Матвею и его спутнику сделать шаг к нему, как их ослепили вспыхнувшие с двух сторон прожекторы.

– Рад приветствовать вас, ганфайтеры, в МИРе формикоидов! – раздался чей-то насмешливо-сочувственный голос, и из темноты ближайшего входа в «муравейник» вышел координатор «Чистилища» в сопровождении комиссара-пять Валерия Шевченко. – Мы ждем вас здесь уже третьи сутки, прямо заждались, господа волкодавы. Уж думали, не случилось ли что! Валерий Егорович никак не хотел верить, что вы явитесь вдвоем.

Громов сделал два шага вперед и остановился, почувствовав растущее напряжение друзей.

– Сопротивляться не советую, вас расстреляют с трех сторон, не спасет ни реакция, ни бронежилеты. Предлагаю мирные переговоры.

– Разве у нас есть выбор? – сразу успокоился Василий, снимая свой шлем. – Привет, Валера.

Шевченко вскинул руку в приветственном жесте. Было видно, что он чувствует себя не в своей тарелке.

– Выбор есть всегда. По легенде, даже такие выдающиеся личности, как Владимир Ульянов, шли на компромиссы, спасая свою шкуру. Но не беспокойтесь, я не предложу ничего такого, что шло бы вразрез с вашей нравственной позицией.

– Конкретнее.

Громов не ответил на реплику Василия, ожидая реакции Матвея, который наконец определил количество снайперов, держащих их на мушке: стрелков было действительно трое, да еще телохранители координатора «ККК» в количестве четырех-пяти человек, прячущиеся в глубине непросматриваемого входа в «муравейник». Со всеми можно было бы потягаться в меткости и отбиться, но что-то смущало Матвея, какой-то неучтенный им фактор, и без разгадки этого фактора начинать бой он не хотел.

Шагнул вперед, снял шлем.

– Вас всего девять человек, полковник, учтите это, когда начнете маневр. Этой команды будет недостаточно, чтобы остановить нас. Начинайте свои переговоры.

Громов усмехнулся, повернул голову к Шевченко.

– Валерий, позови генерала.

Шевченко поманил кого-то из глубин МИРа формы-коидов, и оттуда собственной персоной появился начальник военной контрразведки, подошел к Громову.

– Здравствуйте, Соболев. Давно хотел познакомиться с вами, да все никак не удавалось.

– Он здесь для того, – сказал Дмитрий Олегович, – чтобы вы убедились в чистоте моих помыслов. Мне нечего скрывать от тех, кто защищает честь и достоинство людей.

– Короче, – не выдержал Василий, – все мы умеем говорить красиво.

– Раньше или позже «Чистилище» прижмут к стенке, – продолжал Громов. – А мы еще далеко не закончили чистку государственного организма от вирусов коррупции, стяжательства, воровства, рэкета, грабительства, всего того, что называется криминально-государственным беспределом. Я нашел способ...

– Кто это – я? – перебил Дмитрия Олеговича неугомонный Василий, продолжая бдительно прикрывать спину Матвея.

Громов глянул на него глубоким потемневшим взглядом, помолчал, и Матвей, чтобы сгладить неприятное впечатление от реплики друга, пояснил:

– Он имел в виду – чей вы авеша?

– А вы как думаете?

– Конкере.

– Что ж, интуиция у вас по-прежнему на высоте. Я – авеша Монарха, но имя Конкере мне уже не подходит. Все течет, все меняется, в том числе и направление моей деятельности. И характер, конечно. Можете называть меня Лекс [\[81\]](#).

– Постойте, – обескураженно проговорил Никушин, прислушивающийся к разговору со все большим изумлением. – Не могли бы вы ввести меня в курс дела? Я до сих пор не могу прийти в

себя от того, что увидел... – начальник «Смерша» махнул рукой на купол Храма формикоидов, – а вы еще добавляете...

– Потерпите, Андрей Витальевич, – сказал Громов. – Все скоро разъяснится. Итак, Соболев, я действительно ждал вашего появления. «Игла Парабрахмы» находится здесь, в саркофаге последнего императора формикоидной цивилизации, но включить его, активировать, сможете только вы.

– А сами-то вы что же? – бросил Василий.

– «Игла» заблокирована для любой проекции Монарха. Впрочем, и для большинства иерархов тоже. Воспользоваться ею могут лишь Ангелы и Архонты. Видите, насколько я с вами откровенен? В принципе все мы окажемся в вашей власти, когда вы активируете контур «Иглы», но я этого не боюсь. Что вы на это скажете?

Матвей ответил не сразу. Его все еще смущал таинственный психологический фактор, уловленный подсознанием, но не фиксируемый умом.

– Соболев, нутром чую, это ловушка! – едва слышно проговорил Василий на ухо Матвею.

– Согласен, – ответил Матвей обоим сразу, надеясь, что Балуюев поймет его так, как требуется. Выхода у них в самом деле не было. – Но я слышал, что наш общий знакомый Ельшин тоже ищет оружие Инсектов в МИРе под своей дачей.

– Не столько он, сколько его заклятейший друг Лобанов, маршал Сверхсистемы. Однако они, во-первых, настроены корректировать реальность не в ту сторону, во-вторых, не способны реактивировать «Иглу». Их разум просто не в состоянии вынести контакт.

– А мой?

– Вы – идущий, причем очень быстро идущий, что не может не волновать иерархов, обладающих видением будущего.

– Ведите! – Матвей шагнул ко входу в Храм формикоидов.

– А я, пожалуй, подожду тебя здесь, – сказал Василий. – Если, конечно, не возражает атаман.

– Не возражаю, – небрежно ответил Громов.

Делегация скрылась внутри МИРа-Храма древних разумных муравьев, и Василий остался в пещере вместе с двумя рослыми стражами координатора «ККК» и начальником военной контрразведки, который тоже пожелал остаться. Вдвоем они обошли «муравейник»,

разглядывая его со смешанным чувством суеверного страха и восторга, делясь на ходу впечатлениями, и Василий вычислил остальных членов команды Громова. Дмитрий Олегович не солгал, снайперов и в самом деле было трое: двое сидели под самым куполом пещеры, в естественных нишах, третий – в одном из выходов «муравейника».

Тревога в душе Василия росла по мере того, как таяли секунды, и наконец достигла той черты, за которой по всем законам ганфайтерного предчувствия следовало реагировать на внешние раздражители. Прости, Соболев, сказал сам себе Балуев, но я больше верю своей интуиции, чем доброжелательным посулам лидера «Чистилища», а она мне подсказывает, что дело дрянь! Пора начинать контригру...

– Андрей Витальевич, – негромко обратился к Никушину Василий. – Делайте вид, что все идет нормально, и выслушайте меня. Потом сами решите, что делать. Вы вляпались в достаточно гнусное дело, несмотря на все заявления и действия шефа «Чистилища». Да, я понимаю, почему вы примкнули к «чистильщикам», но рано или поздно любая такая система должна скатиться в пропасть обыкновенной борьбы за власть. Что и происходит на самом деле. Пока вы полезны Громову, он ваш друг, но стоит только дать понять, что вы тоже лидер... а вы именно лидер, и все станет на свои места. Вы начнете мешать, если уже не мешаете ему. Вполне допустимо, что он и сюда взял вас только для того, чтобы с помощью оборудования древних Инсектов выяснить ваш потенциал и... оставить вас тут навсегда! Я сказал все. А теперь думайте.

Вопреки ожиданиям Василия, Никушин не стал прикидываться возмущенным, становиться в позу и доказывать, что у него были самые благие намерения. Он продолжал все так же задумчиво идти рядом, изредка посматривая на сверкающий утес МИРа формикоидов, и Василий сделал вывод, что начальника «Смерша» давно грызут сомнения в правильности выбора.

– Что вы предлагаете? – спросил наконец после долгих раздумий начальник контрразведки.

– Если вы не удивились этому феномену в Недрах Москвы, то не удивляйтесь и тому, что я скажу: Громов – не просто лидер группировки трех «К», он – проводник более жесткого варианта Закона обратного действия, закона возмездия, пропагандируемого Союзом

Девяти – негласным, но реальным правительством страны. Мало того, он еще является носителем многореального существа – Монарха Тьмы, с которым мы с Матвеем уже имели честь встречаться. Если он добьется власти...

– Извините, – перебил Василия Никушин, – я мало чего понял из вашей невразумительной речи, да и звучит она слишком... – Андрей Витальевич поискал слово, – слишком мистически, чтобы не сказать определеннее, и все же я согласен помочь вам. Так что же вы предлагаете?

– Освободиться от этих ребят, стерегущих выход, и помочь Соболеву избавиться от включения в МИР... э-э... в этот «муравейник». Нутром чую, что-то здесь нехорошее затевается, несмотря на «честные» предложения Громова.

– Все это настолько выбило меня из колеи... – Никушин с каким-то омерзением глянул на узорчатую стену «муравейника» формикоидов, – что никак не могу прийти в себя... Неужели такие замки засекречены лишь для того, чтобы хранить в них оружие?.. – Он словно опомнился, придвинулся ближе к Балуюеву. – Я готов. Но справимся ли?

– Возьмите на себя снайпера, который сидит в «муравейнике». Кстати, как он туда попал?

– Они рассаживались при мне, я помню дорогу.

– Отлично. Я возьму на себя остальных.

Никушин в сомнении покачал головой, потом вспомнил все, что знал о ганфайтерах, и, махнув рукой, согласился.

– Эй, орлы! – окликнул он мощных телохранителей Громова, лениво жующих резинку и не обращающих внимания на удивительный Храм Инсектов. – Пойдемте со мной!

– Не велено, – с ленивой небрежностью ответил великан со шрамом над бровью. – Приказано ждать здесь.

– Прошло уже полчаса, а от них ни слуху ни духу, даже по рации не отвечают. Что-то случилось, надо идти выручать. Заглянем одним глазком и вернемся, если все в порядке.

Телохранители переглянулись, сдвинули автоматы на живот и направились следом за Никушиным и Балуюевым. А когда углубились в коридор, Василий атаковал их, стоя спиной к обоим, из самого невыгодного положения, когда никто не ожидал атаки. Первый

громила получил удар в кадык и надежно отключился, второй едва успел поднять ствол автомата, не успев нажать на спуск, как Василий левой рукой отвел ствол в сторону, а правой сверху вниз перебил ему ключицу, добавив затем для верности косой шоку.

Оглянувшись на шум, Никушин перевел взгляд на Василия, который пожал плечами, как бы говоря: что тут такого? – и воскликнул с искренним восхищением:

– Цены вам нет, перехватчики! Может быть, еще поработаем вместе в контрразведке?

Василий отнял у одного из упавших телохранителей автомат, кинул Никушину, сделал жест пальцами, показывая наверх. Себе взял второй, выглянул из прохода и, определяя местоположение первого снайпера, стал ждать, пока Никушин начнет свою часть операции.

Ждать пришлось недолго. Спустя минуты три-четыре послышался неясный шум, шлепок, и откуда-то сверху свалилось тело прятавшегося на третьем этаже «муравейника» стрелка, ударилось о пол пещеры и осталось лежать неподвижно. В то же мгновение Василий метнулся вперед, направляя ствол «никона» в точку на высоте шестидесяти метров, где в нише над карнизом сидел снайпер, и едва успел удержать палец на спуске. Снайпер вдруг стал падать вниз, отдельно от него мелькнула винтовка с оптическим прицелом: с гулким ударом тело рухнуло на россыпь камней одновременно с винтовкой. Затем из ниши показались голова и плечи Самандара и тут же скрылись.

Василий перевел взгляд и ствол автомата в другую сторону, где прятался второй снайпер, но там все было тихо, никто не стрелял и не высовывался. Зато через минуту в пещере появился Иван Терентьевич Парамонов, быстро подошел к Балуюеву.

– Вовремя вы начали.

– Там есть еще один стрелок, – опомнился Василий, показывая взглядом на стену пещеры.

– Он спит, – спокойно ответил Иван Терентьевич. – У нас мало времени. Соболев внутри?

– Вместе с Грозовым и его командой.

– Пойдемте туда, если мы еще не опоздали.

Парамонов быстро направился ко входу в МИР формикоидов, к нему присоединился невозмутимый Самандар, и Василию пришлось

догонять их чуть ли не вприпрыжку. Встретившийся им Никушин только оторопело хлопнул глазами, уступая дорогу, пока Василий не махнул ему рукой – следовать за ним. Догнал Парамонова.

– Что случилось, Иван Терентьевич? Как вы здесь оказались? Где Ульяна?

Парамонов пренебрег последним вопросом, отвечая на первые два:

– Как же вы все-таки торопитесь, ганфайтеры! За вами не угнаться. Если бы не Ульяна, мы не успели бы сюда... А случиться может непоправимое, – бросал на ходу Парамонов. – В этом МИРе находится саркофаг императора формикоидов, представляющий собой одновременно аналог самого древнего компьютера и фантоматический генератор. Активировав его, Соболев может стать его частью, деталью, «блоком решений», ибо саркофаг – сложнейшая система МИРа, включающая в себя многие технические и биологические объекты. Если мы не поможем вашему другу, он никогда не выберется из системы, утонет в наведенной ею ложной реальности.

– А если мы освободим его?

– Необходимо психическое освобождение, а не физическое. И вдали от саркофага он останется всего лишь его деталью, будет жить в призрачном мире, созданном фантоматом.

– Зачем же Громову понадобилось обманывать Соболева? Он сказал, что здесь спрятано оружие, «Игла Пара-брахмы»...

– Контактируя с «блоком решений», Громов станет управлять саркофагом-компьютером дистанционно, обходя блокировку иерархов, а главное, сможет включить ту самую «Иглу Парабрахмы», которая находится в другом МИРе. Без саркофага «Иглу» включить невозможно.

– Так вот оно в чем дело! Недаром я все время чувствовал какой-то подвох. Ай да Громов, ай да Монарх! Уговорил, как салажат!

И в этот момент они вышли в центральный, тронный, зал «муравейника», в центре которого сверкал, как друга кристаллов, саркофаг-трон императора формикоидов, с помощью которого сотни миллионов лет назад он управлял своим городом-государством.

В отличие от Василия Матвей сразу догадался, что у Громова, помимо откровенно высказанных желаний, есть собственный расчет в том, чтобы именно он, Соболев, включил саркофаг. Но Матвей

понадеялся на свои силы и знание предмета, рассчитывая, в свою очередь, подчинить себе технику древних муравьев или же вовремя выйти из игры. Что выйти без посторонней помощи не удастся, он понял уже в первые мгновения своего «подключения».

В зал с троним императора формика сапиенс они вошли всем отрядом: Громов и Матвей впереди, четверо его телохранителей во главе с Шевченко – сзади. Затем охранники рассредоточились по залу, не слишком глаза на его убранство, а Громов подвел Матвея к саркофагу, напоминающему асимметричный сгусток кристаллов разной формы, образующий «трон» в форме пепельницы под шатром из светящихся оранжевых перепон, растяжек, нитей и жгутов.

– Тебе ничего не надо делать, – сказал Громов, сдерживая нетерпение. – Надо лишь стать в центре этой «пепельницы» и ждать, пока саркофаг не проснется. Ты это почувствуешь. А потом волен решать, что с нами делать. Но прежде выслушай предложение. Помоги мне здесь, в реальности твоего мира, и я помогу тебе там, в других мирах «розы реальностей», когда ты дойдешь до них. Это говорит тебе не координатор «Чистилища», а Монарх! А теперь иди.

Ощущая себя как во сне, а вернее, как на сцене во время репетиции какой-то фантастической пьесы, Матвей на деревянных ногах взобрался на помост, сооруженный из досок поверх сверхскользкого покрытия вокруг трона, вошел под шатер и встал на дно кристаллической «пепельницы», освещаемый бестеневым свечением шатра.

Сколько он простоял так, в каком-то сомнамбулическом состоянии, вспомнить впоследствии не удалось. А потом восприятие мира вокруг скачком изменилось.

Краски стали ярче, и количество их оттенков достигло, пожалуй, двух сотен, диапазон слуха расширился беспредельно: он стал слышать все звуки в зале и за его пределами, даже на поверхности земли, в том числе – звук движения атомов собственного тела! Горизонт видения резко раздвинулся. При желании он мог бы разглядеть и камни на поверхности Луны!

Изменилась и чувственная сфера Соболева. Он теперь ощущал свет, любые электромагнитные колебания, полет элементарных частиц, танцы полей и даже дрожь вакуума – рождение и смерть виртуальных частиц!

Затем на мозг обрушился океан информации. Ибо, полностью открыв себя, Матвей обрел полноту понимания ситуации. Он ощутил все человечество сразу, стал как бы продолжением мозга каждого человека в отдельности, вобрал в себя все его боли, муки и радости, ожидание, мечты и скорбь. И воспринимать это было странно, жутко и интересно, больно и мучительно сладко...

Но вот ощущение чужих чувств стало отдаляться, затухать, наметилась система в определении очагов наиболее сильных эмоций и устойчивых переживаний. Пси-сфера человечества разбилась на массивы – эгрегоры, многие из которых «ворчанием сторожевой собаки» ответили на вторжение чужой воли.

И вдруг произошел еще один скачок в ощущении-восприятии мира: Матвея словно вставили в гнездо, как лампу в телевизор, как предохранитель в электрическую схему, и он всем телом почувствовал удар чужой, инородной, нечеловеческой воли, ломающий его собственную, заставляющий признать чужую власть над своим сознанием. «Стены» этой воли сдавили нервную систему, сверху на голову упала тысячетонная плита чужого приказа, и Матвей стал проваливаться в болото дурмана, в колодец необычайных ощущений и транса, подобного наркотическому...

Он изо всех сил рванулся из этого «болота», освободился на несколько мгновений от щупалец чужой воли и услышал раскатистый шепот – так Монарх пытался внедриться в его сознание, в глубины его психики.

– Не сопротивляйся напрасно, идущий! Поздно. С твоей помощью я наконец откорректирую эту запрещенную реальность так, как задумал. Все мы – иерархи, мой брат, Аморф Лекс, и я – справедливо полагаем, что необходимо новое Изменение, но только я реализую вариант, который даст шанс выжить роду хомо сапиенс. Как – это уже другой вопрос, ты и сам будешь участвовать в этом процессе.

Бог никогда не отменяет того, что он однажды решил, если даже нам и кажется, что происходит нечто противоположное, вспомнил Матвей слова Хранителя и стал сопротивляться еще яростней. Но древний компьютер формикоидов был сильнее воли одного человека. Если бы Матвей мог выйти в ментал, он перешел бы на невовлеченное созерцание и отстранился бы от витально-ментального нападения, но блок иерархов не позволял ему сделать этого. И вот, когда он готов был

окончательно утонуть в «болоте» чужих мыслей, образов и желаний, раствориться в них без следа, чья-то твердая горячая рука выдернула его оттуда, и Матвей ощутил себя всадником в рыцарских доспехах, сидящим на гигантском – величиной с гору! – коне. В следующее мгновение пришла догадка: «конем» этим был эгрегор Хранителей, вливший в него свежие силы, а «доспехами» – мысли-чувства Посвященных: Самандара, Парамонова и Ульяны Митиной.

– Слушай внимательно! – проник в тело Матвея тонкий вибрирующий голос. – Прямое подключение твоего сознания к менталу невозможно, поэтому придется идти более сложным путем – через «И», мозг-волю твоего друга. Это опасно, но он согласен. Кроме того, нам помогут иерархи – Горшин и Светлана, хотя и ценой своей свободы... если не жизни.

– Если жизни – я не согласен!

– Думай не о них и даже не о себе, думай о Мироздании. Громов – игрушка в руках Монарха, а вся его возня – предлог для того, чтобы в нашей реальности появились не проекции иерархов и других многореальных существ, а их личности. Это – конец реальности, конец Земле, человечеству, всем нам. Поэтому слушай и делай! Тарас и Светлана готовят КЗ – короткое замыкание информационного поля на приемник в нашей реальности, в данном случае – на твой мозг. Разряд универсума минует ментал, и ты успеешь освободиться до выхода на Землю перечисленных лиц. Продержись какое-то время.

– Продержусь! – ответил Матвей, цепляясь сознанием за образ Кристины, слившийся с образом Ульяны, и последние секунды до обещанного «короткого замыкания» был почти счастлив...

Четверо охранников Громова вместе с Шевченко вскинули автоматы, но стрелять не стали, застыв на месте, стиснутые волевым рапортом Парамонова. Зато среагировал Громов, сразу сообразив, кто и с какой целью проник в «муравейник». Кроме автомата, он был вооружен «глушаком», «болевиком» и «дыроколом», словно собирался воевать с целой армией, владел мысленным внушением и меозом, позволяющим жить ускоренно, и знал приемы э-боя. Поединок с ним оказался тяжелейшим испытанием для всего отряда Балуева.

Первым погиб Никушин, получив разряд «глушака», а затем пять пуль из «никона». Зато его смерть отвлекла Громова и позволила Самандару в облике призрака преодолеть полсотни метров и

обрушиться на противника. Василий тоже было рванулся туда же, но был остановлен Пармоновым.

– У нас другая задача, ганфайтер. С вашей помощью мы свяжемся с Соболевым и поможем ему выйти из системы саркофага. Но это опасно для здоровья, предупреждаю.

– Давайте разделаемся с этим воякой...

– Будет поздно. Стойте и слушайте.

И Василий вынужден был стоять и в бессилии наблюдать за поединком Посвященного и авеши Монарха. Поединок этот закончился гибелью обоих: Громов разрядил в Вахида Тожиевича все оружие, которое имел, в том числе и «невидимое копье», но Самандар достал его в последние мгновения своей жизни жестоким усиро куби симэ и держал до тех пор, пока Громов не перестал двигаться. Оба упали. Именно в этот момент открылся канал «короткого замыкания», созданный Горшиным и Светленой, и Василий бесконечно долгое мгновение стал видеть, слышать и понимать все, что чувствовали и понимали остальные.

Затем сознание Балугева померкло, а когда он пришел в себя, то увидел склонившуюся над ним Ульяну. Потряс головой, прошептал:

– Я уже на том или еще на этом свете?

– На этом, на этом, – ответила Ульяна, протягивая руку, по ее щеке ползла слеза. – Как вы себя чувствуете?

– Спереди плохо, сзади еще хуже. Точно я сижу в холодной луже, – процитировал Козьму Пруткова Василий.

– Вставайте, нас ждут.

Василий кое-как поднялся, с удовольствием опираясь на нежную, но сильную руку девушки, и увидел стоящих возле тела Самандара Матвея и Ивана Терентьевича. Сразу вспомнился бой, тело заныло, запульсировало болью, словно и оно получило несколько пуль и копье «дырокола».

– О черт! Он... мертв?

Ульяна кивнула, украдкой вытирая слезу, сползшую по щеке.

– Но ведь он и раньше... в него стреляли... и ничего.

– Луч «дырокола» разрезал его пополам...

Василий беззвучно выговорил ругательство, не решаясь подойти к Матвею, кивнул ему.

– Получилось?

– Скорее да, чем нет. Соболев остался частью системы саркофага, но может действовать самостоятельно.

– Что это значит?

– Только то, что он, как всегда, избрал свой путь.

– Какой же?

– Скоро узнаем. Но все мы сейчас едем к даче Ельшина, где разворачивается еще одна драма. Не боитесь? Ведь риск – сто процентов!

– Я привык, – криво усмехнулся Василий. – С вами – хоть в преисподнюю!

Ульяна кивнула, разглядывая лицо Балугева огромными влажными глазами, и ему на мгновение стало трудно дышать от нахлынувшей нежности, тоски и тревоги.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Пройти к МИРу под дачей Ельшина можно было только через туннель секретного метро, и Матвей не колеблясь выбрал этот путь, хотя и знал, какие трудности предстоит преодолеть.

Благодаря прорыву метасознания Горшина и Светлены в реальность Земли образовался специфичный внечувственный мостик, соединяющий Матвея с третьим уровнем энергоинформационного континуума – универсумом, и теперь он снова мог переходить в состояние меоза-самадхи, позволяющее ему оценивать обстановку вокруг до мельчайших подробностей. Подключенное поле взаимодействий саркофага Инсектов не мешало мыслить, анализировать, чувствовать и принимать решения и ощущалось гигантским горбом, висящим на спине, питающимся его мыслями и эмоциями. Но страха не было, Матвей знал, что в любой момент может сбросить с себя «горб» чужой воли, потому что эгрегор Хранителей продолжал поддерживать его, служить психофизической опорой, своеобразным «конем».

Подъехав к заброшенному угольному складу, откуда начинался спуск к ветке секретного метро, они первым делом обезоружили команду Лобанова, стерегущую вход. Боя не было, Парамонов и Матвей мысленным усилием просто приказали шестерке боевиков сойтись во дворе и бросить оружие.

Точно так же они обезоружили еще четверых боевиков уже в самом туннеле метро, заодно выяснив у них, что маршал «СС» и бывший генерал ФСК Ельшин в сопровождении восьми охранников проследовал здесь всего час назад.

– До бункера Ельшина около десяти километров, – сказал Матвей, оглядывая отряд – Парамонова, Ульяну и Василия. – Транспорта нет, придется бежать, времени в обрез.

– Неужели нельзя сделать себе колеса? – проворчал Василий. – Или крылья. Какие вы Посвященные, если не можете даже летать?

– Способы передвижения в пространстве усилием мысли – следующая ступень Посвящения, – серьезно сказал Иван

Терентьевич. – Этим в нашей реальности владеют немногие люди Внутреннего Круга.

– Он пошутил, – сказал Матвей, повернулся и побежал, постепенно наращивая скорость. Ульяна догнала его и пристроилась рядом. Парамонов бежал следом, а замыкал группу Василий, которому пришлось тяжелее всех. Энергетика человеческого тела, даже самого тренированного, не позволяла развивать скорость больше сорока километров в час, и поэтому к бункеру Ельшина Василий прибыл почти бездыханным, но отстав от остальных всего на пять минут.

Бункер с электропоездом охранялся еще тремя дюжими молодцами, которые все же успели открыть огонь по ворвавшемуся отряду неизвестных. Двоих взял приказом «спать» Парамонов, третьего – Матвей, внушив ему, что он окружен целым взводом спецназа.

И в это время все одновременно почувствовали мягкий толчок в голову – словно пошатнулся весь скальный массив под землей, – и в воздухе прозвучал тихий хрупкий звон лопнувшего бокала.

Матвей и Парамонов посмотрели друг на друга, понимая, что Ельшину удалось наконец вызвать Монарха.

– Вниз, к Храму арахнидов! – бросил Матвей. Оглянулся на Ульяну. – А вам с Василием придется остаться здесь и попытаться задержать Ельшина, когда он выйдет из своего компьютерного бункера. Только не лезьте на рожон, достаточно создать видимость сопротивления. Возьмите автоматы и поливайте дверь свинцом издали.

Ульяна хотела было возразить, сказать, что они способны на большее, но, глянув на Матвея, отступила. Такого неумолимого, невероятно спокойного, полного силы и знания взгляда, каким посмотрел на нее Матвей, она еще у него не видела! Подтолкнула Василия, как и она, почувствовавшего власть друга, к электропоезду, проводила Матвея к спуску в подземную полость с Храмом Инсектов. Соболев, не оглядываясь, скрылся в проломе, и Ульяна украдкой перекрестила его спину, мысленно произнося заклинание:

– Спаси его и помилуй!..

Ельшин не заставил долго ждать себя. Медленно открылась толстая стальная дверь, ведущая от лифта, и оттуда вышел закованный в латы монстр! Таково было первое впечатление Василия. Затем он

понял, что монстр с единственным горизонтальным глазом-щелью – внушенный образ, и открыл огонь из «никона», целясь прямо в глаз.

Ощущение-видение разбилось на два изображения происходящего. В одном пули отскакивали от серебряных лат одного монстра, смахивающего на льва и насекомого одновременно. В другом Ельшин, сосредоточенный на своих мыслях, просто отбивался от пуль рукой.

Не подействовал на него и «болевик». Лишь когда Василий нажал гашетку «дырокола», Ельшин-Монарх наконец обратил на него внимание и нанес ответный удар, превративший «сигару» электропоезда в смятый лист бумаги. Если бы не вмешательство Ульяны в момент нанесения удара, которая вступила в схватку на психофизическом уровне, Василия не спасла бы и его реакция.

Когда он выбрался из-под корпуса поезда на карниз перрона, Ельшин уже скрылся в проломе, направляясь к туннелю, ведущему в МИР арахнидов. Почему Монарх вышел один, без Лобанова, объяснялось просто: маршал «СС» был не нужен авешу Монарха, и он превратил Олега Кареновича, жаждавшего абсолютной власти, в «чертополох», растениевидный конгломерат. Но Василий этого не знал и потерял несколько минут, поджидая босса Сверхсистемы. Потом плюнул и принялся искать Ульяну, которая, оказывается, находилась совсем рядом – лежала навзничь у пролома с открытыми глазами, прижав руки к горлу, и ничего не видела. Василий с трудом, словно расталкивая воду, подбежал к ней, наклонился, проверяя пульс, и услышал ее почти беззвучный шепот:

– Он... остановил... сердце... я... справлюсь... помоги... Матвею...

Василий скрипнул зубами, раздираясь между желанием остаться и мчаться на помощь, поцеловал Ульяну в губы и тяжело побрел по коридору вслед за Ельшиным, все убыстряя шаги. Через несколько секунд он уже бежал...

Матвея и Ивана Терентьевича перехватили на верхней галерее, опоясывающей купол пещеры с МИРом арахнидов и скульптурой Инсекто-Сфинкса, боевики Лобанова и киллеры из группы поддержки, которые были оставлены в туннеле метро, не сдержали любопытства и проникли в подземелье. Всего их набралось на галерею человек десять, и Матвею пришлось пробиваться к спуску в условиях

многовариантной атаки, используя все свои навыки ганфайтера и знание приемов э-боя. Киллеры московского киллер-клуба драться в основном не умели, зато отлично владели всеми видами холодного и огнестрельного оружия. Поэтому, когда они начали стрельбу, Матвей ответил адекватно, мгновенно определяя, кто перед ним, по свечению ауры и одному ему известным другим ощущениям. Парамонов шел следом и «работал» с нападающими в пси-контакте, создавая иллюзионные картины, сбивающие прицел, отвлекающие боевиков «реальными» фигурами новых действующих лиц.

Легко пройдя дезорганизованную толпу боевиков, как вязальная спица проходит сквозь шерсть, оставив пять остывающих тел (киллер-команду) и четверых покалеченных из охраны Лобанова, Матвей и его спутник соскользнули по трубе спуска на дно пещеры и были встречены противником посерьезней: министром обороны Гусевым, его личной дружиной телохранителей-«зомби» и ликвидаторов в количестве двенадцати человек.

– Не торопитесь, бегущие! – произнес Федор Иванович обыденным тоном, но так, что у Матвея свело скулы. – Предлагаю выбор: или неторопливая беседа с последующим договором – на моих условиях, разумеется, либо полная дезинтеграция. Весьма мучительный процесс, должен вам сказать. Что вы предпочитаете?

– Лекс! – пробормотал Матвей.

– Вижу, – невозмутимо ответил Парамонов, добавив на метаязыке:

– Я их отвлеку, ты должен успеть.

– Ну что вы, не успеет! – скучаяще проговорил Гусев-Лекс, также на метаязыке. – Что это вас на подвиги потянуло, Иван Терентьевич? Жить, что ли, надоело? Только-только нашли себе Ученика, такие горизонты открылись впереди – и вдруг элементарная драка! Несolidно как-то!

– Чего ты хочешь? – странно дрожащим голосом спросил Матвей. Глаза его засияли изнутри ледяным голубым огнем, по волосам пробежали голубые искры, кончики пальцев засветились.

Лицо министра дрогнуло, он с недоумением глядел на фигуру противника и, видимо, что-то почувствовал, потому что сделал знак рукой своим телохранителям. Четверо тотчас же сменили автоматы на гранатометы, а двое направили на стоящих неподвижно Парамонова и

Соболева раструбы метателей сеток-ловушек. Но приказа стрелять Гусев отдать не успел.

На галерее с гулким всхлипом-ударом, погнавшим тугую воздушную волну, появился Ельшин-Конкере.

Мгновение всех четверых – Гусева, Ельшина, Соболева и Парамонова – связывало поле трансового взаимодействия, создающего эффект взаимопонимания, а затем Парамонов, первым оценивший появившийся шанс, нанес пси-удар, словно две пощечины, Ельшину и Гусеву на их личных психочастотах, и они спонтанно разрядили свои «батареи» магических знаний друг на друга.

Вздрогнул пол пещеры, зашатались стены, с которых посыпались глыбы и пласты камня, вспышка безумного света ослепила солдат Гусева! Задрожали атомы воздуха и всех предметов, находящихся в зоне магического разряда. В том числе – атомы и молекулы человеческих тел. Все, кто находился в этот момент в зале пещеры, завопили хором от нестерпимой боли, попадали без сознания. Лишь усилием воли и защитным действием эгрегора Хранителей Матвею удалось удержать ясность сознания и владение телом. А затем он стремительной молнией рванулся мимо Гусева-Лекса к замку МИРа арахнидов и скрылся за порталом главного входа.

К чести «проекций» Монарха и Аморфа Лекса, они не стали продолжать выяснять отношения между собой, сразу сообразив, чем это им грозит. Важно было не допустить Соболева к «трону» арахнидов, сохранившему способность реактивировать «Иглу Парабрахмы», поэтому оба получеловека-полунасекомых-полудьявола сосредоточили свое внимание на посмевавшем бросить им вызов.

Но как бы ни были малы силы друзей, прикрывающих спину Матвея, – пренебрежительно малы, по мнению Аморфов! – они все же не дали последним уничтожить его.

Василий, появившийся на галерее следом за Ельшиным, открыл огонь из «дырокола» одновременно с начавшим пси-атаку на Гусева Парамоновым.

Два выстрела прорезали голову Ельшина-Монарха, замедлив его движения, вырубив сознание Ельшина-человека, прежде чем Монарх швырнул Балуюева вниз с высоты ста с лишним метров.

Выпад Парамонова отключил сознание Гусева-человека, также парализовав его на некоторое время, прежде чем Гусев-Аморф

превратил Ивана Терентьевича в каменную статую.

Ульяна Митина, Посвященная Внутреннего Круга, которая наконец восстановила дыхание и появилась в этот момент на галерее, успела только смягчить удар тела Василия о дно пещеры, и тоже была парализована жестоким мысленным приказом Монарха: замри!

Мгновением позже в зале с МИРом древних разумных пауков появились другие действующие лица: инфарх в сопровождении декарха, Хранитель Матфей, Трое из Девяти – Бабуу-Сэнгэ, Рыков и отец Мефодий, а также координатор Союзов Неизвестных Хуан Франко Креспо.

И наступила вдруг поразительная тишина!..

Свет в пещере померк, стены ее перестали качаться, камни – падать со стен, любое движение прекратилось.

Затем инфарх, неслышно ступая, словно по воздуху, приблизился к Парамонову, дотронулся до него рукой, постоял в задумчивости, оглядывая зал, Храм Инсектов, остановил взгляд на Сфинксе. Никто не шелохнулся, не произнес ни слова, даже Ельшин-Монарх и Гусев-Лекс. И вот Сфинкс зашевелился, расправил все свои многочисленные члены, лапы и крылья, сошел с пьедестала и... превратился в Матвея Соболева!

Так они стояли друг против друга, с виду – обыкновенные люди: седой, высокий, в белоснежных одеждах инфарх, имя которого было известно, наверное, только Создателю, и молодой человек в камуфляж-комбинезоне с сияющими голубыми глазами, ганфайтер и перехватчик Матвей Соболев, пока наконец губы инфарха не раздвинулись в дружелюбно-осуждающей усмешке.

– Успел-таки, бегущий? И что же ты теперь будешь делать?

Вместо ответа Матвей двинулся к телу Василия, остановился над ним, дожидаясь, пока тот откроет глаза. Затем подошел к Парамонову и тоже стоял рядом до тех пор, пока тот не шевельнулся, оживая. Повернул голову к галерее, где все еще стоял Ельшин, и тотчас же галерея «протекла» жидкой смоляной струей на пол пещеры, образуя желоб, по которому соскользнуло вниз тело Ульяны. Через минуту очнулась и девушка, села на полу, поправляя волосы чисто женским кокетливым движением.

Матвей отвернулся и по очереди посмотрел на главных действующих лиц этого мистического спектакля. И когда он заговорил,

голос его был ровен и сдержан.

– Уходите все! Оставьте нашу реальность в покое. Нам не нужен контроль ни одной из сторон. Необходима не постоянная коррекция, а стабилизация реальности! Дайте нам возможность развиваться самим.

– В таком случае человечество погибнет! – хмыкнул Ельшин-Монарх.

– Пусть будет то, что будет! В моей власти сейчас уничтожить вас всех, превратить в растения, уменьшить в размерах до величины атомов! Я могу изменить реальность в масштабе Земли, Солнечной системы... – Матвей повел рукой, и неведомая сила искривила очертания Храма Инсектов, разгладила стены пещеры до зеркального блеска, испарила всю толщу горных пород до самой поверхности Земли, и впервые за миллионы лет на дно пещеры, ставшей котлованом, упали лучи нежаркого осеннего солнца.

– Что же тебя удерживает от этого шага? – как равный равного спросил инфарх.

– Соблазн! – ответил Матвей, подставляя лицо солнцу. – А соблазн велик: воскресить всех погибших – Илью Муромца, деда, Ивакина, Дикого, Никушина... Создать свой мирок на каком-нибудь острове в океане... или вообще уйти в другую реальность с переходом в нирвану... Но я знаю: стоит только начать – и уже не остановиться!

Матвей закрыл глаза, улыбнулся печально и насмешливо, прочитал строки, давно запавшие в душу:

И раскатился Божий глас:

«О человеческий род нелепый, Вы все умом и знаньем слепы, И тот, кто слабый, отступал, И кто в гордыне восставал.

Вы в разных сектах гнули выи, Чтоб были прокляты другие (Но, кто учил вас, знать не мог, Что думает об этом Бог).

Конец пришел безумству света, До вас мне больше дела нету.

А ведь хотел глупцам помочь.

Болваны проклятые, прочь!

Свифт Д. Судный день.

– Не слишком ли круто, Господь? – улыбнулся и инфарх.

Матвей вздохнул.

– Все правильно, я не Господь. И даже не аватара. Мой путь земной не пройден до конца, и пусть он соответствует Закону восхождения. А теперь – уходите!

– Давайте, давайте, не задерживайтесь! – подал голос оживший Василий. Подошел к Матвею, обнял его за плечи. К нему присоединился Парамонов.

– Один за всех?

– И все за одного! – засмеялась, подходя, Ульяна.

– Мы уходим, – сказал инфарх, поглядел на Троих из Девяти Неизвестных. – Господа, для вас наступают трудные времена. Думаю, в ближайшее время граница реальности будет перекрыта и на помощь иерархов надеяться будет нельзя.

– Мы обойдемся своими силами, – вежливо поклонился Бабуу-Сэнтэ.

– Только не вздумайте баловаться «волнами исключения», – обернулся Василий, ища взглядом Рыкова. – Мне это порядком надоело. Соболь, а не перевести ли их в касту рангом ниже?

– Очень решительный молодой человек, – сказал Матфей, обращаясь к инфарху. – Похоже, он может исполнить свою угрозу. – И Хранитель исчез.

За ним удалились, сохраняя достоинство, Трое из Девяти и не произнесший ни слова координатор Союзов Неизвестных. Монарх и Аморф Лекс покинули тела своих хозяев незаметно, словно им стало стыдно, хотя вряд ли в их запасе эмоций такое ощущение имело место.

Инфарх посмотрел на солнце, на небо над головой в космах облаков, на стену леса над обрывом котлована.

– Прощайте, Посвященные. Едва ли мы встретимся в ближайшее время. Моя работа в запрещенной реальности закончена. Но учтите, сюда сейчас идет колонна танков, вызванная министром обороны, а с аэродрома в Гобареве готовится к старту эскадрилья МИГ-31. Справитесь без «Иглы Парабрахмы»?

– Раз плюнуть! – пообещал Василий.

– В таком случае...

– Минуту, Архонт, – быстро проговорил Матвей, видя, что инфарх собирается исчезнуть. – Вы только что проговорились... Горшин во время одной из трансляций заронил в мою душу сомнения... я действительно был запрограммирован на выполнение задачи, которую решил только что? Кем? Вами? Архонтами, Ангелами?

– Мирозданием, – ответил инфарх с необидной насмешливостью в голосе. – Если только жизнь во всех ее проявлениях можно назвать

«запрограммированной». Но следует признаться, что без вашей помощи, бегущий, мы не смогли бы оставить Землю в покое. Аведи иерархов и других многореальных существ сейчас покидают и другие страны, так что масштаб событий намного больше, чем вы себе представляете.

– Нет, я это вижу. – Матвей помолчал немного. – Тогда последний вопрос: какова судьба вашей спутницы Светлены и новообращенного Тараса Горшина? Что с ними?

– Они... живы, – сказал инфарх мягко, и в нем на мгновение проступил облик Светлены. Матвей с запозданием вспомнил слова Монарха, что Светлена – всего лишь эмоциональный двойник инфарха. И это подтверждало его догадку, что сам он, Матвей Соболев, действительно «сидел» в узле программ Архонтов. Но неужели все его подвиги были запрограммированы ими? Может быть, кроме расчета, существовали и чисто человеческие эмоции: расположение, симпатия, вера, надежда?..

Инфарх улыбнулся, его не стало.

На дне котлована остались стоять друг против друга Гусев с ожившей зондеркомандой, Ельшин, Посвященные и Соболев с Балугевым.

– Уходите, Иван Терентьевич, пока я не вышел из контура «Иглы», – сказал Матвей. – Когда я восстановлю все как было, здесь начнется ад, министр не смирится с поражением. Хотя в принципе я могу отправить вас в любую точку земного шара.

– Не можешь! – покачал головой Парамонов. – Это коррекция реальности, а ты уже дал слово.

– Но мы останемся вчетвером против армии, танков и самолетов... ишь как глазами сверкает, волчара! – вполголоса заметил Василий, кивая на Гусева. – Эх, будь моя воля, я бы его тут же и похоронил. В саркофаге Инсектов...

– Справимся, – сказала Ульяна. – Один вы стоите целого взвода.

– Бери выше – роты!

– Но, если они выберутся отсюда, весь мир узнает о МИРах Инсектов! Этого нельзя допустить.

– Я закрою выход... когда все уйдут отсюда – Матвей поднял вверх кулак, и тотчас же свод пещеры вернулся на место, с гулом дернулись стены, сияние МИРа арахнидов померкло, скульптура

Сфинкса вернулась из небытия, и люди впервые за миллионы лет существования запрещенной реальности оказались предоставленными сами себе.

Г. Орехово-Зуево, июль 1995 г.

notes

Примечания

1

"Барс» – Ассоциация ветеранов спецслужб. Сейчас она называется «Вымпел-Союз».

"СК» – сокращенно от «Стопкрим».

3

Гранд-оператор – управляющий сетью спикеров. Подчиняется лично комиссару-5.

Спикер – лицо, координирующее действия командиров групп (монад).

Со сменой вывески ФСК на ФСБ изменилась и кличка контрразведчиков с «фискалов» на «федепасов»

6

Некомбатант – гражданское лицо.

Седан – первый дан в карате.

Дуаньда (дуань – короткий, да – удар, кит.) – удар в технике ближнего боя.

Сингитай – «триединство» (гармоничное развитие духа, тела и техники) – школа карате-до.

ГУО – Главное управление охраны РФ.

ОБЕД – охранно-боевая единица, численность варьируется в зависимости от условий сопровождения.

У Сфинкса, сохранившегося до наших времен, повреждено лицо и с головы сбита повязка.

VI—V тысячелетия до н. э.

С конца позднего неолита, 20—30 тысяч лет назад.

Атэ-вадза – тычковыя удары в уязвимые места

Дзесинмон – Врата непоколебимого духа (яп.)

Хатидан – восьмой дан, кюдан – девятый (в классификации карате-до)

Вакрасана – «скрученная» поза, сукхасана – «приятная».

Курс выживания и разведывательно-диверсионных действий.

ФАПСИ – Федеральное агентство президентской службы информации.

Суперсовременный противовоздушный и противоракетный комплекс, способный обрабатывать до 200 целей одновременно и управлять в залпе сразу 48 ракетами на высотах от 25 метров до 30 км и на дальности до 188 км

Машина залпово-коврового огня

Светозвуковые гранаты: громкость взрыва – до 170 дБ, яркость вспышки – до 60 млн КДж.

Граната выбрасывает шесть светозвуковых элементов на расстояние до 15м

Консервус – раб того же хозяина (лат.).

УСО – Управление специальных операций.

Эмбра – настоящая женщина, отличающаяся женственностью и притягательностью.

"Русский национальный освободительный фронт».

Лихтенберг Г. К. (1742—1799) – знаменитый немецкий ученый и писатель.

Сэйдai-до («Создание тела») – техника улучшения состояния костей и мышц, увеличение подвижности суставов, поддержание энергетического баланса

"Унибос» – школа реального боя

Суй-но ката – ускользание от атак (кэмпю).

Иккадзе – очередность приемов

Кумадэ – «медвежья лапа», удар в карате.

Сантоша одна из заповедей ниямы – кодекса личного поведения йога.

Сонник – квартира (воровской жаргон, «блатная музыка»)

Игрушка – револьвер, пистолет

Лепень – пиджак

В настоящее время военная контрразведка находится в подчинении ФСБ

Атэ-ми – комплекс шоковых ударов по болевым точкам

Авеша — вселение в тело другого человека (древнеинд. эзотерич. термин).

дхарана – медитативное сосредоточение

Блан де Сент-Бонне.

Моха – состояние неведения (эзотерич термин).

Раппорт – связь индуктора с перцепиентом, наведенная передача.

Хорхе Луи Борхес.

Указ о передаче группы в систему МВД, после которого из нее уволилось более пятидесяти процентов личного состава.

Пананджакман – малайский бокс.

Туй фа – техника ног (кит.).

Пашу-бхава — живущие в свое удовольствие, вира-бхава — обладающие стремлением к духовному развитию, но честолюбивые и эгоистичные люди, дивья-бхава — помогающие другим, не думающие о личной выгоде (древнеинд. эзотерич. касты).

Апариграха — пятое из воздержаний в буддизме: следует придерживаться

Взгляд ниже пояса считается «животным» уровнем реагирования, в глаза — «человеческим», поверх головы — признаком высочайшего мастерства.

СВСС – система военной спутниковой связи.

Иммобилайзер – электронное устройство блокировки электрических и топливных систем автомобиля.

Вазех Мирза Шафи (1796—1852), азербайджанский поэт, просветитель.

СЭР – система электронной разведки.

Сютю-рёку – концентрация силы.

Кан-сю – рука-копье (тычковый удар вытянутыми или сжатыми пальцами).

Тяо-яо – техника прыжков (кунг-фу).

Paupoda – отряд многоножек (лат.).

Coleoptera – жесткокрылые (жуки) (лат).

Lepidoptera – чешуекрылые (лат.).

Isoptera – термиты (лат.).

Усиро куби симэ – удушение сзади.

круги нейтрализации (вращательные движения).

Шоку – удар в переносицу.

Фонфу – удар в затылок.

Кири-коми – удар рукой в дзюдо.

Джарасандха – школа индийского карате – кушти.

Vespidae – осы (лат).

Бодхисатва – в буддизме махаяна идеальное существо, выступающее как наставник и образец для других людей, ведущее их по пути нравственного совершенствования.

Сомэн-цуки дзёдан – прямой удар в верхнюю плоскость тела.

Джет Кун До – «путь опережающего кулака», развитие системы Брюса Ли Дэном Иносанто и Полом Ванеком.

К. Прутков.

ПАН – подразделение активного наведения, ПРОПАЛ – подразделение разовой оперативно-агентурной ликвидации.

Кришнамурти Дж. Проблемы жизни, т. 1.

Чи-мэй – смертельный удар (кэмпо).

Винсент де Поль.

в индуистской мифологии нисхождение божества на землю, его воплощение в смертное существо ради «спасения мира», восстановления закона и добродетели.

,ко-гэри ка-суми – удар ногой в висок.

Lex – закон (лат.).